АХСАРБЕК
АГУЗАРОВ

СЫН КУЗНЕЦА

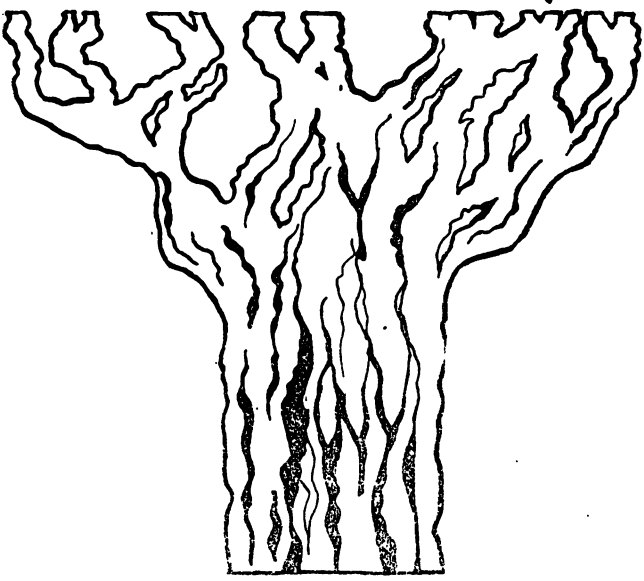

ИР

АХСАРБЕК
АГУЗАРОВ

СЫН КУЗНЕЦА

Роман в двух книгах

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИР» * ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1989

84 Осет
А-27

Перевод с осетинского
Б. Гусалова

А-27 **Агузаров А. Т.**
Сын кузнеца: Роман в 2-х книгах. — Орджоникидзе: Ир, 1989.—449 с.

ISBN 5-7534-0328-х

Роман в двух книгах охватывает исторический отрезок времени с начала Великой Отечественной войны до семидесятых годов.

Автор прослеживает трудный путь коммунистов-первопроходцев Аузби, Татари и на примере другого, молодого поколения вскрывает некоторые существенные противоречия в развитии нашего общества.

А $\frac{4702470000—102}{M131(03)-89}$ 11—89 84Осет

ISBN 5-7534-0328-х © Издательство «Ир», 1989, перевод, оформление

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ РОМАНА «СЫН КУЗНЕЦА»

Роман «Сын кузнеца» был написан, как сейчас принято говорить, в застойное время. Первая книга издавалась на осетинском языке в 1974 году, вторая — в 1980 году.

Для того времени, должен заметить, он был довольно смелым.

С тех пор и в жизни, и в литературе произошли большие изменения. Нынче многие настроены, я бы сказал, агрессивно к нашему советскому прошлому, подвергают его острой критике.

Мое поколение пережило и коллективизацию, и голод, и войну, и это дает мне право утверждать, что все 70 лет Советской власти наш народ строил социализм. Какие только испытания не выдержал он, особенно в годы Великой Отечественной войны. Вот где была продемонстрирована прочность социалистического строя, дружба народов, непоколебимый дух советских людей от рядового солдата, рабочего, колхозника до Верховного Главнокомандующего! Обо всем этом я говорю потому, что в литературе все чаще наша история изображается только мрачными красками. Я считаю, что это в высшей степени несправедливо. Да, были и ошибки, и перегибы; ложь, грубейшие нарушения законов, бюрократизм надолго стали, к сожалению, нормой для властей предержащих. Горькие уроки... Все это было, и об этом надо писать. Я только отвергаю крайности в суждениях. От всесокрушающей критики, как и от хвалебных басен недавнего прошлого, мало пользы.

Сегодня перестройка открывает безграничные возможности для оздоровления общества, для освобождения его от пут бюрократизма. Думаю, что такие дорогие сердцу автора герои романа, как старый большевик Аузби и колхозный кузнец Татари, обеими руками голосовали бы за перестройку.

Роман «Сын кузнеца» в 1982—83 годах я переработал, хотя ни образная система, ни сюжетные линии не претерпели почти никаких изменений. На русский язык переведен доработанный вариант.

Известно, что перевод всегда сопряжен с какими-то потерями. Не составил исключения, наверное, и роман «Сын кузнеца».

У русского читателя может вызвать недоумение, что в романе почти все обращаются друг к другу на «ты». Дело в том, что у осетин не принято обращение на «вы и по имени-отчеству даже к старшим.

Кстати, о традициях. В последние годы лучшие, я бы сказал, прекрасные традиции осетинского народа основательно пошатнулись. Уходит в прошлое уважение к старшим и многое другое. Почему? Трудный вопрос. Мы свое слово сказали. Хочется надеяться, что более полный ответ дадут будущие поколения писателей.

Автор.

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Дом Татари Бердзенова ничем особенно не выделялся среди других домов селения Тагардон, расположенного на берегу шумной горной реки.

Строил его Татари долго, добывая все необходимое — до последнего гвоздика — нелегким трудом колхозного кузнеца. Дом из обожженного кирпича — три комнаты, кухня и веранда — своим фасадом с четырьмя окнами выходил на довольно широкую улицу. Невысокий дощатый забор, который ограждал со стороны улицы приусадебный участок и двор, как бы открывал хозяйство Татари для всеобщего обозрения. Впрочем, большинство дворов Тагардона были открыты взору прохожего.

От деревянной лестницы в три ступеньки у крыльца узкая мощеная дорожка вела к огромному раскидистому ореху, под которым стояли крепко сколоченный из буковых досок стол и длинная скамья,— обязательные принадлежности нехитрого крестьянского быта. В дальнем конце двора находились коровник и сарай для овец и птицы с решетчатыми окнами в сторону сада, где между фруктовыми деревьями каждый год высаживали немного картофеля, фасоль, лук, чеснок, горький перец и всякую зелень.

Чуть свет уходил на работу Татари. От зари до зари слышалось в кузне тяжелое уханье молота и легкий перестук молотка. И только вечером, заслышав мычанье коров, возвращающихся с пастбища, Татари бросал работу и шел домой, чтобы помочь своей жене Фатимат управиться со скотиной и вечерними хлопотами по дому. Идет Татари степенно по улице, и сидящие у ворот старухи встают, приветствуя его. Где-то на соседней улице играет гармоника. Нет, это не свадьба — его бы заранее известили и пригласили. Просто молодежь после работы опять затеяла танцы...

Татари идет по аллее вдоль ручья, протекающего мимо домов. Здесь вперемежку растут пирамидальные тополя, щелковица, груши, яблони, слива. Фрукты уже наливаются. Проходя мимо, он всегда придирчиво осматривает деревья — около

десятка из них сажал сам. Тогда же он и у своих ворот высадил два тополя, пару тутовников и три скороспелые груши. Тополя вон как уже вымахали, Татари еще издали их замечает, и душа его радуется. Много ли человеку нужно для счастья?..

Под шатром грецкого ореха на длинной скамье сидит Мурат, уткнувшись, как обычно, в книгу. Разорвись рядом бомба, и то не услышит, где уж тут приход отца заметить...

— Лаппу!* — Татари опустил руку на плечо сына. Тот, вздрогнув, вскочил на ноги и с виноватым видом пожаловался:

— В нашем классе все уже прочитали эту книгу, а я вот только... «Как закалялась сталь», может, слышал?

— Что, о кузнеце книга? Так я тебе лучше всякой книги объясню — стоит ли из-за такой науки глаза портить? — Татари был доволен, что сын любит читать, но и душа болела,— худобу Мурата он вменял в вину книгам.

— Не о стали тут речь, а о людях, которые крепче стали. Гражданская война, строительство железной дороги. Павка Корчагин звали главного героя.

— Были герои, были. Хорошие люди.

— Павка ослепнет. Молодым...

— Сгорел, значит. Хорошие люди рано сгорают. Читай, но хоть на часок отрывайся от книги,— ласково проговорил Татари.

Со смуглого худощавого лица Татари никогда не сходило выражение глубокой сосредоточенности, потому, наверное, он казался суровым. Но дети-то знали, что у отца добрейшая душа, и не обижались.

Мурат отложил книгу и пошел следом за отцом, и пока Татари переодевался в домашнее, он принес в кувгане теплой воды и полил ему на руки. Черная мыльная вода с рук отца стекала в маленький медный тазик, и Мурату стало как-то неловко за свои чистенькие, белые руки.

Фатимат процеживала сваренное накануне пиво. По ее усталому виду Татари понял, что ей опять порядком досталось за день. От природы она была не очень крепкой женщиной, да и слишком рано оказалась под тяжелой ношей, которую взваливает на невестку жизнь в осетинской семье. Семнадцатилетней девушкой пришла она в этот дом и застала здесь старика и больную старуху, младших братьев и сестер своего мужа. Но у нее, несмотря на хрупкий вид, как говорил Татари, крепкой оказалась кость. Никто никогда не слышал от нее жалоб на трудную жизнь. Только к полуночи, перед сном, она подолгу сидела на кровати, медленно расчесывая волосы на ночь и перебирая нелегкие думы. А утром, чуть свет, вска-

* Лаппу — сын, мальчик, молодой человек.

кивала и принималась за дела с таким видом, словно большего удовольствия для нее в жизни не было.

Сосед Аузби в ближайшее воскресенье женит старшего сына. А без пива какая свадьба? Вряд ли кто-то сварит его лучше Татари и Фатимат. Когда они еще жили в горах в доме деда,, у них был огромный медный котел, в котором варили пиво к большим праздникам, и не только для себя, но для ближайших соседей и родственников. Свое мастерство дед передал младшим.

— Ну-ка, на сколько пальцев выварилось пиво? — обратился Татари к своей жене.— Если меньше, чем на пять, то даже пробовать не стану.

Вытерев холщовым передником руки, Фатимат сунула большой деревянный черпак в кадушку и набрала пива:

— Попробуй сначала, потом будешь говорить.

С улицы послышалось мычание коров и жалобное блеяние ягнят. Татари поспешил отворить ворота. Первой появилась пестрая корова, за ней — стельная первотелка. Боязливо принюхиваясь, вошли овцы с ягнятами.

Мурату опять пришлось отложить книгу. Он набрал в корзину из ивовых прутьев выжимки пива — ячменный солод — и опрокинул в деревянное корыто перед коровами, а овцам насыпал зерно кукурузы.

— Подбавь баранам еще немного,— сказал Татари. Одного из баранов он отдал Аузби, а другого Татари откармливает к приезду старшего сына, Тотырбега, из Москвы,— как-никак первый курс института заканчивает.

Татари самому грамоте выучиться не удалось, только два года и ходил в школу,— семья голодала, не до учебы было. На все ущелье славился своим мастерством кузнец Бибо, дядя Татари. Кремневое ли ружье починить, булатную ли саблю отковать — равных Бибо не было. Только с племянником и поделился секретами своего ремесла. Но вскоре наступило время, когда в ружьях и саблях отпала нужда и бедным горцам понадобились плуги и лемеха, бороны и подковы. И вот уже двадцать один год кузнечит Татари. Подручные молотобойцы менялись, а он все стоит у горячего горнила кузни.

Бывает, и довольно часто, когда обычно сдержанный, он выходит из себя, теряя терпение при виде разбитых копыт лошадей — не привели вовремя их подковать; при виде сломанных колес бричек и двуколок — не позаботился какой-то нерадивец о ремонте. В итоге страдает общинное, колхозное дело. И тогда Татари не скупится на хлесткое слово в адрес разгильдяев.

Перед сном Татари любит посумерничать, сидя под орешиной. Обычно, погожими вечерами, семья ужинает здесь же Вот и теперь дети уже здесь, сорванцы. Мурат, пятнадцатилетний мужчина, закончил семь классов. Учителя, словно сгово-

ривишись, в один голос хвалят его. Шустрая кучерявая Фуза перешла в третий класс. Чуть что — и колокольчиком заливается смешливая пятилетняя Рима. А Тотырбег, его гордость, не сегодня-завтра нагрянет... Татари вздохнул. Если кто из детей и смущает его отцовское сердце, так это Асланбег, младший сын. Неугомонный, задиристый, вызывающе дерзкий. И в кого такой уродился?

На днях к нему в кузню пришли жаловаться две женщины. Соседского мальчика побили двое с другой улицы, ровесники Асланбега. Недолго думая, он ринулся в погоню и избил обидчиков. Вечером Татари срезал с тутовника гибкий прутик и кликнул сына. Асланбег, не будь дурак, сразу все понял и в мгновение ока взлетел на вершину дерева.

Татари подхватил камень:

— Сейчас же спустись, не то запущу в тебя!

— Даже если ты и не попадешь в меня, я сам брошусь вниз головой, и тогда смотри,— мальчик изобразил пальцами решетку и, довольный, рассмеялся.— Вот откуда ты будешь выглядывать.

Татари оторопел, потом тоже громко расхохотался. Поймал сына только в постели, но бить, конечно, уже не стал, только отчитал честь по чести...

Асланбег медленно привстал и повернулся к Мурату:

— Вот ты не верил, что я выучу поэму «Салимат» наизусть. А ну, послушайте...— он подобрался, вздохнул и срывающимся на крик голосом начал:

— Харитон Плиев. «Салимат». Поэма.

Ты величаво вознесся,
белоглавый, в горах,
Скалы твои и утесы
Трепет наводят и страх.

Мурат с улыбкой наблюдал за братом. Ему нравился бойкий характер Асланбега, может быть, потому, что сам был стеснительным и робким.

Отец и мать тоже внимательно слушали декламацию.

Асланбег читал, ни разу не сбившись. Последнюю строфу поэмы он проговорил с таким чувством, что сам едва не заплакал:

Плеск, разлетаются брызги...
Девушку скрыла волна.

На глаза Татари навернулись слезы, и, глубоко вздохнув, он сказал:

— Так суметь написать... Сколько горя выпало на долю народа, сколько претерпел он...

2

Они удивительно хорошо смотрелись вместе.

Смуглая, черноволосая, она была красива той неброской красотой, которая для любящих глаз открывается в девушке вновь и вновь.

Он был высок, ладно сложен. Гордая осанка, порывистые движения выдавали в нем горячий темперамент. Но сейчас, оробев, Сосланбег не был похож на себя, да и говорил он непривычным для него умоляющим голосом:

— Мадинат, пойми ты меня, наконец. Я так больше не могу, не могу. Четыре года жду...

— Вот именно! Столько ждал, а теперь... Ну что мне, забросить дипломный проект и заняться приготовлениями к свадьбе?

— Значит, ждать еще? Нет, тебе просто доставляет удовольствие мучить меня. А я никого так...— он смущенно замолчал: не пристало горцу клятвенно заверять девушку в своей любви...

— Ага, значит, есть и другие, не столь любимые?..

— Ловко ты меня...— он невесело улыбнулся.— И чего ты надумала учиться на архитектора, когда тебе прямая дорога была в следователи?

— А ты не ловись на слове, дорогой учитель истории.

Сосланбег покачал головой. Все такая же, ничуть не взрослее, чем тогда...

...Тридцать седьмой год. Июнь. Мадинат — выпускница средней школы. Отец решил отметить такое знаменательное событие.

Этим же летом Сосланбег, окончив институт, вернулся в родное село учителем истории, и тоже, конечно, был приглашен на семейное торжество.

Сосланбег помог освежевать теленка, потом прошел под навес. Появилась Мадинат с медным кувганом. Медленно намыливая руки, Сосланбег украдкой разглядывал девушку — как же он до сих пор не замечал ее? Стройная очень, и потому, наверное, кажется чуть ли не с него ростом. Смуглое лицо словно озарено внутренним светом. В уголках губ притаилась мягкая чуткая улыбка,— кажется, малейший повод, и она от души расхохочется.

— Наверное, сейчас твое сердце резвится белым ягненком? — Сосланбег тихо засмеялся.

— Почему ягненком? Птицей. И упорхнуло...

— И куда же оно улетело?

— До самого Ленинграда.

— Вот это да. А что оно там забыло?

— Архитектуру...

— Архитектуру?

Сосланбег растерянно заморгал. Шутит? Не похоже... Ему захотелось отговорить ее, призвать на помощь людей, чтобы они... Так и замер Сосланбег от неожиданной догадки: кажется, он полюбил эту девушку...

Через несколько дней Мадинат уехала. Сосланбег ждал ее, хотя отец Аузби и мать Госама торопили его, старшего среди пятерых братьев, со свадьбой. Когда ему особенно досаждали, Сосланбег обычно отделывался шутками: «Я не держу младших, пожалуйста, жените их. За меня не тревожьтесь, в девках не засижусь...»

А с Мадинат встречались только во время летних каникул, и то таясь от всех...

— Затянулась твоя преддипломная практика. Да и тему какую выбрала — «Гражданское строительство в эпоху социализма». Не высоко ли замахнулась?

— Ну вот еще! Ты должен воодушевлять меня, а не крылья обрезать. А вот Дзамболат верит в меня.

— Какой Дзамболат? — вскинулся Сосланбег.

— Председатель Совнаркома. Удивительно, молодой, и уже на таком посту. Умница. Я просто без ума от него.

— Ничем не могу тебе помочь, кроме как посочувствовать: он женат. И, говорят, у него прекрасная жена...— Сосланбег с улыбкой смотрел на Мадинат. Брови ее взметнулись вверх, нос пренебрежительно сморщился:

— А у тебя только одно на уме, ничто другое тебя не волнует.

— А что меня еще должно волновать? Значит, так,— решительно сказал Сосланбег.— Завтра первое воскресенье июня. А третье — день нашей свадьбы. Потом не говори, что не слышала.

— Ты с ума сошел? Забыл, что у меня есть отец и мать, старший брат?..

— Их доверим Аузби.

— Хитрый ты какой. Скажут моим, что сам Аузби просит руки их дочери для своего сына, так меня тут же выставят за порог: «На, забирайте, будьте уж так любезны! А то еще передумаете...»

— Вот и правильно, давно пора.

— Ладно, Сосланбег. Я побежала. Если есть желание, пойдем со мной, познакомлю с Дзамболатом. Не может быть, чтобы он не знал Аузби.

— Аузби, Аузби... Чирей тебе на язык! Который раз вслух произносишь это имя?

— Прошу прощения, но я еще не сноха ему, так что законов адата я не нарушила.

— Хорошо, на первый раз прощаю. Но в Совнарком иди одна. И слышишь, в городе долго не задерживайся. Да, можешь пригласить Дзамболата на нашу свадьбу.

* * *

В первый раз, чтобы попасть на прием к председателю Совнаркома, Мадинат прибегла к помощи своего брата Бимболата, который был дружен с Дзамболатом со времен их совместной работы в комсомоле.

Но тогда Мадинат даже толком не успела рассказать о цели своего прихода: Дзамболата два раза вызывала Москва, и вообще он торопился на какое-то совещание. Извинившись перед девушкой, он назначил встречу на сегодня, в шестнадцать ноль-ноль.

...Председатель Совнаркома поднялся и, выйдя из-за стола, пошел ей навстречу, неслышно ступая по красной ковровой дорожке. Как и при первой встрече, Мадинат удивили глаза Дзамболата, ей казалось, что от их внимательного, проницательного взгляда ничего не ускользает.

— Рад тебя видеть, очень рад! Проходи, садись и, пожалуйста, не смущайся. Сестра Бимболата — моя сестра,— Дзамболат подвел Мадинат к мягкому креслу.

Она оглядела кабинет: два больших стола, книжный шкаф, географическая карта мира, на стене — портреты Ленина, Сталина, Калинина.

— А как поживает мой друг? Ох, и заядлым спорщиком он был! Максималист! Да тогда мы все любили схлестнуться. Молодость! — Дзамболат мечтательно улыбнулся.— Вот и ты, наверно, такая же.

— Я не столь уж юная,— полушутя ответила Мадинат.

— Ну, с этим трудно согласиться. Впрочем, не успеешь оглянуться, как вчерашний ребенок становится инженером, архитектором, врачом. И в наше время многие уезжали учиться в Москву и Ленинград, а сейчас так вообще валом валят. Вашему поколению можно только позавидовать: все дороги открыты.

— Это благодаря вам, старшему поколению...

— Старшему — да. В твоем родном Тагардоне живет один из тех замечательных людей. Я Аузби имею в виду, Булатаева.

Мадинат почувствовала, как при этом имени у нее запылали щеки. К счастью, Дзамболат ничего не заметил.

— А вы знаете его? — неожиданно для самой себя спросила Мадинат.

— Как не знать Аузби? Редкой души человек, добрый, мудрый. Ну так чем могу быть тебе полезным? — мягко спросил он.

— Многим. Прежде всего мне нужно знать, какими путями пойдет развитие экономики города и республики в целом. Какие заводы, фабрики, объекты социального, культурного назначения предполагается строить?

Город Орджоникидзе не имел еще генерального плана развития, хотя над ним уже давно работали. Но когда он будет готов, этого никто не знал. Дзамболат и не надеялся, что эта юная девушка сделает нечто такое, что существенно ускорит разработку генерального плана. Но чего не бывает, пусть примет посильное участие, а вдруг да предложит что-нибудь стоящее?

Дзамболат задумчиво проговорил:

— Знаешь, иногда и я люблю помечтать. Представляю наш город с такими же широкими и светлыми проспектами, с такими же красивыми зданиями, как в Ленинграде. Я побывал там в позапрошлом году с группой ответственных работников. В свое время по инициативе Сергея Мироновича Кирова Ленинград взял шефство над нашим городом, столь дорогим сердцу Мироныча. После его смерти о шефстве стали понемногу забывать, а ведь мы в нем крайне нуждались. Нас принял председатель Ленинградского горисполкома Алексей Николаевич Косыгин. Запомнилось, как он обратился к руководящим работникам города: «Сергей Миронович, будь он жив, сказал бы, думается, такие слова: нужно оказывать всемерную помощь братскому осетинскому народу». Вот тогда-то и обязали архитекторов Ленинграда разработать генеральный план развития нашего города. Работа потихоньку подвигается. Но ты не бойся, и на твою долю хватит,— пошутил Дзамболат.

— Мне нужно написать дипломный проект...

— Напишешь. Я поручу республиканской плановой комиссии, чтобы тебе предоставили все необходимые данные. Изучишь наши предложения — поделись своим мнением, я в свою очередь выскажу тебе некоторые свои соображения. Мне думается, что тот, кто планирует жилье, не должен забывать о том, что в этих домах жить не одному поколению людей. И еще... Земли у нас, пахотной я имею в виду, не очень много. Но это не значит, что улицы нашего города своей теснотой должны напоминать узкое Касарское ущелье. И город без парков, без зеленых массивов не город. Когда-то Энгельс писал, что города будущего видятся ему небольшими и компактными, утопающими в зелени. Мы призваны заботиться не только о наших современниках, но и о своих потомках...

Дзамболату была приятна жадность, с которой она его слушала, поэтому он заговорил и о том, чего никак не собирался затрагивать в этой краткой беседе: о реконструкции заводов «Электроцинк», «Вагоноремонтного», завода стеклянной тары, швейной фабрики. Он говорил о строительстве новых заводов, фабрик, которые, безусловно, потребуют притока рабочих сил, а, стало быть, и вызовут необходимость

строительства жилых домов, административных и школьных зданий, дворцов культуры, детских садов...

...Председатель Совнаркома республики и студентка архитектурного факультета увлеченно обсуждали насущные вопросы будущего, совершенно не подозревая о том, что не пройдет и трех недель, как коварный враг круто изменит все их мирные планы.

* * *

Жителей Тагардона охватила тревога. На большой площади в центре села стихийно возник митинг. Все село от мала до велика было уже здесь. Подъехала грузовая машина с опущенным задним бортом. В кузов поднялись первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома и военком района. С речью к народу обратился первый секретарь райкома, кряжистый мужчина среднего роста.

— На нашу землю пришла война. Она постучалась в каждый дом. Кто эту беду наслал на нас? Кому она выгодна? Гитлеру! Капиталистам, которые, приведя фашизм к власти, теперь вручили ему оружие. Они давно точили на нашу социалистическую Родину свои кровожадные зубы. Но мы верим, что эти зубы будут раздроблены! — Он говорил не по бумаге, не очень связно, но горячо и вдохновенно, и завершил свою речь неожиданным заявлением:

— Завтра я ухожу на войну!

Мурат выжидающе посматривал на отца, удивляясь, почему тот медлит с просьбой об отправке на фронт — не отставать же ему от других...

— Слово предоставляется красному партизану, старому большевику Аузби! — послышалось с трибуны.

Аузби стоял, держась одной рукой за рукоять серебряного кинжала, а другой оглаживая бороду, задумчиво уставившись под ноги. Встрепенулся, услышав свое имя. Еще чуть помедлив, он решительно направился к машине...

— Дорогие мои односельчане,— стараясь говорить спокойно, начал Аузби.— Я вот что хочу сказать. Я видел и немцев, и турок, и Деникина со Шкуро! Все они узнали нашу силу. Освобожденный из-под ярма обратно под него живым не встанет! Предпочтет смерть рабству! Мы были раздеты и разуты, голодные и холодные, но мы знали, во имя чего проливали свою кровь, и потому были непобедимы. Не примите за бахвальство, но и сам хоть сейчас готов встать в строй. Но если я потерял былую зоркость глаз и крепость рук, то... Где-то тут должны быть наши дети...

Раздались голоса:

— Сосланбег!

— Махамат! Отец вас зовет!

— Амурхан!

Сквозь толпу к машине стали пробираться сыновья Аузби. Вслед за высоким и худощавым, как отец, Сосланбегом шел Махамат, усатый, в отличие от остальных братьев. Шутка ли — агроном колхозный. Амурхан в галифе, в хромовых сапогах, в тонком бешмете и золотистого цвета каракулевой шапке, пожалуй, был красивее всех братьев. Гацыр, студент горно-металлургического института, приехал вчера в Тагардон, чтобы повидать родителей, братьев. Ростом он не удался, но на игрищах, которые молодежь села устраивала на берегу Тагардона, никто не поднимал такого большого камня, как коренастый Гацыр. Самый младший, высокий и тоненький, как верба, восемнадцатилетний Науруз от смущения не мог сдвинуться с места. Мурат толкнул его локтем.

— Отец тебя ждет.

— С помощью советской власти я и ваша мать воспитали вас. Теперь настал ваш черед показать, какими вы стали мужчинами. Вы мои сыновья, но вы не только мои дети. Уже с момента своего рождения человек принадлежит народу, родной стране. Настоящий мужчина узнается именно в час испытаний, в тяжелу годину! Не посрамите и свои, и мою голову. — Голос старика задрожал, но он взял себя в руки. — Пусть выйдет вам боком молоко матери, если примете позор на свои головы, если испугаетесь врага!

Татари и его старый добрый товарищ, Василий Петрович Шерпилов, колхозный колесник, стояли рядом. Василий Петрович чаще обычного поглаживал бороду, прокашливался в кулак. Татари понимал его состояние.

— Мой старший, Иван-то, служит на границе. Наверное, оказался в самом пекле... — сказал надтреснутым голосом Василий Петрович и достал из кармана платок, приложил к глазам.— А Жорка в Сибири. Осенью должен был демобилизоваться...

К глазам Мурата подступили слезы, когда он увидел, что на машину поднимается его первая учительница, как-то вдруг постаревшая Уардис.

— Двадцать один год тому назад осталась я одна, с крошечной девчонкой на руках. Отец ее погиб в бою с белогвардейцами, она родилась после его смерти. Для нее я жила, старалась воспитать нашу дочь достойным человеком. Вы все знаете ее. Она пошла по моим стопам, тоже стала учительницей. Только что дочь спросила меня, а кто, говорит, из нашей семьи пойдет на войну? И она сама же ответила, что кроме нее — некому. Буду, говорит, санитаркой, сестрой милосердия, но дома не останусь... Что я могла ей ответить?.. — Уардис вздохнула, отыскала в толпе свою дочь.— Иди, моя радость, иди. И твои ласковые руки пригодятся на войне.

Мурат с завистью слушал знакомых и незнакомых людей, ко-

торые говорили о любви к Родине, Партии, Сталину и выражали готовность сражаться с коварным врагом до полной победы, до последней капли крови; тех, кто говорил, что завтра отправляется на войну. Он понимал, что это и есть исполнение своего долга коммуниста, комсомольца, просто гражданина социалистической родины. Душа его переполнялась и тревогой, и гордостью за уходивших на фронт людей, и было до слез обидно, что ему нет еще даже пятнадцати лет. Но он знал, что отныне ответственность за семью ложится на него потому, что не сегодня-завтра Татари тоже отправится защищать Родину.

Еще не так давно, вступая в комсомол, Мурат поклялся, что и он будет защищать Родину, свое социалистическое Отечество, а если потребуется, отдаст и свою жизнь за него.

— И отдам! — это слово он сейчас произнес так, будто отвечал кому-то.

* * *

Село притихло. По вечерам не стало слышно гармоники. Расстроились многие свадьбы. Невесты плакали втихомолку, а парни, потуже подпоясавшись и взвалив на плечи дорожные хурджины, направлялись на железнодорожный вокзал.

На второй день войны уходили на фронт первые тагардонцы. Провожали их всем селением. Мурат никогда не видел, чтобы над живыми так надрывно плакали. Матери, сестры, жены уходивших на войну были безутешны. А они, завтрашние солдаты и командиры, держались, как и подобает настоящим мужчинам, с достоинством и гордостью. Они улыбались и смеялись, а группа молодых людей, среди которых был и Амурхан, сын Аузби, затянула песню «Горе» на слова Коста Хетагурова. И над привокзальной площадью разносилось:

«Горы родимые, плачьте безумно...»

Домой Мурат возвращался с отцом. Лицо Татари было суровее обычного. Он не стал даже заходить в дом — сразу же принялся смешивать песок и известь, готовя раствор. Мурат молча подносил воду, не спрашивая отца ни о чем. Татари заговорил сам.

— Долгая будет война, по всему видать. Знать, силен фашист, раз решился напасть на нас. Нелегко нам достанется победа, ох, нелегко, не малой кровью. Тебе, Мурат, оставаться за старшего в доме, Тотырбег наверняка уйдет на фронт, меня тоже не сегодня-завтра призовут. Принеси лестницу и приставь к крыше, надо промазать конек и углы. Успеть бы подправить и забор.

Работали дотемна. Ночью, лежа в постели, Мурат подумал о том, что он теперь не тот Мурат, который был всего несколько дней тому назад,— теперь он... «Тебе оставаться

за старшего в доме... Ты хозяин дома...» — вспомнились слова отца. Значит, прощай, беззаботная юность.

Татари призвали через неделю. Поезд давно ушел, а Фатимат и дети все стояли у путей, словно не веря в случившееся.

Вечером, когда пестрая корова толкнула рогами ворота, ей навстречу не поспешил хозяин. В тот вечер на длинной скамье под густым шатром грецкого ореха не сумерничал он, вокруг него не собралась семья. С того вечера семья Татари начала отсчет другого времени. А рано утром сельчане не услышали привычного перезвона из кузни, и от непривычной тишины ломило в ушах.

Мурата неудержимо тянуло на кузню: там все еще дышит присутствием отца, там каждый предмет хранит тепло его мозолистых ладоней. Он решительно зашагал на край села. Дверь кузни была распахнута настежь. На Мурата пахнуло холодом, и он не смог переступить порога. Неожиданно изнутри послышалась чья-то речь. Он узнал голос Василия Петровича:

— Не заменить мне тебя, Татари. Но некуда деваться, так уж быть, помашу молотом.

* * *

Алимат, жена второго секретаря райкома партии Александра, вернулась с работы поздно. К концу дня в больницу доставили молодую роженицу и пришлось задержаться.

Александр, сидя за письменным столом, вынимал из ящиков бумаги и тщательно перебирал их, сортируя.

— Уже собираешься? — Алимат присела рядом. Столько боли, тревоги, страха было в ее голосе, что Александр не решился поднять на нее глаза. Не прерывая своего занятия, спокойно, как о чем-то будничном, сказал:

— Еще нет. Но чем скорее призовут, тем лучше.

— А в тылу не нужны люди?

— В тылу? Нужны... Немощные старики... Женщины и дети,— Александр оторвался от бумаг и встретился с горестным взглядом жены.— Ты должна понять меня: нельзя, чтобы у человека слова расходились с делом...

— Ну, а глаз? Ты же плохо видишь...

— У меня он только болит, а Кутузов вообще был одноглазым. И Нельсон тоже...

— Они сами не стреляли...

— Ну уж врага-то я увижу.— Александр невольно потер правый глаз.— Не могу видеть мальчишек с рогатками. Сколько лет прошло, а все вздрагиваю...

Алимат встала.

— Следом за тобой уйду и я. Это мой долг — все-таки я врач...

Александр молчал. Что он мог ей сказать? Всего два го-

да, как поженились. Хорошо, что не успели завести ребенка...

— Как тебе говорит совесть, так и поступай,— сказал он.

— В больнице тоже было собрание. Я выступила. Не могла же набрать в рот воды жена второго секретаря райкома партии, сама секретарь комсомольской организации... И подала заявление...

— Но могла же она, секретарь комсомольской организации больницы, жена второго секретаря, сначала спросить мужа...

Алимат потянулась к нему и порывисто обняла. «Прощается со мной навсегда, что ли...» — поразила Александра внезапная мысль, и он прижал жену к груди. Мало ласк ей досталось от него,— собрания до полуночи, езда до одури по колхозам, совещания на разных уровнях. У нее тоже ночные дежурства, вызовы срочные и сверхсрочные — нечего и вспомнить. Надолго ли прощаются? А если навсегда? Навеки? Не это ли она чувствует своим женским сердцем?

— Не надо плакать, Алимат. Поверь, все будет хорошо. Недолгой будет война...

— Ох, Александр... Такая сила на нас идет... Но что делать? Вот нас трое врачей, да еще два фельдшера. Один инвалид, другой старик. Кому из нас идти? Одной мне... Чует мое сердце недоброе... Больше не суждено нам... Ты скажи, если меня... если я... Как ты будешь без...

— Не говори глупостей. Не в штыковые же атаки ты будешь ходить?

— А ты?

— Я... Тоже надо собираться.

...На пленум райкома партии приехал и Дзамболат. Глаза глубоко запали, лицо осунулось, во всем его облике — огромная усталость. И говорил глухим, незнакомым голосом:

— Сколько времени продлится война — никто не знает. Но в одном мы должны быть твердо убеждены: победа будет за нами. Многие опытные партийные кадры уходят на фронт, и каждому из остающихся придется работать за двоих и за троих. Мы перестраиваемся на военный режим работы. Я понимаю, что вы все рветесь на фронт. Знаю, что почти все подали заявления. Бюро обкома партии решило удовлетворить просьбы первого и третьего секретарей райкома. На место первого секретаря бюро рекомендует кандидатуру Александра.

— Я еще молод для такой должности,— возразил он.— Лучше меня отправьте на фронт. Прошу вас.

— Это не должность, а пост. Боевой пост, Александр,— ответил Дзамболат и, улыбнувшись, добавил: — Самоотвод не принимается. Решайте, товарищи...

...Александр не знал, как ему вести себя: жена уходила на фронт, а он оставался в глубоком тылу. «Эй, почтальон, от моей жены с фронта нет писем?»

...Привокзальная площадь снова была полна народу. Александр провожал Алимат с несколькими своими товарищами. На душе скребли кошки, но он старался не подавать виду.

Когда Алимат поднялась на ступени вагона, Александр не выдержал и с силой сжал ей руки.

— Позор на мою голову, Алимат. В песнях ославят меня. Ты уходишь на фронт, а я...

— Александр, я рада, что ты остаешься — значит, у меня есть теплый дом, куда мне надо вернуться, где меня ждут.

В ответ он только горько усмехнулся.

Раздался протяжный гудок паровоза. Многие из женщин заплакали в голос. Тогда и Алимат дала волю слезам. Всхлипывая, она махала рукой Александру.

3

Мадинат, захлебываясь от восторга, говорила:

— Слышали, да?

— Слышали... Мурат всю ночь ворочался, так и не сомкнул глаз. Как начнут передавать, прижмется ухом к репродуктору и слушает. Я не все понимала, но он мне переводил. Прямо солнце заглянуло в душу...

— И я до сих пор никак не приду в себя. Как хорошо он говорил! «К вам обращаюсь я, друзья мои... Победа будет за нами». Одно его слово столько веры вселило, столько сил придало... Все только об этом и говорят.

— Скорее бы кончилась война. Тогда...— Фатимат заговорщически улыбнулась Мадинат.— Тогда вернется твой Сосланбег, и такую вам свадьбу сыграем! Быка откормили соседи — в ворота не пройдет.

Мадинат опустила голову. Сосланбег... Вернулся... Как идет ему военная форма, как ладно на нем сидит. Люди окружили его, засыпали вопросами, рассматривают его награды, ахают по поводу его ранений, а он глазами ищет ее, Мадинат...

— Сказывают, и твой брат ушел. Успел хоть домой наведаться?

— Да, позавчера проводили,— рассеянно отвечала Мадинат, все еще думая о своем. Потом, словно опомнившись, скороговоркой продолжила: — Я к тебе, Фатимат, прибежала за советом. Меня ведь избрали секретарем районного комитета комсомола. Столько дел навалилось сразу: проводы на фронт, колхозы, организация бригад из старшеклассников. Мне нужна помощь старика, он же опять парторг колхоза, а как я к нему обращусь?

— Не стесняйся, Мадинат. Ты не нарушишь норм приличия, заговорив с Аузби. Он ведь партийный, поймет тебя. Да и время такое, люди не осудят. Не обязательно к нему по

имени обращаться. Говори, глядя в сторону. Он все поймет.

— Спасибо, Фатимат.

Мурат вышел к ним.

— Доброе утро, Мурат.

— Здравствуй, Мадинат.

— Мурат, я к тебе по делу.

Он улыбнулся:

— Ты ко всем по делу?

— Да. Нужно организовать бригады косарей, полеводов. И я предлагаю тебе возглавить...

— Можно хоть переодеться в рабочее? — Мурат засмеялся.

— Готовый бригадир. Все! Считай, что получил приказ райкома комсомола возглавить бригаду. Какую — полный выбор. Да, Фатимат, извини, чуть не забыла спросить... Татари пишет? От Тотырбега все еще нет известий?

— Ждем...

Мадинат ушла.

Через три дня Мурат во главе своей бригады в двадцать человек — в основном ребята с их улицы,— шел в направлении колхозного сада. Асланбег увязался за Муратом. Сшил себе из мешковины котомку, засунул в нее два байковых одеяла, одну большую алюминиевую чашку, две деревянные ложки, краюху чурека и кусок сыра, связал углы и закинул себе за плечи.

* * *

К возвращению Мадинат отец и мать уже спали. Она весь день провела на ногах, обходя бригады школьников. Работали с задором, весело,— молодость брала свое.

Мадинат зажгла керосиновую лампу и увидела на столе треугольник письма. Узнав почерк Сосланбега, схватила его, но вдруг потемнела лицом — кто-то уже разворачивал письмо. А если там...

Она дрожащими от нетерпения руками разгладила бумагу, присела у стола и, слыша стук собственного сердца, начала читать:

«Добрый день, Смуглянка! Вот выдалась свободная минута, и я пишу тебе. Как вы там? Здоровы ли твои родители? Чем сама занимаешься? Передай от меня приветы всем, кого встретишь из наших общих знакомых. По сформировании нашей части меня назначили комиссаром батальона. Через пару недель будем на передовой. Следующий раз напишу более обстоятельно. Ты меня понимаешь? Вы там не паникуйте. Эти звери еще увидят, как мы умеем воевать. Мы помним напутственные слова старших и постараемся не опозорить их седины. Всего тебе хорошего. Пиши. Мое сердце всегда с вами. Сосланбег».

Мадинат перечитала письмо. Медленно. Вникая в каждое слово. Проговорила: «Понимаю тебя, понимаю, ты как чувствовал, что письмо попадет не в мои руки и его могут вскрыть, потому так сух и скуп на слова...» Она подумала, что надо будет предупредить родителей, чтобы больше письма на ее имя не распечатывали. Мадинат подперла голову рукой и невидяще уставилась в одну точку. Вспомнила последнюю встречу с Сосланбегом. Они тогда уже были помолвлены. Он как-то виновато прятал взгляд, словно стеснялся того, что настоял-таки на своем, уговорил ее... Неожиданно рассмеялся и мечтательно произнес: «Какая ты будешь красивая в подвенечном платье!»

Они гуляли по любимым уголкам парка. Стемнело. Сосланбег, прислонившись спиной к огромному каштану, привлек ее к себе. Но тут кто-то невдалеке кашлянул, и она отпрянула от него. Так ни разу и не довелось им поцеловаться...

Милый, милый...

Мадинат достала с полки чернильницу и ручку, вырвала из середины тетради двойной лист. Несколько раз порывалась начать, но руки застывали над чистой бумагой. Она вытирала перо насухо, снова макала в чернила. И повторялась та же история. Наконец вывела первые строчки:

«...Я не боюсь назвать тебя так: любимый мой Сосланбег! Оказаться бы в эту секунду рядом с тобой, или хоть одним глазом взглянуть на тебя. Знал бы ты, как часто я вспоминаю тебя, как я люблю тебя, как мне не хватает твоего голоса, твоего смеха, прикосновений твоих рук... Ты, пожалуйста, не смейся надо мной и помни, что ты мне очень-очень нужен. Пусть не хватит у фашистов металла на пулю для тебя...

И учителя, и работники райкома и райисполкома, все-все спрашивают о тебе, передают приветы. Меня избрали секретарем райкома комсомола. С утра до ночи мотаюсь по полям. Отец ваш снова парторг колхоза. И мать вашу часто вижу. Живы-здоровы. Ты о нас не беспокойся. Мы от мала до велика работаем для фронта. Для тебя...

От твоих братьев уже приходили письма, а вот мой брат пока хранит молчание...

Приветы твоим боевым товарищам. И скажи им: мы тут болеем за вас душой, мы с вами ежеминутно, ежечасно — всегда.

Твоя Смуглянка».

* * *

На состоявшемся в начале августа партийном собрании колхоза «Иристон» Аузби внес предложение об оказании помощи Красной Армии. Собрание единогласно приняло решение об организации Красного обоза. Колхоз сдаст в фонд помощи хлеб, скот, овощи, деньги; колхозники — кто что смо-

жет из вещей: зимние рукавицы, теплое белье, шерстяные носки...

— Вы знаете, я готовился к свадьбе старшего сына и откормил быка. Теперь отдаю его в дар Красной Армии. Пусть это будет первой лептой в наш Красный обоз,— сказал Аузби.

Протокол собрания был отправлен в райком партии. Александр немедленно собрал членов бюро. Оно одобрило инициативу колхозников «Иристон» и рекомендовало опубликовать в газете обращение к труженикам района и призвать их поддержать патриотический почин тагардонцев. В ближайшем номере районки под шапкой, ставшей уже постоянной «Все — для фронта, все — для победы!», было напечатано обращение.

...Лошадьми управлял Асланбег, Аузби и Мурат сидели, свесив ноги с борта брички. Они объезжали жителей своего квартала.

— Мне как-то неудобно предлагать вам кукурузное зерно, но уж не обессудьте,— говорила Дунетхан.— Аузби, я бы ничего не пожалела, если бы... Ах, вспомнила, у меня же какие-то копейки есть еще — отдам, все отдам! Мурат, вон в углу сарая мешок кукурузы. А ты, Асланбег, поймай гусей. Они тоже пригодятся. Аузби, входи, пожалуйста, входи. Помолись одной чаркой богу, пусть ваши сыновья возвращаются с победой...

— Спасибо тебе, Дунетхан, за все, большое спасибо,— поблагодарил ее Аузби. Но та все суетилась, не зная, чем угодить гостям. Мурат следом за стариком ступил во двор. Он не раз замечал: стоило ему приблизиться к этому дому, как учащенно начинало биться сердце. А тут он даже глаз не поднял на Дунетхан — ведь она была матерью Мисурат. Интересно, где она сама, почему до сих пор не показывается? И тут он заметил Мисурат: она стояла у порога и насмешливо улыбалась. Потом подошла к нему и спросила:

— Ты за мешком? Идем, я помогу тебе.

— Как-нибудь обойдусь без помощи,— Мурат, присев на корточки у небольшого мешка, обхватил его и приподнял, потом нырнул под него и взвалил на плечо. Поднялся с большим трудом, но понес, стараясь не шататься. Мисурат шла следом, готовая подсобить ему, если вдруг он споткнется.

Мурат с размаху бросил мешок в бричку. Узел, завязанный слабой женской рукой, не выдержал толчка, и зерно через борт посыпалось на землю. Мисурат закатилась от смеха. Мурат растерянно моргал, не догадываясь схватить мешок и поставить на попа.

— Чего хохочешь? Неси быстро совок!

Потом они вместе аккуратно подгребали зерно и ссыпали в мешок.

— А остатки подберут гуси,— сказал Мурат.

Асланбег принес возмущенно гогочущих гусей, связанных по ногам, и тут увидел просыпанное зерно.

— А это...

— Не твое дело,— Мурат нахлобучил ему кепку на самые глаза.

Вышли Аузби и Дунетхан. Женщина всплеснула руками:

— Ох, чуть не забыла! Я сейчас...

Она вернулась с парой шерстяных носков, разглаживая их худыми корявыми пальцами.

— Кто его знает, вдруг война не кончится до зимы. Как свяжу еще — сама принесу.

Аузби поблагодарил ее, и бричка тронулась дальше. Мурат, спиной чувствуя на себе чей-то взгляд, оглянулся: Мисурат стояла рядом с матерью и, заслонившись ладошкой от солнца, смотрела им вслед. Наверное, улыбается ехидно, подумал он.

— Эгей! Аузби! Вижу, сыновья моего друга уже настоящие джигиты, раз сподобились быть тебе подручными. Мурат, Асланбег! Ну, что пишет мой друг? При случае и от меня пишите приветы,— Василий Петрович подошел к ним и, обернувшись в сторону дома, зычно крикнул.— Эгей! Хозяйка! А-ну выводи его!

На улицу выглянула пожилая женщина, упрекнула мужа:

— Чего ты орешь, как оглашенный? Поди сам и выводи. Здравствуйте, Аузби. Пожалуйте в дом, такой квасок у меня! И жаркое с салом.

Тем временем Василий Петрович вывел огромного борова.

— Ну как, парторг! Сойдет?

— Вот это слон! Не будь войны, отправили бы в Москву на выставку, — Аузби, восхищенно оглядев борова, сказал.

— Думали забить в честь возвращения Жорки. Да наживем еще, лишь бы скорее каюк Гитлеру. Я сам отведу в колхоз, не буду и вас утруждать.

— Ты бы, прежде чем бахвалиться, гостей в дом пригласил.

— Ты хозяйка, ты и зови!

— Мы не гости. Спасибо вам. Пусть ваши сыновья в полном здравии возвратятся в отцовский дом,— пожелал им Аузби. Асланбег тронул вожжи...

Подъехали к крашеным деревянным воротам глухого двора. Аузби постучался. В ответ — ни звука. Мурат выхватил у Асланбега толстый прут, которым тот погонял лошадей, и начал хлестать по воротам.

— Тише, ты напугаешь людей,— угомонил его Аузби.

— Да, напугаешь таких. Сидят, как в крепости...

Со двора послышался женский голос:

— Иду, иду!

Отворилась калитка в створке ворот, и на улицу выглянула Фаризат, жена Дзарахмета.

— Извини, Фаризат, мы постучались, но никто не подавал голоса...

— Дом же у нас в глубине двора, и нам плохо слышно. Здравствуйте... Пожалуйста, проходите,— женщина отступила в сторону. Но от Мурата не ускользнул недобрый огонек, мелькнувший в глазах Фаризат.

— Премного благодарны, но мы по делу. Всем миром решили отправить дары для фронта, и каждый...

— Слышала, Аузби, слышала... Но пусть мой сын не вернется, если мы сами еле концы с концами не сводим. Рады бы, да...

— Ничего такого и не просим. Что есть... Мука, зерно... Носки там шерстяные...

— Хозяин говорил, что на работе он сделает все, что нужно. Аузби, не сойти мне с места, разве мы не люди, не понимаем?

— Что ты, что ты, Фаризат! Живи и здравствуй, и пусть ваш сын возвратится живой и невредимый.

— И твоим сыновьям того же самого...

— Одинокие старушки, и те...

— Кто как может,— сказала Фаризат и так пригорюнилась, что впору было ей самой подать.

С языка Аузби готовы были сорваться обидные слова, но он сдержался, только кольнул ее взглядом и, не прощаясь, влез на козлы.

Вечером Мурат и Асланбег, искупав лошадей, привели их в конюшню. Утром предстояла далекая дорога до самого города, и Мурат послал Асланбега за тавотом, чтобы теперь же смазать колеса брички, пока ее не загрузили.

Асланбег вернулся с жестяной коробкой тавота и, спрятав ее за спиной, стал торговаться:

— Отдам, если и меня возьмешь с собой.

— Куда?

— В город.

— Лучшего ничего не придумал?

— Еще нет. А откажешь — придумаю.

— Давай коробку. Меня самого то ли возьмут, то ли нет... Может, возчик сам поедет.

— Он болен.

— Встанет, узнав, какая предстоит поездка.

— Еще глубже зароется, охота ему трястись по жаре.

— Давай сюда коробку!

— Пустишь в город?

— Я тебе что, начальник обоза?

— Если ты не начальник, то — на, сам и смазывай.— Асланбег положил коробку на землю и убежал.

* * *

Только-только забрезжил рассвет, когда со двора правления колхоза одна за другой выехали тридцать арб и бричек с красными флажками, транспарантами.

Мурат был возницей на бричке, в которой ехал Аузби, и вынужден был признаться себе, что Асланбег управлял лошадьми ловко, как-то удальски небрежно. Кажется, и лошадям было веселее с ним, они охотнее слушались младшего брата. И Мурат, словно искупая свою вину перед ними, еще ни разу не прошелся по их крупам длинным ореховым прутом, лишь замахивался, стараясь объезжать камни на дороге.

— Ты не суетись, Мурат. Лошади тоже видят, где лучше дорога,— тронул его за плечо Аузби, успокаивая.

Через некоторое время к тагардонцам присоединились обозники двух соседних сел, потом и остальных колхозов района. К тому времени августовское солнце стало припекать. Кто-то громко крикнул:

— Представителям колхозов собраться к машине Александра!

Аузби чуть раньше заметил машину, идущую наперерез обозам.

— Жди здесь,— сказал он Мурату и, легко соскочив на землю, зашагал к голове колонны.

Мурат вспомнил, как он вчера просыпал зерно, и покраснел: теперь эта языкастая девчонка будет донимать его насмешками — хоть за версту обходи ее. Кажется, кто-то свистит. И так близко... Мурат осмотрелся вокруг.

Увидел идущего Аузби, тронул лошадей. Тот на ходу, взявшись за борт, рывком влез на бричку и сел бочком.

— Давай, Мурат, погоняй. Нам выпала честь возглавить колонну всего района. Вы, сказал Александр, застрельщики, вам и идти первыми,— Аузби, сняв шапку, провел рукой по бритой голове. И, посмотрев на небо, добавил: — День обещает быть погожим. К обеду должны прибыть в город. Ты погоняй, а я прилягу.

Подстелив под собой телогрейку, Аузби прилег на мешки. Нет, не вздремнуть он собирался — так ему удобнее было перебирать свои нелегкие думы. Это уже третья война в его жизни. Чуть было не взяли и на японскую, но, к счастью, она недолго длилась. А в тридцать четыре года ушел на первую мировую. Ни царапинки не получил, хоть побывал в переделках — не приведи господи. Потом гражданская. «Но эта война... Ох, ох! Куда тяжелей она будет. Прет немец... Реки крови прольются, тысячи и тысячи молодых жизней унесет. А сыновья? Вряд ли вернутся все, хоть сердце в то не верит. Но за кого из них молиться? Пятеро сыновей — пять пальцев. Какой не отхвати — все боль в сердце отда-

ется. Все пятеро его кровь... Но Науруз младший... Совсем еще ребенок. Как он там? А Сосланбег? Что сказать... И эта бедная девушка... И не наша, и не чужая. Носится, как угорелая, по всем селам. Чего не бывает, к чести девушки каждая соринка липнет... Гацыр... Сосланбег шустрый, а ты увалень какой-то, неповоротлив и упрям. Бедным будет тот, на кого ты разозлишься. Амурхан и Махамат... Те спокойны, рассудительны, есть у них терпение сначала все хорошенько взвесить, потом делать. Но что лучше на войне — поди узнай...

Солнце уже не припекало, а жгло. Большие зеленые мухи досаждали лошадям. Мурат отгонял их прутом, но тщетно. Лошади пофыркивали, отчаянно хлестали бока хвостами, но разве эту назойливую дрянь чем проймешь.

Мурату опять почудился свист. Приглушенный.

— Мурат, ты чего рассвистелся?

— Это не я.

— Странно. Словно под самым ухом кто-то свистнул.— Аузби пододвинулся к Мурату, потянулся к вожжам.— Давай их мне, а ты приляг.

Тут послышался сдавленный смех. Один из мешков зашевелился, и Мурат, отдав вожжи Аузби, подполз к нему — он уже обо всем догадался. Привстал у мешка, надавил ладонью на него. Внутри кто-то застонал, потом зашелся смехом. Аузби осадил лошадей.

— Что там происходит?

— Асланбег здесь. Спрятался в мешке.

Из мешка высунулась самодовольная рожица Асланбега. Аузби расхохотался:

— Ай, молодец, Асланбег! Я всегда говорил, что из тебя будет толк. Как же ты додумался, а?

— А чего он строит из себя начальника обоза? Не хотел брать меня с собой. Из-за этого я всю ночь не спал. Ой, ой, ой, все тело онемело,— Асланбег широко потянулся.— Ого, сколько бричек! Что, они тоже в город едут? Мурат, а они у тебя разрешение взяли?

— Молчи, лазутчик! Хватится тебя нана, тогда что? Ты об этом подумал?

— Я все предусмотрел. Шепнул Фузе, так и так, я Мурата повезу в город на выставку ротозеев, и пусть нана не волнуется.

— Ай, джигит, ай, молодец! — у Аузби от смеха на глазах выступили слезы.— Утер он тебе нос, Мурат, утер. Теперь не обижай его, пусть едет — не возвращать же с полдороги! Дай бог каждому такого попутчика...

— Мурат, подвинься чуточку, я лягу спать.

— Спал бы себе в мешке.

— Поспишь там, в такой духоте. Можно, я положу голову на твои колени?

— Можно.

Асланбег, устроившись поудобнее, свернулся калачиком и через минуту уже сладко посапывал. Мурат разбудил его только у самого города, пощекотав травинкой по носу. Асланбег ошалело вскочил.

— Город? Уже город? Вот это и есть город? А я-то думал... Такие дома и у нас в селе есть. Ах, трамвай? И хорошо, что его в селе нет, всех кур бы распугал, так грохочет.

Вскоре все прилегающие к центральной площади улицы были запружены повозками. Заиграл военный оркестр. Среди группы людей, стоявших на помосте у импровизированной трибуны, Мурат заметил Александра. А тот, увидев Аузби, махнул ему рукой. Мурат, приказав Асланбегу не отходить далеко от брички, поспешил за Аузби. Какой-то мужчина обнял старика, потом долго тряс его руку:

— Спасибо, Аузби, большое спасибо. Рад видеть тебя в добром здравии!

— Эх, Дзамболат... Настал тяжелый час испытаний. Но мы не посрамим Осетию. Костьми ляжем, но не посрамим. И сыновьям нашим там, на поле боя, не занимать доблести...

4

Уже месяц, как нет известий от Сосланбега. Болит душа, ноет от недобрых предчувствий, а надо найти в себе силы работать, держаться наравне со всеми, нельзя показывать свою слабость — что ж другим тогда делать? Ведь на нее, секретаря райкома комсомола, равняются сейчас молодые, да и немолодые тоже. Значит, надо терпеть, терпеть...

Мадинат переступила порог кабинета первого секретаря райкома партии, поздоровалась с членами бюро и присела на стул у стены.

Александр не упрекнул ее за опоздание, напротив, ей даже показалось, что он взглянул на нее с сочувствием.

«Может, он что-то знает о Сосланбеге и молчит?»

Александр, склонив голову, что-то быстро записывал на листке бумаги. Справа от него, откинувшись в кресле, сидел председатель райисполкома Майрам, толстыми короткими пальцами приглаживая свои жидкие волосы. Тяжелое одутловатое лицо его никак не хотело принимать подобающее ситуации серьезное выражение.

— Так... Кажется, все здесь.— Отложив ручки и бумагу, Александр встал, одернул защитного цвета гимнастерку.— Начнем, товарищи. Слово по первому вопросу имеет товарищ Федоров.

С места встал второй секретарь райкома, пожилой мужчина с большой залысиной. Толстые стекла его очков в металлической оправе поблескивали при свете керосиновых ламп.

Подняв листок бумаги близко к глазам, он заговорил:

— Согласно последним данным выходит, что мы сможем выполнить государственный план хлебозаготовок раньше срока — к 24-й годовщине Великого Октября, и сдать сверх плана двадцать тысяч пудов. В хозяйствах останется зерна и на семенной фонд, и на оплату колхозникам в среднем где-то по три килограмма на трудодень. На фураж будем иметь меньше, чем в прошлом году. Это понятно: значительная часть лошадей и волов поступила в распоряжение Красной Армии. Короче, все необходимые мероприятия подробно изложены в проекте постановления. Они согласованы со всеми членами бюро.

Директор МТС, крепкий мужчина лет шестидесяти, скрестив руки на широкой груди, бросил, не вставая:

— Надо записать в постановлении, что трактористам необходимо доставлять пищу к месту работы. Механизмы не должны простаивать ни минуты.

— Механизмы челюстей? — Майрам хрипло засмеялся.

— Здесь у тебя богатейший опыт,— не остался в долгу директор. Члены бюро рассмеялись: знали, что Майрам любит поесть. Только Александр даже не улыбнулся.

— Я внимательно ознакомился с проектом решения,— сказал он.— Думаю, что все правильно, все учтено. Будем голосовать. Прошу. Единогласно. Завтра с утра всем уполномоченным райкома партии вернуться в свои подшефные хозяйства и оставаться там до окончания уборки. А теперь послушаем, что у нашей молодой смены,— Александр перевел взгляд на Мадинат.

— Райком комсомола и первичные организации тщательно обследовали положение семей фронтовиков. Из каждых десяти домов восемь остались без кормильца. Нуждаются в помощи. Попутно мы поинтересовались условиями жизни учащихся. У многих нет зимней одежды, обуви. Райком комсомола вынес решение: к каждому дому фронтовика прикрепить одного комсомольца или трех пионеров. Нам нужна помощь и со стороны райкома и райисполкома. Многие семьи к зиме не обеспечены дровами, кормом для скота. Я понимаю, что в разгар уборочной страды трудно выделить повозки, но это надо сделать во что бы то ни стало.

— Вы представляете, товарищ комсомольский вожак, что значит, например, колхозу «Иристон» выделить сейчас пару повозок? А хлеб на чем прикажете вывозить? — жестким голосом спросил Майрам.

— А на чем дрова из лесу возить? А корм? — ответила вопросом на вопрос Мадинат.

— Так вот, я заявляю: колхозы до завершения уборки не смогут выделить ни одной подводы.

— Когда это будет? Аж в декабре, а то и в феврале. Что

же делать тем, у кого на зиму ни полена, ни охапки сена, нет даже кукурузных стеблей для скота? — не отступала Мадинат.

В разговор вмешался Александр:

— Комсомольцы правы. Да, невозможно, но необходимо выделить на эти цели хотя бы по одной-две подводы. Разрешите в эту часть проекта постановления внести коррективы мне. Разрешаете? Единогласно. Даже Майрам не возражает. Райком комсомола должен это учесть.— Впервые за весь вечер Александр улыбнулся.

Минула неделя, вторая... Мадинат ждала вестей от Сосланбека. А их все не было.

Наступил октябрь. Было погожее осеннее утро. Она успела только выехать из дому на своей бидарке, как кто-то радостно скликнул ее:

— Мадинат! Мадинат! С тебя причитается! — Навстречу ей спешил Дрис, сельский почтальон.— Письмо тебе, дорогая, от брата...

Мадинат, спрыгнув с бидарки, подбежала к нему. Узнав почерк «брата», от нахлынувшей радости даже забыла поблагодарить старика, вскочила в бидарку и скорее погнала. Остановилась только на краю села. Подоткнув под себя вожжи, достала из кармана письмо.

«Родная моя, добрая моя, нежная...» О, нашел нежную,— сна утерла набежавшие слезы. А называл каменной... «Ты извини, что заставил так долго ждать. Все время шли непрерывные бои. Если бы не ты, я бы, наверное, не выдержал. Я ни на одну секунду не забываю тебя, даже в самых яростных атаках мне кажется, что рядом — ты. Никогда не думал, что одно ласковое слово любимой равнозначно счастью. Сколько и у меня всего накопилось на душе, но вот карандаш не умеет передавать. А твои письма я берегу в нагрудном кармане у сердца — они излучают свет и тепло, вселяют в меня мужество и силу духа. Спасибо тебе, Смуглянка...

Помнишь, как мы гуляли в городе, вечером. Каштан этот... Повторись это еще,— при всем честном народе бы поцеловал тебя...

Видишь, как я разговорился. Это после боя. Ты, наверное, по радио слышала о боях под Смоленском. Трудно нам пришлось. Погибли такие славные ребята. На моих глазах убило командира батальона Огнева. Он посмертно награжден орденом Ленина. А на его место назначили меня, вручили орден Красной Звезды. Часть нашу отвели назад, дали нам два дня передышки, и вот, пользуясь моментом, пишу тебе. Понимаю, товарищ секретарь, что у тебя не более моего свободного времени, но ты пиши!

Горячий привет односельчанам.

Сосланбег».

Мадинат не помнила, как она добралась до полевого стана колхоза «Иристон». Торопясь обрадовать Аузби доброй вестью, нахлестывала и так галопом мчащуюся лошадь.

Остановив бидарку, оправила на себе тонкое ситцевое платье и повязала пестрый шелковый платок.

На току работала молотилка. Справа от стана до самого берега Тагардона простирались пшеничные поля. Летом пшеницу жали серпами, косили косами, убирали жатками, связывали в снопы и свозили на ток — со всем этим управились довольно быстро. Но молотьба затянулась. И Аузби метался между током и кукурузными полями, стараясь поспеть всюду.

Сейчас он был на току. Наверное, кто-то шепнул ему о приезде Мадинат, и старик, сбив с себя шапкой полову и пыль, пошел к ней. Мадинат замешкалась было, но потом тоже двинулась навстречу Аузби.

— Как поживаешь, мое солнышко? Не забывай нас, а то старуха наша себе места не находит. Ты бы хоть изредка заглядывала к нам — ей все одно, что тебя видеть, что старшего... Ты законов не очень-то держись, не до этого сейчас.

Мадинат стояла с опущенной головой.

— А как твои старики? Конца не видно делам, некогда и умереть. Но наведаюсь к ним, улучу момент. От моего имени справишься об их здоровье.

— Спасибо. И они всегда спрашивают о вас...

— Как не спрашивать, всегда жили одной семьей... Наш и тебе ничего не пишет? Месяц, как молчит... Мать вся извелась.

— Только что пришло письмо...

Глаза старика засветились радостью:

— Ну, и что он?

— Ему вручили орден.

— Орден?

— Да... И командиром батальона назначен.

— Батальона? Командиром, говоришь? Спасибо тебе за добрую весть. Теперь поезжай. Знаю, дел у тебя непочатый край. Да... Завтра у нас собрание коммунистов и комсомольцев. Сможешь — приходи.

Мадинат уехала. Домой, как обычно, вернулась поздно. Умывшись с дороги, не стала и ужинать — села писать ответ.

«...Я тоже удивляюсь, как много значат простые, обыкновенные слова, когда их слышишь от любимого человека. Сколько я пережила, чего только не передумала за целый месяц. А получив письмо, стала самой счастливой на всем белом свете. Поздравляю тебя с наградой, товарищ командир батальона. Если так пойдет и дальше, то ты скоро станешь генералом и захочешь ли знать какую-то Мадинат...

Первый, с кем поделилась своей радостью, был Аузби. Он прямо помолодел. Просил не зазнаваться.

По-прежнему ношусь по полям, по селам. Успеть бы убрать кукурузу до снегопадов. Аузби просит навещать вас, но мне очень неудобно. Только глубокими вечерами осмеливаюсь проезжать мимо вашего дома. Твою фотографию храню в комсомольском билете. Остаюсь одна — смотрю, смотрю, разговариваю с тобой. А ты в месяц раз заговариваешь со мной...

Понимаю, родной, понимаю... Мое сердце тоже там, с тобой.

Сосланбег, пиши при первой же возможности. Хоть пару слов. Ожидание тягостно, безвестность мучительна. Славный мой и хороший мой, крепко-крепко обнимаю тебя и целую.

Твоя Смуглянка».

5

Снег выпал в первых числах ноября. В Осетии это ранняя зима. Как ни спешили управиться с уборкой кукурузы, не успели, она ушла под снег. Однако сбор початков не прекращался ни на день.

Работать в поле оставили только девятые-десятые классы, остальные приступили к занятиям. Мурат заметно возмужал. Во всяком случае, так казалось Фатимат. Вымахал настолько, что догнал в росте отца. Или это ей просто хотелось, чтобы Мурат скорее повзрослел? Помимо учебы у Мурата были и другие заботы, которые он считал не менее важными: снабжать дровами и кормом для скота соседей, оставшихся без мужчин. И лишь поздно вечером принимался за уроки.

Приготовив домашние задания, включал радио. Прикрепив над кроватью крупномасштабную карту страны, он черными кружочками обводил захваченные немцами города. По мере того, как черные кружочки приближались к Москве, в сердце Мурата росла тревога: «Как же так? Это же Москва! Там же Сталин!»

Как-то вечером Мурат слушал выступление Сталина.

— Кукиш тебе, Гитлер, не видать тебе Москвы, как своих ушей! — крикнул Мурат и стал прыгать на кровати. Потом, торопливо обувшись, побежал к Аузби и с порога спросил:

— Слышали?

— Да, да, Мурат. Легче на душе стало, много лет ему жизни.

* * *

От Татари и Тотырбега приходили редкие письма. Отец всегда писал на имя Мурата, подчеркивая тем самым его положение главы семьи, хозяина дома. И разговаривал с ним как с ровней:

«Доброе утро, Мурат. Пишу тебе рано утром, потому так и здороваюсь. Что нового в вашей жизни? Здорова ли твоя мать? Как Асланбег, слушается своего старшего? А девочки? Обними всех за меня.

О нас не беспокойтесь. Твой старший брат мне изредка шлет короткие весточки, он жив и здоров.

Век живи, век набирайся ума. Я всегда думал, что знаю жизнь, понимаю, что к чему, но ошибался, ей-богу, ошибался. Только глянув в самые зрачки смерти, начинаю по-настоящему ценить жизнь. Ничего нет лучше мира и спокойствия. Рано утром выйти из дому и взглянуть на горы в снегу — вот это счастье.

Мурат, на тебе целый дом, на тебе твои младшие. Трудно, знаю. Но человеку все под силу, если он не ленив. За тобой такого порока нет. И потому у меня к тебе просьба. Ты не забывай о соседях, не уходи от их горестей и забот. Я понимаю, нуждающихся даже в твоей помощи много, но люди никогда не забывают добра, они будут платить тебе тем же. Я и в этом пекле вспоминаю своих соседей, односельчан. Я всегда рад был услужить им и не жалею об этом... А немца мы одолеем. Как сказал Сталин, не так страшен черт, как его малюют.

Мурат, ты занимаешь место мужчины и будь мужчиной. Всем приветы.

Татари».

Дочитав письмо, Мурат отложил его, не отрывая от него взгляда. Смотрел на коряво исписанный листок и вспоминал голос отца, его глаза, редкую улыбку, скупые жесты, видел его тяжелые большие руки.

...Кузня была не очень далеко от школы, поэтому не было дня, чтобы Мурат по дороге домой не заглянул к отцу. Станет у дверей и стоит, пока отец не заметит его и не пригласит войти. Он вешал свою холщовую сумку на гвоздь и, взявшись за длинную деревянную ручку мехов, раздувал в горниле огонь до гудения. Запыхавшись, счастливыми глазами смотрел на отца. Тот никогда не забывал похвалить его:

— Спешишь, сам не зная куда, а так молодец, если бы не ты, потух бы у нас огонь.

Теперь Мурат понимает, что отец шутил, но почему-то не меркнет та давняя радость от его похвалы.

— А в школе тебе тоже сказали молодец?

— Я получил пятерку по осетинской литературе. Рассказал наизусть стихотворение Коста «Додой».

— Додой* твоим врагам. Но песни Коста и я знаю. Если бы ты по русскому языку получил пятерку,— другой разговор.

---

*Додой — горе.

— Вчера получил четверку...

Татари повертел перед его носом пятерней, потом медленно сжал пальцы в кулак и сказал:

— Пятеро братьев — сила! А четыре брата — уже слабее. Так-то... Ладно, беги домой. Пообедай и садись за уроки.

— Баппу, у нас сегодня после второй смены состоится вечер. В честь Октября. Уардис велела передать тебе, чтобы ты пришел послушать, как я буду читать стихотворение Мисоста Камбердиева «Кинжал». Придешь?

Татари медлил с ответом.

— Баппу, тебе некогда?

— Ты пока иди домой. Я подумаю...

В школу они пришли вместе. Родители собрались в самом большом классе. Татари поздоровался со всеми и прошел к задним партам, сдвинутым в ряд.

Уардис говорила об итогах первой четверти, об успеваемости и поведении каждого. Мурат зарделся, когда она стала хвалить его. Посмотрел на отца. Тот сидел с опущенной головой, словно его сына не хвалили, а ругали.

А на второй день, возвратясь из школы, Мурат увидел у своей кровати чудо: новые черные ботинки. Мать шепнула ему, что отец купил их на деньги, которые он собирал для себя на каракулевую папаху. Мурат только одну ту зиму и походил в них, потом ботинки перешли к Асланбегу, от него уже достались Фузе.

* * *

Прошел 1941 год. Новый год принес с собой колючие морозы и снег по колено. Работ в колхозе значительно поубавилось, и теперь Аузби иногда задерживался дома, хлопотал по хозяйству, отвлекаясь от своих тяжелых дум. К февралю уже значительно потеплело, можно было даже посидеть у ворот и погреться на солнце.

У Мурата иногда тоже выдавался свободный час, и вот сегодня, в воскресный день, они как два друга-ровесника сидят и степенно ведут беседу о новостях с войны, о делах колхоза, о соседях, которым надо помочь. Аузби, закутавшись в тулуп, выстругивал для ножа, подаренного ему Татари, ножны из бруска липы.

— Мурат, из мужчин, почитай, одни мы с тобой и остались на всю нашу большую улицу. Ох-ох-ох!

Мурат слушает надтреснутый голос Аузби, смотрит на его землистого цвета руки и большей частью молчит, только изредка вставляет слово.

— У Дунетхан, говорят, завалилась крыша коровника. Чуть единственную корову не придавило. Надо бы помочь...

«Неужели дед что-то знает обо мне и Мисурат?» — Мурат

бросил на Аузби мимолетный взгляд. Тот как ни в чем не бывало продолжал стругать.

— А чем я могу им помочь?

— Надо перестлать кровлю. У меня есть несколько крепких брусьев. Возьми их.

— Хорошо. А чем ты обошьешь ножны? Принести кусок хрома?

Аузби стал стругать медленнее. Тонкие стружки, сворачиваясь в кружочки, бесшумно падали на землю, ложились на колени старика, прикрытые овчинным тулупом.

— Кажется, у моей старухи имеется один огрызок.

— Я сбегаю, у нана их целая связка,— Мурат побежал домой и вернулся с двумя лоскутами мягкой черной кожи, мотком крученой шелковой нити и трехгранной иглой.

— Ого! Нож подарил мне твой отец, а от тебя, значит, ножны к нему? Не нож, скажу тебе, а бритва. Лучше брата твоего деда, Мурат, никто не мог закалить сталь. Лучшего кузнеца в горах не было. Татари унаследовал его ремесло. Недаром говорится, кузнец учится у кузнеца.

— Аузби, а на войне страшно? Умирать...

Аузби словно и не слышал его, сидел, о чем-то задумавшись.

— Гм... Я не умирал... Конечно, страшно, тем более, если думать об этом. Ты знаешь, что и тебя могут убить, как только что товарища рядом. В 1919 году мы блокировали в узком ущелье деникинцев, сбрасывали камни на них, давили, как муравьев. Я уже рассказывал тебе об этом. То были враги, классовые враги. Но смотреть на это побоище было страшно. Умирать, конечно, тяжело, но быть под пятой у кого-то еще страшнее. Лучше — смерть. На всю жизнь я запомнил, как один бедняк убил другого. А началось с того, что на посевы одного забрался вол другого. Вола, можно сказать, случайно убили. Но тот, кто убил вола, тут же был сражен наповал.

— За пучок соломы — вол, за вола — человек,— будто про себя произнес Мурат.

— Историю ты знаешь лучше меня. Но и я, когда был помоложе, тоже кое-что почитывал,— продолжал Аузби.— Почему люди враждуют между собой? Только из-за имущества. Чтобы я имел больше, чтобы я был богаче, чтобы ты прислуживал мне... Из-за этого происходили войны и во времена Македонского, и в эпоху Чингисхана, в царствование Вильгельма. Но все же не было еще такой войны, как эта. Но настанет время, когда даже память о войнах исчезнет. Только в книгах будут вспоминать о них.

Старик вытер лезвие ножа полой тулупа и вложил его в ножны.

— Вот так бы вложили все свои клинки в ножны. Чтобы убить человека, нужно немного — одна пуля или удар клинка.

Но тому, у кого настоящее сердце, убивать трудно. Вот так... Как же называл тебя Татари? Лаггаг. Значит, мужичок. Мужичок...

Всевидящие глаза старика заметили, как изменилось лицо мальчика при имени отца. Аузби уверенно произнес:

— Сердце подсказывает мне: Татари и Тотырбег вернутся живыми. И, вообще, я не верю, чтобы кто-нибудь одолел Россию. Тем более, что мы защищаем свой дом. Да еще заново отстроенный дом. Да... Только вот наши почему-то молчат. Другие еще ладно, но Науруз, твой друг, еще так молод.

Чем больше прислушивался Мурат к разговорам односельчан, тем тяжелее становилось у него на душе. Он чувствовал и свою невольную вину в том, что все так плохо складывается для нашей страны. Долго не засыпал ночами, читая роман «Война и мир». Совет в Филях. Слова Кутузова: «С потерей Москвы еще не потеряна Россия...» Наполеон на Поклонной горе ждет депутацию Москвы. Ждет, когда поднесут ему ключи от покоренного им города. Не дождался... Заставил-таки его Кутузов жрать конину! А вот ровесник Мурата Петя Ростов бросился в атаку, размахивая саблей. Сын графа, изнеженный, не побоялся войны, а он занят тем, что... невидаль какая — дрова возит, опорой матери стал. Почему не берут на войну пятнадцатилетних? Стрелять — умеет, убежал бы на фронт, да ведь поймают, не дадут доехать, уж скольких, слышал, вернули.

— На-ка, парень, продень нитку в игольное ушко, а то от мороза у меня глаза слезятся...— Аузби протянул ему иголку и кусок шелковой нити и приставил ладонь к уху.— Никак, плачут где-то?

Мурат раньше него уловил отдаленный плач, но это уже было почти привычно — редкую неделю не приходит в село похоронка...

Показалась группа мужчин. Видимо, плакал кто-то из родственников тех, кого постигло горе, остальные заплачут у самого дома: обычай и в войну есть обычай.

Аузби встал, опершись о колени. И тут он понял: они направляются к его дому! У старика подкосились ноги, он обессиленно опустился на скамью.

Мужчины, скорбно склонив головы и уронив руки, остановились напротив Аузби. Тот тяжело встал. Из группы выступил вперед один, самый старший, и полным горечи голосом сказал:

— Аузби... Держись, дорогой. Нет у нас больше Сосланбега. Пусть бог покарает наших недругов. Светлой ему памяти. Добрых вестей твоему дому отныне...

Теперь зарыдали все и с плачем вошли во двор.

— Очаг мой разрушился! — раздался крик Госама.

Мурат стремглав помчался домой, от самых ворот истошно крикнул:

— Нана!* О нана! Сосланбег погиб! — и зарыдал.

По улице спешили мужчины и женщины, степенно шли старики и старухи, следом за всеми девушки и молодые парни. Чуть позже появилась большая толпа. Впереди — глубокие старики и пожилые мужчины, почтительно поглядывающие на отца Мадинат; за ними женщины и среди них сама Мадинат рядом с матерью. Когда мужчины выразили соболезнование, женщины, тихо всхлипывая, двинулись к распахнутым настежь воротам. Одна из них запричитала:

— О Госама! О Аузби! Закатилось ваше солнце, черная ночь настала! Небо на вас обрушилось, разорвалось бы мое сердце за вас, горемычные. Додой, Мадинат! Не в подвенечном платье входишь ты в этот дом, а в черном трауре! Обманул он тебя, горько обманул, бедная моя племянница, красивая моя Мадинат!

Аузби молча принимал соболезнования. Глаза его оставались сухими — суровый обычай запрещал ему оплакивать сына.

6

Пришла весна 1942 года. Горы и равнины зазеленели, земля покрылась роскошным ковром цветов. А враг, после сокрушительного поражения под Москвой, снова собрался с силой и огромные массы вооруженных до зубов войск двинулись в направлении Сталинграда и Баку.

Из райкома партии Аузби уведомили о прибытии эшелона с беженцами и просили организовать размещение людей в Тагардоне. Поручив двум бригадирам выслать следом за ним на вокзал брички, он сел в бидарку и успел точно к прибытию эшелона. Председатель райисполкома Майрам, поздоровавшись с ним за руку, подал ему список:

— Здесь беженцы из Ростова. Всего сорок семей.

Аузби положил бумагу на свою полевую сумку, разгладил ее и стал изучать. Надо было решить, кого к кому определить. Мать и два сына, четырех и семи лет... Мать и дочь, одиннадцати лет... Мать, бабушка, внук...

Против каждой семьи Аузби записывал фамилии односельчан, к которым, согласно его списку, начнут вселять беженцев. Хорошо бы семью из четырех душ поселить у Дзарахмета. Но он вспомнил Фаризат и... никого к ним не определил.

К Аузби подбежал мальчик лет трех-четырех — смуглый и курчавый. Глубоко засунув руки в карманы коротких штанишек, мальчик во все глаза рассматривал лошадь и бидар-

*Нана — мать, бабушка.

ку. И вдруг, крутанувшись на месте, побежал с криком:

— Мама! Мама! Идите сюда! Тацанка! Мама! Муся! Тут тацанка!

— Какая тачанка? Где ты видишь тачанку? Ой, баловник ты, баловник, опять убежал, не спросясь,— устало бранила мальчика молодая женщина.

— Пойдем, посмотри, мама. Пойдем! Пойдем!

Мальчик тянул мать за руку. Та неохотно повиновалась, предупредив дочь, чтобы не отходила от вещей.

— Ну, где ты видишь тачанку?

Мальчик подвел ее к бидарке Аузби.

— Вот она! Я сяду в нее, хорошо?

— Вова, во-первых, это бидарка, а никакая не тачанка, во-вторых, в чужую бидарку...

— Нет, мама, это тацанка Буденного!

— Ой, Вова, сладу нет с тобой. Идем к Мусе.

Аузби погладил его по голове.

— Какой хороший цыганенок!

Мальчик с вызовом ответил:

— А я не цыганенок. Я казак!

— Ух ты! А где твой конь и сабля? И черкески твоей что-то не вижу, и папахи нет. Нет и башлыка, а?

Мальчик растерянно заморгал черно-смородинными глазами, беспомощно оглянулся на мать.

— Баловник он. Извините,— сказала мать и потрепала мальчика по кудрям.— Идем, Вова, идем, не мешай дедушке.

Аузби нагнулся к мальчику:

— Хочешь покататься на бидарке?

— Хочу.

— А как тебя звать?

— Смирнов... Владимир Николаевич,— и кивнул на мать.— А это, мама, Вера Степановна.

Аузби заглянул в список.

— У тебя же еще сестренка должна быть...

— Да, Муся. Она там,— Вова махнул в сторону здания вокзала.

У Аузби заныло сердце. «Бедные дети... Из родного гнездышка выгнала их война». Он вдруг понял, что ему не хочется расставаться с мальчиком, поселив его у кого-то. И, решительно зачеркнув фамилию напротив Смирновых, вписал свою.

— Валодя,— Аузби назвал его на осетинский манер,— я же специально приехал за вами. А ну, быстренько, в тачанку,— он подхватил мальчика и усадил на сиденье.— Вот теперь сразу видать заправского казака! Вера Степановна, где дочка, сказали?

— Муся! Муся! Посмотри на меня! — заорал Вова.— Беги сюда, тебя дедушка зовет!

Аузби подбавил лошади сена и сказал:

— Пойдем-ка, принесем ваши вещи.

Худенькая угловатая девочка лет пятнадцати смущенно посмотрела на Аузби, потом взяла небольшой узел и маленький чемоданчик. Аузби взялся за ручку огромного кожаного чемодана.

Пока они грузили вещи в бидарку, подъехали брички. Одной из них управлял Мурат. К нему и обратился Аузби:

— Помогите людям с погрузкой скарба, посадите стариков и маленьких детей. Потом вернетесь за оставшимися. На, бери список, здесь все расписано, кого к кому вселять.

Люди, увидев конные упряжки, загалдели. Аузби влез на бидарку и поднял руку.

— Уважаемые ростовчане! Труженики нашего колхоза «Иристон» рады приютить вас, оказать всемерное гостеприимство. Если что не так, то не обессудьте. Ничего от вас подальше не схороним. Главное, мы с вами поделимся своим основным богатством — теплом сердец.

— Спасибо, спасибо! — послышалось со всех сторон.

— Первыми поедут те, у которых маленькие дети и больные. Потом приедут и за остальными,— и добавил тише: — А вам уж ко мне, Вера Степановна. Придется немножко пройтись пешком, разомнетесь после поезда. Тут не так далеко.

— Не знаю, как и благодарить вас... Извините, даже имени вашего еще не узнала.

— Дедушка я, дедушка,— своих внуков нет, теперь вот Володя и Муся, сразу двое. Зовут меня Аузби...

— А по отчеству?

— У нас не принято обращение по отчеству.

Мурат загляделся на Мусю. Странное какое-то у нее имя. Или это уменьшительно-ласкательное от Маруси? У девочки, как и у мамы, были шелковистые светлые волосы, расчесанные на пробор — точь-в-точь, как у Мисурат, кисточки кос перехвачены широкими голубыми лентами. Тонкое ситцевое платьице с ремешком — осиная талия. «Наверное, давно ничего не ела»,— решил Мурат.

Наконец тронулись. Володя, сидя на поклаже, счастливый, гордо озирался вокруг, вызывая зависть других мальчишек.

Аузби, отворив ворота, под уздцы ввел лошадь во двор.

— Пожалуйста, Вера Степановна, располагайтесь, чувствуйте себя как дома. Я на скорую руку накормлю вас с дороги, а там вернется наша хозяйка, она уж постарается,— Аузби достал из кухонного шкафа краюху кукурузного чурека и половинку ноздреватого коровьего сыра.

— Пожалуйста, вот умывальник, полотенце. Умывайтесь и перекусите. В кувшине кипяченое молоко... Не стесняйтесь,

забудьте, что вы гости. Я поеду, проверю, как там устраивают других.

Госама вернулась раньше обычного. Только вошла во двор, как ей навстречу выбежал Вова. Она, пораженная, остановилась.

— Бабушка, а вам кого? Дедушки нет.

— Тебя мне, тебя, мой очаг тепленький. Какой ты славный, какой ты хороший. Дай-ка я обниму тебя,— она говорила по-осетински, но Вова смело подошел к ней, поняв, что женщина говорит ему ласковые слова.

Вера Степановна видела в окно все. Она спустилась во двор. За нею следом показалась и Муся.

Госама обняла и их. У нее засвербило в горле, на глаза набежали слезы.

— Он такой... Бросил людей одних и убежал по делам. Хоть бы молочка налил, а то выставил один сухой чурек-горлодер... Конечно, вы даже не притронулись к еде. Я сию минуту...

Госама стала хлопотать у печки на летней кухне. Достала припрятанную на такой непредвиденный случай пшеничную муку и затеяла пироги со свежим сыром. Нашелся и стакан топленого масла.

Аузби вернулся, когда пироги уже были готовы.

— Ого! Верно подсказывало мне сердце, чтобы я поторапливался, а то опоздаю к пирогам. Вот так хозяйка: в безводной пустыне воду добудет!

— Сам пироги любишь, а им сухой чурек выставил... Даже не прикоснулись...

— Вера Степановна, что вы наделали, теперь она меня со свету сживет своими упреками!

После ужина Госама провела гостей в комнату с двумя заправленными кроватями — спальню Амурхана и Гацыра...

— Располагайтесь здесь. Если вам будет тесно, мы заберем Володю к себе.

Сама же постелила им, точно демонстрируя, что все свежее, глаженое, и, пожелав им добрых сновидений, вышла.

* * *

Как будто солнце заглянуло в сердце Госама, она ожила, есть, о ком ей заботиться, ради кого рано поутру растапливать печь, тесто месить... Стало легче на душе и у Аузби — новая семья ждет его совета, его слова,— он опять глава большого дома.

Было решено, что Госама неудобно оставлять гостей одних, хотя бы на первых порах. Когда, как обычно, прибежала спозаранку Фатимат, чтобы позвать ее в поле, она, не скрывая радости, ответила:

— У меня гости, Фатимат, дальние гости. Мать с двумя детьми,— и пригорюнилась.— Несчастные, бедные их головы... Боже, боже, неужели эти волки и сюда доберутся? Будь они прокляты!

— Мурат тоже хотел позвать кого-нибудь к нам, да Аузби не дал, самих, говорит, целая орава... — Фатимат в душе порадовалась за Госама. Казалось, после гибели Сосланбега она уже ничего не видела и не слышала, ходила сама не своя от горя. Теперь на потухшем лице соседки обозначились признаки возвращающейся жизни.

— Я пойду, Госама. Дочери увязались за мной, одним, видишь ли, скучно в пустом доме,— Фатимат оглянулась. Фуза и Рима стояли у перекрестка, поеживаясь от свежести утра, босые, в расползающихся по ниткам застиранных платьицах... — Вечером загляну к вам, познакомлюсь с гостями твоими...

Фатимат ушла. Госама затопила печь, поставила на плиту чугун с водой.

Мать и дочь проснулись. Разговаривали вполголоса, чтобы не разбудить Вову, разметавшегося в широкой кровати.

— Я видела во сне папу,— говорила Муся.— Будто идет он по этому селу и зовет нас. Я крикнула ему: «Мы здесь, папа, здесь!» И проснулась...

Вера Степановна вздохнула. Нет ночи, чтобы и ей не приснился муж. Да и все, что произошло, кажется сном.

Жили они под Ростовом. Николай, лучший гармонист села, играл на видавшем виды немецком аккордеоне в сельском клубе, или, как его тогда называли, Народном доме. Стоило из клуба донестись первым звукам аккордеона, как молодежь села заполняла большой зал, и начинались танцы. Вера больше слушала музыку, чем танцевала. Может, поэтому и приметил ее Николай...

Вместе поехали учиться в Москву. Он стал инженером-механиком, она — преподавателем химии. Николая призвали в тридцать восьмом. В финскую был уже командиром танковой роты, получил орден Боевого Красного Знамени. Только вернулся, а тут...

— Хорошие люди наши хозяева, да, Муся?

— Ой, мамочка, такие добрые! А бабушка так смешно говорит по-русски...

— Научится, Муся. Ты старайся разговаривать с ней медленнее, не тараторь...

Когда они втроем вышли, Госама протестующе замахала руками:

— Рано еще! Зачем вставать было? Валодя, сладкий мой, ты успел даже умыться? Ай, молодец. Я тебя за это угощу...

Вова, приняв у нее кусок пирога, погнался за курами. Куры разбежались, но царственный красный петух был возму-

щен и, подпрыгнув, ударил мальчика шпорами по коленям.

— Мама! Он меня клюнул ногами! — испуганно завопил мальчик, уронив кусок пирога, на который тут же налетели куры.

— Что случилось? Ой, боже...— Мать выбежала во двор.

Маруся видела все и засмеялась:

—Позор тебе, казачок, позор, позор! Кур испугался. Ногами клюнул!

— И не кур, а петуха. Ты большая, но даже этого не знаешь.

Петух с победным видом прошелся вокруг кур, отбиравших друг у друга лакомый кусок. Госама подхватила палку и швырнула им в петуха. Тот шарахнулся в сторону, взлетел на плетень и громко закукарекал, словно призывая всю округу в свидетели своей невиновности.

Володя подбежал к Госама.

— Бабушка, а пирога больше нет? Кушать хочу...

— Есть, есть, мое солнышко. И курица уже варится.

Позавтракав, вместе убрали со стола, и Маруся вымыла тарелки. Госама повлажневшими глазами смотрела, как ловко управляется с посудой девочка.

Потом она повела Веру Степановну и Марусю по комнатам. Сначала прошли в ту, которая была отведена для них.

— Это Амурхан и Гацыр, мои сыновья,— сказала Госама, показав на фотографии парней в черкесках.— Мои... Пять... Было...— Госама растопырила пальцы правой руки.

Вера Степановна понимающе кивнула.

— Это Амурхан. В школе работал... Школа понимаешь? Детей учить...

— Учителем был?

— Да, да, учитель.. А этот хотел стать инженер...

— Инженер? У нас отец тоже инженер...

— Да, да... Звать Гацыр.

Рядом находилась комната Сосланбега, но Госама провела их мимо нее.

В другой комнате тоже стояли две кровати. И над каждой фотография.

— Это Махамат и Науруз. Младшие. Махамат агроном. Науруз еще никто... Не успел ничего...

— Они тоже на фронте?

— Да, да...

— И этот юноша?

— Тоже там, тоже... Мальчик мой...

— А пятый где, ты же пять сказала?..

— Да, Вера, пять... Идем...

Вера Степановна все поняла без слов: на кровати, прислоненная к высоко взбитой подушке, лежала фотография в тем-

ной рамке. Рядом аккуратно сложены личные вещи: брюки, пиджак, белье, сверху шапка из каракуля.

Госама подала Вере Степановне извещение. «Ваш сын, Булатаев Сосланбег Аузбиевич, командир батальона, погиб смертью героя при защите столицы нашей Родины города Москвы. Мы отомстим врагу за смерть нашего боевого товарища. Высылаем его награды — ордена Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Вы можете гордиться своим замечательным сыном...»

7

Кто бы в начале войны и в мыслях допустить мог, что немцы дойдут до предгорий Кавказа? Но это стало непреложным фактом. И горцы готовились встретить врага с оружием в руках, чтобы не дать ему прорваться к вожделенной нефти.

Северо-Осетинский обком партии и Совнарком республики приняли совместное решение снова мобилизовать население на сооружение противотанковых рвов и строительство других оборонительных объектов у Эльхотовских ворот и с северо-западной стороны города Орджоникидзе. На совещание в обком партии прибыли представители всех районов республики.

— Вы знаете, какое значение сейчас имеет нефть Кавказа. Немцы упорно рвутся к ней. Осетинская земля должна стать непреодолимой преградой на пути фашистов к Грозному и Баку, если им все-таки удастся прорваться к Тереку,— говорил Дзамболат.

Мадинат слушала Дзамболата, не упуская ни одного слова, ни одного жеста. Она верила, что в горах Осетии враг найдет свою могилу, наконец-то его опрокинут и сомнут. На их район возлагалась задача выделить на строительство оборонительных сооружений пятьсот человек — и это в то время, когда в самом разгаре полевые работы. «Я сама первая пойду. Возьму лопату или кирку и... Пусть в этом рву найдет свою погибель фашист, от руки которого пал Сосланбег...» — думала Мадинат.

Может, он потому и торопил ее со свадьбой, что предчувствовал свою скорую гибель. Четыре года терпеливо ждал! Теперь ей ждать его. Наперекор всему! Рассказывают, что были случаи, когда похоронки приходили на живых...

В зале зааплодировали, и Мадинат вздрогнула. Виновато оглянувшись, всего лишь на одно мгновение встретилась взглядом с Александром, но и этого было достаточно, чтобы понять: он заметил ее растерянность. Мадинат подумала: «Что ни говори, а мужчина все же есть мужчина, они куда сдержаннее в горе. Кажется, он давно не имеет никаких вестей от жены...» Александр торопливо записывал что-то в блокнот. Мадинат устыдилась своих мыслей. Ну до этого ли сей-

час? Она даже блокнота не захватила, словно в гости шла. Наверное, потому и смотрит на нее Александр осуждающе.

А секретаря райкома партии одолевала одна мысль: где они возьмут столько трудоспособных людей? Оголить колхозы, где и так еле-еле сводят концы с концами? Пятьсот человек! Придется идти на поклон и к старикам, еще способным держать в руках лопату.

* * *

Тысячи горожан и сельских жителей с лопатами, кирками и ломами вышли копать противотанковые рвы. Пятьсот человек прибыло из Тагардонского района во главе с председателем райисполкома Майрамом. Заместителем по политчасти была у него Мадинат. У колхозников «Иристона» руководителем был Аузби.

Мадинат, обойдя все группы строителей, пристроилась рядом с Дунетхан и Фатимат. Из мужчин ближе всех работал старик Дзаххот. Оглядев женщин, он бросил Аузби:

— Вижу, ты поставил меня сюда, чтобы опозорить: как мне за молодыми женщинами угнаться?

— Э, не скажи! Не дай бог попасться такому старику в укромном месте,— рассмеялась Дунетхан. Но, глянув в сторону, она спохватилась: — Прости, Аузби. У тебя такое горе, а я... Но, по-моему, наш Дзаххот лукавит, прикидываясь слабаком.

— Ей-богу, Дунетхан, твоя правда. Так и быть, уж тряхну напоследок стариной. Куда пойдем гулять вечером? В парк? А то можно и в лес.

— Ха-ха-ха! Я думала, ты тряхнешь стариной, орудуя лопатой.

— А что? — Дзаххот глубоко всадил в чернозем лопату, копнул и со всей силой швырнул в сторону.— Не изъедены пока молью мои кости, ей-богу, не изъедены,— смеясь, проговорил раскрасневшийся старик.

— Да-а...—протянула Дунетхан.—В тебе, оказывается, еще дремлет сила. А у меня лопата, кажется, тупая. Ничего не получается.

Ей было немногим более пятидесяти лет. Младшая ее дочь Мисурат была еще грудным ребенком, когда погиб муж. Затеяв строительство дома, он нагрузил бричку бревнами поверх бортов и выехал из лесу, но только спустился к переправе через реку, бричка перевернулась и придавила его.

Так овдовела Дунетхан, оставшись одна с двумя детьми. Но она не надломилась, поставила их на ноги. Старшая дочь перед самой войной вышла замуж.

— Скоро, Дунетхан, вернутся все с фронта, и ты расцветешь, легче станет жить, — сказал Дзаххот.

— Если бы война шла к концу, мы бы с тобой здесь не нужны были, Дзаххот.

— Непременно идет к концу. Все, что начинается, когда-нибудь да кончается,— философски заметил старик.— Не одолеть германцу Россию, не одолеть. Большевики не такой народ, чтобы на колени их поставить можно было — четырнадцать государств пытались, а не вышло. Прав я, Аузби?

— Прав, конечно. Хорошо, что теперь Америка, Англия и Франция не против нас. Пусть не открывают своего фронта, лишь бы не переметнулись к Гитлеру.

— Они ждут, когда мы своими руками оборвем все колючки,— Дзаххот был доволен, что Аузби поддержал его.

Мадинат трудилась молча, боясь поднять голову и встретиться глазами с отцом Сосланбега. Аузби подошел к ней сам:

— Девушка, лучше бы подсобила поварам. Ты, кажется, сюда послана не лопатой орудовать, а с людьми работать.

Мадинат, воткнув лопату в накиданную ею горку, направилась к стряпухам.

— Можно, я вам помогу? — Мадинат потянулась к ножу.

— Помоги, помоги, солнышко. Это не хлеб, а саман — не пойму, как его зуб возьмет, когда нож не берет,— одна из женщин уступила Мадинат свой нож.

Люди работали дотемна, пока видел глаз. Дунетхан покачала головой:

— Если будем так работать, то, считай, через неделю могила Гитлеру будет готова.

— Э, разлюбезная Дунетхан, это пока рыхлая почва идет, чернозем, а начнется гравий — за месяц бы управиться!

— Не пугай меня, Дзаххот.

— А есть ли что на этом свете, Дунетхан, чем нас с тобой еще испугаешь? Меня рядом с тобой, например, сама трухлявая старость боится!

Дунетхан по-девичьи весело расхохоталась:

— Старый волк ягнят любит! Не говори, не говори, сама знаю, что я да-а-авно уже не ягненок,— Дунетхан с мольбой посмотрела на Аузби.— Ты уж извини меня, Аузби. Наверно, вот таких женщин, как я, и называют ветреными...

— Что ты, Дунетхан, бог с тобой. Пусть враги наши не смеются, веселье забудут.

Ночью пошел дождь. Старые палатки не очень защищали от непогоды. Вода, просачиваясь в щели, капала на постели, но сморенные усталостью люди спали крепко. Дождь не прекратился и утром. Никому бы и в голову не пришло, что и в такую погоду нужно браться за лопаты. Но Дзаххот, вскинув лопату на плечо, как ни в чем не бывало пошел ко рву.

— Ты это куда?

— На работу, Аузби, куда же еще? Дождь ли, снег ли —

какая разница: могилы копают в любую погоду. Не обижать же Гитлера...

Аузби в душе обругал себя, что поддался всеобщей растерянности.

— Не зря учили предки: кто дольше жил — больше видел. Пойду агитировать людей твоими словами...

— Не ходи, Аузби. Бери свою лопату и айда со мной. Люди сами придут.

Дзаххот оказался прав: увидев двух стариков с лопатами, все направились к своим участкам.

* * *

...Газета переходила из рук в руки. Ее просили и безграмотные старики — взглянуть на снимки. На одной из фотографий был снят молодой улыбчивый парень, с мягкими чертами лица — в облике ничего героического. На другом снимке комсомольский билет парня, пробитый пулей, залитый кровью. Дзаххот вернул газету Мурату, попросив:

— Читай, Мурат, вслух...

Мурат, держа газету двумя руками, читал:

«Присяга сына осетинского народа.

Молодой боец! Вглядись в лицо комсомольца Дзотова. Прочитай слова, которые в наказ тебе написал он своей кровью»,— голос Мурата дрогнул. Он силился читать дальше, но не смог и некоторое время молчал, глотая слезы.

«Товарищи мои боевые! Я до последней капли крови был верен святой присяге, которую принес Советской Родине. Я пролил свою кровь за честь, свободу и независимость нашей страны. До последнего вздоха я считаю себя верным сыном своего народа. Бейте ненавистного врага! Вперед за Родину, за Сталина! Лейтенант Лазарь Дзотов...»

Дочитав, Мурат отдал кому-то газету и побрел прочь, чтобы никто не видел его слез.

«Уйду, уйду! Убегу, если добром не пустят...»

Только одному Асланбегу и доверился. Вечером, вернувшись с поля, отозвал брата за сарай и сказал:

— Асланбег, ты уже взрослый. Теперь тебе оставаться в доме за старшего, я ухожу на войну...

— А кто тебя пустит? Не пускают... Я пытался...

— Это ты, а мне уже шестнадцать лет. Как и Петьке...

— Какому Пете?

— Не твоего ума дело. Слышал, о чем тебе толкуют?

— Слышал... А мне кого после себя оставлять за старшего? Фузу?

— Пока повзрослеешь, война кончится...

— Ага, тебе, значит, достанется, а мне нет? Ладно, уходи. За нас не беспокойся...

Но в военкомате Мурату заявили:

— Моложе восемнадцати в армию не берем. Лучше помогай колхозу. Это тоже фронт. Хлебный фронт.

8

Дни плелись, словно преодолевающие крутой подъем быки, медленно и тяжело. Наступило первое сентября, но школьный звонок не прозвенел. Старшие классы находились еще в поле, убирали кукурузу. Мурат работал ездовым на бричке, отвозил кукурузу в заготзерно.

Радио и газеты сообщали новости одна тревожнее другой: немцы продолжают наступать. Артиллерийская канонада была уже слышна и в Тагардоне: гитлеровцы, заняв Кабарду, дошли до Эльхотово. Тревога в народе росла с каждым днем. Многие обратили свой взор к горам,— пока не поздно, надо уйти в глухие ущелья, угнать скот, перевезти домашний скарб...

В воскресенье Мурат по дороге с заготзерно завернул домой.

Фатимат стояла у ворот с мужчиной в военной форме, опирающимся на костыль. Мурат еще издали признал Азанбега, дальнего родича.

Бросив лошадям охапку кукурузных стеблей, он вошел в дом. Поздоровался с Азанбегом за руку. Тот покровительственно похлопал его по плечу. Мурат присел на самый краешек стула, всем своим видом показывая, что ему некогда рассиживаться, и задерживается он лишь из вежливости...

Фатимат быстро накрыла на стол, — долго ли выставить чурек, соленые стручки горького перца и небольшой графин араки.

Азанбег налил себе полный стакан и, оглаживая его, говорил:

— Фатимат, провалиться мне на месте, если я скажу хоть слово неправды. Силен проклятый фашист, силен. Ни пуль, ни снарядов, ни бомб не жалеет! Самолетов — тучи черные. Танков — бессчетные табуны. Небо рушится, земля ходуном ходит. Всю Европу — под кованый сапог и заставил работать на себя. Я до сих пор не верю, что вырвался живым из кромешного ада,— Азанбег оторвал от стола свой стакан.— Но бог всемогущ. Пусть хранит нас. Пусть хранит Татари и Тотырбега,— не выпил, а вылил в себя крепчайшую араку и даже не крякнул. Закусил крошкой чурека, пососал перец.

— Беда... Божье наказанье на нас идет,—сокрушалась Фатимат.— И почему только бог не покарает этого нечестивца...

— Не бог на его стороне, а сила. Если крутящиеся вовсю

жернова можно остановить голой рукой, то и немецкие армии можно удержать. Сколько нас было в полку? А осталось несколько калек. Бойня, настоящая бойня. Но с меня хватит. Завтра же подамся в горы. И вам советую. Там его танки не пройдут, а от самолетов можно спрятаться в пещере. Если он дойдет сюда... Да что там «если», когда он уже в Эльхотовские ворота стучится! — Азанбег снова наполнил стакан.

Глаза Мурата вспыхнули. Усмехнувшись, он сказал:

— Ты зря только теряешь время...

— Что ты имеешь в виду? — насторожился гость.

— Они уже стучатся, а ты все рассиживаешься. Так не успеешь в горы. Ты хромой, к тому же еще подходящую пещеру надо отыскать...

— Ты каким тоном разговариваешь со старшим? Стыдно, Мурат... — накинулась на него мать.

— А чего он разводит панику?

— Побывал бы он там, где я был, не то что хромой,— ноги бы не унес.

— И что хорошего в том, что ты унес? Дали твоему Гитлеру под Москвой? Дали. Дадут и под Сталинградом. И здесь получит.

— Когда я был таким же молокососом, тоже верил в непобедимость Красной Армии, в сталинских соколов, что наши танки быстры и броня крепка...

Мурат вскочил, не дав ему договорить:

— В моем возрасте ты был таким же пропойцей, как и сейчас,— сказал он и выбежал из дому.

Фатимат умоляюще скрестила руки на груди:

— Несмышленыш еще, прости ему.

— Одним словом, комсомолец... — Азанбег поднял стакан.— Фатимат, пусть святой Георгий приютит под своим золотым крылом твоих фронтовиков. Пусть найдут они свой порог живыми и невредимыми. А вам еще раз говорю, как-никак родичи, позаботьтесь, пока не поздно, о себе. У вас же есть в горах родственники...

Азанбег не ушел, пока не опорожнил весь графин. А Мурат все рассказал Аузби. Тот долго о чем-то думал, потом созвал всех в полевой стан.

— В селе появились первые паникеры,— говорил Аузби.— Худо, очень худо. Врагу только этого и надо. Да, немец оккупировал чуть ли не полстраны, он все еще силен. Но это уже не тот фашист, что в начале войны. Не поддавайтесь, дорогие односельчане, панике. Горе тому, кого в трудный час обуяет страх, кого покинет мужество...

Но война неумолимо приближалась. Над Тагардоном все чаще стали появляться немецкие самолеты. Облетая село, они уходили в ту сторону, откуда доносилась канонада. Люди поначалу шарахались от них, но скоро привыкли к ним.

В тот день несколько бричек возвращались с заготзерна. Дорога петляла вдоль берега Тагардона, и Мурат думал о том, что через пару недель колхоз выполнит план хлебосдачи и что кукуруза как никогда удалась на славу. Ребята, наверное, за день собрали початков еще на один рейс. Эх, застать бы Мисурат в поле...

Гул самолетов прервал ход его мыслей. В высоком небе появилась пятерка стервятников с черными крестами. Вдруг один резко отделился и на бреющем полете пронесся над бричками. Мурат гикнул на лошадей. По нарастающему сзади гулу он понял, что и второй самолет пошел в пике. А потом услышал надрывный вой падающих бомб. Раздались взрывы. Правую руку Мурата обожгло. Бешено рванувшись, понесли лошади. Бричка перевернулась, и Мурат полетел в холодные воды осенней реки...

Очнулся он в больнице. Над ним склонился врач:

— Пришел в себя? Ну и молодец. Не пройдет и недели, как все заживет.

— А что у меня с рукой?

— Ничего опасного, только вот фаланги двух пальцев пришлось... Не пугайся, не пугайся, только самые кончики!

— Как же я стрелять буду?

— Стрелять? Олично! Как ворошиловский стрелок. Полежишь у нас немного и...

— Нет, нет, я хочу домой.

— Вообще рана пустяковая, можно и отпустить, да вот не простыл бы...

Дома Фатимат запричитала:

— Горе на их голову! Чтоб они рук и ног лишились. Одни обрубки чтоб от них остались. Покарай их, боже праведный, судом своим суровым. Изверги, изверги, на детей бомбы кидают!

Она нагрела воды, приготовила чай из калины. Мурат, держа ноги в горячей воде, пил обжигающий чай, обливаясь потом.

Он долго не мог уснуть, все ворочался с боку на бок. Болела рука. Где-то за полночь забылся, и приснился ему сон. Будто идет он по берегу Тагардона. Река бесится. Вдруг на противоположном крутом берегу он увидел Мисурат. Она призывно махала ему. Потом, разбежавшись, прыгнула в воду. Мурат испугался, что ее унесет сильным течением и бултыхнулся следом. Тут он увидел, что вместо Мисурат появилось какое-то страшилище с огромными клыками и хочет схватить его. Он заметался, чувствуя, что вот-вот захлебнется, и проснулся в холодном поту.

— Ясно,— растерянно сказал вслух,— я теперь точно заболею.

Стоило Мурату увидеть во сне, что он купается, как непременно заболевал. Но не каждый же сон в руку, может, пронесет...

«Тагардон, Тагардон... Сколько раз ты обходилась со мной, словно злая мачеха. Досталось мне от тебя и в детстве...» Мурат вспомнил, как однажды зимой река «крестила» его в холодной купели.

...Крутит метель, в комнате гуляют сквозняки, печь давно остыла,— а надо вставать. Мурат вскочил, подбежал к жбану, сунул в него кружку и услышал стук — вода замерзла. Он выглянул в окно. Темень непроглядная. Издали донеслись удары молота и перезвон молотка. Значит, отец уже в кузне. На кухне мать возилась с печкой.

— Нана, баппу давно ушел?

— Он не чета тебе, не спит до обеда, лежебока. Одевайся, солнышко, привези воду, напои скотину.

В углу за дверью — старый мятый медный таз, рядом кувган. Мурат умылся. Фатимат поставила перед ним испеченную в духовке картошку в мундире, чашку кипяченого молока и горячий духовитый ломоть чурека.

— Не наполняй бочку доверху — лучше два раза сходишь,— сказала она.

Бочка была крепко привязана к деревянным салазкам с железными полозьями. За ночь санки примерзли к земле. И Мурату пришлось поднатужиться, чтобы сдвинуть их с места. Казалось, весь мир окоченел на обжигающем морозе. Замерз и сизый дым, замерз и столбом завис над трубой. Снег звонко похрустывает, салазки скользят с легким шелестом.

Люди осторожно спускаются по крутому берегу, достают из дымящейся проруби тяжелую мутную воду. Одни, как и Мурат, возят воду на салазках, другие пришли с ведрами и коромыслами. Мурат поднял наверх три ведра, сошел за четвертым. Опустившись на колено, зачерпнул полное ведро, но, уже поднимаясь, поскользнулся и оказался по пояс в проруби. Хорошо, что еще успел распластать руки. Какая-то женщина схватила его за ворот телогрейки и помогла выбраться.

— Беги, беги скорей домой!

Но кто напоит скотину? Придется матери самой волочь эту тяжесть.

Салазки снова успели примерзнуть. Мурат приналег плечом, сдвинул их...

Фатимат ждала его у ворот.

— Где ты задержался, мой мальчик? Я уже третий раз выглядываю...

— А мне ничуточки не больно. И ноги не очень замерзли. Погреюсь немного и снова...

— Что с тобой? Ты провалился в воду? Боже мой, ты же совсем обледенел! Скорее в дом!

...Сон все не шел. Ноющая боль от руки отдает в сердце, бок не дает вздохнуть. Но самой мучительной была мысль: «Как же я, беспалый, буду стрелять из винтовки».

9

— Хасион*, принеси и пива, и араки. Дороже Азанбега к нам гость не пожалует,— говорил Дзарахмет своей жене Фаризат.

Азанбег, вытянув раненую ногу под столом, украдкой обшаривал глазами углы и с завистью думал: «Мужчина всегда остается мужчиной. Дзарахмету начихать, что где-то идет война...»

Фаризат, пышная женщина лет пятидесяти, накрывала на стол, прислушиваясь к разговору мужчин. Она понимала мужа с полуслова, понимала по одному взгляду. Почти тридцать лет живут вместе, и за эти годы не сказали друг другу тридцати грубых слов. Толковой хозяйке попался настоящий хозяин. От отца Дзарахмету досталась беззубая лошаденка и две коровы — кожа да кости. Но недаром предки говорили: доброе потомство не нуждается в наследстве, а худому и подавно не следует его оставлять.

Когда народ сверг власть имущих, потом с оружием в руках отстаивал свои завоевания, находились и такие, которые предпочли срывать замки с магазинов и складов. Дзарахмет примкнул к последним. Урвал, конечно, не очень много — подумаешь, два тюка тонкого сукна, что-то около двухсот метров. Надежно припрятал, правильно рассчитав, что людям пока не до нарядов, да и деньги еще не вошли в цену. А наступило подходящее время — развернул торговлю отрезами на черкески, рубашки и галифе. Понятное дело, торговал вдали от родного села, при этом не забывал уточнить: «Вообще-то отрезы берег для себя,— подарок родственников жены, но прижала нужда».

Приобрел пару отличных лошадей и бричку, несколько голов скота. Потихоньку дом полнился. Потом Дзарахмет скупил у нэпмана, владельца лесопилки, строительные материалы — стропила, балки, рейки, заготовки для оконных рам — и перепродавал в отдаленных равнинных селах втридорога. Лет через пять выстроил домину из красного кирпича. «Этот и на голой вершине не пропадет, мертвому в горло вцепится»,— говорили сельчане. Фаризат была надежной опорой мужу, чуткой и внимательной женой: горячая пища, чистая одежда, порядок в доме — ни о чем не надо было напоминать.

---

*Хасион — обращение к замужней женщине по девичьей фамилии (здесь — Хасиевы).

Фаризат не только сама боготворила мужа, она и детям привила почтительное отношение к отцу.

Достроив дом, Дзарахмет переключился на «умственный» труд. Любил читать, хотя с грехом пополам закончил всего два класса церковно-приходской школы. Теперь он — постоянный подписчик на газеты «Растдзинад»* и «Известия»,— всегда был в курсе текущих событий как внутри страны, так и на международной арене, и при каждом удобном случае рассказывал безграмотным старикам, где, в каком государстве сменилась власть, кто пришел на смену такому-то правителю, президенту, королю, кто из членов правительства нашей страны где выступил, что сказал. Цепкая от природы память его удерживала целые абзацы из газет, крылатые выражения, и при случае Дзарахмет старался ввернуть их в свою речь. Постепенно о нем сложилась слава грамотного и знающего человека.

С началом коллективизации Дзарахмет приуныл было, но, быстро сориентировавшись, добровольно отвел в колхоз лошадей и две коровы — так он избежал раскулачивания, с полным основанием опасаясь, что не оправдается отсутствием наемной силы. Через год-два его попросили занять место заведующего хозяйством колхоза. В работе он не щадил себя, но подвернулось более доходное место, и теперь нужен был благовидный предлог для выхода из колхоза.

Олень о четырех ногах и то, говорят, спотыкается. Занемог Дзарахмет. Как явствовало из справки докторов, болезнь приняла затяжной характер. Дзарахмет не хотел быть обузой для колхоза и подал заявление о выходе, попросив выдать ему соответствующий документ об его активном участии в коллективизации. Просьбу удовлетворили, пожелав скорейшего выздоровления.

Бог внял голосу доброжелателей: буквально на третий день Дзарахмет принял дела завхоза Тагардонского пищекомбината. Здесь выпекали не только хлеб, но и пирожки с повидлом, комбинат скупал у населения фрукты и поставлял в торговлю сушки. Вот тут-то Дзарахмет и развернулся в полную силу своего хозяйственного таланта. Казалось, он забыл об усталости, о том, что в сутках всего двадцать четыре часа. Вся тягловая сила — в полной готовности, все брички и арбы — на ходу. Как-то один из коней сломал ногу. Оставалось только пристрелить конягу, но Дзарахмет упросил начальство отдать животное ему. Отвел мерина домой, пригласил ветеринарного врача. Выходил-таки, конь лишь слегка прихрамывал. Дзарахмет на комбинате сделал себе арбу, впряг хромца и ездил на нем на работу. В кузове всегда лежала охапка сена, видимо, так, для

---

* «Растдзинад» («Правда») — республиканская газета.

красоты. У руководства комбината Дзарахмет был на хорошем счету, выше всех подозрений...

Он частенько поучал своих смышленых детей: «Эх, удалось бы мне в свое время закончить хотя бы Ардонскую семинарию — кем бы я стал... Слушайтесь учителей, учитесь хорошо, не ленитесь, и тогда блага этой благословенной власти будут вашими». По совету отца дочери стали продавщицами. Обе были довольно смазливыми и вскоре удачно вышли замуж в соседние села. Сын Бексолтан сразу же после школы был призван на действительную. Война застала его где-то на Северном Урале...

— Наседает Гитлер, говоришь? Горе идет к нам, горе. А ведь есть и такие, которые ждут-не дождутся его прихода. Мне же лучшей жизни не надо, да и как ждать от чужеземцев лучшей доли? Но все во власти божьей. Пусть он не лишит нас своей милости, Азанбег,— Дзарахмет чокнулся с гостем и осушил свой бокал.

— Мы маленькие люди. Все мы ходим под богом. Слава ему,— Азанбег тоже выпил и шумно втянул в себя воздух.— Фаризат, ну арака у тебя — чистейший спирт!

— Закусывай, дорогой гость, закусывай,— проворковала Фаризат, польщенная похвалой.

— Да, Азанбег, все мы под богом. Но и он в такое время за всеми не уследит. Вышли люди из его повиновения, ей-богу, вышли. Ты говоришь, что вырвался из настоящего ада? Азанбег, будь со мной до конца откровенным, такая смута кругом... Скажи, что нас ждет?

Азанбег глубокомысленно наморщил низкий лоб.

— Трудно предугадать вперед, но одно скажу вполне определенно: нет силы, способной устоять против немецкой армии. Уже слышно, как они барабанят в Эльхотовские ворота. Нет, не устоять нашим, ни за что не устоять. Так что жди фрицев не сегодня-завтра.

— А что ты намерен делать?

— Я? Зароюсь поглубже. Пережду, пока наверху не успокоится. А там высуну нос. У меня совесть чиста. Был на войне, отдал долг сполна, пролил свою кровь...

— Беда, сущая беда, куда денется вся наша социалистическая общенародная собственность?

— Э, Дзарахмет, если падет корова, волки найдутся. Я свое тоже не упущу.

Дзарахмет пристально посмотрел в глаза Азанбегу и сказал:

— Во дворе моя лошадь. Она всегда в твоем распоряжении. Сам понимаешь, я этой власти служил верой и правдой, и самому мне нельзя... вмешиваться в раздел — кто-нибудь да донесет немцам...

— Я понял, Дзарахмет, понял. При случае все можно повернуть, куда следует.

— Хорошо иметь дело с понятливым человеком. Спасибо, Азанбег, что нашел время и навестил стариков...

10

Мурат горел огнем. Фатимат совсем потеряла голову. Асланбег не отходил от него, притихли и обычно галдящие сестренки. Приходили врачи, выписывали лекарства. Так прошло недели две. Наконец Фатимат вздохнула облегченно — дело пошло на поправку.

Теперь и она могла помочь на уборке кукурузы,— оставались последние гектары. Как-то вечером Фатимат, вернувшись с поля, накормив девочек и Мурата жиденькой похлебкой, взялась за вязанье шерстяных носков. Днями отправила Татари и Тотырбегу по паре, теперь бы успеть к той неделе связать хоть три пары для фронта. Мурат с интересом наблюдал за мельканьем спиц в руках матери.

В сенях кто-то затопал ногами.

Отворилась дверь, и в комнату влетел Асланбег. У него был такой вид, словно за ним гнались: шапка — в руках, штаны мокрые, тряпичные чувяки в грязи.

— Помните Сабега? Вернулся с войны. Весь покалеченный, потерял правую руку и левую ногу. Нашего баппу не встречал. А Тотырбега, говорит, только издали видел, и то в прошлом году...

Фатимат отложила вязанье, горько вздохнула:

— Бедный Сабег... Какой был мужчина... Руки нет и ноги нет, говоришь? Только таких и отпускают домой...

Раздался стук в ворота. Мурат выглянул в окно. У ворот стоял незнакомый человек. Асланбег рванулся было к дверям, но его остановил голос брата:

— Куда летишь? Еще напугаешь своим видом,— Мурат, накинув отцовскую телогрейку, вышел встретить гостя.

Тот уже стоял во дворе. Высокий, крепко сбитый, в галифе и хромовых сапогах. Коротко подстриженные седые усы и борода, на голове золотистая каракулевая папаха.

— Можно к вам?

— Пожалуйста... Проходите...

Мурат спустился по ступеням. Мужчина, шагнув навстречу, неожиданно расплылся в радостной улыбке. Но взгляд серых глаз гостя был до того пронзителен, что Мурат почувствовал себя неуютно. Мужчина привлек его к себе, обвил могучими руками:

— Как ты вырос, как ты вырос, мой мальчик! Ты меня, вижу, не помнишь... А почему ты такой бледный? Все бо-

леешь? Слышал, слышал. Вот и приехал прямо из города, — мужчина подхватил свой чемодан и последовал за Муратом.

Фатимат выглянула в сени. С минуту внимательно разглядывала пришельца, потом всплеснула руками:

— О боже! Камболат! — и обняла его.

С начала войны это была первая радость в доме Татари. Камболат тоже чувствовал себя счастливым. Приласкал девочек, дал каждой по горсти в жизни не виданных ими конфет. Потом пододвинул к себе чемодан, открыл его ключом, достал отрез на платье, пару чулок и небрежно бросил все это на колени Фатимат. Теперь гость все свое внимание обратил на Мурата и Асланбега.

— Мой младший брат выглядит бравым молодцом. Сердце радует. Будь счастлив, олененок. Но меня печалит вид Мурата. Впрочем, трудно сказать, что лучше в наше смутное время. Пальцы — чепуха! Не обращай внимания. Может, по поговорке получится: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»? Расскажу вам старую быль. Словом, жил в горах один бедный, как я, человек. Пропала у него единственная лошадь. Соседи выражают ему соболезнования, а он отвечает: «Кто знает, быть может, это к лучшему, что у меня пропала лошадь...» И что вы думаете? Проходит время и возвращается лошадь, да не одна, а с жеребцом. Соседи спешат к нему, поздравляют. А он все свое твердит: «Кто знает, быть может, это к худшему, что моя лошадь привела чужого жеребца...» И вот как-то сын этого бедняка вскочил на жеребца и поскакал. Жеребец понес его и на полном скаку сбросил. Парень сломал ногу. Соседи тут как тут, ахают, охают, скорбят. А бедняк за свое: «Кто знает, может, оно и к лучшему...» А тут война. Призвали всю молодежь аула. Ни один не вернулся. А сын этого бедняка умер своей смертью, наплодив доброе потомство... Так что, Мурат, не унывай, мое солнышко: никто не ведает, что к счастью, а что к беде.

— Камболат, где ты пропадал столько лет? До нас доходили слухи, что ты в Средней Азии, в Бухаре...

— Ох, Фатимат, не дай бог и врагу ходить по моим дорогам, и вспоминать больно, бередить душу... Но теперь, благодаря великому богу, все позади.

В детстве Мурат не раз слышал: «Твой дядя Камболат мужчина что надо, один ущелья целого стоит». Он не до конца понимал смысл этой похвалы, но мечтал увидеть своего дядю, представляя себе высокого и сильного мужчину, на красивой лошади, в белой черкеске, обвешанного оружием: на плече винтовка, на одном боку сабля, на другом — револьвер, а уж кинжал — само собой...

И когда к ним однажды приехали двое мужчин, он безошибочно угадал дядю. И конь под ним был красивый, нетерпеливо ржал и приплясывал, рвал поводья. И серебряный ак-

куратный кинжал был и короткоствольная винтовка, называемая карабином.

Камболат подарил отцу ноговицы и наборный серебряный ремешок, матери отрез на платье, а ему и старшему брату Тотырбегу по складному ножику.

— Скажите Камболату спасибо,— подтолкнула их мать.

Тотырбег поблагодарил, а Мурат побежал на улицу, чтобы скорее похвастаться ножиком перед Тузаром, своим закадычным другом. Они увлеклись игрой и не заметили, как к ним подошел Камболат.

— А ну-ка я гляну, какие тут растут богатыри...— Камболат вытащил из кармана полную пригоршню медяшек.— Кто из вас одержит верх в борьбе, тому — во, сколько дам!

Мурат и Тузар без долгих колебаний схватились. Мурат сделал подсечку и повалил Тузара, но не смог удержать на лопатках. Они снова, как два взъерошенных петушка, накинулись друг на друга. Камболат покатывался со смеху. Мурат на секунду зазевался, и тут Тузар подставил ему ногу...

— Ха-ха-ха! Ну и богатыри. Ничья у вас. Значит, и деньги ничьи! Ха-ха-ха!..

Камболат смеялся, а серые глаза его оставались холодными.

Когда Мурат напомнил дяде тот давний случай, Камболат захохотал от души. Наконец сказал, поднося к глазам платок:

— Ой, уморил меня, брат. Так и быть, верну я тебе должок,— встал и снял с вешалки свою золотистую бухарскую папаху.— На-ка, примерь. Будет впору — твоя!

Оказалась большая, да, видимо, хозяин шапки на это и рассчитывал.

— Не люблю я бухарскую,— сказал Мурат.

— А какую?

— Ушанку.

Камболат снова открыл чемодан, порылся в нем и достал две небольшие каракулевые шкурки, серую и темно-бронзовую.

— Какой тебе цвет нравится, а, Мурат?

— Бронзовый...

— Бери,— кинул ему в руки шкурку.

— А другая тебе, удалец Асланбег.

— Камболат! — с укором воскликнула Фатимат.— Слишком дорогие подарки...

— А братья мои дешевые? Сшейте им ушанки. Правда, не мои шкурки, один знакомый туркмен попросил продать с десяток... Не хотел я брать, кому сейчас до бухарских папах, когда на дворе...

— Ну, почему, Камболат,— отвечала Фатимат.— Берут старики, и ты продашь.

— Не за деньги бы. Деньги сейчас — тьфу! За пшеницу бы... Можно, на худой конец, и кукурузой брать.

— Кукуруза есть, но, может, у кого и пшеница найдется.

— Ладно, с торговлей пока повременим,— отвечал Камболат.— Тем более, что это небезопасно. Вы пока припрячьте чемодан мой. И — ни гу-гу! Мне с утра обратно в город. Дом я приобрел и кое-что из вещей. Сама понимаешь: сейчас надолго оставлять дом без присмотра все равно, что самому пригласить вора.— При всем этом Камболат «забыл» сказать своим ближайшим родичам, что он уже побывал в соседнем районе и выгодно обменял на зерно два десятка золотистых и черных шкурок.

А Фатимат думала о своем.

— Знаю, обременяю тебя, Камболат, но прошу: возьми с собой Мурата и покажи его в городе хорошему врачу. Неспокойно на душе. Я дам ему немного денег на дорогу...

— О чем разговор, сноха дорогая! Непременно возьму, сам думал... У меня есть очень хороший знакомый врач.

* * *

На следующий день Мурат вместе с Камболатом приехал в Орджоникидзе.

Он не узнавал его, везде печать прифронтового города. Несколько раз их останавливали патрули, требуя предъявить документы.

Камболат привел его к двухэтажному особняку. На парадной двери тускло поблескивал бронзовый колокольчик. Дядя дернул шнурок, и через минуту к ним выглянула средних лет женщина в белом переднике.

— А-а-а, Камболат! Добро пожаловать. Ханджери у себя в кабинете. Но придется немного подождать.

По широкой лестнице, устланной мягкой ковровой дорожкой, поднялись на второй этаж. Мурат еще внизу скинул свои галоши, снял телогрейку. Ждать действительно пришлось самую малость.

Кабинет скорее походил на гостиную: высоченный потолок, огромные окна, на стенах гобелены, на одном из двух диванов расстелена шкура тигра. У Мурата разбежались глаза, когда он увидел застекленные стеллажи с книгами. Пушкин, Толстой, Гете, Флобер, Мольер, Талейран... Энциклопедии, книги по медицине...

Открылась маленькая дверь, и показался сам хозяин. Ростом чуть выше своей жены, с пухлыми щеками, гладко выбритый. Мурату не понравились его водянистые заплывшие глаза, но когда тот от души обрадовался дяде, поверил: перед ним добрый, хороший человек. Врач, который непременно вылечит его.

— Вот, Ханджери, дорогой, привел к тебе своего младшего брата. Занемог он у меня...

— Вижу, Камболат, вижу,— Ханджери взял руку Мурата, нащупал пульс.— Да, плохо живется твоему брату, уважаемый Камболат. Он давно забыл вкус мяса и масла. А, молодой человек? Небось нажимаешь на фасоль, картошку, тыкву? А, может, и того вдоволь нет? Ну-ка, подними рубашку,— Ханджери приставил к его груди стетоскоп.— Дребезжат твои легкие, молодой человек. Не лекарства тебе нужны, а сухой климат и мед, масло, жирная баранина. Но у нас ни сухого климата, ни еды. Климат — от бога, а вот... Что с пальцами? Повезло тебе, брат, не дадут тебе винтовки. И пусть тебе большего горя не видать, чем это...

Мурата покоробил тон врача, циничный, равнодушный, холодный...

— Мой братик большой патриот. Он рвет постромки, желая попасть на фронт и бить фрицев,— трудно было понять, то ли хвалит его Камболат, то ли насмехается.— И фаланги пальцев потерял, попав под бомбежку, когда возил кукурузу в заготпункт. Не был бы дураком, сидел бы себе дома, коротал время за книжками, а там или ишак подохнет, или хозяин отдаст концы... Надо уметь выжидать!

— Я тебе, молодой человек, советую выучиться на врача. Медицина вне политики: доктора нужны властям всех мастей — как Гитлеру, так и Сталину...

Ханджери еще до революции окончил медицинский институт в Петербурге. Отец его хоть и не был богачом, но жили они безбедно: пахотные земли, сенокосные угодья, лошади, несколько пар упряжных быков, овцы, коровы... С детства Ханджери был болезненным. Каким только врачам не показывал его отец! Но вот он прослышал о каком-то специалисте из Пятигорска. Привез к нему. Тот выходил мальчика, поставил на ноги. Отец щедро отблагодарил исцелителя — привел в его двор чистых кровей верховую лошадь и десяток откормленных баранов. И твердо решил, что сыну надо стать непременно врачом. С помощью денег заручившись поддержкой влиятельных лиц, устроил своего отпрыска в институт. В шестнадцатом Ханджери вернулся во Владикавказ.

В революцию Ханджери ничью сторону не принял. К тому времени он уже успел обосноваться и аккуратно исполнял свои обязанности в больнице. «Я врач, мой долг лечить больных»,— любил говаривать он. И с одинаковым успехом брал деньги за лечение как у белых, так и у красных,— у всех, кто в нем нуждался. Принимал больных и дома, никому не отказывая. Не был и особо щепетильным, что давали, то и брал. От некоторых перепадали и золотые вещички. Одним словом, средств накопил достаточно, чтобы замахнуться на строительство частной клиники, да не тут-то было...

Теперь с Камболатом ждали прихода тех, кого они называли своими избавителями-спасителями.

— Я то же самое твержу Мурату,— сказал Камболат.— А пока увезу его в горы. Буду поить овечьим молоком и кормить мясом ягнят. Но ты все же пропиши ему какие-нибудь лекарства...

— Может, мне следующим летом лучше уехать куда-нибудь, где климат посуше? — сказал Мурат.— Учиться.

— Тебе что, уши заложило? Не слышишь, как они ломятся в ворота?

Мурат понял, что дядя имеет в виду немцев.

— До лета тебе еще дожить надо,— что-то размашисто черкая на листочке бумаги, сказал Ханджери.— Дотянешь ли...

— Не пугай моего брата, уважаемый доктор,— как-то неестественно засмеялся Камболат и взял из рук Ханджери бумагу.

— Выйдем-ка, Мурат.

На лестничной площадке он достал деньги и вместе с рецептом сунул в карман Мурату.

— Купишь себе лекарства. Время очень беспокойное, что в горах, что на плоскости. Так что в такую минуту лучше быть дома, где, как известно, и стены помогают. Главное, не сдавайся, и тогда любая хворь отступит. Я скоро навещу тебя. Не забудь и детям купить сладости. Иди...

Мурат прямиком направился на вокзал. Не нужны ему лекарства, которые прописал этот... этот... Тоже мне, врач... «До лета тебе дожить надо... Дотянешь ли...» Чтоб ты сам сдох!

Дома никого не застал. Он выволок из-под кровати свой фанерный чемодан, им самим покрашенный в красный цвет. Присев у окна на табуретку, поставил чемодан на подоконник. Достал свои дневники, ученические тетради со стихами.

Дневники... Понравившиеся мысли из прочитанных книг, полудетские думы, сомнения. А самые сокровенные слова были посвящены той, которая внесла в его душу смуту и доселе незнакомую радость. Но никто не имеет права даже притрагиваться к его дневникам и тетрадям. Ведь он умрет и...

Страницы пожелтели. Пожелтели страницы, и он тоже... Обречен, обречен! «До лета тебе еще дожить надо...»

Никто не должен проникнуть в его святая святых. Прочитать напоследок и — сжечь! Он схватил тетради, скомкал их и... Ему стало жаль их, они показались ему живыми. Но другой голос нашептывал: «Рви! Жги! Ты умрешь, а кто-то будет потешаться над твоими мыслями».

Того и гляди, немцы придут... Нет, нет! Немцы не прорвутся сюда! Сюда они не дойдут!

* * *

Спровадив Мурата, Камболат вернулся к Ханджери. Теперь они могли говорить обо всем открыто.

— Камболат, если человек никому не нужен, никто в нем не нуждается, он ломаного гроша не стоит в хороший базарный день. Я нам обоим желаю, чтобы тех, которые испытывают в нас нужду, было больше, чем волос на голове у цыганки. При всем при том, чтобы мы сами ни от кого не зависели.

— Ты угодил в самое яблочко, Ханджери. Ты прочитал мои мысли.

— Насколько мне всегда бывает приятно видеть тебя, пусть настолько жизнь моя будет счастливой, но мне сегодня не нравится твой вид, неважно выглядишь, какой-то утомленный. Не случилось ли чего? Все хотел спросить, да при твоем брате-патриоте...

— Как живу, хочешь знать? Как медведь под кизиловым деревом — все ждет, когда же созреют плоды. И я всю жизнь жду... В молодости мечтал покрепче встать на ноги, заняться каким-нибудь прибыльным делом. Кое-что успел, но в один прекрасный день все рухнуло. Ах, провалиться тем, кто придумал эту власть! Потом надеялся, что вконец запутается этот...— Камболат поднял глаза на портрет Сталина.— Но тут я сам угодил им в лапы. И стал считать дни, когда освобожусь. Теперь же... Гибели их жду, гибели! Конца! Но когда, когда он наступит? Знаю, недолго осталось ждать, однако... Ты когда-нибудь видел, как убивают собаку или кошку? Приходилось, наверное... Так вот, разнесешь в щепы не одну палку, груду камней изведешь, забьешь так, что ни одной кости целой не останется, голова — лепешка, а она все дрыгает ногами, норовит, истекая слюной, еще и укусить. И когда только мои глаза их больше не будут видеть? А ты спрашиваешь, не случилось ли чего...

Ханджери сидел в глубокой задумчивости. Бог даст, недолго осталось ждать. Только что-то застряли они у этих Эльхотовских ворот. Армии Гитлера давно должны были быть в Баку. На исходе октябрь, но не то что до Баку, и до Грозного еще не добрались. Завязли в Эльхотово и в степях под Моздоком. Чего не бывает... А там — зима. К тому же, как он понял, Турция побаивается вступать в войну против России, Япония тоже заняла выжидательную позицию. А вдруг на самом деле их попрут? Тогда...

Ханджери боялся разоблачения. Хоть он и связан с людьми, которым абсолютно доверяет, однако гарантий от возможного провала нет, и дать никто не может. Только делиться своим страхом и сомнениями он ни с кем не собирался. Поэтому сказал:

— Ждали много, еще немного потерпим. Вот как дело об-

стоит. Пятого апреля сего года Гитлер говорил, что основные свои силы он бросит к Дону, чтобы именно здесь разгромить большевиков и перерезать дорогу нефти по Волге. А там ринуться на Кавказ и, овладев им, наступать на восток. Видя, что дела его не столь успешно развиваются, первого июня он поклялся: если в самом скором времени не приберет к рукам нефть Майкопа и Грозного, то прекращает войну.

— А если он и впрямь поставит крест на войне?

— Не спеши. Майкоп уже у него. И к Грозному приблизился на пушечный выстрел. Слушай дальше. Как только Гитлер захватит Баку, тут же Турция пойдет на этих собак. И тогда... На Северном Кавказе Гитлер держит специальный африканский корпус, который пройдет через Турцию походным маршем, а там, сокрушая все на своем пути, прорвется к Египту, где соединится с армией Роммеля, и вот тогда-то союзников этих сметет в Средиземное море. Отсюда немцы повернут на Индию, потом до Китая рукой подать — там и произойдет их встреча с японцами. Лишь тогда и будет положен конец войне, что само собой означает вечный покой твоим большевикам.

— И откуда ты все так хорошо знаешь? Я как-то спрашивал тебя, кажется, но ты мне ничего не ответил.

— И не отвечу! Не обижайся. Наполеон когда-то сказал: «Если о моих мыслях проведает моя шляпа, то я ее съем».

— Окстись, Ханджери, будет тебе подозревать меня, я не тех кровей, которые продают и продаются. Между нами не должно быть тайн, иначе...

— А их и нет,— живо возразил Ханджери.

— В таком случае скажи мне: что ждет Осетию, когда они освободят ее? Идет ли с ними кто из наших? Я слышал, что Гаппо Баев* еще жив.

— Жив. Стал профессором Берлинского университета. Но он уже одряхлел. Найдутся более молодые, энергичные. Впрочем, мне конкретно мало что известно. Несомненно одно: и головы наши, и руки, и жизнь станут свободней,— распоряжайся собой, как хочешь. Никто не будет ограничивать тебя в твоих возможностях. Мне большего не требуется. И тебе, думаю, другого ничего не надо.

— Эх-х! Планов у меня много, дал бы бог волю.

— И бог наш, и покровитель наш — Гитлер. Ему и возноси свои молитвы. Ему и его доблестной армии. А планы у тебя просто замечательные. У меня тоже есть кое-какие задумки, но главное то, что жизнь станет свободной, и каждый будет работать на себя, а не на колхоз.

---

* До революции городской голова Владикавказа.

— Что ж... Пора и честь знать. Спасибо тебе, Ханджери,— Камболат поднялся.— Заждался меня мой уголок...

— Видел, видел! Отличную домину приобрел.

— Для бедняка сойдет,— скромно отвечал Камболат.— На первых порах. Потом оглянемся, может, что и высмотрим более подходящее. Да, чуть не забыл: скоро мне опять на комиссию, так что не обойтись без твоего колдовского зелья... Могут и вручить кремневку, а пули немцев не очень-то разбираются, кто чем дышит...

Ханджери вышел в боковую дверь. Вернувшись через пару минут, протянул Камболату бумажный пакетик.

— Выпьешь опять в день вызова.

Камболат в порыве благодарности крепко обнял Ханджери, оторвал от пола и закружил, хохоча. Отдышавшись, сказал:

— Есть еще кой-какая сила. В тебе ведь не меньше пяти пудов! Ха-ха-ха!..

— Добавь еще немного,— рассмеялся и Ханджери.

— Ну, пока, до скорых лучших времен,— Камболат попрощался с хозяином дома и проворно сбежал по лестнице.

11

Даже орлы стали избегать небо над Эльхотово. Ни днем, ни ночью не прекращалась артиллерийская канонада. Люди заметались. Многие, оставив дома, перебрались со своим имуществом в глухие горные аулы. Другие с тревогой ждали дальнейшего хода событий.

Вера Степановна наконец-то получила письмо от мужа. Он сообщал, что его танковый полк громит врага в Приволжских степях. Просил передать его сердечную благодарность Аузби и Госама, всем жителям, с таким радушием приютивших беженцев. И напоследок наказывал ей: «Я догадываюсь, что война вплотную приблизилась и к тем местам. Вера, если угроза прорыва фронта стала явной, постарайся эвакуироваться в более безопасное место. Все мои думы о тебе и о детях. Береги их!»

Вера Степановна не знала, как ей быть. Она бы ни на минуту не задумалась и, как многие, двинулась в Среднюю Азию, но Аузби и Госама... Так относятся к ней и к детям! А Вова — тот вообще не отходит от Госама, так и льнет к ней.

Первый кусок в доме — Вове и Мусе. Как же их покинуть? Но и деваться некуда. Они старики, может, немцы их не тронут. Не тронут?.. Аузби — член партии, дети на фронте... А тут еще приютили чужую семью, семью командира... Хоть бы что-то приятное для них сделать. И она решила подарить Госама свою шерстяную жакетку.

— Верочка, ты же для меня словно дочь. Разве я заслужила, чтобы ты меня так обижала... Нет, нет. Самой пригодится в дороге. О, горе, горе, и как же вы будете на чужой стороне? — заплакала Госама.

* * *

— Если нам суждено пропасть, пропадем и в горах. А нет, так и здесь ничего с нами не случится,— говорила Фатимат своим детям, а сама, конечно, думала о Тотырбеге и Татари. Она покинет дом, а немцы придут и разорят, порушат все. Тогда что, сын и муж вернутся к развалинам? Не бывать этому!

А Мурат твердо сказал Аузби:

— Я уже решил: уйду в партизаны.

— А партизаны захотят, чтобы ты к ним пришел? Или сам один будешь партизанить? — старик лукаво улыбнулся.

— Аузби, разве я не внушаю...

— Внушаешь, мой мальчик, внушаешь. Я тебе давно сказал, что ты мужчина. Но то — я...

Мурат остановился.

— А... А кто мне запретит? Конечно, сперва провожу в горы Госама и наших...

— Ты уже поверил, что немцы будут здесь? Уж сколько топчутся у Эльхотовских ворот... Неужели прорвутся, а?

— Не знаю... Но на всякий случай...

— Некоторые заранее позаботились о себе. А нам с тобой никак нельзя паниковать. С одной стороны, уборка не завершена — хлеб фронту нужен, фронту! С другой... Мы уйдем только в самую последнюю минуту.

Этот разговор состоялся вчера вечером, а сегодня... Не зря говорится: ждешь беду в дверь, а она — в окно. Когда немцам не удалось пробить брешь у Эльхотово, они пошли окольным путем через Чиколу, где их никто не ждал.

Мурат возвращался из амбулатории, когда со зловещим воем пронесся снаряд, и следом где-то поблизости громыхнуло. Потом второй, третий...

Мурат понял: случилось то, чего больше всего боялись. В конце села показались танки. «Наши! Наши! Идут наперерез немцам». Но, вглядевшись пристальнее, Мурат различил на башнях кресты.

Недолго думая, он перемахнул через плетень и огородами побежал в сторону леса. Запыхавшись, остановился. «Нана же изведется, беспокоясь. Надо вернуться»,— подумал он, но тут же отбросил эту мысль. «Сбор у скалы Хамыца» — вспомнил Мурат, и отпали все сомнения: только в лес, к партизанам.

Снова рванулся вперед. Бежал, не разбирая дороги. Вот и

опушка леса. Мурат остановился передохнуть. Оглянулся назад. Внезапно над селом появились и самолеты. Спикировав друг за другом, сбросили бомбы, и сразу же загорелось несколько домов.

— Больница горит! Там же раненые и больные!

Скала безвестного Хамыца находилась в начале ущелья Ореховых Рощ. До нее осталось совсем немного. Цепляясь за кусты, Мурат взбирался все выше и выше. Лес кончился. За голой высокой скалой с плоской вершиной стояла группа людей. Аузби, Александр, Мадинат... Они, кажется, и не заметили его появления, все смотрели на родное село, окутываемое дымом пожарищ.

— Слышишь, Александр, со стороны Эльхотово все еще доносится пушечная стрельба. По всей видимости, немец прошел задами. Не через Чиколу ли?

— Видимо... Прозевали,— голос секретаря райкома партии был полон горечи. Аузби повернулся к Мурату:

— Ты не знаешь, успели уехать наши гости?

— Не знаю... Я ходил в амбулаторию, а тут... Даже домой не успел заскочить.

— Это плохо... Ну ладно, не переживай. Поймут, что ты со мной.

Александра было не узнать: что-то шептал бескровными губами, терзался какой-то думой. «Как же так, как же так случилось? Я, первый секретарь райкома партии, в недоумении. Каково же другим? Как мне объяснить все происшедшее? Что сказать людям, как оправдаться? Чудовищно: враг у стен Орджоникидзе, за три тысячи километров от своих границ! Кто бы мог и в мыслях допустить такое?»

— Идемте. Нас ждут,— сказал он и повернулся к Мурату.— Ты-то откуда свалился? Не сюда тебе бежать следовало, а по ущелью в горы, к родственникам.

Мурат в поисках защиты посмотрел на Аузби.

— Ты не смотри на него. Он-то мне и рассказал о твоей болезни. Вижу, не оправился еще, а...

— Я здоров, ничего у меня не болит.

Спустившись вниз, углубились в лес. Незнакомый мужчина вел группу по звериной тропе. Заморосило, потом начался дождь со снегом, и к ногам с грязью прилипали опавшие листья. Шли молча.

Мурат представил себе, что сейчас творится дома. Нана в тревоге, это уж точно. Асланбег откуда-нибудь следит за немцами. Сестры испуганно жмутся к матери. И совсем некстати вспомнил Мисурат. Может, прибежала к ним и ищет его, ищет опоры и защиты? А почему ей нельзя в горы, если Мадинат можно,— вон, в своей телогрейке, сапогах и шапке-ушанке смахивает на парня...

Аузби шел сгорбившись, тяжело переставляя ноги, словно тащил на себе все беды земли. Не дай бог никому той ноши, которая на душе у старика. Он думал о том, что когда-то ему уже пришлось вот так же уйти из родного села,— пришли деникинцы. Но с теми-то они потом за все рассчитались. Но тогда... Тогда он не выставил вместо себя пятерых воинов. Ой, горе, горе... Хоть бы гости успели уехать. Прознает немец, что это семья командира танкового полка и не миновать большой беды. Старуху-то, может, поимеют совесть, не тронут, а их... Госама уперлась, не сдвинешь с места: никуда не уйду, дома и стены помогают, не побегу я ни от какого врага, словно в укор ему говорила.

Аузби оглянулся, махнул рукой Мурату.

— Ну как, мужчина, муторно на душе? За своих тревожишься?

— И за своих, и за всех. Всякое лезет в голову.

— Понимаю, понимаю.

— Эх, надо было остаться в селе. Хоть бы одного фашиста отправил на тот свет. Ведь если бы каждый убил по одному фашисту, давно бы истребили их род проклятый! Аузби, не отправляйте меня в глушь.

— Не ты, я уйду в глухие ущелья,— с колхозными отарами.

* * *

Преодолев каменистую кручу, попетляв по еле заметной тропе, извивающейся вдоль берега шумливого и черного ручья, они, наконец, добрались до шалаша партизан. Замаскирован он был так, что не сразу и заметили среди деревьев: и стены, и крыша густо обложены ветками — просто непроходимый кустарник, и все.

Шалаш оказался просторным бараком, сколоченным из досок и бревен. Внутри находилось около двадцати человек. Мурату страшно хотелось прилечь, отдохнуть, и он притулился в уголке на свежей соломе.

Кто-то присел с ним рядом и погладил шершавой ладонью по щеке. Только по одному прикосновению руки узнал Аузби.

— Слушай, парень, а как ты узнал о месте сбора?

— Подслушал разговор Мадинат и Александра.

— Подслушивать...

— Они разговаривали при мне, значит, верили...

— Ну, тогда ты правильно рассудил, раз при тебе выдавали секреты. Ладно, отдыхай.

— Аузби, а ты не забыл попросить за меня Александра?

— Не забыл, как же так... Ходить тебе в партизанах. И карабин тебе дадут.

Всю усталость как рукой сняло, к горлу подкатила горя-

чая волна признательности, и Мурат прижался головой к плечу старика.

— Ты стрелять умеешь?

— Умею. Учили в школе.

Вечером мужчина в кожаной куртке,— его Мурат приметил еще днем,— начал вызывать по фамилиям тех, кому идти в ночной дозор. Мурат подошел к нему и умоляюще сказал:

— Пошлите меня тоже, а?

— Не о тебе ли говорил Аузби? Ты и есть Мурат?

— Да...

— Тогда одевайся потеплее...

Ночью повалил мокрый снег. Мурат стоял под большим деревом, держа наготове короткий карабин. Он продрог до костей, но боялся даже переступать с ноги на ногу: вдруг кто-то следит за ним и передаст Александру,— боец такой в отряде... Представлял себя дома, стараясь согреться мыслью о теплой комнате. Мать сидит у печки и вяжет носки. Он читает. Фуза и Рима о чем-то шепчутся. Асланбега, как всегда, где-то носит...

«А если их выгнали на улицу, и они спят где-нибудь в коровнике? Отец оставил всех на моем попечении, а я... А если и Мисурат... Если ее... Насильники эти...»

Отцовская телогрейка промокла насквозь, стала свинцово тяжелой, но Мурата колотит не только от холода, но и от этой ужасной сцены, которую он себе вообразил...

* * *

Из горняцкого поселка Мизур прибыл нарочный с пакетом.

— Завтра, третьего ноября, мне надлежит быть в штабе партизанского движения Осетии,— говорил Александр начальнику штаба, старшему лейтенанту.

— Одному в такую даль нельзя,— сказал начштаба.— Возьми с собой бойца.

— Ординарца, значит? — Александр усмехнулся.— Нет нужды: по своей земле хожу...

— По своей-то по своей, да на ней враг. Чего не бывает... Вы не только командир партизанской группы, но и секретарь райкома партии, нельзя этого забывать...

— Ну пусть седлают самого смирного из лошадей. Для него,— Александр кивнул на спящего Мурата.

Мурат будто и не спал:

— Я сам оседлаю лошадь!

— Вот тебе и лежебока! — рассмеялся начштаба.— Вот это я понимаю: спит и подслушивает. Настоящий разведчик.

— Когда будешь ехать со мной, Мурат, не вздумай одновременно и спать и глядеть в оба,— предупредил его Александр.

Мурат стал спешно одеваться: натянул фланелевую рубашку, сунул чувяки в латаные-перелатанные калоши...

— Ложись спать,— сказал Александр.— Оказывается, ты все-таки спал и не все понял: мы тронемся на заре...

...Низкорослые кавказские лошади легко шли по бездорожью, между высоких столетних чинаров, стоявших, как безмолвные сказочные циклопы. Лес наводил гнетущую тоску немотой и тишиной. Лишь под копытами лошадей с хрустом ломались сухие ветви, шуршали опавшие, безжизненные листья.

Путники ехали молча. Александр опять оказался в плену своих нерадостных размышлений по поводу всего случившегося и происходящего. Почему, почему его не пустили на фронт? Там положение куда определеннее. Или ты фрица, или фриц тебя. А здесь... Его даже не уведомили хотя бы за день, что фашисты пытаются прорвать фронт у Чиколы...

Мурат тоже ушел в раздумья о родном Тагардоне. Нана так до сих пор и не знает, куда подевался ее непутевый сын. Конечно, может догадаться, что ушел с Аузби, но одно дело строить догадки, другое — знать точно. Может, неугомонный Асланбег разузнает, куда пропал брат. Ведь кто-нибудь наверняка заметил, как он, сломя голову, удирал с храбростью зайца. И совсем некстати в ушах раздался смешок. Мисурат... Мысли Мурата прыгали, как белка с одной ветки на другую. Что ж, выходит, они бегут от родной земли? Но ведь земля та, по которой они едут, тоже родная, своя. И все же... А что еще будет? Что будет? И почему вызывают Александра? «Горы родимые, плачьте безумно...» Он помнит как пели на вокзале уходившие на фронт парни. «Плачьте, плачьте...» Ему стало чудиться, что все вокруг деревья, дальние горы, с надрывом повторяют: «Плачьте, плачьте...» И не песня, а какой-то стон слышится отовсюду, эхом отдается в горах и возвращается обратно тысячеголосым хором: «Враг наш ликующий в бездну нас гонит... гонит, гонит...»

— Карр-карр! — неожиданно раздалось у самого уха Мурата, и он вздрогнул, ошалело глянул вокруг и увидел, как одинокий ворон взлетел с невысокого дерева.

Наконец выехали из леса. От яркого свежевыпавшего снега на склонах Белой горы нестерпимо резало глаза. Нет в мире никакой войны, нигде не льется кровь — одна величественная красота природы...

Александр, тяжко вздохнув, натянул шапку на самые брови. Когда-то, давно, горы так же сияли первозданной чистотой...

...Это было летом тридцать девятого. Они отдыхали в Цее. Ночью высоко в горах выпал снег. Утром Алимат, радостная, вбежала в палатку: «Александр! Идем скорее, такая красота! Скорее!» Он, ворча, поплелся за ней, а, выйдя, замер в восхи-

щении: в лучах восходящего солнца всеми цветами радуги переливался ледник Сказа. «Правда, правда, восхитительно?» — Алимат ждала, чуть ли не требовала от него слов восторга, изумления, точно она сама сотворила это чудо или по крайней мере была причастна к нему.

...А два месяца назад двери его кабинета медленно открылись, и показался председатель райисполкома Майрам. За ним с мрачным видом вошли второй секретарь райкома, военком, начальник милиции...

Александр посмотрел на них с недоумением, потом сообразил, что произошло что-то непоправимое. Сердце заныло. «Неужели? Неужели? Как же так?»

Майрам вытер носовым платком повлажневшие глаза.

— Александр, крепись. Алимат для всех нас была как родная сестра. Мы все ее любили...— Он беспомощно развел руками.— Держись, дорогой. Мы всегда будем помнить ее. Светлая ей память.— Он подошел к Александру и обнял его. Уже потом, проводив их и закрыв дверь на замок, Александр упал на стул и дал волю своим чувствам...

«Алимат... Алимат... Какая боль... Ты поймешь и простишь. Останусь жив, найду твою могилу...» А пока... Вот-вот будет двенадцать часов. Скоро преодолеют перевал, спустятся в Глухое ущелье, а там...

— Александр! Смотри! — вскричал Мурат.

Александр осадил коня, посмотрел в том направлении неба, куда показывал Мурат, но ничего не разглядел.

— Вон! Вон! По прямой от Белой горы к ущелью. На парашютах! Один... И второй чуть в стороне.

Александр прикрыл ладонью больной глаз, всмотрелся в чистое небо и увидел едва различимые два белых облачка — зонты парашютов, а под ними темные кляксы — парашютисты...

— Мурат, надо успеть, пока они не приземлились. Это диверсанты!

Всадники скакали, не разбирая дороги, к сосновой роще. Соскочив с коня, Александр передал повод Мурату.

— Отведи коней в ложбину за скалой и оставайся там.

Мурат оглянулся, увидел поблизости огромный валун.

— Можно, я отведу лошадей, а сам спрячусь за тем валуном? Их же двое... И нас...

Александр насмешливо спросил:

— Ты хоть толком стрелять умеешь?

— В мишень только...

— А они и есть мишени... Впрочем, как и мы для них... Ладно, спрячься, но не высовывайся без моего приказа. Я побегу на тот край рощи.

Первый парашютист, ломая сучья, застрял на одном из

высоких лиственных деревьев. Второй плавно опустился на каменистый склон. Пробежав немного за влекущим его парашютом, лег на землю, собрал парашют и побежал. Александр, притаившись за необхватным стволом сосны, осторожно выглянул и, недолго целясь, выстрелил. Диверсант крутанулся на месте, повалился на бок и в таком положении застрочил из автомата. Но к этому времени Александр, совершив короткую перебежку, оказался ближе к тому, кто все еще барахтался, запутавшись, в стропах парашюта.

— Эй, ты, брось оружие!

В ответ с дерева раздалась автоматная очередь. Пули взвизгнули над головой Мурата: диверсант никак не мог сориентироваться на голос.

— Мурат, осторожно! — крикнул Александр.— И не позволяй ему слезть! Попытается спуститься — стреляй прямо в лоб,— а сам, таясь за камнями, побежал за другим, который, скатившись вниз кубарем, теперь торопливо взбирался по противоположному склону. «Откуда ему известно, что там пещера?» — удивился Александр. Коротко прицелившись, он выстрелил.

Диверсант, будто ударившись о неведомую стену, упал навзничь. Проворно спустившись вниз, Александр взобрался к убитому. Это был красивый молодой человек. Светловолосый. Александр вытащил из-за пояса диверсанта пистолет и нож, подхватил валявшийся невдалеке автомат и заторопился к Мурату. А тот, заметив, что диверсант на дереве собирается слезать, решил действовать. Щелкнул затвором, плотно прижал приклад к плечу, прицелился и плавно спустил курок. Выстрел резко отдался в плече. Промазал. Ах, черт, тоже мне командирский адъютант, зло подумал он, и снова прицелился. Но опять промазал. И в третий раз тоже, хотя прицеливался особенно тщательно, пуля ушла мимо цели. Затем последовал еще один выстрел, и Мурат из-за своего укрытия увидел, как диверсант резко отдернул руку и поднес ее ко рту, а его автомат, ударяясь о ветки и переворачиваясь, падал на землю. И вдруг диверсант заговорил на чистом осетинском языке:

— Выйди из укрытия, земляк. Я ранен и безоружен, а у тебя винтовка.

Мурат не верил своим ушам. Немецкий диверсант — и вдруг осетин? Куда запропастился Александр? Он слышал выстрелы, но... А вдруг Александр убит? И сейчас второй диверсант подкрадывается к нему сзади, а этот, на дереве, нарочно отвлекает его разговорами? Это же шпионы, знают языки!

Мурат прислушался. Тихо. Очень тихо. Только и слышно, как стучит его сердце.

— Ты не осетин, что ли?

— Сиди! Я-то осетин, а вот кто ты, это еще надо выяснить.

— Стреляй в таком случае, раз не веришь мне! От немцев убежал, теперь пусть свои убьют. Все-таки умру на родной земле. Или, может, разрешишь спуститься?

— Сиди спокойно!

— Я бежал из плена. У меня старая мать, двое детей... Клянусь ими, у меня нет оружия.

Сверху посыпались камни, и на тропу спрыгнул Александр.

— Ну, как ты?

— Ничего.

— Держи его под прицелом,— велел он Мурату, потом крикнул: — Эй, ты, слезай! Только не вздумай шутить.

— У меня нет оружия, вон мой автомат на камнях.

— А пистолет и нож? Кинь в сторону!

Диверсант, зашвырнув подальше пистолет и нож, осторожно стал спускаться.

— Подойди поближе. Подними руки вверх! — приказал Александр и слегка вздрогнул. Напрягая зрение, он уставился на диверсанта:

— Ну-ка, еще ближе. Подойди, подойди...

Теперь сомнений не было: он знал этого человека. И хорошо знал. Видел не раз эту маленькую голову на широченных плечах, это круглое лицо, колючие глаза, ухмылку.

— Вот так встреча! Габоци собственной персоной!

— Александр! Это ты?! — Габоци засиял от радости и, опустив руки, шагнул вперед.

— Стой! Руки!

Габоци снова медленно поднял дрожащие руки. Вот с этим Габоци Александр бродил по горам, вместе поступили в педагогический институт. Габоци кое-как доучился до второго курса, но из-за лени его исключили из института, и он как в воду канул.

Узнав Александра, Габоци подумал, что если тот и не обрадуется ему, то, во всяком случае, будет обращаться с ним не как с врагом. Потому он вполне искренне удивился:

— Александр, ты что, в своем уме?

— Я-то в своем уме...

— Мы же кровные родичи.

— Да. Но и родные братья становятся врагами, когда оказываются по разные стороны баррикад. Ну, с чем пришел? А точнее, с чем прилетел?

У Габоци еще теплилась какая-то надежда воздействовать на своего родственника.

— Безмерно рад видеть своего брата и ближайшего друга. А в остальном нас пусть бог рассудит.

— Всякий нашкодивший, как правило, на помощь призывает бога.

— Хорошо. Ты меня уже не признаешь как родственника. Но мы же осетины и на осетинской земле. В родных горах, где так много бегали с тобой.

В душе Александра действительно что-то дрогнуло, но он хорошо понимал, что у него нет выбора: перед ним — враг.

— Не осетин ты, а оборотень. И таким, как ты, не место на этой земле.

— Дай хоть прийти в себя. Ты же не знаешь, почему я согласился на этот шаг.

— Ну, ну, пожалуйста. Что ты еще придумал? — Александр говорил уже мягче. Да, они родственники. Мать Александра и отец Габоци двоюродные брат и сестра. Семья Габоци живет в горах недалеко от этих мест.

Александр присел на камень, разрешил присесть и Габоци.

— Как же ты очутился у немцев? — нарушил молчание Александр.

— Как и все. Контузило и попал в плен.

— Что-то мало ты похож на контуженного.

— Год же прошел.

— А где ты столько лет пропадал? Не загодя ли махнул к немцам?

— Бог с тобой, Александр! Клянусь отцом и матерью. Я воспользовался единственной возможностью оказаться дома. Не погибать же было на чужбине. Мое счастье, что встретился с тобой. Ты сведешь меня с кем надо. Я хотел сдаться нашим властям. И во всем признаться. А задание, конечно, нам дали. Это и ребенку понятно. Сидеть и ждать подходящего момента. Сдай меня органам.

— Хорошо же натаскали тебя. Пулю на тебя жалко. А этот кто такой? — Александр кивнул в сторону убитого диверсанта.— Тоже осетин?

— Нет.

— С какой целью вас забросили?

— Я же сказал тебе.

— Сидеть и ждать? Мало похоже на немцев.

— Может, еще что-то, но я не знаю. Тот был за старшего.

— Ладно, тебя обо всем спросят в другом месте. Мурат, веди лошадей.

— Клянусь отцом и матерью!

— Да оставь в покое своих бедных родителей! Поехали!

И Александр тронул лошадь.

...Мурат не успел сообразить, что произошло. От сильного удара в бок он слетел с лошади, а его карабин оказался у Габоци. Он щелкнул затвором, нажал на курок, но выстрел не раздался. На шум Александр резко обернулся. Габоци прыг-

нул за камень у самого обрыва, но, видимо, не рассчитал прыжка и, кувыркаясь, полетел в пропасть. Карабин, выпавший из рук Габоци, застрял в кустах можжевельника. Мурат трясущимися руками схватил лошадь под уздцы и поднял на Александра виноватые глаза.

— Туда ему и дорога,— сказал Александр.— Не переживай, я сам сплоховал. Мне самому следовало ехать последним.— Он перехватил у него повод:— Осторожно спустись за карабином.

Когда Александр осмотрел карабин, он оказался с единственным патроном, давшим осечку.

* * *

В здании Садонского райкома партии собрались представители партизанских отрядов Северной Осетии. Здесь они встретились с Дзамболатом и начальником штаба партизанских отрядов, пожилым мужчиной в форме командира полка. Александр не видел Дзамболата всего недели две, но и за это время тот заметно постарел, поседели виски. «Плохи наши дела. Партизаны... И смех, и грех. Дивизии, армии не смогли остановить немцев, теперь вся надежда на нас»,— размышлял Александр.

После прорыва немцев через Чиколу эта была первая подобная встреч. Из слов Дзамболата явствовало, что хотя гитлеровцы у стен Орджоникидзе, в штабе Северной группы войск Закавказского фронта в нашей победе никто не сомневается. Наши войска стоят насмерть. И потому не все идет так, как бы того хотелось Гитлеру. Государственный Комитет Обороны, Генеральный штаб, Ставка Верховного главнокомандования и лично сам Сталин уделяют огромное внимание обороне Кавказа. Войска, защищающие дороги к перевалам, преградившие путь немцам в сторону Баку, под Орджоникидзе, у Эльхотовских ворот, на холмах Заманкула и Малгобека, в степях под Моздоком, получили свежие силы. Врагу наносится ощутимый урон, недалек день, когда он будет опрокинут...

От спокойного и уверенного тона, каким вел разговор Дзамболат, тревога в душе Александра стала таять, как тают кусочки льда на теплом камне.

— Каждой группе партизан в ближайшие дни предстоит выяснить силы немцев. Сроки представления разведданных будут уточнены,— Дзамболат бросил взгляд на сидящего рядом военного. Тот согласно кивнул.— И вот что еще... К сожалению, нет отары, где бы хоть одна паршивая овца не отыскалась. В селах Осетии, занятых немцами, выползли из щелей холуи и прислужники, а то и открытые враги. Пусть их единицы, но они есть.

Александр чуть было не сказал, что с двумя из таких ему пришлось столкнуться на узкой тропе не далее, как сегодня.

— Эти людишки хуже фашистов. Никакой им пощады. Если он даже твой родной брат. Наше оружие не только винтовки, пушки, танки, но и слово! Слово, вселяющее веру в нашу победу. Несмотря ни на что. У этой веры... Скоро сами услышите, на чем основана такая вера.

После совещания Александр подошел к Дзамболату и рассказал ему о встрече с диверсантами.

— Надо было всем рассказать об этом, чтобы люди были бдительнее. Ну, ладно,—примирительно сказал Дзамболат.—Я еще раз предупрежу, кого следует. Передай всем в отряде мои добрые пожелания в связи с праздником. А вас благодарю за проявленную бдительность и мужество.

12

Получив задание, Мадинат отпросилась ненадолго у Александра, и теперь он с Муратом ждал ее возвращения. Секретарь райкома партии грустно покачал головой.

— Не в разведку бы тебе, Мурат, а бегать сейчас...— Александр не стал уточнять, куда следует бегать Мурату.

— Ну, как я вам? — Мадинат внезапно выросла на пороге. В кривобокой, неряшливо одетой старушке почти невозможно было признать Мадинат.

...Ночь выдалась туманной. Мадинат и Мурата проводили до самой опушки, пожелали им счастливого возвращения. Мурат был благодарен Мадинат, что она захотела взять с собой только его.

Он украдкой посмотрел на Мадинат. Она, почувствовав на себе взгляд, взяла его под руку, сказала вполголоса:

— Какой туман... Ни нас не видно, ни нам ничего не видать... Слышишь, Мурат, кажется, петухи кричат?

— Да. Вот уже и село.

Где-то протарахтел мотоцикл. Они остановились. Прислушались. Шум слабел, удаляясь. Снова осторожно двинулись вперед.

По всей вероятности, мотоцикл повернул обратно, так как они вновь услышали приглушенное туманом тарахтанье. Мурат и Мадинат прижались к покосившемуся плетню. Девушка все еще не отпускала руку Мурата.

— Расстаемся здесь. Не забудь, послезавтра я буду на условленном месте,— Мадинат прикоснулась губами к холодной щеке Мурата. Через десяток шагов ее проглотил туман.

Мурат, крадучись, приближался к дому родственников-однофамильцев. Ворота оказались незапертыми, но на дверях

дома висел большой амбарный замок. Мурат почувствовал усталость. Куда же теперь? Вот и первое непредвиденное обстоятельство,— не учли, что родственников может не оказаться дома. Но сказал же Александр: «В непредусмотренной ситуации действуйте самостоятельно».

Мурат свернул в переулок, вышел на соседнюю улицу. Пропустил один дом, второй, третий... Ага, вот здесь тогда просыпалось у него зерно...

Дом спокойно спал. Мурат, затаив дыхание, вслушался в ночь. Хоть бы собака где залаяла, петух прокукарекал,— мертвая тишина. Он осторожно перелез через плетень. Поднявшись на открытую веранду, приложил ухо к окну. Тихо. Спят...

Вдруг что-то глухо шлепнулось об пол. Мурат испуганно обернулся и увидел кошку, спрыгнувшую с чердака.

— Кис-кис-кис,— позвал ее Мурат, но кошка побежала прочь. Он поднял было руку, чтобы поскрести по стеклу окна, но подумал: «А что я скажу Дунетхан? Кто они мне? Какое ей дело до того, что родственников нет дома, что мне нельзя к своим, что я устал...» «К учительнице сам не ходи, пошлешь кого-нибудь под благовидным предлогом»,— вспомнил он наказ Александра. А Дунетхан можно верить, она и сходит за Уардис...

Мурат вкрадчиво постучал по стеклу. Скрипнула кровать, кто-то, словно не веря, проговорил:

— Стучат, что ли? Кого бог послал в такую пору?

— Дунетхан! Дунетхан, не пугайтесь, это я, Мурат. Сын кузнеца Татари.

Женщина подошла к окну, приблизила лицо к стеклу.

— Бог мой! Ты один?

— Да...

— Я сейчас...

Мурат шагнул в темную комнату.

— Доброй ночи...

— Мурат, солнышко, ты откуда? Ой, что я спрашиваю,— знаю же! Проходи, проходи...

Мурат почувствовал, как его обволакивает приятное тепло. Кто-то зашевелился на кровати, сонным голосом протянул:

— Здра-авствуй...

Утром, накормив гостя, Дунетхан ушла известить Фатимат. А Мурат сидел в подполье на куче картофеля и размышлял над тем, что услышал от Дунетхан. С первого же дня немцы принялись хватать людей. Арестованы врач Зина Маневич с ребенком, старый Афанас Гоцолаев, отец полковника Красной Армии, две девушки-комсомолки. Пропала и Уардис... Как пропала? Этого Дунетхан не знала, сказала лишь, что с

неделю не видно ее... Немцы шастают по домам, стреляют кур, уводят коров. Везде понавесили приказы: за связь с партизанами — расстрел! За непослушание — расстрел! Пусть Мурат не обижается, но береженого и бог бережет, на всякий случай лучше спрятаться от посторонних глаз подальше, а она постарается вернуться побыстрее...

Прошло около двух часов. Мурату надоело сидеть в темноте. И Мисурат не подает голоса. А ведь она дома: несколько раз прошлась над его головой, да так, что на него пыль посыпалась. Мурат встал, откинул крышку лаза, высунулся.

— Мисурат! — позвал шепотом.

— Чего тебе?

— Дунетхан что-то долго...

— Уж признайся прямо, тебе там страшно?

— Надоело,— Мурат вылез, сел на пол, свесив ноги вниз.

— Берут же людей в партизаны...

— А что?

— Мышей боятся...

— Да нет тут никаких мышей!

Мисурат присела рядом на стульчик.

— Бледный ты какой-то...

У Мурата запершило в горле. Он потянулся и взял за руку Мисурат. Та не шелохнулась.

— А почему у тебя нет никакого оружия?

— В разведку нельзя ходить с оружием...

Мисурат смерила его насмешливым взглядом:

— Ты разведываешь, сколько у нас картошки? — Высвободила руку и засмеялась.— У нас есть еще кукуруза. Может, дать тебе один мешок?

Кто-то шел по двору.

— Прячься! — Мисурат бросилась к окну.— Асланбег идет...

Мурат нырнул было обратно в подполье, но услышав имя брата, вылез. Асланбег прямо с порога начал:

— Где тебя носит? Нана что ни день, все плачет. Кто-то ей сказал, что ты в горах с Аузби и другими...

— Как видишь, я жив и здоров, одет и обут. Вы-то сами как?

— А мы, как в ловушке, сидим в окопе. В доме Аузби поселились фрицы, а Госама, Вера, Маруся и Володя тоже у нас.

— Они разве не уехали?

— Не... Не успели.

— Мурат, ты бы хоть за печку сел,— сказала вошедшая следом Дунетхан.

Братья пересели. Асланбег скривился:

— Я думал, немцы богатыри какие-то, смелые... Знаешь,

они даже в туалет боятся ходить, иногда прямо с веранды... Когда только заняли село, они еще веселее были, а теперь приуныли. Наверное, дают им прикурить наши...— он оживился, глаза заблестели.— Вот автоматы у них — да! И пистолеты... Парабеллумы, вальтеры... А корову нашу сожрали. Я ее цепью к столбу привязал, замок повесил, а они ее на месте прирезали. Собаки... Я им отомщу.

— Не задумал ли ты чего? Смотри... Не дури. А то они всех перестреляют.

Асланбег приумолк. Но только на секунду. Подвинулся ближе к Мурату и горячо зашептал:

— Вот бы казнить одного предателя...

— Какого предателя? Кто он?

— Азанбег. Он стал полицаем. Ходит, как надутый индюк, грозит всем. Говорит, теперь его власть пришла...

— Подлец! Я его сразу раскусил. Но ты не замышляй ничего. Это дело партизан.

— Возьми меня с собой!

— Ты мне здесь больше пригодишься. Там опасно...— Мурат хотел рассказать брату о бое с двумя диверсантами, но, вспомнив запрет Александра, вовремя спохватился.

— На что я тебе здесь?

Мурат зашептал ему в ухо:

— Ты должен разведать, где что стоит у немцев. Танков сколько, кухонь походных, пушек, машин... Ты понял?

— Понял. Я возьму с собой Фузу... Нет, нана! Будем обходить дома и спрашивать всех, не к ним ли забрел наш теленок. Вы хотите напасть на гарнизон?

— Кому надо — нападут. Скоро погонят фашистов. Слышали? Сталин выступал.

— Сталин выступал? А где выступал?

— Как где? В Москве.

— Там же немцы!

— Брешут. Скажи всем, кому можно верить, что немцы брешут. И Сталинград они не взяли. И ни Грозного, ни Баку им не видать, как своих ушей. Скоро им — дай бог ноги. Сталин сказал, что недалек день, когда и на нашей улице будет праздник.

Асланбег нетерпеливо встал.

— Я пойду. Жди меня завтра. Приду после обеда.

Мать и сын шли от дома к дому. Теленка красной масти, со звездочкой на лбу, естественно, никто не мог видеть. Асланбег зорко присматривался, ничего не упускал из виду. Недалеко от того места, где жила Дунетхан, еще недавно располагался хозяйственный двор пищекомбината. Теперь немцы держали там отобранный у населения скот. У ворот прохажи-

вался пожилой немецкий солдат. Повесив автомат на шею, он играл на губной гармошке. Асланбег уставился на него.

— Что ты разинул рот? Идем, — окликнула его Фатимат. Асланбег сорвался с места. Оглянувшись, приветственно помахал немцу. Тот осклабился.

Как и было уговорено, они появились в доме Дунетхан после обеда.

— Хватит, нана, ну, хватит! — упрашивал Мурат плачущую Фатимат.

— Радоваться надо, а ты в слезы,— упрекнула и Дунетхан.

— Чему радоваться, Дунетхан? Его ли дело тягаться с немцами. Вон в лице ни кровинки, исхудал до невозможности... Куда Аузби-то смотрит, нашли, кого посылать...

— Ох, нана! Послушать тебя, так меня в колыбель надо уложить. При чем тут Аузби? Никто не знает, что я здесь...

— Старик-то хоть здоров?

— Здоров. Так и передай Госама. Он ушел в горы с отарами.— Мать собралась уходить.

— Береги себя, сынок. Не лезь поперед всех... Асланбег, пошли.

— Нана, я побуду еще: мне же надо Мурату рассказать, что нигде нет нашего теленка!

Передав Мурату сведения, Асланбег обратился к Дунетхан с неожиданной просьбой.

— Дунетхан, дай мне взаймы литр араки.

Та сделала большие глаза:

— Араки?

— Да. Мне надо угостить Азанбега, не то он грозится и в самом деле увести нашего теленка,— соврал Асланбег.

Дунетхан вынесла бутыль, завернутую в тряпку. Асланбег подмигнул Мурату, но и ему не открыл правды. Спрятав араку за пазуху, выскочил на улицу.

Солдат все продолжал водить гармошкой по губам. Асланбег боязливо приближался к нему, растянув рот в глупой улыбке.

— Ком, ком! Музыка гут,— сказал немец.

— Гут, гут! — согласился Асланбег и показал ему бутылку, тыча пальцем в гармошку, мол, давай махнем. Солдат поманил его.

— Ком, ком... Стрелят нет.

Асланбег осмелел, подошел к нему. Тот, сунув ему в карман гармошку, поднес араку к губам Асланбега. Мальчик понял, что немец боится отравы, и ему пришлось сделать большой глоток.

— Шпанс гут?

— Гут, зер гут!

Немец приложился к бутылке. Отпил, почмокал губами, блаженно прикрыв глаза, стал жадно пить. Вытирая рот тыльной стороной ладони, побрел к сараю. Асланбег молча наблюдал за ним. Солдат опустился на солому и поднял на него вмиг осоловевшие глаза. Мальчик достал из кармана гармошку, обтер ее об рукав и заиграл что-то похожее на мелодию быстрого танца, заплясал. Солдат одобрительно улыбался. Снова поднес к губам араку. Чем-то закусил.

Асланбег побежал за Муратом. Уже стемнело, никто их не увидит. Да и туман уже опускался.

— Мурат, Мурат! — зашептал с порога Асланбег.— Выйди, что-то скажу...

...Братья прокрались в сарай. Солдат, свернувшись на соломе, сладко похрапывал. Одна его рука лежала на автомате. Мурат осторожно потянул автомат. Немец даже не шелохнулся. Мурат, сняв телогрейку, повесил оружие на плечо, опять надел телогрейку и оглядел себя,— вроде все в порядке.

Асланбег распахнул ворота и выгнал коров.

— Теперь каждая найдет свой дом,— сказал Мурат.

— Давай пристукнем немца, а? — предложил Асланбег, потом добавил: — Хотя спящего как-то нехорошо...

— Оставь его. Свои с ним разберутся. Лучше подумай, как домой доберешься.

— Пойду по канаве. Я же в резиновых сапогах — в воде следов не видно...

— Больше им делать нечего, как по твоим следам идти... С аракой ты хорошо придумал, молодец. А гармошку выбрось, немец обслюнявил... И больше не смей даже подходить к ним.

Братья на прощанье обнялись.

* * *

Дом Дзаххота стоял на углу, у перекрестка. Мадинат вслушивалась в каждый шорох. Слух обострился настолько, что она даже уловила писк мышей в вязанках стеблей кукурузы. Только в самом доме ни звука.

Мадинат, прокравшись во двор, приложилась ухом к холодному оконному стеклу. Кто-то бормотал сквозь сон. Мадинат осторожно постучала в окно, поскребла ногтями. Подождала немного и снова подала условный знак.

Дверь неслышно открылась, и Мадинат шмыгнула в нее. Дзаххот зажег керосиновую лампу, поднес к ее лицу.

— Убей, не признаю.

— Боже! На кого-то так похожа, так похожа,— сказала жена Дзаххота, привстав на кровати.

— Умная ты у меня, старуха. Ясное дело, обязательно похожа на кого-то...

Мадинат сняла платок, скинула телогрейку и самодовольно улыбнулась.

— А теперь узнаете?

— Мадинат?! Старик, это же Мадинат!

Дзаххот был сдержаннее жены, хотя был удивлен не меньше.

— Никакая тебе это не Мадинат, а дочь родная. Замужем. Пришла навестить!

— Ой, вылетело из головы...

— Вот, вот! Будет вылетать из головы — скоро и голова слетит. Извини, дочь, увлекся я разговорами. Присядь... А, телогрейка... Дай мне, я повешу у печки, отсырела от тумана...— Дзаххот присел напротив Мадинат.— Рассказывай, какие новости в мире. Тут над нами солнце померкло. Сколько нам еще терпеть этих цепных псов? Твои старики живы. Я часто навещаю их. Да, тут у нас появились ходоки с того света.

— Что за ходоки?

— Ты, наверное, не помнишь Садулла, сейчас в его доме правление колхоза... Не сейчас, ясное дело, а до прихода немцев было...

— Помню. Его раскулачили, сослали.

— Да, да. Все думали, что он давно сгинул. Вернулся! Старостой поставили немцы. На белом коне разъезжает, как в былые времена.

— Недолго ему осталось разъезжать,— твердо сказала Мадинат.— Сталин выступал по радио,— видя, что Дзаххот что-то порывается возразить, поспешно добавила.— Да, да, ни в каком он не в плену, и Москва наша, как и была.

— О бог, покарай их, этих шакалов! На кур охотятся, стариков и детей хватают. Покарай их, бог, покарай,— взмолилась старушка.

— Ах, старая, не морочь голову господу, он ее давно потерял,— Дзаххот подвинулся к Мадинат.—Говори, какое дело?

— Поручено выяснить, какими силами в нашем селе располагает немец. Танки, пушки, машины, походные кухни...

— Думаешь, я до сих пор только и делаю, что к печке жмусь? У меня все они уже наперечет. Только в нижней части села...— Дзаххот встал и подошел к своей кровати, покопался там и вернулся с листком бумаги.— У меня на каждой улице разведчик. Если ошиблись, то ненамного. Новые части не прибывают, а эти тают с каждым днем: очень много раненых и убитых привозят оттуда,— Дзаххот махнул головой в сторону города.

— С населением как себя ведут?

— Несколько человек расстреляли. Помнишь, была у нас

в больнице хорошая женщина, врач... Кажется, еврейка. Расстреляли ее немцы с ребенком.

Во внутренней комнате кто-то закашлялся. Мадинат вопросительно глянула на старика.

— Это младший наш. А непоседа этот, Асланбег, с Казбеком нашим что задумали... Добыли где-то пятизарядку и убежали в степь. Вырыли себе окопчик и сидят, ждут немцев. Я еле отыскал их. Асланбег, слава богу, здоров, а этот, слышь, кашляет... Но ты не тревожься, он парень себе на уме.

Мадинат придвинула лампу, прибавила свету и пробежала глазами бумагу.

— Надо еще выяснить, где у них шестиствольные минометы стоят... Они много хлопот доставляют нашим.

— А я думаю, что это за чудовища! Видел их, как же. В Сухом русле они у них... Точнее, два дня назад там были. Узнаю... — Дзаххот встал.— Идем, дочка, отдохнуть тебе надо...

— Своих бы увидеть...

— Понимаю тебя. Но — нельзя: ты комсомольский секретарь. Ваш дом может быть под наблюдением. Родители не осудят тебя. Все, что надо, я им скажу...

Через день Мурат и Мадинат без особых приключений вернулись в отряд.

* * *

Разведчик примчался на коне, когда уже рассвело.

— Немцы у входа в ущелье. Два мотоцикла с люльками и две крытые машины.

— Значит, человек пятьдесят автоматчиков и два пулемета на мотоциклах, — резюмировал начальник штаба отряда, недавно выписавшийся из госпиталя, бывший командир роты.

«Наверное, пронюхали, что часть колхозного скота отправили в это ущелье или, может быть, даже хотят разведать, как охраняется дорога на перевал»,—строил предположения Александр. Он испытывал непривычное волнение. Надо успеть устроить засаду, чтобы встретить фашистов в самой горловине ущелья. Только... У немцев, конечно же, закаленные в боях горные стрелки, у него же — не нюхавшие пороха бойцы. Да и вооружены только винтовками и двумя ручными пулеметами.

Начальник штаба словно прочитал мысли командира.

— Я только вчера облазил это ущелье,— сказал он.— Всё на нашей стороне, если остановим их в горловине, чтобы не пропустить к широкой поляне. Мотоциклистов не следует задерживать, пусть фашисты думают, что дорога безопасна. В горловине надо встретить огнем автомашины. Первыми огонь

ведете вы, если согласитесь со мной, с западной стороны. Конечно, там сверху трудно вести прицельный огонь, скат слишком крутой. Но за висячей скалой, ты ее должен знать, можно устроиться так, что небольшой участок дороги — метров тридцать — будет как на ладони. И подбить машину желательно первую, чтобы застряли в узком месте. Короче, создать впечатление, что им угрожают с западной стороны. Вот тогда мы и ударим их с восточной стороны.

— Со всем согласен, кроме одного. С западной стороны оборону держите вы. Ты там побывал, все изучил. Тебе и карты в руки. Берешь пять бойцов, группу Умара. Чего не бывает, надо, чтобы та сторона тоже надежно охранялась. Остальные — со мной. Мы их встречаем с другой стороны. Огонь, стало быть, тоже первым открываешь ты. А сейчас — по местам. Причем бегом, чтобы успеть. Женщинам оставаться здесь. Мурату тоже. Выставить охрану вокруг лагеря.

— Убедил,— сказал начальник штаба и тут же выскочил из землянки.

— Я сюда не подметать пришла,— сказала Мадинат, подметая землянку.— Стрелять я тоже умею. И винтовку мне вручили не ворон пугать,— она зашвырнула веник в угол землянки.— Пойду с вами.

— Приказы не обсуждаются.

— Пожалуйста, пойми меня... Я... Они мои... кровники.

— Ладно,— неохотно согласился Александр и направился к выходу.

Мурат, услышав приказ Александра, схватил свой карабин и патронташ, обогнул землянку и устремился вверх по тропе. Александр заметил его, когда уже расставил людей. Он лежал на снегу рядом с Мадинат у обросшего мхом обломка скалы.

— А ты почему здесь?

Огромные глаза юноши стали еще больше, с такой мольбой смотрел он на Александра.

— Не отсылай меня...

Александр погрозил Мурату кулаком и, пригнувшись, побежал к невысокому грабу, росшему у самого обрыва. Здесь он облюбовал себе место: отсюда было все видно.

Кто-то вскрикнул:

— Мотоциклы!

Из-за поворота действительно показались два мотоцикла с колясками. Они шли как бы на ощупь. А когда немцы из узкой горловины ущелья выскочили на широкую поляну, то внимательно оглянулись вокруг, развернулись, дали несколько коротких очередей из ручного пулемета и укатили назад.

Внимание Мурата, который глаз не спускал с мотоцикли-

стов, привлек человек в гражданской форме. Азанбег... Это же Азанбег!

Мурат прислонил свой карабин к скале и, цепляясь за кусты и камни, побежал к Александру.

— Там... там на мотоцикле Азанбег.

— Где твой карабин? — одернул его Александр.

— Там.

— Иди на место и не высовывай голову из-за камня.— И уже мягче добавил: — Наблюдай за своим полицаем и держи его на мушке. Но не стреляй до условного сигнала.

Мурат успел добежать до своего места, когда друг за другом показались две крытые брезентом автомашины.

Сразу же с западной стороны, из-за огромной скалы, нависшей над дорогой, градом посыпались пули. Передний автомобиль резко остановился, за ним и вторая машина. В узкой горловине ущелья проход закрылся. Фашисты стали выпрыгивать на восточную сторону и укрываться за машинами. Мадинат заметила, как из кабины передней машины выскочил офицер и перебежал на другую сторону. Девушка, не дожидаясь, когда начнут стрелять Александр и другие, прицелилась и выстрелила несколько раз. Офицер, взмахнув руками, повалился на бок. Недалеко от Мадинат застрочил ручной пулемет.

Оглушительно затрещали немецкие пулеметы и автоматы. Застигнутые врасплох, немцы открыли яростный, но беспорядочный огонь.

Мадинат вдруг как-то ослабла, руки задрожали, как в лихорадке. Свершилось возмездие, да, но как это трудно — убить человека. Хотя какой это человек? Изверг, безбожник...

Оставшиеся в живых фашисты ползком добрались до машин, вскочили в последний автомобиль, который сразу же пошел задним ходом и скрылся за поворотом, где легко мог развернуться и уехать.

Александр понял по отдаляющемуся гулу мотоциклов и автомашины, что фашисты удрали, с частью бойцов он спустился вниз, приказав другим оставаться на своих местах. Мурат тоже пошел вниз.

— Где твой Азанбег? — спросила Мадинат.

— Не знаю. Я не успел. Мотоциклисты, видимо, спрятались за машины.

— Зато офицер не ушел.

— Собрать оружие, документы: будем перебираться в запасной лагерь,— приказал Александр.

— А этих... так оставим? — Мадинат показала на мертвых немцев.

— А что ты предлагаешь?

— Похоронить бы...

— Кто их прислал, пусть тот и хоронит.— Александр отыскал глазами начальника штаба.— У тебя есть раненые... убитые?

— Убитых нет. Умар ранен в правое плечо.

— И у нас четверо раненых.

Мурат только теперь почувствовал, как он продрог от долгого лежания на снегу, совсем окоченели ноги, впопыхах он забыл одеть шерстяные носки... К утру ему стало совсем плохо. Он кашлял, глаза слезились, голова разламывалась. Поднялась температура. Видя его состояние, Александр с помощью Мадинат уговорил Мурата уехать с ранеными.

Мурат знал, что туда же, в свой родной аул, в дом предков, где жила еще его престарелая мать, из Орджоникидзе на время переселился двоюродный дядя — Камболат. У них он и решил остановиться.

13

Камболат проявил настоящее горское гостеприимство, зарезал в честь сына своего двоюродного брата барана.

— Ради тебя полагается не барана, а быка зарезать, но...— Камболат широко развел руками.— Обычаи предков, говорят большевики, приносят вред новой счастливой жизни, при которой все равны, ибо одинаково голодны. Но ничего: бог высоко сидит, все примечает... А тебя, мужчина, я быстро на ноги поставлю. Только уговор: в партизаны мы больше не ходим. Поиграли в войну и — хватит.

Позвали, как полагается, соседских стариков. За обильно накрытым столом Камболат самодовольно говорил:

— За свою жизнь я набил себе много шишек, но на судьбу не ропщу. Только бы и от лучшей доли не отказался. Не о себе пекусь,— пусть процветает наш народ, пусть наш Иристон обретет себя, вернет былую славу. Эта сакля была гнездом больших мужей. Теперь вот остались мы — я да Мурат. Мне очень приятно, что в его жилах течет кровь настоящего горца. С такими наследниками мы можем быть спокойны за честь Иристона. Доблесть — это иногда и терпение. Умеющий ждать да дождется светлого дня!

Старики согласно кивали, поглаживая седые бороды, но Мурат догадывался, что они в душе недовольны витиеватой двусмысленной речью хозяина дома, сами произносили лишь традиционные тосты.

Когда гости разошлись, Мурата позвала мать Камболата. Напоив его отваром каких-то целебных трав, уложила на тахту и плотно укрыла теплым одеялом. Села у изголовья и повела неторопливый рассказ.

— Я прекрасно помню тот день, когда родился твой отец Татари. Тогда я сама ожидала седьмого ребенка. О, эта семья

была могущественной, ветвистой. Во всем ущелье им поклонялись. Твой дед, живи до его возвращения в добре и здравии, рядом с отцом Камболата не смел садиться. Он был куда беднее. А у отца Камболата были отары овец, чистокровные лошади, коровы, быки. Кто еще мог купить скакуна у кабардинского князя? Во всей Осетии ему равного не было. В конце концов абреки украли скакуна и загубили. У меня было одиннадцать детей. Кого болезнь скосила, кто в стычках был убит. Дом постепенно пришел в упадок. Камболат оказался везучее всех, да и удалью не был обделен. Но его арестовали на целых семь лет. А когда вышел на волю, остался в Бухаре. И семью свою туда же позвал. Да, душно, тесно Камболату в этом большом мире. Он стреножен новой властью, стреножен. Не любит города, сюда, в горы его тянет. Я слышала, что там у вас на плоскости неспокойно. Камболат ничего и никого уже не боится,— старушка заговорила тише, как-то вкрадчиво.— А что ему терять? Что нам всем терять? Все уже давно потеряно. Камболат говорит, что он бы сумел поладить с немцем. Говорит, что они толковые. Ему бы выйти на свою тропу... Сколько он всего понавез! И пшеницы столько засыпал! Ты свой, родная кровь... Слушайся его, он тебя худому не научит,— видал жизнь... Ты пропотел, Мурат?

Мурат спал. Старушка подоткнула одеяло, с нежностью посмотрела на безмятежное лицо спящего и, заранее мучаясь мыслью, что ей самой еще долго не заснуть, тоже стала укладываться. Утром, проснувшись, Мурат почувствовал во всем теле необычайную легкость. Куда болезнь девалась! Улыбаясь своим мыслям, стал одеваться.

— Ты только посмотри, какая красота! — в комнату шумно ворвался Камболат. — Пойдем, пойдем! Даже не верится, что под боком, у подножья этих гор, идет война, гуляет смерть, льется людская кровь. Слава всевышнему, ты свое отстрелял. Тебе, вижу, полегчало. То-то! Родные горы любую хворь как рукой снимают,— распалялся он.— Не говоря уже о снадобье моей старой матери. Только вот хворь души лечению труднее поддается... Ничего, будет и на нашей улице пир горой! Переждем ненастье под родным кровом, а там... Видишь, Мурат, какую боевую башню возвели предки? Твой дед жил вон там, одни развалины от его сакли сохранились. Мой отец не покидал его ни в горе, ни в радости. Кругом эти пастбища, сенокосные, пахотные земли, леса были наши. И сами имели, и людям давали жить. Взойдет, взойдет солнце и на нашей сторонке... До сих пор терпели, еще чуточку... Ну как, брат, не жалеешь, что в гнездовье предков залетел? Нравится тебе?

— Очень...

— Выше голову, Мурат! Кости целы? Целы. Мясо нара-

стет. И помни: родная земля лишь тогда дорога́, когда ты ходишь по ней свободный и вольный...

Мурат чувствовал в словах дяди двоякий смысл, да и намеки старушки были ему понятны. Но он решил не вступать в открытый спор со своими старшими и близкими родственниками.

Старушка окружила Мурата таким вниманием и заботой, словно в его излечении видела весь смысл оставшейся жизни. Каждый вечер перед сном давала выпить стакан отвара трав, утрами поила парным молоком, заставляла есть курдючное сало. И буквально через неделю на лице Мурата заиграл густой румянец.

Рад был и Камболат. А как же иначе! Родная кровь. Его мать Фатимат он назвал для себя сестрой, стал ее шафером. Пусть Татари и Тотырбег вернутся целы-невредимы, но дороги войны неисповедимы. Асланбег — тот еще сосунок, хоть и выглядит молодцом. А Мурат... Человек не забывает тех, кто в трудную минуту был к нему добр, не дал ему упасть... Дни этой ненавистной власти сочтены. Ему нужны будут надежные, верные люди. Одному в борозде трудно, еще надорвешься преждевременно. А то и нарвешься у межи на более нахрапистого...

* * *

Утром Камболат не встал с постели. Жаловался на боли в боках, а к обеду вроде разболелось и сердце. Но Мурату он не показался похожим на больного, все в нем так и дышало здоровьем.

— Положение мое незавидное,— говорил он между тем своей матери.— Кто бы меня ни спрашивал, скажи, что я болен. Лежу, не встаю.

Человек, с которым он был связан с помощью своего друга доктора Ханджери Лалиева, сказал ему, что в случае, если немцы сбросят десант в районе их аула, он должен будет помочь им. О, если бы! Но он достаточно опытный, чтобы так просто, сломя голову, лететь в пропасть. Нет, нет! Он не поступит опрометчиво.

Мурат сидит в комнате «больного». Перед ним книга избранных произведений М. Горького. Но и читать он устал. Хоть бы радио было. Говорят, летом буря повалила радиостолбы, и с тех пор их некому восстановить. Мысленно он бродит по родному селу, по партизанским тропам, по которым пришлось ему пройти... Ну, что он тут делает? Почему он не там, где Александр, Мадинат?.. Хотя бы с Аузби ушел к чабанам, и то было бы дело.

В обед старуха принесла им суп и вяленое мясо. Камболат не стал есть, мол, болен, и потому ему даже противно смотреть на еду.

— Дела твоих друзей, мой братец, кажется, совсем неважны,— на смуглом лице Камболата мышцы как-то нервно задвигались.

Мурат тоже отложил свою ложку. Встал и подошел к окну. Во дворе на солнце грелись два неразлучных друга — дворняжка и белый ягненок, а на плоской крыше соседского дома мальчишки играли в альчики.

— Камболат, кого ты имеешь в виду?

— Кого, кого... Большевиков.

— А ты сам из каких будешь?

— Я?— удивленно переспросил Камболат.— Я из других. Не хотел тебя огорчать, но ничего не поделаешь. Дзауджикау уже у немцев.

* * *

В тот вечер Мурат, выпив чашку домашнего кефира, лег спать раньше обычного. Сердце его ныло. Упрекал и ругал себя... Бездельничает, пьет кефир, ест мясо и слушает всякие байки.

— Ты, кажется, в комсомоле,— как-то опять сказал Камболат.— И не заикнись никогда больше об этом.

Мурат понимал: со старшим, да еще с близким родственником, нельзя обращаться грубо, и все-таки не сдержался.

— Никогда не бывать тому, что ты выдумываешь и говоришь.

— На днях увидишь. Может, ты успеешь нацепить еще и немецкие погоны.

— А на грудь — железный крест?

— Если голова будет работать.

— Ты всерьез или шутишь?— еле сдерживая гнев, спросил Мурат.

— Это твои друзья шутят. Забавляются жизнью.— Камболат присел на кровати, и Мурату показалось, что у дяди шея неимоверно вытянулась, а серые глаза чуть ли не вылезли из орбит.— Семь лет пробыл я за колючей проволокой. Семь лет! Только в котле меня не варили, а так чего только я не испытал. Копал канал от Балтийского до Белого моря, строил в Норильске никелевый комбинат. Мох был моей постелью, листья кустарников — моей пищей. — Камболат замолчал, потому что продолжать можно было только про себя. «Потом была Колыма, а там — золото. И на мою долю тоже, за мои страдания. Но разве золото возместит все, что я потерял за эти годы?» Но другой голос возразил: «А Бухара? Куляб? А то, что ты там нажил на торговой работе?» Да, но не было бы этой проклятой власти, не было бы и необходимости воровать. Обманывать... И Камболат, волнуясь, заговорил горячо:

— А кому я что сделал плохого? Убил кого? Если что и

сказал, то только то, что видел. Наблюдал. Знал я, к чему придем. Почему для нас недостаточно того, что устраивает Америку, Англию, Францию? Зачем нам этот трижды проклятый социализм?—Маленькие серые глаза Камболата зло сверкнули:—Я тебе еще недавно говорил: важные бумаги были у меня. Еще до ареста спрятал их. Но бог, видимо, забрал их к себе, не могу отыскать. Ты послушай: предок наш был узденем. Грузинские эристави к нам за помощью обращались. Найду я эти бумаги, найду! А к тому времени и новая жизнь установится. И все земли вокруг нашего аула вплоть до царской дороги со всеми богатствами будут нашими. А там много и золота, и серебра, и свинца. И все это тоже будет нашим: моим, твоим. До сих пор я ходил к ним с поклоном, а теперь ко мне будут ходить.

«Оказывается, я из аристократов... Потомок царевичей. А я-то, дурак, и не подозревал»,— подумал Мурат и ехидно улыбнулся.

— Чего оскалился?

— А почему бы и нет? Я же из царевичей.

— Молокосос ты еще. Несмышленыш. Люди свободу получат, не будет уже никаких большевиков. И Советов, и райкомов и комсомола твоего. И колхозов тоже. Наш однофамилец Батмырза от рождения до смерти не знал, что такое сорочка: и летом и зимой ходил в одной и той же засаленной, дырявой овчине. Теперь сын его начальником шахты стал. Как-то осенью обратился к нему, машину попросил. Говорю, из города вещи мне надо перевезти. И что ты думаешь? Не дал он мне... И это сын вшивого Батмырза.

Мурат себе уже места не находил. Он не знал, что ему делать. С одной стороны, Камболат двоюродный брат его отца, в трудную минуту приютил его, кормит, ухаживает за ним. Но если бы кормил только мясом и молоком... Он подошел к Камболату:

— И партия будет, и комсомол будет, и колхозы будут! Только не станет фашистов и их приспешников. Без советской власти люди не могут быть равными.

— А что? Люди оглобли, что ли? Или арчита? Да и то один из них бывает правый, другой — левый.

Мурат понял, что говорит не то, и заспорил с еще большим ожесточением:

— У фашистов один опять будет богатым, другой — бедным. Один будет другого эксплуатировать.

— А что это такое?— съехидничал Камболат.

— Когда один нанимает другого.

— И что он? Не оплачивает его труд?

— Ровно настолько, чтобы с голоду не помер.

— Твоим колхозникам Сталин и того не дает. Отец твой

Татари денно и нощно работает, и то, уверен, даже сменных брюк не имеет. И пару сапог тоже.

Мурат вспомнил, как мать каждую ночь штопала ему, брату, сестрам тряпичные чувяки. «Да,— подумал он,— но ведь мы новую жизнь строим. Социализм строим. Впервые в истории».

— Социализма без партии, без колхозов не может быть.— Мурат говорил словами, которые он слышал от учителей, по радио, читал в газетах, книгах. На лице Камболата появилась кривая усмешка.

— Замолчи, пожалуйста. Колхозы нужны для того, чтобы держать под ярмом вот таких головотяпов, как ты. Не думающих. А собственно, зачем тебе думать головой? Работай, как осел. А голова у председателя, у секретаря, у наркома. Они у меня в печенках сидят. Рубец на моем сердце, рубец, комсомол.

— Да... Отец много трудился. Нелегко быть кузнецом на весь колхоз,— продолжал свою вдохновенную речь Мурат.— Но и совета у него спрашивали.

— И много он выиграл от своего депутатства? И вообще, какие могут быть мысли у человека, который не вылезает из кузни?

— Да, да, конечно,— ответил ему в тон Мурат.— Советская власть помешала, а то бы отец стал академиком или генералом. О своей жизни при царе Николае тоже рассказывал. Десятилетним пошел в наем, пастухом. А мой дед твоему отцу прислуживал всю жизнь. А считались братьями. У твоего одна, тысячная, отара была, а у моего деда два чесоточных барана. И немцы нам опять хотят навязать такую равную жизнь. Пусть оставят ее себе. Или ты сам иди к ним.

— Молокосос!— заорал Камболат.— Щенок! Хана твоим большевикам! Хана твоей власти голодранцев!

Мурат почувствовал себя так, словно средь бела дня принародно ему плюют в лицо и топчут грязными сапогами. Да еще издеваются над его отцом. А он... Но что он может сделать, что?

А дни, однообразные, тоскливые, текли один за другим. Мурат все читал и читал. Читал книгу «Ленин и Сталин о войне», которую подарила ему Мадинат. Глаза бегают по строчкам, а в голове — разговоры его родственника. Они мучают его, отравляют и без того нелегкую жизнь.

Камболат, лежа в постели, тоже размышлял о временах прошедших. В самый канун революции, после окончания Ардонской семинарии, у него было много заманчивых планов. С помощью отца накопил денег. Думал построить в Тагардоне, на берегу реки, мебельную фабрику, открыть магазин во Владикавказе. Но ничего не успел. Только у себя в ауле открыл небольшой магазин, и то после установления совет-

ской власти. В разгар гражданской войны белый полковник звал его к себе в армию, обещал золотые горы, сотни гектаров земли на плоскости. Но Камболат был достаточно осторожным и не согласился.

Камболат встал с постели, подошел к Мурату, взял его книгу, посмотрел на нее и швырнул на стол.

— Умная должна быть книга. Не может быть, чтобы немецкие генералы не изучали ее. А иначе как бы победили всю Европу?.. Генералы Сталина, военная школа Сталина, гений Сталина. Вождь! Гений! Отец! Эх, где найти столько сил, чтобы... У Гитлера, у Гитлера!

Мурат подскочил, как ужаленный.

— Прости, но ты... Ты, очевидно, не зря сидел. Только слишком рано тебя выпустили. Ты... Ты...— на глаза Мурата навернулись слезы, и он уже ничего не мог говорить.

Камболат ступил к нему и ударил по губам. Но этого, видимо, ему показалось мало, и он ударил его и по щеке. У Мурата из носа потекла кровь, но он не сдвинулся с места. А Камболат застонал, как раненый зверь, подбежал к кровати и повалился ничком. Мурат выскочил во двор, умылся холодной водой. Вернулся в комнату, собрал свои пожитки, сложил их в мешочек. Ничего не говоря, посмотрел еще раз на Камболата. Тот понял намерение парня, вскочил с кровати, подбежал к нему и умоляющим голосом заговорил:

— Прости, ради бога! Прости, пожалуйста! Я не хотел тебя обидеть. Нечаянно... Вся эта власть, все эти большевики, Сталин... И немцы тоже... Все они не стоят того, чтобы мы с тобой ссорились. Мы же братья! Не уходи, не уходи! Куда ты пойдешь? Ты же мой, мой! И что скажут Татари и Фатимат?

Мурат, не говоря в ответ ни слова, резко толкнул дверь и выскочил во двор. Второпях даже забыл попрощаться со старухой. Глотая слезы, бежал по ущелью. Он уже был на полпути к рабочему поселку, когда навстречу ему попался белобородый старик, тяжело шагавший за навьюченным серым осликом. Все еще расстроенный, Мурат хотел молча пройти мимо, уступив ему дорогу, но старик обратился к нему:

— Ты чей будешь? Почему я тебя не знаю?

— Я племянник Камболата. Сын Татари.

— А-а-а,— протянул старик.— Значит, ты сын кузнеца Татари. Я так и подумал, что ты из равнинных. Они ходят, не глядя под ноги.

Мурат улыбнулся.

— Пусть бог дарует тебе здоровье. Ты никак возвращаешься домой? Только что я слышал, ночью Тагардон освободили от басурманов.— Сказав эти слова, старик продолжил свой путь, а Мурат побежал вниз по ущелью.

Небо было чистое. Гора Кариухох сверкала под лучами

заходящего солнца. Мурат с наслаждением вдыхал легкий, чистый воздух, и, хотя бок давал о себе знать, ноги шли легко.

Поздно ночью, усталый, он свернул в сторону небольшой знакомой пещеры, и там прилег на соломенной подстилке, подложив под голову свой мешочек. Изрядно продрогнув, он еще до утренней зари встал и опять зашагал вниз по узкому ущелью.

* * *

Он не узнавал родное село, даже смешался слегка, туда ли попал...

Поваленные плетни, сгоревшие дома. Люди куда-то бегут, кричат, плачут, и никто не замечает остолбеневшего Мурата. Ему ничего не оставалось, как двинуться следом за всеми.

За селом собралась огромная толпа. Женщины причитают. У мужчин хмурые лица, согбенные плечи.

Мурат не смел ни о чем спрашивать. Молча протиснулся в гущу.

Кто-то потянул его за рукав:

— Мурат!

— Асланбег! Что это?..

— Расстреляли их.. Перед самым отступлением. И Веру, и Марусю... Не успели... Немцы их настигли за тагардонским мостом.

— А Володя?

— Он жив... Мы спрятали его... Нана тоже где-то здесь. Уйдем отсюда. Ты разве не боишься мертвых? Говорят, они потом снятся.

— Я только взгляну...

— Я тоже... Эх, не было у меня того автомата, что ты забрал с собой, а то бы я показал этому Азанбегу...

— Это он их выдал?

— А кто же еще? Подлец, убежал с немцами.

На краю ямы лежали рядом мать и дочь и... Уардис. Госама охрипшим от рыданий голосом причитала над ними:

— Горе, горе на мою голову! Пусть разверзнется под ними земля! Пусть не останется от них ни роду, ни племени! О боже! Почему ты так суров ко мне, почему мне еще довелось пережить и это, не хватало тебе того горя?.. Ой, чтобы ослепнуть мне! Вставай, Вера, на кого ты своего сыночка оставила? Маленький он еще, не понимает своего сиротства.

Мурат уже не мог сдерживаться и заплакал навзрыд. На его плечи легли чьи-то тяжелые руки. Он посмотрел сквозь слезы, увидел Аузби и зарыдал еще горше.

14

Говорят, черная весть летит на двух крыльях, а добрая — на четырех.

У всех на устах было только одно слово: Сталинград. И все знали, что за этим стоит: наши окружили и вынудили сдаться трехсоттысячную армию фельдмаршала Паулюса. Какой там урок, какие занятия! Ликующие ученики высыпали из классов. Они прыгали, кричали, обнимались, наставляли друг на друга указательные пальцы:

— Хенде хох, Паулюс!

Старшеклассники проявляли свои чувства более сдержанно. В классе Мурата были и такие, у которых погибли отец или брат, но и те улыбались, поддаваясь общей радости.

Мурат собирался уходить домой, когда его вызвали к директору. В кабинете спиной к дверям сидела какая-то девушка. Она повернула голову на голос Мурата. Мадинат. Она встала, подала ему руку. Пригласив садиться, подвинула стул.

— Мурат, ты, конечно, знаешь, что секретаря школьной комсомольской организации направили в военное училище...

— Знаю.

— А кто его заменит?

Мурат пожал плечами.

— Много у нас достойных. Хорошо учатся... Дисциплина не хромает...

— Не хромает...— машинально повторила Мадинат.— Мурат, мы тут судили-рядили, и выбор пал на тебя. Или у тебя дисциплина хромает?

— Я не...

— Это не только мое мнение. Райком так решил. Вечером собрание. Смотри, никаких самоотводов.

* * *

Вечером, возвращаясь из школы, Мурат еще издали заметил старика. Аузби сидел на скамейке возле дома и ждал, пока Мурат подойдет ближе.

— Посиди-ка со мной, мое солнышко, поговорим. Ты знаешь, кто мы с тобой? Единственные мужчины на всей улице. Эх-эх-эх!

— Интересно, сколько стоит танк?— без всякого перехода вдруг спросил Аузби.

«Сдает старик,— подумал Мурат.—Щеки впали, под глазами мешки. Даже голос изменился, хриплый, осипший».

— Что, думаешь, не сдурел ли старик? Пойдем-ка, мое солнышко, во двор,— Аузби поднялся.— Разговор есть. Серьезный.

Госама только что подоила корову. Увидев Мурата, опустила ведро на землю, обняла парня, будто давно не видела,

Потом вынесла из комнаты большую железную кружку, зачерпнула молока и протянула Мурату:

— Пей, моя радость. Парное молоко очень полезно.

Аузби окинул взглядом двор и обратился к Мурату:

— Смотри-ка, Мурат, что стало с сараем, коровником. Эти собаки все пустили на дрова. Хорошо, что успел угнать животину в горы. Но теперь столько скота неприлично держать, время такое. Даже бог не простит мне. Лучше сдам их государству. Или продам, а деньги в армию отошлю. Но с другой стороны... Наступает весна, а в колхозе ничего уже не осталось. Ни хлеба, ни скота, ни семян. Только те овцы и уцелели, что успели угнать в горы. Все это тебе известно. И вот что подсказывает мне сердце.

— Что?

— А, может быть, продать и дом, и скот и купить танк? Немцы-то вон что вытворяют на своих танках, чтобы им до дому не добраться. Тебе не по душе мое решение?

Мурат был так удивлен, что мог только пробормотать:

— Не знаю...

— Ишь, хитрый какой! Ведь я вижу, что ты согласен со мной. Только думаешь, а где жить будем? Не волнуйся, с людьми не пропадем. Поживем пока у вас. К тому времени, может, кто из мальчиков и вернется, тогда выстроим новый дом. А если никто не вернется, то на что мне и дом? Наше со старухой место — на краю села. Вот только боюсь, что покупателя не найдется. Сколько в Осетии таких сел, как наше?

— Примерно сто.

— А таких, как наша улица? В одном только нашем селе девять. Неужели мы не в состоянии целой улицей купить танк? Позавчера слушал радио. Один мужчина отдал сто тысяч для армии, а другой купил танк! А мы? Только на облигации подписываемся да теплые вещи посылаем. Это, конечно, неплохо. А танк лучше. И купим его! Завтра же обойдем жителей нашей улицы.

— Зачем обходить? Может, собрание созвать?— Мурат уже знал, что люди на собраниях лучше откликаются на любой призыв, подражают друг другу, соревнуются, что ли.

— Собрание? На нашей улице?— старик задумался.—Ей-богу, стоящее дело. У нас и соберемся, посоветуемся. А там и решим. Вот видишь, не зря я тебя позвал, голова у тебя светлая.

На второй день посыльные уже обходили дома.

...Был один из морозных февральских дней. В кирпичном доме из четырех комнат и широкой веранды собралось так много народу, что яблоку негде было упасть. Это были женщины, старики да несколько мужчин, вернувшихся домой после ранения. Володя приставал то к одному, то к другому из приглашенных, разговаривая с ними по-осетински. Под конец его

внимание привлек мужчина в военной гимнастерке без погон. Вместо одной ноги у него была деревяшка.

— Дядя, а на твою ногу танк наступил, да?

— Умный ты мальчик, угадал.

— Извините, добрые люди,— начал свою речь Аузби. — Думаю, что ни один из вас не нуждается в моем совете, некоторые побывали в самом пекле войны, а все другие испытали пятьдесят черных дней. Да, да. Хуже черной смерти эти фашисты. Вы все знаете, что хозяйство наше разграблено. Как же быть теперь? И вот что я для себя решил. Видите наш дом? Мы здесь остались, можно сказать, вдвоем, как два пня. Не нужен он мне. Будьте добры, если знаете, кто купит дом — пришлите, я его продам. Да одну из двух коров, трех овец. Часть денег думаю отдать колхозу, другую,— старик на мгновение замолчал, словно обдумывая, как лучше выразить свою мысль: — В общем так... Если бы у Красной Армии было больше танков и самолетов, то этих иродов уже не осталось бы на нашей земле. Одним словом, давайте купим танк. Наш именной тагардонский танк.

На мгновение воцарилась тишина, потом раздались голоса:

— Правильно!

— Купим!

— И пусть вручат его танкисту Махамату Булатаеву!

Кто обещал дать корову, кто барана, кто денег,— у кого что было.

Первый раз держал речь на таком собрании Мурат.

— Аузби один из старейших в нашем селении. Молодежь согласна с его мнением. Нана поручила мне сказать: у нас осталось две овцы, они уцелели с колхозной отарой. Мы их отдаем, чтобы купить танк. Наш колхоз «Иристон», и танк назовем «Иристоном». Я тоже за то, чтобы послать танк в часть, где служит Махамат.

* * *

В эту тяжелую зиму Дзамболату часто приходилось выезжать в районы. Вот и сегодня приехал он в Тагардон. Не нарушая традиции, председатель Совнаркома первым долгом встретился с секретарем райкома партии. В кабинете Александра Дзамболат застал еще и Аузби. Он пришел держать совет с секретарем райкома: как провести посевную так, чтобы осенью было что собрать. Дзамболат тепло поздоровался с ними и присел за приставным столом рядом с Аузби. Александр велел своей секретарше пригласить и Майрама.

— Вот обсуждаем вопрос, как нам провести посевную. Чтобы и вовремя успеть, и чтобы ни один клочок земли не остался неиспользованным.

— Худо наше положение, Дзамболат,— пожаловался ста-

рик.— Не знаем, что и делать. Ни тракторов, ни лошадей, ни волов. То же самое с семенами. Подворный обход кое-что дал. Половину семенной кукурузы, можно сказать, собрали. А где взять остальное?

В кабинет бодреньким шагом вошел Майрам. Улыбаясь, приветствовал Дзамболата, начал расспрашивать его о здоровье, о семье так, словно тот пришел к нему домой в гости. Дзамболат слегка поморщился:

— Слава богу, пока живы,— и обратился к Александру:— Скажи, пожалуйста, чем вы располагаете? Какой техникой, какой тягловой силой? Сколько удалось восстановить тракторов?

— Располагаем... Да, можно сказать, ничем. На каждые пятьсот гектаров пашни — один трактор, и то без фар, пять лошадей и семнадцать коров, принадлежащих колхозникам. Вот и вся наша мощь. Теперь судите сами, сколько времени потребуется на то, чтобы вспахать поля и засеять их. Месяца три, не меньше, и то, если погода будет благоприятной, ну, а если непогода...

— А то, что не успеет взойти до летнего солнцеворота, на это махни рукой. Не созреет, — как бы для себя проговорил Аузби.

По решению Союзного правительства и Центрального Комитета партии в те дни Осетия получила тридцать тракторов, 600 тонн семенной кукурузы. Но как их делить? Почти все районы опустошены. По предварительным расчетам, четыре трактора должны получить тагардонцы. Но это так мало! Не успеют вовремя посеять кукурузу и другие районы, и республика окажется без хлеба. Не выполнят государственные поставки, колхозники опять ничего не получат на трудодни. Чувство обеспокоенности, которое давно поселилось в душе Дзамболата, еще больше усилилось. Но что с того, что своими тревожными мыслями он поделится с руководством района? Легче им от этого не будет. И он заговорил совершенно о другом.

— Вы знаете, ваши северные соседи придумали одно хорошее дело. Будут сажать деревья. Правда, эту идею я им подсказал. Дички яблонь и груш намерены посадить даже вдоль дорог и улиц. Было бы неплохо, если бы и вы последовали их примеру. Хотя бы тысячу деревьев посадили. В будущем году можно было бы сделать им прививки, и там, гляди, года через три-четыре начнут плодоносить.

— Прекрасная идея!— воскликнул Майрам.

— Что ж, может, и правильно делают наши соседи,— тихо сказал Аузби.—Но надо пока думать о посевной. А сады... Придет и для них время.

Александр молчал. В его душе снова закипела злость. Не скрывая раздражения, он буркнул:

— Я бы срубил и те деревья, которые у нас остались...

— Александр, деревья ведь не только плоды приносят, но еще и радость. Украшают поля и села. Недаром говорят в народе, что человек, посадивший дерево, жил не зря. Людям это тоже нужно. И даже сегодня. И, может быть, больше, чем когда-либо,— Дзамболат вопросительно посмотрел на секретаря райкома партии. Ему показалось, что тот даже покраснел слегка.

— Может быть, может быть. Но... одна мысль давно угнетает меня. Несколько раз пытался высказать ее первому секретарю обкома, но... прошу прощения, ему не посмел, а тебе скажу,— Александр замолчал.

— Скажи, скажи,— подбодрил его Дзамболат.— Скажи прямо, что тебя беспокоит?

— Все это в прошлом, но я до сих пор не могу успокоиться. То, что мы сегодня в таком положении, в этом повинны областной комитет партии, Совнарком и Комитет обороны республики. Почему мы не знали хотя бы за день о том, что немцы могут прорваться через Чиколу? Почему? Неужели никто не мог предвидеть этого заранее? 31 октября вечером в районе у нас был секретарь обкома и член бюро Михал. Настроение у него было довольно бодрое. Пожелал нам успехов на трудовом фронте, а сам, как я узнал потом, укатил в горы, в свое родное село. Туда же он заблаговременно перевез и свою семью. И первый секретарь областного комитета партии, с которым я разговаривал в тот день по телефону, советовал нам сохранять спокойствие, убирать кукурузу, пахать зябь. Вот мы и пахали. И допахались до того, что тракторы остались в поле. Значительная часть колхозного скота тоже. Если бы не это головотяпство, мы бы теперь не напоминали мельницу, у которой ливнями снесло плотину, и она оказалась без воды. А ведь от нас до леса, до гор — рукой подать. За один только день мы могли всю технику, всю оставшуюся тягловую силу, семенной фонд и прочее вывести в горы. Но опять наверху у кого-то что-то не сработало...

— Александр, к чему теперь вспоминать об этом? Думаю, не нарочно это сделали,— примирительным тоном сказал председатель райисполкома.

А старый Аузби ушел мыслями в далекое прошлое, когда в этих же местах шла ожесточенная борьба с белогвардейцами Деникина. Он вспомнил, как примчался гонец из Дигории с тревожными вестями. И еще он почему-то вспомнил первые годы коллективизации. Раскулачивание.

У его соседа, расторопного бедняка, за годы НЭП появилось три лошади и столько же коров. Язвительный на язык, он не щадил даже секретаря партячейки. Аузби не смог тогда отстоять своего соседа. И представитель из округа не помог. «И верхние тоже,— сказал он тогда себе,— нередко пута-

ют правое с левым, делают не так, как надо бы». А разве теперь, в эту тяжкую войну, не так? Иначе бы и немцы до нас не добрались. Молодец, Александр, все-таки молодец. А вслух сказал:

— Дорогой Дзамболат! Ты не обижайся на нас. Прав Александр, прав! Действительно, что-то не сработало. И это не первый раз.

Старик был расстроен. Все невзгоды, которые он испытал за эти последние два года, горестным комом застряли в груди. И он тоже, как и Александр, хотел бы излить душу, но он был осетином, да еще в таком возрасте, когда не пристало горцу говорить обидные слова человеку, который, может быть, в их бедах совсем даже не виноват. К тому же Аузби с уважением относился к этому, как он считал, умному молодому человеку, ставшему одним из руководителей республики. Ему нравилось мягкое, сердечное и, как он полагал, чисто осетинское обхождение председателя Совнаркома со всеми, особенно со старшими.

— Дорогой Дзамболат, слишком тяжко наше положение. Я понимаю, тебе еще труднее. Тебе держать ответ за всю республику. И за нас тоже. Это очень нелегко, но, как говорят, лихой человек и лихой день долго не держатся.

В глубине души Дзамболат был согласен с Александром и Аузби. Не одну бессонную ночь провел он с тех пор, как немцы прорвались через Нальчик и Чиколу в районы республики. И после того, как прогнали фашистов, он опять и опять возвращался к этой трагической ситуации, анализировал многие несуразицы, происходящие, на его взгляд, по вине военных, с которыми ему приходилось иметь дело как заместителю председателя Владикавказского Комитета обороны. Вспомнил он военный совет, который проводил в районе Моздока командующий Северной группой войск Закавказского фронта. Для проведения заседания выбрали открытое место, свободно простреливаемое противником. К просьбе Дзамболата спуститься в блиндаж командующий отнесся с пренебрежением, очевидно, в душе обозвал его трусом. И только тогда, когда почти рядом разорвался снаряд, командующий соизволил спуститься со своей свитой в блиндаж. Тот же командующий приказал командиру одной из дивизий и начальнику ее штаба немедленно прибыть на это самое заседание по кратчайшей дороге, которая опять же находилась под обстрелом. И два полковника, командир и начальник штаба дивизии с сопровождавшими их лицами взлетели на воздух. А ведь разреши он им поехать по иной дороге, они бы не погибли, только опоздали бы немного. Много что мог еще вспомнить и рассказать Дзамболат. Очевидно, и в прошлом году кто-то по глупости не распорядился поставить надлежащий заслон недалеко от Чиколы. А ведь места там легко обороняемы. Глубокие ущелья, обрывы, кру-

тые подъемы. Прав Александр, опять что-то сверху не сработало.

— Аузби, забудем старое. Все равно ничего уже не выясним. И никто уже никого не накажет.

— Дзамболат, извини,— снова заговорил Александр.— А я бы наказал. И жестоко. Наказал бы тех, кто совершил такое преступление. Наказал бы тех, кто в тяжелую для республики минуту бежал со своего поста и спрятался в горах.

— Наказали, как могли. И того же секретаря обкома сняли с занимаемого поста. А проливать кровь... И так она рекой течет по всей нашей земле. Ну, да ладно. Я приехал к вам в надежде чем-то облегчить ваше положение. Я думаю, что вы не будете возражать, если дадим вам четыре новых трактора.

— На три колхоза один...

— Ничего, Александр. Четыре новых трактора — это сила,— сказал Аузби.

— Очень даже неплохо,— согласился председатель райисполкома.

— Мы вам еще подбросим тонн пятьдесят семенной кукурузы и голов двадцать первотелок.

— Это уже совсем неплохо,— одобрительно отозвался Аузби.

— Надо же как-то выходить из положения,— виновато улыбнулся Дзамболат.

— Мы и ищем выхода,— сказал Александр.— Аузби считает, что придется запрячь в плуги и коров, сохранившихся у колхозников. И плугарями пойдут те, кто доит этих коров. И бороновать они же будут. Не хватит этого — возьмемся за лопаты. В общем, мы хоть и злы,— Александр улыбнулся,— особенно на язык, но трудиться будем. И упорно.

— И деревья тоже посадим,— сказал Аузби.

— Это точно,— поторопился подтвердить Майрам.

— Ну, вот и договорились,— вставая с места, сказал Дзамболат.

* * *

В этот же вечер военный комиссар района сообщил Александру:

— Опять похоронки пришли, и на сына Аузби Гацыра. Как нам быть?

Александр молчал.

— И от Махамата давно нет писем. Что будем делать?

— Сколько можно скрывать?

— Кто им скажет?— в голосе военного комиссара была нерешительность, и Александр раздраженно сказал:

— Ты представляешь здесь Красную Армию? Ты. Вот и действуй от имени и по поручению...

* * *

Дожди затянулись до самого конца апреля, и только в мае колхоз «Иристон» вывел на поля два трактора, впряг в плуги лошадей и коров. Весеннее поле огласили рокот тракторов и голодный рев животных. Сена и в помине не было, кукурузные стебли кончились, трава еще не взошла, для корма оставалась только прелая солома.

Старшим у пахарей первой бригады был Дзаххот. Один плуг тянули четыре тощих коня, в два другие были впряжены коровы.

— Все мы стоим друг друга: и люди, и лошади, и коровы,— одинаково отощалые,— с горькой усмешкой говорил Дзаххот. Опрокинув плуг у края поля, он озабоченно ходил вокруг своей кобылы. От гнилого корма бока ее раздулись так, что, казалось, вот-вот лопнут.

В пару с кобылой был впряжен мерин. Он тяжело опустил голову, казалось, ушел в тяжелые раздумья. Может, он вспомнил, как работал на поле у румына? Или как возил пивную бочку баварца? А, может, ему мерещились белые хаты Украины? Было, что вспомнить мерину, и от чего ужаснуться. Умел бы он говорить, рассказал бы Дзаххоту, как он тянул странную изрыгающую огонь арбу, бывало, по грязи чуть ли не по самое брюхо. А минувшей зимой неподалеку отсюда его загнали в какой-то двор. Кормили вдосталь, но вдруг ни с того ни с сего все сорвались с места и дали стрекача — и чего это люди так испугались стрельбы и взрывов, что ли, никогда не слыхали? Нещадно нахлестывая, его гнали назад туда, где, он знал, находится далекая родина. Но вот под ним содрогнулась земля — рухнул коняга, с которым они тянули двуколку, заржал в смертельной тоске и навсегда умолк. А его спешно распрягли, ездовой вскочил на него и погнал во весь опор. Но вскоре всадник слетел на землю, словно его сдернули арканом, а он продолжал скакать. Но поняв, что никому не нужен, что им никто не понукает, свернул на неубранный участок кукурузы и всласть наелся початков. Вот тут-то и взнуздал его этот крикливый старик...

И такую тоску он почувствовал, что захотелось лишь одного — лечь в горячую пыль и забыться в долгом-долгом сне. Осточертели ему и грохот, и пальба, и дым пожарищ, и смрад серы, грубые окрики, непролазная грязь.

Не очень охотно приучались и коровы к своей новой обязанности, и то и дело объявляли стоячую забастовку. Одна из коров принадлежала Дунетхан. Крупная, с белым пятном на широком лбу, она была уже довольно старой, но молока все еще давала много. К тому же оно было жирным, как у буйволицы. И теперь Дунетхан боялась, что от непосильной работы она перестанет давать молоко. Но земля должна быть вспахана, засеяна.

Дунетхан потянула за налыгач, но животные даже не шевельнулись. Корова с белым пятном на широком лбу смотрела на свою хозяйку большими грустными глазами. Смотрела так, словно хотела спросить: «Ты что, не узнаешь меня? Это я, Бури. Я же двенадцать телят произвела на свет. А сколько лет и сколько дней я тебе щедро отдавала свое молоко? Неужели ты все это позабыла? И на старости лет загнала меня под ярмо». Дунетхан нежно погладила Бури по широкому с белым пятном лбу, произнесла тихим, умоляющим голосом:

— Ну, милая, давай опять потянем. Давай, моя кормилица, давай, моя опора.

Она обняла Бури за шею, спокойно потянула вперед, и корова привычно пошла за хозяйкой...

* * *

Железо ржавело, изнашивалось, выходило из строя. Люди же стоически переносили все мыслимые и немыслимые тяготы, выпадавшие на их долю. То и дело ломались тракторы, но их вновь и вновь ремонтировали. И пахали, прилагая неимоверные усилия, чтобы успеть вовремя посеять.

Аузби потерял покой. Должен же быть какой-то выход из положения. Удлинить, что ли, рабочий день, прихватить и ночь? Но тракторы слепые, впотьмах такое наворочают, что не рад будешь. А, может...

— Послушай, Дзаххот, ты вроде смекалистый. Помечтаем вместе?

Дзаххот удивленно смотрел на своего друга.

— Представь себе такую картину,— продолжал Аузби.— Ночь. Теплая весенняя ночь. Ни зги не видать, только одни редкие звездочки светлячками порхают. Но трактора пашут.

— Ночью? Без света? Смеешься, что ли?

— Да, пашут. А я иду впереди с «летучей мышью» и высвечиваю для них борозду. Так сказать, прокладываю курс. А?

Дзаххот усмехнулся.

— Все бы ничего, но ты покушаешься на нашу единственную лампу.

— Клянусь, не покушаюсь. Здесь обойдемся и коптилкой.

— Тогда попробуем,— неуверенно проговорил Дзаххот.

Стояла безлунная ночь. Тишину нарушал натужный рокот двух тракторов. Аузби шел по кромке борозды с лампой в руке. На его дзабырта* налипали пудовые комья грязи. Он счищал их палкой и двигался дальше.

Тарахтели тракторы, а ему мерещилось тяжелое урчанье танков. В такие минуты безотрадных раздумий он чаще дру-

---

* Дзабырта — обувь из домотканого сукна на сыромятной коже.

гих вспоминал Сосланбега. Вот и сейчас так явственно слышит его голос: «Отец, не выставляй нас на посмешище. Ведь у тебя же пятеро сыновей. Позволь, я подменю тебя, а ты отдохни. И не волнуйся, не скривлю борозду. Хорошо как пахнет земля...»

Аузби хочет ответить ему, что он еще не устал, но Сосланбег уже окликнул братьев. Аузби похолодел: нельзя, чтобы мертвый звал к себе живых. В бессилии прикрыв глаза, он старался отогнать прочь зловещее видение. Далеко куда-то в степь уходит Сосланбег, а за ним, оглядываясь на отца, спешат Гацыр, Амурхан, Махамат и Науруз... У Аузби подогнулись колени, и он опустился на землю. Встревоженный тракторист подбежал к нему.

— Тебе плохо?

— Нет, нет. Сейчас приведу в порядок обувь.

— А я подумал, не случилось ли чего... Скоро утро...

— Два гектара успеем еще вспахать?

— Надо бы, Аузби. Ты это... если что...

— Все, все, я готов,— старик медленно поднялся.— Пошли...

* * *

Району помогли семенной кукурузой, но картофеля и у Совнаркома не было.

Кукурузу посеяли дедовским способом, разбрасывая руками, и может, поэтому всходы местами оказались изреженными. Хотели было в плешивых местах подсадить, но уже наступила самая пора сенокоса. Весна выдалась с обильными дождями, и трава быстро шла в рост.

— Куда ни кинь — везде клин,— говорил Александр Мадинат.— Кому косить, кому ворошить сено? Мужчины или однорукие, или одноногие. А сено позарез нужно. Семьям фронтовиков тоже надо помочь. Опять на поклон к старикам идти?

«А женщины? — подумала Мадинат.— Если они могут пахать, что же, с косой не сумеют управиться?»

Вернувшись домой раньше обычного, Мадинат отыскала старую косу с поржавевшим жалом и попросила отца:

— Отбей косу, а?

— Ты собираешься косить? Оставь, дочка, это не женское дело,— отец махнул рукой и собрался уходить. Но, видя, что дочь взялась за молоток, отобрал его и пробурчал: — Ни себе, ни нам покоя не даешь, да и людей баламутишь. Коса острая, отбивать нет надобности. Только заржавела от безделия, оселком по ней пройтись, и все дело.

За огородом в болотистых низинах обильно росла трава. Сюда и привел ее отец показать, как следует держать косу, чтобы не вонзилась в землю. До самого вечера Мадинат пробовала свои силы. На ладонях вздулись и лопались волдыри,

ломило в пояснице. Но зато через два дня заявила Александру:

— Райкомом комсомола в каждом колхозе создана женская бригада косарей. Я — бригадир одной из них. В своем колхозе «Иристон».

— Ты?

Мадинат молча показала ему свои руки.

Александр подпер голову рукой и с минуту погрустневшими глазами смотрел на девушку. С каждым днем она становится ему дороже, но решится ли он когда-нибудь сказать ей об этом...

— Ты не рад, Александр?

— Рад, очень рад, Мадинат. Славная ты...

На второй день в полку косарей колхоза «Иристон» прибыло тридцать женщин, большинство девушки на выданье. В мерное вжиканье кос часто врывались скребущие звуки ударов о камни. Мурат и Дзаххот не успевали точить косы и подтрунивали над девушками:

— Ну мастера, работаете так, что одни искры летят!

15

Как-то поздней осенью Мисурат и Дунетхан везли дрова из лесу. Фатимат встретила их недалеко от села, помогла им, подталкивая телегу сзади. Придя домой, упрекнула Мурата:

— Ты тоже хорош, помогаешь, кому тебе не лень, а Дунетхан чем тебя обидела? Я сейчас встретила ее с дочкой — дрова на себе возили...

Знала бы мать, как обрадовался ее упреку Мурат! Наутро в поле он мимоходом намекнул Дунетхан, что если она выпросит у председателя бричку на день, то он привезет ей дров. Та не преминула воспользоваться советом. Председатель, слава богу, не отказал.

Дунетхан завернула в холстину чурек, полкруга сыра, головку чеснока.

— Мурат, мы с Мисурат тоже поедем с тобой...

— Яйцо ломом ворочать? Один справлюсь...

— Тогда пусть Мисурат пойдет... Хоть за лошадьми присмотрит...

— Ну, ладно,— «нехотя» ответил Мурат. Но от Мисурат не ускользнуло, как радостно вспыхнул он. Она сощурила хитрющие глаза и, чтобы насолить Мурату, стала отнекиваться:

— А вдруг там этот бандит Азанбег? Или волки? Или медведь начнет кидаться камнями,— не пойду, одной страшно...

— Баловница, что ты болтаешь? Мурат же...

— Он опять убежит к партизанам...

— К каким партизанам? А ну быстро собирайся!— не на шутку рассердилась Дунетхан.

Мурат только посмеивался. До самого урочища Хускфарак он молча правил лошадьми, а Мисурат мурлыкала себе под нос какую-то мелодию. На ветках лежали комья снега и издали казалось, что деревья в полном цвету.

— Мурат, сейчас осень, а деревья цветут...

— Скоро начнут плодоносить. Запомни, где дикая груша, а где алыча...

— Зачем мне кислая алыча? Она нужна этим...

— Беременным,— брякнул Мурат и густо покраснел. Мисурат прыснула.

— Какие цветы? Снег это.

— А я и не знала, что ты такой всезнайка...

— Хочешь поссориться?

— Конечно. Давай остановимся вон на той поляне.

Мурат послушно направил лошадей туда, куда указала Мисурат. Распряг их, бросил охапку сена. Сняв телогрейку, взялся за топор. Поплевав на руки, начал рубить. Мисурат порывалась помочь ему, но он не позволял ей даже сдвинуться с места:

— Тебя зачем послали? Сторожить лошадей!

— Они смирные, никуда не денутся.

— Тебе нельзя выполнять тяжелую работу.

— Ой, и все-то ты знаешь... Я замерзла...

— И зачем только я брал тебя с собой...

— Да ты же рад был до смерти, когда...

— Не был!

— Был! Был! Был!— схватив длинную жердь, Мисурат поволокла ее к бричке.

Погрузили дрова, и Мурат перехватил воз цепьями. Для верности между бревнами втиснул с десяток жердей. Теперь можно и отдохнуть. Мисурат развернула холстину, оглянулась, куда бы ее пристроить. Мурат собрал ветки, сложил их в кучу, бросил поверху свою телогрейку.

— Вот тебе и стол...

— Нет, так нельзя, замерзнешь и простынешь, ты же вспотел. Надевай телогрейку...

— Соображаешь...

— Не всегда же только тебе быть умным...— она расстелила холстину на хворосте, разломила чурек и сыр, очистила два зубца чеснока.

— Ешь...

Мурат взял кусок чурека, потер чеснок о горбушку и жадно откусил.

— С чем-то смешана мука, да?

— С земляной грушей, а по ботанике — топинамбур.

— Знаю...— Мурат поднял на нее глаза:— Снова скажешь, что я всезнайка...

Она молчала, а он смотрел ей прямо в глаза и вдруг поду-

мал, что у Мисурат точно такие же большущие глаза, как и у него. «И такие же черные... И длинные-предлинные ресницы. Дурак, что это я ищу в ней свои черты? Что она мне, сестра?» Он еще раз внимательно оглядел ее и сделал неожиданное открытие: у Мисурат под толстым свитером отчетливо бугрились груди... Мурат отвел глаза.

— Бери сыр... Что ты вертишь головой?

— Знаешь, что? Поехали, жевать можно и по дороге.

У околицы села на отлогом подъеме одна из лошадей стала. Мурат огрел ее плетью, но безрезультатно, она только ниже опустила голову. Тогда Мурат спрыгнул на землю, взял ее под уздцы, стал понукать,— ни с места. Он начал остервенело ее нахлестывать, приговаривая:

— Ты оцани*— и я оцани!

Мисурат первый раз видела Мурата таким сердитым. Спрыгнув с воза, подошла и отодвинула его:

— Не надо ее бить,— она обняла голову лошади, прижалась к ней щекой и что-то ласково зашептала ей в ухо. Взяв ее под уздцы, мягко попросила:

— Ты же знаешь, самую малость нам осталось. За горкой как раз наш дом. Ну, пошли.

По телу кобылы прошла дрожь, она выпрямилась, потянула.

— Ты где научилась разговаривать по-лошадиному?

— С коровами. Наша Бури тоже так упрямится иногда. Особенно когда на ней пашут.

Мурат не двигался с места.

— Ты чего?

— Я тоже оцани.

Девушка засмеялась.

— Ну и оставайся, теперь мы сами управимся,— она проворно влезла на место Мурата, взялась за вожжи.

Мурат некоторое время плелся следом, потом разбежался, вспрыгнул на бричку и молча перехватил из рук Мисурат вожжи.

В тот день Фатимат и Асланбег с утра выбирали из-под снега початки-загогулины. Набрав полмешка, они сели передохнуть у края поля.

— Ох, ломит в пояснице. Ноги чужими стали. А сколько нам идти с ношей,— заохала Фатимат.

— Нана, я сперва отнесу свой мешок, а потом вернусь за твоим.

— Нет, сынок. Уж как-нибудь сама. Все, вставать пора. А то усталость и рада навалиться.

К их возвращению Мурат был уже дома. Только они

---

*Оцани — упрямая, норовистая лошадь.

успели ссыпать свои мешки за печкой, как вошел Аузби.

— Рады гостю, или мне повернуть обратно?

— Что ты говоришь, Аузби?— Фатимат засуетилась: чем бы приветить гостя? Штуки три яиц найдется, а вот хлеба... Ни пригоршни муки. Придется сбегать к Госама.

— Мурат, я слышал,— заговорил Аузби, пристраиваясь ближе к печке,— что ты и Дунетхан привез дрова. Молодец. Ты не другим, себе помогаешь быть человеком. Я рад, что у меня такие младшие. Рад за моего друга Татари. А ты, Фатимат, куда направилась? Гость в дом,— хозяйка из дому?

— Я мигом, Аузби...

— Ты ничего не затевай, я сыт...

Фатимат принесла от Госама полтарелки муки, замесила тесто, добавила размолотого топинамбура.

— Ты не царский ли ужин готовишь?..

— Ой, Аузби, пусть наш враг позавидует такому угощенью. Вернутся ли еще времена, когда перед гостем не придется краснеть?

— Вернутся, Фатимат. Еще будешь учить своих дочерей накрывать столы,— Аузби обеими руками поманил Фузу и Риму, усадил подле себя.— Рассказывайте, какие вы девочки, которая из вас лучше, а?

Фатимат хлопнула себя ладонью по лбу:

— Как я забыла пригласить Госама...

— Пустые хлопоты, она от Володи ни на шаг. А он, наверное, уже спит.

Аузби достал из нагрудного кармана суконной гимнастерки письмо и газетную вырезку.

— Вот, сегодня получили... От Махамата. И в газете напечатали **его фото...**

Асланбег, расправив газетную вырезку, громко прочитал:

«Осетин, командир танка «Осетия». Командир танка Махамат Булатаев получил свою грозную машину от односельчан из далекой Осетии. Танк оказался неуязвимым для фашистов, зато сам в одном бою уничтожил три немецких танка, много живой силы. За проявленный героизм командир танка награжден орденом Отечественной войны. Это пятая боевая награда доблестного горца...»

— Аузби, ты отдашь это нам? Комсомольцы школы собирают материалы о наших односельчанах-фронтовиках. Пожалуйста,— попросил Мурат.

— Хорошо, Мурат,— согласился Аузби,— но не сегодня...

— Сынок, принеси-ка вчерашние письма от твоего отца,— обратилась Фатимат к Асланбегу.— Почему-то сразу пришло два письма...

Асланбег подал Аузби два развернутых листа, исписанных химическим карандашом.

Пока Аузби читал, Фатимат выставила на стол три пирога

с картофельной начинкой, яичницу, соленые огурцы, немного араки.

— Не в ладах я с шайтан-водой,— поднял бокал Аузби,— но, уж так и быть, один тост скажу... Пусть не снесет головы тот, кому наше горе в радость. У нас у всех одна тревога, одна боль. Пусть повелителю мира будет угодно наше счастливое избавление. Всех благ этому дому, порогу этому...— отпил немного и поставил на стол рюмку.

Аузби разрезал пирог, дал детям по куску и, отодвинувшись от стола, тяжело вздохнул:

— Судьба этой девушки меня тревожит, чувствую себя виноватым перед ней...

Фатимат поняла, о ком говорит Аузби.

— Одна беда, что осталась просватанной,— продолжал Аузби.— Другая... Наш долг освободить ее от данного ею слова...

— Пусть пощадит судьба остальных твоих детей, Аузби.

Старик переменил тему разговора:

— Мурат... Ну, а тебе скоро вылетать из школьного гнезда. И что ты намерен делать?

Мурат и сам думал о своем будущем, строил планы. Через три месяца ему исполнится восемнадцать лет, тогда уж не откажут ему в просьбе направить на фронт... Вот рука... Но он же стрелял, может стрелять!

Была еще одна мечта, связанная с совершеннолетием,— вступить в партию. Но Мурат решил, что об этом рано еще говорить.

— Если снова откажут на фронт, дождусь возвращения баппу и Тотырбега и пойду учиться.

— Тоже ответ мужчины. Если бы человек думал только о своей судьбе, он бы и на ветке прожил, как воробей.

«Глаза материнские, а так точная копия отца... И манерой говорить, обстоятельностью во всем»,— подумал Аузби.

— Аузби, а почему наш отец не вступил в партию? Он сам об этом никогда ничего не говорил, но его, по-моему, что-то угнетало. Вот если бы принимали учащихся...— добавил Мурат и осекся, поняв, что невольно выдал себя.

Аузби вскинулся, и пытливо смотрел на Мурата.

— Ты прав, сынок, отец твой хороший человек, а раз хороший человек, то он должен быть в партии. Так? А он и был кандидатом. Я сам давал ему рекомендацию. Как он радовался! Да недолго длилась его радость. Словом, тогда у нас завхозом работал один... И имени его не хочу произносить. Он попросил Татари смастерить довольно сложные петли для новых собственных ворот, да еще топор, тоже для личных нужд. А у того, как всегда, колхозных дел было невпроворот и решил, что личное повременит. К концу дня в кузню заявился завхоз. Узнав, что Татари не выполнил его просьбу, пришел

в ярость. Сказал, как ком грязи бросил: «Ты и в партию лезешь, чтобы самому в начальники выбиться». Татари трудно вывести из равновесия, но тут он схватил кувалду и кинулся на обидчика. Как на грех, откуда-то принесло парторга. Завхоз и парторг были племянниками одной и той же фамилии— раздули дело и... Ты еще молод, Мурат, очень молод, и многое тебе кажется странным и непонятным. Эх, не все мы еще люди, не стала еще совесть мерилом всех наших поступков. Нам портит кровь счастье соседа, успех товарища, благополучие знакомого... К несчастью, и я тогда был в отлучке. Спешно провели собрание и исключили Татари. Сколько потом ни уговаривал его написать жалобу в райком, в обком — ни в какую...

— А все же, кто этот завхоз?

— Что теперь старое ворошить... Вернется отец — спросишь.

Мурату запомнились слова Татари, сказанные когда-то давно: «На людей бы с черным сердцем я ставил тавро, чтобы другие опасались их. Все можно простить. Только не подлость и ложь».

Фатимат наполнила рюмку и поднесла Аузби.

— От отца детей...

— Я же встал из-за стола. Ну да ладно... Бокал от имени Татари я уж не отклоню. Пусть вернутся живыми и невредимыми и Татари и Тотырбег.

— И твои, Аузби, и твои...

— Спасибо, Фатимат... Я еще прибавлю к своим пожеланиям... Я понимаю, Мурат не случайно завел речь о партии. Сынок, если ты крепко обдумал свое решение, я буду рад. А ученик ты или академик — для партии не это важно. Главное, чтобы ты был достойным человеком. Я готов дать тебе рекомендацию. Думаю, и директор ваш не откажется. А о третьей пусть позаботится комсомол.

Сердце Мурата колотилось так, словно ему тесно было в груди, лицо пылало: сейчас, сейчас скажут ему, что он...

Члены бюро райкома партии единогласно утвердили решение партийного собрания средней школы — Мурат стал кандидатом в члены партии. Александр, пожимая ему руку, сказал:

— Поздравляю тебя от имени бюро райкома партии. Желаю тебе достойно нести звание члена партии большевиков. Я надеюсь, что так оно и будет.

16

... Было это в начале января. Аузби пришел домой к своему старому другу Дзаххоту, но заходить не стал, несмотря на настойчивое приглашение.

— Лучше посидим здесь. Много ли нам осталось греться на солнце? А пригревает ничего, хоть и зимнее.

— Ты, как всегда, прав,— с легкой грустью в голосе ответил Дзаххот.

— Так вот... Поговорим о том, как нам продлить свою жизнь. А то, чего доброго, еще опозоримся. Есть нечего будет, и тогда действительно отправимся к своим праотцам.

— И такое возможно при наших нынешних порядках,— ответил Дзаххот.

— Прямо беда: работать некому. А самое худшее то, что никто конкретно ни за что не отвечает. Этим страдали и до войны. Но то были другие времена. Бывало, что десятки, а то и сотни молодых людей как станут в один ряд со своими тяпками, так берегись, сорняк! А теперь что? Работы много, а людей нет. А те, кто есть, уже третий год, считай, почти ничего не получают за свой труд.

— Да... От бедности, можно сказать, плесенью покрылись,— тяжело вздохнув, сказал Дзаххот.— А пустой мешок, известно, стоять не будет.

— Все в таком положении, дорогой мой. Кому легче?

— Дзарахмету легче, Дзарахмету, Аузби. Как купец он живет.

— Да пусть покойника вынесут из дома нашего врага. Не нам с тобой подражать Дзарахмету. Поверь мне, придет день, когда все должны будут отчитаться. Понимаешь, отчитаться? И тогда каждого спросят: ну-ка, скажи, чем ты занимался и кем ты был?

— Народ добр, друг мой. Все простит со временем.

— Нет, не все... Да бог с ними, давай лучше подумаем... Скоро весна. Мысль у меня одна зародилась. Как бы сделать так, чтобы ни один гектар посева не оставался без конкретного хозяина? Бригады нынешние и звенья даже, я уже сказал, обескровлены. И вот, думаю, надо... Как тебе лучше сказать? Если не всю посевную площадь, то хотя бы большую часть кукурузных полей поделить. Чтобы у каждого клочка был свой хозяин. Поделить между теми, у кого в доме сохранился хотя бы какой-нибудь обломок мужчины вроде нас с тобой.— Аузби вытащил свой нож, поднял лежавшую рядом небольшую сучковатую хворостину и стал ее стругать. А Дзаххот размышлял над словами своего друга: «Неплохая мысль... В такое бедное время чем конкретнее будет задание, тем лучше. Хорошо, когда человек знает, за что отвечает. А, может быть, я тоже еще кое на что гожусь. Казбек и сноха будут помогать. И старуха тоже. И корова, слава богу, сохранилась».

Аузби посмотрел на него:

— Шампур готов. Дело только за бараниной. А ты все еще размышляешь? И что, ничего еще не сообразил?

— Сообразил-то, в общем, ты. А я должен выполнить. Я понял тебя. Хорошо ты придумал.

— А конкретно?

— Конкретно... Выделите нам то, что полагается. И не тянуть. Запрягу корову. Слава богу, есть и арба. Могу даже навоз еще вывезти. Да и домашние, думаю, не оставят меня одного. Но, по-моему, вспахать все-таки надо сообща. И засеять тоже. А обработать и убирать уже наше дело.

— Жить тебе еще сто лет. Ну, а как быть с твоей соседкой Дунетхан? Дом-то без мужчины. И сколько таких.

Дзаххот задумался. Аузби не мешал ему, он знал: Дзаххот что-нибудь да придумает. И не ошибся.

— Ценю твою мудрость, Аузби. Три семьи, где нет мужчин, беру под свою ответственность. Думаю, не дадим пропасть посевам. И осень будет, полагаю, не плачевной.

— И будешь ты в районе первым многогектарником,— сказал Аузби.— Так вас назовем. Возражать не будешь?

— Лишь бы осенью хлеб собрали, а как назовете,— это не главное.

Аузби поделился своими мыслями с председателем колхоза, с другими членами правления. И создали десять звеньев многогектарников. Как-то к ним заехал и Александр. Он внимательно выслушал Аузби и сказал: «Дело стоящее».

На бюро райкома посоветовались и одобрили инициативу артели «Иристон». Бюро райкома партии решило созвать сход старейшин и обсудить с ними этот вопрос. Попросили приехать и Дзамболата.

К его прибытию зал заседаний райкома партии был уже полон народу. В основном пришли пожилые люди, как мужчины, так и женщины. Когда появились Дзамболат, Александр, Майрам, члены бюро райкома, все встали. Кто-то несмело хлопнул в ладоши и зал взорвался аплодисментами. Дзамболат поклонился, поднял обе руки.

— Будьте добры, садитесь. Садитесь, пожалуйста. Прошу вас...

Однако послушались не все — только самые старшие, сидящие в первом ряду. Остальные продолжали стоять до тех пор, пока не расселись члены президиума.

Дзамболат часто попадал в такие ситуации, но никак не мог привыкнуть к особому почтению, оказываемому его персоне, всегда чувствовал себя неловко.

Он слегка толкнул в бок Александра, начинай, мол.

— Мы все уверены, что весна сорок четвертого года будет весной новых крупных побед Красной Армии. Она должна стать весной и наших побед на трудовом фронте. Здесь присутствуют люди, умудренные жизнью, озабоченные думами о будущем. Мы все ждем от вас дельного слова, дельных предло-

жений. Прошу высказаться... Дзаххот, уважаемый наш старший, тебе первому слово...

Как и было условлено, первым выступил Дзаххот:

— Нас в семье пятеро. Я — старший, семь десятков уже за плечами. Младшему пять лет. Рядом со мной живут семьи, оставшиеся без кормильцев. Всего — четыре семьи, девять трудоспособных человек. На всех две коровы и один бычок, уже можно запрягать. Уважаемый Аузби окрестил нас многогектарниками. Пусть будет и так, дело не в названии. Взяли на себя двадцать гектаров кукурузного поля. Если не подведет нас погода, то мы обязуемся собрать с каждого гектара по сорок пять центнеров. На свой участок вывезли на коровах навоз, по зернышку перебрали семена. Отремонтировали бороны. Я призываю всех последовать нашему примеру, если он, конечно, хоть чем-то привлекает вас.

Упрашивать никого не пришлось, охотно выступали представители всех хозяйств района.

В заключение слово произнес Дзамболат.

— Вынести то, что выпало на долю нашего народа, вряд ли было бы по силам любому другому народу. Мы вынесли многое, вынесем все, но добьемся победы над злейшим врагом. Льется кровь. Ею освящена наша свобода. Вместе со всеми братскими народами нашей страны в едином боевом и трудовом строю идет и осетинский народ, не сбиваясь с твердого шага...

* * *

Дзамболат вернулся из Тагардона поздно вечером. Он успел только скинуть шинель и стянуть кирзовые солдатские сапоги, как зазвонил телефон.

— Тебя уже три раза спрашивала Москва,— сказал его помощник.

— Кто вызывает? Я позвоню...

— Вызывают по ВЧ.

— Ничего не сказали? Кто бы это мог быть?

— Не знаю, ничего не говорили.

— Сейчас приеду,— Дзамболат сунул ноги в домашние тапочки и шагнул в ванную.

Опять затрезвонил телефон.

— Я сказал, что ты уже дома. Кажется, звонят от Сталина...

— От Сталина?!— Дзамболат вздрогнул. — Ты... это точно узнал?

— Точно нет, но думаю, что так.

«Сталин! Сталин... Что случилось? Зачем я ему?»

— Немедленно машину!

Дзамболат забыл вытереть и руки, быстро принес из прихожей свои хромовые сапоги. Дрожащими от волнения рука-

ми натянул кое-как один сапог на мокрый от пота шерстяной носок. Взялся за другой, но никак не мог попасть ногой в голенище, и когда телефон опять зазвонил, в сердцах отшвырнув сапог, обулся в тапочки и сбежал вниз, на ходу натягивая шинель. Спохватился, что забыл шапку, но не стал возвращаться. Через несколько минут он уже был в своем кабинете. Вслед за ним вошел и его помощник.

Дзамболат снял трубку аппарата ВЧ, и тут же откликнулись:

— Соединяем с Москвой. Ждите...

Через мгновение спросили:

— Вам хорошо слышно? Это Москва...

— Да. Слышимость превосходная,— ответил Дзамболат, чувствуя, что он хрипит от волнения. Показал рукой помощнику на графин с водой, и тот подал ему полный стакан.

— Соединяем с товарищем Поскребышевым...

Все сомнения отпали: соединяют с Поскребышевым — вызывает Сталин.

— Добрый вечер, товарищ...

— Добрый вечер, товарищ Поскребышев.

— Меня хорошо слышно?

— Хорошо. Отлично...

— Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

Дзамболат судорожно провел рукой по горлу, кашлянул.

— Добрый вечер, товарищ...— Как ни готовился Дзамболат услышать этот голос, он все-таки прозвучал для него неожиданно, знакомый спокойный голос с грузинским акцентом.

— Добрый вечер, товарищ Сталин.

— Как ваше здоровье? Как живет народ Осетии?

— Большое спасибо, Иосиф Виссарионович! Осетинский народ не жалеет своих сил. Делаем все, чтобы...

— Мне известно, что осетины на фронте проявляют чудеса храбрости и стойкости,— Сталин помолчал некоторое время.— Вы только не волнуйтесь. Нам надо посоветоваться по некоторым важным вопросам. Мы решили оказать вашей республике помощь...

— Спасибо, товарищ Сталин, за вашу заботу.

— Вы хорошо знаете пограничные районы своей республики?

— Да, товарищ Сталин.

— Возьмите карту, если сомневаетесь. Передо мной тоже карта.

— Не беспокойтесь, Иосиф Виссарионович, я знаю эти районы.

— У нас такое мнение, что надо присоединить к Осетии Моздокский район. Он исторически и экономически, да и в культурном отношении больше связан с Осетией. Там есть несколько осетинских сел. Знаете их?

— Знаю, товарищ Сталин,— Дзамболат перечислил пять названий. Кажется, больше нет. А вдруг... Черт побери, надо было взять карту. Но его сомнения рассеял спокойный голос:

— Правильно. В годы гражданской войны в этих местах создавались банды известного Бичерахова. Вопрос о присоединении Моздокского района к Осетии согласован и с руководителями Ставропольского края. Они не возражают. Есть также предложения о присоединении к Осетии некоторых других земель,— и Сталин перечислил названия районов.— Это одна часть вопросов...

Дзамболат облегченно вздохнул. Сталин разговаривал с ним как со старым знакомым. Может быть, он вспомнил далекую юность, родной Гори, где жили и осетины. Он знал и осетинский язык, хотя родным для него был грузинский. В дни провозглашения Горской Автономной республики Сталин посетил Владикавказ. Тогда он познакомился с некоторыми осетинами-руководителями. Больше других, наверное, запомнился ему вновь избранный председатель Совнаркома Горской республики Мамсуров. Потом они встретились и позже, в 1935 году. Мамсурова рекомендовали ему на пост наркома земледелия СССР, и Сталин пригласил его на беседу. К сожалению, они разошлись во взглядах на развитие сельского хозяйства. Так Мамсуров, заместитель председателя Северо-Кавказского крайисполкома, оказался директором конезавода.

— Мне известно, что осетины город Орджоникидзе продолжают называть исконным именем: Дзауджикау,— Сталин произнес это слово по-осетински, и Дзамболат был приятно удивлен.— Может, стоит переименовать? Какое у вас мнение?

Дзамболат не ожидал такого вопроса и не был готов с ответом.

— Официально город всегда называли Владикавказом,— сказал Дзамболат.

— Осетины называют его так?

— Нет.

— Тогда подумайте. Посоветуйтесь в обкоме партии и сегодня же вышлите свои соображения по затронутым вопросам. Спокойной ночи.

— Большое спасибо, товарищ Сталин!

Дзамболат услышал прерывистые частые гудки и с некоторым сожалением опустил трубку. В изнеможении опустился в кресло, посидел, прикрыв глаза.

— Не сморозил ли я какую глупость?— спросил он помощника.

— Нет. Хорошо отвечал. Ровно двадцать шесть минут длился ваш разговор. Я все записал...

Ночью, через два часа после разговора со Сталиным, за подписью первого секретаря обкома партии и председателя Совнаркома республики в Москву ушла шифровка. А на сле-

дующий день, рано утром, всесоюзное радио передало Указ Президиума Верховного Совета СССР о переименовании города Орджоникидзе в город Дзауджикау и о включении Моздокского и некоторых других районов в состав Северо-Осетинской АССР.

17

Военный комиссар молча смотрел на Александра каким-то застывшим взглядом, и он понял: опять случилось недоброе...

— Ну что? Говори...

— Погиб Науруз, младший сын Аузби. И Тотырбег, сын кузнеца Татари.

— Они вместе, что ли, воевали?

— Нет. Просто похоронки пришли в один день.

— Да... Как ни горько, а сообщить надо. Дай понять кому-нибудь из фамилий. Только погоди до субботы. Бурьян глушит поля. Такое горе, разве удержишь народ?

...На кладбище Александр подошел к Аузби, обнял его.

— Горе твое безмерно, Аузби.

— Не на кого роптать, Александр. На войне кто-то должен погибать, чтобы другие жили. Остается стиснуть зубы и терпеть,— от судьбы не уйдешь.

Старшие освятили пустые могилы Науруза и Тотырбега.

Потом к собравшимся на кладбище обратился Аузби.

— Люди добрые! Односельчане мои и те, кто, оставив все свои дела, прибыл из других сел разделить с нами горе. Молю судьбу, чтобы я отплатил вам тяжкий мой долг в радостный для вас час. Редкий дом не оплакивает сына... Как и все люди, мы тоже в семье строили какие-то планы. О чем-то мечтали, возлагали надежды на будущее. Но все пошло прахом. Мадинат, дочь моя! Прости ты нам, двум старикам. Обманули мы тебя...

Мадинат, вся в черном, с поникшей головой стояла со своими сверстницами, тихо всхлипывая. Но при последних словах старика девушка зарыдала.

— Дочь моя, я желаю вашему дому, вашей семье, всей вашей уважаемой фамилии отныне радостных дней, тебе — нового счастья. Для нас ты навсегда останешься родной и любимой дочерью.

Мать Мадинат, стоявшая недалеко от своей дочери, тихо проговорила:

— Подведите ее к Аузби.

Одна из подруг взяла Мадинат под руку и подвела к старику. Аузби тоже ступил ей навстречу, обнял ее, зарыдал: это был первый случай, когда Аузби громко плакал по поводу гибели своего сына.

* * *

Мурат шел в райком партии и терялся в догадках, почему его вызывают к заведующему отделом агитации и пропаганды.

— А, Мурат... Проходи и садись,— навстречу ему поднялся худощавый мужчина лет сорока, отчаянно жестикулирующий правой рукой. Мурат улыбнулся. Эту привычку его он знал еще по партизанскому отряду.

— Ну, что ты так несмело? Как будто и не были вместе в партизанах... Как поживаешь? Хлеб жуешь? Или нечего жевать?

— Это еще ничего. Вот от людей стыдно.

— Не понимаю...

— Иду по улицам и стыжусь встречных. Они, небось, думают, такой верзила по улицам шатается, когда его ровесники врага громят.

— А-а-а, понял. Не твоя вина, Мурат. Ты тоже воевал. Теперь надо работать. Работать там, где прикажет партия. Ясно?

— Не ясно.

— Я о тебе знаю все. Даже то, что ты втихомолку пишешь стихи, а печатаешь под псевдонимом «М. Тагардонский». Значит, так. Пойдешь работать в редакцию. Там как раз не хватает острых перьев. Обточишься. Кому звоним? Редактору!— Заведующий отделом взял трубку телефона, коротко бросил.— Мне редактора. Мацико? Салам! Готовь магарыч: твоя просьба выполнена. Да, да, отличное перо. Знаешь, знаешь: Мурат. Да, тот самый партизан. Худой? Жизнь такая, жевать нечего. Ладно. Шлю. Люби и жалуй! Вот так, Мурат. Ты — корреспондент сельхозотдела. Прямо отсюда шагом марш в редакцию. Заглядывай, если что...

Насколько заведующий отделом райкома был словоохотлив, настолько неразговорчивым оказался Мацико, редактор районной газеты «Звезда». Мурат подумал, что такой спокойный и уравновешенный человек должен быть толстяком. Мацико же был сухопарым молодым мужчиной.

С неделю Мурат обрабатывал письма, поступающие в редакцию самотеком, и только потом ему дали самостоятельное задание.

На попутной арбе он доехал до полей соседнего колхоза. Два дня собирал материал о работе кукурузоводческих звеньев. Переписал заметку три раза и только тогда понес редактору. Тот, быстро пробежав ее глазами, отложил в сторону:

— Не то...

А что не то? Почему не то? Как надо, чтобы было то? Ни слова. Не то, и все!

Мурат, подавленный, шел домой. Шел, а домой не тянуло. Асланбег на радостях уже и Татари написал, что теперь у них Мурат не просто Мурат, а кандидат в члены партии, коррес-

пондент. Корреспондент... А простой заметки не смог написать... Не пошел бы он домой обедать, будь в столовой хоть что-нибудь помимо осточертевшего картофельного супа, приторно сладкого,— картошка-то мерзлая.

Навстречу Мурату шагал парень в военной форме, лет двадцати пяти, среднего роста, светловолосый. Мурат мог поклясться, что отлично знает его: и походку — печатая шаг — помнит, и особый щегольский шик в одежде знаком. Да это же...

— Бек... Бексолтан!

— Мурат!

Они обнялись. Стоило Мурату встретить вернувшегося фронтовика, он начинал мучиться сознанием какой-то неопределенной вины перед ним, мучиться своей ущербностью: они выполнили свой долг, их совесть чиста, они могут смотреть всем прямо в глаза, а он... Не каждому сунешь под нос свои обрубки, и легкие видны только через рентген.

— Когда вернулся?

— Позавчера,— весело отвечал Бексолтан.

— Не слышал, а то бы...— извиняющимся тоном сказал Мурат.

— Неужели мой бывший пионер? Оставил тебя сопляком, а теперь кого я вижу — мужчину! Ты и тогда был худющим и длиннющим, потому и дразнили тебя Ходули. Ха-ха-ха!

— А тебя мы звали Рыжий Индюк.

— Ах, у кого из нас в детстве не было прозвищ,— все еще смеясь, сказал Бексолтан.— Ты работаешь?

— Да.

— Наверное, заделался начальником с указующим перстом. Точно? Ничего тяжелее карандаша не поднимаешь? — Бексолтан посмеивался, словно говорил: конечно, нас, настоящих ребят, косят там, а такие тыловые крысы занимают теплые места... Его самого призвали на действительную сразу после окончания школы, в тридцать седьмом. А тут — война. Но он еще счастливо отделался...

— Между прочим, карандаш порой тяжелее лома...

— Порой! Но все-таки предпочтительнее. Я иду в райком партии. Александр и Майрам вчера вечером были у нас и просили заглянуть. Не знаю, какой хомут оденут. Только ты не забывай меня, старый друг лучше новых двух. Пока! — Бексолтан, поскрипывая новенькими хромовыми сапогами, быстро зашагал к двухэтажному зданию райкома партии.

Что ни день, то новость. Утром Мацико собрал сотрудников редакции. Рядом с ним сидел Бексолтан.

— Представляю вам моего нового заместителя, Бексолтана Дзарахметовича. Три года он провел на войне. Демобилизован по болезни. Думаю, что он с нами сработается...

Бексолтан начал работать с особым рвением. Со всеми дер-

жался ровно, был весел, сыпал шутками. И, как и следовало ожидать, стал всеобщим любимцем. Блестяще справился, по отзывам редактора, и с первым самостоятельным заданием, выступив с критической статьей о запущенном хозяйстве на животноводческой ферме колхоза «Красная звезда». Причем винил не только доярок и скотников, но и руководство колхоза. Мурат, хоть и недоумевал по поводу непомерных восторгов Мацико, однако поздравил автора с творческой удачей.

Как-то после работы Бексолтан пригласил Мацико и Мурата домой.

Обширный двор Дзарахмета был чисто подметен. В глубине двора стоял длинный сарай, крытый соломой. Под отдельным навесом дровяник. Аккуратно расколотые поленья сложены до самой крыши. Из-за корозника выглядывала верхушка стога сена. Та же хозяйственная рука чувствовалась и во внутреннем убранстве комнат. В жилой половине — хадзаре — длинный, старинной работы стол окружали стулья с гнутыми ножками. У стены широкая и длинная скамья с резным национальным орнаментом, в углу высокий дубовый шкаф для посуды.

Фаризат встретила гостей с радушной улыбкой. Казалось, она от радости не чуяла под собой ног,— так проворно забегала. Дзарахмет, не роняя достоинства, медленно поднялся навстречу вошедшим, отложив газету «Растдзинад» и сняв очки. Всем, включая и сына, пожал руки. Бексолтан пригласил гостей в смежную просторную комнату. На никелированной кровати высоко взбитые пуховые подушки, заправлена кровать ярким шелковым покрывалом — Мурат такого сроду не видал. Не видал он и такого кривоногого стола, бархатных кресел, огромного трюмо, платяного шкафа из темного дерева.

В хадзаре Фаризат кому-то шумно обрадовалась. Через минуту, словно в свой дом, ввалился Майрам.

— Знал бы, что они здесь, Дзарахмет, ей-богу, пошел бы другой дорогой! Это же газетчики! Их следует опасаться...— говорил с улыбкой Майрам, пожимая им руки. Бексолтан и Мацико весело хохотали невесть какой остроумной шутке председателя райисполкома.

— Майрам, прошу тебя, займи место тамады,— Дзарахмет указал на кресло во главе стола.

— Что ты, что ты, Дзарахмет! Уволь меня. Поперед тебя и в оленя не выстрелю.

— Пока ты будешь ждать меня, олень скроется за горой. Целым районом столько лет правишь, тебе ли пасовать перед этим маленьким застольем?

— Ох, хоть бы денек пожить без особых полномочий, как обыкновенный смертный,— притворно вздохнул Майрам и плотно уселся в мягкое кресло.— За тебя, уважаемый Дзарахмет, и в могилу...

— Свят, свят, что ты! Пусть каждый умирает в свой черед, прожив не менее ста лет.

Фаризат загодя подготовилась к приходу гостей: отварила индюшку под молочным соусом, испекла три пирога с сыром, достала из подвала соленые стручки и листья горького перца, араку двойной перегонки. Положила на стол розовые помидоры, яблоки и груши...

Мурат смотрел на это изобилие и думал: «А приди они к нам, что бы им выставила Фатимат? Откуда у них все? Как тогда плакалась Фаризат, что не может дать для фронта и пары шерстяных носков, одного совка зерна... А сейчас — разоделась, как невеста...» Мурат улыбнулся, вспомнив давний случай.

...Был разгар лета — время, когда мальчишкам самый раз совершать свои не столь уж и разорительные набеги на фруктовые сады. А у Дзарахмета — один из лучших садов в селе.

Асланбег, младший брат, явился к своему закадычному другу Казбеку, сыну Дзаххота.

— Асланбег, у Дзарахмета белые сливы! Слаще сахара. Фаризат уже торгует ими на маленьком базаре.

— А кто у них дома?— у Асланбега слюнки потекли, зажглись нетерпеливым огоньком глаза.

— Не знаю...

— Пошли! Набьем за пазуху!

Перелезли через плетень и оседлали по дереву. Как ни таились, чуткое ухо Фаризат уловило их приглушенный шепот. Когда они, довольные, слезли, к ним подкрался Дзарахмет и схватил Казбека. Асланбег убежал. Спрятал сливы в зарослях лопуха и вернулся назад. К тому времени Дзарахмет заточил Казбека в погреб.

Асланбег постучался. Выглянул Дзарахмет.

— А, разбойник, чего тебе еще?

— Отпусти товарища. Я заплачу за сливы.

— И много у тебя денег?

— Рубль.

— Иди... и вытрись им!

— Отпусти подобру-поздорову!

— Ах, щенок, ты еще угрожаешь мне! Я сейчас...

Асланбег отбежал подальше.

— А сколько ты хочешь за свои червивые сливы?

— Приведи родителей! И поживей, пока твой дружок не превратился в сосульку, сидя в холодном погребе. Там еще и крыс полно.

— Ах, так? Погоди же...— Асланбег круто повернулся и припустил домой. Обмотав конец удилища тряпкой, смочил керосином и сунул за пазуху коробок спичек. Вернувшись к дому Дзарахмета, влез на крышу сарая.

— Дзарахмет! О Дзарахмет!

На зов вышли оба. Муж направился было к воротам, но Асланбег окликнул его.

— Я здесь, здесь, на крыше.

— Ах, стервец! Слезай немедленно!

Тут и Фаризат обрушила на него проклятия:

— Чтобы у тебя руки-ноги пообломались, чтобы наглые глаза твои черные вороны выклевали!

— У вас все? Теперь слушайте меня, жадюги. Видите хворостину? Видите. А на конце тряпку хорошо видно? А это вот спички. Вам не слышно запаха керосина? Вот как подожгу, так сразу услышите,— Асланбег зажег спичку.— Сейчас я пущу «красного петуха»— такая жара, солома отлично будет гореть...

Фаризат взмолилась:

— Да отпусти ты его дружка! Спалит, спалит нас этот разбойник!

Дзарахмет загнул грязную матерщину и направился к погребу...

Майрам провозгласил тосты за победу, за Сталина и партию, за успехи Бексолтана на новом поприще и предоставил право тоста Дзарахмету.

— Я поднимаю свой бокал в честь Дзамболата. Он тебе свояком доводится, но я не меньше тебя обрадовался тому, что он стал первым секретарем. Пусть он живет и здравствует много лет. Я желаю ему счастья и много успехов. Благослови мой тост, Майрам.

Тот в изумлении всплеснул руками:

— Обставил, снова ты обставил меня, Дзарахмет! И откуда только узнал, что Дзамболат избран...

— Радио, радио, дорогой.

Майрам благословил тост, и все выпили за здоровье Дзамболата. Бексолтану не полагалось сидеть за одним столом с отцом, но Майрам уговорил его, и тот сидел молча. Пил, прячась за спиной Мацико. Но арака делала свое дело, и Бексолтан, развеселившись, отпустил поводья. Встал с бокалом в руке.

— Мурат один из моих старых добрых друзей. Он сегодня впервые переступил порог нашего дома. Разреши, Майрам, преподнести ему от имени моего отца почетный бокал.

— Разрешаю. Конечно, конечно,— поддакнул тамада.— А то потом скажет, что вы не рады были его приходу. Возьми, Мурат.

Мурат поднялся.

— Мы еще безусые мальчишки рядом с вами, Дзарахмет и Майрам. При вас не то чтобы пить, и сидеть нам не полагается. Извините...

— Молодец! Узнаю сына кузнеца Татари! Дай бог ему в

добром здравии вернуться домой и увидеть, какой у него замечательный сын вырос,— похвалил его Майрам.

— Я желаю дому Дзарахмета, чтобы беднее, чем сегодня, они никогда не жили. Спасибо за внимание, Бексолтан,— Мурат выпил. Когда встали из-за стола, Майрам и Мацико горячо поблагодарили хозяев за гостеприимство. Мурат тоже пожелал им всяческих благ, а про себя подумал, что было бы куда лучше, если бы он вообще не пришел.

18

После гибели Тотырбега письма от Татари стали приходить чаще. Изменился и тон писем: если раньше он сообщал вкратце о своем житье-бытье, то теперь все излагал обстоятельно. И вопросов, как всегда, было много, все ему нужно было знать. И как семья живет, и соседи, и село, и как обстоят колхозные дела.

В последнем письме сообщал, что они подошли к Германии «на пушечный выстрел». Прислал и фото. Одет был в овчинный полушубок, на голове шапка-ушанка. Отрастил длинные усы, закрученные, как у Буденного. Когда все расходились, Фатимат подолгу рассматривала фотографию мужа, молила бога, святого Хетага покровительствовать ему, вернуть его к семье... Она ясно это видит: вот он замер у порога, пытливо оглядел всех: «Ну, как вы тут?»

Как? Задавлены нуждой, бедностью, раздеты и разуты. Сколько времени досыта не ели... Она-то не сетует, она и в латаном платье и в тряпичных чувяках покажется на людях, а вот дети... Мурату каждый день среди больших людей появляться, народ уму-разуму учить, а сам напоминает ощипанную перепелку. Однажды она не выдержала и сказала:

— Сынок, тебе пора самому о себе заботиться. Люди говорят, что начальство все берет прямо со складов. Ты им ведь тоже не чужой, понимаешь их язык...

— Мне на складах делать нечего! И поменьше слушай шептунов,— ответил Мурат. Да, за то короткое время, что он успел походить в газетчиках, жизнь повернулась к нему и такими своими сторонами, о существовании которых Мурат лишь догадывался. Но для себя он твердо решил: лучше будет ходить в застиранных до дыр обносках, чем совесть будет в заплатках. Нет, это не по нему,— хождения по базам с записочками.

Утром Мурат немного опоздал на работу. Номер был уже сверстан, но правки было еще много. Он помог наборщице, а потом стал у колеса печатной машины. Обычно ручку крутили двое, и Мурату нужно было приложить все силы. Он резко крутанул ручку и... почувствовал, что штанина распорота от кармана до колена. Откуда-то бог принес Бексолтана. Он цыкнул на хохочущих девушек:

— Голой ноги никогда не видели?— и повернулся к Мурату.— Посиди пока в кабинете, а я пошлю кого-нибудь за твоими сменными брюками.

Мурат страдальчески улыбнулся, разводя руками.

— Что? Нет сменных брюк?— изумился Бексолтан.

— У меня много чего нет.

— Быстро иголку и нитку! Ничего страшного, Мурат. Угораздило же тебя попасть ручкой в карман...

Бексолтан длинными стежками кое-как скрепил штанину и побежал в райком партии. Через некоторое время вернулся и тоном победителя объявил Мурату:

— Сейчас же отправляйся на склад и скажи, что сам Александр велел выдать тебе отрез на брюки.

Мурат с недовольным видом посмотрел на своего непрошенного опекуна.

— Во-первых, в таком виде мне нельзя выходить, а, во-вторых... на склад я не пойду.

— Стыдно?

— Да, стыдно.

— А ходить в таком виде прилично?

— Это мое личное дело... Сказал, не пойду,— упрямо повторил Мурат.

— Между прочим, тебя посылают не на склад моего отца, а на государственный. И райком посылает.

— Я не райкомовский сирота.

Бексолтан понял, что из его стараний ничего не получится и отстал от своего непутевого товарища.

Когда поздно вечером Мурат вернулся домой, Фатимат, торжествуя, показала ему отрез темно-синей диагонали.

* * *

Как-то Александр вызвал в райком сотрудников редакции. Разговор начал в шутливом тоне, обыграв название газеты:

— Порой «Звезда» блуждает в потемках. Я просмотрел номера за два месяца и, не скрываю, у меня возникли некоторые замечания по языку, стилистике...

Мурат обрадовался, предвкушая интересную деловую беседу, но...

Бесшумно отворилась дверь, и показались Майрам и Сараби, начальник отдела государственной безопасности по Тагардонскому району. Поздоровавшись, с неприступным видом сели на свободные стулья у стола Александра. Тот подождал, пока рассядутся гости, и заговорил сразу посуровевшим голосом:

— Но это все, так сказать, цветочки... А вот какие у нас ягодки,— Александр потряс газету с жирно обведенным красным карандашом материалом.— Автор назвал свой труд

фельетоном, но получился не фельетон, а оскорбляющее человеческое достоинство зубоскальство...

— Мягко сказано, Александр. Надо называть вещи своими именами. Это обливание грязью,— криво усмехаясь, бросил Сараби.

Лицо Мурата медленно заливалось краской: за последние два месяца в газете появился только один фельетон — его. В редакцию поступила анонимная жалоба на заведующую магазином, что та обмеривает покупателей, незаметно сдвигая деревянный метр, обвешивает, с силой бросая гири на тарелку весов, разбавляет водку, вина... Мурат пришел в магазин, понаблюдал за ее работой, в результате чего и появился фельетон: «Три О»: обмер, обвес, обсчет.

Заведующая магазином, о котором шла речь в фельетоне, совсем недавно отмечала день рождения своего десятилетнего сына. На именины она пригласила Майрама и Сараби. А теперь, когда появился фельетон, завмаг заявилась с жалобой к ним. А те в свою очередь обратились к Александру.

— Я считаю политически ошибочным,— заявил Сараби,— печатать подобные компрометирующие пасквили. С одной стороны, это оскорбительно для работников торговли, с другой — будоражит людей. Создает нездоровую обстановку в районе.— С доводами Сараби Александр в душе, конечно, не был согласен, но подумал, что лучше по таким вопросам принимать меры без излишней шумихи.

— М. Тагардонский,— это ты, Мурат?

— Я,— Мурат встал.— На летучке похвалили. Не вижу там зубоскальства, тем более обливания грязью.

— Газета — орган райкома партии и райисполкома, поэтому надо было поставить нас в известность...

— Я и в мыслях никогда не держал, что по поводу каждой критической заметки следует бегать в райком или райисполком получать «добро».

— Ты каким языком разговариваешь?— прошипел Сараби.

— Осетинским языком!

Сараби вскочил.

— Ты почему советских работников прилавка назвал торгашами?

— Она и есть торгаш.

— Ты все упорствуешь? Не признаешь своей ошибки?— Сараби выпрямился, точно готовясь к схватке врукопашную, если Мурат сейчас же не станет на колени.

— Какую ошибку?

— Как какую? Врагами народа вдобавок должен был их назвать.

— Это по твоей части.

Сараби загнанно оглянулся на Александра. Тот, сдвинув

брови, смотрел не на Мурата, а на редактора Мацико, который сидел, набычившись.

Бексолтан незаметно дернул Мурата за рубашку, шепнул:

— Скажи, погорячился, больше, мол...

— Да отстань ты!— Мурат нетерпеливо отмахнулся от Бексолтана.

— Белены объелся? Ни старшего, ни товарища...

— Это ты товарищ? На летучке нахваливал, а здесь...

Мацико, наконец, поднял голову: все, дальше молчать нельзя.

— Мурат, если ты будешь вести себя так, если ты будешь так работать, я тебя выставлю из редакции!

— Не понял. Это что, редакция твоего отца?

— Замолчи, молокосос!

— Чем работать с такими двуличными, я лучше... лучше... Я лучше сяду,— Мурат сел.

Майрам рассмеялся.

— Он еще и шутит... Ай, молодец, муравей...

Александр опешил.

— Мурат,— наставительным тоном сказал он,— в фельетоне надо вскрывать и высмеивать не единичные факты, а явления. Ты тут и крысиные глазки расписал, и живописуешь заросший низкий лоб,— нельзя оскорблять человека, если даже он вор. Поймал — суди, но не унижай. И еще. В жизни всякое случается. Но не все надо делать достоянием печати. Потому и говорят тебе, что не мешало бы — иногда!— советоваться с райкомом партии или с райисполкомом. Не унизишься...

— Надо выгнать его с работы!

— Сараби, он молод, неопытен, погорячился. Не будем в этом уподобляться Мурату. Я надеюсь, он сделает должные выводы...

* * *

Бексолтан из кожи лез вон, чтобы заслужить репутацию компанейского рубахи-парня. Если дружеская пирушка — он первым лез в карман. Кому-то помочь—«загорался» первым. И в конце-концов добился своего, став незаменимым в застолье, а потом и в серьезных делах. Нужен гвоздь номера — нет проблем, Бексолтан добудет необходимый материал.

Но Мурат чувствовал за всем этим холодный расчет. Одна видимость, пыль в глаза...

Мурат догадывался, что и товарищей своих он не уважает. Не уважал и тех, от кого зависел — боялся. И ненавидел за то, что вынужден бояться их. Не дай бог никому стать его жертвой — ни милосердия, ни пощады не дождаться. А суд будет вершиться от имени высочайших интересов государства...

Как обычно, Бексолтан появился на работе секунда в се-

кунду. Одет с иголочки, сапоги начищены до зеркального блеска. Начал с порога:

— Можно лопнуть от злости, глядя на руководство нашего колхоза. Я это так не оставлю! Пропесочу я их. Нельзя сказать, что они не работают. Работают. Но как? Так, не видя перспективы, без хозяйственной жилки...

Мурат прервал его тираду:

— Я тоже здесь живу, мать моя работает в этом колхозе... Кажется, ничего такого не происходит, за что бы стоило их песочить...

— Можно смотреть и не видеть, слушать и не слышать,— отрезал Бексолтан.

Через несколько номеров в газете появилась большая критическая статья, подписанная псевдонимом Бек Султанов. Имена председателя колхоза и парторга не упоминались, но все ядовитые стрелы летели в них: колхоз-де не думает о том, что к весне нужно готовиться, до сих пор не созданы звенья полеводов, не определены сроки пахоты и сева, не отремонтирован пропашной инвентарь, не подготовлены семена... И всему виной низкий уровень идейно-политической работы.

Как и следовало ожидать, Аузби не замедлил появиться. Тихо постучался, степенно прошел на предложенное место. Мурат как встал при его появлении, так и остался стоять. Старик неторопливо оглядел всех, словно убеждаясь, что попал к тем людям, кого ему и надо.

— Молчите, значит?.. А я, признаться, шел и думал, что вы возрадуетесь: «Вот и олень сам явился под топор!» Но вы молчите, значит... Пропечатали, а там разбирайся другие. Тогда я выскажусь... Этот Бек Султанов глубоко ошибается, если думает, что он умен. Кем бы он ни был, передайте ему, что он или представления не имеет о том, что...

Бексолтан, поерзав на стуле, встал.

— Меня удивляют твои речи, уважаемый Аузби. Парторг колхоза, а позволяешь себе так отзываться о работниках партийной газеты.

— Ага, обжегся... Ты, выходит, партийный работник, а мы кто? Ты у кого выведал, что плуги и бороны не отремонтированы?

— Люди сказали.

— Кто конкретно сказал?— Аузби чуть повысил голос.

— Я не имею права разглашать их имена. И прошу...

— А врать печатно имеешь право? Кто тебе сказал, что нет звеньев, что не отобраны семена, что мы не знаем, когда пахать и сеять? Кто? Твоя мать, которая...

— Вот-вот, ты только мою мать и склоняешь на каждом собрании.

— Склоняю! И буду склонять. Почему это она не работает в колхозе?

— Она не член колхоза.

— А кто она? Учительница? Доктор? Рабочая? Или живет святым духом, ни хлеба ей не надо, ни воды?

— Мы с отцом работаем.

— Да, отец твой тоже работает... Да еще так, что живет припеваючи. Занял теплое место, имеет лошадь и арбу. Откуда они у него? Когда в войну все, потеряв головы, бежали по тревоге, твой отец звал на подмогу: одному никак не управиться было, чтобы спасти народное добро. Азанбег вовремя подоспел, вдвоем сподручнее было хапать. Хорошее дело сделал твой отец, не допустил, чтобы народное добро немцам досталось. Только вот забыли ему орден вручить, упустили както из виду. Ты, говорят, тоже был на фронте. Мы хотели тебе послать пару теплых носков, но твоя мать не дала...

— Ты не смеешь так говорить о моих родителях!

— Не повышай голоса, Бексолтан. Я старше твоего отца Дзарахмета. Но всех нас старше совесть. А у тебя ее пока нет, раз обманываешь газету, обманываешь весь район. Хочешь писать — пиши правду. Люди работают в колхозе от зари до зари... Искалеченные войной ребята, вдовы, старики и старухи, потерявшие кормильцев. А ты... А ты смешал их с грязью. Стыдно должно быть!—Аузби поднялся.—Плохо начинаешь, сын Дзарахмета. Не бойся, я не пойду жаловаться в райком— спишу все на твою неопытность...

19

Александр ехал с поля по раскисшей от весенней распутицы дороге верхом на одной из двух райкомовских лошадей. Когда он добрался до Тагардона, в домах уже зажгли керосиновые лампы. Где-то закукарекал дурной петух. Странно, что его до сих пор не прирезал хозяин, подумал Александр и поежился от промозглого холода. Март, говорят, мост, перекинутый от зимы к лету. На этом мосту вечно дует... Он представил себе, как войдет в свой неприветный пустой дом, и опять внутренне содрогнулся. Кончится война, но Алимат... Ни она, ни младший брат, погибший при прорыве блокады Ленинграда, уже никогда не вернутся.

Он свернул коня в переулок. Отчаянно залаяла выскочившая из-под покосившихся ворот дворняга, но тут же замолкла: хозяин даже не погладит, когда лаешь на мирно идущего по своим делам человека.

Сквозь ставни пробивался тусклый луч света, и Александр обрадовался,— значит, в доме Мадинат еще не спят, не экономят, как многие, драгоценный керосин. «А что я скажу? Завернул на огонек? А люди? Ты же не комар. Кто-нибудь да увидит. Знаешь же, что в такую пору неприлично входить в дом, где живет девушка с престарелыми родителями...» Но он не

мог повернуть назад: у секретаря райкома партии тоже обыкновенное человеческое сердце... Ему тоже бывает и холодно, и тоскливо...

Кнутовищем осторожно постучал по ставне. Подождал, чувствуя, как замирает сердце, и снова постучал. Через минуту в воротах показалась Мадинат в накинутом на плечи белом шелковом платке.

— Александр, ты?

— Я. Добрый вечер. Но как ты узнала?

— Проходи. Узнала... По твоему робкому стуку,— засмеялась Мадинат.

— Столько грязи налипло на сапоги,—оправдывался Александр.— Напачкаю...

— Вода — лучшее средство... Проходи, проходи...

Александр медленно, словно боясь, как бы под ногами не провалился пол, вошел в комнату Мадинат. Огляделся. Чистенькая, уютная спальня. Книги на столе, одна довольно объемистая, со снимками каких-то зданий, раскрыта. Александр снял телогрейку, фуражку и повесил их на вешалку за дверью. Затем достал небольшую алюминиевую расческу и причесал свои изрядно поредевшие волосы, потер ладонью широкий лоб и произнес:

— Ну вот, я готов... сидеть в гостях хоть до утра.— Он только теперь протянул руку Мадинат и мягко пожал ее узкую ладонь.

Мадинат вышла из комнаты и вернулась с небольшим тазиком и железной кружкой.

— Помой руки, а потом, может быть, что-нибудь и перекусим.

На худощавом лице Александра появилась улыбка.

— Чему радуешься, товарищ секретарь райкома?— спросила Мадинат.

— Еще бы не радоваться. Чтобы на руки мне девушка воду поливала... Такого со мной много лет не случалось.

— Не беспокойся,— в тон отвечала Мадинат.— Будет и кому воду полить, и печь растопить, и ужин приготовить...

— Будет, если тебе захочется.

Мадинат мельком взглянула на него, схватила тазик и вышла в коридор.

Внимание Александра привлек висящий на стене групповой снимок. Такая же фотография висела у него дома. На ней были запечатлены его отец Дауит, Аузби и юный Бимболат.

Дауит и Будзи, отец Мадинат, жили в дружбе. Будзи был одним из беднейших крестьян — из четвероногих в хозяйстве имел лишь бесхвостого ишака. Дауит и Аузби, первые большевики, организаторы колхозов, помогли семье Будзи встать на ноги. На снимке они изображены в тот день, когда провожали Бимболата в Москву на учебу. Окончив исторический

факультет, он вернулся в Осетию, стал преподавать в педагогическом институте. Дауита уже не было в живых — попал в засаду, устроенную кулаками...

В комнату неслышно вошла Мадинат, неся в деревянной чаше цивзидзахдон на молоке и краюху желтого чурека.

— Садись и поешь. Извини, больше ничего нет.

— Я не голоден.

— Ты будешь умирать с голоду, а не признаешься,— немного изучила тебя.

— Хорошо. Я сяду, если и ты со мной...

— Я поужинала.

Александр улыбающимися, счастливыми глазами смотрел на Мадинат.

Она убрала со стола книги, подвинула лампу на середину, жестом пригласила садиться.

— Я сяду, сяду,— сказал Александр.— Но и ты садись. Мне будет так приятно...— виновато улыбнулся он.

* * *

Весна была в самом разгаре. Никогда еще Мурат так не радовался обновлению природы.

— И бог на стороне сильнейших,— говорил Аузби, держа в руках развернутую газету.— Теперь уже скоро Татари отобьет телеграммы, еду, мол, с победой. А ты, значит, получил задание написать о наших делах? Да, можно писать и не выходя из кабинета, вот как сын Дзарахмета,— невесело усмехнулся он.

— Из кабинета он выходил, но можно видеть одно, а писать...

— Понимаю... Народ окрылен последними событиями на фронте. Шутка ли: наши под Берлином! — Аузби встал.— Выйдем-ка на вольный воздух.

Они вышли из стана и сели в тени на зеленую травку. Что-то мучило старика, не давало покоя. И заговорить об этом ему, видно, было тяжело. Мурат все замечал и все понимал. Три месяца, как нет писем от Амурхана. А присылал чуть ли не каждую неделю. Нет никаких вестей и от отца Володи. Один Махамат аккуратно шлет приветы танкиста, сообщая, сколько орудий, танков противника уничтожил в очередном бою.

Мурат взглянул на старика и поспешно отвернулся: в глазах Аузби застыла нечеловеческая мука. И страх...

— Я пойду, Аузби...

— Иди, дорогой, иди... Люди работают, не зная усталости. Все в ожидании добрых вестей... Это... В селе с неделю не был, и... ладно, иди.—Старик кряхтя встал и сделал несколько шагов за Муратом. А Мурат удалялся, чувствуя на себе его

взгляд, знал, что старик непременно окликнет его, но все-таки вздрогнул, услышав голос Аузби.

— Это... Мурат! Это... Ничего еще?

Мурату показалось, что Аузби стоит коленопреклоненный, воздев руки к небу в исступленной мольбе, глаза лихорадочно сверкают, с уст готово сорваться богохульное проклятие.

— Нет еще. Ничего еще...

— Ох-ох-ох! — Словно не Аузби, а земля застонала.

Возвращаясь вечером в село, Мурат у околицы догнал Мисурат. Она несла целую охапку свербеги.

— И где ты нарвала столько?

— У реки, где же еще? Хочешь?

— Да нет. Я сыт. Да и корову вашу жалко.

— Я не шучу. Попробуй,— она оборвала листья, очистила стебель и протянула ему нежную мякоть. Тот пожевал и признался, что действительно вкусно.

— М-м, будто никогда не ел,— черные, как угольки, глаза Мисурат насмешливо блестели.

— Кажется, ел. Давно, еще в детстве.

— Ну, конечно. А теперь ты писатель, не к лицу травой питаться.

— А ты не путай, не маленькая уже. Корреспондент — не писатель. Ты куда?

— В лес.

— Зачем? — удивленно спросил Мурат.

— Волков пугать.

— А можно, я тоже?

— Не боишься?

— Не боюсь.

— Тогда проводи... домой. Только на всякий случай иди по той стороне дороги,— съязвила Мисурат.

Мурат старался не озираться. Пусть видят их вместе. А что тут такого? Идут себе, беседуют. Ему хотелось сказать Мисурат что-нибудь очень умное, но ничего не шло в голову.

— Ты чего как в воду опущенный?

— Мисурат, у Аузби и Амурхан погиб.

— Четвертый уже. Ой, бедные старики! Да он же полковником стал.

— Война не жалеет и полковников, и даже генералов. Госама и Аузби еще не знают.

— А ты как узнал?

— В райкоме.

— Войне же скоро конец?

— Да. Но еще убивают.

— Хорошо, что тебя не взяли...

— Плохо...

— Тебе что, жить надоело? Все, все, не ходи дальше. Я побежала...

Мурат смотрел, как неуклюже она бежит, смешно разбрасывая ноги.

* * *

Мурат даже не заглянул домой, а прямиком направился в редакцию. Зайдя к себе в кабинет, он тут же сел за письменный стол. Долго не мог сосредоточиться. Перед его глазами все еще стоял Аузби, в ушах звучали его слова: «Ничего еще? Ничего еще?»

Он встал, нервно походил по комнате, потом вышел во двор. Обвел взглядом чистое звездное небо, но и здесь его преследовал полный страдания взгляд...

Соседские петухи исполнили свою ночную симфонию уже во второй раз, когда Мурат закончил писать. Еще раз прочитал написанное, кое-что подправил и отложил в сторону. Устало вытянув руки, опустил на них голову. Так он сидел еще некоторое время, будто уснул. Вспомнив, что пора идти в радиоузел, нехотя встал.

Под утро московское радио в неделю три раза передавало для районных газет последние известия. Сегодня была очередь Мурата записывать материал.

В небольшой аппаратной комнате радиоузла Мурат присел перед приемником и надел наушники. Но сколько ни крутил ручку настроя, он никак не мог поймать нужную станцию.

Прислушиваясь к эфирной разноголосице, ему почудилось, что он слышит голос Аузби: «Ничего еще?» И кто-то словно из-под земли еле слышным голосом отвечал ему: «Ничего еще, ничего. Совсем разрушился твой очаг, совсем».

Мурат все крутил и крутил ручку радиоприемника. И наконец откуда-то прорвался мощный знакомый голос диктора:

— Говорит Москва! Говорит Москва! Говорит Москва! Поздравляем вас! Советские войска... Над рейхстагом развевается красное знамя!!!

Мурат, с трудом прослушав до конца сообщение и дрожащей рукой записав долгожданные слова, вскочил с места, схватил техника радиоузла Валю в объятия и закружился с нею по комнате. Затем выскочил на балкон второго этажа и заорал во весь голос на всю пустую улицу:

— Реет! Реет! Красное знамя над Берлином!!!

* * *

Кажется, никогда Тагардон не был таким оживленным. Все спешили к центру села, на площадь. Бегут, смеются, обнимаются, поздравляя друг друга, плачут...

Конец войне! Победа!

Мурат старался запомнить каждый миг этого дня, запомнить счастливые лица, ликование народа. И запомнить растерянные улыбки тех, кому не дождаться своих сыновей, братьев, мужей...

Огромная тысячная толпа. Босые ребятишки, женщины, старики, мужчины в полинялых солдатских гимнастерках, кто без руки, кто без ноги. Сверкают медали и ордена, сверкают улыбки, сверкают слезы... Сколько молодых парней было здесь на митинге четыре года назад. Мурат пробрался в самую гущу народа. Та же старая машина, с опущенными бортами, но теперь дно кузова устлано цветами. Александр помог подняться на платформу Аузби, поддерживая его под руку. При виде старика у Мурата больно заныло сердце, он взмолился про себя: «Хоть бы Махамат вернулся! Хоть бы он остался в живых...»

На площади волнами перекатывался разноголосый гул.

— Дорогие товарищи! Односельчане, дорогие! Вот и настал долгожданный день нашей Победы.— Голос Александра потонул в громких аплодисментах.— Гитлеровская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Советский народ отстоял не только свою свободу, честь и независимость, но принес свободу и независимость народам Европы, избавил от фашистской чумы весь мир. Светлой и вечной памяти героям, отдавшим свои жизни ради нашей свободы и чести.

Женщины заплакали, Александр, приложив платок к глазам, медленно спустился с машины...

20

Клара, красивая шестнадцатилетняя девушка, появилась в типографии в конце 1944 года. Она была старшей пятерых братьев и сестер. Отца ее, Симона, исполнителя осетинских народных песен и танцев, в 1937 году темной ночью увезли из дома. С тех пор Аниса, мать Клары, выбивалась из сил, чтобы прокормить, обуть, одеть детей. К концу войны жить стало совсем невмоготу, и Клара, оставив после девятого класса школу, устроилась уборщицей в типографию. Еще до прихода сотрудников, убрав помещения, она робко подсаживалась к корректору газеты, уже немолодой женщине, и то подчитывала ей, то выискивала ошибки в оттисках набора. Старалась помочь и наборщицам — промоет керосином грязные от типографской краски буквы, рассортирует их по ячейкам касс...

Одним словом, Клара всем пришлась по душе. Парни, конечно, заглядывались на нее, но невольно робели перед ее необыкновенной красотой и юностью.

Мурат и Бексолтан сидели в своем рабочем кабинете, когда тихо вошла Клара и положила перед Бексолтаном откорректированную полосу. Тот поднял глаза и с минуту завороженно смотрел на нее. Девушка вконец смешалась. Повернулась и вышла неверной походкой.

— Надо же... Вот сотворила природа, а? Всего шестнадцать лет, а какая грудь, какие ножки, стан какой! Эх!..

Мурату всегда были неприятны скабрезные шутки парней, похотливые разговоры, и он нахмурился.

— Что ты взъерошился, как кошка при виде собаки? Или ты не согласен со мной? Неужели она тебе не нравится?

— Оставил бы ты бедную девушку в покое... Сирота ведь.

— Сирота? Ну и что? Сирота что, запретный плод?

— Не запретный, а зеленый... И вообще...

— Сам ты еще зелен. Эх, нет слаще такой ягодки. Только вот кому суждено вкусить?

«Что он за человек? — Мурат отложил ручку. — Ревностный блюститель осетинских нравов, и — сальные шуточки. До чего гадок...»

— Чернила, что ли, текут по твоим жилам? — криво улыбаясь, спросил Бексолтан и, пододвинув к себе полосу, углубился в чтение.

Когда Клара вернулась за полосой, Бексолтан, положив ей руку на плечо, пригласил сесть.

— Посиди рядом. Не бойся, не кусачий я. Так-то лучше. Цветок растет и под боком у колючего куста... — Он мягко погладил девушку по голове.— Теперь смотри сюда. Вот здесь следует писать сдвоенные согласные: лавар — лавартта*. Например, я тебе, а ты мне. Хочешь получить от меня подарок?

Мурат встал и вышел, с силой хлопнув дверью.

— Молокосос! — проговорил Бексолтан так, словно продолжал читать полосу.— Неуч!

Клара приняла это на свой счет и, виновато оправдываясь, сказала:

— По грамматике у меня были пятерки.

— Я тоже ставлю тебе «отлично» ...за твою красоту,— голос Бексолтана дрогнул.— Я объехал всю страну, побывал и в Европе, но подобной девушки...— он опять провел рукой по ее волосам и, как бы ненароком, коснулся груди девушки. Отдернул руку, словно обжегшись.

Клара не знала, куда себя девать. Щеки ее пылали.

— Как Аниса? Я ее хорошо знаю. Энергичная женщина!

---

* Лавар — подарок.

Не сгнулась, выходила вас. Отлично помню и твоего отца. Жаль его... Наверное, второго такого певца во всей Осетии не сыскать. Ты помнишь его?

— Помню,— еле слышно ответила она.

— Мне рассказывали, что все это произошло с ним из-за песни о каком-то Хазби. Был такой, не то герой, не то абрек. А при чем тут твой отец? Не он же песню сочинил. Только пел. Ты не переживай. И считай меня своим покровителем,— говорил Бексолтан.— И работы своей не стесняйся. А там посмотрим.

Кларе и раньше приходилось слышать разговоры об отце, и она как-то привыкла к ним. Пустые, ничего не означавшие, ничего не менявшие в ее судьбе слова. Но речь Бексолтана была очень проникновенной, участливой. И уборщицей, оказывается, вовсе не зазорно работать, раз ее так хорошо принимают. Дело это было для нее привычным. Дома она только и делала, что убирала, мыла, стирала и ухаживала за младшими. Но, убирая и подметая, она все думала о другом: как интересно складывать из отдельных металлических букв слова, предложения, целые статьи. Неужели она никогда не сможет сменить веник на ручку?

— А учиться ты не хочешь? — словно читая мысли девушки, спросил Бексолтан.

— Конечно, хочу. И мать мне часто говорит об этом. Но сейчас нам тяжело.

— Всем тяжело, Клара. Время такое. Уж кому-кому, а мне известно, что такое война. До сих пор удивляюсь, как это я остался жив. Сколько погибло моих товарищей, а я вот уцелел,— подумав, Бексолтан еще добавил: — Может, потому, что я все-таки был командиром.

— Как хорошо,— сказала Клара. Только нельзя было понять, что она имела в виду — что Бексолтан выжил или что был командиром.

— Не переживай,— продолжал Бексолтан,— все у тебя еще впереди. И все будет прекрасно. В конце концов товарищ Сталин сказал: сын за отца не отвечает. И дочь тоже. И учиться будешь, и дела твои пойдут, как тебе хочется. Еще бы, такая красавица. Да и я кое-что могу. Ты не стесняйся меня. То, что я скажу, пусть будет между нами. Если тебе понадобится любая помощь — обращайся ко мне. Ты поняла меня?

— Не знаю,— смутилась Клара. Потом добавила: — Да, поняла. Спасибо.

— Вот и хорошо. Умница ты моя. Теперь иди,— проводив ее глазами, Бексолтан поднялся с места и стал прохаживаться. Он чувствовал необыкновенную нежность к этому юному существу. Была бы чуть постарше, лучшей невесты не пожелал бы себе. Хотя раньше женились и на четырнадцатилет-

них. Такая красивая! Черные глаза так и сверкают. А губы... Нет, все-таки он сосватает ее. И с учебой поможет. Самому ведь тоже еще надо учиться. Вместе бы и поехали. Да... Но она — дочь врага народа. А он, Бексолтан, в самом начале своего длинного пути, своей карьеры. Не будет же он вечно сидеть рядом с этим сопливым Муратом под начальством полусонного Мацико. А если он станет мужем дочери врага народа? Нет, нет! Это не для него. Ему стало больно и обидно и за нее, и за себя. В чем она, собственно, виновата? Отца, говорят, арестовали за то, что часто исполнял песню о Хазби. Да еще, говорят, расхваливал этого злосчастного героя, который якобы сражался против русских сатрапов. Может, он и не говорил этих слов, может, он только пел песни. Но тогда какой же он враг? Да, не все понятно даже ему, Бексолтану, видавшему виды. Ведь он имел дело с настоящими врагами. Там, на Севере, за Уралом, где прослужил все эти годы. Там — да. Были действительно враги. Он вспомнил, как однажды за «попытку к бегству» уложил троих из них. Впрочем, он хотел убить только одного. Пожилого, с клинообразной, белой, как снег, бородой и колючими серыми глазами. Тот всегда смотрел на Бексолтана презрительным взглядом. А когда однажды Бексолтан сделал ему замечание за небрежную работу, ехидно сказал:

— Тоже мне, защитник! Ты бы от фашистов защищал Родину, а не от нас.

Бексолтан не мог простить этого. Но ничего не ответил ему тогда, даже не пожаловался никому. Он сделал вид, что ничего не понял. Но зато спустил курок, когда тот, как показалось Бексолтану, намеревался бежать,— иначе с чего вдруг стал хромать? Да, это были настоящие враги. Некоторые из них лично знали Ежова и Берия, и даже Сталина. Эти могли пойти на все, что угодно. А какой враг отец Клары? И почему он, Бексолтан, не может жениться на его красивой дочери? Нет, нет, он женится на ней. Скоро возвратятся демобилизованные ребята, женихи с орденами, медалями. Нельзя мешкать. Но Бексолтан прекрасно понимал, что напрасно раззадоривает себя,— не женится он на Кларе. Нельзя. Тогда для него все потеряно. И хоть тяжело было смириться с мыслью о том, что Клара достанется другому, в своем решении он был непоколебим.

Мысли его прервал Мурат. Он вошел и хотел пройти мимо Бексолтана к своему столу, но тот преградил ему дорогу.

— Ты чего такой... взвинченный?

— С чего ты взял?

— Что тебе от меня надо?

— Ничего. Гадко, что ты...

Мурат не успел договорить: Бексолтан схватил его за

грудки и с силой отшвырнул от себя. Мурат упал, а Бексолтан выскочил из кабинета. На работе появился только через день. До самого вечера не обмолвились ни словом. Перед самым уходом Бексолтан, натянуто улыбаясь, подошел к нему с протянутой рукой.

— Извини. Погорячился... Я люблю тебя, как родного брата. А Кларе я ничего худого... Мир!

Мурат не подал ему руки. Молча обойдя его, вышел первым. А Бексолтан, оставаясь наедине с Кларой, каждый раз намекал о своем расположении к ней, он чувствовал, что уже не властен над собой — она с каждым днем привораживала его все сильнее.

— Клара, если бы я надумал жениться, то на кого бы из девушек нашего села ты мне указала?

Пока девушка растерянно хлопала своими длинными ресницами, он нежно взял ее за руку и, словно позабыв все свои сомнения, горячо заговорил:

— На себя! Только ты! Ты единственная пленила мое сердце. Счастливее меня бы человека не было. Я буду ждать твоего совершеннолетия, если оно наступит даже через сто лет!

Девушка покраснела, опустила глаза, но было заметно, что ей не безразличны его слова.

— Одного твоего мизинца не стоят все остальные. Только вот бедность ваша... Мне так жалко твою маму: время трудное, а столько ртов... Если бы она за меня выдала свою старшую дочь, я бы ее на руках носил!

— Кого? Маму? — Клара первый раз открыто посмотрела ему в глаза. Не сдержалась и засмеялась.

Бексолтан потянулся к ней, но она отступила и выбежала из кабинета. С этого дня неопытное сердце Клары все мечты о благополучии связывало с Бексолтаном.

Мурат видел ее состояние, понимал, что она попала в умело расставленные сети Бексолтана, и хотел предостеречь ее, но постеснялся говорить с юной девушкой на такую тему, да и кто знает, как оно еще может обернуться...

Была золотая осень. Бексолтан как-то шепнул ей:

— Приходи вечером в колхозный сад. Я очень буду ждать тебя. Скажу что-то очень важное...

...Клара, замирая от страха, ступила в густую темень сада. Кажется, ее никто не видел. От толстого дерева с раздвоенным стволом отделилась высокая мужская фигура.

Только теперь почувствовала Клара, какая ласковая и теплая ночь, какой душистый аромат стоит в саду.

— Я так боялся, что ты не придешь, любимая. Да, да, любимая! — Бексолтан привлек ее к себе, прижал к груди.— С первого дня, с самого первого дня я полюбил тебя. Ты пой-

дешь учиться в техникум, потом в институт. Я тоже. Будем всегда вместе. Всю жизнь вместе. Ты веришь мне, веришь? Я так люблю тебя! И тебя, и твою маму, и всех твоих братьев и сестер. Желанная моя! Хочешь, я встану перед тобой на колени? — Бексолтан опустился на колени и прижал к лицу подол ее платья, стал целовать ее ноги, колени и, медленно поднимаясь, проводил трясущимися руками по ее затрепетавшему телу. Стиснул в объятиях и в долгом поцелуе приник к ее пылающим губам...

Ее позднее возвращение не удивило мать, она и в другие дни, бывало, задерживалась допоздна. Отказавшись от ужина, Клара легла и всю ночь проплакала, уже не веря в свое счастье. Но и на следующий вечер пришла в сад, теперь уже больше в поисках утешения...

Прошло два месяца. Она с тревогой прислушивалась к себе и, наконец, поняла, что на нее свалилась худшая из бед, какая подстерегает девушку, если... если Бексолтан откажется жениться на ней.

Тот был ошеломлен. Но пытался улыбаться. И сказал нарочито весело:

— Ничего страшного. Поедешь в Дзауджикау и...— он полез в карман.— Вот тебе тысяча рублей. За такие деньги любой врач согласится...

— Бексолтан, а...

— Свадьбу нам нельзя. Тебе нет еще восемнадцати. Закон запрещает.

— Я не об этом. Я же никого из врачей не знаю.

— Ты же говорила, что у тебя в городе есть родственники. Обратись к двоюродной сестре. Только обо мне ни слова, погубишь наше будущее.

Она все еще верила ему. И уехала в город.

Бексолтан с ужасом сознавал, что если не выпутается — ставь крест на карьере. Да и Клара вдруг стала не столь желанной: «Если она так легко поддалась мне, то и другим не составит большого труда покорить ее. Дура, угораздило же забеременеть. А вдруг проговорится? Ну и что? Кто станет защищать дочь врага народа?»

Лучше перестраховаться, решил Бексолтан и поехал следом. Закон сурово карал за проведение абортов, и Бексолтану не удалось найти врача.

— Клара, сейчас обстоятельства против нас. Но ты не отчаивайся. Я тебе дам несколько тысяч. Часть оставишь матери, а сама под каким-нибудь благовидным предлогом уезжай в другой город. В Грозный, например, Нальчик. Не пройдет и недели, самое большее — две, как я приеду за тобой. Ты только дай мне знать в город, на главпочту. Я сразу же приеду. Пока поживем без регистрации, а там и поженимся.

— А тебя отпустят?
— Кто? С работы?
— Родители.
— Что я, маленький?

Бексолтан дал ей еще три тысячи рублей и вернулся в село. Двоюродная сестра советовала Кларе подать на соблазнителя в суд, но она отказалась наотрез. В ушах ее еще звучали горячие клятвы и заверения. Она верила, что он не оставит ее в беде, что он приедет к ней.

* * *

Бексолтан, наконец, успокоился. Слава богу, кажется, пронесло, Клара уехала с двоюродной сестрой в Ростов. Учиться. Гм. Ну и с богом! Она еще встретит свое счастье, совсем ведь девочка. А с ее красотой... Родит ребенка, пусть оставит в больнице. И чего он, в самом деле, так переживал?! Подумаешь, совратил уборщицу. С кем не случается по молодости. И мысли Бексолтана потекли по другому руслу. Из армии возвращаются воины. Заслуженные, с наградами. Скоро начнется перетряска кадров. Вот что теперь главное. Нельзя терять время, потом уже будет поздно. Не прозевать бы момент. Но сказали же мудрые предки: «Богатое застолье и кровников...». Надо пригласить Майрама и попросить, чтобы прихватил с собой и Александра. А если спросят, по какому поводу труба Дзарахмета играет сбор? Да в честь Победы. Или в честь возвращения сына. Пиров по такому поводу сейчас справляется много. Но кто сравнится с Дзарахметом в хлебосольстве. Ворованное? Пусть поменьше болтает этот от горя выживший из ума старик. Конечно, пятеро сыновей погибло, но надо уметь пройти сквозь огонь и не опалиться — не в обиду тебе, бог, будет сказано... А Мурат просто недотепа, строит из себя святошу. Баран безрогий, лезет не в свое дело. В следующий раз поостережется...

Бексолтан постучался в кабинет Майрама, потом приоткрыл дверь:

— Можно к тебе?

Майрам обрадованно вскинулся:

— О, Бексолтан! Входи, входи, чего спрашиваешь? — Встал и, обняв его, подвел к своему столу, усадил в кресло.

— Майрам, я слышал, вы с Александром были у Дзамболата. Жизнь входит в другую колею и хотелось бы знать, как теперь...

— Бексолтан, мы друг друга знаем не первый день. Ты не виляй, а говори прямо, что тебе не по душе твоя бумажная работа. Так? Угадал? — Майрам самодовольно расхохотался.

— В самое яблочко попал. Сидишь, как истукан, и смотришь на белый лист. Понимаешь, живое дело хочется делать, а не марать бумагу.

— Ха-ха-ха! Ну, молодец. Люблю прямолинейных людей. В отца ты, вижу, в отца... Молодец... Да, были мы у Дзамболата, были. Предстоят большие перемены. Будут менять председателей колхозов, парторгов, директоров разных... Тебя в колхоз, ясное дело, не тянет — одно название от них осталось, ссадин не оберешься... Перспективнее всего по партийной линии, а?

— Не знаю, в хозяйстве я разбираюсь постольку поскольку, но как журналист подкован в политике партии и потому...

— Наша соломенная вдова, кажется, метит в райком партии. Освобождается место первого секретаря райкома комсомола. Как, устроит тебя эта должность? Отличный трамплин, чтобы прыгнуть выше.

— Майрам, надо бы пригласить к нам Александра. Отец намерен справить пир в честь моего возвращения с фронта. Раньше-то неудобно было, а теперь все справляют...

— Эх, удалось бы пригласить к вам Мадинат, тогда бы Александра и заманивать не надо было — сам бы прибежал! Ха-ха-ха!

— Я слышал, он к ней неравнодушен...

— А я слышал, что и она к нему неравнодушна! Ха-ха-ха! Ладно, Бексолтан, приглашу. Назовешь день. Считай, что место тебе забронировано...

Вскоре Бексолтана избрали первым секретарем райкома комсомола, а через три месяца его направили учиться в высшую школу комсомольских работников, и история с Кларой стала приятным воспоминанием.

21

Каждый день уже с утра люди с нетерпением ждали гудка паровоза, а поезд, пыхтя, как усталый вол, появлялся лишь к полудню. С недавних пор он стал привозить фронтовиков. И все выходили встречать кто сына, кто мужа, а кто возлюбленного.

Выходили и те, кто получил бумагу с черной вестью: может, ошибся кто-то...

Сегодня встречающих собралось больше, чем когда-либо. Мурат тоже вышел пораньше. И не только встретить отца, от которого вчера получили телеграмму, но и написать о радостном событии. Казалось, все его односельчане, кто только мог держаться на ногах, были здесь. Одни, устав стоять на жаре, перешли в зал ожидания, другие, не обращая внимания на жару, остались на площади. И в каждой группе встречающих находился человек, который знал все лучше

других: и когда прибудет поезд, и сколько вагонов, и сколько в них людей.

Мурат стоял рядом с Аузби. А Фатимат и Госама в сторонке от мужчин делились своими горестями со знакомыми женщинами. Асланбег, Фуза, Рима и Володя то и дело устремлялись к железнодорожному полотну.

Аузби молчал. Мурату казалось, что старик никого не видит и никого не слышит, прислушивается только к своим безрадостным мыслям.

Опершись на кизиловую палку, он стоял, не как живой человек, а как бесчувственное изваяние среди суетящихся людей, и только взгляд прищуренных глаз выдавал его состояние. Мурат физически ощущал безмерность боли старика. Горе согнуло его крепкую спину, душа его будто окаменела: даже звуки любимой им с молодых лет гармоники не трогают его... Тяжкие думы одолевают старика. Может, думает, за что его проклял бог? Но он не верил в бога.

Аузби не замечал даже Володю, который часто подбегал к нему. Мальчик заметно подрос. Госама достала из сундука последний кусок материи из тех, что предназначались на подарки родным Мадинат, и сшила ему рубашку и штаны, сваляла из белой шерсти войлочную шляпу. Окруженный заботой двух стариков, Володя все реже вспоминал свою мать, сестру, отца. Не давали почувствовать ему сиротства и Фуза с Римой, с которыми он расставался разве что на ночь. И Асланбег полюбил его как младшего брата — наконец, и он в чьих-то глазах имеет непререкаемый авторитет.

...Сухой воздух разорвал далекий гудок паровоза. Аузби встрепенулся. Подняв голову и вытянув худую шею, старик смотрел на железную дорогу. Молодежь с веселыми возгласами бросилась навстречу поезду.

Госама не шелохнулась. Колени ее дрогнули, она была не в силах оторвать от земли слабые ноги.

«Тахуды*, тахуды, хотя бы Махамат появился,— шептала она.— Долго, слишком долго едет. Для людей и война кончилась, а нас и это счастье обошло. Где он до сих пор, где?» Вдруг в толпе девушек Госама заметила Мадинат, и сердце ее сжалось. Вспомнила о старшем сыне. Сосланбег родился через неделю после пасхальных праздников. Через год уже резво бегал. Как-то он играл во дворе. И надо же было случиться такому: Аузби из конюшни выпустил застоявшуюся лошадь. Ухоженный конь почувствовал свободу, с разгону перепрыгнул через плетень, смертельно напугав мальчика. Госама, из окна увидев это, даже не подумала о старших в доме и громко закричала. Первенец, говорят, всегда любимее. А,

* Тахуды — о, если бы!

впрочем, какая разница, первый, последний... А вот Гацыр у нее был самый спокойный, самый тихий. Как будто даже плакать не умел. А Науруз любил лепешки из муки жареной кукурузы.

Еле держат Госама ноги. Если бы не Фатимат, она бы сама не пришла сюда. Госама стало невмоготу молчать и она произнесла:

— Бывает же так, уснул человек и больше не проснулся. Какая завидная судьба.

— Чтобы ты мои глаза закрыла, Госама, разве мало у нас покойников,— упрекнула ее Фатимат.

— Не стало тех, кому нужно было жить, а я уж...

— Грешно так говорить, Госама. На днях Махамат появится,— утешала ее Фатимат, но словам своим она и сама не верила.

Какая-то неведомая сила влекла Фатимат навстречу поезду. Может быть, она раньше других увидит Татари и крикнет: «Тота! Вот и я! Хвала богу, что вижу тебя живым. Теперь и умереть согласна». Кто знает, может, теперь она и при людях осмелится сделать то, чего никогда не позволила бы себе: побежит к Татари, обнимет его и, прижавшись к его груди, заплачет. Но другая сила тянет ее назад. Будто кто-то шепчет ей на ухо: «Умереть бы тебе лучше, Фатимат. Твоего старшего сына никогда больше не привезет поезд. Ты уже никогда не побежишь ему навстречу. И никогда больше не обнимут тебя его сильные руки. Так чему ты радуешься, Фатимат? Куда собираешься бежать? К Татари? А когда ты видела, чтобы осетинка прилюдно радовалась мужу?»

До прибытия поезда оставалось совсем немного, когда появился Александр. Приветствуя знакомых, он быстро продвигался к перрону. Увидев Аузби, подошел к нему, пожал руку, обнял. Хотел заговорить, успокоить, но сам толком не знал, что сказать ему. Ведь Махамат тоже погиб. На второй день после того, как пал Берлин. Но об этом еще никто в селе не знал. И как сказать Аузби? Какие слова помогут такому горю? Александр боялся, что Аузби сам спросит его о Махамате и, извинившись, отошел от него.

Поезд тяжело и устало подошел к вокзалу. Из дверей вагонов уже на ходу начали спрыгивать седоусые воины, молодые солдаты. До Мурата со всех сторон доносились радостные крики:

— Дзыцца! Вот Ладемыр! Вот!

— Дзыбыла, Дзыбыла приехал!

— Бацце!

— Серго!

— Измаил!

— Рая вернулась! Сестра моя! Вернулась, вернулась!..

Из толпы вдруг донеслось громкое рыданье старухи:

— Очаг мой разрушился, Знаур! Совсем пропала я. Из двух моих сыновей ни один больше не вернется к родному очагу.

...Прислушивается Мурат к людскому волнению, голова кружится, радость и грусть смешались в сердце. Неожиданно рядом раздался голос Асланбега.

— Нана! Вон баппу! Госама, вон баппу!

Мурат оглянулся. Брат, расталкивая людей, уже бежал к последнему вагону. За ним бежали Рима и Фуза.

Мурат стоял как вкопанный.

— Не видишь, отец вернулся... Ну, живее, что ж ты стоишь, как пень? Беги, обними его. Посмотри, какие усы отпустил, даже у Буденного нет таких.

Аузби улыбнулся впервые за день и, увлекая за собой парня, пошел навстречу своему соседу и другу. Дочери, повиснув на шее отца, радостно вопили:

— Нана, нана! Вот баппу!

— Госама, вот он, вот!

Татари бросил вещмешок на землю, мягко отстранил от себя дочерей и кинулся к Аузби. И когда он обнял старика, теснившие его грудь рыдания прорвались наружу. Аузби первым пришел в себя, краешком рукава вытер влажные глаза, хотел улыбнуться, но лицо его болезненно исказилось, и он устало проговорил:

— Не надо, Татари. Что случилось, то случилось.

— Лучше бы я голову потерял, чем этим ребятам погибнуть.

— Наверное, судьба у них такая. Да и в твоей семье большое горе. Что поделаешь, кому-то было суждено погибнуть. Дай-ка погляжу на тебя...

Пока друзья разговаривали, Асланбег привел Фатимат и Госама. Будто никогда и не знало сердце Госама горя, так радостно обнимала она Татари, который хотел ей что-то сказать, но не мог, слов не находил.

Фатимат молча смотрела на мужа. Всю жизнь молится человек на свое счастье, а оно как ласточка: то приближается к человеку, низко опустившись, и ему начинает казаться, что вот-вот поймает его, то вдруг исчезает куда-то. Фатимат кажется, что она не наяву, а во сне видит Татари. Смотрит, глаз не спускает с него, боясь, что она проснется, и он исчезнет.

Татари повернулся к жене, сдержанно коснулся ее руки и спокойно произнес:

— Ну, здравствуй! Я думал, что застану тебя постаревшей, а ты и не изменилась.— Незаметно сжал ее пальцы. Ох, как ей нужно было пожатие этой сильной огрубевшей руки! Сколько сил оно придало ей! Татари смотрел на жену... Смотрел? Только один раз и встретились их глаза. Но хоть глаза

Татари и не смотрели на нее, но он видел только ее, улавливал только ее порывистое дыхание. В течение четырех лет, сидя в окопах, слушая свист пуль или в минуты недолгого затишья в тоскливых размышлениях о судьбе детей, он вспоминал Фатимат, и самым большим утешением для него были эти мягкие руки и ласковые глаза.

Володя ревниво наблюдал, как усатый дядя радуется всем, а его и не замечает. Потянув Госама за подол платья, сказал обиженно:

— Бабушка, я хочу домой.

Татари спохватился. Присел, взял мальчика на руки, прижал к груди.

— А-а-а! Казак донской! Владимир Степанович! Точь-в-точь похож на всех казаков, которых я видел. Только бы коня и саблю тебе.

Мальчик с интересом разглядывал его — пилотку, погоны...

— Ну, что, казачок, пошли домой?

— Пошли,— Володя, соскользнув на землю, с радостью подал ему свою теплую грязную ладошку.

И взрослые, и дети высыпали на улицу. Младшие бежали к нему, а к старшим подходил он сам. Объятия, дружеское участие. И чем больше радовались встречающие, тем скорбнее становились его думы. Почти всем пожилым людям он приносил свои соболезнования: знал все, что случилось в селе, писали ему.

* * *

Пока люди поздравляли Татари с возвращением, засыпали его вопросами, слушали рассказы о пережитом, Аузби решил действовать. Он позвал с собой Мурата и Асланбега. Распахнув ворота, он указал на одного из двух баранов.

— Солнышки мои, быстро тащите этого барана.

Мальчики непонимающе уставились на старика. Он вновь обратился к ним:

— Не слышите, что ли?

— Не надо,— нахмурился Мурат.— Что скажет отец?

— О чем ты? На нашей улице нет старше мужчин, чем мы с тобой. Остальные пока гости, а гостей не принято спрашивать о таких делах.

Мальчики больше ничего не сказали, взяли барана за рога и потащили его за собой.

Узнав, что Аузби собирается устраивать кувд, кое-кто из соседей заволновался:

— Дом в трауре...

Но Аузби ответил:

— Светлая память тем, кто погиб. Ну, а тем, кто вернул-

ся живым, надо хоть «здравствуйте» сказать по-человечески.

Все это Аузби сказал таким тоном, будто не он был отцом погибших сыновей.

Опираясь на клюку, пришел приветствовать старого друга и Василий Петрович Шерпилов, отец Георгия. Татари, увидев вошедшего старика, с трудом узнал его.

— Василий Петрович!

— Я, дорогой, я! Ползу еще по грешной земле грешником. А ты? Ну, вылитый казак!

Они обнялись.

— Ох, Татари, ох! Не досчитались мы старших своих сыновей. Выплакал я слезы, а силы свои... Но ты не думай, не остался я глух к радости народной. Ей-богу, не остался. Как дошла до меня радостная весть, что ты ступил на родную землю, так я и воспрянул духом. Даже хворь отступила.

После обеда, когда солнце опустилось над горизонтом, во дворе Татари накрыли столы.

Только поздно вечером гости разошлись по домам. Давно затихли дети, а Татари и Фатимат все не могли наговориться. Уснули чуть ли не под утро. Но недолгим был сон солдата. Петухи еще не прокричали третий раз, когда Татари осторожно, стараясь не производить шума, поднялся с кровати, оделся и вышел во двор. Глянул в небо. Высоко поднялись Семь Сестер, а на фронте русские ребята называли их созвездием Большой Медведицы, плескалась зеленым светом Бонварнон— Звезда утренней зари. Дул легкий ветер с гор. Татари потянулся, глубоко вздохнул, и таким сладким показался ему воздух родного села...

Татари оглядел двор, направился к хлеву. В нос ударил кисловатый запах слежавшегося навоза. Нежилая пустота... А ведь держали тогда двух коров, овец, свиней...

Помаявшись еще некоторое время, Татари открыл маленькую дверь на улицу. К тому времени над дальними вершинами уже зарделось небо, сильнее подул легкий свежий ветерок — задышали ледники. Он неторопливым шагом двинулся вниз. Словно извиняясь перед самим собой, подумал, что хочет всего лишь в одиночестве побродить по спящему селу. А ноги его несли по тем улицам, через которые пролегла его старая дорога к кузне. Вот оно, приземистое здание, свежевыбеленное. Интересно, кто это постарался? На дверях все тот же замок, который сделал сам. Иные ключом не могли открыть замок, а ему достаточно было поковырять в нем какой-нибудь железкой, и все. Татари поднял с земли кусочек проволоки, открыл замок, потянул на себя дверь и осторожно вошел в кузницу,— так странник после долгого пути переступает порог храма.

Было еще темно, но его наметанный глаз сразу заметил, что кузница в порядке. «Наверное, к моему возвращению под-

готовил»,— с благодарностью подумал он о своем подручном.

Татари вынул из кармана маленькую зажигалку, расковырял угли, взял немного стружек и зажег их. Подбросил в огонь щепок, подсыпал угля. Когда появились языки пламени, еще подбросил угля. В кузнице стало светлее. На земле лежал старый лемех. Подняв его, внимательно рассмотрел и, не подумав о том, нужен он кому-нибудь или нет, сунул в огонь. На стене висел старый фартук из мешковины. Татари подвязал его, еще сильнее стал раздувать меха. Короткие язычки пламени поднялись вверх. Огонь разгорался все сильнее.

Чем сильнее накалялось железо, тем уверенней становились движения кузнеца. Татари вынул лемех из огня, положил на наковальню, очистил железкой. Затем пятифунтовым молотом, будто пробуя, сначала ударил по наковальне, а уж потом, взмахнув, опустил его на раскаленный добела лемех.

Звон металла заполнил кузницу, вырвался из открытых дверей и далеко рассыпался по селу. И каждый, кто услышал в это раннее утро знакомый звон, с радостью подумал: «О, это кузнец Татари! Это его мелодия!..»

* * *

Ни одного дня не позволил себе Татари отдохнуть. Множество неотложных дел ждало кузнеца: ремонт плугов, борон, гужевого транспорта, ковка тяпок, граблей... От сумерек до сумерек не смолкала кузня. Не хватало железа для зубьев борон — выкручивались, вытачивая их из дуба.

Татари редко выпадала возможность спокойно посидеть под орехом. Посумерничать, как в былые времена...

Накинув на плечи старую шинель, Татари сидел и перебирал четки-мысли. Плохо народу живется, впроголодь живет. Насколько терпелив Дзаххот, но и тот не выдержал, взбунтовался: работаю, говорит, работаю, а все за одно голое спасибо, да и то никто не удосужится сказать... Страдает и Аузби, но не ропщет. Как им помочь? Володя еще мал... Надо воду принести, надо дров наколоть, и за скотиной уход и присмотр нужен. Был полон двор, а теперь...

— Будь ты неладен!

Татари оглянулся на возмущенный голос Асланбега. Тот не мог закинуть навильник на сеновал под крышей коровника, точнее, закинуть-то закинул, но добрая половина сена сорвалась обратно.

— Бери поменьше,— посоветовал Татари.

— Тогда до утра не справиться...

Шестнадцать лет уже парню. Сила в нем играет, а терпения в работе нет, все быстрее да скорее хочет сделать, одним махом управиться. А кто сено у Аузби заскирдует? В сеновал нельзя, некому будет скидывать...

Татари думал о семье Аузби, тот думал о семье Татари. Как-то зашла речь о Мурате, и Аузби сказал, как давно решенное: «Ему необходимо получить образование. Парень толковый, но легкоранимый. Чувство справедливости в сыне твоем, Татари, остро развито. Трудно придется ему в жизни. Но зато для других будет надежной опорой, заступником. Такому человеку позарез нужны большие знания. Пусть идет учиться в высшую школу, не препятствуй...» Как будто бы он препятствует. Не загораживает ему дороги, пусть едет в город и учится.

Асланбег уже опора в доме, девочки матери во всем подмога, помощницы, да и они с Фатимат еще, слава богу, не иждивенцы, а вот кому Аузби и Госама...

— Баппу, все. Сено в сеновале.

— Сынок, ты бы, пока не остыл, заскирдовал сено у Аузби.

— При солнце!

Короткий ответ Асланбега означал: еще светило солнце, когда он выполнил эту работу.

— Тогда бы дров наколол...

— На целую неделю — еще луна не всходила.

— Тогда...

— Тогда я пойду и умоюсь.

— Иди, иди...

Эх, не успел сказать сыну о том, что задумал. Перебил его мысли Асланбег своими короткими, как выстрел, ответами. Или это в нем родительское сердце воспротивилось? Да, проскользнула ведь и такая мысль: «Можешь помочь — помоги, а то где же такое видано, чтобы родного сына по доброй воле отдавать в чужую семью, словно аманата... Такое дело и богу не угодно».

— Богу?! А что ему вообще угодно? Оголять полный сыновей двор? — вслух возмутился Татари, не заметив появления жены.

— Ты с кем ругаешься? — спросила Фатимат.

— Да с самим богом, с кем же еще...

— В чем он провинился? Да и грешно роптать на него,— она присела рядом.

— А в чем грешны перед ним Аузби и Госама, почему он так жестокосердно их казнит?

— Все-таки грешно гневаться на создателя.

— Самый тяжкий грех, когда он прибирает к себе детей раньше родителей. Ладно. Твоя правда. Надо им делом помочь...

— Хоть бы Махамат вернулся у них.

К ним подходил Асланбег, и Татари переменил тему разговора:

— Что-то наши девочки задерживаются...

— Они должны быть с минуты на минуту. Да и Мурату пора...

Отворилась калитка, и показался Мурат, а за ним вошли Фуза и Рима. Фатимат поднялась:

— Пойду, накормлю их...

— Подожди. Садись. Они потерпят немного,— сказал Татари.

Фатимат опустилась на свое место.

— Добрый вечер! — весело поздоровался Мурат.

— А вы чего, как майские розы, улыбаетесь, почему не здороваетесь со старшими? — Асланбег замахнулся на сестер.

— Ой, уморил, старший отыскался! Кот с усами! — Рима прыснула и спряталась за Фузой.

— Здравствуйте все и садитесь,— Татари подвинулся,— будем держать семейный совет...

— Баппу, можно я сначала спрошу одно... Это... Война ведь кончилась, а почему еще кого-то посылают куда-то?

— Асланбег, ты и учителям такие неопределенные вопросы задаешь: кого-то, куда-то?

— Понимаешь, Аузби попросил, у меня, мол, почерк красивый и...

— Ой, хвастун!

— Помолчи, дочка... Ну, о чем тебя попросил Аузби?

— Попросил написать в Москву, не из-за специального задания ли задерживается Махамат. Еще просил, чтобы я о письме чужим не говорил...

— Что ж ты разболтался?

— Ну, Мурат, мы же не чужие... Какая разница, что мы, что Аузби и Госама?..

— Правильно, сынок, никакой разницы. Вот и я говорю: кому-то из вас нужно перейти жить к ним... Пока не вернется Махамат.

— Они и так им помогают во всем...

— Мать, а ты сразу в штыковую, погоди немножко. Послушаем младших. Мурату нельзя, он поедет учиться...

— Асланбег пойдет, он и так пропадает у них,— сказала Фуза.

— Хитрая, избавиться от меня задумала?

— Это еще не известно, кто от кого... Но если он не хочет, то я, баппу, готова... И дрова буду колоть, и все, все буду делать.

— Я тоже с ней,— обиженно вставила Рима.

У Татари словно гора с плеч свалилась: дети поняли его...

22

Александр стоял у окна и смотрел на улицу. Со вчерашнего дня не прекращается монотонно накрапывающий дождь. Он вспомнил, что в тот осенний день стояла такая же наводящая тоску погода.

Неслышно открылась дверь его кабинета, и на пороге замерли скорбные фигуры Майрама, военкома, начальника милиции. Сердце его оборвалось: «Алимат...»

Он уже не слышал слов соболезнования, традиционных пожеланий. Глаза были сухими, но он словно ослеп, ничего не видел, захлебнувшись в горе...

«Алимат... Почему ты так укоризненно смотришь на меня, нет же никакой моей вины в том, что все так сложилось... Нет вины, нет, но почему же меня так мучает совесть? Сдержал ведь свое слово, навестил твою могилу. Могилу... Не нашел ее — слишком много их там было, могил неизвестных солдат. Понимаю, конечно, понимаю, откуда во мне это беспокойство. Знаю, верю, что ты поймешь и не осудишь меня, это ведь не измена тебе. Жизнь берет свое, живущему надо жить по ее законам».

С тех пор, как Мадинат работает заведующей отделом райкома, Александр каждую минуту чувствует ее присутствие. Вот и сейчас он спиной чувствует, как она смотрит на него.

— И небо исходит слезами, глядя на наши безрадостные дела,— Александр медленно повернулся к Мадинат. Она отложила логарифмическую линейку и карандаш, с минуту внимательно смотрела на него, потом встала.

— И небо плачет, говоришь? — Мадинат подошла к окну.— Это же обыкновенный дождь, самый заурядный!

— Спасибо, а я-то думал...

— Пусть так. Но если и плачет, то не наши дела довели его до слез: в других местах куда безотрадней нашего — одни черные пепелища. Все им с нуля, с абсолютного нуля начинать...

— Умом вроде понимаешь все, да сердце...— Александр, вздохнув, как-то виновато развел руками.— Каждый, говорят, стонет от своей боли.

— Конечно, нам отпустят не столько средств, как тем районам, но все-таки и за семена спасибо, и за сто высокопродуктивных коров. Или — это грош в углу мешка?

— Именно,— Александр почесал бровь.— Ладно, будет хныкать, так недолго и руки опустить. Это твой заурядный дождь виноват, навевает, зануда, мрачные мысли. Знаешь, что меня больше всего сейчас занимает? Не знаешь, не знаешь, не порывайся ответить. Это судьба бывших фронтовиков, точнее, проблема их трудоустройства. Они прошли по нескончаемо долгим дорогам войны. И, представь себе, тогда они не ведали усталости, просто некогда им было почувствовать ее. Она только теперь дает о себе знать. Да что там знать. Она настигла их и навалилась всей смертельной тяжестью. Усталость удесятерена нуждой, бедностью. И, главное, неверием в близкие перемены к лучшему. А город манит их верным заработком, нормированным рабочим днем, перспективами роста. У

нас же в колхозах ни того, ни другого. Даже выходных нет.

— Вот-вот. Сегодня воскресенье...

Александр встал перед Мадинат, его глаза озорно заблестели, он неожиданно воскликнул:

— Нужен свет! Электрический!

Мадинат смотрела на него непонимающе.

— Свет?! Электрический?! Откуда ему взяться?

— Недавно я читал, что на Кубани три колхоза, объединив свои силы, построили гидроэлектростанцию. Мощность по сравнению с Днепрогэсом не ахти какая, но на свои районные нужды им вполне хватает. А что, если и нам последовать доброму примеру?

— Нам и объединять-то нечего... Допустим, что построили. А дальше что? Хорошо, электрифицируем дома. Но стоит ли овчинка выделки? Где мельница, клуб, животноводческие фермы, лесопилка?

— Будут! Непременно будут! — Все больше загорался Александр.— Главное, вдохновить людей радостным делом...

— Я, ты извини меня, больше верю языку финансов. А их у нас нет. Здание само недорого обойдется. А турбины? Генераторы? Плотина? Канал? Провода? Столбы? Изоляторы? Лампочки?

— Ты архитектор?

— Да...

— Умеешь составлять смету?

— Нет, я не...

— Сумеешь. Ты по гражданскому строительству, ясно. Только ведь на войне...

— Ой, Александр, война — это война... Людям при лучине нечего есть, а электрический свет им для чего, чтобы они лучше разглядели свою убогую жизнь?

— Мадина, ты меня не отрезвляй! Нам отпущены денежные средства. Поговорю с Дзамболатом и добьюсь, чтобы хоть треть этих денег была направлена на строительство гидроэлектростанции. Спросишь, почему мне эта идея втемяшилась в голову? Первое. При ярком свете и черствый чурек слаще. Второе. Этот свет — свет надежды на лучшие дни. Мы бедны — да! Мы разуты, раздеты, на голодном пайке. Но мы особый народ, особой закваски: мы не в корыто смотрим, а в будущее. А в будущее надо идти при ярком свете. У тебя еще есть возражения?

Мадинат засмеялась:

— Разве тебя остановят мои возражения?

— Тогда сама и возглавишь стройку. И в сторону все «но», извини за приказной тон,— Александр дотронулся до руки девушки. От этого мимолетного прикосновения сладко и мучительно заныло его сердце, и он медленно отвернулся к окну.

«А Сосланбег? Он же был одним из моих лучших друзей...

Что скажут люди? Как к этому отнесется Аузби? Но как же мне быть, как?»

— Мадинат, тут еще вот какая политика... Наши солдаты освободили почти всю Европу. И повидали там кое-что. Словом, более благоустроенный быт. Ни один народ не заслужил такой красивой, обеспеченной жизни, как наш, потому что ни один народ не испытал таких страданий. Но, к сожалению, нам еще долго придется отказываться от многого. И это тоже во имя нашей великой цели. Да... Только ведь людям уже сегодня хочется жить как-то по-другому, светлее, что ли...

— Опять свет! — Мадинат весело рассмеялась.— Да, Александр, тебя не переделать. Ну что ж, я со всеми своими малыми силами к твоим услугам!

— Спасибо, Мадинат. Иного ответа я и не ждал от тебя. Нельзя останавливать идущего на охоту...

* * *

Начало вечереть, когда райкомовская легковушка, просигналив, остановилась у ворот дома Аузби. Александр на правах близкого семье человека без стука переступил порог.

У торца длинного стола сидел Асланбег и готовил уроки. Рядом стоял Володя, углубившись в изучение картинок учебника по истории. При появлении гостя оба оторвались от своих занятий.

Госама уловила взгляд Александра.

— Слава всевышнему, теперь и в нашем доме есть младшие, чьими именами вызывают нас...*

— Пусть они не будут обделены той любовью, которую питают к этому дому люди,— пожелал Александр, после чего, обернувшись к ребятам, добавил: — Я завидую вам, ребята. Эх, мне бы таких отца и мать — на руках бы носил...

— Я бы тоже понес бабушку, но она тяжелая...

— Ай, душа моя, очаг мой! Вырастешь — другую принесешь на руках,— Госама беззвучно засмеялась.

— Невесту, что ли? Ее же приводят, потом ставят в угол...

— Чего разбазарился? — Асланбег толкнул Володю в бок и увидел знак, поданный ему Аузби. Встал и вышел из комнаты, прихватив кухонный нож.

— Молодцы они у меня, Александр. И полы моют, и воду таскают, и дрова колют, за скотиной присмотр, как у доброго хозяина. Асланбег не парень, а пламя,— хвалила ребят Госама.

Александр уселся рядом с Аузби. Его взгляд задержался на одностволке, висящей над кроватью старика. Та самая...

---

* По традиции гости окликают хозяев по имени младшего из домочадцев по мужской линии.

Шел тридцатый год. Его отец Дауит был убит кулаками. Сосланбег тайком вынес ружье Аузби, и они вместе решили отомстить. Три дня бродили по горам. Вернулись, как и следовало ожидать, ни с чем.

Со двора послышался возмущенный крик петуха, пойманного Асланбегом. Александр укоризненно покачал головой. Володя сбегал за Татари, а вместе с отцом напросился и Мурат.

— Аузби, ты угадал мои мысли: как раз я хотел, чтобы при нашем разговоре присутствовал Татари. Да и Мурат не лишний...

— Тут дело намного проще, Александр. К нам пожаловал такой гость, да чтобы не похвастаться...— Аузби улыбался в усы. — К тому же, считай, мы одна семья. А Мурат старше нас: он знает то, что мы видели, а мы никогда не узнаем того, что ему суждено увидеть...

— Одна идея засела мне в голову, и дай, думаю, поделюсь своими сомнениями с мудрыми людьми,— Александр начал издалека.— Вы лучше меня знаете то место на реке, где некогда стояла мельница Дидаровых. Русло там порожистое, река не течет, а низвергается водопадом. Понимающие люди говорят, что там бы крутилось и большое колесо...

— Не вальцовку ли ты задумал поставить вместо мельницы? — удивленно спросил Аузби.

— Челюстям нашим нечего перемалывать, к чему нам мельница? — горько усмехнулся Татари.

— Настанет черед и мельницы. У меня задумка другая... Вот мы сидим, и от каждого нашего движения по стенам пляшут огромные тени. Асланбег готовит уроки при керосиновой лампе, а Володя не может разглядеть рисунки в книге и все время отвлекает его. Так вот, не построить ли там электростанцию? Не очень большую...

Госама тихо вставила:

— Был бы у нас городской свет, я бы, может быть, еще нитку продела в игольное ушко...

— Это не городской свет, а свет Ильича, лампочкой Ильича называется,— важно поправил Аузби жену и подвинулся ближе к Александру.— Нужное народу дело ты затеваешь, лаппу.

— Если кузнецу там найдется работа, то я...

— Вот это-то и мучает меня, Татари. Вы и так натерпелись на войне. И сейчас вам не сладко приходится. Никак свои спины не разогнете, а тут еще эта стройка...

— А для чего живем еще на свете? Строить, делать что-то новое — что может быть радостнее для человека? Можешь смеяться надо мной, но я, как ребенок, радуюсь, глядя на новую обыкновенную тяпку: не было ее на свете до меня, а я взял да и сделал... А разрушенные города, сожженные дерев-

ни, разгромленные заводы — сколько я их видел! — все это ж надо заново строить. И строят... Нет, то что ты задумал — стоящее дело.

— Золотые люди вы у меня,— Александр положил свою руку на мозолистую руку Татари.— Я очень благодарен тебе. Каково мнение самого старшего из нас?

— Полностью поддерживаю младших,— улыбнулся Мурат.

— Ого! И газета на нашей стороне! Остается один Дзамболат... Но...— Александр замялся.— Иногда я ловлю себя на мысли... вернее у меня такое чувство, что дела района не идут из-за моей нерасторопности, неумелости, что ли. Есть же какой-то выход из положения, должен быть, а я никак не додумаюсь до него, все блуждаю, как в лабиринте.

Аузби забеспокоился. Подкрутил фитиль, заговорил, как о давно наболевшем:

— Ты думаешь, мы не видим, что недостатков и просчетов — уйма? Но не во всем повинна твоя голова, да и наши тоже. Мы все коммунисты, будем смотреть прямо в глаза и друг другу, и правде. Надо бы дать народу чуточку вздохнуть свободнее. Боятся люди заводить скотину, налоги задавили. На каждый кустик налог. Скоро акации начнут облагать. А там и бороды, как при Петре Первом. Шла война — народ не роптал...

Александр немного помедлил с ответом.

— Тяжелые еще времена, Аузби. Тяжелые для страны. На собственное горло наступаем, во многом себе отказываем, но только чтобы поднять из руин и пепелищ заводы, города и села. Где взять средства на восстановление такого гигантского хозяйства?..

— Но почему бы не подойти и с другого боку... Скажем, заведет колхозник не одну корову, а три, овец с десяток, свиней там и появятся дешевое молоко, сыр, масло, мясо. Я тоже кое-что усвоил за время учебы на курсах в совпартшколе. Помню, нам говорили, что Ленин учил смотреть не только вперед, но временами оглядываться и назад, чуть отступить, чтобы пойти в решительное наступление. Ведь как бывает? Идешь по тропе, а впереди широкая канава. С ходу не возьмешь. И отступаешь, разбегаешься — прыг! — и там, на другом берегу... Не шаг вперед, потом два назад, но шаг назад — десять вперед. Тоже поступательное движение получится... А то мы прем и прем, как слепой вол. Пойми, народ изнемог.

Госама, попросив прощения, стала накрывать на стол. Асланбег взял графин и наполнил аракой три рюмки.

Аузби тронул свою рюмку:

— Прежде чем произнести тост, хочу поделиться одним воспоминанием. Один из моих друзей был участником Третьего съезда комсомола. Так вот, он послал записку Ленину,

мол, в селе у нас обрушилась школа и надо бы помочь. А Ленин ответил ему: «Обрушилась? Ну так постройте сами!» Нужна нам электростанция? Нужна. Значит, надо строить. А теперь, Татари, я хочу пожелать доброго здравия и здравомыслия нашему гостю. Он должник народа, и пусть у него найдутся силы отплатить свой долг!

— Оммен! — воскликнул Татари.

Мурат слушал в оба уха, стараясь запомнить все. Конечно, прав Аузби, но ведь и Александра понять можно. Устал народ от всевозможных налогов, от подписки на облигации, но у государства пока другого выхода нет — берет у народа, чтобы вернуть самому народу заводами, жильем, школами... Александр это хорошо понимает и как может, успокаивает стариков. Идея строительства гидроэлектростанции принадлежит ему, но в народе-то пройдет слух, что стройку предложили Аузби и Татари, а райком только одобрил и поддержал... Бексолтан бы такую идею никому не уступил.

— Пятьсот молодых здоровых мужчин не вернулись в наше село. Они бы горы своротили...— сказал в ответ Александр.— То, о чем говоришь ты, Аузби, не мне решать. В ЦК тоже, наверное, думают, как все сделать лучше. Всему свой час. А за тост спасибо. И вам благополучия и доброго здравия.

— Ты пей спокойно, а я тебе закуску приготовлю.

— Чую, горькая и солоноватая будет твоя закуска, Аузби,— улыбнулся Александр. «Неужели из-за Мадинат будет стыдить? Ничего не утаишь...» Но Аузби свою «закуску» приберег напоследок, когда Госама убрала со стола.

— Теперь я выложу то, что накипело у меня на душе, приводит меня в немалое смущение. А ты, Александр, сын славного Дауита, крепко подумай на досуге над моими словами. Долго держал в себе, но раз сам олень пришел под топор... Будь добр, ответь на досуге себе, почему это ты зачастил в дом Дзарахмета? И все в компании Майрама. Раньше они не отказывали и военкому, но, видимо, он им теперь без нужды. Почему-то нас с Татари не приглашают. Не потому ли, что с нас нечего взять Дзарахмету?

Александр подавленно молчал. Мурату даже стало жаль его. А слова Аузби хлестали все больнее:

— Только не вздумай оправдываться перед собой, мол, я тоже осетин, и мне не чужды наши обычаи. Гостеприимство почитай, но такое, которое идет от чистой души. Дзарахмет накрывает вам столы не от чистой души, а из чистой корысти. Бексолтан не успел отряхнуть с себя дорожную пыль, а вы уже посадили его в кресло заместителя редактора. А, говорят, он и на войне-то не был. Ту девушку ты перевел к себе на работу, а на ее место пригласил сына Дзарахмета. Теперь он в Москве. Готовь ему хорошее кресло. Себе на голову

готовь. От сына Дзарахмета людям не видать добра. И тебе в том числе. Столы богатые будут, но добра... Хочешь, обижайся, но я сказал, а ты думай.

* * *

Право заложить первый символический камень в основание электростанции по предложению Александра предоставили Аузби.

— Почему я? Твоя идея — ты и заложи,— отмахнулся тот, но ему уже подавали обломок горной породы.

За лопаты, кирки и ломы взялась добрая сотня людей: колхозники, рабочие, служащие. Одни копали яму под монолитный фундамент здания электростанции, другие — обводной канал.

Всеми работами руководил инженер, присланный по указанию Дзамболата. Его помощником и куратором стройки от райкома партии была назначена Мадинат. Не было дня, чтобы Александр не наведался сюда.

Через две недели в основание фундамента уложили первый кубометр бетона. «Если выдержим сегодняшние темпы работ, то к Великому Октябрю станция даст ток»,— думал Александр. Но проходили дни, и одна за другой стали возникать неувязки. То известь вся вышла, то не было цемента, то кирпича. И стройку залихорадило. Инженер наседал на Мадинат, Мадинат на Александра, тот на поставщиков. От телефонных разговоров толку было мало, поэтому приходилось лично кланяться то одному начальнику, то другому. Кланяться и выклянчивать. Напоследок приберегал угрозу пожаловаться самому Дзамболату.

За три месяца успели поднять до половины стены здания, прорыть тысячу семьсот метров канала. И тут наступил самый разгар полевых работ. К тому же нещадно палило солнце, и сохли кукурузные поля. Пришлось снять часть людей со стройки и направить на прополку, на орошение, на уборку ранних яровых. Александру было уже не до стройки.

Мадинат настояла, чтобы вопрос был вынесен на бюро райкома.

— Если строим — будем строить. А если не в состоянии, давайте законсервируем. До лучших времен...

— Когда они еще будут, лучшие времена? Надо успевать и там и тут. Верну я ваших людей. Школьников включим в полевые работы...

— Одной рукой норовим поднять даже не два, а несколько арбузов.

Александр резко обернулся на насмешливый голос Майрама:

— А еще говорят: «Сноп горел, а жгут, которым он был перехвачен, смеялся»... Мне иногда кажется, Майрам, что ты открываешь рот просто так, лишь бы что-то сказать, почесать язык...

— У тебя тоже не золотые монеты сыплются изо рта,— Майрам напыжился.

Александр не дал втянуть себя в пререкания. Он боялся, что потеряет хладнокровие и сорвется, наговорит в гневе лишнее. А для гнева были причины... Несколько раз он порывался поставить вопрос о переизбрании председателя райисполкома, но что-то удерживало его от решительного шага. Майрам поднаторел в составлении разного рода сводок, умел подать себя высокому начальству и наверху о нем сложилось неплохое мнение. Да и, говорят, по какой-то линии доводится родственником Дзамболату...

Бюро райкома партии вынесло решение: каждый колхоз, каждое промышленное предприятие и каждое учреждение обязаны направить на стройку определенное число лиц. И стройка вновь оживилась.

* * *

Порывами задул холодный, пахнущий снегом ветер. На склонах высоких гор засиял свежевыпавший снег. Как белые бабочки, все чаще слетались снежные хлопья и на поля. По берегам Тагардона образовалась тонкая кромка льда, а в середине сплошным месивом шла густая шуга. Притихшими после ветров ночами вода всхлипывала, утробно стонала.

На дворе стоял уже январь, а колхозы все еще убирали кукурузу. Не выдержав напора ветра и тяжести снега, стебли ломались, и початки приходилось находить ощупью. Рукавицы не спасали руки от холода, они быстро промокали, да и работать в них было неудобно. Из потрескавшихся от мороза пальцев сочилась кровь, каждое прикосновение к холодным початкам причиняло нестерпимую боль, однако никто и мысли не допускал о том, чтобы бросить работу,— кукуруза была дороже собственного здоровья.

Каждый вечер девочки к возвращению Фатимат жарко топили печь, наготове держали на плите чугунок с горячей водой. Мать умывалась, потом, пристроившись к печке спиной, опускала окоченевшие ноги в тазик с теплой водой.

— О, как тепло! Молодцы, сестрички.— В дверях в облаке морозного пара появился Асланбег. Лицо — обожженный кирпич, руки — лапки гуся.— Я сам буду выбраковывать ваших женихов. Без моего ведома — ни в дом, ни из дому!

— Выберешь таких же шалопаев, как и сам.

— Лучших джигитов Осетии! Ладно, с вами все ясно. На-на, холодно в степи?

— Нет, дорогой, пот с нас льет в три ручья, вот и сушусь у печки.

— У нас на станции такой же жгучий ветер, но Тагардон дышит прохладой, и терпимо. Так. Сперва руки в холодную воду, потом в теплую. Мыло есть? Есть. Вот это сестрички. Кто из вас польет мне на руки? Ты, Рима?

Асланбег умылся и глянул на пустой стол.

— Это вы гостя так встречаете? Пойду уж лучше домой, там Госама, как всегда, приготовила такие уалибахи — мертвый встанет.

— Ну и иди...

— Нет, пока новость скажу. Нана, а у нас Александр чуть было не остался без ноги...

— Что? Что ты опять сочиняешь?

— Да, да! С железнодорожной станции на железных санях двумя тракторами тащили огромную махину генератора. Сначала все шло как по маслу, но на подъеме у реки сани заупрямились. Тракторы взвыли, и канат лопнул. И, как ножом, по ноге Александра. Хорошо еще, что удар пришелся наискосок. Кость не задета, но рана глубокая.

— О, очаг мой. Бедный сирота... И что же было дальше?

— Баппу перевязал — научился на фронте. Он и поехал с ним в больницу.

— Чуть не пропал человек,— а вдруг бы не по ноге... Ой, несчастье-то какое... Ты близко стоял?

— Нет. Александр никого не подпускал, сам все вперед... Ну, угостите чем-нибудь.

— Вон на шкафу сколотина и чурек.

— Рима! Через три месяца станция даст ток, и я к потолку подвешу такую огромную лампочку, как твоя голова. Нана, а ты успела поужинать?

— Успела, успела.

— Ничего не успела,— сказала Фуза.

— Ну тогда спокойной ночи, мои родственники. Я побежал домой,— Асланбег накинул телогрейку и, чтобы поменьше впускать морозного воздуха, быстро захлопнул за собой дверь.

23

«Человек создает себе имя поступками. О человеке судят и по тому, сколько ума и сил он отдает борьбе за общее дело, как упорно и настойчиво преодолевает препятствия, неизбежно возникающие на пути к цели. Но человек меняется, как, впрочем, все в природе. Сегодня он полон сил, завтра наступает упадок. Такая участь никого или почти никого не минует. Все зависит от характера и стечения обстоятельств.

Хотя не всегда и не у всех. Аузби и Татари, Госама и Фатимат, Майрам и Дзамболат, Мурат и Бексолтан... Разные характеры, разные требования и претензии к жизни, мечты, стремления. Но живут эти люди в одном обществе, в одной среде. И дела, и заслуги каждого из них находят свое признание у одних на бумаге, у других — в сердцах. Поэтому, хочешь того или не хочешь, но ты должен жить по законам этого общества. Но как часто нарушаются они, эти законы. Конечно, абсолютной справедливости, наверное, и нет,— размышлял Александр.— И хоть знает человек, помнит, что жизнь всем отмеривает по заслугам, все же жажда собственного благополучия нередко побеждает. И все же, все же... Как быть, если один живет явно не по вкладу, который получает от него общество? Народ возмущают всякого рода несправедливости. Но возможно ли, чтобы никто, никто не ущемлялся в своих правах и никто не пользовался ими в ущерб другим? Ведь именно здесь основа социалистического образа жизни. Вот Аузби. Жизнь его как на ладони. Нет в ней теневых, скрытых от людских глаз сторон. Вся она — служение народу, служение делу партии. Не было в его жизни ни одного шага, который бы шел наперерез интересам общества. Люди это прекрасно видят и по достоинству ценят. Но ведь не скажешь, что у него нет врагов, нет недоброжелателей. Есть. Из народа же. Да только и это утверждает его личность. Говорят, у кого перевелись недруги, тот, считай, отошел от жизни».

Слушая выступления членов бюро райкома партии, когда обсуждали вопрос о выдвижении кандидатов в депутаты Верховного Совета республики, Александр мучился сомнениями: кому стоять на страже интересов народа, кто оправдает надежды исстрадавшихся людей?

Майрам напряженно ждал, когда же прозвучит его имя. С 1937 года он депутат, и считал себя вправе рассчитывать на то, что его выдвинут и на этот раз. Из ответственных работников района он самый опытный. Девять лет на посту председателя райисполкома — это что-нибудь да значит. Как же его могут обойти? Его и Александра. От района нужно выдвинуть шесть кандидатов, четверо из них уже известны.

— Кого ты, Александр, назовешь, за того и проголосуем,— сказал Майрам.

— А я жду ваших рекомендаций,— Александр сделал упор на слове «ваших».

Сараби, начальник районного отдела государственной безопасности, отрешенно смотрел в окно. И тоже ждал. Но, кажется, о нем никто и не собирался вспомнить.

«Зазнались,— думал он.— И напрасно. Стоит мне пожелать, и любой из вас слетит со своего места. Достаточно нескольких слов, «нужных фактов...»

Майрам знал, что секретаря райкома и председателя рай-

исполкома, как правило, рекомендует обком, но все-таки не удержался.

— На одно из оставшихся мест я предлагаю кандидатуру Александра.

Секретарь райкома понимал ход мыслей Майрама, но твердо решил: «Походил девять лет в депутатах и хватит».

— А у меня предложение выдвинуть кандидатуру Аузби.

Мадинат удивленно, но с одобрением посмотрела на Александра. Второй секретарь райкома Роман Иванович тоже согласно кивнул.

— Аузби?! — невольно вырвалось у Майрама.

— Он же одной ногой в могиле,— буркнул Сараби.

— Но голова у него, кажется, умнее, чем у многих,— Александр недовольно сдвинул брови.— Лучшей кандидатуры в районе я не вижу.

— Я что? Я о том, что он в преклонных годах,— пролепетал Сараби.— А так...

— А я против,— нетерпеливо вставил Майрам.— Ничем особенным Аузби не отличился.

Лицо Александра медленно багровело.

— Говоришь, ничем особенным не отличился? Короткая же у тебя память, товарищ председатель райисполкома. Мне даже неудобно возражать тебе. То же самое, думается, испытывают и остальные члены бюро. А его участие в революции? А в гражданской войне? Или ты забыл даже то, что Аузби благословил своих пятерых сыновей на ратный подвиг?

— Призвали бы и без его напутствий.

— Но ведь ты тоже мог выступить с заявлением, чтобы и тебя отправили на фронт?

— Если на то пошло, то и ты не очень рвался туда,— вскочил с места Майрам.

Как ни странно, обидные слова Майрама совершенно не задели Александра, и он спокойно сказал:

— А вот и рвался. И заявление подавал. И на пленуме, где меня выбрали секретарем вместо Дебола, просил отправить на фронт. А ты и там набрал в рот воды.

— Да ладно, будет вам,— поднял руки второй секретарь райкома Роман Иванович.

— Прошу прощения,— извиняющимся тоном сказал Александр,— погорячился... Перейдем к делу. Ставлю на голосование кандидатуру Аузби. Кто за, прошу поднять руки. Кто против? Никто. Кто воздержался? Двое. Ну, а шестую кандидатуру определит обком партии...

* * *

Когда на общем собрании членов колхоза «Иристон» по выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета рес-

публики Дзаххот назвал имя Аузби, его слова потонули в буре аплодисментов.

Выступили многие, а желающих сказать было еще больше. Мурат подробнейшим образом записывал все речи. И отпечатать протокол на машинке тоже должен был он. Но где взять машинку? Их в районе всего три. И свободной оказалась машинка только у Сараби. Туда и посоветовали обратиться ему в райкоме партии.

Мурату не приходилось бывать в этом здании, и он как-то несмело шагнул через порог. Но тут его остановил грозный окрик:

— Стой! Ты куда?

— Мне к Сараби.

— Он сам тебя вызывал?

— Нет. Но... меня направили из райкома партии отпечатать на вашей машинке протокол собрания,— сказал Мурат и решил, что теперь он может идти беспрепятственно, но не тут-то было.

— Стой! Ишь, какой прыткий,— дежурный, прокрутив ручку телефона, доложил: — Товарищ начальник, к вам просится какой-то паренек. Говорит, что из райкома прислали отпечатать протокол, пропустить? Хорошо.

Мурат, пройдя по коридору, миновал несколько дверей и только тогда оказался в приемной начальника. Здесь со скучающим видом сидела рыжеволосая симпатичная девушка. Он объяснил ей цель своего прихода. Та, ничего не сказав, прошла в кабинет и, вернувшись через довольно продолжительное время, жестом пригласила войти.

Мурата удивило богатое убранство кабинета. Чего только здесь не было: ковры на полу и стенах, радиокомбайн, стеллажи с книгами, старинные колченогие мягкие кресла, обшитые темно-красным бархатом стулья. Такого кабинета ни у одного ответственного работника района, кажется, не было.

В наглухо застегнутом кителе Сараби сидел в кресле за массивным дубовым столом и с видом крайней занятости просматривал какие-то бумаги, ворохом лежавшие перед ним. Мурат поздоровался. Сараби не спеша поднял голову и, словно впервые видя Мурата, недоуменно уставился на него. Выпятив нижнюю губу, резко спросил:

— Что скажешь?

— Принес протокол, чтобы...

— Что за протокол?

— Собрания, где Аузби...

— Аузби, Аузби! Нашли мне тоже... Только и годится, что... Да и ты упрямый, как осел. Самовольничаешь...— Сараби устремил на Мурата насмешливый взгляд.

— Я не понимаю...

— То, что ты меня не понимаешь, это я тоже понимаю. Ты забыл, что я тебе велел недавно?

— Наверно, забыл.

— У тебя не память, а дуршлаг.

— Да, я вообще-то забывчивый.

— Ты не строй из себя дурачка, другие постараются это сделать. Я велел тебе не писать о хлебопекарне. А ты? Почему ослушался? А как вел себя, когда мы обсуждали твой фельетончик? Худо ты, парень, кончишь, смотри.

— Но я правда забыл.

— Как это — забыл?

— Вылетело из головы. Со мной такое случается. Бывает, что напрочь забываю даже поручения Александра...

— Александра! А что он, бог и царь?

— Не бог, но наш руководитель. В районе самый главный.

— Ха-ха-ха! Самый главный! Да ты, я вижу, и впрямь какой-то... Тебе известно, что у меня оклад в два раза больше, чем у твоего Александра? И что полномочия, которыми я облечен, твоему Александру и во сне не снились, а? — Сараби откинулся в кресле.— А?

— Я не знал, что у тебя зарплата такая большая. Теперь буду иметь в виду. Впрочем, оклад ни о чем еще не говорит. Что же касается полномочий, то ты должен ловить шпионов, выявлять врагов, а в остальном...

— А все остальное меня не касается, хочешь сказать? И твои делишки тоже не входят в мою компетенцию, а?

— О, чуть не забыл: ты же член бюро райкома, и, значит, я обязан слушаться тебя...

— Бюро! Бюро! Я сам бюро! И тебе, и всем, всем! Потому и сижу здесь.

— Ну и сиди на здоровье, только разреши воспользоваться вашей пишущей машинкой.

— Ты еще и грубишь! Мальчишка! Сейчас я тебе покажу,— Сараби схватил трубку телефона. Через минуту в дверях вырос старший лейтенант.

— Вот этого болтуна, находку для шпионов и ротозея, отсюда не выпускать до моего особого распоряжения,— сказал Сараби и резко мотнул головой — лейтенант вышел. Сараби взял авторучку и как ни в чем не бывало стал заниматься своими делами.

Мурат растерялся. Кажется, Сараби не шутит, дело и в самом деле принимает серьезный оборот. Он через силу улыбнулся:

— Я думал... А ты...— «А ты, оказывается, надутый индюк»,— готово было сорваться с его языка, но он уже не посмел. А Сараби буравил его взглядом.

— Ну, ну, продолжай.

— Я — что, я — ничего,— упавшим голосом сказал Мурат.

Сараби пожалел, что связался с таким недостойным противником. Нашел, кому доказывать свою власть.

— Ладно, иди и стучи пока. В следующий раз не очень-то петушись,— сказал он и вновь углубился в изучение бумаг.

Кончив печатать, Мурат не без боязни шел к выходу: а вдруг Сараби не отменил своего приказа и его действительно задержат? Но его никто не остановил.

* * *

Избирательные участки разместились в школах, в клубах, в правлениях колхозов. Народ пришел в движение, засуетился; словно обставляя собственное новое жилье, несли сюда все самое лучшее из дому — ковры, скатерти, керосиновые лампы — у кого что было...

Никто не ожидал особого приглашения. Управившись с хлопотами по дому, люди сами спешили на избирательные участки, где проводилась то лекция, то читался доклад, то состоялась встреча с кандидатом в депутаты. И почти каждый день непременно— вечер танцев. Мурату казалось, что народ наверстывает упущенные часы веселья, радости, о которой и забыть забыл в годы войны. Он понимал, где истоки происходящих событий, их корни, понимал все, что творилось в душе народа, и сердце его полнилось радостью и счастьем. Он все больше утверждался в мысли: есть то, что сильнее, важнее своего личного горя, личного несчастья и невзгод. Это — всенародное ликованье. Радость. И то охватившее всех чувство гордости, которое возвышает в собственных глазах. У народа, наконец, появилась возможность воздать должное и себе, и родной стране, и партии, и Советской власти.

До выборов оставались считанные дни. Была суббота. Мурат как секретарь участковой избирательной комиссии старался приходить чуть раньше других, если намечалось какое-то важное мероприятие, вот как сегодня: к ним прибудут для встречи с избирателями Дзамболат, кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, и Аузби, кандидат в депутаты Верховного Совета СО АССР.

К вечеру избирательный участок был полон народу. Парни и девушки затеяли танцы. На гармонике играла Мисурат— одна из лучших гармонисток села. В девичьи годы такой же славой пользовалась ее мать Дунетхан. Но у себя дома много лет ни она, ни мать не притрагивались к инструменту.

Мисурат, казалось, забыла обо всем на свете, увлекшись зажигательной мелодией танца. В круг вышли парень лет двадцати семи, увешанный наградами, и молодая учительница. При каждом движении на груди парня позвякивали

медали. Кто знает, может, за последние пять лет парень танцевал впервые и потому так лихо носился вокруг девушки...

А народ все прибывал. Вошли Аузби и Татари, следом появились Госама и Фатимат с группой женщин-соседок. Мисурат, увидев вошедших, прервала свою игру. Аузби поздоровался со всеми, попросил:

— Играй, мое солнышко, играй. Я в свое время под игру твоей матери танцевал не на одной свадьбе! Теперь ваша очередь.

Одна пара танцующих сменяла другую, только гармонистка, словно радуясь тому, что наконец-то может играть вволю, весело перебирала клавиши. Мурат даже пожалел ее. Некоторое время он украдкой наблюдал за Мисурат. Она в ответ радостно улыбалась ему, как бы спрашивая: ну, что скажешь, берет за душу?

Наконец, у избирательного участка остановилась легковая машина. Из нее вышли Александр и Дзамболат. Молодежь высыпала им навстречу...

Ночью разыгралась метель. Еще задолго до начала выборов в домах стали зажигаться огни. Из труб, смешиваясь с потоками снега, повалил густой дым. Прошло еще некоторое время, и люди в одиночку и маленькими группками направились к избирательным участкам.

А Мурат и вовсе не уходил домой. В полночь, придвинув старый продавленный диван поближе к «буржуйке», он, не раздеваясь, завалился спать. Проснулся от холода, железная печь остыла. Настенные часы пробили пять. Мурат вскочил и выбежал на улицу. Метель утихла. Вокруг мерцал свежевыпавший пушистый снег. Мурат растер им руки, провел мокрыми холодными ладонями по лицу,— сон окончательно пропал. Из-за угла послышались голоса, и он поспешил зажечь керосиновые лампы.

Уже к половине шестого на участке стало многолюдно. Кто-то поставил на стол перед членами избирательной комиссии круглый поднос с традиционными тремя пирогами, вареной курицей и объемистый кувшин с пивом.

Право проголосовать первыми предоставили Татари и Госама. Люди подходили к длинному столу, за которым выдавали бюллетени. Они брали их, проходили в соседнюю комнату, где находились кабины для тайного голосования. Но туда почему-то никто не заходил, а полученные бюллетени опускали в урну, которая была здесь же.

24

— Взять тебя под руку? Вдруг невзначай оступишься, — говорил Мурат, за полночь повожая Мисурат с торжественного вечера выпускников. Все, что нужно было для газеты, он уже записал и, улучив момент, они незаметно ушли.

Девушку не смутило предложение Мурата, но она все же ответила:

— Я не столько выпила пива, чтобы у меня кружилась голова...

— Голова много от чего может кружиться.

— Например?

— Нет, ты позволь держать тебя за локоть, а то, чего доброго, вдруг от моих слов и в самом деле закружится твоя голова,— и он в первый раз дотронулся до руки девушки. Мурат почувствовал, как кровь мгновенно прилила к лицу. От прикосновения парня обдало жаром и девушку. Оба смущенно потупились и некоторое время шли, не проронив ни слова.

Они прошли мимо переулка, который как раз вел к дому Мисурат. Она, казалось, и не заметила этого.

— Тебе понравился вечер? — спросила девушка.

— Кажется, вашему директору не хватило слов, чтобы рассказать о всех твоих достоинствах.

— То — директор. А тебя-то сам секретарь райкома превозносил до небес.

На торжественном собрании выступил и Александр. Рассказав о многих выпускниках школы, упомянул и имя Мурата, вспомнив, как тот бежал в партизаны, как они встретились с диверсантами.

— Школу я закончил три года назад, и нечего было говорить обо мне.

— Видимо, чувствуешь, что не такой ты и храбрый.

— Конечно, а то бы обнял тебя...

— Это уже не смелость, а наглость.

— Мисурат, ты в кино никогда не была? — спросил Мурат и, повернувшись к девушке, неожиданно коснулся губами ее щеки. Она не отстранилась, не разозлилась, не вскрикнула. И тогда он набрался духу и поцеловал ее в губы.

Девушка оторопела.

— Ты обиделась на меня?

— Ишь, осмелел... Не надо так больше. А я через неделю уезжаю в Москву... к старшей сестре...

— В гости?

— Учиться.

— Учиться?!

— Да...

Мурат долго ничего не мог выговорить.

— А почему, почему не в Дзауджикау?

— Не знаю,— она пожала плечами,— сестра к себе зовет. Через два года вернусь учительницей.

— Вернешься? Сюда?

— А куда же еще? Единственная мать... Еще...

— Еще... кто?

— А если бы ты уехал куда-нибудь, что, не вернулся бы обратно?

— Ну, что ты...

— Почему?

— Родное село, престарелые родители... И еще...

— Что еще? Или...

— Ты! Ты еще! — И он, подхватив ее, закружил.— Будешь мне писать?

— Буду...

— Одному мне?

— И Дунетхан. Подружкам...

— А из ребят?

— Ни одному...

— Поклянись.

— Клянусь. Единственной сестрой...

* * *

Первый раз уезжал Мурат из родного дома. И не на один день, не на два — на целых четыре года. Конечно, если выдержит вступительные экзамены.

Фатимат сбилась с ног, стараясь ничего не забыть такого, в чем сын будет нуждаться на первых порах в городе. Выстирав его единственную выходную рубашку, погладила, вычистила брюки и пиджак, сшила ему новые тряпичные чувяки, вырезав подошвы из автомобильной шины, предварительно размягчила ее в кипящей воде, чтобы как-то выпрямить. Однако носки чувяков все равно задирались, как у арчита — дедовской обуви из сыромятной кожи.

Благословили в путь двумя семьями. Аузби дал ему десять червонцев. Татари от себя добавил столько же — это помимо тех ста пятидесяти рублей, что нашлись у матери.

Мурат и его школьный товарищ Тузар поселились в одной комнате студенческого общежития. До экзаменов оставалось еще два дня, и они бродили по городу. Мурату нравились радостно оживленные улицы. Он помнил, что в войну Дзауджикау походил на покинутый жителями прифронтовой город, тусклый и мрачный. Теперь на улицах, особенно на проспекте Сталина, полно жизнерадостной молодежи, многие в военных гимнастерках, но без погон и наград. Встречались и при всей форме и регалиях, но этих было намного меньше.

К их приходу свободная кровать в комнате была уже кем-то занята. Они удивленно переглянулись. Тузар обратил вни-

мание Мурата на небрежно брошенные поверх постели два боевых ордена, а, заглянув под кровать, увидел желтый кожаный чемодан.

— Генерал,— сказал Тузар.— Чемодан заграничный. Я такие видел только в кино.

— Генерал-неуч? Бери ниже... Ефрейтор.

Отворилась дверь. Вошел высокий, крепко сбитый парень в гимнастерке и галифе. Лицо смуглое, смолистые и кудрявые волосы. Но не осетин. Что-то знакомое почудилось Мурату в его удалом взгляде.

— Что, тагардонцы, своего не признаете? Тузару еще простительно, а тебе, Мурат, ни во веки веков!

— Георгий!? — воскликнул Мурат.

— Я самый. Гвардии младший лейтенант Георгий Васильевич, сын друга кузнеца Татари Василия Петровича. Эх, вы, новобранцы.

Георгий стреб обоих в свои могучие объятия.

— Только одну ночь и побыл дома. Заскочил и к вам.

Проговорили почти всю ночь. А утром, собираясь на первый экзамен, Мурат посоветовал Георгию надеть ордена.

— Нет уж... Будем ослеплять экзаменаторов блестящими знаниями, а не блеском орденов и медалей,— ответил Георгий.

Когда Георгий и Тузар вышли с экзамена, Мурат мог и не спрашивать их, как они сдали: все было написано на их счастливых лицах. Он, как в школе, попросил разрешения войти. Не в силах унять дрожь, он предстал перед экзаменатором. Тот, кивнув на билеты, остановил свой взгляд на его покалеченной руке. Мурат взял билет и сел за первый стол. стол.

— Пальцы на войне потерял?

Мурат покраснел. Отвернувшись, буркнул:

— Я не был на войне...— Мурат не хотел рассказывать подробности, получилось бы, что он оправдывается. С некоторым замешательством он начал отвечать на первый вопрос билета. Говорил словно бы нехотя, упорно глядя в сторону.

Мурату показалось, что экзаменатор его не слушает, и он пришел в еще большее замешательство. «Наверное, несу какую-то околесицу»,— подумал и замолчал.

— Ты комсомолец? — спросил экзаменатор.

— Нет... Выбыл...

— Исключили?

— Нет...

— А чем ты занимаешься? Работаешь в колхозе?

— Да...

У Мурата пересохло во рту. Достал из кармана белый носовой платок, подаренный ему Мисурат, вытер лоб.

Сердце сжалось от обиды. «Какими глазами я посмотрю на Татари, Аузби, если провалюсь... Опозорился вконец»,— сума-

тошно думал он. Поднял несмелый взгляд на экзаменатора. Мурату показалось, что вместо него на стуле восседали два огромных глаза.

— У тебя еще есть, что сказать?

Мурат сидел как глухонемой.

Громадные глаза взорвались смехом.

— Тогда ты свободен,— услышал Мурат. На стуле сидел обыкновенный земной, но ученый человек.

У Мурата кружилась голова. Спотыкаясь, неверной походкой вышел на улицу. И чуть не угодил под машину. Он испуганно вздрогнул, когда она взвизгнула тормозами.

— Парень, ты откуда такой рассеянный бредешь? — услышал он знакомый насмешливый голос.

Мурат вскинул голову. Райкомовский «виллис». Рядом с шофером — Александр.

— Что с тобой? На тебе лица нет.

— Ничего,— упавшим голосом отвечал Мурат.

— Смотри мне в глаза! Где ты был? Не с экзаменов ли ты?

— Да...

— Ну и что? Сел в лужу?

Мурат не знал, что ответить.

— А живешь где?

— В общежитии...

— Тогда иди пока, отдохни и готовься к следующему экзамену. Не унывай и ничего не бойся. Если сам не смогу, все равно кто-нибудь навестит тебя,— обнадежил его Александр и махнул шоферу.

Когда машина отъехала, Мурат, точно разыскивая что-то, огляделся, потом направился в сторону проспекта. Потихоньку пришел в себя. «Как это получилось? Как такое могло случиться? Ладно бы, допустим, по физике или алгебре там... Но история... Что мог подумать обо мне Александр? Только появлюсь в дверях редакции, и Мацико, вытянув свою журавлиную шею, проворчит: «Говорил же я тебе, чтобы тихо сидел на своем месте?» Конечно, он опять начнет работать — благо, место его еще никем не занято. Навстречу шли две нарядно одетые молоденькие девушки. Вдруг одна что-то шепнула на ухо другой, и обе громко расхохотались. Мурата как кипятком ошпарило. «Над чем они смеются? Может, знают, как я мямлил на экзамене? Или мои чувяки их рассмешили?»

Злой, голодный, Мурат шел, сам не зная куда. И вдруг как из-под земли перед ним вырос Камболат. «Только тебя мне не хватало»,— в сердцах прошептал Мурат и хотел перейти на другую сторону улицы, но голос Камболата уже рокотал над ухом:

— Браток! Мурат! Как ты вырос! Здравствуй, дорогой. Я тебя издали узнал и понесся к тебе...— Камболат утер шею и

лицо шелковым носовым платком. Такой же сытый, такой же самодовольный, тот же пронизывающий взгляд холодных умных глаз — время щадит таких, не властны над ними годы...

Мурат выдавил из себя:

— Здравствуй...

— Мурат, не сойти мне с места, если для меня не великая радость лицезреть тебя живым и здоровым. Не спрашиваю, откуда идешь и куда идешь. Все это разузнаю дома. Пошли, пошли!

— Я... Это... Мне... — попытался отвязаться от него Мурат, но Камболат, обняв его, повлек за собой, не переставая говорить:

— И слушать ничего не желаю. Узнает Косерхан, что я, встретив тебя, не привел в дом,— житья мне не станет. Не жена, а пила! Но тебя она очень любит. Не меньше, чем двух своих сыновей.

Не доходя до Терека, свернули в переулок, и Камболат толкнул калитку ворот одного дома:

— Входи в бедное жилище горца. Не оглядывай так придирчиво дом — пока временная сакля. Всего пять комнат. Но двор, видишь, широк, как ипподром—строй и строй. На мой век и этого достаточно. Надумают младшие строиться — есть, где развернуться. Зачем ты чувяки снимаешь? Иди, иди, не в церковь входишь, а в свой дом.

Первое, что бросилось в глаза Мурату, когда он переступил порог, это огромный портрет Сталина.

— На Сталина смотришь? Э, он гигант! Жаль, нет звания выше, чем генералиссимус. Надо бы маршалиссимус! Крепкий мужик. С кем Гитлер сразился, дурачок? Многие недопонимали Сталина, но после войны таких уже не осталось. Если где и забилась в угол какая сволочь — пусть пеняет на себя! Иди, иди по ковру, он для того и расстелен на полу, чтобы по нему ходить. Нас не будет, а ковры еще будут. Это у нас гостиная... Правда, большая? А то как же иначе? Младшие ладят с людьми, приходят уважаемые гости — и не тесно, и не обидно...

Следом за ними в комнату вплыла жена Камболата. Такая же моложавая. Только как будто ее большие глаза стали чуть меньше, может, оттого, что она располнела. Мурат впервые увидел ее года два тому назад, когда она проездом в горы с сыновьями и Камболатом заехали к ним в Тагардон.

— О очаг мой, Мурат? Здравствуй! Где это вы встретились? Ты из села? Как там ваши? Вид у тебя какой-то усталый...

Мурат мягко пожал пухлую руку хозяйки.

— Я только что с экзамена. В педагогический институт поступаю.

— Молодец, я рада за тебя. У тебя есть способности, надо их...

— Надо его накормить, человек ведь сказал, что только что с экзамена,— Камболат вежливо прервал восторги жены.

— Я сыт, спасибо, ничего не нужно.

— Мурат, ты хоть и ученый, но обычай осетинского стола я как-нибудь знаю лучше тебя. Пусть будет проклят тот дом, который от всей души не приветит гостя.

— Я же не гость...

— Молодец. Хорошо заарканил на слове. А на какой ты факультет настроился?

— Исторический.

— Молодец! Историю надо знать назубок! Вот наши предки... Это были настоящие мужчины! Такие, что сами грузинские эристави приходили к ним на поклон, прося помощи против турок и разных турков. Да, да! Я и сыну твержу, что, если он такой ученый, книги все сочиняет, пусть напишет историю нашего славного рода. Я говорю о младшем. Он в Москве... А старший... Тот книги не очень жалует, некогда, говорит, за делами. А что? Он прав: одни дела делают, другие об их делах пишут книги. Он правая рука министра, работы у него ой-ой. Да, ты тоже молодец. Я получаю «Растдзинад». Читал твои рассказы. И младший наш хвалит тебя. Нашему роду и писатель не помешает. Молодец...

Хозяйка поставила на стол бутылку вина, отварное мясо, топленое масло к уалибахам, свежие помидоры и огурцы. У Мурата невольно потекли слюнки, и он поспешно отвернулся. Глядя на богатое убранство дома, он думал о превратностях человеческой судьбы. Отец всю жизнь работал, не разгибая спины, работала и мать, а в доме у них... Камболат и в тюрьме побывал, и где-то околачивался в войну, наверное, у него и трудовой книжки-то нет, а дом — полная чаша. Еще и поносил, на чем свет стоит, Советскую власть, радовался скорой победе немцев. А он сидит и слюнки глотает, глядя на его стол. Дурак! Идиот!

— Камболат, я пойду. Обещал товарищам, что...

— Мурат, разве в свой колодец плюют? Разве ты сын такого отца? Как прикажешь истолковать твое поведение, что я скажу моему брату Татари? Мы к тебе со всей душой, а ты... Нет, брат, жизнь сложная штука. Она идет зигзагами, не прямо, как рельсы идут. Я понимаю, ты не забыл наши разговоры там, в горах. Но, как говорили предки, попал к волкам — вой по-волчьи, не то примут за собаку и раздерут. Я многое испытал. И незаслуженно. Нелегко мне сразу перестроиться, поостыть, простить и забыть. И кто мне тогда доказал, что я заблуждаюсь? Сталин! И весь наш народ. Не сладко ему живется и теперь, а посмотри, как работает! Не чужая,

родная по кости и крови власть. Ты не обижай меня,— Камболат разлил вино.— Я пью за твои успехи, за будущее Осетии, за будущее всей страны, за здоровье нашего великого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. С ним — в огонь и воду. Это не человек, это сам святой Георгий Победоносец! — Камболат выпил, захрустел огурцом.— Пей, пей! За такой тост тебе, коммунисту, нельзя не выпить.

— Я вообще не пью...

— Молодец, тогда ты молодец. В таком случае ешь, не стесняйся. Тебе нужны силы, ты еще молод. А жизнь — горная буйная река, слабых сносит, сбивая с ног.

«Может, я действительно зря дуюсь и злюсь на него? В те дни трудно было без внутренней опоры не пошатнуться, а особенно тому, кто колебался, не зная, к какому берегу ему пристать», — думал Мурат.

«Камболат ведь далеко не Азанбег, просто болтал языком... Да и в заключении ожесточился, наверное. Был бы в чем виноват, разве бы его сына назначили на такую высокую должность, другому дали стать ученым?.. Глупо веду себя, глупо...»

* * *

Бимболат работал в своем домашнем кабинете. Перед ним стопкой лежали книги — труды историков, начиная от Древней Греции и кончая работами профессора Никитина, не только его современника, но и близкого товарища. Свободно текли мысли Бимболата, ручка с золотым вечным пером безостановочно оставляла свои следы на белой разлинованной бумаге. Легко писалось доценту педагогического института, кандидату исторических наук Бимболату Арсамагову — он работал над очередным своим трудом «Потомки нартов в Великой Отечественной войне».

«...Героические сыны Осетии, те, у которых течет в жилах кровь нартского народа, которые через многие века пронесли качества своих далеких мужественных предков, по зову партии Ленина поднялись и в боях против коварного врага под руководством великого Сталина показали нартскую храбрость. Потомки нартов...»

Зазвонил телефон. Бимболат недовольно заворчал и поднял трубку. Послышался звонкий голос молодой женщины:

— Пожалуйста, подождите немного. Я сейчас свяжу вас...

И тут же заговорил мужчина:

— Это Бимболат? Доброе утро! Прошу прощения, наверное, оторвал от работы...

Бимболат по голосу узнал Александра. Его бывший студент, ныне первый секретарь райкома партии, минувшей зимой избран депутатом Верховного Совета республики.

— О, привет, друг мой! Где ты пропадаешь, почему тебя так долго не слышно было? Как у тебя дела? — Бимболат рад был поговорить с ним.

— Спасибо, все хорошо. По мере сил стараюсь подражать лучшим из людей,— отвечал тот.— Бимболат, у меня к тебе просьба личного порядка. Неотложная. Когда я нуждаюсь в помощи, то всегда стучусь в твою дверь, незабвенный учитель мой...

— Пожалуйста, пожалуйста... В помощи, говорят, и сам Христос испытывал нужду. Люди друг другу и строят жизнь, и ломают. Нарты тоже потому погибли, что...

— Те, кто не предает забвению славу нартов, и сами не менее мужественны.

— Какие мы мужчины... Однако, слава богу, бумагу марать научились. Вот мучаюсь над новой книгой. То, что нарты были настоящими героями, еще раз свое подтверждение нашло на этой войне. Не всех осетин, быть может, отличает такое мужество, но то, что выходцы из нашего ущелья ближе всех стоят к нартам — это уж точно.— Бимболат услышал смех Александра и сам расхохотался.— Смех смехом, а ты посчитай-ка, сколько наших ущельцев награждено орденами, стали героями, и сам убедишься в этом.

— Мне такое и в голову не приходило. Но если все наши земляки были такими же воинами, как ты, Бимболат, то...

— Я что... Подумаешь, майор. А вот...

— Не скромничай, учитель! Пять орденов и семь медалей сами за себя говорят.

— Дело не в званиях и наградах, дорогой.

— И в них — тоже. Я горжусь таким земляком.

— Спасибо. Да, вот о чем хотелось сказать тебе в связи с моей книгой. Наука оперирует фактами, и не просто фактами, а достоверно установленными. Нартские сказания есть и у других северокавказских народов, и у абхазцев тоже, но первоосновой нартского эпоса следует считать наши сказания. У нас, у осетин, они во всех отношениях наиболее совершенны... А то некоторые из наших начинают сдавать позиции. Я в нигилисты не хочу записываться...

— Кто бы спорил, только не я,— сказал Александр.— Тем более, что нам надо помочь одному из потомков нартов. Короче, в нашем районе работает очень хороший парень. Отца его, кузнеца Татари, ты знаешь. Парень и в школе учился прилично. Сейчас он ваш абитуриент. Вчера я его встретил и, кажется, он неважно ответил по истории.

Бимболат медлил с ответом, и тогда Александр торопливо добавил:

— Знаю, обременяю тебя, но...

— Понял тебя. Не беспокойся, сделаю все, что будет в моих силах. Где искать твоего Батрадза*?

— Его звать Муратом, а живет в общежитии, что во дворе института.

— Доверь его судьбу мне.

— Вы не пожалеете, не раскаетесь, что приняли его: я ни секунды не сомневаюсь в том, что из него получится настоящий человек. Только вот очень стеснительный, и, может, потому...

— Александр, если мое слово возымеет действие, то считай его студентом.

— Благодарю тебя заранее.

— Всего доброго тебе,— Бимболат, опустив трубку, взглянул на часы. Было ровно двенадцать. Он открыл дверцу тумбочки, на которой стоял телефон, и достал початую бутылку армянского коньяка, серебряную рюмку вместимостью не более двух наперстков, наполнил ее и выпил одним глотком. Это знакомый врач посоветовал ему употреблять перед едой такую дозу — для улучшения работы сердечной мышцы.

Бимболат перешел в гостиную, просторную и богато, но со вкусом обставленную. Он любил жить нестесненно. «Научный работник должен быть свободен от забот о хлебе насущном, об одежде и другой бытовой мелочи»,— не раз говаривал он не только в семейном кругу, но и среди своих коллег. Жена Марина полностью разделяла его мнение.

В столовой Бимболата уже ждал накрытый стол. На белой скатерти был разложен позолоченный чайный сервиз, в блюдце лежали яйца, ломтик черного хлеба, сливочное масло. Из кухни в цветастом переднике вышла Марина.

— Парень, тебе предписан строгий режим, а ты сплошь и рядом нарушаешь его. Опять, кажется, увлекся с кем-то разговорами о нартах.

— Двенадцать часов,— я пришел минута в минуту. А звонил Александр, из района.

— Твой бывший студент? Он мне нравится, и не только одной мне... По всей вероятности, он метит в наши родственники...

— Что ты имеешь в виду?

— Насколько я знаю, у меня есть золовка, а у тебя сестра. Незамужняя. Звать ее...

— Мадинат?! Я тебя не понимаю.

— А что тут понимать? Не век же ему куковать в холостяках.

— Мадинат? — Бимболат растерялся.

— Если человек по душе, то пойдешь и десятой. Да и Мадинат осталась засватанной. Не сойти мне с места, если бы я

---

*Батрадз — один из центральных героев нартского эпоса.

за тебя и сто первой женой не пошла! Впрочем, кто знает, может так оно и есть на самом деле. С мужчины — как с гуся вода, никаких следов не остается.

— Не скажи... Следы остаются — на сердце шрамы.

Бимболат боготворил свою единственную сестру, но... второй женой? Эта мысль была неприятна ему.

— Ему всего-навсего тридцать семь лет. Видный, и умом, слава богу, не обделен. Характер покладистый. С женой ведь, не поссорившись, расстались... Да и жили всего-то ничего. Еще друг друга и узнать как следует не успели.

— Тебя, случаем, он в свахи не нанял? — усмехнулся он, но про себя не мог не согласиться с доводами жены, не признать ее правоты. «Вовсе не дитя и моя сестра. Двадцать восемь... Ей ведь тоже не вечно присматривать за родителями. Конечно, они очень в ней нуждаются, однако... Может, тогда станут сговорчивее и согласятся переехать ко мне в город, а так и заикнуться не дают. Александр, Александр... В зятья метишь, значит... Что ж... Что было — видели, что и как будет — тоже поглядим».

Бимболату грешно было бы жаловаться на свою судьбу. Среди молодых научных работников его считали одним из наиболее перспективных. Над кандидатской диссертацией он начал работать еще до войны, но не успел завершить. Профессор Никитин, его научный руководитель, был доволен своим учеником. Бимболат на титульном листе вышедшей этой весной книжки написал : «В знак большой признательности этот скромный труд автор посвящает Сергею Семеновичу Никитину». Учитель был благодарен ученику, ученик отвечал учителю своему тем же. Об их взаимоотношениях знали многие, и среди этих многих, естественно, нашлись и завистники. Иначе откуда было взяться слухам, что-де Бимболат вышел в люди исключительно благодаря Никитину.

Бимболат не забыл о просьбе Александра. По его дружескому звонку декан исторического факультета велел отыскать и вызвать к нему Мурата. Тот незамедлительно явился.

— Может, ты чем остался недоволен? — спросил декан.— Не было в моей практике случая, чтобы я чьи-то знания по истории оценил выше четырех баллов...

— Нет... Я не в обиде... Спасибо...

— Мне звонил Бимболат, сказал, что я обижаю его односельчанина.

— Бимболат?! Я ему ничего не говорил. Даже не видел его... — Мурат не стал уточнять, что он даже не знаком с Бимболатом. «Это Александр, некому больше хлопотать за меня»,— подумал он и потупил взор.

Сдавать другие экзамены Мурату было уже легче, и он стал студентом исторического факультета Северо-Осетинского педагогического института.

25

Мурат и его товарищи сидели в своей комнате. Если студент сыт, пусть одной водой и хлебом, а до сессии еще далеко, то дай ему только с кем-нибудь схлестнуться в споре. О чем бы ни было — предмет спора не столь уж важен, ибо студент сведущ во всех областях.

В комнате было накурено так, что, как говорится, хоть топор вешай. Спор зашел о древней Спарте. Теперь уж не выяснить было, кто первым затеял его. Скорее всего, возник стихийно.

— У спартанцев бы я позаимствовал методы воспитания юношей, чисто физическое воспитание имею в виду, — говорил Георгий.

— Переносить законы жизни из эпохи рабовладельчества в век социализма под силу только гениям,— торжественно произнес Тузар.

— Когда мой отец хочет выковать какой-нибудь колюще-режущий предмет,— задумчиво начал Мурат,— то, доведя железо до белого каления, сует его в студеную воду. Так закаляют сталь. И человек, не изведавший, что это значит — спустить семь потов, по-моему, не многого стоит.

— Как вы того в толк не возьмете, что каждая общественная фармация вырабатывает свои традиции и законы? — вразумлял их Тузар.

— А почему бы и не перенять у прошлого то, что по всем меркам считается хорошим? — не отступал Георгий.

— Новое время — новые песни, то бишь, порядки,— не унимался и Тузар.

— Значит, наше время такое, что и умываться не нужно по утрам?

— А что, я не умываюсь, хочешь сказать?

— Именно это. Ты только плеснешь на лицо, помоешь вокруг носа — и все. А спартанцы окатывали себя колодезной водой.

— Ну и на здоровье.

— Согласно твоей теории, нужно отбросить все, что досталось нам от прошлого,— заводы, железные дороги, жилые дома, литературу, музыку... Все заново перестроить, переписать?

— Не утрируй, я этого не говорил.

— Георгий, вспомни слова Ленина на Третьем съезде комсомола: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

— Да, это, во-первых,— подхватил Георгий,— а во-вторых... Я сам на себе испытал... Жалковато выглядели на войне разные неженки, маменькины сынки. Один случай мне на всю жизнь запомнился.

Я служил с одним нашим земляком. В одной роте были. Как-то нас вдвоем послали в разведку. Ушли вдвоем и вернулись вдвоем, да только вместо земляка со мной был... немецкий ефрейтор, которого я взял как «языка». Короче говоря, я до сих пор не знаю, что стало с земляком нашим. Мне за него крепко досталось, как же так, говорили, я не знаю, куда он делся. Имени его я вам не скажу, чего не бывает...

— Мой отец тоже часто вспоминает, что закаленные в жизненных испытаниях люди на фронте отличались большой выносливостью, редко когда плошали.

Наконец, легли спать. Когда потушили свет, Георгий спросил Мурата:

— Махнем в воскресенье домой? Заскочим к нам. Ты же знаешь, какой борщ готовит мама. А жаренная на сале картошка? Не разыгрался у тебя еще аппетит? Ну что, заглянем к нам?

— Как это — мимо нашего дома пройдем?

— А уалибахи будут? Пиво?..

— Пиво? Будет, нана сварит его на плите. Черное пиво.

— Ой, оставь, слюнки аж текут. Ну, давай спать. Добрых тебе сновидений.

* * *

Измучили вконец Мурата эти черные глаза! Стоит ему проснуться и среди ночи, как ему мерещится Мисурат.

В летние каникулы Мурат часто навещал своих однофамильцев, живущих на одной с Мисурат улице. У Дзалиго, потерявшей на войне мужа, остались на руках двое детей — дочь Чабахан, ровесница Мурата, и сын, еще школьник. Чабахан училась в медицинском институте, и они с Муратом часто возвращались вместе из села в город.

Однажды Мурат, идя к родичам, увидел издали: какая-то высокая девушка в белоснежной панамке шла с двумя полными ведрами. «Мисурат приехала!» — радостно екнуло сердце Мурата. Он застыл на месте, потом чуть ли не бегом побежал к ней. Она улыбнулась ему глазами, показала на двух приближающихся к ним женщин и, подхватив свои ведра, быстро-быстро засеменила к дому.

В то лето брат Чабахан получил аттестат зрелости, и Дзалиго думала справить пирушку. Она наказывала Мурату:

— Непременно скажешь Татари и Фатимат, что мы ждем их. А тебе самому надо будет прислужить. Дети в тебе души не чают, не знаю, чем ты их так пленил...

В назначенный день Мурат явился к ним ни свет ни заря.

— Дочь Дунетхан уже прибирает двор, пока помоги ей,— велела ему Дзалиго.

Напоминать второй раз Мурату не было нужды — тут же очутился возле Мисурат.

— И ты здесь? — спросил он, скрывая радость.

— Нет, я не здесь.

— Поздравляю тебя с окончанием... первого курса.

— С поздравлениями приходят домой...

— Знаю, но не решился... Только и осмеливаюсь, что пройти мимо вашего дома.

— В твои годы не к лицу шататься попусту...

Перед Муратом стояла девушка на выданье.

Чуть продолговатое лицо ее было слегка напудрено, и это придавало ей еще большую привлекательность. На тонкой белой шее переливались перламутровые бусы.

Мурат поспевал всюду, не ведая усталости. Отец и мать и не подозревали, что он такой сноровистый. Фатимат высказала свое удивление Дзалиго:

— Мурата словно подменили. Кажется, парня коснулся крылом какой-то добрый ангел. Ни у кого еще он так самозабвенно не прислуживал.

Чабахан, услышав слова Фатимат, со смехом бросила: «Когда я слышу твое пенье, у меня к работе рвенье!»

Женщины переглянулись. Фатимат спрашивала взглядом: «На кого это намекает твоя дочь?» Мимо них проплыла Мисурат, легко и изящно неся два полных ведра воды. Чабахан громко шепнула на ухо Фатимат.

— Вот и она, ваш добрый ангел.

Фатимат уставилась на девушку.

— Убей бог, не признаю, чья она...

— Младшая дочь Дунетхан.

— О очаг мой! Совсем памяти не стало. Ну и красавица!

Фатимат весь день не спускала с нее глаз. Все нравилось ей в Мисурат: ловкая, умелая, улыбчивая, мягкая в разговоре.

Улучив минуту, Татари сказал ей:

— Женщина, что-то глаза твои подозрительно бегают.

— А ты вот стоишь пень пнем.

— Ты куда это клонишь?

— Сын твой в женихи вышел, в женихи, и тебе не мешало бы хоть изредка присматриваться к девушкам.

— Охотно, если ты разрешаешь.

— Все, все, дорогой! Кончилась твоя скачка. Ты лучше незаметно так понаблюдай вон за дочерью Дунетхан. Запала она мне в самое сердце. И давно...

* * *

Во второй половине сентября резко похолодало. Северный ветер гнал черные лохмотья туч, и, прижимаясь к склонам, они сползали к самой земле. В один из таких неласковых дней

в кузове попутной машины Мурат ехал домой. Уже на полпути начал сеять мелкий холодный дождь. Он сошел на окраине и пока по вязкой грязи добирался до улицы, где жила Мисурат, весь промок и продрог до костей. Хотел остановиться, но даже взглянуть не посмел в сторону дома.

Мисурат стояла у окна и смотрела, как струйки дождя стекали по стеклу. Увидев Мурата, забарабанила по раме. Он повернулся на стук. Она несколько раз призывно махнула ему рукой, потом, накинув телогрейку, выбежала на улицу.

— Ты с ума спятил? Угораздило же человека в такую погоду... Иди в дом, а то скоро совсем посинеешь.

Мурат взбежал по лестнице, ведущей на веранду.

— А где ваши?

— Кто это наши? Я да дзыцца, так она у брата в Ольгинском. Он в тяжелом состоянии. Потому я и не уехала вовремя на учебу. Есть еще Абрек, гусь наш, но кто знает, где он шастает.

Мурат прошел в комнату. На него сразу повеяло чистотой и уютом, а, главное, теплом: чугунная печь так и пышет жаром.

— Скидывай одежду и немедленно в постель. Да, да, нечего таращить на меня глаза! — Мисурат говорила приказным тоном.

— Ты что?.. Я домой пойду,— словно испугавшись чего-то, сказал Мурат и невольно попятился.

— Умнее ничего не мог придумать?

— А вдруг зайдет кто?

— Кому это приспичило в такую непролазь ходить в гости?

— Могли увидеть, как я...

— Видели! — девушка, преградив ему дорогу к отступлению, стояла перед ним и насмешливо смотрела ему прямо в глаза.— Видели! Мои глаза! — Она громко рассмеялась, словно скрывая собственное лихорадочное состояние.

Мурат зачарованно глядел на нее. Она была в платье, подчеркивающем ее тонкую талию и бедра, из-под черных бровей дразняще блестели два черных уголька.

— Ты истуканом долго еще собираешься стоять? Если мне память не изменяет, ты, кажется, не зять пока этому дому...

Мисурат поставила на плиту полный чугунок воды. У Мурата удары сердца отдавались в голове, он никак не мог стянуть мокрые чувяки. Конечно, согреть ноги можно, это еще куда ни шло, но ложиться в постель в доме, где одинокая девушка...

— Слушай, парень, сказала ведь, что хватит хлопать глазами. Несчастные чувяки целый час снимаешь. Вода уже го-

рячая,— она опрокинула чугунок над тазиком, пододвинула его к ногам Мурата. Сама стала разбирать постель на одной из двух стоящих рядом кроватей.

Мурат опустился на стульчик и сунул ноги в таз. Она подала ему чистую тряпку.

— Вытрешь ноги, разденешься и — в постель. Я буду в смежной комнате. Смотри, чтобы я больше не уговаривала тебя.

Он еще раз изучающе взглянул на нее: нет, она не шутила. К возвращению девушки он был уже под одеялом Мисурат, блаженная прохлада чистой постели — все это казалось ему сном.

Мисурат развесила его одежду на спинках стульев возле печки, потом поднесла ему большую чашку с дымящимся мятным чаем.

— Выпей всю чашку. Если хорошенько пропотеешь, значит, твоя драгоценная жизнь вне опасности. Лечу тебя по методу Дунетхан — самому эффективному на свете. На себе не раз и не два испытала,—она, присев рядышком, ласково смотрела на исхудалое лицо парня.

Мурат маленькими глотками отпивал душистый чай, и по всему его телу разливался жар.

Мисурат молча сидела и ждала, когда он закончит пить. Опустив пустую чашку на стул, он обеими руками взял ее руку.

— Спасибо, но у меня не мерзнут руки,— она порывалась встать, но Мурат удержал ее, перехватив и другую руку.

— Отвернись лучше к стене. Не сидеть же мне около тебя до первых петухов — тоже прилягу...

Парня пьянили слова девушки, мутили разум. Мисурат встала, обошла кровать и, не разбирая постель, прилегла на другой кровати.

— Только руки спрячь под одеяло. Им ведь тоже надо пропотеть...

С Мурата пот лил ручьями, но он и этого не замечал. Ему казалось, что он парит в небе и никогда уже не ощутит под ногами земную твердь.

— Мисурат... я... я... Моя жизнь этой... этой вот... этой самой вот ночью...

— Только ли этой ночью до тебя все дошло?

— Да, ты права: не сегодня это случилось. Помнишь, тогда, мешок с зерном...

— Да, совсем забыла — если б не тот злосчастный мешок... Завяжи его нана потуже, и ты бы... Ты бы и не вспомнил обо мне, да? Всю жизнь буду молиться этому мешку,— скороговоркой прошептала она и прыснула в подушку.

— Тебе вот смех, а я серьезно. А помнишь, когда пришел от партизан...

— О, тогда ты в моих глазах вырос до небес, ты казался мне храбрейшим из храбрых. Одно твое слово, один твой жест, и я бы пошла за тобой, не оглядываясь. Но ты прозевал, упустил момент, упустил...

— Почему же тогда подняла меня на смех?

— Чтобы скрыть свою радость.

— А когда уважаемый корреспондент приходил в ваше звено?

— Кажется, было и такое. Даже Дзаххот заметил. Сын Татари, говорит, что-то зачастил к нам — с чего бы это, говорит, какая медоносная травка завелась у нас...

— Я же писал о вас! Три заметки было...

— А навестил тридцать раз.

— Помнишь, когда на выпускном вечере... Счастливее меня тогда на свете не было.

— Это уже заслуга выпивки. Пиво в тебе взыграло, а не... Да и во мне тоже.

— Осетинское пиво без градусов. Если я и был пьян, то оттого, что ты была рядом. А я знаю, нас нарочно так посадили.

— Знали, что ты робкий, никогда бы сам не посмел.

— Ты и сейчас считаешь, что я настолько нерешителен, что... — Мурат привстал.

— Лежи, лежи! Смелость твоя всем известна.

Опять на некоторое время воцарилась тишина.

К полуночи дождь перестал. К тому времени одежда Мурата высохла. Мисурат погладила его рубашку и брюки. Бросив Мурату большое банное полотенце, сказала:

— Оботрись, а я подожду в другой комнате, пока ты оденешься.

Он оделся. Но уходить ему не хотелось. Она придирчиво оглядела его.

— Выглядишь бравым молодцем,— при всем желании не к чему придраться.

— А мне кажется, что с тобой я становлюсь похожим на мокрую курицу.

— А если б на орла?

— Тогда бы высказал все, что у меня делается на душе. О чем мечтаю, каким мне видится наше с тобой будущее... Ты понимаешь, о чем я?

— Конечно! Я же не раз слышала твои горячие выступления на собраниях. А иначе откуда мне знать твои сокровенные мысли...— Мисурат иронически улыбнулась.— Скоро начнет рассветать — и, притворно зевая, она протянула ему руку.

Мурат в замешательстве смотрел на нее, потом порывисто обнял, коснулся губами ее щеки и рванулся к дверям.

26

Выходной день. Товарищи Мурата ушли куда-то, а он все сидит, готовится к практическим занятиям по истории партии. Наконец, захлопнув книгу, он отложил ручку и погрузился в раздумья: «Человек живет, потому что работает его сердце. А какая сила движет вперед общественную жизнь? Развитие производительных сил. От этого зависит все. В свое время Сталин сказал: мы построим социализм. И это сбылось. В начале войны он сказал: мы победим коварного врага. И победили. А сейчас он говорит, что в одной отдельно взятой стране, да еще в такой, как наша страна, возможно построение коммунизма. А раз он сказал, то так оно и будет... Но кто же построил социализм? Народ. Кто разбил врага? Тоже народ. Советский народ. Советская Армия. Кому же в таком случае предстоит построить коммунизм? Народу.

Какое ж оно будет, будущее? Жить стало легче... Снижаются цены. Если и дальше так пойдет, то, несомненно, придем к коммунизму».

Испытывая необыкновенное воодушевление, Мурат встал из-за стола и с хрустом потянулся. Чем бы заняться? Да, сегодня же в городской библиотеке проводится литературный вечер. Достал из тумбочки горбушку хлеба, налил в кружку чая. Кое-как поужинав, вышел на улицу. Под старым ясенем ссорились какой-то высокий парень и юная девушка. Парень держал ее за руку и не давал ей уйти.

— Убирайся прочь, хулиган!

Прохожие оглядывались на них, но предпочитали не вмешиваться.

— Отпусти руку! — девушка старалась высвободиться.

— Мне нет жизни без тебя. Как же я отпущу тебя? — парень заржал, как застоявшаяся в стойле сытая лошадь.

— Прочь, говорю, пьяная твоя рожа!

— И на том, и на этом свете ты... О золотоволосая, голубоглазая...

— Стыдно должно быть так по-дикарски вести себя,— Мурат подошел к ним.

— Ха-ха-ха! Рассмешил ты меня, парень, жить тебе многие лета.

— Отстань от нее! — Мурат повысил голос, начиная выходить из себя. Тот выпустил руку девушки и хлестнул заступника по лицу.

— Это тебе пока на закуску. Есть еще другие заказы?

Не помня себя, Мурат схватил обидчика за грудки и со всей силой отшвырнул прочь. Парень отлетел назад, но тут же, словно наткнувшись на пружинящую стену, резко подался вперед и сильно ударил по лицу Мурата. Девушка истошно завопила.

В это самое время своей стремительной походкой в общежитие возвращался Георгий. Услышав крик, метнулся к девушке и, тут же сообразив, что к чему, без лишних слов занес свой кулачище над головой драчуна...

Позже, уже в милиции, Мурат увидел, что у парня выбиты два передних зуба, но он улыбался как ни в чем не бывало. Составили протокол, несколько часов продержали их на участке и с миром отпустили, предупредив, однако, что обо всем сообщат по месту их работы и учебы.

Мурат думал, что случай этот забыт, но через неделю его вызвал декан и, расхаживая по кабинету, говорил:

— То, что парень и девушка выясняли свои отношения, это, так сказать, их семейное дело. Суверенное право. Тебя звал кто-нибудь на помощь?

— Нет, но...

— Почему же ты вмешался?

— Но он вел себя по-хулигански.

— Разве кроме тебя этого никто не видел?

— Я заступился за девушку...

— Ты в общественном месте затеял драку. Студенту не к лицу такие поступки. А на экзамене ты вел себя очень даже скромно, никогда бы не подумал, что...

Мурат взорвался:

— Если я позорю звание студента, то можете отчислить меня из института. Но я бы хотел, чтобы вы мне больше не напоминали об экзамене...

Через несколько дней приказом директора Мурату и Георгию был объявлен строгий выговор.

«Ну и пусть. Все равно буду поступать так, как велит мне совесть»,— думал Мурат, читая приказ.

* * *

В начале октября студентов отправили на уборку кукурузы. В город вернулись через месяц. Георгий и Мурат решили до начала занятий наведаться в село.

Уже с порога Георгий начал оправдываться:

— Татари, не ругайте за долгую отлучку — мы были в колхозе. В Моздокском районе убирали кукурузу.

— Моздокская пшеница испокон веку славилась. Такие ядреные крупные зерна — с лошади на скаку можно считать. А как кукуруза у них?

— Хуже нашей, баппу. А как у вас на работе? Ничего отрадного?

— Еще хуже стало,— сказала Фатимат.

— Ничего подобного! — возразил Татари, тая улыбку.— Как не хватало угля и железа, так и не хватает.

— Потому ты через день едешь в лес нажигать древесного угля...

— А что? Очень даже приятное занятие.

— Татари, возьми меня разок с собой, а? — с жаром попросил Георгий.

— Приходи утром, да пораньше. Не дурак я, чтобы от такого помощника отказываться...

На другой день с зарей Георгий и Татари ушли в лес.

А Мурат поспешил к Чабахан. Возвращаясь, неожиданно встретился с Мисурат.

— Добрый вечер,— растерянно поздоровался Мурат.

Казалось, девушку встреча с Муратом и не обрадовала, и не огорчила. Осетинская пословица гласит: вынеси на суд людской шкуру вола, а там в пересудах она уменьшится настолько, что на две подошвы ее не станет хватать. Когда парня и девушку тянет друг к другу, невозможно, чтобы это не бросилось в глаза другим. И тут начинается: кто скажет зеленый, кто переспелый...

С той счастливой для Мурата ночи прошло не больше полугода, но с тех пор что-то изменилось. Девушку стали одолевать сомнения. Отчуждение усилилось после того, как Дунетхан сказала ей: «Дочь, я не вмешиваюсь в твои личные дела, но послушай, что я скажу тебе. Родители Мурата — уважаемые в селе люди... Но Мурат... Он явно болен. Врагу не пожелаю остаться молодой вдовой,— на себе испытала. Да... Тебя где-то видела Фаризат, жена Дзарахмета. Сказала, что без ума от тебя. Не знаю, чем ты ее очаровала. Рассказала мне о своем сыне Бексолтане. Он, оказывается, был в гостях и у твоей старшей сестры в Москве, когда учился. А сейчас, говорят, занимает большую должность в городе.

Девушка ни словом не обмолвилась в ответ. Но она знала: в ее чувствах к Мурату трещинка появилась еще в Москве. Замират, сестра, рассказывала ей, как встретилась с Бексолтаном на улице Горького.

— В тебе ни за что не признать прежней Замират,— говорил тот.— Конечно, ты всегда была хороша собой, но теперь совсем расцвела...

— Ты находишь? — со смехом отвечала Замират.— А в Тагардоне ты меня упорно не замечал.

— Не взваливай на меня не мои грехи: кого-кого, а красивых девушек я всегда замечал!

— Я шучу, конечно. Кому нужна сирота, пусть даже сказочно красивая?..

— Не все такие, Замират.

— Тогда почему ты сейчас не замечаешь мою сестру? Если кто и красива, так это она, моя Мисурат.

— Лучшее богатство для женщин — это красота... — Бексолтан вдруг посерьезнел.— Если все так, как ты говоришь, то

познакомь меня с ней. Насколько я информирован, Мисурат сейчас в Москве?

На второй день, тщательно приодевшись, Бексолтан был у них в гостях. Четырехкомнатная богато обставленная квартира. Мужу Замират, молчаливому крепышу среднего роста, было не более сорока пяти лет. И хотя тот говорил лишь отрывистыми фразами, Бексолтан понял, что зять Дунетхан занимает какой-то важный пост в органах госбезопасности. К тому же, как выяснилось, он состоит с Дзамболатом в давней дружбе. В Осетии тоже приходилось ему бывать. «С одним из членов Политбюро»,— подчеркнул тот многозначительно, или так показалось Бексолтану...

Все эти обстоятельства сыграли свою роль. Да и Мисурат не уступала своей старшей сестре в красоте, а в чем-то и превосходила — молодость есть молодость. Он уже мысленно считал себя свояком этого большого начальника, друга Дзамболата, и у него стало радостно на душе. И с Мисурат, хотя не обменялись ни единым словом, они поняли друг друга — он ни секунды в этом не сомневался. Хорошо бы встретиться наедине, поговорить обо всем. Но через неделю после той встречи Мисурат уехала в Осетию.

Следом пришло письмо от Замират: «Бексолтан беспокоится, как ты там устроишься. Он такую заботу проявляет о тебе. И не только о тебе — все интересовался и здоровьем нана, сокрушался, что в свое время не помог хоть чем... Попросил твое фото, сказал, что смертельно соскучился. Если тебя интересует мое мнение о нем, то я как-нибудь разбираюсь в людях, он мне импонирует, и нашему тоже понравился, а это что-нибудь да значит. Он, попомни мое слово, своего добьется. Как я поняла из его слов, начальство тоже благоволит к нему. Что же касается твоего Мурата, то... Мисурат, поостерегись, я не верю, что он когда-нибудь выбьется в люди, никогда он не будет счастлив, и ты с ним тоже. К тому же, говорят, у него серьезный недуг. Будь благоразумна и осмотрительна, не ошибись в своем выборе...»

А недавно она совершенно случайно встретилась с Бексолтаном в городе. Он пригласил ее в ресторан — она отказалась, не пошла с ним и в кино. Но Бексолтан не огорчился, напротив, остался ею доволен.

...Мисурат и Мурат шли рядом. Она озиралась по сторонам, боясь, что их увидят вместе.

— Куда ты так спешишь? Ваш дом никуда не убежит,— сказал Мурат.

«Что ответить ему? — думала Мисурат.— И впрямь он какой-то бледный. Не от хорошей жизни приходят болезни».

Мисурат принужденно, как-то вымученно улыбнулась, и у Мурата упало сердце. Подавленно помолчав, наконец, смог вымолвить:

— Ты... ты не хочешь со мной встречаться? Я тебя правильно понял?

Проходили секунды, она все не отвечала. Это были не секунды вовсе, а дни и ночи, бессонные ночи и беспокойные дни, когда он ждал от нее вестей.

— Не надо,— наконец, спокойно, очень спокойно ответила Мисурат.

Мурат круто повернулся и чуть ли не бегом побежал от нее.

* * *

«Что же произошло? Что случилось? Может, кто настроил ее против меня? Злым языкам дай только повод развязаться. Но сама-то что, совсем слепая? Не может отличить черное от белого?» Мысли Мурата перескакивали с одного на другое. «А, может, все гораздо проще? Я не нравлюсь ей, не любит она меня. Но почему она так изменилась? Ведь раньше...» В его ушах зазвенели два коротких, как удар бича, слова: «Не надо. Не надо».

— Нет! Надо! Надо! — Мурат вскочил с места и вылетел в дверь.

Небо плакало крупными холодными слезами, и Мурат, немного пройдя по улицам, почувствовал, как стали зябнуть ноги в промокших чувяках. Он хотел идти на железнодорожную станцию, но вспомнил, что до отхода поезда еще не менее трех часов, вскочил в трамвай и поехал ближе к шоссе, надеясь скорее сесть на попутную машину. И действительно, один сердобольный шофер пожалел его. Мурат запрыгнул в кузов грузовика.

Встречный ветер пронизывал насквозь, и Мурат, держась за передний борт, присел на корточки. Однако вскоре затекли ноги, и он уселся прямо на дно кузова, плотнее прижавшись к борту, чтобы не так сильно подбрасывало.

На этот раз Мисурат не стояла у окна, никто не вышел из дома и не пригласил войти. Он остановился у ворот дома Мисурат, как голодная, усталая собака, ждущая хоть обглоданной кости. С минуту в нерешительности смотрел на дверь веранды. Потом, осмелев, постучался. Подождал, намереваясь повторить стук, но дверь открылась, и на пороге в белом шерстяном свитере, простоволосая, выросла Мисурат. Ему показалось, что она обрадовалась, что вот-вот прозвучат ласковые упреки: «Ну почему тебя так долго не было? Как хорошо, что ты пришел. Не стой, не стой, входи быстрей».

Но от этих грез не осталось и следа, стоило только посмотреть ей в глаза. В них он не прочитал ни следов радости, ни даже намека на то, что она понимала и разделяла ту боль и тревогу, которыми он сейчас был охвачен. Он невольно поежился от холода ее отсутствующего взгляда.

— Да будет вечер твой добрым, Мисурат.

— Здравствуй,— сдержанно отвечала она.

А он все ждал чуда.

— Все живы-здоровы? И Дунетхан в добром...

— Спасибо, пока не жалуемся...

— А войти к вам можно?

— Пожалуйста,— сухо сказала она.

Она отступила в сторону, давая ему пройти.

Мурат внимательно оглядел просторную комнату. Все здесь было по-прежнему: и чугунная печка так же пышет жаром, и те же две кровати с высоко взбитыми подушками. А веет таким холодом...

Он снял шапку, пальто и повесил их на вешалке за дверью, подсел поближе к огню. Она тоже села в креслице у стола посреди комнаты.

— Мисурат, я приехал к тебе...

Она, казалось, и не слушала его.

— Я был бы счастлив снова сидеть с тобой до утра, как тогда.

— Если ты из-за этого ехал, то, пожалуйста, сиди себе на здоровье.

— Да, ты права, не в этом дело. Я хочу с тобой... Без тебя мне не будет жизни.— Голос Мурата сорвался на шепот.

Но она продолжала молчать, не собираясь заговорить.

— Так как же нам все-таки быть?

Наконец, она нехотя ответила:

— Я один раз уже ответила тебе.

— Но ты хоть объясни мне, что случилось.

Мисурат безучастно глядела на бледное лицо парня, на его всклокоченные черные волосы и мысленно сравнивала его с Бексолтаном. Тот полон жизни, мужской силы, а этот...

«Только одной тебе было дано найти дорогу к моему сердцу. Без тебя моя жизнь — заброшенное поле, светлый день мой что темная пещера чабанов»,— так говорил ей Бексолтан, а этот лепечет что-то несуразное... Тогда, той ночью, она верила, что никто и никогда не сможет стать ей ближе и дороже Мурата. Но появился Бексолтан... Они соединят свои жизни в самом скором времени. Она уже дала ему слово. Не забыла и слов своей счастливой сестры. «И бедности хлебнули вдоволь. Сиротской жизни... Теперь, как из огня да в полымя, пойдешь за студента, еле живого. Хорошая у них семья, ничего худого язык не поворачивается сказать, но... Нет, нет, замуж для счастья выходят, а не горе мыкать». Конечно, при встрече с Бексолтаном ни разу не затрепетало сердце. Но только глупые живут по законам сердца. Она, слава богу, не дура и своего решения не изменит. А Мурата просто жалко, и все. Но как ему сказать обо всем этом?

— Мурат, ты уж прости. Может, тебе тяжело будет узнать

это, но и скрывать больше нельзя,— Мисурат не хватило сил продолжать. Она почувствовала, как ее лицо заливается краской, и отвела взгляд от Мурата. И без того бледное лицо парня еще больше побелело. Он уставился на Мисурат, словно не узнавая ее.

— Я понимаю, что счастье не выпрашивают, и насильно мил не будешь. Говори все прямо.

— Я этим летом выхожу замуж.

— За кого? — торопливее, чем следовало бы, спросил Мурат.

— Какая тебе разница?..

— Твоя правда: ты выходишь, а не я... Но все же?

— За Бексолтана...

Лучше бы под Муратом разверзлась земля, и он провалился в трещину... «За Бексолтана... За Бексолтана...»

Мурат потерял дар речи. Да и что было сказать?

Девушка понимала состояние Мурата. Но чем его обнадежить, чем утешить?

— Мурат, ты не переживай. Девушек много. Лучше меня. Красивее. Ты еще встретишь свое счастье...

* * *

Мурат замкнулся, весь ушел в себя. Теперь ему казались смешными мечты о Мисурат. Пусто, все обман. Налетел свежий игривый ветерок и развеял по полю роскошную папаху одуванчика.

Тузар привез из села последние новости: Мисурат вышла замуж за сына Дзарахмета Бексолтана. Следом приполз слух: Мисурат, говорят, сказала, что Мурат хороший парень, но калека...

«Калека... Калека... Нет пальцев и уже калека? Не на воровском промысле же их потерял, не в походе за аракой... Как она может?..»

Мурат совсем помрачнел. Горькая обида терзала душу, лишала сил, не было никакого желания готовиться и к занятиям. Как это Мисурат не видит, кто такой Бексолтан? Что ее так ослепило?

И он вновь и вновь вспоминал, каким приходилось ему видеть Бексолтана... Вот его избрали первым секретарем райкома комсомола, и он тут же где-то добыл себе верховую лошадь белопенной масти, оседлал ее и, не слезая с седла, стал руководить молодежью района. Даже до райкома партии, куда было не более километра, он перестал ходить пешком. Его любимыми выражениями стали: «Мы с Александром решили», «Александр согласился с моим предложением». Особую слабость питал к разного рода починам и инициативам, которые он, надо отдать ему должное, умел подавать. Как-то он в

очередной раз объявил, что во всех колхозах созданы комсомольско-молодежные звенья по выращиванию богатых урожаев кукурузы. Все расписал красочно, дал статью в газете и... укатил в столицу учиться. Энергии и настойчивости, слава богу, ему было не занимать. Может быть, это и привлекло в нем Мисурат?

...Маленькая Осетия отличается удивительно обостренным слухом. Стоит оводу у Эльхотовских ворот взмахнуть крылышками, как его тут же услышат на Мамисонском перевале. До Александра дошли слухи о взаимоотношениях Мурата и Мисурат. Мадинат рассказала ему, что Мурат чуть ли не на грани самоубийства. А ей поведали об этом работники редакции районной газеты.

В один из воскресных дней Александр поехал осматривать поля. Кукуруза взошла на пол-аршина, а с неба ни капельки. Земля потрескалась. Секретарь райкома знал, что ничем не утешить колхозников, поэтому нигде не задерживался, не вступал в долгие разговоры, садился в машину и уезжал. Добравшись до границы района, он взглянул на часы. А что, если прямиком махнуть в город,— подумал он, вспомнив о Мурате. Слишком он ранимый, так недолго и сломаться. И откуда только занесло Бексолтана? Надо же было ему перейти дорогу Мурату... Говорят, все началось еще в Москве, старшая сестра Мисурат постаралась... Александр понимал, почему вдруг Бексолтан загорелся любовью к Мисурат — выгодная партия. В семье Дзарахмета ничего без расчета не делается.

...Александр, постучавшись, толкнул дверь комнаты Мурата. Сердце заныло от подавленного, измученного вида парня. Лицо без кровинки, кожа да кости...

— Ты свободен? — бодрым голосом спросил Александр.— Тогда давай проветримся на вольном воздухе. Я тоже отложил все дела, дай, пойду, думаю, порыбачу, но одному как-то невесело...

Затормозив у ближайшего магазина, Александр заскочил туда и вернулся с большим свертком. В Суаргоме выбрали поляну в междуречье. Насадили на крючки козодоев, попробовали ловить рыбу.

— Она, наверное, со смеху давится, глядя на таких заядлых рыбаков,— улыбнулся Александр.

Вернулись к машине. Александр достал из бумажника кусок брезента, расстелил на траве. Мурат нарезал хлеба и колбасы, откупорил бутылку полусухого вина, наполнил бумажный стаканчик из-под мороженого и поставил перед Александром.

— Предлагаю тост за тебя, мой боевой товарищ. Ты еще в самом начале жизненного пути. Пусть он не так гладко начинается, как бы ты того желал, но чтобы он в конце концов

привел тебя к удаче. Счастье — оно у каждого свое. И пусть предназначенное тебе будет твоим, а что не твое — о том и жалеть не стоит. Единственное, чего человек не должен лишаться,— это доброго уважения людей.— Он протянул стаканчик Мурату.— Я старше, а пить тебе, младшему.

Мурат отпил глоток и опустил стаканчик на плоский камень.

— Сколько тебе стукнуло, говоришь?

Мурат почему-то не ответил на вопрос.

— А мне все тридцать девять. И я еще собираюсь прожить по крайней мере столько же. А там поглядим, если не наскучит, то...

— Конечно, ты здоров. Почему бы не жить?

— Не скажи. Во мне столько хвори, что иная старушка, любящая покряхтеть, позавидует. Но все дело в том, что я не считаюсь с ними, не обращаю на них никакого внимания. Они ведь какие, болезни? Хуже двуногих врагов. Стоит показать слабинку, как они наваливаются скопом и тогда уж из-под них не выбраться. Мужество не только на поле боя нужно иметь. Ты ответь мне вот на что... Как ты думаешь, у Аузби достаточно мужества или ему необходимо подзанять у кого?

— Аузби?! Ну...

— То-то и оно! Таков и отец твой Татари. А ты же сын ему, сын кузнеца. Не в чем упрекнуть было и твоего брата Тотырбега, и Асланбег ваш парень что надо. Одно то, что он столько добра делает этим старикам, чего стоит... Ты извини, я и в свой адрес скажу маленькое похвальное слово. Мне не было еще и семнадцати, когда кулаки убили отца. Мать моя после этого уже не поднялась на ноги. Все заботы по дому легли на мои плечи. Судьбу Аминат и брата знаешь. Ну, что теперь прикажешь мне делать? Повеситься? Считать свою жизнь загубленной? Поставить на всем крест? О нет, брат! Слышал, наверное, поговорку, что у одного рекой унесло корыто, так он следом кинул и сито. Тем, кто ушел из жизни ради нас всех, вечная память. А живому человеку, хочешь ты того или нет, приходится думать о жизни. Это все, должно быть, ты знаешь не хуже меня. Каково мне каждый день возвращаться в пустой дом, где только и слышно, как в подполье пищат мыши? А разве в трескучие морозы сладко вступать в холодное жилье? Когда закладывали памятник Наурузу и Тотырбегу, я оплакивал не только их, но и себя. У тебя тоже горе, не отрицаю. Но, как говорится, другим бы твои напасти. Мне бы твои печали,—Александр устало провел рукой по лицу.

Мурат, опустив голову, слушал внимательно.

— Кажется, Гете сказал: человек, потерявший мужество, потерял все. Люди живут и без рук, и без ног,и слепые, и глухонемые, если сохранили в себе мужество. А нет его — и здо-

ровые заживают, как пни. У нас как говорят: «Лучшее противоядие от укуса собаки ее же шерсть». В твои годы так глубоко переживать измену девушки... Не захотела тебя подождать, позарилась на другого — скатертью дорожка! Ты оглянись вокруг, только укажи на кого, и мы докажем, каких мы отцов сыновья,— Александр быстро вскочил, потянул за собой Мурата: — Сидеть у воды и не искупаться?! В такой родниковой воде! Это просто грех.

* * *

Ночь давно вступила в свои права. Все стихло. А Мурат все еще сидел за книгой. Завтра семинар на тему: «Учение о советском социалистическом государстве». Мурат должен выступать с докладом. Что такое государство? Когда и почему оно зародилось? Кому оно нужно и кому оно служит? Что говорят об этом лучшие умы, классики марксизма-ленинизма?

Мурат отодвинул книгу. Так. Государство появилось тогда, когда появились классы... А классы появились тогда, когда появились богатые. Когда все люди станут в имущественном отношении равными, не станет и государства. А это будет... когда коммунизм победит во всем мире. А пока наше социалистическое государство служит делу защиты интересов рабочих и крестьян от внешних и внутренних врагов. Товарищ Сталин говорил, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться. Вот так. Это все понятно, но в доме съестного ничего нет, даже мышь бы не нашла, что утащить к себе в норку. Скорее бы закончить учебу... И семье легче будет.

Мурат осторожно взглянул на часы Георгия, лежащие, как всегда, рядом на его тумбочке. Начало третьего.

С докладом на семинаре выступил Мурат. Преподаватель по философии заболел, и вместо него семинарские занятия проводил Бимболат.

Свое выступление Мурат завершил так:

— Теоретические работы товарища Сталина дают основополагающее определение сущности социалистического государства, обосновывают историческую необходимость создания такой формы государственного правления, как Советы, четко определяют функции Советского государства. Труды Сталина являются вершиной теории марксизма-ленинизма.

Бимболат оглядел аудиторию:

— У кого есть вопросы? Есть ли у кого добавления?

Студенты, пригнув головы, переглядывались.

Георгий, подняв руку, сказал:

— У меня есть вопрос... Не совсем вопрос, а скорее возра-

жение...— Он выпрямился во весь рост и, глядя прямо в глаза Бимболату, продолжил: — Мы знаем, что основы социалистического государства теоретически заложены... Не так построил фразу... Мы знаем, что теоретические основы социалистического государства и в целом коммунистического общества заложены в трудах Маркса и Энгельса. Ленин это учение поднял на новую высоту, обосновав возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране. И именно там, где цепь империализма окажется наиболее слабой...

Кто-то с улыбкой бросил:

— По закону: где тонко, там и рвется!

Георгий, не отреагировав на реплику, повернулся к Мурату.

— А ты, Мурат, считаешь, что учение о социалистическом государстве, и о Советах в том числе, создал Сталин. Я не согласен с таким утверждением,— Георгий обратил внимание на Тузара, который испуганно таращил на него глаза, но так же спокойно продолжал: — Если хочешь знать, мне не совсем понятно положение о том, что чем дальше в социализм, тем острее классовая борьба. Что? Классовая борьба будет накаляться?

— Один дурак задаст, столько вопросов, что десять умных не ответят,— буркнул Мурат, и все рассмеялись.

— Не груби, брат. Я тебя очень внимательно слушал. Сталин не нуждается...

Прозвенел звонок, и Георгий не успел досказать, в чем не нуждается Сталин.

* * *

Была уже полночь. Мурат и Тузар не спали. Тузар пытался читать, но в голову ничего не лезло — он все еще находился под впечатлением семинара, точнее, спора между Муратом и Георгием.

«Какими-то подозрительными разговорами занимается этот казак. Крови не изменишь — они, казаки, были самыми ярыми врагами революционного движения. Почти все расстрелы рабочих на их совести. А этот ходит, задравши нос. Кто знает, какими путями и отец его Василий Петрович попал в наше село»,— думал он.

— Как тебе умные речи твоего друга? И подкинул же он тебе вопросики.

— Мой друг тебе, по-моему, тоже не враг. И вообще ничего особенного... Обыкновенный вопрос,— недовольно ответил Мурат и, сняв с себя верхнюю одежду, прилег на кровать. «Какого дьявола сунулся Георгий со своим неуместным вопросом? Я тоже хорош, нагрубил ему. Перестарался, попутала

меня брошюра московского профессора. А впрочем, в чем я так уж не прав?»

В коридоре раздались тяжелые шаги.

— Легок на помине,— сказал Тузар и поспешил зарыться с головой в одеяло.

— Мурат, не спишь? Меня дожидался? Молодец!

— Больше мне делать нечего, как ждать тебя, теоретика новоявленного.

— Ну, давай, давай, продолжим. Эрзац-профессор дрыхнет?

— Дрыхну. Без задних ног.

— С тобой все в тумане, а с Муратом мы сейчас скрестим клинки. Мурат Татариевич, кто, по-твоему, основоположник учения о диктатуре пролетариата?

— Маркс и Энгельс.

— Кто это учение развил в новых исторических условиях?

— Ленин.

— Принято. А теперь ответь, что нового есть в учении марксизма-ленинизма, и кто это новое привнес?

— Многое. И в частности то, что с победой социализма классовая борьба обостряется. И это положение...

— ...открыл Сталин. Так?

— Да.

— И это ты называешь вершиной?

— Да. Сталин, опираясь на учение Маркса—Энгельса—Ленина, поднялся на доселе недосягаемую вершину.

— Я тебе сегодня хотел сказать, что Иосиф Виссарионович не нуждается в комплиментах. Я за него любому набью морду, но...

— И — бей! — Мурат шутливо подставил лицо.

— Я уже расквасил одному рожу, когда мы оставляли Ростов... Отступаем, а он мне нашептывает: «Если бы Сталин не обезглавил Красную Армию, немцы бы...» Жаловаться не люблю. И судьей бываю сам, и присяжным тоже.

— Кулаками ничего не докажешь.

— А я тебе говорю: высшим достижением марксизма является учение Ленина. Сталин же это самое учение обогатил новыми положениями, ничего не отменив.

— И Ленин ничего не отменил в учении Маркса и Энгельса,— бросил из-под одеяла Тузар.

— Ошибаешься, ренегат Каутский. Маркс и Энгельс учили, что пролетарская революция может победить только в группе стран одновременно, а Ленин...

— Слышал уже на семинаре.

— Тогда лежи и не рыпайся. Ну что, я прав, Мурат?

— Я тоже предпочту не рыпаться. Вон скоро уже два часа. Ложись и ты. Не голоден?

— Теща накормила блинами. А если точнее и чтобы под-

разнить вас, то не блинами, а рагу по-осетински, лывза! И собственноручно преподнесла стакан непревзойденной крепости араки.

— А, вот почему ты такой сияющий, как надраенная бляха.

— Жизнь завистью не построишь, как говорят у нас, у осетин.

— Не припомню никак, когда это я тебе на любимую мозоль наступил,— обиженно сказал Тузар.

— А доведется — ведь наступишь...на горло. А, друг мой?

Тузар ничего не ответил.

* * *

Секретарь парткома института с неприступным видом восседал за своим широким и длинным столом. В углу на диване, сумрачный, сидел Бимболат. Человека, сидящего спиной к дверям и что-то торопливо записывающего в объемистый блокнот с дерматиновой обложкой, Мурат не знал. Поежившись под холодным взглядом секретаря, он чуть слышно поздоровался. Сердце чувствовало что-то недоброе в этом неожиданном вызове в партком института.

Секретарь, сухо предложив ему садиться, сурово сказал:

— Договоримся сразу: все, о чем здесь пойдет речь, должно остаться здесь! Мурат, две недели назад у вас в группе проводился семинар по историческому материализму. Его вел Бимболат. Ты был основным докладчиком. Все верно?

— Да,— согласился Мурат, с ужасом догадываясь, что сейчас прозвучит имя Георгия...

— Теперь объясни нам, почему никто, я подчеркиваю, никто из вас не дал достойной отповеди этому провокатору?

— О ком ты говоришь?

— О том студенте, который охаивал значение трудов товарища Сталина.

— Он не хаял, он только превратно истолковывал мои слова.

Секретарь угрожающе медленно поднялся, надвинулся на Мурата. Мурат тоже встал.

— Не собираешься ли ты прикрывать своего дружка?

— Я не понимаю, что...— Мурат повернулся на резкий скрип стула: тот, который все время сидел спиной, развернулся всем корпусом, и Мурат увидел счастливого своего соперника.

— Мурат! Как ты возмужал! Здравствуй! — Бексолтан шагнул к нему с протянутой для приветствия рукой.

— Здравствуй,— насилу выдавил из себя Мурат.

— Тем хуже и для тебя, Мурат, и для остальных.— Бексолтан говорил с обворожительной улыбкой, демонстрируя

свои великолепные зубы.— Вот и Бимболат не поймет, что к чему... А мне ясно, что Георгий индивидуальный контрреволюционер. Да, да! Пусть он ни с кем прямо не связан, но нет и тени сомнения в том, что твой бывший друг индивидуальный контрреволюционер. Он не любит Советскую власть, Коммунистическую партию, раз так отзывается о Сталине. Понятно?

— Бексолтан, это чушь...— совершенно некстати Мурат вдруг вспомнил, как Асланбег когда-то пригрозил Дзарахмету, что подожжет его дом, и улыбнулся. Бексолтан решил, что Мурат улыбнулся его словам, и резко изменил тон:

— Ну, так как же все получилось?

— Не знаю...

Насмешливый взгляд Бексолтана говорил яснее слов. И вот этот балбес, окончив институт, станет директором школы или редактором газеты. А то, еще хуже, партийным работником. А сам, кроме «не знаю» ничего не может сказать. Был ротозеем и остался ротозеем. Как он тогда из-за Клары с ним по-хамски обошелся. А вообще-то с ним бы надо разобраться. Тогда он защищал дочь врага, а теперь самого врага... Говорят, он ближайший друг Георгия. Интересно, мог он что-нибудь рассказать Мурату со слов этого самого эльхотовца? А впрочем, пусть говорит. Судьба сына колесных дел мастера предрешена. Возможно, то же самое ждет и сына кузнеца. Отец всю жизнь не любил этого молотобойца...

— Как это «не знаю?» Ты же коммунист.

— Меня спросили, и я ответил,— сказал Мурат, глядя на Бексолтана. Располнел, и, видимо, от этого оспинки на его лице уже почти не заметны. К светло-серому его костюму не очень подходит темный галстук с золотой булавкой. Мурат опять вспомнил Мисурат, и сердце его заныло.

Секратарь парткома, обращаясь к Мурату, опять заговорил:

— Тоже мне, ответил. Один дурак задаст... А ты уверен, что он дурак? Может быть, хитрый человек, в котором ты не разобрался? Тебя прямо никто не обвиняет. В эту минуту ты, может, и не сообразил, как ему лучше ответить, резче. И Бимболат оказался не бдительнее тебя. А что теперь должны думать студенты о вас, двух коммунистах? Больше того, даже после семинара никто из вас не пришел в партком и не рассказал о такой вылазке. И это еще больше усугубляет ваше положение. Политическое пятно падает на весь институт, вот в чем дело...

— Георгий активный участник войны, награжден орденами и медалями. Он прекрасно знает историю партии, философию... Это я виноват — не так сформулировал свою мысль,— говорил Мурат, а мозг буравила мысль: «Кто, кто им рассказал?.. Откуда им известно? Бимболат? Нет. Но кто же усерд-

ствует? Кому Георгий перешел дорогу, костью встал поперек горла?..»

Бексолтан открыл коробку «Казбека», достал папиросу и, тщательно размяв ее, закурил. Кончиком указательного пальца сбив пепел, наставительно начал:

— Враги социалистического строя глубоко замаскировались. Да, у них есть ордена и медали. Но вот какой момент вы не учитываете: многие из них побывали за кордоном, заразились инфекцией буржуазной идеологии. И теперь действуют исподтишка. Разведка капиталистических стран умеет подбирать людей с червоточиной. А большинство казачества всегда служило верой и правдой царю, душило революционное движение. Тысячи его участников до сих пор в шрамах, исполосованны казацкими нагайками. Я тебя знаю, Мурат, и потому к тебе нет никаких претензий. Он твой бывший друг, и тебе трудно смириться с мыслью, что Георгий двуличен, что под его внешней веселой маской скрывается хитрый и расчетливый враг. В тебе притупилась революционная бдительность. А сейчас, как никогда нужно...— голос Бексолтана журчал лесным ручейком, а у Мурата все внутри кипело, его начали одолевать сомнения: «Георгий встретился на Эльбе с американцами. Демобилизовался не сразу, еще какое-то время оставался в Германии... И... Но... Глубоко замаскировались... На устах — улыбка, а за пазухой — увесистый каменюга... Георгий... Неизменная улыбка на лице. Веселый балагур. Неужели он с двойным дном? Разведка умеет подбирать... Не враг же он Бексолтану... И секретарю парткома. И Бимболат молчит...»

— Прочитай эти бумаги и подпиши,— Бексолтан тронул его за руку, подвел к столу.

Пробежав два мелко исписанных листка, Мурат загнанно оглянулся на Бимболата: там уже стояла его подпись... Бимболат своим отрешенным видом как бы говорил: «Я тоже из тех, кто ничего не понимает и при всем желании не может понимать, но делать нечего, кому-то виднее...»

Мурат неряче смотрел на бумаги, руки мелко дрожали, он казался себе гадким трусом: «Ты же коммунист, тебе нельзя терять бдительность. Ты не имеешь права колебаться!»

Бимболат поднялся с места, подошел к Мурату и глухо бросил:

— Землячок, нет в нас мужества, нет...

Как это понимать? Подписаться нет мужества или зашвырнуть подальше эти бумаги не хватает духа?

Секретарь вперил в него свой взгляд. Бексолтан, заложив руки за спину, безучастно глядел в окно.

Положив листки на стол, Мурат взял ручку и расписался напротив своей фамилии. Подумав, добавил: «Я не верю, что

он индивидуальный контрреволюционер». Буквы плясали, трудно было что-то разобрать.

— Ты что там еще царапаешь? — секретарь потянулся через стол к Мурату, но тот, бросив ручку, выскочил из кабинета.

В институтском дворе толпились студенты. Оживленный спор, смех, веселье — неужели они ничего не знают? У кирпичной стены ребята обступили Георгия и — смеются! Он что-то оживленно рассказывает, изображает в лицах, и они покатываются со смеху. Счастливые...

Мурат пробрался к воротам и незаметно выскользнул на улицу.

* * *

Дипломы вручали в актовом зале института. Мурат сидел в президиуме. Смотрел, слушал, аплодировал, кому-то согласно кивал головой, а его мысли уносились в далекие края, к Георгию. Сегодня бы и он получил диплом. Мурат был убежден, такой же, как и он — красный. А теперь ему даже неизвестно, где именно Георгий, в какой области, в каком районе. И писем от него нет. И эта рыжеволосая красавица Лена, которая так нравилась Георгию, забыв обо всем, выскочила замуж и, говорят, уехала на Север. Мурату показалось, что по залу между двух рядов скамеек длинными шагами прямо к нему идет Георгий, легко вспрыгивает на сцену и обнимает его:

— Поздравляю с красным! Одного хватит на двоих. Не переживай: ты ни при чем. Лену жаль. Отца и мать. А в Сибири — прекрасно! Помнишь, я же сам стремился туда. Вот и угодил... за казенный счет.

В зале засмеялись. Парень, поднимаясь на сцену, споткнулся и чуть не растянулся во весь рост. Мурат тоже улыбнулся какой-то вымученной улыбкой. Нет, не радует его красный диплом и предстоящая работа в родной школе.

Вспомнил, как Василий Петрович, кивая на висящую над его кроватью казацкую шашку, сказал: «Уу-х, сукин сын, Жорка! Я бы сам снес ему голову этой шашкой. Против Сталина попер! Против Советской власти, которая меня за человека посчитала. Не верится мне, Мурат, что я породил врага народа. Убей — не верю!» — глаза его под густыми бровями наполнились слезами.

Когда после торжественного собрания решили всем курсом идти в ресторан, Мурат, сославшись на головную боль, ушел в общежитие и, не раздеваясь, плюхнулся на кровать.

Усталый, измученный, он старался думать о чем-нибудь хорошем, но мысли упорно возвращались к Георгию, к Мисурат. Как-то видел ее издали... В дорогой шубе. Стройная, самодовольная, шла, никого не замечая.

До Мурата дошли слухи, что он якобы отозван из Тагардонского района, и что его хотят оставить работать в городе.

И действительно, из областного комитета партии позвонили в райком партии, и Александр послал за Муратом нарочного. В тот же день Мурат приехал в город. Не без робости переступил порог указанного кабинета. Навстречу ему встал молодой еще мужчина, худощавый, в военного покроя гимнастерке.

— Мы понимаем тебя... Родное село, родная школа. И родители есть, так?

— Есть. Еще брат и две сестры.

— Взрослые?

— Брат работает в колхозе. Одна из сестер этим летом получила аттестат зрелости, другая перешла в седьмой класс,— отвечал Мурат, догадываясь, к чему клонит собеседник. Он бы по доброй воле не предпочел город селу, слишком много надежд связывала Фатимат с его возвращением... Начнет работать, будет помогать семье. Да разве только это... Но не рассказывать же обо всем работнику обкома?

— Мы понимаем тебя, понимаем... В любом возрасте каждому из нас дороги родители, дорого тепло родного очага. Но ты коммунист. И нет нужды повторять, что для нас всех воля партии закон.

Мурат был назначен заведующим отделом республиканской газеты. Так жизнь его снова вошла в почти привычную колею. На первых порах он готовил материалы, поступающие самотеком, присматривался к коллективу, больше слушал других, чем говорил сам. А там настало время заточить и свое перо. Как-то вечером заместитель редактора вызвал его к себе.

— Мне нравится, как ты готовишь материалы. Поезжайка в свой район и напиши статью об опыте партийной работы. Хвалят Тагардон, вот и выясни, за дело ли хвалят...

Не хотелось Мурату начинать со своих. С одной стороны, конечно, хорошо, что он приедет в район официальным представителем республиканской газеты. Но разве в районе все так уж хорошо, все в полном ажуре, как об этом можно было судить из слов заместителя редактора? Но как ему быть? Промолчать? Сделать вид, что ничего не заметил?

Александра не застал — уехал в колхоз. Мурат объяснил цель своего приезда второму секретарю. Тот уклончиво ответил:

— Я тоже никуда не денусь, но лучше начни с первого. К обеду он должен быть...

Мурат ушел домой и вернулся в райком к концу обеденного перерыва. Александра все еще не было. Несколько работников райкома стояли в углу широкого коридора и немилосердно чадили папиросами. Но вскоре со двора послышался шум мотора, и они разбежались по кабинетам.

Александр взял Мурата под руку и повел в свой кабинет.

— Растем, значит? И своих не забываем? — Александр добродушно улыбался.— По всем данным, пора тебя женить, а?

Мурат выразительно взглянул на Александра.

— Понял. Хочешь сказать: смотри у себя. Твоя правда. Но я уже стар. Ну, выкладывай, с чем пожаловал.

Мурат объяснил цель своего визита.

— Обязательно меня нужно было дожидаться? Вот люди! Да и ты сам хорош: знаешь район, знаешь людей, чего ждать было?

— Четыре года не четыре дня. Приезжал на каникулы, и то дальше дома не ступал.

— Многие заслуживают доброго слова, Мурат. Звено кукурузовода Знаура Мурзакулова из твоего родного колхоза «Иристон» в прошлом году вырастило десятую часть урожая всего колхоза. В его звене работали жена, дочь, невестка. В колхозе «Красная звезда» прославилось звено Дудара Сабегова, в колхозе «Тракторист» — семейное звено Хаматкана Арчинова. И во всех трудовых успехах значительна организующая роль партийных органов.

Когда они уже заканчивали разговор, приоткрылась дверь, и показалась голова Мадинат.

— Меня предупредили, что у первого важная птица из города,— Мадинат пожала руку Мурату, придирчиво оглядела с головы до ног.— Хорош жених, не придерешься.

— Я то же самое сказал ему.

— А он?

— А он ткнул в меня. Сперва, говорит, свои тылы обеспечь...

— Я этого не говорил.

— Но, признайся честно, подумал?

Мурат, улыбаясь, согласно кивнул.

— Мы постарели с ним, Мурат. Безбожно постарели,— в голосе Мадинат звучала неподдельная грусть.

— А я что говорю? — весело воскликнул Александр.

27

Июльское солнце нещадно палило. Раскаленный воздух дрожал и струился волнами. Широкие листья кукурузы обмякли, свернулись в трубочки. Земля закаменела. Люди пололи междурядья тяжелыми тяпками.

Звено Знаура Мурзакулова работало у самой дороги. Мурат знал Знаура с тех пор, как тот вернулся с войны. Высоченного роста, с длинной тонкой шеей.

— Это ты, Мурат? Давно тебя не видел. Так ты, стало

быть, в городе трудишься? Журналисты нас не забывают. В том месяце тоже был один, ростом с меня, как каланча. Оттого он, может быть, по верхам смотрел и ничего не увидел. Слова его, как сухая солома. Ни вкуса, ни запаха, ни пользы для дела. А меня назвал впереди идущим. Как будто я козел, что впереди отары. Так ты, значит, городским стал? А что, неплохо. Вот пришел, поглядишь туда-сюда и пойдешь в тенечек писать о героическом труде колхозников. Только, прошу, не называй меня героем и вожаком. Ты свой, и потому я еще кое-что скажу. Присядем-ка.

Они сели на жесткую траву под высоким пыльным кустом лопуха.

— Видишь, лопуху и солнце нипочем — у него корень глубоко достает. Чем глубже корень в земле, тем выше голова. Я тоже похож на лопух. Чем? Прикован к этой земле душой. Долбим ее, сеем, убираем урожай, а плодов от своего труда не видим. Накормить семью вдосталь и мне, впереди идущему, нечем. Не веришь? А ты поверь. Газета наша взахлеб превозносит меня. Меня повесить надо, а она хвалит. Видишь шалашик? Видишь. То не шалаш, а мой дом, моей семьи — от ранней весны до поздней осени. Работаем, трудимся на совесть. Но ты не воздавай хвалу напрасно. Нет радости от такой работы. Так-то, Муратджери! Не будь верхоглядом. И лопухом не будь, а корнем. Больше смотри, меньше слушай, потому что сейчас больше говорят готовыми фразами, громкими, пустыми...

На семь дней затянулась командировка Мурата. Он успел побывать почти во всех колхозах. Пользуясь советом Знаура, больше смотрел, чем спрашивал. Хоть Знаур и высмеял его собратьев по перу за их оды героическому труду колхозников, но он видел множество примеров действительно героического труда. Да и уши не мог заткнуть. Слышал и такое, что выставляло все в другом свете. И далеко не кусочек навоза попал в ведро с родниковой водой...

«Ладно, посоветуюсь еще с Аузби. Обо всем хорошем напишу подробнее, а о недостатках вскользь. Или — ничего».

У ворот углового дома сидел старик. Мурат узнал Дзаххота. Поздороваться и пройти мимо? Но что-то удержало его.

— Доброго тебе утра, Дзаххот.

— Пусть на тебя падет благословение того, кто сотворил это доброе утро, дорогой,— вглядываясь в Мурата, отвечал старик.— Глаза мои заволок туман... Не признаю тебя... Чей ты сын?

— Татари.

— Тот, который учится в городе? Не Мурат ли?

— Я, Дзаххот. Но я уже не учусь, работаю в газете.

— Да падут на меня твои напасти. Если не спешишь, присядь-ка рядом. И что ты делаешь в газете?

— Пишу.

— О чем? Что видишь или что тебе говорят?

Мурат рассмеялся: и этот туда же...

— Ты извини меня за прямоту. Я давно не читаю газет. Но раз ты в одной упряжке с сыном Дзарахмета, то... тот писал так, как ему заблагорассудится.

— Он уже давно не работает в газете.

— Как-то очернил нас... Где же он теперь? Учит других, как надо работать в газете?

— Нет, он...

Старик встал и крикнул во двор:

— Хозяйка! Иду с гостем! Входи, сын Татари. Не обессудь за бедность.

Беленый саманный дом. Во дворе ни коровника, ни куту*, ни арбы. Какой-то нежилой порядок и чистота.

Старуха узнала Мурата:

— А я думаю, что за гость такой сторонний к нам пожаловал. А тут свой. Проходи, Мурат.

В комнате было прохладно. Тем и замечательны саманные дома, подумал Мурат, в них в жару прохладно, а в мороз хорошо, тепло. Убогая обстановка не удивила его, ничего другого он и не ожидал увидеть.

— Садись, Мурат,— старик указал ему на широкую некрашеную скамью, а сам тяжело опустился на скрипучий стул.

— Не думай, не нартский стол накроем. А хочется, порази меня небо, истинно по-нартски приветить сына Татари, которого мне всегда приятно видеть. И больно: он чем-то очень напоминает нашего старшего сына...

Старуха накрыла стол. Вареная в мундире картошка, чурек, зеленый лук, брага из кукурузы. Дзаххот наполнил глиняные чаши.

— Вспомним имя творца всего сущего, Мурат. Не требуем у него, а смиренно просим. Пусть не лишит он нас своей милости, рассудит по справедливости правого и кривого. Народ устал хлебать горе. Ждем лучших времен. Не надо пресыщения — пусть будет так, как до войны нам жилось. Пей, Мурат, брага хорошая.

Старуха подождала, пока они выпили и притронулись к еде, потом сказала:

— Старший наш не вернулся, это ты знаешь, как и твой брат Тотырбег. А младший подался в город, другого выхода не видит, чтобы залатать прорехи. Говорит, что большой завод строят...

— Казбек отличный парень,— поддержал ее Мурат.— Лучший друг нашего Асланбега.

---

* К у т у — плетенное хранилище для кукурузы в початках.

— Дай им бог долгой жизни. Стыдно перед тобой, Мурат, но ты свой, не осудишь за скудное угощенье.

— Ну что ты, что ты... Поверьте, мало кому лучше вашего живется. Одними надеждами на лучшее будущее и живем. Но это не пустые надежды.

Дзаххот усмехнулся:

— Предки наши говорили: «Не спеши есть, потерпи,— слаще будет». Ничего другого и не остается. Из четвероногих даже кошки нет в моем доме. Была корова, да заездили ее,— и пахала, и бороновала. А там от ящура, бедная, скопытилась. Что за житье без мяса и молока...

Кто-то громко крикнул со двора:

— Дзаххот, Дзаххот! Оглох совсем? Выгляни!

Дзаххот и старуха выбежали из комнаты. Мурат тоже вышел за ними. В огороде оглушительно затарахтел трактор, перепахивая кукурузу и картофель.

— Что вы делаете? — Дзаххот затряс руками.

— Чтобы на вас небо обрушилось, бессердечные! Чтобы в вашем доме навсегда поселилось горе, ироды! — старуха побежала наперерез трактору, на бегу стягивая с головы черный платок. Стала перед трактором, кинула платок под колеса. И, судорожно схватившись за грудь, сама повалилась на землю.

Трактор остановился. Чумазый тракторист подбежал к женщине, легко подхватил ее на руки, быстро понес к дому. Дзаххот семенил следом, бормоча:

— Что происходит, что происходит... О бог, где глаза твои? Или ты ослеп, глядя на дела рабов своих...

У поваленного трактором плетня стояли трое мужчин, и Мурат узнал среди них председателя колхоза Арсамага.

— Добрый день,— сдерживаясь, спокойно поздоровался Мурат.

— О, Мурат! Здравствуй. Видел, что творится: поля гибнут, полоть некому, а эти старики прячут сына.

— Арсамаг, я не нахожу слов... Разве можно так? Кто до этого только додумался — перепахивать огороды... Варварство! Дикость!

— Но-но! Мурат! А что прикажешь делать? Не хотят работать в колхозе — пусть не пользуются землей!

— Они свое отработали!

— А сын?

— Он в городе. Трудится на стройке.

— Пусть вернется.

— Там тоже нужны рабочие руки.

— Это не наше дело. И ты, Мурат, не лезь не в свое дело...

— Как так?

— А вот так!

— Твое счастье, Арсамаг, что сейчас нет здесь Казбека...

— Думай, что говоришь.

— А ты думай, что делаешь!

К тому времени тракторист, приведя в чувство старушку, вернулся, сел на трактор и, круто развернув его, выехал из огорода.

— Арсамаг! Я покатил в МТС! И больше моей ноги здесь не будет. Сами пашите!

— Катись, катись! И на тебя найдется управа.

— Свою голову береги, председатель,— последнее слово тракторист проговорил с откровенной издевкой.

— Вот сволочь,— Арсамаг посмотрел на своих товарищей. Те, недоуменно пожав плечами, молча повернулись и пошли прочь. Арсамаг метнул взгляд на Мурата.

— Мурат, думаешь, моя крестьянская душа не болит? Думаешь, я не знаю, кто такой Дзаххот? Не знаю, где его старший сын? Тебя бы в мою шкуру... Один совет тебе: смотрел, но не видел. Если не хочешь, чтобы болела голова. Запомни: кидать в гору камни — вызвать на себя лавину. Ну, я пошел, а то еще появится Казбек с отточенными вилами...

Мурат и мысли не допускал, что такое безобразие творится с ведома Александра. Пользуясь его отсутствием, кто-то поспешил вкусить сладкого плода власти. Он решил прямиком идти в райком партии. Ни одного из секретарей на месте не оказалось. Тогда Мурат зашел к Майраму. Председатель райисполкома, казалось, заждался Мурата, так бурно обрадовался ему:

— Вот так молодец! Вот так мужчина! Приди на мои похороны, если я не люблю тебя, как младшего брата.

Мурат уставился на Майрама: неужели знает, по какому он поводу пришел...

— Я, как говорят, по горячим следам...

— Звонил, звонил мне Арсамаг. Нехорошо все получилось. Очень даже нехорошо. Я в свое время предупреждал Александра, что крутые меры к добру не приведут. Но кому слышен голос маленького человека... Нельзя потакать и беглецам из колхозов. Семью Дзаххота, конечно, не следовало трогать — весь свой век, считай, в колхозе. Вместе с Аузби коллективизацию проводил. Надо извиниться перед ним, надо... Я позвоню Арсамагу. Или лучше дождаться Александра, он-то его пропесочит... Как сам поживаешь? Говорят, заведуешь отделом республиканской газеты? Я рад за тебя, очень рад,— он неожиданно по-свойски подмигнул Мурату.— И там не мешает иметь своего. Ну, будь здоров. Заглядывай, если что...

Когда Мурат вернулся домой, он застал Фатимат на дереве. Она обрывала листья тутовника, чтобы скормить их личинкам шелкопряда.

— Ой, нана, и охота тебе связываться с таким хлопотным делом? Отдыхать-то когда будешь?

— Отдыхать там будем, сынок, в истинном мире. А за коконы хорошо платят,— Фатимат, придерживая полный листьев передник, осторожно спустилась по лестнице.— Ты не голоден? Пойдем, я тебя накормлю...

В крайней комнате на полках из плетней копошилась, шелестя листьями, густая масса гусениц. В комнате стоял характерный, знакомый с детства, запах. Фатимат и до войны сдавала чуть ли не по пуду коконов. Помнил Мурат и мотки золотого шелка. Фатимат вязала крючками шелковые платки, тесемки...

— Такие прожорливые твари,— беззлобно говорила Фатимат, ровным слоем раскладывая листья.— Чем больше даешь, тем больше поедают. Саранча, да и только. Фузе новое платье нужно, Рима тоже выросла из своих латаных-перелатаных платьиц. Вот получу за коконы и... Все, хватит им до утра. Пойдем в хадзар.

— Не хочу я есть, нана. Голодный, а не хочу.

— Что случилось? — Она встревоженно оглядела сына.

— Не хочу.

— Так и говори. Старик справлялся о тебе. Заглянешь к ним?

— Пойду.

Аузби сидел во дворе в тени у забора.

— Вернулся?

— Да. Но лучше бы сразу уехал в город...— Мурат рассказал Аузби о случившемся.

— Знал я, что отнимают огороды у тех, кто отказывается работать в колхозе, но чтобы до такого злодеяния докатились... Горец, говорят, не мог сладить с конем, так хлестал седло. Понукают лошадь, которая валится от усталости. И дошла-то ведь на колхозном поле. Сунулись бы перепахать гектарный участок Дзарахмета! С Арсамага спрос невелик. Он делает то, что ему велят. Ослушается — не ходить ему в председателях... Его-то можно понять, но не оправдать. Горькую весть ты мне принес, Мурат, горькую. Неладное у нас творится. Врагам нашим воду льем на мельницу. Как и что тебе писать, спрашиваешь? — Тяжело выпрямившись, Аузби сказал: — Как подсказывает сердце, так и пиши. Струсишь сегодня — и завтра захочешь. Выбирай...— старик помолчал, глаза его зло сверкнули, он огляделся вокруг, словно искал кого-то очень ему нужного: — Солжешь — забудь мое имя и дорогу в мой дом...

В городе первым долгом Мурат отыскал Казбека. Предварительно посчитал необходимым поговорить с прорабом строительного участка. Тот не мог нахвалиться на его односельчанина:

— Скромный парень. Трудолюбивый. Старательный. И — с головой. Да и руки не деревянные.

— Ничего, если я отвлеку Казбека на пару минут? — спросил Мурат.

— О чем разговор! Он пока работает учеником каменщика. Наставник тоже не надышится на него. Я сейчас пошлю за ним...

Он пришел весь в красной кирпичной пыли. Счастливо улыбнулся, увидев Мурата.

— Нравится тебе здесь? Или дома лучше? А, Казбек?

— Разве что сравнится с родным домом? Но работать в колхозе за голые трудодни... Платили бы по-божески — вернулся бы хоть завтра. А здесь мы строим завод. И платят нормально. Но все-таки болит душа, за стариков беспокоюсь. Как они там, не видел их, случаем?

Мурат подавил вздох.

— Видел. Живы-здоровы. Ну, будь здоров...

Мурат написал статью на половину полосы. Отложил ее, думая перечитать, прежде чем отдать на машинку. Голова отяжелела, и он решил прогуляться. Прошел летучий дождь, и теперь дышалось легко. Как обычно под вечер, проспект Сталина был полон молодежи.

Мурат обрадовался было многолюдной улице, свежему воздуху, изумрудной зелени промытых дождем деревьев, но через минуту праздная толпа стала его тяготить, раздражало и грустно-мудрое золото предзакатного солнца, неправдоподобно красивые горы. Нет, не то написал — за многословьем старательно хоронил правду!

Вернувшись перечитал. «Партийная организация района мобилизует колхозников на решение задач, поставленных... Самоотверженно трудятся... Несмотря на... полны решимости...»

Он брал листки один за другим и, разрывая вдоль и поперек, комкал и бросал в корзину. «Вот тебе мобилизация... Вот тебе самоотверженный труд... Вот тебе за кровь и слезы Дзаххота и его старушки...»

Придвинув чистый лист, вывел крупно: «Самодурство». Сам удивился, как легко находились нужные слова. Рука не поспевала за мыслью. Он писал самозабвенно, счастливо, не думая о том, кто что скажет, кому это придется не по вкусу. Мурат любил себя в эту минуту, он был горд собой в этот час вдохновенья.

Заместитель редактора перечитал статью три раза. Внутренний голос вразумлял, советовал, остерегал его, а совесть велела напечатать. Он попросил Мурата зайти.

— Все, что ты написал, это правда?

— Все, что я написал — видел собственными глазами, слушал собственными ушами.

— И писал собственноручно,— с улыбкой добавил заместитель редактора.— Мурат, если честно, то я опасаюсь и за

тебя, и за себя — не сносить молодцам головы. Редактор бы ни за что не стал рисковать. До бесконечности бы возвращал тебе на доработку, пока бы вконец не выхолостил весь заряд. Как? Зажмуримся и в прорубь?

— Не будем жмуриться.

— Удобно тебе бить своих?

— А которые для меня чужие?

— Это же двухпудовой гирей в голову Александра!

— Если замешана его голова, то и моей голове никакая каска не поможет.

— Я подписываю, Мурат,— заместитель редактора поставил в верхнем левом углу свою подпись.— Да минует нас чаша гнева...

* * *

На бюро обкома партии вызвали и Мурата, и заместителя редактора. Первый раз видел Мурат руководителей республики всех вместе. Он не знал, как преодолеть внутреннюю робость. «В конце концов я среди своих товарищей по партии,— подбадривал он себя.— Они коммунисты, и я — коммунист. Не своровал, не опозорился».

Дзамболат внимательно слушал выступающих. Как-то само собой получилось, что все строили свои выступления исходя из соображения,— понравится оно Дзамболату или вызовет его недовольство. И говорили об всем, настороженно следя за выражением лица первого секретаря обкома партии. Но тот сохранял невозмутимость сфинкса. Одни вносили предложение, чтобы жителей сел в городе не прописывать и не принимать на работу. Другие призывали к лишению земельных наделов всех, чьи взрослые дети покинули село. Даже запретить держать скотину. Третьи настаивали на исключении из партии родителей всех беглецов. Но все были единодушны в одном: статья «Самодурство» вредная со всех точек зрения.

Дзамболат шевельнулся. Обернувшись к пожилому генералу, председателю Комитета госбезопасности, он спросил:

— Василий Сардионович, а каково ваше мнение?

Генерал отыскал глазами Мурата, задержал на нем тяжелый взгляд, словно стараясь вдавить его в стул, потом неторопливо поднялся и, кашлянув, веско сказал:

— Нечего толочь воду в ступе. Парня ввели в заблуждение, он и выдал нам всем на орехи. Статья хорошо написана, потому вдвойне вредна. Кстати, автор член партии,— вот что самое огорчительное. Людей, не понимающих политику партии на данном этапе, чего ради держать в партии — отказываюсь понимать.

Мурат побледнел. Хотел вскочить и негодующе бросить в

лицо генералу, что не он принимал его в партию и не ему судить о его пребывании в ней, но поймал предостерегающий взгляд Александра.

Александра мучила одна мысль: члены бюро говорили о многих причинах отставания сельского хозяйства, вносили разные предложения, но каждый умело лавировал, обходя истинную суть происходящего. Александр бросил злой взгляд в сторону Майрама. Гм, сиротливо уронил голову, словно сидит в ногах у покойника. А сам, наверное, ликует в душе, что его не будут склонять — он на вторых ролях, в густой тени за фигурой секретаря райкома. Вот если бы тамаду выбирали— о, тут Майрам вне конкурса. Но здесь не почетные бокалы преподносят, а горькую пилюлю. Что ж, пора просить слова...

Дзамболат согласно кивнул, и Александр встал.

— Не к лицу республиканской газете печатать на своих страницах такие скоропалительные статьи. Чаще нужно бывать на местах, чтобы не рубить сплеча. Такие статьи не подспорье делу, а помеха. Автор делает первые шаги, и ему следовало бы помочь. Заместитель редактора тут оказался не на высоте. Что же касается случаев с перепашкой личных огородов, то председатель явно переусердствовал.

Рука Мурата взметнулась сама собой. Дзамболат непонимающе смотрел на него.

— Что у тебя?

— Я хочу выступить.

— Ты уже сказал то, что хотел. И никому не пришлось по душе твое выступление. Ну что ж, послушаем еще раз...

Мурат, глядя на генерала, выпалил:

— Никто меня не вводил ни в какое заблуждение! И я бы просил не колоть меня, что я не понимающий политику партии коммунист. Именно совесть коммуниста не позволила мне закрыть глаза на безобразие, творимое с семьей ветерана колхозного движения, с семьей, потерявшей на войне сына. Вред делу партии приносит ложь, какой бы красивой она ни была. Я писал о том, что видел. Я знаю, что эти крутые меры не нравятся народу. То, что не нравится народу, не может быть угодно и партии...

— Все у тебя? — спросил Дзамболат.

— Да,— Мурат сел.

— Ну что ж, спасибо тебе за политграмоту. А мы-то думали, что народ одно, а партия другое. Спасибо, что вывел из заблуждения.— Дзамболат встал.— Этот парень прав. Прав в одном. Делу партии противопоказана ложь в любой обертке. Прав и в другом. То, что он видел, действительно безобразие. Додумались же! Перепахивать огород двух баззащитных стариков! Твой отпуск, Александр, всем нам вышел боком. Но если тебя нет, что, район без хозяина остался? Я бы не хотел предстать сейчас перед глазами Дзаххота.

Майрам поднял голову и понимающе закивал, подобострастно глядя в глаза Дзамболату и моля судьбу, чтобы тот не упомянул его имени. Кажется, пронесло...

— Но все-таки газете не следовало давать эту статью. Нет, товарищ, твоя правда еще не вся правда. В тебе говорил зуд сенсации. Люди уходят из колхозов. Уходят молодые, те, которым поднимать сельское хозяйство. Каким же языком с ними прикажешь говорить? Ублажать? Агитировать? Да, мы еще не в состоянии платить за трудодни. Растут долги колхозов перед колхозниками, колхозов перед государством. Где же выход? Все перекладывать на плечи стариков? Трудно народу. Но будет еще труднее, если все молодые уйдут из сел. А твоя статья оправдывает их. Вот поэтому она и вредна. Я думаю, заведующему отделом можно простить его ошибку, как говорят, первый блин комом. Снимать с работы, его не надо и исключать из партии тоже. Но вношу предложение объявить выговор и ему, и заместителю редактора и строго предупредить первого секретаря райкома партии.

Бюро единогласно проголосовало за предложение Дзамболата.

Мурат чувствовал себя оплеванным. Он ждал, надеялся, что наконец-то все станет на свои места. Разойдутся тучи, выглянет солнце, и он увидит то, что не смог увидеть со своей колокольни. Но небо не очистилось. Тучи еще больше сгустились. Мурат вынужден был признаться: далеко не так могущественны те, на которых он возлагал свои надежды. Дзамболат и сам растерян. Эта мысль ужаснула его больше, чем слова генерала. Никто из них не знает настоящей правды. Где же и кто ее хоронит? И почему?

28

Бексолтан сидел в своем кабинете на третьем этаже обкома партии и готовил справку для Дзамболата. Правил текст вечной ручкой с золотым пером,— подарок свояка. Он вытер перо промокашкой, золото заблестело. Мысленно перенесся в Москву, вспомнил свое знакомство с мужем Замират, старшей сестры Мисурат.

С женитьбой на Мисурат он не прогадал. По просьбе свояка после окончания центральной комсомольской школы Бексолтана приняли на работу в органы. Но... Что бы ты ни сделал, как бы ты ни отличился, об этом за стенами двухэтажного особняка на улице Бутырина никто ничего не должен был знать. А Бексолтан жаждал громкой славы, известности.

И снова помог счастливый случай. Он принес какие-то бумаги на подпись Дзамболату. Тот говорил с ним как со старым знакомым, вспомнил гостеприимство его отца, вспомнил

и его свояка, работника органов в Москве, а под конец поинтересовался, не подумывает ли он о переходе на партийную работу.

— Твой совет, Дзамболат, для меня приказ. И раздумывать не стану...

После того памятного разговора и двух месяцев не прошло, как Бексолтана перевели в обком партии — сначала заведующим сектором, потом заместителем заведующего отдела. Хоть значительно потерял в зарплате, а работы ощутимо прибавилось, он был доволен и этим поворотом в своей судьбе — знал: если Дзамболат кого приметил, то в обиду не даст...

Бексолтан, окунувшись в работу с головой, добился того, что о нем стали говорить как о знающем человеке. Не проходило недели, чтобы Дзамболат не вызвал его к себе или не позвонил по телефону, поручая то одно дело, то другое. Вот и сейчас он готовит справку по Тагардону. Инструкторы отдела, нужно согласиться, потрудились в поте лица, но слишком уж прямолинейно и бесхитростно пишут обо всем, не утруждая себя мыслью о возможной реакции Первого. Добросовестные люди, как правило, наивны. Пишут «хорошо» — исправь на «неплохо», пишут «плохо» — переделай на «хуже некуда» или «ниже своих возможностей». Не надо быть особенно проницательным, чтобы видеть — Дзамболат недоволен работой Александра, и недалек день, когда под благовидным предлогом он снимет его с работы. А на его место... Кого же еще, как не его, Бексолтана? Майрама, чревоугодника этого, что ли?

Бексолтан велел машинистке перепечатать справку. Вернувшись к себе, позвонил Мисурат. Она была беременна, и Бексолтан относился к ней особенно ласково.

— Ты, Бек?

— Я, дорогая, я. Как ты? Не скучно одной? Потерпи, скоро буду, если, конечно, не задержит Дзамболат.

— Дзамболат, Дзамболат!.. Кроме тебя там никого нет? Почему именно тебя он всегда задерживает? — шутливо ворчала Мисурат.

— Люблю тебя... Так люблю тебя!.. Очень, очень! Целую. Жди перемен в нашей судьбе. Но пока ни о чем не спрашивай...

* * *

Республика пятилетний план выполнит только по промышленности, а по сельскому хозяйству опять недобор. Во многих колхозах труженики ряд лет на свои трудодни ничего не получают. И не в одной Осетии такое положение создалось.

Не хватает конной тяги, упряжных волов, техники. Люди, несмотря на крутые меры, всеми правдами и неправдами по-

кидают насиженные места. Что может в этих условиях предпринять обком партии? От руководителей зависит многое, но далеко не все...

Дзамболат, узнай он мнение Мурата, согласился бы с ним: да, он растерян. Сменяют руководство там, в верхах, комбинирует с кадрами и он. Молох войны был ненасытен. Да и теперь страна вынуждена выделять миллиарды рублей на укрепление обороны. Если бы эти деньги направить на развитие сельского хозяйства! Бесплодные мечты.

Дзамболат попросил секретаря вызвать Бексолтана. Потом снова пробежал глазами справку по Тагардонскому району, представленную Бексолтаном.

— Гм... А этот мальчик был прав, раз и отдел пишет: «Сегодняшний уровень партийно-организационной и партийно-политической работы чреват тяжелыми последствиями для хозяйства района, самым отрицательным образом скажется на коммунистическом воспитании трудящихся...»

Осторожно приоткрылась дверь. Бексолтан, просунув голову, робко спросил:

— Дзамболат Андреевич, вызывал меня? — не дожидаясь подтверждения, шагнул через порог и пригладил волосы.

— Входи, входи...

Бексолтан молодецкой походкой прошагал по мягкой ковровой дорожке к столу Дзамболата и застыл. Дзамболат слабо махнул рукой:

— Садись.

Бексолтан сел и весь подался вперед, всем своим видом выражая готовность выполнить любой приказ: в огонь — так в самое пекло, в воду — так в стремнину, лишь бы не огорчить первого секретаря.

Дзамболат поднял на него умные усталые глаза. Бексолтан не отвел взгляда. Он знал: первому секретарю обкома нравится, когда собеседники не прячут глаза. Только упаси тебя бог смотреть на него вызывающе.

— И как же нам поступить с твоим районом? — спросил Дзамболат, словно продолжая развивать свою мысль.— Создалась действительно тревожная обстановка. Колхозники ничего не получают на трудодни, государственные задания по мясу, молоку и шерсти не выполнены. Справка ваша наводит на грустные размышления и подсказывает необходимость смены руководства. Боюсь, что Александр устал и пора ему немножко отдохнуть.

Бексолтан напрягся. Что ему сказать? Как повести себя? Валить всю вину на Александра? Отгораживать его? Нет, нужно что-то среднее.

— Александр мне... Он мне кажется хорошим человеком.

Дзамболат криво усмехнулся:

— Хороший человек... Да, хороший. Но хороших людей

не так уж мало, а вот хороших секретарей райкомов партии куда меньше. Хороший человек не всегда хороший руководитель, как и хороший руководитель зачастую, к сожалению, не очень хорош как человек. Довольно неопределенно все это: хороший человек, плохой человек...

Бексолтан не поддался скрытому призыву Дзамболата быть предельно откровенным. Нельзя ему по тактическим соображениям ни ругать, ни хвалить Александра как делового человека. Это уже большой риск, а рисковать в теперешней ситуации с его стороны было бы верхом глупости. Обмануть чуткого на малейшую фальшь Дзамболата он не сможет. Но и молчание не лучший вариант поведения.

— Пойми меня правильно, Дзамболат. К Александру я отношусь с большим уважением. Мой отец Дзарахмет его тоже очень почитает. А Аузби... Тому он как родной сын. Я начинал под руководством Александра. Словом, мне трудно быть беспристрастным... Прошу понять...

— В представленной отделом справке что-нибудь вызывает у тебя сомнение?

— Нет.

Дзамболат остался доволен позицией Бексолтана. Тот безошибочно уловил настроение Первого и смущенно опустил голову.

— Ну что ж... Ты свободен. Еще увидимся...

От обуявшей его радости у Бексолтана перехватило дыхание. Но он ничем не выдал своего внутреннего ликования: мужчина и в радости и в горе должен оставаться мужчиной, не терять самообладания. По ласковому, многообещающему тону Дзамболата он понял, кому вместо Александра быть первым секретарем Тагардонского райкома партии. Еще одна ступенька...

* * *

Солнце коснулось гребней гор, готовое в недолгом прощании скатиться на ночлег, когда Александр доехал до города. Он остановил машину у четырехэтажного дома недалеко от центра. Здесь жил Бимболат. Александр несколько раз порывался поговорить с ним о своем намерении жениться на его сестре, но в последнюю минуту им овладевала нерешительность, не свойственная ему вязкая робость.

Бимболат встретил гостя с распростертыми объятьями. Не всякого он приводил в свой рабочий кабинет — только тех, с кем был откровенен, с кем ему хотелось поговорить по душам. Александр был в числе тех избранных.

Он отметил про себя, что со времени его последнего посещения здесь мало что изменилось, чего не скажешь о самом хозяине кабинета: Бимболат располнел, гладко выбри-

тые толстые щеки похожи на ошкуренную репку, волосы посеребрились.

Присев на мягкий диван, Бимболат спросил:

— Если есть чем похвастать — не скромничай. Как поживаешь? Как дела? Как твоя электростанция? Ничего не скажешь, воздвиг себе рукотворный памятник. И еще кровью своей освятил. Не побаливает нога?

— Нога — нет. Шрам остался здоровый...

— Нога не болит... Но болит душа? Ты так хотел выразиться? Да, чего-то не хватает нам, а чего — ума не приложу, — Бимболат встал, подошел к полке с книгами, вытянул одну, перелистал и вложил обратно.

— И в этой книге не написано, чего нам не хватает? — пошутил Александр.— Не хватает техники, денег. Людей, потому что им ничего не платят. А чтобы платили, надо производить, а производить некому. Вот такой замкнутый круг.

— В городе тоже ощущается дефицит рабочей силы, однако промышленность уже достигла довоенного уровня, а по некоторым показателям даже и превзошла. Идет снижение цен на продовольственные и промышленные товары, жизнь дешевеет.

— Но если костюм стоит даже рубль, а у меня этого рубля нет — обрадует ли меня такое снижение цен? Я уже колхозникам в глаза не могу смотреть.. Рабочий класс называем героическим, и по праву. А колхозное крестьянство дважды героическое! И в жару, и в холод, и в дождь, и в снег в открытом поле, да еще ни выходных, ни отпусков. Получают же крохи. Я все понимаю. Но обещаниями прекрасного будущего сегодня сыт не будешь...

— А другого выхода нет, только потуже затянуть пояса и терпеть и голод, и холод. Ради чего? Все ради того же будущего. Не заложим ему материальной базы — никогда не покончим с тяжелыми последствиями войны. Закон осетинской семьи: сами голодные, а кусок берегут для гостя. Мы бережем этот кусок для будущего поколения. Лет пять, еще одну пятилетку придется не распускать пояс...

— А там животы отпустим?

Александр понимал, что и Бимболату трудно дать ему дельный совет. Он сощурился и сказал, улыбнувшись:

— Ты доцент? Доцент. Гони коньяк. Или нету?

— Есть. Это же мое лекарство.

Александр вздохнул:

— Дорогое лекарство, но здоровье дороже. Ну что ж, пропиши и мне для храбрости...

Бимболат, доставая из тумбочки письменного стола бутылку и рюмки, спросил:

— Куда вызывают, что ли?

— Первый вызывает. И чую сердцем, что радости не ждать.

— В воскресенье? Вечером?

— Сам без выходных, и мы без привалов.

— Хозяйка моя у своих родителей, но мне не впервой самому ухаживать за гостями. К коньяку хорош лимон... Или ты голоден?

— Нет. Давай с лимоном,— он взял рюмку и дольку лимона. Бимболат чокнулся с ним, спросил:

— Да, а как там Аузби и Госама? Я часто встречаю Мурата. Он как-то еще давно рассказывал мне, что его младший брат перешел жить к ним. Володя, говорит, тоже подрос...

— Знаешь, Бимболат, когда я слышу слова «ленинская гвардия», то перед глазами первым встает Аузби. Прежде чем что-то сделать, я спрашиваю себя, а понравится ли это Аузби. Но, признаться честно, не всегда верен этому правилу, есть грешки...

— У кого их нет! Хорошее у нас село. Много чистых, благородных людей вышло оттуда. И, что удивительно — чем я делаюсь старше, тем они дороже мне, ближе сердцу. И молодое поколение достойно отцов. Не знаю, как тебе, но мне Мурат полюбился особенно после этой статьи. Душа нараспашку, правдолюб, хотя это сулит много неприятностей...

— Молод еще... — Александр опустил рюмку.— Но дело это поправимое, наживное. Жернова жизни перемелят его...

— И будет жаль...

Александр хотел намекнуть о своих отношениях с Мадинат, но в последнюю минуту снова оробел, да и настроение было не то. Он понимал, что для плохого настроения причин у него больше, чем надо. Дела в районе, и не только в районе, но и в республике, складывались не так, как думали, планировали. И вроде решений выносят немало — но все выходит не так, как бы хотелось. И он нередко приходил к безрадостному выводу: он, первый секретарь Тагардонского райкома партии, бессилен кардинально улучшить дела колхозов района. Больше того, к такому же выводу он приходил и в отношении Дзамболата. И он не в силах ничего предпринять без кардинальных решений и указаний со стороны ЦК КПСС и союзного правительства. И это чувство беспомощности и бесперспективности угнетало и не давало покоя. Поэтому и думы о Мадинат, и мысли о Мурате, и многое другое личное казалось Александру не столь существенным. Он даже понимал, что разговор о Мурате, об этой нашумевшей статье имеет, если не прямое, то косвенное отношение ко всему тому, что портило его настроение, создавало чувство подавленности. Но в эти свои мысли он не хотел посвящать Бимболата и ответил:

— Жизнь собьет с него шелуху романтичности... Излиш-

нюю горячность. И он, остудившись, станет более рассудительным.

— И осторожным?

— И осторожным. Осторожность и храбрость состоят в бо́льшем родстве, чем необдуманность и безоглядная храбрость.

— Ладно, Александр. Выпьем за тех, кто сберег чистоту души, несмотря ни на какие жернова. И за их безумство...

Александр, взглянув на свои часы, заторопился.

— Передай Дзамболату мой привет. Когда-то были в большой дружбе, а теперь видимся все реже и реже. Только на разных совещаниях и встречаемся... Буду рад за тебя, если он неожиданно сообщит тебе приятную новость. Не будет тайной — поделись...— Бимболат проводил гостя до лестничной площадки.

* * *

Чего боялся Александр, то и случилось.

— ЦК партии вызывает на учебу в Москву лучших секретарей районных комитетов партии. Перспективных,— подчеркнул Дзамболат.— Мы решили, что лучшего кандидата, чем ты, не придумать.

Ни один мускул не дрогнул на лице Александра. Он спокойно выдержал изучающий взгляд Дзамболата, не выразив ни огорчения, ни радости.

— Ты знаешь мое отношение к себе,— отеческим тоном продолжал Первый.— Мне тоже не вечно сидеть здесь. ЦК думает о будущих руководящих кадрах республики. Или ты недоволен?

— Я слушаю тебя...

— А думаешь что?

— Думаю? Думаю, что ты хочешь подсластить горькую пилюлю...

— Значит, мы оба хитрим друг перед другом... Спасибо за откровенность. Но я не подслащаю, хотя знаю, что ты не в восторге. Объясни, почему тебе обидно слышать это?

— Дзамболат, я благодарен тебе за все. Я надеюсь, что мое желание остаться в районе и претворить в жизнь намеченные планы не будет истолковано тобой превратно. И не на комплименты я напрашиваюсь. Я не мальчишка, и понимаю, что это только благовидный предлог...

Дзамболат живо возразил:

— Вот тут ты не прав! Я уважаю тебя и возлагаю на тебя большие надежды. Ты устал. Тебе необходимо оглядеться назад, осмотреться вокруг. Ты отлично зарекомендовал себя за десять лет. И я убежден, что знания, полученные при ЦК, ты применишь с наибольшей пользой. Именно ты.

— Спасибо за доверие. Я постараюсь оправдать твои надежды,— сказал Александр.

Но Дзамболату и на этот раз не изменила интуиция:

— Хоть с иронией, но и на том спасибо. Ты честен, а остальное приложится. Теперь... Не порекомендуешь ли кого на свое место?

Александр онемел от неожиданной просьбы Дзамболата. Он знал, что кандидатура давно подобрана, одобрена, дело уже решенное, но Дзамболату почему-то хочется продолжать игру в поддавки. Скорее всего, тот человек — их общий знакомый, и Первый ждет, не совпадут ли их мнения.

— Не знаю,— Александр не скрывал, что не хочет отвечать.

— Точно такой же вопрос когда-нибудь зададут мне. И, чтобы не ответить, как ты, мы решили послать тебя на учебу. Что ты скажешь о кандидатуре Бексолтана? Удивлен? Ну, говори.

Александр много слышал о сыне Дзарахмета, и Аузби предостерегал, что от него ничего доброго не приходится ждать. Но не станет же он делиться слухами и чьим-то мнением с Дзамболатом? Если бы его слово имело решающее значение, он бы восстал против кандидатуры Бексолтана. Но нет, не полезет он на рожон — какими только домыслами не обрастет его возражение. Пусть все идет своим чередом. Кому нужна эта игра? Вопрос уже решен. А у него еще лицемерно выспрашивают мнение. Ничего, время учит всех. Пусть проучит и Дзамболата, раз он покровительствует сыну Дзарахмета.

— Я против ничего не имею. Единственное, что меня смущает, это его молодость.

— Молодость? А сам ты когда начинал? А я? Молодость не помеха. Может, другое что-то? Замкнулся? Так и быть, не буду настаивать. Мы очень на тебя надеемся, Александр.— Дзамболат протянул ему руку.— Готовься в дорогу. Я верю, что она окажется счастливой для всех нас.

* * *

Она узнавала его по шагам. Узнала и сейчас. Сердце забилось пойманной птицей. Вот он прошел по вестибюлю, поднялся по лестнице на второй этаж.

Мадинат встала, поправила перед зеркалом прическу, опять присела, чтобы умерить биенье сердца, и через секунду решительно двинулась к дверям. В конце концов они товарищи по работе, она идет к нему по делу, а не... а не...

Почему его так неожиданно вызвали, да еще в воскресенье? Ясное дело, не пироги печь... Видел ли он Бимболата? А если видел, решился ли, наконец, сказать?!

— Доброе утро. Я подготовила проекты на бюро.

— А я приготовил тебе сюрприз... Теперь-то ты не отвертишься!

— Говори быстрее, не мучай.

— Меня спроваживают в Москву. На учебу.

— И на кого же ты будешь учиться?

— Дзамболат говорит, что ему не вечно сидеть на посту Первого...

— Неплохо придумано, — медленно проговорила Мадинат.— Очень сладкая облатка...

— Ты, как всегда, и я вынужден добавить — к сожалению! — права. Не внушаю я доверия, могу вконец завалить все... И, знаешь, кого на мое место пророчит Дзамболат? Ни за что не угадаешь...

— Угадаю.

— Кого?

— Бексолтана. Этого голыми руками за жабры не схватишь, в угольное ушко верхом проскочит.

— Мне бы его напористость, пробивную силу, я бы...

— Бимболата видел?

— Видел...

— О-о...

— Мне не быть таким напористым... Но ведь ты меня одного не отпустишь в столицу? — Александр взял ее за руки.— Не отпустишь ведь?

— Кому ты нужен, такой старый? А я вот, бедная, по-глупому счастлива...

Александр, осмелев, притянул ее к себе, уткнулся лицом в ее волосы.

— Сердце — не камень,— сказал он.

— Но и не вата,— сказала она.

— Ты будешь в Ленинграде, защитишь диплом,— сказал он.

— Ты будешь в Москве. Двенадцать часов езды,— сказала она.

— Сегодня понедельник. Завтра шлю сватов. В воскресенье свадьба.

— Мне бы твою напористость...

— Мадинат, бери мою машину и, не медля ни минуты, в город. Объясни Бимболату или его жене, что завтра к ним приедут...

Мадинат попятилась и выскочила в коридор, чуть не сбив с ног входившего Майрама. Тот спешил к Александру с поздравлениями. На этот раз они были искренними, от всей души.

29

Не сложилась у Мурата песня первой любви, оборвалась на полуноте. Но со временем рана, нанесенная Мисурат, затягивалась, покрывалась коростой, становясь горьким воспоминанием.

Мурат уже не надеялся, что встретит девушку, которая будет ему так же дорога, как Мисурат, хотя были девушки, которые ему нравились. Но обжегшись на молоке, говорят, дуют на воду.

...Они стояли посреди аллеи на проспекте. Глядя на них со стороны, можно было только подумать, что подружки встретились после долгой разлуки и, перебивая друг друга, стараются побыстрее освободиться от груза новостей.

Мурат успел рассмотреть ее, пока приближался к ним, — чуть выше среднего роста, довольна стройна: не красавица, но далеко и не уродина...

— Здравствуйте! Смотрю и вижу: Чабахан... Сестра моя и друг мой....

— Здравствуй, Мурат,— видно было, что Чабахан играла свою роль с удовольствием.— Познакомьтесь, пожалуйста.

Мурат подал девушке руку и представился. Та, быстро отняв свою руку, назвалась:

— Залихан.

— Очень рад,— сказал он.

— Очень приятно,— ответила Залихан.

Смуглая. Прямой нос. Еле заметные усики. Брови вразлет. Она была бы красива, если бы от нее не веяло каким-то холодком.

— Залихан, это мой брат, заведующий отделом республиканской газеты.

Залихан, словно ничего о нем не знала, с любопытством оглядела Мурата.

— Никогда бы не подумала...

— Почему?

— У твоего брата такие огромные добрые глаза!

— А что, журналисты обычно свирепы?— Мурата приятно удивили ее слова.

— Отнюдь... Но у них должен быть какой-то испытующий, пронизывающий насквозь взгляд. Как у следователя.

— Ой, Залихан, он у меня скромный мальчик, а ты сразу ему столько комплиментов наговорила. Сейчас он скажет, что ему некогда...

— Чабахан, ты намекаешь, что я прервал вашу приятную беседу и мне пора раскланяться? Ну что ж, до встречи...

— Мурат, я пошутила!

— Мне и в самом деле нужно спешить, Чабахан. На железнодорожный вокзал. Александр и Мадинат уезжают.

— И от моего имени пожелай им счастливого пути. Такая красивая была Мадинат в наряде невесты! Ты вечером заглянешь к нам?

— Постараюсь. До свиданья, Залихан. Жаль, что я лишаю себя вашего общества.

— Вот теперь и я вижу, что ты журналист... До свидания...

Вечером Чабахан пристала к нему:

— Ну как? Понравилась она тебе? Без пяти минут врач, и — красива...

— Не знаю. А красота... Снег тоже красив, да ноги мерзнут.

— Ходи в валенках! Одни глаза ее чего стоят! Врач, хорошие родители, воспитанная... Чего тебе еще?

— Еще любви.

— Полюби! Кто тебе не дает? Я же не говорю, чтобы ты немедленно слал сватов. Она проходит практику у нас. Специализируется на невропатолога. Я была у нее дома. Замечательная семья, интеллигентная. И живут — дай бог каждому...

— И мне тоже перепадет от той жизни? — Мурат иронически улыбнулся.— Может, мне примаком к ним войти?

— Я серьезно тебе говорю. Не будь рохлей, девушка хорошая — не упускай своего счастья...

— Ты уверена, что именно она — мое счастье?

— Время еще терпит, познакомься поближе. Но только не прохлопай...

Через несколько дней Мурат встретил Залихан с подругой. Не успели поздороваться, как подруга, мельком взглянув на часы, заторопилась, сославшись на занятость: у женщины чуткость рождается раньше нее...

Мурат благодарно посмотрел ей вслед, но, оставшись наедине с Залихан, нерешительно переминался с ноги на ногу, не зная, с чего начать. Ему претили банальности, да деваться было некуда — заговорил об общих знакомых. И скованность прошла. Он разглядывал ее уже без особого стеснения. Она сейчас казалась еще привлекательней. Ему нравились и маленькие золотые сережки, трогал ее журчащий смех, походка.

* * *

— Ты уже репетируешь роль жениха? — Чабахан со смехом встретила Мурата, тыча пальцем в коробку конфет, которую тот держал под мышкой.

— Не жениха, а зятя: женихи ходят с цветами, и только зятья с конфетами, чтобы подсластить обман от цветов. А эти конфеты — сестре,— Мурат вручил ей коробку.— Ты впустишь меня в дом, или вот бог, а вот — порог?

— Входи, входи, брат,— Чабахан отступила в сторону, пропуская Мурата.

— А твой...

— Воскресенье же, Мурат, воскресенье — его к ножке кровати привяжи, и то уйдет, волоча кровать за собой: он друзей на жену не меняет... Мурат, признавайся сразу: не под солнцем ли Залихан ты так расцвел? Сердце поет?

— Разве я цвету?

— Цветешь.

— Если я похож на счастливого человека, то благодаря исключительно заботам моего дядюшки Камболата: нашел мне угол у своих соседей. Когда у человека появляется крыша над головой, он уже увереннее чувствует себя в этом подлунном мире. Надоело скитаться по гостиницам.

— У тебя доброе сердце. Тебе будет трудно жить. Потому я и познакомила тебя с Залихан. Она поймет и твои муки, и твои радости. Она сильная. Ты обретешь с ней опору.

— А я слаб?

— В чем-то да.

— И рядом с сильной стану еще слабее?

— Она твой тыл. Если в тылу сильные резервы, то... Впрочем... Не получается ли так, что я тебе ее навязываю?

— Я хочу иметь в тылу не сильную женщину, а любящую. Извини, Чабахан, но я спрошу напрямик. Ты любишь своего мужа?

— Не люблю, Мурат. Но ты не спеши с упреками. Он замечательный человек, я его уважаю. А вот до любви еще не доросла. Почему выходила за него замуж? Он надежный. Я любила другого. Любила и не верила себе. Странно? Согласна. Многие женщины любят одних, а замуж выходят за других. Твоя Мисурат...

— Она меня никогда не любила, а то бы не вышла за Бексолтана.

— Она тебя любила, но не верила в свое чувство, потому что оно было естественным, как дыхание, ничего необычного. Появился Бексолтан и...

— Давай не будем о них. Все.

— Не будем,— с некоторой поспешностью согласилась Чабахан.— Тем более, что я сама не лучше Мисурат. Безнравственно выходить замуж за человека, которого не любишь.

— И безнравственно жениться на нелюбимой,— добавил Мурат.

— Да. Супружество должно быть освящено любовью.

— В идеальном варианте. Но сколько людей тянут семейную лямку из-за детей, или потому, что привыкли друг к другу, или — тема неисчерпаема. Почему ты не любишь уважаемого своего мужа?

— Я полюблю, полюблю. Готова полюбить.

— Что это: привыкла, теперь слюбится?

— Притерлась, скажем так.

— Ты о нем, о бывшем любимом своем, продолжаешь думать?

— Да... Временами. И знаю, что я бы его уже разлюбила. Потому что... Он меня слишком любил. Он боялся меня потерять. Ловил каждый мой взгляд. Он бы меня замучил своей любовью.

— Он бы не променял жену на друзей?

— Да. Но выдохся бы от непосильной ноши...

— Странно все...

— Мурат, не терзай себя. Сколько ни смотри с берега на пловцов, плавать не научишься.

— Я уже плавал...

— И хлебнул соленой воды, хочешь сказать? Любовь гарантий не дает. В ней опыта не наживешь. Каждый раз она бывает впервой...

— Это как же тебя понимать: сегодня одна любовь, завтра вторая, потом сороковая?

— Редко кто женится или выходит замуж по первой любви. Начнешь все взвешивать на аптекарских весах, так и останешься весовщиком!

— Любовь, выходит, неуправляема?

— Не будем спорить, Мурат. Чему бывать, того не миновать, это вернее всего. А Залихан добрая.

— Значит, Залихан?

— Если есть другая... Решай сам. Я ведь могу и ошибаться.

— Но все-таки Залихан.

— Другой кандидатуры у меня пока нет.

— Как же нам быть с любовью? — не унимался Мурат.

— Любовь — гостья незваная. К ее приходу не подготовишься. Придет и застанет врасплох. А когда ей заблагорассудится прийти — не у кого и спросить. Залихан достойная девушка...

* * *

Еще с вечера стала бушевать метель, ветер кружил потоки снега, и к полуночи все вокруг стало белым-бело.

Вой ветра прервал и без того неглубокий сон Мурата. Он уже не мог спать и зажег свет. Взял «Доктора Фаустуса», но мысли его разбегались. Вчера опять встретились с Залихан. Больше года он не дает покоя и себе, и девушке. Что-то в ней настораживает его. И вообще эту семью он никак не поймет. Ни «да» не говорят, ни — «нет». То наплетничают им на него, то еще что-то. Залихан на днях напомнила ему даже ту скандальную статью, которую он когда-то писал о тагардонских неблаговидных делах. Люди, мол, тебя считают упрямым, своенравным. А в чем его своенравность? Кому он навредил своим упрямством? Недавно в обкоме партии намекнули о том, чтобы он написал заявление с просьбой снять с него выговор за ту злополучную статью. Написал то, что было, вот и все его преступление. Слишком прямой, значит, это называется. Как в той восточной притче.

У одного богача долго не было детей. Наконец у него родился сын. Радости родителей не было предела. Приходили муд-

рецы и по обычаю предрекали будущее младенцу. Один сказал: «Пройдут годы, и этот малыш станет великим ученым». Другой сказал: «Он станет большим начальником». Родители щедро одарили обоих предсказителей.

Но тут пришел третий и сказал: «Все в воле аллаха. Этот ребенок сперва будет ползать на четвереньках, потом будет ходить на двоих, потом на троих, с палкой, то есть, а там он тоже умрет».

Третий говорил сущую правду, но богач кликнул своих слуг, и те спустили с правдолюбца три шкуры...

А как быть ему, Мурату? Ведь тот генерал из НКГБ возмущался, что он все еще в партии. Хорошо, что Дзамболат не оказался сторонником крутых мер, а то бы и впрямь с треском выгнали.

Какую же линию поведения избрать тому, кто не может не говорить правду, но и быть битым нет никакой охоты... Писать так, чтобы выходило и вашим, и нашим? А как быть с совестью? А честь коммуниста на какую полку закинуть?

Он один раз уже пошел на поводу у других, и подписал «обличающую» Георгия бумагу. Второго раза не будет.

Теперь Георгий страдает, без вины виноватый, а настоящие враги... Врача того, Ханджери, разоблачили, а Камболат вновь вышел сухим из воды. Скоро, говорил тогда в горах, Гитлер подвесит твоего Сталина за усы. Гитлер давно сгнил и костей от него не осталось, а Сталин жив, работает и будет жить.

Но и Камболат не бедствует, осознал, говорит, ошибки, заблуждался, говорит... И жарит себе шашлыки, попивает грузинское вино.

Интересно, как там Мадинат и Александр? В этом году они должы вернуться. Он пойдет на свое место — куда же еще? Но куда денут Бексолтана?..

Мурат, взглянув на часы, с минуту полежал еще в постели, потом рывком поднялся и включил радио. Раздался мелодичный перезвон курантов. Потом послышались сигналы, предшествующие важным правительственным сообщениям. По телу пробежал холодок. Мурат присел на кровати. Прошло еще несколько томительных секунд.

Голос Левитана был полон скорби:

— От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства...— Мурат подкрутил репродуктор на полную мощность. Диктор гнетуще молчал. И снова заговорил, сдерживая волнение:

— Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство сообщают: ночью третьего марта тяжело заболел Иосиф Виссарионович Сталин...

Мурат онемел. Он перестал дышать, застыв с открытым ртом. Слова Левитана били по голове тяжелой кувалдой, оглушая его, отзываясь болью в сердце.

— Принимаются срочные меры... Спасти... Жизнь... в опасности...

«Кого спасти? Как это спасти? Разве Сталина надо спасать? От кого? От чего? Спасать Сталина? Чушь какая-то. Все болеют...»

Мурат быстро умылся, позабыв о гимнастике, оделся и вышел на улицу, даже не позавтракав. Покалывал легкий морозец, пушистый снег мягко светился, день обещал быть теплым и ясным. В такой день не может произойти ничего плохого, природа сотворила этот день только для радости, на счастье живущим. Нет, нет, не бывает грома средь ясного неба. Это чудовищно, несправедливо...

Несмотря на относительную рань, на улицах было полно народу. На лицах печать тревоги, скорби. Не слышно привычных оживленных разговоров, никто громко не окликает друг друга, идут не спеша, уронив головы, словно присутствуют на похоронах. Притихли даже дети, идущие в школу. Не толкаются, не кидаются снежками.

Мурата тронула за руку какая-то женщина.

— Мурат,— сказала плачущим голосом,— Мурат, родненький, как же так? Нельзя же ему... Как мы без него будем?..

Мурат узнал вахтершу студенческого общежития. Увидев чужие слезы, успокоился сам.

— Не волнуйтесь. Его лечат лучшие врачи. Светила... Он поправится. Обязательно поправится.

— Дай-то бог, дай-то бог!

* * *

Мурат, казалось, потерял всякое чувство бытия, будто превратился в механический предмет, способный делать только какие-то бессмысленные движения. И вообще все, что происходило вокруг, и все, что не было связано с человеком, приковавшим к себе всеобщее внимание, для Мурата теперь не имело никакого значения, если это казалось даже лично его самого и его семьи.

И в тот последний вечер против обычного никто после работы не спешил домой. Никто ни о чем не говорил и не хотел говорить. Все жили ожиданием.

В эту ночь Мурат дежурил. Вычитав газетные полосы, прилег в своем рабочем кабинете на старый, изрядно потрепанный диван, но о сне и не думал. Зато теперь к нему вернулась какая-то способность мыслить. И в своем воображении он уходил в неведомые края и страны в поисках чудодейственного средства для его спасения. Пусть это будет средство, изготовленное самым знаменитым ученым или даже обыкновенным знахарем. Лишь бы спас этого необыкновенного человека.

Спасти? А почему спасти? Разве он не живет везде, где есть трудящийся человек? И в горах Кавказа, и в городах Европы, и на просторах Азии, Африки, Америки,— везде, везде...

Постепенно Мурат стал успокаиваться, и мысли его потекли по другому руслу. «Такого не было и не будет...» Это, кажется, слова Камболата, сказанные им после войны. Интересно, а теперь Камболат кому и чему молится? «Рыжеволосая — рядом, диплом в кармане и товарищ Шерпилов поехал в Сибирь». Это голос Георгия. «Так что, выше того, что написал товарищ Сталин, в марксизме ничего нет?» Какие-то два загадочных существа схватили Георгия и выскочили в окно...

Сердце Мурата заколотилось не то от гнева, не то от страха. Мысли опять вернулись к человеку, которого он любил больше своей собственной жизни.

«О боже! Как же так? — думал он. — Как же так, что его больше не будет? Нельзя, чтобы это случилось, нельзя».

Уже шестой час. Скоро заговорит радио. Вот бы передали, вот бы сообщили радостную для миллионов людей весть, что дело пошло на поправку, что опасность миновала, что... что... Весь народ сейчас в тревоге. «На днях Гитлер твоего гения-идола повесит за усы». Не Камболат ли торжествовал тогда, в 1942 году? Он тоже, наверное, слушает последние известия, попивая грузинское вино и уплетая за обе щеки телятину с горчицей...

Одному больше невмоготу было оставаться, и Мурат вышел на улицу. С гор дул холодный ветер. Невольно поежившись, застегнул пальто на все пуговицы, огляделся по сторонам и направился к площади Свободы. Он знал, что в эти дни у здания Правительства с самого раннего утра собирается народ.

Здесь уже стояла огромная толпа, а люди шли и шли, хмурые, неразговорчивые, настороженные, словно каждый из них был в чем-то виноват. И все взгляды — на колокол-громкоговоритель, укрепленный на крыше здания.

Раздался бой часов Кремля. Уже после первых слов Левитана Мурат все понял. Ему показалось, что под ним разверзлась земля, и он проваливается куда-то в пропасть...

КНИГА ВТОРАЯ

1

Город пробуждался.

Солнце уже вызолотило дальние зубчатые горы и двуглавую вершину Казбека, щербатый гребень громады Кариу-хох.

По улице Кирова в сторону Терека неторопливо шла молодая женщина лет двадцати пяти, с жадным любопытством разглядывая людей, дома, словно не узнавала знакомые ей места. Рядом с ней размашисто, по-взрослому широко вышагивал мальчуган, одетый в синюю матроску.

Семь нескончаемо долгих лет родная земля и манила, и отталкивала Клару. И вот все сомнения позади, и она в родных местах. Разворошенным муравейником взбудоражились воспоминания, давящей болью отозвались в сердце. Нет, ничего не забылось, не смогла она заглушить в себе обиду, горечь унижения...

А мальчишку одолевала одна забота — когда же они дойдут до бабушки, о которой он столько слышал, но которую, как он говорил своим сверстникам в Ростове, за всю свою жизнь ни разу еще не видел. Ему не терпелось похвастаться перед ней и формой моряка, и кортиком в золотых ножнах.

— Ма, долго нам еще идти?

Мать не ответила ему. Она, казалось, и не слышала сына, думала о своем...

Да, именно здесь, на углу проспекта Сталина и улицы Кирова, они расстались в сорок шестом году. Он, распаляясь от собственных клятвенных заверений, говорил ей задыхающимся голосом: «Клара, ты весна моя, ты светлый луч мой в мрачном лесу жизни! Не плачь, родная. Потерпи несколько дней, всего лишь несколько дней, а там и я поспешу за тобой. И тогда уж нас никто и ничто не разлучит. Верь мне, я клянусь тебе матерью и отцом!»

Несколько дней... Целых семь лет спешил и падал... Ну не дура ли она — продолжать надеяться на что-то и тогда, когда он даже не соизволил ответить ни на одно ее письмо? Провалиться бы ему за все ее муки в преисподнюю, в самое пекло ада! Но не разверзается земля под такими, они спят спокойным сном праведников...

— Ма, ты не слышишь меня, что ли? Долго нам еще идти до бабули?

— Потерпи еще немножко, Муратик. Бабушка наша живет в селе.

— Так поедем в село!

— Сегодня к нана не сможем, завтра к ней поедем...

— Ладно,— протянул мальчик обиженно.

Бабушку-то он увидит, а вот дедушка, говорила мама, давно погиб в горах. Клара рассказывала сыну о родне, о своих сестрах и братьях, не забывала уточнить, какие у кого глаза, волосы. Рассказывала, наверно, не столько для сына, сколько оживляла их в своей памяти.

Клара скрывалась не только от родни. Она избегала встреч даже с незнакомыми осетинами, ей казалось, что вся Осетия только тысячеустно судачит о ее черном позоре. Рада бы не вспоминать то время, но как вытравить из памяти дни, месяцы, годы скитаний с ребенком на руках?

Семь лет... И каких! Чего стоил один 1946 год! Полуголодный год... С новорожденным, без знакомых в чужом, разрушенном и разграбленном фашистами городе. После рождения Мурата она не знала, куда деваться. Но верно говорят: мир не без добрых людей. Главный врач роддома сжалился над Кларой и поселил ее в подвале, рядом с кочегаркой, в полутемной клетушке, там, где дворник и уборщицы держали свой нехитрый инвентарь. Гудение котельни, запах угольной гари — все как в кошмарном сне. Выдали ей старую кровать, списанные постельные принадлежности. Из столовой родильного дома приносили еду. Вот так и выжила. Когда ребенок немного окреп, устроилась уборщицей в среднюю школу, находившуюся недалеко от ее жилья. И здесь молодую, работящую осетинку приметила учительница истории Клавдия Александровна. Она занимала две небольшие комнатушки. Сын ее погиб на фронте, а дочь угнали фашисты. Худая, болезненная женщина обладала чутким, добрым сердцем и приютила Клару с ребенком. Она же ходила несколько раз с Кларой в райисполком, чтобы определить маленького Муратика в детские ясли, надоумила ее поступить в десятый класс, а дома помогала ей готовиться к занятиям в школе. И на заочное отделение юридического факультета университета Клара поступила по ее же совету...

... Вот и Терек. Новый мост. Тогда его еще не было. Клара прислонилась к ажурному парапету, зачарованно глядя на крученые волны бешено мчавшейся реки.

А тот мост был деревянный, свидетель ее безмерного отчаянья. Тогда, семь лет назад, она стояла на мосту. Что ее заставило отказаться от мысли свести счеты с позорной жизнью? Наверное, страх. Она закрыла лицо руками и бежала оттуда. Клара горько усмехнулась: недаром говорят, что для плохого человека и позорная жизнь дорога. И сколько раз потом, когда жить становилось невмоготу, корила себя за эту трусость.

Они перешли мост и повернули направо, мимо Сухого рус-

ла в сторону улицы Кесаева. Там живут родственники по матери. Вот и кирпичный дом с парадным входом. Насколько она помнит, эта дверь никогда не открывалась, вход был со двора. Но... Клара повернула назад. А ведь с вокзала она к ним направилась. И как раз очень кстати подошел трамвай. Она схватила за руку сына, словно только этого и ждала. Знакомых в трамвае не оказалось. Да и откуда им взяться в такую рань? Приглядываясь к пассажирам, отметила, что семь лет назад редко кто носил костюм, как сейчас. Тогда чуть ли не все ходили в телогрейках, в тряпичных чувяках.

Вышли у Суворовского училища. На фоне синего неба ярко сияли белоснежные вершины гор.

— Сынок, смотри, горы! Вон Казбек. Видишь, двугорбая гора? А та, с гладкой вершиной, называется...

— Ма, бабуля живет в этих горах?

— Нет, сынок.

— Отсюда еще не видно?

— Нет, не видно.

— Почему?

Клара засмеялась.

— Горы мешают, наверное, Муратик. Потерпи еще денек, а завтра, я тебе обещаю, мы обязательно поедем к ней. У меня в городе еще дела...

От одной мысли о предстоящей встрече с матерью Клару бросает в дрожь: как ей на глаза показаться? Что сказать соседям, знакомым, где столько лет пропадала? Муж военный моряк? По нескольку месяцев в плавании?.. Сердобольные соседки будут устраивать допрос. А ты отвечай с улыбкой, естественно, войди в роль, вживись в образ, не переври легенду...

Перейдя через Чугунный мост, они вышли на площадь Свободы. На углу стояла маленькая столовая.

— Муратик, ты проголодался?

— Да.

— Тогда зайдем в столовую.

Через полчаса Клара толкнула дверь гостиницы «Интурист».

— Нам бы номер... подешевле,— она обратилась к полной женщине, сидящей за конторкой.

— Дешевле — одноместный номер без удобств.

— Хорошо,— сказала Клара, открыла ридикюль и достала паспорт.

* * *

Мурат сидел у окна и смотрел на улицу. Вышел бы, поиграл, побегал, но мать строго-настрого запретила это делать, и он покорно сидит в пустом номере, терпеливо ждет ее возвра-

щения. Да и с кем бы он играл, он же никого не знает, все друзья остались там, в Ростове. Зря он согласился ехать в этот чужой город, в котором и бабушки-то никакой нет.

И едва мать вошла, он заканючил:

— Ма, давай уедем домой! Здесь скучно.

— Едем, едем, Муратик. Мы сейчас же едем. Одевайся!

У Мурата радостно загорелись глаза. Он стал быстро одеваться.

Клара достала из сумки свертки. Отрез на платье из входящей в моду вискозы, пара шелковых чулок, мужские носовые платочки, несколько отрезов цветастого ситца — подарки матери, братьям, сестрам. Она по копейке выкраивала из своей скудной зарплаты, чтобы купить эти щедрые подарки.

Когда вышли на улицу, она зашла в магазин и купила килограмм шоколадных конфет. Потом постояла в раздумье и решительно протянула деньги на бутылку вина. На улице Кесаева они изрядно помаялись, пока остановили, наконец, вишневого цвета «Победу». Шофер открыл переднюю дверцу и, обнажив в широкой улыбке ровный ряд белоснежных зубов, весело спросил:

— Куда, красавица, прикажете ехать?

— Нам бы в Тагардон...

— Ого! Вам повезло, я как раз туда. Садитесь.

Что-то отдаленно знакомое почудилось ей в этих нагловатых глазах, заискивающей улыбке. Наверно, она когда-то его знала, но не могла вспомнить.

Открыв заднюю дверцу, пропустила вперед Мурата, радостно шмыгнувшего в машину. Шофер огорчился, что она не села рядом с ним, однако ничего не сказал.

По всей видимости, «Победа» была персональной машиной какого-то большого начальника: сиденья в коврах, чисто и уютно. Ровно гудел мотор, по глади накатанной дороги мягко шуршали колеса. А Клару одолевали тревожные мысли. Вот она переступила порог родного дома... Мать встречает ее яростной бранью, выталкивает со двора... Нет, нет! Она побежит навстречу, молча обнимет, заплачет от радости, и как раньше, мягко погладит Клару по голове, ласково приговаривая: «Ну и слава богу, что жива-здорова, что вижу тебя своими глазами. А Муратик весь в дедушку...» А если не так? «А этого собачьего ублюдка где ты взяла?! Мало было нам горя с твоим отцом? А ты еще... Пуй, бессовестная! Как ты еще смела появиться здесь, чтобы очаг мой совсем разрушился! Лучше бы глаза мои закрыли мне недруги, чем видеть все это!»

Клара вздрогнула, тряхнула головой, словно избавляясь от наваждения. В зеркале заднего обзора встретилась с внимательным взглядом шофера.

— К кому ты едешь? К родственникам?.. Тебе нехорошо?

— Нет. С чего ты взял? «Знает он все, знает, потому так развязно ведет себя. Зачем ехала? Зачем только я ехала?»

— Ма, вон какое-то село!

Клара раньше сына увидела свое родное село. Уже рукой подать до пирамидальных тополей, которые росли на главной улице. Недалеко от них колхозный сад... Каждое мгновение того проклятого вечера свежо в ее памяти.

Голос шофера вернул ее к действительности.

— Вот и наша районная столица Тагардон! Теперь куда рулить прикажете?

— Пожалуйста, здесь направо.

«Надо было приехать затемно. Хоть и сейчас на улице мало народу, село — не город, всегда в доме дел по горло...».

Вот и здание райкома партии. А напротив — редакция районки...

Глянув в обе стороны дороги, мужчина высокого роста, в белом, наглухо застегнутом кителе и защитного цвета галифе, в хромовых сапогах, белой парусиновой фуражке с высокой тульей решительно двинулся через улицу.

«Победа», сбавив ход, поравнялась с мужчиной. Клара вздрогнула, прижала к себе Муратика, словно тот покушался на ее сына. Никогда не думала, что при встрече с ним испытает страх. Все, что угодно — презрение, ненависть, брезгливость, но только не страх.

Она оглянулась. Мужчина застыл у входа в райком, пристально глядя им вслед. Узнал, тоже узнал! Значит, правда это, что он стал первым секретарем.

То ли заметив ее растерянность, то ли по болтливости, но шофер почему-то посчитал нужным сообщить:

— Это начальник мой, Бексолтан Дзарахметович, первый секретарь райкома партии. Теперь куда, красавица?

— Сейчас налево. Останови у второго от угла дома.

— Ма, мы приехали?

— Да, сынок, приехали,— Клара повернулась к шоферу.— Ты-то, видимо, узнал меня, а я никак не вспомню.

— Э, у бога дней много, все успеется,— он лихо развернулся и затормозил у самых ворот.

Клара протянула шоферу последний свой червонец.

— Да пусть на меня Кариу-хох свалится, если я хоть копейку с тебя возьму!

— В таком случае, хоть это,— Клара достала бутылку вина.— Выпьешь за мое здоровье.

Шофер, приняв бутылку, мельком взглянул на этикетку:

— О, за твое здоровье не только портвейн, но даже яд выпью.

На шум автомобиля из дому выглянула юная девчушка, но тут же скрылась, и через минуту в воротах показалась невысокая седая женщина.

Клара внутренне напряглась, оцепенела. Успела только удивиться тому, как постарела мать, успела заметить сеть глубоких морщин в уголках ее рта. Только движения матери были по-прежнему порывисты, энергичны.

— Боже мой! Клара! Это же ты!

— Дзыцца,— Клара, мгновенно забыв все свои мучительные сомнения, кинулась к матери...

* * *

Аниса, мать Клары, ростом не удалась, но зато пошла вширь. Она крутилась юлой, суетилась: то вбегала в дом, то проворно выскакивала во двор, словно искала что-то и никак не могла найти; то вновь принималась охать и ахать, обнимать Клару, гладить русые вихри внука, скрывая за внешней оживленностью свое беспокойство, подспудную тревогу: «Дочь моя, моя первая радость приехала. Эге, прокурором стала. Однако... Сколько лет... Сторонилась родного дома... И без родительского благословения вышла замуж. Вышла ли? Не знаю, не знаю, что и думать, как быть, как вести себя перед людьми. Бедная моя девочка, откуда у тебя такая боль в глазах, умереть мне за тебя?»

Ирина, младшая сестра Клары, красивая девочка с иссиня-черными кудряшками, протянула Кларе какую-то фотографию. Клара смотрела на парня в форме моряка и не сразу узнала брата.

— Марклен,— подсказала мать.

Мурат потянулся за фотографией.

— Ма, это мой папа?

— Это твой дядя, Муратик, мой брат. Моряк.

Пока Аниса возилась на кухне, Клара с Ириной обошли дом, сад.

— А эти яблоньки кто посадил?

— Марклен. Привез саженцы откуда-то. Им всего три года, а уже плодоносят.

— Зимний сорт, наверное.

— Да, только в октябре поспевают. А эти белые сливы посадила мама.

Клара любовно погладила стволы яблонь. Сорвала листок, пожевала и сморщилась.

— Горьковат.

— А зато пироги будут вкусные. Слышишь, дзыцца уже зовет нас.

Из материнских рук и колодезная вода — мед. Пироги были из кукурузной муки, но вкуснее за эти годы Клара ничего не ела. И такого парного молока нигде на свете нет.

Глядя, как Муратик уминает в обе щеки, Клара шутливо предупредила его:

— Смотри, лопнешь.

Вечером, когда Аниса уложила детей спать, она завела, наконец, разговор с дочерью.

— Даже не верится, что вижу тебя живой и здоровой. То из-за отца твоего извелась. Потом — ты. Чего только не передумала за все эти годы! Хоть теперь расскажи матери, что стряслось. Почему твоя жизнь вкривь-вкось пошла? Муж-то хоть есть... был у тебя?

Кларе до слез было жалко мать. С такой надеждой она смотрела на дочь, словно умоляла: «Ну скажи спасительное слово, скажи, что у тебя семья...» Обмануть? Клара отвернулась, чтобы скрыть слезы. В который раз она проклинала свою судьбу, проклинала того, кто изломал ее жизнь, заставил изворачиваться, лгать даже родной матери.

— Был, дзыцца. Но в жизни все так сложно.

— А что? Пьет? Или плохой хозяин в доме?

— Что сказать тебе, дзыцца?.. Я благодарна ему за то, что не побрезговал жениться. Да еще помог выучиться.

— Как это не «побрезговал»? Тобой? Да на такой красавице только сыну царя и жениться.

— Эх, дзыцца, таких красавиц после войны...

— Да, да, война перебила всех женихов, будь она трижды проклята. Чтобы Гитлер на том свете собак ел. Но почему ни разу не приехали? Посмотрела бы на него, людям бы показали, чтобы не судачили. Да нет, нет, ты не думай, никто ничего не говорит. Только вдруг какой злой язык...

Клара еле сдерживалась, чтобы не броситься в объятия матери, не уткнуться в ее грудь и горько-горько разрыдаться, облегчить слезами и муку свою, и прощения у матери вымолить, сознаться во всем.

— Мы как-то хотели приехать. Уже и билеты купили. А тут ему телеграмма: вылетай, сестра выходит замуж. Она у него единственная.

— Тогда конечно...

— А потом его перевели на Дальний Восток, а я с ним не поехала. Я же училась.

— Эх, на бедняка и в гору камень катится. Лучше умереть, чем этой жизнью мучиться... Устала я, устала, доченька. Считай, сколько прошло с тех пор, как взяли твоего отца.

— Понимаю, дзыцца. Но горе поселилось во многих домах, особенно в войну. Ты же сама сказала. Ничего, жизнь налаживается, и поверь мне, наладится. Говорить о смерти сейчас грешно. А беден черт, которого никто не любит. И несчастный наш отец. А мы... Какие мы бедные? И ты ничуть не постарела, все такая же резвая. Цветешь, что молодая невестка...— Клара через силу улыбнулась.

— Только мельничные жернова не крутились на моей го-

лове, а так всего досталось с лихвой — никому не пожелаю. Спасибо, дети в отца пошли: добрые, смышленые, работящие. Учатся хорошо.

— Теперь и я вам буду помогать.

— И чего это тебя в прокуроры потянуло? Это же мужская работа. Разве наберется у тебя столько строгости?

— Не тревожься, дзыцца. И напрасно ты думаешь, что женщин-юристов мало.

Только с приходом с поля детей отвлеклись они от нелегкого разговора. С трудом узнали сестра и брат Клару, скорее догадались: похожа. Родную кровь признали.

* * *

Бексолтан велел секретарше никого не пускать к нему и никого не соединять по телефону. Он занят, некогда отвлекаться. Войдя в кабинет, плотно закрыл за собой двери, словно и мысли его могли подслушать.

Бешено колотилось сердце, кровь молоточками стучала в висках. В машине, в его «Победе», сидела она, Клара. Никаких сомнений: эти лучезарные глаза, красиво очерченные губы, брови вразлет. Он вновь ощутил нежную прохладу ее упругих щек, запах волос. Бексолтан невольно застонал, шагнул к столу, налил из графина воды и отпил несколько глотков. Подошел к окну, осторожно выглянул во двор. Его «Победы» все еще не было.

Он опустился в кресло. Перед ним лежала стопка машинописных листов — доклад, с которым он будет выступать на предстоящем пленуме райкома. Еще не было случая, чтобы он остался доволен подготовленным докладом. Тупицы какие-то его подчиненные, вечно самому приходится дорабатывать. Но сейчас ему не до этого.

Бексолтан решительно встал из-за стола, отпихнул подальше бумаги, точно они в чем-то провинились перед ним. Ему стало нестерпимо душно в четырех стенах. Но он знал, что сейчас ему нигде не найти избавления от бури, вызванной в душе нечаянной встречей. Кажется, рядом с ней сидел какой-то мальчуган. А вдруг... Неужели его сын?

— Если будут звонить, я в обкоме партии,— сказал секретарше и вышел.

Не хотел бы он этих переживаний, не нужны они ему, возраст не тот. А главное — положение. Неприятно покоробила мысль: вдруг она расскажет всем или, не дай бог, напишет Дзамболату. Тогда все полетит к чертям собачьим. Нет давности лет, сын — живое доказательство. Не отпереться... Болван и простофиля, так тебе и надо! Раз до конца не проследил, дал ей денег и успокоился. Теперь казнись поздним умом.

Но такая же красивая, черт побери. Эх, надо было ехать в Ростов. Женился бы, а там — «не сошлись характерами». А, впрочем, почему? Любой мужчина может гордиться такой женой. Говорят, юрист... Захочет отомстить — учить не надо. Да, но кто ее возьмет на серьезную работу? Даже судебным секретарем. Дочь врага народа... Ох, и идиот же он! Все не то, все не так. Сорвал горькие цветочки, а сладкие ягодки достанутся другому. И сын — готовый мужчина...

Бексолтан изобразил на лице усталость, но, наверное, это плохо ему удавалось, потому что Мисурат встретила мужа тревожным взглядом. Бексолтан поморщился, как от зубной боли и молча прошел мимо нее в комнату, откинулся на диване.

Он смотрел на Мисурат, а видел Клару. «Клара у Карла украла кларнет». Так он дразнил ее когда-то. Как она смеялась! До сих пор в ушах звенит ее заливистый смех. Все помнит. А ведь тогда думал — так, приятное приключение. Теперь вот память, угодливо или злорадствуя, достает из альбома времени чудесные видения. С какой бы жадностью сейчас приник он к ней и был... был бы счастлив! Бог ты мой, сам же залил холодной водой тот огонь. А вот надо же, затаились в черной золе угольки и через столько лет вновь разгорелись...

Бексолтан, казалось, только теперь увидел жену. И поразился: постарела, обмякла, сморщилась, полиняла. Женщина, которая испуганными глазами взирает на него, на тридцатипятилетнего красавца-мужчину,— неужели и есть та далекая Мисурат? Жаль ее, жаль...

Неожиданно глаза мужа потеплели, и Мисурат решилась подойти к нему, опустилась рядом, пятерней зачесала ему волосы назад: она знала, что это ему нравится.

Мисурат чувствовала сердцем, что с ним творится что-то неладное.

— Бек, не терзайся ты из-за людей. Работа есть работа, всякое бывает...— Она преданно заглядывала ему в глаза.

Он снова поморщился. Ее внимание только раздражало его, лучше бы она крушила и метала. Он стянул сапоги, снял носки и пошевелил бледными пальцами ног.

Мисурат принесла круглый медный тазик с нагревшейся на солнце водой и присела на корточки, начала мыть ему ноги.

В первые месяцы замужества свекровь ей почти каждый вечер выговаривала: «Он пришел не с гулянья, а с работы. Устал. Ты должна к его возвращению нагреть воды и помыть ему ноги. Муж он тебе, не кто-нибудь». Сначала Мисурат испытывала что-то похожее на брезгливость, но потом привыкла.

Если бы она знала, что сейчас испытывает Бексолтан. Нежные руки жены казались ему грубой наждачной бумагой.

Вдруг в разгоряченном мозгу Бексолтана мелькнула спасительная мысль: «А если Клара с таким же успехом с другим... Кто докажет, что сын у нее от меня? И чего ей надо? Оставалась бы там в Ростове. И себе покойнее, и другим. Может, впрямь что задумала? Красивые, они мстительны: как так ее, небесное создание, посмели отвергнуть? Где этот проклятый Пугач задерживается? Он не мог по дороге не поболтать с ней, разузнал может, кое-что».

Мисурат стояла перед ним с жалостливым видом. Надо бы сказать ей что-нибудь ласковое, да язык не поворачивается.

— Ласточка моя, ты так смотришь, точно в первый раз видишь...

— Ты сегодня сам не свой. Таким я тебя вижу впервые.

— С этим пленумом все нервы истрепались. Ты не обращай внимания, лучше посмотри, что там перекусить...— Бексолтан пересел на другой конец дивана и протянул руку к телефону:

— Пугач не возвратился еще?

— Нет, Бексолтан Дзарахметович,— услышал в ответ.

А, черт, забыл, сам же отпустил его на весь день. Он отпросился еще вчера вечером, съездить в другое село к родственникам. Да, да. И еще отвез в город обкомовских людей... Но где ее-то подобрал? Интересно, она вернулась насовсем? И как объясняет, откуда ребенок? Врет, наверное...

... Бексолтан проснулся среди ночи, метался, никак не мог успокоиться — давно он за собой такого не замечал. Вконец измучившись, уснул, и приснился ему кошмарный сон.

Он стоит у раскрытого настежь окна кабинета, видит приближающуюся «Победу». Стараясь получше рассмотреть сидящую в ней женщину, свесился вниз. И тут кто-то метнул из машины аркан, петля обернулась вокруг его шеи, «Победа» прибавила ходу и поволокла его за собой. Задыхаясь, увидел, что его несет головой прямо на необхватный ствол пирамидального тополя. Сейчас расколется его голова... Бексолтан в ужасе закричал и проснулся в холодном поту. Некоторое время очумело смотрел в мерцающий белизной потолок. Включил настольную лампу и глянул на часы. Четыре утра. И больше не смыкал глаз.

С утра надо было проехаться по полям. Не говоря ни слова, небрежно протянул руку Пугачу, сел в машину и коротко бросил:

— На поля.

Заранее решил, что с Пугачом ни словом не обмолвится о его вчерашней пассажирке. Но Пугач не был бы Пугачом, если бы не поделился с ним всем, что он видел, что слышал, скорее он умрет. Выехали на проселок, и Пугач не заставил его долго ждать.

— Знал бы ты, кого я вчера подсадил! Не женщина, а...

— Ты говоришь с таким торжественным видом, словно это была царица,— сказал Бексолтан, а у самого заколотилось сердце: не хватало, чтобы этот болтун что-то разнюхал.

— Точно угадал. Именно царицу. Точь-в-точь. Доставил, значит, наших гостей прямо к обкому, но выходить не стали. Давай, говорят, по домам, тут и без нас обходятся. Ну и нахваливали они тебя. Ясное дело, говорили и для моих ушей. Не чета, говорят, многим прижимистым секретарям. И Дзамболат, сказали, тобой доволен. Часто, сказали, ставит тебя в пример другим.

— Пугач, ты не мажь мне губы медом. Это неважно, что они болтали, ты о чем-то другом хотел мне рассказать...

— Понял. Развез, значит, по домам наших гостей и еду обратно. На повороте смотрю и вижу: стоит царевна-лебедь с цыпленком в матросской форме. Видел я красавиц, как же без этого, но такую... Она не успела поднять руку, как я уже встал замертво на все копыта. Села в машину, и будто солнце и месяц вместе подсели ко мне. Там шуточки, то да се, думаю, разведаю все, да не тут-то было. Пока не доставил к самым воротам дома, даже не узнал, кто она.

— И кто же она оказалась? — как можно равнодушнее спросил Бексолтан.

— Да дочь Симона! Старшая. Кларой звать. Ну этой, Анисы, дочь. Симона, говорят, в тридцать седьмом — тю-тю... Другие сестры тоже ничего, симпатичные.

— Бог с ней, с дочерью врага народа. В Осетии красавицами никого не удивишь, каждая вторая такая... Правда, какая-то Клара еще в мою бытность редактором работала в типографии уборщицей. Но на лицо уже не помню,— за многословием Бексолтан старался скрыть свое волнение.

— Не знаю, не знаю. Чего не знаю, того не знаю, а врать не приучен.

— А тебя и учить не надо. Ты ученым родился,— сказал Бексолтан и от души расхохотался.

Пугач недоуменно посмотрел на него и обиженно надулся.

2

В конце августа Мурат вернулся домой. Он первый раз отдыхал на Черном море. Теперь сидит в своем холостяцком углу и тоскливо размышляет. Как ни беззаботна одинокая жизнь, она гнетет. Не с кем поделиться радостью, не с кем разделить сумрачные думы. Вспомнил Залихан и обжегся стыдом.

... С первого же дня пребывания на отдыхе он обратил внимание на одну девушку, выделил ее среди остальных не по-

тому, что она ему понравилась — нет, скорее наоборот. Просто она в день по нескольку раз меняла свои наряды.

Как-то эта «манекенщица» затеяла вечер в честь своего дня рождения. С Муратом в комнате жил парень, хорошо игравший на аккордеоне. Естественно, его позвали первого. А тот к Мурату: «Наказывали, чтобы без тебя ни шагу. Сами боятся пригласить, говорят, слишком серьезный...»

Вечеринка получилась веселой. Выпили несколько бутылок вина. Шутки, скользкие анекдоты, рассказы о веселых приключениях, танцы, песни. Потом решили пойти на берег моря. В чистом небе сияла луна, спокойные волны поблескивали в ее свете.

Мурат не был привычен к алкоголю, и в голове разыгрался шаловливый ветерок. За столом рядом с ним сидела худощавая девушка, отрекомендовавшаяся студенткой пятого курса университета. Теперь она на правах старой знакомой подхватила его под руку, мягко, доверительно прижалась к плечу.

— Я тебя ни капельки не боюсь,— сказала девушка.

— А чего меня бояться — я не кусаюсь.

— Ты ничего не понял, дурачок...

— Что поделаешь, таким уродился...— Мурат слегка прижал девушку к себе. Она обвила худенькими руками его шею и поцеловала в губы.

... Было далеко за полночь, когда они вышли из лесочка. Девушка мягко льнула к нему, а Мурату хотелось скорее остаться одному. И как его потянуло к этой почти незнакомой женщине? Пьяные ее бредни принял за нежную воркотню. Похоже, для нее все это очень привычно: сегодня один, завтра другой. Мурат осторожно отстранил ее, чувствуя,— еще немного, и его окончательно замутит...

Дурак! — обозвал себя Мурат и вскочил. Наспех оделся и выбежал на улицу. У перекрестка нос к носу столкнулся с Камболатом. Старик обнял его:

— Опять начнешь отнекиваться? Ни за что ни миновать тебе моего порога. Старший наш как раз дома. Идем, мое солнышко, идем...

Мурату меньше всего хотелось сейчас идти в гости, тем более к этим родственникам. Но перечить не стал.

В доме Камболата особых перемен не было. На привычном месте в гостиной висел портрет Сталина. Сели у круглого колченого стола. Камболат зычно крикнул:

— Эгей! Хозяюшка! Где ты там? В кои века к нам лучший из моих братьев наведался. Что у нас есть хорошего — все на стол! Позови и Солтанбега.

Жена Камболата вежливо поздоровалась с Муратом, молча накрыла на стол и удалилась.

Выпив, Камболат обратился к Мурату:

— Ну и как тебе наши дела? Берия и остальные... Вот наломал дров! И никто его вовремя за руку не схватил! Как такое могло случиться? Какой урок отсюда извлечь нужно? Работники газеты все-таки знают более нашего.

— Как сказали, так и есть, что тут добавишь?

— Плох тот чабан, который не видит паршивую овцу в отаре. Тем паче, что отара-то не тысячная, а всего несколько человек. Самых приближенных, облеченных огромной властью. Слеп был Сосо, что ли? — Камболат кивнул на портрет Сталина.

— Олень о четырех ногах и то спотыкается,— Мурату не хотелось говорить ни о Берии, ни о политике. Это была боль, которой незачем делиться с дядей.

Камболат отпустил короткую бородку. Лицо загорело. Только бледно-голубые глаза остались прежними, острый их взгляд из-под густых бровей так и пронизывал человека насквозь. Идут дни, пролетают годы, а этот не меняется. Язык у него без костей, а сердце с шипами...

— Но ты знай, мой младший... Верблюжья колючка особняком не растет, среди луга затеряться норовит. И волк в одиночку не идет на охоту... Да, жизнь тоже с приливами и отливами...

В гостиной появился старший сын Камболата. Не часто они виделись с Муратом. Крепко сбитый Солтанбег сгреб Мурата в объятия и играючи, как сноп колосьев, оторвал от пола. Оба весело засмеялись.

Камболат одобрительно смотрел на сына. Хитер, лис, сам еще недавно говорил о Мурате: «Похож на истощавшего в засуху валуха. Наверное, и от мухи не в силах отбиться. Нет в нем жилки настоящего горца».

— Да, отливы, приливы...,— задумчиво повторил Камболат.

— Ты о чем это, отец?

— О времени...

— Время всегда одно и то же, не лучше и не хуже. Прежде чем бросить зерно, надо разглядеть со всех сторон и само зерно, и исследовать почву. Что посеешь, то и пожнешь. Закон всех времен. Значит, нечего на время пенять.— Солтанбег говорил тоном, не терпящим возражений.— Если вам еще охота пофилософствовать, то я не прочь. Отец, ты истинный горец, знаешь, что это такое — охота за турами. Ступишь где не так — и загремел в пропасть, костей твоих не отыщут. Вот так и в жизни. А что вы пьете? Вонючку эту? Меня от одного запаха араки тошнит! Что, отец, не осталось где коньяка в загажнике?

В кладовке, конечно, была еще пара бутылок коньяка, но раз жена поставила араку, то уже неловко ее подводить — черт-те что может подумать Мурат...

— Кончился твой коньяк, такую прорву гостей вчера привел,— сказал Камболат таким тоном, что нельзя было понять, то ли ругает он сына за этих гостей, то ли бахвалится перед Муратом.

— Завтра же пришлю десяток ящиков коньяка и водки, и чтобы за нашим столом этой вонючей араки я больше не видел.

— Предки пили и ничего, не отравились. Нам бы их здоровье!

— Ладно, отец, не нужно все время колоть нам глаза примером предков. Другие времена — другие песни.

— Ну вот, то у тебя времена не меняются, то...

Мурат чувствовал себя все неуютнее среди этих, таких далеких от его забот, людей. Он поднялся.

— Спасибо за угощение. Я пойду.

— Посиди еще, Мурат. Куда спешить? Наши предки умели и поработать, и отвести душу за столом. Делам конца не будет, всех дел не переделаешь! Газеты и после нас будут печатать. Садись, не торопись.

— Нет, нет, спасибо! Я не по служебным делам спешу. К другу обещал зайти,— соврал он.

Солтанбег положил ему руку на плечо.

— Дела, дела ... Раз в год и то не удается встретиться. Ты журналист, у тебя больше должно быть свободного времени, если безостановочно строчить по бумаге, то и свихнуться недолго. Правильно я говорю?

— Правильно,— согласился Мурат.— Но у журналиста свободного времени вообще нет — он и вне работы на работе...

— Тем лучше! — засмеялся Солтанбег.— Если, конечно, за это платят. Хоть бы изредка заглядывал ко мне в министерство — все-таки ты младше меня.

Мурат заверил его, что непременно будет заходить, и распрощался с родственниками.

* * *

На главной улице города Орджоникидзе, проспекте Сталина, рядом с памятником Ленину, в доме № 25 на последнем, четвертом этаже размещалась прокуратура республики. Клара немного постояла у широких парадных дверей и нерешительно перешагнула через порог, прошла небольшой вестибюль и стала подниматься по некрутой лестнице. Сомнения, которые одолевали ее в последние годы относительно избранной ею профессии, снова нахлынули на нее, и она замедлила шаг. «Дочь врага народа и—прокурор». И с этой мыслью, как бы наперекор всему, решительно двинулась на четвертый этаж.

В приемной прокурора за небольшим столом сидела белолицая девушка примерно ее возраста. Клара поздоровалась и спросила:

— Товарищ прокурор у себя?

Секретарша внимательно рассматривала необычайно красивую посетительницу и про себя уже строила догадки. «Отец или брат, очевидно, оказались в беде и прислали ее с просьбой. Не столь уже редкое явление».

— Данил Васильевич у себя,— ответила она.— Вы по какому вопросу?

— Насчет работы,— сказала Клара.

— У нас работают только юристы,— предупредила девушка. Очевидно, машинистка, или, чего доброго, на ее место метит, подумала она.

— А я тоже юрист.

Секретарша наконец предложила ей сесть.

— Ваша фамилия? Имя-отчество? Специальность? — последовали вопросы. Маленькая, но важная «начальница» что-то быстро записала в большом журнале, поднялась со своего места и, предварительно глянув на себя в маленькое зеркальце, направилась в кабинет. Вернулась минут через пять.

— Пожалуйста, проходите...

Клару охватила робость, которую испытывала каждый раз, когда чувствовала, что ей опять и опять придется говорить о том, что она дочь «врага народа». Через этот допрос она прошла, когда поступала в университет и когда брала направление в родную Осетию. Первый раз ей сказали снисходительно: «Так уж быть, примем тебя, тем более, что экзамены сдала относительно неплохо». Во второй раз четко заявили: «Езжайте, может быть, устроитесь юрисконсультом на каком-нибудь предприятии...»

Первое, что бросилось ей в глаза,— это огромный письменный стол. За ним человек с крупной полысевшей головой что-то писал.

— Добрый день! — поздоровалась Клара.

Прокурор встал, вышел из-за стола и пожал ей руку. Это был высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока пяти с очень смуглым лицом и крупными, черными глазами, смотревшими в упор. Клара почувствовала необычайную робость, даже страх.

— Я рад приветствовать вас,— сказал он и пригласил Клару сесть за небольшой приставной стол. Сам прошел на свое место и медленно опустился в мягкое кресло. Клара привыкла к восхищенным взглядам, но сейчас она еще что-то искала во внимательном взгляде прокурора, ждала вопросов...

— Я вас слушаю, девушка.

— Я по поводу работы.

— Диплом при вас?

Клара протянула ему диплом. Просмотрев и вкладыш, прокурор поднял глаза на девушку:

— И что бы вы хотели делать у нас? Кстати, вы из какого района?

— Из Тагардонского.

— Прекрасно. Хороший район. Устроить вас можно. Заполните анкету, напишите автобиографию. Нужные образцы вам дадут. Да, вы семейная?

— Нет,— неуверенным голосом ответила она.

— В городе с жильем довольно сложно. А чем занимаются ваши родители?

Посмотрев на прокурора виноватыми глазами, Клара произнесла:

— С родителями у меня... Это... Отец был рядовым колхозником... Но в тридцать седьмом его арестовали.

— По пятьдесят восьмой? — Прокурор спросил таким спокойным тоном, будто ее отец и теперь еще рядовой колхозник. Она немного успокоилась,

— Да... У него был очень красивый голос. Любил петь осетинские народные песни...

— И что-то спел не тем голосом. Не своим, что ли?

— Не знаю... Может быть.

Прокурор задумался.

— Ну что ж, девушка, всякое бывает. Но Сталин сказал, что дети за отца не отвечают. А анкету все-таки заполните и принесите послезавтра. А в следующий понедельник мы снова встретимся.

Прокурор протянул ей руку на прощанье.

В назначенный день Клара поднималась по той же лестнице с еще большим волнением, уже по привычке, наверное, хотя и уверенности никакой не было, что все будет хорошо. Прежде чем начать разговор, прокурор испытующе посмотрел на девушку:

— Скажите, у вас никогда не появлялось желания поменять профессию? Я хочу сказать, не разочаровывались в избранной специальности?

Кларе показалось, что вот сейчас и решается ее судьба. И первый раз за две эти встречи она в упор посмотрела в лицо прокурору и сказала:

— Нет. А вот подхожу ли я для этой работы, поверят ли мне... Тут сомнения были, не скрою.

Клара не знала, понравился ли ее ответ прокурору, и о чем он думает, но ей показалось, что его лицо излучает какой-то добрый свет. Она не знала, что он ходил в республиканский Комитет госбезопасности, чтобы лично посмотреть дело ее отца. Оно, это так называемое дело, состояло из двух рукописных страничек. На одной — анонимный донос о том, что гражданин Озоев распевал националистические, антисоветские песни, в том числе песню о Хазби. На другой было сказано, что преступник полностью сознался в своей антисовет-

ской деятельности и что он приговорен к пяти годам тюремного заключения. Однако прокурор не стал рассказывать Кларе эти печальные подробности, а коротко сказал:

— Я возьму вас на работу. В отдел по надзору за жалобами...

* * *

Александр закончил учебу в Высшей партийной школе при ЦК, Мадинат защитила диплом в Ленинграде на архитектурном факультете. Александра еще в Москве предупредили, что он будет работать заведующим отделом обкома партии. Обком пока не имел возможности предоставить Александру квартиру, и они стали постояльцами гостиницы «Интурист».

Дзамболат встретил бывшего секретаря райкома так радостно, словно хотел загладить перед ним давнюю вину, но Александр сказал:

— Я бы хотел вернуться в свой район. В качестве хоть кого — председателя колхоза, директора МТС,— Александр смотрел на Дзамболата и удивлялся переменам, происшедшим в облике первого секретеря обкома: определенно чем-то угнетен, заметно постарел...

Дзамболат устало улыбнулся:

— Я все знаю. Из ЦК звонили...

— Я не в позу становлюсь. Пойми меня правильно.

— Прекрасно понимаю тебя. Сам бы не прочь пойти председателем самого захудалого колхоза. Но мы, коммунисты, не вольны распоряжаться собой. Нас посылают туда, где мы нужнее. Ты необходим здесь...

Бюро обкома партии утвердило Александра заведующим отделом. А в один из воскресных дней они с Мадинат поехали в Тагардон.

У Александра из близкой родни никого не осталось. В отцовском доме жил сторож райкома партии. Родители Мадинат тоже умерли в позапрошлом году, и дом пустовал, но Бимболат не хотел его ни продавать, ни сдать под квартиру. «Пока дом наш, имя отца живет среди односельчан»,— говорил он. Конечно, был и другой расчет: чем не дача? И летом со всей семьей часто наезжал сюда. Обновил сад, высадил овощи, картофель, немного кукурузы. Здесь, в родном доме, Бимболат отдыхал от многих городских забот. Отпуск свой он проводил в селе с женой и сыном.

Расспросив Бимболата о житье-бытье, поинтересовался:

— А как поживают Аузби и Госама?

— Живут пока,— ответил Бимболат.— Я их проведал на прошлой неделе. А позавчера Аузби сам приходил к нам, ругал вас. Говорил, что в этом году только одну весточку прислали.

Александр обратился к Мадинат:

— Пойдем к старикам.

— И я с вами,— сказал Бимболат.

Аузби сидел на лавочке у ворот.

Он скорее просто узнал спутников Бимболата, чем успел разглядеть их. Не по годам резво поднявшись, ступил навстречу. Александр перепрыгнул через ручей, и они крепко обнялись.

— Ог-о! Вот тебе и дед! Аж ребра трещат. И со стороны глянуть — справный жених.

Мадинат тоже подошла к старику и прижалась щекой к его щеке.

Госама возилась во дворе. Признав гостей по голосам, заторопилась на улицу.

— А я все думаю, чего это правая бровь так нещадно расчесалась?.. Родные мои...

— А где Володя? — спросил Александр.

— Он в поле. С первых дней каникул работает там. Скоро должен вернуться.

Расселись за длинным столом в сарае. Весть о гостях дошла и до Татари и Фатимат, и они не замедлили появиться.

... Разговор за столом затянулся до позднего вечера. Много чего накопилось на душе у Аузби и Татари.

— Александр, как же теперь дела наши пойдут? Как без Сталина будем?

— Что вам сказать... Вы ждете от меня каких-то откровений, но и я не больше вашего знаю. Партия крепка. Партия Ленина,— отвечал Александр.

На душе Аузби давно неспокойно. Смерть Сталина была для него страшным ударом. Кому теперь управлять такой огромной страной? И что творится! Берия — агент международного империализма, враг народа, истребивший много безвинных людей, стремившийся захватить власть в стране. Как же так? Преступления, выходит, совершались при Сталине. Можно сказать, под его носом. И как теперь узнать правду? Не разглядел этого страшного человека? Почему не пресек его преступные действия? А где были те, другие, которые спохватились потом? Или они молчали по каким-либо другим соображениям? Но по каким?..

— Александр, как все это могло случиться? Где же были эти бдительные люди раньше? — Аузби спрашивал таким тоном, словно главным виновником были те, кто разоблачил Берия, нынешние руководители партии и страны. Александр понимал старика, и, чтобы еще больше не растравлять его душу, ответил уклончиво:

— В таком большом государстве даже самые умные люди не могут все предусмотреть. Даже такие великие люди, как Сталин.

— Не убедил, Александр. Боюсь, что услышу еще не то. Но это пока оставим. Меня еще кое-что другое волнует. Лучше я тебе скажу. А то тебе все это могут преподнести так, что ты еще, чего доброго, возгордишься. А гордиться нечем, стыдиться надо. В районе при тебе столько пересудов не было. Или, может быть, они не доходили до меня? Но я и при тебе держал ухо востро. Бывало, сам выведывал у людей твои дела. Но погрешностей особых не замечал. А теперь и спрашивать никого не надо. И так все ясно. На все посты выдвигают родственников и приближенных. Наболело у людей, наболело! Сказали же предки: «Из корня колючки всходит колючка». Оставил ты нам преемника, скажу тебе...

Что-то удерживало Александра от детальных расспросов. Он и сам чувствовал какую-то нечистоплотность в Бексолтане, но умом схватить не мог. А чутье, оно может и подвести. Никогда ни в чем неблаговидном тот не был замешан. Или не замечен. А досужие разговоры... Нет, конечно, Аузби не падок до сплетен. Однако душа Александра противилась разговорам о Бексолтане, и он промолчал.

Хлопнула калитка. Александр догадался: вернулся Володя. Он встал, вышел из-за стола, пожал Володе руку. Когда Володя повернулся к Мадинат, у нее екнуло сердце. Хотела сказать «Добрый вечер», но осеклась: перед ней стоял Сосланбег. Высокий, черноволосый, те же брови, тот же нос с еле заметной горбинкой, то же овальное лицо.

— Как ты возмужал,— сказала она и обняла его.

Володя подошел к Аузби, наклонился, чмокнул в щеку.

Все-таки сильна кровь, подумал Александр. В осетинской семье не принято целовать родителей. А Володя, выросший в осетинском доме, каким-то образом ухитрился сохранить открытую ласковость, принятую в русских семьях. Во всем остальном Володю нельзя было отличить от осетина. А в старом сундуке Госама вместе с похоронными извещениями пятерых сыновей лежала и бумага с черной вестью о гибели полковника Смирнова, запрошенного районным Военным комиссариатом. Там же лежали бумаги с сообщениями о том, что из близких родственников Володи Смирнова никого в живых не осталось.

... Александр и Мадинат в город возвращались поздним вечером. Низко нависли тучи. Мелькнула ветвистая молния, на секунду высветив вершину Кариу-хох. Утробно прогрохотал гром, и на ветровое стекло машины упали первые крупные капли дождя...

3

Резко и требовательно зазвонил телефон. Бексолтан рывком схватил трубку, однако ответил спокойно:

— Слушаю.

— Здравствуйте,— поздоровались с ним таким тоном, словно отдавали команду. Бексолтан узнал голос помощника Дзамболата.

— Здравствуйте,— ответил он.— Слушаю.

— Хозяин едет к вам. Встречайте у моста через Тагардон. Будет ровно через два часа...

На том конце провода положили трубку, а Бексолтан все еще прижимал ее к уху, не обращая внимания на частые гудки.

Как снег на голову! Еще не вся пшеница обмолочена. Все надежды возлагались на кукурузу, но и она, похоже, не обрадует урожаем. А Дзамболат, и говорить тут нечего, все приметит, все возьмет на заметку — ничего не упустит.

Бексолтан хлопнул обеими ладонями по столу.

— Руль — у шофера, карта — у меня. И прямиком в колхоз «Иристон». Там поля получше.

Он решительно встал, взял со стола записную книжку, в которую обычно вносил всевозможные цифры, не очень полагаясь на свою память, и спрятал в нагрудный карман синего шевиотового кителя. До прибытия Дзамболата оставалось достаточно времени, чтобы еще успеть заскочить домой переодеться.

В приемной сидели вызванные из колхозов района люди.

— Прошу прощения. Должен ехать: мне только что позвонили из обкома. Дзамболат ждет меня на поле,— кивнул всем и, не торопясь, направился к выходу. Сел в «Победу» и, как всегда, коротко бросил шоферу:

— Домой.

Машина еще не остановилась, а Бексолтан уже распахнул дверцу. В доме никого не оказалось. Он недовольно чертыхнулся, открыл шифоньер и снял с плечиков китель и галифе защитного цвета, тщательно выглаженные Мисурат. Натянул начищенные до зеркального блеска хромовые сапоги и прошелся по комнате. Точно в таком же наряде бывает и Дзамболат. Эти костюмы, «сталинки», они заказали у одного и того же мастера.

Бексолтан ждал не более получаса. Из-за косогора показался сияющий черным лаком «ЗИЛ».

Дзамболат, улыбаясь, откровенно любовался ладной фигурой Бексолтана. Мягко взял его под руку и увлек в сторону Тагардона.

Вода в реке стала свинцово-холодной, да и течение, казалось, умерило свой бег к осени. Дзамболат перевел взгляд на близкие горы. Их травянистые склоны еще густо зеленели, лишь на лесистых хребтах выделились первые багряные мазки осени. Воздух будто процедили через тончайший фильтр.

— Места у вас сказочно красивы. Прямо душа облагораживается. Смотришь на горы и счастлив от одной мысли, что

живешь на белом свете,— с непривычной для Бексолтана грустью говорил Дзамболат.

— Чувствовать красоту способны не все,— глубокомысленно изрек Бексолтан.— Только людям, чистым сердцем, дано это...

— Случаем, не мне ли ты льстишь, а, Бексолтан? — засмеявшись, Дзамболат дружески сжал локоть секретаря райкома партии.

Тот театрально воздел руки к небу:

— Сохрани бог от лести!

— Ты, конечно, отчасти прав, но согласись, что мало отыщется таких, кто глух к шуму горной реки, к плеску морских волн, кто слеп к чуду восхода и заката, чья душа не светлеет от одного только вида вот этих гор. Найдется ли среди осетин хоть один человек, кого не трогают наши народные героические песни? — Дзамболат смотрел на собеседника, улыбаясь одними глазами.

Бексолтан знал эту причуду Дзамболата — улыбаться одними глазами. Но непоправимую ошибку совершил бы тот, кто по наивности своей поверил этой, располагающей к откровенности, улыбке. Взгляд Первого пронизывал и просвечивал человека насквозь, и трудно было что-либо скрыть, утаить от него. Смотреть в глаза Дзамболату и говорить одно, а думать другое невозможно. И потому Бексолтан давно научился вовремя отворачиваться...

Но в последнее время в глазах Дзамболата затаилась еще и плохо скрываемая тревога, ищущее сочувствия беспокойство. Впервые об этом Бексолтан подумал на недавно состоявшемся пленуме обкома партии: Дзамболат против обычного говорил не совсем уверенно, вкрадчиво, словно оглядываясь на кого-то.

Дзамболат будто угадал его мысли.

— Как тебе прошедший пленум?

— Если откровенно, то я был неприятно удивлен выступлениями некоторых товарищей.

— То есть?

— Твой второй секретарь... Министр этот... Что они хотели сказать, куда они клонили — так я и не понял. Дзамболат, я твердо убежден, что людям, занимающим столь ответственные посты, не к лицу говорить обиняками, недомолвками. В конце концов, они обязаны ходить по той же борозде, что и ты, помня, что одному человеку, будь он хоть семи пядей во лбу, трудно управлять целой республикой,— Бексолтан поднял на Первого наивно-чистые глаза.

Не многие отважились вот так запросто разговаривать с Дзамболатом, даже из числа тех, кто долгие годы проработал с ним бок о бок. Бексолтан позволял себе это, точно рассчитав все.

— Ты прав, прав, к сожалению. Как ни горька правда, но подслащивать ее нельзя... Верно ты подметил: быть одному ведущим волом в борозде — трудно, тем более, когда еще и палки суют в колеса...

Как многоопытный врач по отдельным симптомам безошибочно определяет характер болезни, так и Дзамболат по, казалось бы, случайным признакам, малейшим намекам предугадывал дальнейший ход событий в политической и общественной жизни. Сказывался и немалый опыт руководителя крупного масштаба. Однако никто не гарантирован от ошибок и промахов. Не потому ли созывается консилиум и у врачей, чтобы специалисты разделили или отвергли первоначальный диагноз своего коллеги? Иногда полезно спросить совета и у того, чье мнение иными ретивцами отвергается с порога...

Дзамболат при всем желании не мог быть удовлетворен состоянием дел в республике. Особенно неблагополучное положение создалось в сельском хозяйстве. Надо было докопаться до первопричин, тормозящих его рост. Думая о том, на кого ему в своих поисках опереться, он в первую очередь остановил свой выбор на Бексолтане, искренне считая первого секретаря Тагардонского райкома партии одним из самых толковых работников. А что — деятелен, напорист, энергичен! Есть хватка доброго хозяина. Но, как и Александра, что-то настораживало в нем Дзамболата, предостерегало от полного доверия... Впрочем, если на то пошло, кто из нас без недостатков? Искать друзей-единомышленников, абсолютно лишенных пороков, без единого изъяна — значит, остаться в гордом одиночестве...

— Хотелось бы взглянуть на поля,— сказал Дзамболат и, помедлив с минуту, добавил.— И с народом потолковать...

— Конечно,— с готовностью подхватил Бексолтан, словно только того и ждал.

Сели в обкомовский «ЗИМ». Вишневая «Победа» жалась к огромной черной машине, как жеребенок к кобыле, стараясь не отставать.

Бексолтан указывал пожилому шоферу Дзамболата, по какой дороге ехать, куда повернуть. Уж он-то умел показать товар лицом, знал, где кукурузные поля произведут впечатление на Первого. Дзамболат раза два даже удовлетворенно кивнул головой. А когда доехали до участка Знаура Мирзакулова, Бексолтан попросил остановиться. Дзамболат не скрывал своего восторга.

— Это участок моего друга Мирзакулова,— объяснил Бексолтан.— Но, к сожалению, его не видно.— Звеновода не оказалось на месте. «И слава богу,— подумал Бексолтан,— он несдержан на язык. Обязательно что-нибудь ляпнет».

Налюбовавшись высокими кукурузными стеблями, на которых дозревали по одному, по два крупных початка, они вернулись к машине. Бексолтан, извинившись, подошел к Пугачу:

— Слушай внимательно. Скачи прямо в райисполком. Если Майрам сидит — пусть тут же встанет, если стоит — пусть больше не садится, вези его к нам домой. Объяснишь Дзарахмету, что пожалует сам Дзамболат. Включишь Мисурат, и сам оставайся — поможешь. Чтобы к пяти все было в ажуре. Сегодня мой день рождения! Ясно?

— Повторять не надо.

К полудню два секретаря подкатили к полевому стану первой бригады колхоза «Иристон». Асланбег, бригадир, сидел в красном уголке и щелкал на счетах. Заслышав приглушенный рокот мотора легковушки, сразу смекнул, что нагрянуло высокое начальство. Торопливо записал показания костяшек и поспешил навстречу.

Дзамболат поздоровался с ним за руку. Его примеру последовал и Бексолтан, представив Асланбега:

— Бригадир, плюс вожак комсомола колхоза. Заочно учится в сельхозинституте.

— Молодец,— одобрил Дзамболат и оглядел полевой стан, который стоял на высоком берегу одного из рукавов Тагардона. Место выбрано как нельзя удачней, но вот сам стан...—Стены облупились, в глубоких щербинах обнажился саман. — Ваш мушонг*, случаем, не под обстрел угодил? Плохо вписывается в пейзаж,— потом спросил бригадира: — Чей ты доблестный сын, сказал? — Дзамболату определенно нравился этот высокий, статный парень, нравился какой-то внутренней свободой, достоинством.

— Бердзенов... Дзамболат, на наш мушонг, да, без слез нельзя смотреть, но он по-горски гостеприимен,— входите, пожалуйста.

Внутри было чисто, прибрано. Дзамболат подошел к большому стенду,— на крашеную фанеру кнопками был прикреплен большой лист бумаги с показателями работы бригады. На стене, чуть ли не под самым потолком, портреты Ленина и Сталина, под ними карта с надписью: «Великие стройки коммунизма».

Дзамболат и Бексолтан сели рядом за длинный стол, покрытый красной материей.

— Чем похвастаешься, бригадир?

Асланбег остался стоять. Пожал плечами.

— А — нечем...

— Что так скромничаешь? Кукуруза ваша неплохая. Особенно участок Мирзакулова,— Дзамболат повернулся к Бексолтану, словно призывая того в свидетели.

— У него — да. Остальное... Ряды сильно изрежены. Местами на гектар приходится не более тридцати тысяч растений.

---

*Мушонг — шалаш, полевой стан.

— Не сами ли при прополке изредили?

— Нет. Слишком рано посеяли. А тут ударили холода. На других участках сев начали с большой задержкой.

Дзамболат недоуменно глянул на Бексолтана, тот сохранил спокойствие:

— Обыкновенная халатность. Медвежья неповоротливость.

— Не очень-то развернешься, если в борозде ходит один трактор. Да и то час работают, день стоят,— с некоторым вызовом сказал Асланбег.

— А сколько у бригады весеннего клина? — спокойно, почти ласково спросил Дзамболат, как бы призывая парня не горячиться.

— Пятьсот. Из них триста сорок заняла кукуруза.

Дзамболат прикусил нижнюю губу, задумался, что-то прикидывая в уме.

— Немало. Но, организуй вы двухсменную работу, могли бы управиться в сроки...

— Техника никудышняя. Трактор разваливается на ходу, а запасных частей нет. Спасибо отцу — он кузнецом в колхозе, ухитряется кое-что отладить. Но в кузне детали не выточишь. Поэтому и культивацию проморгали, а тяпками трудно прополоть такие площади.

— Слушаю тебя, Бердзенов-сын, и вижу: сами с усами, но без запчастей. Плохо, что трактор разваливается. Но еще хуже, когда разваливается дисциплина. А? — Дзамболат смотрел на Асланбега, и думал: «Толковый растет хозяин. Только бы не погряз в ссылках на нехватку запасных деталей...»

— Дисциплина? Откуда ей быть? У людей отпала всякая охота к работе. Некоторых палкой не выгонишь в поле. Задарма, говорят, вкалывать дураков нет.

— Надо уметь говорить с народом! Распустили нюни,— Бексолтана задела непомерная болтливость этого сопляка.

— Сколько можно давить на сознательность? Пустой мешок, сказано предками, стоять не будет. Несколько лет подряд на трудодни колхозники получают лишь какие-то крохи,— ершисто отвечал Асланбег.

— Платите, платите натурой! — Бексолтан тоже повысил голос.

— Какой натурой? Где ее взять? Почти все сдаем государству.

— Это не речь комсомольского вожака! Государство наше из руин поднимаем — не ко мне домой и не к Дзамболату привозите, а в закрома...

— Ты подожди, Бексолтан, не загоняй парня в угол. Он и сам, я вижу, достаточно силен в политике. Ты вот что скажи, Асланбег... Как сам-то думаешь, какой выход из ситуации тебе самому видится?

Асланбег не ожидал такого вопроса и помедлил с ответом.

— Какой из меня советчик?.. Но люди, умудренные жизнью... К примеру, Аузби... Старый большевик.

— Аузби? Отлично знаю! Как он, не хворает? Непременно передашь ему мой сердечный привет. Так, и что же он говорил, уважаемый Аузби?

Бексолтану все больше не нравился разговор — он принимал нежелательный оборот. Старик мог пройтись и по его адресу и сейчас Асланбег... Одернуть бы этого юнца, но Дзамболат ждет ответа, поэтому ничего не остается, как тоже напустить на себя вид крайне заинтересованного человека...

Асланбег чувствовал, что Дзамболат говорит с ним не из праздного любопытства. А Бексолтан пусть дуется себе, ему радоваться надо, что он скажет не все.

— Аузби говорит, что, будь жив Ленин, он бы нашел выход... И что надо бы чуть ослабить вожжи...

— Очень любопытно. А конкретнее? — Дзамболат подбадривал Асланбега, видя, что тот косит глазом на Бексолтана.

— Например, в колхозе у нас большой фруктовый сад. И уж который год подряд гибнут десятки тонн яблок и груш, потому что некому их убирать. Можно ведь предложить колхознику: соберешь четыре ящика яблок — пятый твой. То же самое с кукурузой. Вот вы упомянули об участке Знаура. А вы знаете, сколько мы упреков получаем из-за него? И только потому, что звено его состоит из членов его семьи. Говорят, мы к единоличному хозяйству возвращаемся. А ведь кукурузы с гектара он дает в два-три раза больше, чем мы получаем в среднем по колхозу. А платим ему, можно сказать, крохи. Всего четвертую часть сверхпланового урожая.

— А как бы вы хотели?

— Я бы установил ему план по урожайности сорок центнеров. Или даже пятьдесят. А все, что произведет сверх плана, пусть будет его. Другие колхозники увидят выгоду и начнут ему подражать. А нам твердят: ваши многогектарники все равно что единоличники. А это ведь у нас еще с войны идет. И, говорят, делалось все это по инициативе того же Аузби. Он тогда был секретарем партийной организации колхоза.

— Если бы это нововведение было правильным, оно бы прижилось. Но это было отходом от коллективных методов работы,— сказал Бексолтан.— Хуже того, возвратом к издольщине.

— Я был участником первого совещания многогектарников вашего района, так их тогда называли...

Тот далекий зимний день 1944 года, когда он приехал в Тагардон на совещание старых колхозников, Дзамболат хорошо запомнил, потому что по возвращении из района с ним разговаривал Сталин.

В разговор опять вмешался Бексолтан.

— Движение не получило поддержки, потому что вело к

единоличным методам хозяйствования. Видите ли, расщедрились! Пятый ящик фруктов отдавай, всю сверхплановую кукурузу отдавай...

— Наше государство Антанте не далось, чудовищную силу фашизма выдержало. Да еще раздавило его. А если у колхозника ящик яблок, мешок кукурузы или лишний телок заведется, так это что, подрыв наших основ? — Асланбег отвернулся к стене, словно обидевшись, что его вынуждают втолковывать первому секретарю райкома партии такие прописные истины.

Дзамболату нравился этот колкий парень, еще не приученный жизнью вилять. «Ленин бы нашел выход... А мы-то на что? Мы? Я? Нельзя обойти молчанием задиристую речь комсомольского секретаря — это не только его мысли...»

— Тут, Асланбег, и придумывать нечего. Все в наших собственных руках. Государство передало народу землю на вечное пользование. И ею не кое-как следует пользоваться, а с наибольшей отдачей. Работай так, добивайся таких урожаев, чтобы и государственные планы хлебозаготовок выполнять, и свои закрома подчистую не выметать. Каждый на своем месте всей душой должен болеть за общее дело. К этому призывает нас ЦК партии,— говорил Дзамболат, хорошо понимая, что не много проку в этих всем известных словах, вся ценность которых разве только в том, что их произносит сам первый секретарь обкома.

— Да, про свой стан не забудьте. Может быть, известь вам прислать? Или найдется у самих?

— Найдется,— смущенно ответил Асланбег.

— Тогда тебе еще один совет. Ни в коем случае не падай духом,— Дзамболат встал и пожал ему руку.

Лицо комсомольского секретаря оставалось суровым, точно он слушал приказ подняться в атаку с палкой наперевес вместо винтовки...

Секретарь обкома был огорчен всем, что услышал и что сказал сам. Собственно, он ничего не сказал. Ни одного дельного совета не дал молодому колхознику. Это угнетало его. Он почувствовал себя — в который раз! — слабым, беспомощным. Вспомнил, как, действительно, в ту далекую пору многие из республиканского руководства посмеивались над «единоличниками» Тагардона. А тут еще их раскритиковал за отход от коллективных форм работы корреспондент «Правды». Дзамболата и сегодня смутили слова секретаря райкома партии об единоличниках, о коллективной работе. Жизнь приучила его к осторожности и осмотрительности, он все больше и больше работал с оглядкой, прислушиваясь к тому, какие веяния, советы, указания идут из Москвы. И все, что не вписывалось в эти указания, советы, он старался тщательно обходить.

С тяжелым чувством возвращался Дзамболат с полей. Он

досадовал на себя, на Бексолтана. С большим удовольствием он уехал бы домой, на работу, но уступил настойчивым просьбам Бексолтана посетить его родителей, которые ждут их к обеду.

* * *

Великих нартов бы не зазорно было усадить за такой стол. Уалибахи и фидчины, отварное мясо и рагу по-осетински, розовые мясистые помидоры, сахаристые на изломе, шашлык, цивджидзахдон* со сметаной, чесночная приправа... В изящном графине чистой слезой сверкала процеженная через вату арака двойной перегонки, в глиняном расписном кувшине пенилось бархатное пиво; серебряные ложки и вилки, хрустальные рюмки и фужеры из цветного стекла так и сверкали.

Дзамболат впервые переступил порог дома Дзарахмета в позапрошлом году, когда шли выборы в Верховный Совет СССР. Тогда приглашенных было человек десять. А теперь он и председатель райисполкома Майрам, в некотором роде его свояк — их жены состояли в дальнем родстве. Но Майрам не спекулировал, не козырял этим. Дзарахмет упросил Майрама занять место тамады.

— Живи в здравии, дорогой Дзарахмет! Только будет лучше, если ты тоже сядешь с нами. В наше образованное время некоторые обычаи предков выглядят, так сказать, неуклюже,— толстые щеки Майрама взбугрились от улыбки.

— Нет, нет, Майрам. Вы младшие, посидите сами, у вас свои дела, свои разговоры. Незачем мне вас смущать. Ради Дзамболата я голову свою колоть дрова вместо колоды подставлю. Он лицо нашей Осетии. Да умереть мне на месте, если видеть Дзамболата в своем доме для меня не одно и то же, что святого Георгия видеть. Майрам, будь добр, не забудь в свой час преподнести от моего имени дорогому гостю почетный бокал,— напоследок сказал Дзарахмет и, пятясь, вышел в другую комнату. Там за отдельно накрытым столом сел с шофером и порученцем Дзамболата.

Всеми хлопотами на кухне управляла мать Бексолтана Фаризат, ей помогали Мисурат и Пугач. Ответственнее дела, чем сейчас у них, в мире не существовало.

Дзамболат по мере возможности избегал долгих застолий. С одной стороны, ему всегда было жаль потраченного времени, а с другой — ни гурманом, ни тем более чревоугодником он никогда не был, уже само обилие яств и напитков нагоняло на него тоску. Особенно утомляло его бесконечное осетинское застолье со строгим ритуалом, нескончаемыми замысловатыми тостами. И мало когда ему удавалось оградиться от величальных здравиц в свою честь.

---

* Соленье из листьев и стручков горького перца.

Майрам обхватил всей пятерней рюмку и встал. Следом поднялся и Бексолтан.

— Ты садись, Бексолтан.

— Старший стоит, а я буду сидеть?

— Молодец! За это ты мне и нравишься: нет в тебе ни капельки зазнайства и чванства,— Майрам повернулся к сидящему от него по правую руку секретарю обкома.— Дзамболат, я провозглашаю этот тост за нашу партию, за ту руководящую силу, которая...

— Извини, Майрам, что прерываю, но у тебя, как обычно, слишком все витиевато. Скажи тост за дорогого гостя, за Дзамболата,— сказал Бексолтан.

— Я хочу именно это сделать. Но сперва надо подвести теоретическую базу. Итак, за дорогого Дзамболата, за главу нашего осетинского народа, за человека, который в своем лице...

— Это уж, извините, чересчур,— заметил Дзамболат.

— Прошу прощения. Сегодня я главный. Предлагаю тост за первого человека в республике, за мудрого руководителя, за прекрасного товарища. За тебя, Дзамболат, за твое здоровье, за твои новые успехи на высоком посту, за благополучие твоей семьи! — Майрас чокнулся с Дзамболатом, потом с Бексолтаном, выпил залпом и сел.

— Майрам! Бексолтан! — настала очередь Дзамболата поддержать тост.— Я благодарен вам за приглашение, за добрые слова. Ваш район на хорошем счету, пользуется доброй славой в республике. В Тагардоне жили и живут люди, преданные делу партии, не щадившие своей жизни за идеи Ленина и Октября, с оружием в руках защищавшие завоевания революции, отстоявшие Родину в самой кровопролитной из войн. И вам, руководителям района, желаю приумножить эту славу,— Дзамболат поднял рюмку и выпил половину — арака была крепчайшая.

— Дзамболат, будь добр, осуши бокал — не оставляй на дне зла. Уважь волю тамады, сделай одолжение.

— Он прав, Дзамболат,— поддержал Майрама Бексолтан.

Дзамболат прикрыл рюмку ладонью:

— Пожалуйста, не настаивайте, я лучше знаю свои возможности.

Бексолтан подождал, пока он закусит.

— Дзамболат, если бы ты был старше годами, я бы назвал тебя своим отцом, вторым отцом, а сейчас ты для меня не только мой уважаемый товарищ, ты мне любимый брат. Кто я есть — я есть благодаря тебе. Я у тебя в неоплатном долгу. Но чем же мне в таком случае ответить тебе? Только работой! Только неустанным трудом, любовью и безмерным уважением к тебе. И стремлением к тому, чтобы быть достойным наших предшественников. Именно так: мы обязаны умножить

славные традиции тагардонцев, чтобы тем самым оправдать твое высокое доверие. Если понадоблюсь в другом месте — я всегда к твоим услугам. Служить делу партии под твоим руководством — вот что для меня высочайшая честь. У тебя в должниках не только я и Майрам: людей, облагодетельствованных тобой — тысячи. Живи в здравии и благополучии сто лет!

Дзамболату претило такое неприкрытое угодничество, но он дружелюбно кивнул Бексолтану. Несмотря ни на что, секретарь Тагардонского райкома ему решительно был по нраву своей готовностью выполнить любое указание. Но почему такая откровенная лесть? Уж не занес ли он ногу, чтобы ступить выше по служебной лестнице? Что-то барственное, пренебрежительное чувствуется в нем, нетерпимость к чужому мнению, когда его высказывают снизу.

Тем временем Бексолтан, наклоняясь через стол, подкладывал ему лакомые куски.

Дожевав обмакнутый в чесночную приправу добрый кусок мяса, Майрам поднялся с торжественным видом.

— Я пользуюсь за нашим маленьким застольем непререкаемым авторитетом тамады. Гость — от бога. Я, выполняя наказ нашего хлебосольного хозяина, преподношу почетный бокал первому человеку Осетии. Дорогой Дзамболат, я с особым удовольствием выполняю эту почетную миссию. Здоровья, нартского здоровья тебе и кавказского долголетия на радость всем нам. Соблаговоли принять почетный бокал от имени уважаемого Дзарахмета.

Дзамболат, привстав, принял бокал.

— Спасибо, Майрам, на добром слове. Я понимаю, что в застолье не обойтись без хвалебных речей, но... Ну да ладно... Спасибо и Дзарахмету, всяческих благ его дому,— пригубив рюмку, поставил ее на стол.

Майрам, закусив сочным фидчином, снова встал. Прокашлявшись в кулак, поднял рюмку на уровень груди и, загадочно улыбаясь, начал:

— Сегодня, четвертого сентября, Бексолтан, твой день рождения.

Дзамболат удивленно поднял глаза на Бексолтана, усмехнулся.

— Пусть твоя жизнь сложится так, как того желают тебе любящие тебя люди,— продолжал Майрам.— А будет по нашему желанию — пусть зло останется нам, добро перейдет к тебе. Твой организаторский талант, твой ум, твои знания всем известны. Крепкого тебе здоровья. Пусть удача никогда не отвернется от тебя. И, главное, желаю тебе благоволения Дзамболата — это гарантия того, что ты состоялся и как коммунист, и как руководитель,— Майрам чокнулся с Бексолтаном, и, выпив стоя, сел, довольный собой.

— Прошу великодушно простить меня, Бексолтан, но я не знал, что сегодня день твоего рождения,— начал извиняющимся тоном Дзамболат и хотел встать, но Бексолтан замахал на него руками, и тот сидя продолжил: — Наш тамада сказал предельно точно. Добавлять что-либо к его словам не стану, боясь испортить их. На тебя партией возложена ответственная задача. Трудись не покладая рук и будь счастлив. За твое здоровье!

Бексолтан ждал от Дзамболата других слов, другое ему хотелось услышать. Но от общих, ни к чему не обязывающих слов Дзамболата в его душу проник какой-то холодок, тем не менее своего недовольства он ничем не выдал. Попросил у тамады слова и молодцевато поднялся.

— Майрам вспомнил о моем дне рождения, но каждый человек по-настоящему рождается лишь тогда, когда получают признание его скромные способности. Я обрел все благодаря Дзамболату. И хотел бы в доме отца еще раз выразить ему мою глубокую признательность...

Майрам неожиданно запел. Хороший у него был голос. И угадал точно: Дзамболат любил песню об Исса Плиеве. Бексолтан поддержал песню. Не удержавшись, тихо стал подпевать и Дзамболат. Лица Майрама и Бексолтана сияли — еще бы: сам первый секретарь обкома партии подпевает им!

Засиделись допоздна. Подходя к Дзарахмету и Фаризат, чтобы поблагодарить их за гостеприимство, Дзамболат краем глаза заметил, как Бексолтан всовывал в багажник его «ЗИМ»-а какой-то ящик. Шофер и порученец протестующе замахали руками, но он не обратил на них никакого внимания. Только когда выехали из села, Дзамболат спросил у шофера:

— Что это за ящик положили тебе в машину?

— Гостинцы... Индюшка, пиво, арака... Еще фрукты,— виновато отвечал шофер.

— Ну и дела! Что я, бедный родственник? Не вздумай заносить это ко мне в дом!

Вскоре в районе повторяли на все лады: Дзамболат специально приехал на день рождения Бексолтана и, сняв с руки, подарил имениннику свои золотые часы.

Домочадцы Дзарахмета знали, какой сор выносить из избы, какую молву пускать в мир...

4

Мурат шел в глубокой задумчивости, опустив голову. Его не покидали нерадостные мысли о родственниках — благоденствуют, умеют жить... умеют...

На стыках рельсов промыхнул вагон трамвая, и Мурат вскинул голову: проспект Сталина.

Тут кто-то тронул его за локоть:

— Парень, а ты, оказывается, своих не узнаешь. Нашел мешок с деньгами?

— Александр! — обрадовался Мурат.— Мадинат! Вот так встреча!

— Я уже сорок один год ношу это тяжелое имя. Да и она тоже не сегодня стала Мадинат,— Александр был в хорошем расположении духа. Подтянут. Смуглое выразительное лицо гладко выбрито. Наверно, поэтому он казался Мурату намного помолодевшим.

— Мы были в кино, вот с Кларой и ее сынишкой. Да, вы с Кларой разве не знакомы? — улыбаясь, спросила Мадинат. В самом вопросе звучал ответ: конечно, вы знакомы, только не узнали друг друга.

Мурат повернулся к молодой женщине.

— Клара?! Ни за что бы не узнал. Сколько лет не виделись! Сияла солнцем, сверкала звездочкой, а сейчас и того краше! — выпалил Мурат, но быстро спохватился: что это он позволяет себе при старших...

— Чего засмущался, как невеста? — засмеялась Мадинат.— Хотя тебе краска не повредит. Но с прокурорами осторожней насчет комплиментов.

— С какими прокурорами? — не понял Мурат.

— Э, да ты отстал от жизни, Мурат. Клара у нас прокурор.

Мальчик дернул мать за руку.

— Ма, этот дядя тоже Мурат? А кто ему дал мое имя?

— Да, Муратик, кто-то, не спросясь нашего позволения, подарил ему твое имя...

Оживленно разговаривая, дошли до здания «Интуриста». Мадинат обратилась к Кларе и Мурату:

— Зайдемте к нам, а? Видите какой у нас большой дом?

— А чем гостиница хуже дома? — пожал плечами Александр.— Шутки шутками, а давайте посидим за чашкой чая. Не беспокойтесь, хозяйку ничем не стесните: под нами отличный ресторан...

— Благодарю, но у меня дела,— сказал Мурат.

— А у нас с Муратиком в программе еще посещение парка. Не поведу — житья мне не будет.

— Ну что ж? Под конвоем двух Муратов мы тебя отпускаем, Клара. Только не забывайте нас. До следующей встречи.

Мадинат и Александр ушли.

— Ну, раз Муратик в парк, то и Мурат туда же. Верно говорю, тезка?

— Куда иголка, туда и нитка.

— Ух, ты! — удивился Мурат.— Ты тоже прокурором станешь?

— Нет. Я буду моряком, как и мой папа.

Мурат посмотрел на Клару, но она отвела взгляд.

Он купил входные билеты, и они зашли в парк. Мурат ук-

радкой разглядывал Клару: неужели это та самая девчонка, наивная и робкая? Как-то странно она тогда исчезла, как сквозь трещину провалилась. Где она пропадала столько лет? Что делала? Краем уха слышал, будто в Ростове жила. Там и выучилась, наверное, на юриста. Муж — моряк...

Первой молчание нарушила Клара:

— Это... Ты еще не женился?

— А кто мне отдаст свою жену? Никто за меня не идет.

— Наверное, просеиваешь сквозь мелкое сито?

— Ничуть!

— Заговаривай зубы! А Мисурат?

— Мисурат? — Мурат машинально повторил это имя.— Мисурат давно уже замужем.

— Кто ж ее муж?

— Не безызвестный тебе Бексолтан.

— Что?!

Мурат заметил, как побледнела Клара.

— Она не прогадала, уверяю тебя. Он — первый секретарь райкома партии.

— Пусть бог приберет его к себе,— вырвалось у нее.

Мурат ничего не понимал, но решил, что лучше промолчать — мало ли какие струнки ненароком заденешь...

Клара, видимо, почувствовала замешательство Мурата, и чтобы как-то сгладить возникшую неловкость, спросила:

— Мурат, не посчитай меня любопытной, но если серьезно — почему ты засиделся в женихах?

— Если серьезно — боюсь. Обжегся немного.

— Понимаю.

— А ты...

— Знаю, о чем ты хочешь спросить: о моем моряке. Давай как-нибудь другой раз.

— Нет, я хотел сказать, он не ревнует, когда надолго...

— Нет, не ревнует. Хорошо понимает, что осетинка будет ему по гроб верна, не даст повода для ревности,— с беспечным смехом ответила она.—Но, знаешь, стоит ухажерам узнать, что я следователь прокуратуры, как их ветром сдувает.

У обоих отлегло от сердца, хоть счастливо-безмятежный смех Клары навеял на Мурата какую-то необъяснимую грусть.

Мурату хотелось еще побыть с ними, молча побродить по тенистым уголкам парка, вдоль берега, но Муратик заскучал, наверное, ему надоели их взрослые премудрые разговоры.

— Ма, пойдем домой,— сказал и притворно зевнул.

— Муратик, не стыдно зевать?

— Нет. Я только забыл прикрыть рот...

Мурат давно не чувствовал себя так хорошо. Всю хандру как рукой сняло. Но — деваться некуда.

— Спасибо, Клара. Отдохнул душой, как говорится...

— И тебе спасибо. Надеюсь, теперь будем чаще видеться?

— Конечно. Ну, всего вам хорошего. Салам тебе, Муратик. Запомни, среди мужчин, носящих имя Мурат, плохих еще не было. Смотри у меня!

— Приходи к нам в гости, дядя Мурат. А то никто не ходит к нам.

Мурат с минуту глядел им вслед. Муратик обернулся и махнул ему рукой, а Клара как-то виновато улыбнулась.

Как она ни старалась выглядеть беззаботной, Мурат все время чувствовал, что это всего лишь игра. Муж-моряк... Какая-то неприятная догадка шевельнулась в мозгу, но он скорее прогнал ее прочь.

* * *

Поздним вечером в редакцию стали поступать материалы Постановления Пленума ЦК КПСС о дальнейшем развитии сельского хозяйства. В эту ночь Мурат был дежурным по редакции и вычитывал материалы перед засылкой в типографию. Кардинальные мероприятия, намеченные партией для интенсивного развития сельского хозяйства, он полностью одобрял. Все предельно откровенно и ясно, и если только удастся претворить в жизнь намечаемое, сельское хозяйство страны пойдет в гору.

На третий день сотрудники редакции разъехались по районам республики для организации выступлений с мест, узнать мнение тружеников села о Постановлении.

Мурат заранее оговорил для себя родной Тагардонский район и прибыл в село, когда уже вечерело. Аузби по обыкновению сидел на лавке у ворот дома. Мурат опустился рядом.

— Слушай, парень. Я внимательно слушал радио. Все правильно и очень своевременно,— начал Аузби.

— Я как раз хочу узнать мнение колхозников о намечаемых мероприятиях...

— Надо, надо... Как же не спросить народ, коль дело это всего народа.

— Все верно, Аузби. Но как вызвать людей на откровенный разговор?..

— А ты сразу не суй им карандаш под нос. Присядь с человеком рядом и разговор начни с его здоровья, поговори с ним о житье-бытье, а там все пойдет само собой,— старик улыбающимися глазами смотрел на Мурата.— А то, как Бексолтан, подступишь надутым индюком, конечно, натолкнешься лбом на глухую стену.

— Да, кстати... Бексолтан, говорят, уже кое-что предпринял,— Мурат искоса глянул на Аузби, не очень-то надеясь, что его затравка увенчается успехом: деда на мякине не проведешь...

Но, к его удивлению, старик спокойно отнесся к его словам.

— Мурат, ты знаешь мое отношение к Бексолтану. Он не преминет залезть сапогом в душу, если эта душа ему не угодна. Слышал, что на одном собрании он хулил работу Александра. Если отец недоволен потомством, журит или ругает их на чем свет стоит, это в рамках приличия. Но когда сын охаивает отца — это уже ни в какие ворота не лезет. Если ты когда-нибудь займешь место своего теперешнего начальника, будь умен, не вали даже со своей здоровой головы на его больную...

На другое утро Мурат явился в райком партии. Он еще ночью по телефону договорился с Бексолтаном о встрече. И потому прошел прямо к нему. Бексолтан сидел за своим объемистым столом. Перед ним лежала газета с материалами Пленума. Толстым красным карандашом он подчеркивал отдельные места, обводил целые абзацы, понаставил восклицательные знаки.

— Эпохально важное решение! Переворот в методах хозяйствования! Я давно ждал такого решения — он создает простор для творческой работы,— Бексолтан говорил так ,точно диктовал свое мнение на первую полосу газеты. Мурату оставалось лишь согласно кивать головой.

— Ты посмотри, как откровенно обнажаются первопричины всех наших упущений и недостатков. Ты послушай-ка...— И он стал читать подчеркнутые места.— Каково? Не в бровь, а в глаз! Намечены ясные пути. Столбовая дорога!

— Бексолтан Дзарахметович, а райком с чего думает начать, чтобы претворить в жизнь планы партии? Хотел бы узнать об этом. А потом нужно узнать и мнение колхозников.

— Чего пожелает пресса, и чего мы не сделаем! Поезжай в колхозы, поговори с людьми. А я пока хочу серьезно изучить материалы Пленума, вникнуть в них умом и сердцем, поэтому завтра тоже буду занят по горло. И буду готовиться к встрече с тобой. К тому же завтра у нас бюро. Ну, а послезавтра — милости просим. Уже кое-что успел набросать,— Бексолтан кивнул на исписанный мелким бисером листок бумаги.— Советовался и с Дзамболатом, звонил ему в Москву. Он одобрил мои наметки.

Выйдя из райкома, Мурат свернул в переулок и оказался у родной школы. Какая-то теплая волна подкатила к горлу. Спешащая куда-то женщина взглянула на него и встала, как вкопанная. Мисурат...

Это была их первая после ее замужества встреча. Мурата обдало жаром, но он постарался сохранить спокойствие, словно ничего особенного не произошло. Замешательство Мурата сменилось удивлением. Неужели это — Мисурат? Точно двадцать лет прошло с тех пор. Лицо испещрено мелкой сетью морщин, притух былой блеск глаз. Когда-то за неуемный веселый характер ребята прозвали ее ласточкой-щебетуньей. А сейчас перед ним стояла... мокрая продрогшая пичужка... Женщина уловн-

ла его настроение. Сорвавшись с места, чуть ли не бегом бролась прочь.

* * *

Пугач восемнадцатилетним парнем все еще учился в восьмом классе. Как анекдот в Тагардоне рассказывали случай. На уроке истории учитель решил выведать у него хоть какие-то знания, и спросил: «Кого ты можешь назвать из тех, кто в восемнадцатом веке боролся против царя?» На что ученик ответил:

«В восемнадцатом веке пролетариат России боролся против царя Николая. А руководил этой борьбой пламенный большевик Пугач».

И как только потолок не обрушился от хохота в классе! Вот тогда-то и прилепилась к сыну Габазова Саглауа Хайло кличка «Пугач». Она и ему самому пришлась по нраву. Отныне и навеки Хайло превратился в Пугача. Учеба опостылела ему, и он распрощался со школой. Некоторое время бездельничал, потом стал членом сельского самодеятельного ансамбля песни и пляски. На его стройной фигуре отлично сидели черкеска, каракулевая шапка, мягкие сапоги — джигит! Да и танцевал прекрасно. Но надо было думать о хлебе насущном, и он поступил на курсы шоферов. Затем он работал на старой полуторке пищекомбината. Здесь к нему присмотрелся Дзарахмет и порекомендовал его Бексолтану. Пугач пришелся ко двору — услужлив, есть хватка, не лоботряс.

...Бексолтан был на бюро райкома, и Пугач поспешил в дом Дзарахмета.

— Не заботит ли вас что? — как всегда, еще с порога спросил он.

— Только ты и помнишь о нас, Пугач,— говорил Дзарахмет.— Чтобы сын наш подумал о доме — боже упаси!

— Возможности у меня, сами знаете, но все-таки...— Как обычно, Пугач стал прибедняться, напускать туману. И тут с ребенком на руках появилась Мисурат. Пугач сунул руку в карман пиджака и достал маленький сверток — чулки.

— Мисурат, это специально для тебя. Импортные. Друг у меня в Берлине служит. Прислал оттуда. Смотри-ка,— он высоко поднял руку и с силой дунул на чулки — они легко взлетели, затрепетали.

Дзарахмет лукаво улыбался.

— Пугач, ты заставил меня вспомнить мои молодые годы! Лихой, лихой ты парень!

— Если бы! Но Бексолтан Дзарахметович обо мне другого мнения.

— Ничего, и он согласится с нами...

Фаризат накрыла на стол. Пугач не заставил себя уговаривать, сразу принялся за еду.

— Приближаются дни святого Георгия, наш Джеоргуба. А

мы не знаем, как, чем встречать...— начал жаловаться Дзарахмет.

— Шабаш. Все понял. Считай, что у тебя все уже есть...— Пугач задумчиво пожевал, почесал затылок и вкрадчиво заговорил: — У нас бы каждый день было парное мясо, если бы... Есть одно дельце... но...

— Говори, меня-то чего тебе стесняться?

— Мне бы в райпо устроиться... Заготовителем. Вот так бы жили обе семьи,— Пугач ребром ладони провел по горлу.

Дзарахмет усмехнулся: «А ведь дело предлагает этот аферист».

— Ну что же, пока от себя скажу: правильный курс выбираешь.

— Тогда я побегу,— Пугач взял со стола несколько кусков мяса, завернул их в газету и примчался в райком.

Председатели колхозов столпились в коридоре в ожидании, когда их позовут на бюро. Председатель колхоза «Кавказ» Тасо — среднего роста молодцеватый мужчина, увидев Пугача, пошел ему навстречу:

— Пугач! Давно тебя не видел. Как жизнь?

Пугач заговорил шепотом:

— Я не жалуюсь, но вот Дзарахмет думает, что тебе живется не очень хорошо и зовет тебя в гости.

— Спасибо. Как он, жив-здоров? Нуждается в чем?

— Ах, чуть не забыл! Хорошо, что ты напомнил... Вчера он дал мне денег купить мясо. Купить-то я уже купил, да вот забыл отвезти... Какой позор!

— Не это позор, а то, что...— Тасо достал из кармана кителя блокнот и ручку, быстро нацарапал: «Габоци, выполняй то, что скажет предъявитель!» Вырвал листок и отдал Пугачу.— Поезжай и привези штуки три овец. Одну оставишь себе. Поблагодаришь Дзарахмата за приглашение.

Габоци, главный бухгалтер колхоза «Кавказ», молча выписал квитанцию, сложил вдвое, аккуратно разорвал на две половинки и одну отдал Пугачу:

— Это для заведующего фермой.

Через десять минут Пугач был уже на кошаре. Навстречу выбежала огромная кавказская овчарка, утробно залаяла. Пугач высунулся в окошко и стал ее успокаивать, ласково приговаривая.

— Абрек! Абрек! Своих не узнаешь? Не лай, не лай, не с пустыми руками к тебе явился.

Собака еще для порядка пару раз тявкнула и завиляла пушистым хвостом, тяжело побежала за машиной, потом с виноватым видом подошла к Пугачу.

— Абрек! Абрек! Ты хороший пес, ты верный страж социалистического добра. На, кушай — твоя доля со стола Дзарахмета,— он положил перед ней куски мяса.

Появился завфермой в войлочной шляпе.

— Привет, Пугач! Что-то давно тебя не видно.

— Некогда, уважаемый, дела, дела...

— Точно, это ты точно...

— Вот опять гости к нам нагрянут то ли из Грузии, то ли из Кабарды. А, может, из Африки,— Пугач протянул ему половинку квитанции.

— Точно, это ты точно. Это за сколько барашков ты заплатил?

— За три штуки.

— Подгони машину вон к той калде и грузи.

Увидев двух большущих овец, привезенных Пугачом, Дзарахмет удовлетворенно крякнул.

— Из тебя, парень, толк выйдет. Меня глаза никогда еще не подводили...

5

Осень входила в свои права. Курлыча, пролетели первые журавли. В мире была разлита печаль, словно природа, как неминуемой беды, ждала наступления зимы. Это чувство усугублялось тем, что кукурузные поля не радовали урожаем. Мурату стало тоскливо от всего этого.

Он вспомнил свою давнишнюю злополучную статью. Где-то здесь, на полях колхоза «Иристон», встретился ему тогда Знаур Мурзакулов.

Показался полевой стан. Потом Мурат увидел и Знаура.

— О, Муратджан! Каким добрым ветром занесло тебя? Когда-то я поругивал тебя зо робость, ставил тебе в пример храбрейшего Хаджимурата Дзарахохова. А теперь признаюсь: ошибался. Тот орудовал саблей. А ты доказал мне, что и гусиное перо в смелых руках разит наповал. Мо-ло-дец! Мужчина! Дай-ка я пожму твою руку.

В этом человеке чувствовалась крепкая крестьянская жилка, какое-то особое достоинство и основательность.

— Если тебе интересно мое мнение, то знай: я обеими руками за! Мудрое постановление. Теперь и мы вздохнем, и ты с легкой душой будешь пахать свою бумагу. Я прослышал, что тебе за эту статью досталось. А теперь, считай, в самом ЦК поддержали тебя. А ошибок не надо бояться — от них и сам бог не застрахован. Вот на кой черт такую дубину, как я, сотворил бог? Я тебе головой ручаюсь, он сотворит еще не одну дубину. И на хорошее место определит. Скажешь, нет?

— Не скажу. Но ты на дубину не тянешь, ты — увы, прутик. Вот те — это да...

— Живи долго, Мурат. Я вот что хотел еще сказать. Много было решений, умных, нужных. Но когда от слов переходим к делу... За столом нас густо, а на поле брани — пусто.

Бывает, молчание хуже всякого худого слова. Надо бы встать и сказать правду, а — нет: головы скорей под крылья... Почему мы одолели Гитлера? Потому что не жались по углам, а дрались, не на жизнь, а на смерть. Работать и осел работает, но я так думаю: настоящей благодарности достоин лишь тот, кто выполняет свою работу не как тот осел, а отвечает головой за нее, горой стоит за свое дело. Он ровно держит свою борозду и не позволит, чтобы кто-то с бугра указывал ему, куда тянуть. Знаешь, кто сейчас наш враг? Тот, кто только говорит, а делать ничего не хочет. Сегодня говорит одно, завтра другое. Героев войны у нас много. Героев, сказать правду,— кот наплакал. Я о нас говорю, об осетинах. Каждый норовит заряжать словом правды кривое ружье и пальнуть из-за угла. Татари и Аузби мне, почитай, никто, не кормильцы. Но я их люблю за прямоту. У меня с ними одна вера. Не православная. Не магометанская. Правдой называется... Не прими за громкие слова. Я хоть и дубина, но весь как на ладони. А, может, именно потому, что дубина?—Знаур поднял на Мурата живые умные глаза.

Поздно вечером поставил Мурат последнюю точку в своей статье. Перечитал ее и добавил кое-что из высказываний Бексолтана.

Бексолтан... Может, Знаур намекал и на него, когда говорил о дубинах, которых ставят на хорошие места? Но такой пост только по блату не займешь... Нет, Бексолтан далеко не дубина, и даже совсем не дубина... Но лучше бы был ею...

Когда статья была напечатана, вечером того же дня редактору позвонил Бексолтан:

— Спасибо. Мне статья понравилась. Критикуете тоже по делу. Другу моему Мурату передайте мой салам.

* * *

Когда вишневая «Победа» поравнялась с молодой женщиной, ведущей за руку мальчика, Бексолтан вздрогнул. Резко обернувшись, застыл в неудобном положении. Пугач проследил за его взглядом и воскликнул:

— Клара!

— Какая Клара?

— Та самая. Ну, которую я вез в Тагардон.

— А-а,— равнодушно протянул Бексолтан.

— И-эх! — тягуче выдохнул Пугач.

В обкоме обсуждали ход уборки кукурузы. С высокой трибуны критиковали Тагардонский райком за медленные темпы уборки, за несвоевременную доставку в закрома государства «королевы» полей. Но Бексолтан весь был занят своими думами. «Обосновалась в прокуратуре республики. А там сплошь жеребцы откормленные. Такую ягодку кто не возжаждет отведать... Разомлев от ласк, она поведает о своей

горькой судьбе своему новому обольстителю, и тогда, Бексолтан, держи круговую оборону... Неужели она окажется такой дурехой? Ведь самой дороже выйдет! Но жещина есть женщина, тем более такая легкомысленная...»

В машине Пугач вопросительно посмотрел на шефа:

— Может, пообедаем?

— А что? Идея ценная. Давай в ресторан.

Обедали обстоятельно, хотя пил Бексолтан, а Пугач только чокался с ним. Коньяк сделал свое дело: сердце Бексолтана опять возлюбило радости жизни. Ничего такого позорного в истории с Кларой и нет — подумаешь, невинный грешок молодости, с кем не бывает...

...Бексолтан опустил стекло дверцы и подставил лицо тугому потоку воздуха.

— Годится, говоришь, Пугач, наша односельчанка, а?

— Еще как!

— Не была бы замужем — стоять ей невесткой в углу твоего дома... Но, кажется, ты моложе ее...

— Всего на один год. Она училась в девятом, а я в восьмом.

— Но если учесть, что в восьмой ты ходил чуть ли не все восемь лет...— захохотал Бексолтан.

— Не в крови у меня учиться. А разница в год — чепуха. Такую бы красавицу в дом... Но откуда у бедного горца такое счастье! Да, но если она замужем, то чего здесь одна делает? Скорее всего разведенная.

Чтобы невзначай не сболтнуть лишнего под действием коньяка, Бексолтан круто повернул тему:

— Вот дырявая память! Упустил совсем: я же обещал Мисурат купить отрез на платье,— и сам обрадовался тому, как ловко это у него вышло. А что? Давно следовало сделать что-нибудь приятное для Мисурат. Конечно, и следа не осталось от былого влечения к ней, но чтобы и она вконец не охладела к нему, нужно проявить внимание.

Пугач был поражен,— на его памяти тот еще ни разу не вспомнил свою жену даже добрым словом, а тут — подарки! Но это не его дело, его святой долг — удовлетворять любую прихоть шефа.

— Если бы ты мне в городе напомнил, там у меня такие дружки, что птичье молоко бидонами достанут! Но и сейчас не поздно... Считай, подарок у тебя.

— Дать денег?

— Не надо...

Бексолтан вышел у райкома. Пугач развернулся и подкатил к правлению райпо. «Салам» — коротко бросил секретарь-машинистке и рывком потянул на себя дверь председателя.

— Добрый вечер, Инал!

— О! Пугач! — Инал вышел из-за стола.— Проходи, располагайся.

— Дорогой Инал, рассиживаться мне некогда. Шефу на день рождения жены нужен подарок — отрез на платье. Найдется?

Председатель райпо исчез. Появился он минут через десять. Вытащил из-под пиджака кусок шелковой материи, развернул.

— Ого! На десять лет помолодеет Мисурат. И сколько стоит такая тряпка?

— Это крепдешин, Пугач, а не тряпка,— видя, что Пугач что-то порывается возразить, Инал предупредительно поднял руку.— Понимаю, понимаю, что ты шутишь. Эта тряпка — подарок от меня для Мисурат.— Председатель аккуратно завернул материю.

Мисурат и обрадовалась подарку, и несказанно удивилась.

— Весь город объездил, ничего лучше не нашел,— сказал Бексолтан. Он смотрел на растерявшуюся жену и представлял Клару.

Мисурат ни в какое сравнение не шла с ней. Худющая. Даже слегка сгорбилась... Не на чем глазу остановиться... А Клара... Бексолтан прикрыл глаза. Есть у него одна в городе, все при ней, к тому же молода... Но Клара...

— Спасибо, Бек. Я давно хотела платье из крепдешина,— поблагодарила Мисурат и опустилась рядом с мужем.

Бексолтан взял ее руку и поднес к губам. Мисурат диву давалась: «Что с ним произошло? Откуда эта нежность?.. Подарок...»

Шесть лет живут вместе. И не ее вина, что первого ребенка родила так поздно. Сколько от свекрови натерпелась! После первого ребенка через год снова родила. И как-то сразу постарела. Теперь свекровь принялась за другое: «Такая замухрышка тебе не пара,— говорила Фаризат сыну, а она невольно подслушала.— У нее дед умер от чахотки, и мать харкает кровью. И отец был легочник...»

Мисурат не отвечает на обидные слова свекрови, молча глотает слезы. Вот точно так же ее мать Дунетхан отзывалась о Мурате. А этот чахоточный.. Не пышет здоровьем, но выглядит очень хорошо. Но... Нет, нет, ему далеко до Бека! Он куда значительнее Мурата, хозяин целого района. И зря она сомневается в его добром расположении к ней. Он же от чистого сердца преподнес подарок, а она...

И в порыве благодарности Мисурат прижалась к мужу.

6

— Лаппу, всему свое время, свой час,— говорил Татари, усадив рядом Мурата.— Не нами все придумано, предками так заведено. Природа, наконец, так велит. Вернулся бы твой

старший с войны, давно бы женили его. Уже бы внуки бегали. Слухи ходят о какой-то городской девушке. Нам тоже не все равно, кто она такая. Прежде всего она должна, конечно, устраивать тебя. И если это так, то не надо больше откладывать. Сегодня воскресенье, а в следующее воскресенье шлем сватов, ты ей дай понять.

Мурату и самому надоела холостяцкая жизнь. Хотелось о ком-то проявлять заботу, с кем-то делиться сокровенными думами. Но даже в самых счастливых сценах семейной жизни Залихан не было, не вписывалась она в них: что-то удерживало его от решительного шага.

— Чабахан говорила твоей матери, что девушка—дочь хороших родителей, достойных людей, к тому же докторша...

Мурат хранил молчание. Отец посчитал дело решенным и обо всем поведал Фатимат, а на другой день держал совет с Аузби. Оставалось решить, кого послать сватом. Выбор пал на парторга колхоза Серго — умеет говорить, умеет слушать.

В воскресенье вечером Мурат и Серго стояли перед дверьми квартиры отца Залихан. Мурат указательным пальцем ткнул кнопку электрического звонка. Из квартиры донесся мелодичный перезвон.

Хоть здесь и ждали гостей, но открыли не сразу: ритуал сватовства вступил в свои права.

Хозяева, хотя, казалось, рады были гостям, но вели себя сдержанно. Серго и Дзантемир сели за стол. По обычаю Мурату не полагалось находиться здесь, однако обычай посчитали косным, и его тоже усадили.

Залихан и ее мать накрыли на стол, да так аккуратно,— ни один ножичек, ни одна ложечка не звякнула. Дзантемир наполнил рюмки, провозгласил тост за здоровье гостей. Пригубил рюмку и опустил на стол. Серго, даже не дотронувшись до своей, заговорил:

— Заранее прошу прощения, если что скажу не так, любезный наш хозяин. Мы пришли сюда по очень важному делу. И поэтому хотелось бы начать наш разговор без обиняков. А то, чего не бывает, выпьем — и забудем, зачем пришли.

Хозяин дома стоял на своем:

— Я тоже кое-что понимаю в наших обычаях. Сперва уважим стол, а дело ваше не убежит.

— Нет, нет, прошу прощения. А вдруг мы пришли поносить твой дом?

— Тогда делай, как знаешь,— сдался Дзантемир.

Серго приосанился, крякнул для важности и, словно собравшись с духом, начал:

— Не будем ходить вокруг да около, скажем сразу: мы посетили твой дом, Дзантемир, с той целью, чтобы снисходительно просить тебя дать свое согласие на родство с семьей Мурата, с его фамилией. Когда подрастают дети, святой долг

родителей лучшим образом устроить их судьбы. Если сын вышел в женихи, то надо позаботиться о невесте для него. Стала дочь невестой на выданье, то же самое — нужно одобрить ее выбор, не становиться поперек ее желания. Говорить обо всем этом можно долго. Но еще предки наши сказали: если глупого слушает умный, то дело пойдет на лад. Я прошу иметь в виду одно: Мурат здесь потому, что ваша прекрасная дочь позволила ему переступить через порог твоего дома.

Дзантемир чуть склонил свою большую бритую голову набок и поэтому могло показаться, что он слушает говорящего с предельным вниманием, словно тот говорит о чем-то совершенно неожиданном для него. На самом деле он знал, конечно, что сегодня к ним придут сватать его единственную дочь, и поговорил с женой, подробнейшим образом расспросил Залихан о ее намерениях.

— Серго, спасибо вам за оказанную моему дому честь. Но мы тоже семья. И не без родни, не без фамилии. Позвольте нам осмотреться, посоветоваться. Я видел этого парня, но думал, что он заходит к нам на правах родственника одной из лучших подруг моей дочери. И, насколько мне известно, Залихан намерена продолжить учебу в аспирантуре. В Москве...

Серго незаметно глянул на Мурата, мол, как все это прикажешь толковать?

— Прошу прощения, Дзантемир, но я не выдам никакого секрета, если скажу, что наш парень и ваша дочь понимают друг друга. Я уже говорил, не без ее согласия мы здесь. Мы понимаем и твое положение, какой отец скажет,— нате, заберите мою дочь, едва только переступили его порог...

Дзантемира взяла досада, что Серго, отлично все понимая, продолжает упорствовать.

— Я другого ответа не могу дать. Пока наша дочь не думает о замужестве. Пусть она получит то образование, к которому так стремится. Не будем ей мешать, чтобы потом не каяться...

Серго прокашлялся в кулачок. Он был явно озадачен: ждал более мягкого отказа, наполовину состоящего из обещания.

— Образование тоже необходимо, однако оно не важнее счастья. Что ж, мы терпеливые, подождем. А ходатаи и к царю шли. И возвращались не без ответа. Или — нет, или — да.

— Я такого однозначного ответа вам не могу дать. Во всяком случае, сегодня ничего другого не скажу...

Серго заметил, что Мурат нервничает, и, кажется, готов бежать отсюда сломя голову. Эх, молодость, молодость... Небось, думал, что стоит только постучаться, как ему на тарелке вынесут Залихан!..

— Прошу прощения за причиненное беспокойство. Доброй ночи вам. Живите в добром здравии и благополучии,— Серго поднялся. За ним с готовностью последовал и Мурат. Дзан-

темир сидел, словно был намертво прикован к своему стулу.

— Серго! Я думаю, что ты сын достойных родителей. Сейчас ты поступаешь очень невежливо в отношении моего дома. Стол этот, обычаи этого стола старше нас с тобой, старше наших отцов...

Серго, покорившись, сел и поднял свою рюмку.

— Сознаюсь, загнал ты меня, Дзантемир, в угол. Сдаюсь. Пусть слава твоего дома не меркнет, пусть честь твоего очага никем не будет попрана. Пусть за ваше добро вам всегда платят добром.— Серго выпил, а к закуске не притронулся.— Теперь разреши нам откланяться. У нас впереди долгая дорога. Старшие ждут нас.

— Не разрешаю! Пока за этим столом три тоста не выпьем — ни шагу. Пусть моя дочь состарится у моего очага, если ты, Серго, уйдешь отсюда, затаив обиду.

Пришлось вновь подчиниться. Гости уже уходили, когда из другой комнаты вышла мать Залихан.

— Куда вы спешите? Я еще хотела подать лывза,— притворно сокрушалась она.— Может, стол наш не так богат...

— Пусть в вашем доме, хозяйка, угощенья беднее этого не будет,— пожелал Серго.

На улице он постарался успокоить Мурата:

— Не переживай. Это в порядке вещей. Кто просит — раб, кто дарит — владыка. Так-то...

* * *

Мурат начал было жаловаться Чабахан, но она прервала его.

— Я все знаю. Не кипятись. Не ты первый, не ты последний. Все прошли через это...

— Нет, Чабахан. У меня есть глаза. И слухом не обделен. Отказ отказу рознь.

— Не отчаивайся и пойми Залихан, каждая девушка боится совершить необдуманный шаг. И в том, что родители лучшим образом хотят устроить судьбу единственной дочери, тоже нет ничего оскорбительного. А сваты на то и сваты, чтобы обивать пороги.

— Нет уж, уволь. Пережить такой позор еще раз?

— Сегодня Залихан будет у меня. Если хочешь, сам поговори с ней. А то получается, что я тебе ее навязываю.

В этот вечер Залихан показалась ему особенно привлекательной. Шелковое платье в крупный рисунок. Белые лакированные туфельки, на шее золотая цепочка с медальоном. Только массивные золотые серьги не очень шли ей. И, кажется, слишком обильно напудрила лицо.

— Мурат, ты напрасно сердишься на моих,— мягко говорила она.— Им подумать надо, чтобы потом себя не укорять.

Но они дадут свое согласие, дадут, раз я этого хочу!.. А об аспирантуре я как-то заикнулась мимоходом, вот отец и нашел повод.

Мурат нежно погладил ее руку.

— Я тоже понимаю правила осетинского сватовства, но...

— Что дешево достается, то и недорого ценится,— входя в комнату, пошутила Чабахан.

— Твоя правда, сестра,— весело согласился Мурат и, обернувшись к Залихан, уже серьезно добавил.—Зали, я еду в село. Предупреди родителей, что в воскресенье к ним снова придут.

Залихан согласно кивнула головой.

На этот раз Серго поехал один. И вернулся ни с чем. «Мы еще не поняли друг друга, да и с родней не успели посоветоваться, так что ничего определенного пока не скажем»,— таков был ответ.

Татари кипел от злости: какой-то начальник возомнил о себе и откровенно издевается над его сватом! Ни вперед, ни назад...

— Не отчаивайся, отец. Не сегодня и не ими так заведено,— успокаивала его Фатимат.— С первого раза только неуважающие себя родители дают свое согласие.

— Да, но зачем унижать? — кипятился Татари.— Если они сейчас так хорохорятся, что потом-то будет? Глянут на наше житье-бытье и в обморок упадут. Эгей, хозяйка, не зря умные предки сказали: «У шубы из овчины и заплата должна быть из овчины».

— Такие, как наш Мурат, тоже на краю грядки не вырастают — не каждый прохожий сорвет!

После долгих раздумий Татари решил последний раз послать свата. На этот раз жребий пал на Мурзакулова Знаура. Мать Залихан и Знаур были двоюродными братом и сестрой. Татари сам пришел к Знауру, рассказал, что к чему. В семье Залихан были рады Знауру. Он был своим человеком, и с ним можно было не церемониться. В разговоре принимали участие и женщины, даже оттеснили Дзантемира на второй план — он больше молчал, чем говорил. И они-то и засыпали Знаура вопросами: не суров ли Татари, не злюка ли Фатимат, каковы брат и сестры? Дружны ли между собой, не сварливы ли, не ссорятся... Если свадьба состоится, то молодые, конечно, в селе жить не станут, но не часто ли будут наезжать к ним?

Знаур был поражен. Нет, таким бы и сын Сталина не угодил. Что уж тут говорить о сыне простого колхозного кузнеца.

Знаур ничего не стал скрывать от Татари.

— Хорошо живут, слов нет. Но я не знаю, будет ли благом для твоей семьи кровь и плоть Дзантемира. Конечно, хорошо иметь врача в доме — мы с тобой жизнью мяты-перемяты, но я боюсь, как бы не солью она лечила наши раны. Татари, если хочешь, я готов свою голову сунуть черту в пасть,

надо, еще раз пойду. Но знай, не лежит у меня душа к этому делу. Сердце мое не принимает этой моей родни, хотя, конечно, отринуть их от себя тоже не могу. Я уже говорил, умеют они жить, но только для себя. Пойми меня правильно. Ты мое слово слышал, а теперь поступай по своему усмотрению...

Когда Мурат узнал, что и на этот раз вышла осечка, его как жаром обдало. В жмурки изволит играть этот начальник... Поймала кошка мышку и то отпустит, то под лапку. Но почему? Набивают себе цену? Глупо. Есть у них на примете более завидный жених? Но ведь Мурат не силой вламывается к ним. А если родители противятся желанию дочери, то Мурат больше не сын кузнеца Татари, если отступится.

7

Последние месяцы Дзамболата преследовала какая-то смутная тревога. Анализируя все происходящее в стране, он понял, что уже идут и будут идти существенные перемены в руководящем эшелоне страны, начиная с центра и кончая областями. Причем, по его наблюдениям, люди менялись независимо от заслуг в прошлом и от способностей вести дела в дальнейшем.

А когда из центра прибыла группа людей для проверки деятельности областного комитета партии и в ходе работы стали задавать вопросы не только ему, но и многим другим в республике, то, хотя они выслушивали всех внимательно и, казалось, судили объективно, на самом деле их интересовало в основном все, что могло бросить тень и что могло скомпрометировать его, Дзамболата. И чем только не интересовались, и о чем только не спрашивали! Как принимали Берия в 1942 году, когда он приезжал на Кавказ... И не слишком ли расхваливают Дзамболат и другие героизм осетин в Отечественной войне и экономические и культурные успехи республики, особенно в письме на имя Сталина к двадцатилетию автономии Северной Осетии. Все эти и другие факты должны были показать отступление от генеральной линии партии и процветание национализма в республике и опять же, конечно, под руководством Дзамболата. Как стало ему известно, в ходе проверки членов московской комиссии интересовали факты только негативного характера в экономическом и культурном строительстве, в идеологической работе.

...Дзамболату забот хватало всегда. Трудно, очень трудно быть Первым, быть за все в ответе, за все, что происходит в целой республике. Ты Первый, потому последнее и решающее слово всегда за тобой. Равняются на тебя. Оглядываются на тебя. Ждут помощи от тебя. Да еще так повелось, что тебе поддакивают во всем даже те, которые в душе с тобой не согласны. И что бы не произошло — в сельском ли хозяйстве,

в промышленности ли, в политической и культурной жизни республики — в конечном итоге не сегодня, так завтра самые увесистые шишки полетят на тебя, на голову Первого. Разумеется, он не один, кто отвечает за дела в республике, их немало. И каждый из них тоже в меру своих сил, возможностей, таланта и совести тянет свою лямку. Одни — лучше, другие — хуже. А некоторые из них совершают и глупости, и даже преступления. И если ты, Первый, вовремя не поправил, вовремя не пресек эти недоработки и глупости, а тем более преступления, то они тоже становятся твоими недоработками, твоими глупостями, твоими преступлениями. По крайней мере в народе будут говорить: некому их (тех, кто совершает глупости, преступления) одернуть, поставить на место, вот они и творят, что хотят. И за этим анонимным «некому» опять же подразумевается Первый.

Конечно, в рядах партии есть и такие (и не мало!), для которых важно только одно — заиметь портфель. Может быть, отсюда и все наши беды, все перегибы. Но хочешь, не хочешь, а грехи и этих карьеристов, проходимцев и жуликов — тоже твои. И не возропщешь! Ты — Первый! Да еще... Будь ты тысячу раз коммунистом, никто тебе не простит, если ты забыл о «местных обычаях». Ты обязан вспомнить всех, вспомнить и пятое колесо в телеге, не то ты не осетин, задрал нос, своих не узнаешь...

А недостатков, упущений, безобразий в самом деле было много и в экономическом и культурном строительстве, в идеологической работе. Можно сказать, запущенность в сельском хозяйстве. Одни эти девальвированные трудодни чего стоят! Положение в сельском хозяйстве, что и говорить, никудышнее, а во многих местах просто ужасное, об этом говорят и документы сентябрьского Пленума, но, если дело дойдет до серьезного разговора и выводов в Москве, то многое забудется, не учтется. Забудутся даже страшные последствия опустошительной войны, которая не только разорила хозяйства, а главное, поглотила лучшие людские силы колхозной деревни. Но только ли война виновата в недостатках? Нет, конечно. И мы не меньше виноваты,— думал Дзамболат.— И мы до сих пор работаем по старинке, с оглядкой, без нововведений, хотя обстановка изменилась, но мы остались во многих делах такими, какими были десятилетия назад.

К тому же в республике многие были убеждены в том, что таких недостатков, какие имеются в Северной Осетии, нигде нет. Поистине, урочище, где не пришлось еще побывать охотнику, он считает богатейшим охотничьим угодьем. Что и говорить, много развелось «доброжелателей», стоических приверженцев правды-матушки. Кого только и в чем только не винят. Причем каждый обвиняет кого-то другого, но не себя... И прежде всего, опять же Дзамболата.

Ведь как бывает... Заволокут тучи какое-то ущелье — об этом даже в соседнем ущелье не знают. А туча, накрывшая макушку Казбека, видна далеко, за сотню километров...

* * *

Почти все участники пленума были в курсе предстоящих событий, и дела Первого теперь уже высвечивались совсем в другом свете, чем вчера. Для некоторых теперь важно было не упустить возможности нанести на облик Дзамболата несколько выразительных штрихов, тем самым нажив себе соответствующий капиталец на будущее.

А тем, кто долгие годы работал с Дзамболатом бок о бок, и вовсе карты в руки — кому, как не им, были известны все его промахи, мнимые и реальные.

.. Мурат как заведующий отделом республиканской газеты уже не первый раз приглашался на пленум. Сегодня обстановка даже до начала заседания была без обычных шуток, оживленных бесед. Многие старались держаться особняком, чтобы еще и еще раз взвесить тяжесть удара, который обрушится на Дзамболата...

В фойе к Мурату подалась долговязая фигура заведующего сектором обкома. Крючковатый нос хищника-стервятника, большие выпученные глаза, волосы подстрижены ежиком. Мурат познакомился с ним в одном из районов во время уборочной страды. Точно заведенный, он повторял на собрании: «Меня уполномочил Дзамболат... Сам Дзамболат наказал передать вам... Сам Дзамболат следит за ходом уборки... Сам Дзамболат... Сам... Сам...»

Игриво приподняв брови, он почти пропел:

— Сегодня рогатиной медведя завалим, медведя!

Но видя, что Мурат не разделяет его восторга, промычал еще что-то и отошел. Услыша знакомый голос, Мурат оглянулся. Бексолтан оживленно разговаривал с какими-то людьми. Заметив Мурата, поманил его к себе.

— Как поживаешь, друг мой?

— Живу. Дышу,— сказал Мурат.

— Тогда дыши глубже. И заточи перо: сегодня оно тебе особенно пригодится...

Все, что потом пришлось услышать Мурату, ему бы и во сне не приснилось. Конечно, много, чем был недоволен сам он, над многими вопросами ломал голову, пытаясь докопаться до истины. Но кто бы мог подумать, что источник всех зол — вот он, Дзамболат... Развалено сельское хозяйство. Урожаи — кот наплакал, в общественном животноводстве — полнейший хаос. Идеологическая работа — хуже некуда. Окружал себя родственниками, друзьями, доверив им ответственные посты, устроив их на теплые места; покровительствовал негодным партии

лицам. Во время войны с почестями принимал у себя дома Берия... И чего только не было в докладе, составленном в полном соответствии со справкой, подготовленной московской комиссией, а также в выступлениях участников пленума.

Мурат был поражен. И как-то само собой в его голове сформировалась простая мысль: а где они были раньше, бросающие теперь бесконечные обвинения в лицо Первому? Прозрели все в один миг?

А выступающие один за другим поднимались к трибуне. Члены бюро обкома, министры, секретари райкомов, директора промышленных предприятий, доярка, слесарь, председатель колхоза... Когда слово предоставили кандидату экономических наук Тепсарико, Мурат вскинул голову: это был один из ближайших товарищей Дзамболата, друг юности.

Мурат не верил своим ушам:

— Дзамболат руководил республикой вслепую! Игнорировал завоевания советской сельскохозяйственной науки! Вы только посмотрите на состояние дел в колхозах! Полный развал! А где собака зарыта? Причина одна: наука была на положении пасынка,— Тепсарико чеканил каждое слово, для вескости усыпав свою речь специальной терминологией.— Были преданы забвению заветы Мичурина, рекомендации академика Лысенко, требования передовой агротехники, система травополья...

«Ни упряжных быков, ни лошадей, ни тракторов, ни денег. Наука? Ей же база нужна! Прошло всего восемь лет со дня окончания самой страшной войны»,— думал Мурат.

— А где ты раньше была, наука? — выкрикнул кто-то с места.

— Там же, где и ты! — парировал Тепсарико, и раздались жидкие хлопки.

К трибуне вышел мужчина неопределенного возраста — то ли лет сорок ему, то ли все шестьдесят с гаком. Мурат узнал его. Одно время он был членом бюро обкома партии, но года три назад был выведен из его состава, снят с должности, однако ему доверили ключи от другого кабинета с двойными дверьми.

— Дзамболат не умел работать с кадрами! Он...

Но кто-то из зала прервал его:

— Правильно! Не будь оно так, ходить бы тебе в водовозах!

Выступающий невозмутимо, дрожащим от благородного негодования голосом, продолжал:

— Он разгонял опытные кадры. Здесь кто-то справедливо упрекнул нас, мол, почему мы только сейчас смелые... Да, нам давно следовало взять Дзамболата за ушко и вывести на ясное солнышко. Что и говорить, мы сплоховали, теперь каемся поздним умом. Все свои ошибки он сваливал на тех, кто...

Раздались голоса:

— Регламент!

— Хватит!

Председательствующий постучал о графин, призывая к тишине.

— Гнать надо Дзамболата. Вот мое мнение! — на высокой ноте закончил оратор.

С места поднялся Бексолтан, и зал настороженно притих. Аккуратно разложив перед собой машинописный текст, Бексолтан зычным голосом начал:

— Дорогие товарищи! Вопрос, который мы сегодня рассматриваем и обсуждаем, имеет колоссальное значение в жизни нашей республики. Пленум должен выяснить, как и каким образом, по чьей конкретно вине допущены многочисленные ошибки в работе областной партийной организации. Мы обязаны прямо ответить, почему захирели колхозы, совхозы, отстала от требований дня идеологическая работа. Есть хорошая русская поговорка: «Рыба гниет с головы».

— И осетинская: «Прямую хворостину река уносит, а кривая к берегу прибьется!» — опять послышался чей-то нетерпеливый голос.

— Уже не прибьется,— нашелся Бексолтан и отпил воды.— Лично я давно раскусил Дзамболата. И я не молчал! В личных беседах неоднократно указывал ему на то, что он окружил себя подхалимами, что он поддерживает и выдвигает на ответственную работу заурядных людей. Я говорил ему обо всем этом, предупреждал. Но разве он прислушивался к мнению других?

Дзамболат, с усилием приподняв голову, мельком вглянул в сторону выступающего и увидел... пасть. Человека не было — один огромный рот, извергающий потоки грязи.

А Мурат только сейчас обратил внимание на перемену во внешнем облике Бексолтана. Ведь он всегда приезжал в город, одевшись точно так же, как обычно одевался Дзамболат. Сегодня же он щеголял в европейском костюме — значит, и одежкой отмежевается. Мурату казалось, что он на каком-то позорном зрелище, словно при тебе догола раздевают человека и, злорадствуя, демонстрируют его физические недостатки.

Нечто похожее испытывал и сам Дзамболат. Но в отличие от Мурата он жалел своих мучителей. Жалел, как жалеют несмышленышей. Сколько сочувственных взглядов он встречал, изредка вглядываясь в лица сидящих в зале! Но эти люди молчали. Впрочем, они молчали и тогда, когда он действительно ошибался, искренне полагая, что делает то или иное дело во всеобщее благо. Когда назвали очередного оратора, Дзамболат вскинул голову.

К трибуне медленно, словно выдергивая ноги из вязкой грязи, поднимался Александр.

— Меня крайне удивили выступления некоторых товарищей. Я чувствую себя очень неуютно, ибо мне неловко за них, за их более чем неуместную радость. Дзамболат — он тот же человек, нет спору, он виноват во многом. Ну, а мы, выходит, ангелы с партбилетами у сердца, если во всем виновен один человек. И мы выполняли его волю механически, безропотно, как марионетки. А раз так, то мы должны положить на стол свои партийные билеты или по крайней мере, иметь мужество нести ответственность наравне со своим старшим!

Первый секретарь Тагардонского райкома партии тут уверяет нас, что он в частной форме наставлял Дзамболата. Маловероятно, да уж поверим ему на слово. Но что мешало ему хоть раз выступить с этой высокой трибуны, с критикой? Мы сегодня ведем не большевистский разговор! Мы — партия коммунистов, а не какое-то случайное сборище злопыхателей. И потому ошибки товарища — это наши ошибки, боль товарища — наша боль. Указать ему на них, наказать по заслугам — наш прямой партийный долг. Повода для радости, торжества и ликования я не вижу. Это безнравственно! С Дзамболата вину никто не снимает. Но пусть наказание соразмеряется с виной,— Александр еще некоторое время молча вглядывался в зал, размышляя о чем-то, потом так же не спеша покинул трибуну.

Последним выступал Дзамболат.

— Все вы правы... Кое-кто сегодня наконец-то сорвал с себя маску, и это, я думаю, тоже неплохо.— Дзамболат говорил усталым, хрипловатым голосом, и оттого его слова приобретали большую убедительность.— Все мы люди, грешные смертные люди, и я понимаю тех, кто прозрел сегодня. Глупо отрицать, поэтому я признаю: да, в моей работе были упущения, были серьезные ошибки и...

— И злоупотребления! — выкрикнул Бексолтан.

— Да, Бексолтан, к вящей твоей радости. Ты, например, вовсю злоупотреблял моим отношением к себе. Но тут тоже не твоя вина, а моя, ибо мне кивать не на кого... Не кривя душой, я хочу сказать, что весь груз ошибок беру на себя. И от всего сердца я желаю моему преемнику избежать моих... злоупотреблений. О своих товарищах ничего худого не могу сказать. Мы старались делать как лучше. На большее, наверное, не хватило сил и способностей. На меня смотрели тысячи глаз, меня слушали тысячи ушей — разве я имею право подвергать сомнению объективность суждений о моей работе? Спасибо тем, кто сказал правду обо мне, именно правду. А остальным, как говорится, судья их совесть. Я верю, что новое руководство областной партийной организации окажется на высоте в выполнении тех задач, которые определены Центральным Комитетом партии.

* * *

Дзамболат садился в свой «ЗИМ» в последний раз. Ободряюще улыбнулся шоферу — как-никак вместе более десяти лет мотались по дорогам республики. Доехали молча. Прощаясь, Дзамболат пожелал шоферу спокойной ночи и вошел в дом. А машина долго еще стояла, словно не решаясь отъехать с привычного места, и в окошке ее все светился огонек папиросы.

Дзамболат скинул верхнюю одежду. В ванной сполоснул холодной водой лицо, тщательно причесал поседевшие вихри и только тогда появился в гостиной.

Семья в полном сборе ждала его. Три дня домочадцы жили в тревоге, три дня ходили неслышными тенями. Ни дети, ни жена не решались заговорить с ним, знали, что нужно — сам скажет. Ничего не скажет — значит, так надо.

Дзамболат усмехнулся:

— Что приуныли? Давайте-ка будем ужинать.

Все засуетились. Дзамболат окинул взглядом стол.

— Все? Больше ничего?

Жена удивленно посмотрела на него.

— Что-нибудь такого бы... погорячее.

Глава семьи налил марочного вина жене, потом детям и себе.

— Ну, что? «И летопись окончена моя. Исполнен долг, завещанный...» Да, в прошлом осталась лучшая часть моей жизни. И ты, подруга,—Дзамболат повернулся к жене. — Дети наши уже в том возрасте, когда собственным умом понимаешь, что к чему. Жизнь не стоит на месте. Она течет, и, видоизменяясь, входит в другие берега. Неизменными должны оставаться только честь и совесть человека, долг коммуниста. Я не поступился ими, никогда не берег, не щадил себя, не работал вполсилы. Однако и жизненные финиши бывают разными. Одни безбедно и тихо доживают свой век. Жизнь других укорачивает недуг. Судьбу скольких моих товарищей, ровесников моих переехала война...— Дзамболат привстал.— Светлой и вечной им памяти... Кому — бодро шагать до пенсии, кому — пасть на середине пути, надорвавшись. Кому, как нартскому богатырю Сослану, колесо Балсага отхватывает по колено ноги. Я за собой не чувствую вины.

Ни народу, ни партии я сознательно не причинил зла. Но никто не застрахован от невольных ошибок. Я не оправдываюсь перед вами, самыми мне близкими людьми. Мне не в чем оправдываться. И прошу вас: вы тоже ни перед кем не опускайте головы, не изображайте несправедливо обиженных судьбой. Меня по-прежнему зовут Дзамболатом, вы навсегда мои дети. Сегодня я набрался столько мудрости, что с избытком на несколько жизней хватит. И вот что бы хотел вам сказать: кем бы вы ни стали, на какую бы высоту ни поднимала вас

жизнь, помните только об одном: не отрывайтесь от простого народа, все мерьте его мерками, все взвешивайте на его весах. Что угодно народу, это угодно и партии.

Дзамболат поднялся.

— А теперь прошу извинить меня...

Он шел в спальню и чувствовал на себе полный боли взгляд жены. Потом, когда она присела на краешек кровати у его изголовья и теплой ладонью провела по его волосам, он умоляюще улыбнулся:

— Прости, пожалуйста. Понимаю тебя, но сейчас ни о чем не спрашивай.

Как всегда, рядом на тумбочке лежала свежая почта. Дзамболат привычно вытянул из стопки газету, но читать не стал.

В памяти одно за другим вставали события последних лет. Он старался остановить их мельтешенье, но не в силах был сосредоточиться на чем-то одном. В ушах звучал разноголосый хор, лица судорожно мелькали, как кадры в оборвавшейся киноленте.

Пленум... Оказывается, как ни старался он отключиться, слышал и запомнил он все прекрасно. Не о справедливых упреках в свой адрес он думал — тут возражать было нечего.

Но что руководило другими, так густо напитавшими свои слова ядом? Почему изо всех сил старались больнее уязвить его? Он же кроме добра ничего им не сделал! Или, как в народе говорят, не сделай добра — не узнаешь зла? Были промахи, упущения, ошибки. Только, Бексолтан, я злоупотреблений не допускал, но со временем так оно, по-видимому, и оборачивалось.

Война... Немцы у стен Орджоникидзе. Ожесточенные бои в районе Гизели. Враг бежал. Счастливее тех дней в жизни Дзамболата не было,— и он внес в эту победу свою скромную лепту.

Даже в войну выискивались такие, кто думал только о себе, а послушать... И — эх, и живуч же сорняк, ни огонь его не берет, ни в воде не тонет, да и бог милует. Позавидуешь!

Чего лукавить, куда было бы лучше, если бы его имя не смешали с грязью, если бы все сделали честь по чести. Только на радость недругам, не лично его недругам, а недругам партии — он убежден в этом,— его так бесцеремонно вышибли из седла...

Восемнадцатый съезд партии. Кремль. Впервые Дзамболат так близко видел Иосифа Виссарионовича. Когда шло обсуждение кандидатур на руководящие посты в партии, он сидел через несколько человек от Сталина. Всем своим существом ощущал его присутствие, и в то же время не верил в реальность происходящего... Великий, величайший человек современности.

Дзамболату тогда было тридцать лет. Может ли верующий без трепета взирать на Христа? Нет. Мог ли не боготворить Иосифа Виссарионовича Сталина Дзамболат? Нет! Для него в этом ничего унижающего чувство собственного достоинства не было. И та любовь к вождю вдохновляла.

Шли годы. И делали любовь зрячей, ум мудрей. Приходило понимание, что человек всегда остается обыкновенным смертным человеком. У каждого находятся уязвимые места, незакаленные колени Сослана, богатыря-нарта...

Как-то неожиданно и для самого Дзамболата пришла мысль, что будь жив Сталин, сегодня бы с ним, может быть, так не обошлись. В неполные пятьдесят — в самые плодотворные годы, в самую жизнедеятельную и мудрую пору его вывели из игры. Он лишился своего места... Своего?! А с какой это стати именно его место? Ну и ну.

Не только Дзамболат — все отгоняли от себя мысль, что когда-нибудь и Сталина, как и всякого, постигнет участь обыкновенного смертного. И постигла. Горько оплакивала эту смерть огромная страна. Все прогрессивное человечество держало траур.

«О мертвых или хорошо, или ничего». Но Дзамболат уже уловил нарастающий гул недовольных голосов. В сторону Мавзолея, в адрес переселившегося туда на вечный покой человека полетели первые камешки: между строк последних партийных документов умеющий читать да прочитает. Нет, не будет ему вечного покоя... И — поделом?

А Ленин? Солнце без пятен? Нет. Человек. Но Ленин — это Ленин. Не икона, не бог. Просто Ленин. Как это Аузби сказал: «Ленин бы что-нибудь придумал...» Старый большевик в уме своем, в сердце своем не ставит рядом Ленина и Сталина. Но Сталин ведь тоже называл себя учеником Ленина. Или — называть называл, а делал по-своему, не по заветам учителя? Вера народа в Ленина не фанатична, а светла, как вера в Добро и Разум Человека.

Бексолтан говорил о политической неблагонадежности Дзамболата. Как только у него язык повернулся сказать такое? Неблагонадежный? А кому же он надежда и опора? Меньшевикам? Оппортунистам? Ревизионистам? Троцкистам? Это он-то не боролся за дело партии? Это он не верен партии Ленина? Какому же идолу, бабе каменной, он поклонялся? Нельзя же, нельзя подвергать человека остракизму! Лишаешь должности — лишай, критикуй, ругай, но не затаптывай в грязь!

Нет, много еще нелюдей — ни ума, ни совести. И стараются всеми правдами и неправдами, спихивая других на обочину, пробить себе дорогу. Когда-нибудь совесть станет мерилом всех поступков людей, советчиком и судьей, но когда это будет...

«И ты, Тепсарико. Я же тебя за уши тянул в люди, волоком волок. И когда ты захотел стать ученым мужем, то я, дуралей, пошел тебе навстречу, и ты получил без знаний звание. Мичурин, Лысенко, травополье! Сорока! Ты и ненависти не стоишь.

Вот Александр... Такого и в друзьях иметь счастье, и во врагах — честь. Вот ведь как бывает. В недоумках разных не сомневался, а этого оскорбил своим недоверием. Спровадил в Москву. И кто же по моей прихоти его место занял? О, как же небо не поразило меня громом и молнией! Бывший чекист, сказали... Предан партии, сказали... Умен... Свояк Бексолтана прожужжал мне уши, сам в Москве в органах не на последнем счету был... Друг мой... Я поднял крыло, а Бексолтан юркнул под него. И как сладко ему там мурлыкалось. Ему... А сам я разве не разомлел под его пенье?»

Дзамболат беспокойно заворочался.

«Мало мне еще всыпали. Как я мог сделать того дурака заведующим сектором? Кто-то из моих друзей, которым я верил, как самому себе, подсунул его, завернув в шкуру ягненка. Что думали люди обо мне, когда этот кретин говорил с ними от имени обкома партии? И правильно делали, что ничего лестного не думали. Да, да, я видел его насквозь. Ругал, и неоднократно. И все без толку. Месяца три назад прозрачно намекнул, что подыскал ему другое место, где тоже не сифонит. И — забыл! Не до него было. Но откуда у нас пошла эта в корне порочная практика: не справляется на директорском посту — идет председателем колхоза, завалил там — идет в начальники управления. Чехарда номенклатурных кадров, перебрасывание щуки из пруда в пруд, где побольше пескарей...»

«Связь с народом, в гуще масс...» Стыдно вспомнить! Приедешь в район, подсаживаешь к себе первого секретаря. Остановит там, где ему угодно, посмотри туда, куда он укажет, поговори с тем, кого он подсунет. В последние годы не присел рядом и не побеседовал по душам ни с одним простым тружеником, ни в один крестьянский дом не заглянул.

Если и переступал чей порог, то такой, за которым ждут-не дождутся тебя, получив соответствующие указания. Там ты наглухо отгорожен от всех, там не было опасности услышать что-нибудь такое, что было бы неугодно секретарю райкома, там уже все были натасканы: держи язык за зубами и будешь кушать мясо — так уж надо натужиться, чтобы усвоить это правило? И каждый раз обносили меня живым забором, не давая протиснуться ко мне человеку со словом. Не меня щадили — о себе пеклись,

«Рыба гниет с головы»,— такое, кажется, тоже прозвучало. Попробуй, открестись. Мне почести, а там первому секретарю райкома оказывает услуги председатель колхоза, председателю колхоза — бригадир, а тому кто? А тому колхозники

кулак под нос: «Сам работай на свои трудодни». Кулак-то совали, но кто же пахал, сеял, убирал, если не они?

Сколько раз твердо решал: поеду в район, никого уведомлять не буду, сам не маленький, найду и поле, и колхоз, и ферму. Поговорю с людьми, постучусь в двери. Поймут, что первый секретарь обкома партии тоже в тревоге. Ему тоже больно, что трудодень — один пустой звук, что государство не дяде какому-то забирает у них урожай, а чтобы накормить детей-сирот, накормить рабочих и студентов, народную интеллигенцию, больных и немощных, инвалидов войны, продать хлеб и построить новые заводы и фабрики, выпустить больше — не сто тысяч, а сотни тысяч тракторов. Но не выехал, не постучался, не поговорил по душам! Ибо стыдился самого себя, стыдился не доверять первым секретарям райкомов. Не все же они были Бексолтанами. Но, к сожалению, и он не один такой...

Верь, коммунист, но проверь! Это не право твое, а святая, уставная обязанность! Так Ленин завещал. Проверял? Нет. Вот и казнись. Кусай локти.

Опять перегнул... Проверяли, как не проверяли. Может, недостаточно глубоко, нечасто... А если бы меня самого проверяли дотошно? Не обиделся бы? Стало бы лихорадить. Унижала бы эта мелочная опека? Да. А в райкомах не те же люди сидят? Не те же коммунисты? Тогда почему сельское хозяйство пришло в упадок? Известно, почему. Война. Разорение. Двадцать миллионов павших... И в Постановлении ЦК об этом сказано.

Не творил зла... А если творили зло моими руками? Да хотя бы тот же Бексолтан, будь он не тем местом помянут! Тогда еще работал в органах... Принес какие-то бумаги на двух работников. Враги партии, враги народа. И я дал санкцию на их арест! Дал! Где они сегодня? Я в своем доме, в теплой постели. И Бексолтан в своем доме. А эти где? Обо мне сказали, что политически неблагонадежен. А что, если и тех точно так же оговорили? Пусть не всех, пусть одного из десяти, из сотни! Кто за это ответит? И это я сетую на судьбу? Да не стоглавый же я! Против ветра и утлое суденышко идет. Но где тот корабль, который бы против ветра того времени поднял паруса и тут же не пошел ко дну?

Не без вины виноват, нет, не без вины, но политически неблагонадежен — это слишком. Кончились времена навешивания ярлыков! Или — нет?

Перед глазами Дзамболата поплыли огненные круги, и в них, как в нимбе, голова Бексолтана-чудовища. Какой-то стоголосый хохот на миг оглушил Дзамболата, и он вздрогнул, судорожно провел рукой по лицу — наваждение пропало. Глубоко и тяжко вздохнув, повернулся на бок и забылся тревожным сном.

8

Приступив к обязанностям первого секретаря обкома партии, Амурхан решил в первую очередь разобраться с кадрами. Подбор и расстановка. И принцип: каждый сверчок знай свой шесток. И полетели со своих насиженных мест руководители, которые. по разумению Амурхана, только по прихоти слепой судьбы занимали свои ответственные посты: министры, заведующие отделами обкома, секретари райкомов, председатели райисполкомов...

Сия напасть, однако, счастливо миновала руководящих кадров Тагардонского района. Бексолтан был явно по душе Амурхану. Против Майрама он тоже пока ничего не имел. Сегодня на районной партийной конференции они произвели на него самое благоприятное впечатление. Бексолтан хорошо знал, от кого теперь зависит ясное небо над его головой. В отчетном докладе, с которым он выступал на партконференции, он не пожалел и дроби в спину сошедшим со сцены, и пороха на фейерверк в честь взошедших на пьедестал:

— На протяжении многих лет обком партии, Совет Министров осуществляли руководство республикой бюрократическими методами. Преследованию подвергались инициатива, творческий подход к решению важнейших народнохозяйственных задач. Ко всеобщему удовлетворению, сейчас условия нашей работы улучшились коренным образом,— Бексолтан повернулся в сторону Амурхана, чуть заметно кивнул в знак признательности.— Мы все выражаем свою благодарность Амурхану Николаевичу, взвалившему на свои плечи такую громадную ношу и с первых шагов показавшему, что он с честью оправдывает высокое доверие партии и народа. Амурхан Николаевич подходит к решению стоящих перед областной партийной организацией задач мудро, по-ленински смотрит в самый корень проблем и умело направляет всю нашу деятельность в русло сегодняшнего дня.

Товарищи! Прямой долг каждого большевика-ленинца — сверять свой шаг с поступью времени, чтобы во всем стать опорой новому руководству обкома партии...

Партийные конференции прошли по всей республике. А через месяц начала свою работу областная партконференция.

— Недостатки, которые имели место в работе обкома партии, ошибки, которые допускались прежним руководством,— всему этому должен быть положен конец,— властным голосом говорил Амурхан и с недовольным видом вглядывался в лежащий перед ним машинописный текст доклада, словно в нем не хватало суровых слов и хлестких выражений. Накрыв листки ладонью, поднял глаза, оглядел зал. Теперь в его голосе зазвучали стальные нотки.— Бюрократизм проник во все поры прежнего руководства. Мы с этим покончим. Волюнтаризм

был их знаменем. Мы с ним покончим. Процветал протекционизм, хионизм*. Мы и с этим покончим. Мы с вами, товарищи, призваны работать по-новому, в духе времени, в духе идей Ленина, указаний ЦК партии. Мы...

Мурат сидел в первом ряду, в углу. Сидел, втянув голову глубоко в плечи, точно продрог до костей и старался согреться. Торопливо записывал в блокнот основные положения доклада.

— Из-за анархии в вопросах подбора кадров,— продолжал Амурхан,— многие способные люди оставались в тени. И это в то время, когда они по своим деловым, морально-политическим качествам, по организаторскому таланту заслуживали всяческой поддержки. Только один пример. Все вы знаете Александра. Он зарекомендовал себя с наилучшей стороны, будучи первым секретарем Тагардонского райкома партии. Но, блестяще окончив Высшую партийную школу при ЦК, был ли он должным образом оценен? Нет! Сейчас рассматривается вопрос о его выдвижении на более ответственный пост.

Мурат не верил своим ушам. И это после всего сказанного? Может, не так уж и неправ Амурхан, разнося в пух и прах своих предшественников? Конференция избрала новый состав пленума обкома партии. По предложению первого секретаря обкома пленум избрал Александра секретарем обкома.

Александр и Амурхан были знакомы давно, но не очень близко. Года три назад они встретились на вокзале. Александр уезжал в Москву.

— Правильно. Ученье — всегда свет,— похвалил его Амурхан.

— Какое там... Поотстал от требований дня... Не стал удовлетворять руководство...

Не гадал, не думал тогда Александр, что Амурхан сыграет какую-то роль в его жизни. Цепкая оказалась память у человека, запомнившего тот давнишний разговор...

* * *

Не услышав своей фамилии с высокой трибуны партконференции, Бексолтан расстроился. Острая обида захлестнула его, но он умел держать себя в руках.

Выйдя из здания обкома, он велел Пугачу ехать в редакцию республиканской газеты. Если бы его спросили, какое у него там дело, он бы ничего вразумительного не смог ответить. Где-то из тайников памяти всплыло: редакция и прокуратура республики находились в одном здании.

Когда они подъехали к стоянке рядом с большим серым зданием, Бексолтан увидел Мурата, уже взявшегося за ручку парадных дверей, и громко окликнул его:

---

* От слова х и о н — свой, близкий.

— Мурат! А я как раз к тебе.

«Волк не искал со мною встречи...» — вспомнил Мурат строчку Коста.

— Если ты не против, пойдем поздравим нашего односельчанина с оказанной ему высокой честью... Да и с новой квартирой...

По дороге Бексолтан заскочил в магазин, прихватил бутылку коньяка и шоколадных конфет.

Александр и Мадинат обрадовались приходу гостей.

— Представляю, сколько радости завтра будет в нашем районе,— сказал за столом Бексолтан.— В здравии лет сто трудись на новом месте. Для пира в честь твоего избрания — черный баран с меня. Дзарахмет, думаю, не обеднеет. Не занимать ума Амурхану, знает, кого выдвигать...

— Я, грешным делом, надеюсь со временем занять пост Первого, а ты на сто лет усадил меня,— пошутил Александр.— Впрочем, только и радости, что больше работы и бессонных ночей. А баран пусть пасется.

— Нет, нет. Я сказал — значит, сделаю. Когда тебя Дзамболат назначил всего лишь завотделом, нам всем стало обидно. Я ему в лицо говорил об этом. Амурхан куда дальновиднее его... За твое, Александр, здоровье. И за здоровье Амурхана!

— За сказанное,— скромно поддержал Мурат и выпил.

— Дзамболат мне ничего не задолжал. И об Амурхане воздержусь говорить. Всем нам время судья. Каждый на своем месте делает то, что велит ему партия.

Бексолтан не кривил душой, сказав, что весть об избрании Александра секретарем обкома партии обрадует многих. Многих, но только не самого Бексолтана. Не дано заглянуть в чужую душу, а было бы дано—увидели бы в его душе черную зависть и глухую обиду. За многое был ему благодарен: вернулся из армии — Александр назначил его заместителем редактора районной газеты, через некоторое время — первым секретарем райкома комсомола. Бог свидетель, он не желает Александру зла, но чтобы радоваться...

— Выпьем за ваш новый очаг,— предложил Бексолтан очередной тост.

— Да мы еще тут, как беженцы... Он,— Мадинат кивнула на мужа,— отказался от трехкомнатной, незачем, говорит, нам вдвоем три комнаты.

Бексолтан и тут не растерялся:

— Вот я и помолюсь, чтобы вам вскоре тут стало тесно! А если дело станет за обстановкой для квартиры, то...

— Вот, вот. Я ему предлагаю купить хороший гарнитур, но он... Он все еще чувствует себя в партизанах.

— Бексолтан, спасибо за добрые пожелания. Пусть счастье

и благополучие поселятся в каждом доме. Что касается мебели, то это не самое главное.

— Глядя на иных, этого не скажешь. Стоит появиться чему-нибудь стоящему, как все налетают, как стая ворон на падаль...

— Мадинат, если ответственный работник, пользуясь своим положением, начнет обустраивать свой быт — махни на него рукой. Вот поедем в Тагардон и привезем наш старый домашний скарб, он мне дороже самой роскошной мебели.

Бексолтан всячески демонстрировал уважение и благосклонность к хозяевам, но в глубине души испытывал к ним легкое презрение. Как были деревенщиной, так и остались. Жизнь дана для того, чтобы жить. А то, что говорит Александр, это высокопарная чушь.

— Не люблю угождать, а, видишь, потянуло оказать любезность,— сказал Бексолтан.— Я всем сердцем разделяю позицию Александра: соринка в глазу партийного руководителя вырастает в гору. Пылинке нельзя садиться на нашу совесть!— Бексолтан повернулся к Мурату.— А что скажет пресса?

— А что может сказать пресса? И без нее давно известно, что язык без костей, мелет все и нашим и вашим, если так угодно хозяину.

— Ха-ха-ха! — раскатисто захохотал Бексолтан.— К сожалению, ты прав, сын Татари, многие говорят одно, думают другое.

— Ты, конечно, исключение,— съехидничал Мурат и встретился с осуждающим взглядом Александра.

Бексолтан пропустил его слова мимо ушей, вперил взгляд в репродукцию картины Крамского «Неизвестная».

— Были же когда-то красавицы... Не думал, Мурат, что ты так быстро пьянеешь.

Мурат вспыхнул.

— Ну что ж, я и трезвый скажу, что ты не тот, за кого пытаешься себя выдавать. Это подтвердит и женщина, обманутая тобой, и Георгий... Да и Дзамболат кое-что вспомнит...

— Мурат, то, что ты сейчас неправ, надеюсь, и тебе самому понятно. Некрасиво, когда спорят за столом. Неужели больше не о чем говорить? — недовольно проговорил Александр, хотя и знал: рано или поздно Бексолтан и от него услышит слова не более приятные...

* * *

Мурат, не переставая писать, снял телефонную трубку:

— Алло! Слушаю.

— Здравствуй, Мурат.

Узнав голос Клары, Мурат отложил ручку.

— Здравствуй.

— Мурат, если ты не очень занят, может, погуляем в пар-

ке после работы? Настроение какое-то, не пойму... Устала, наверно.

— Я сам еле живой, но до парка как-нибудь доползу. Только не наступи на меня.

— Хорошо, буду под ноги смотреть.

— Встречаемся внизу?

— Да...

Последнее время какая-то необъяснимая тоска находила на Мурата. И когда становилось совсем уж невмоготу, он звонил Кларе. А сегодня позвонила она. И, как видно, по той же причине. Нельзя сказать, что Мурат забыл о Залихан, просто он старался о ней не думать.

Багряно-красный диск солнца закатился за кряжи гор, и небо в горниле заката зарделось, раскалилось. На снежных вершинах пролегли яркие лучи уходящего солнца. Из глубины парка доносилась игра осетинской гармоники. Мурат и Клара поспешили туда. Гармонистка, молодая женщина, чем-то похожая на борца, играючи растягивала меха гармоники. Парни и девушки, молодые мужчины и женщины, образовав круг, дружно хлопали в ладоши. Распорядитель танцев, шустрый смешливый парень, приглашал пары в круг. Увидев Клару, он тут же подскочил к ней:

— Пожалуйста, соблаговоли выйти в круг.

Клара смешалась, но отступать было поздно.

Растерянно оглянулась на Мурата. Тот подбодрил ее:

— Иди, иди. Посмотрим, какая из тебя осетинка!

— Тогда с тобой.

— Уволь. Бык по деревьям не лазит...

Гармонистка заиграла мелодию быстрого танца, все отчаянно захлопали и, кивая на Клару, стали шушукаться.

Многие годы Кларе было не до танцев. А танцевать она умела. Но когда это было...

Руки помнили парящий полет, улыбка не забывала касаться губ, взгляд был неуловим, но замечал все ухищрения танцора — ему не удавалось обмануть ее, сбить с такта, с ритма.

Теплая волна окатила Мурата, сладостно защемило сердце. Все, наверное, думают, что эта красивая женщина — его жена...

Поравнявшись с Муратом, Клара стала рядом с ним. Парень поблагодарил ее и сказал:

— С тысячами девушек я танцевал, но равной тебе среди них не было. И вряд ли будет... Счастья тебе, сестра.

Клара ничего не ответила ему, скорее схватила Мурата за руку и увлекла за собой.

— Ну и натерпелась же я страху!

— К похвале того парня я ничего не добавлю.

— Но ты же не танцевал с тысячами девушек!

— А со стороны всегда виднее!

— Правда, тебе понравилось? — Клара не стала ждать ответа и сбежала по лестнице, выложенной из скальных пород.

Мурат не спеша спустился к ней.

— Молчишь?

— Говорю.

— Не слышу.

— А я про себя.

— Поменялись ролями: я, женщина, смелая, а ты, парень, робкий.

Смелая... Робкий... Какой же он дурак! Да женщина она, просто женщина, неравнодушная к нему. Мурату стало жарко от этой неожиданной мысли.

— Ты хочешь знать,— Мурат подошел к Кларе так близко, что услышал запах духов, запах ее тела,— хочешь знать, нравишься ли ты мне? Клара, я думал, только я...

— Я знаю, ты всегда любил Мисурат.

— Любил.

— Мурат, ты не оправдывайся. Ты ни в чем не виноват передо мной,— Клара мягко улыбнулась.— Ты мне всегда нравился. Но кто в юности способен разобраться в своих чувствах? Ты не поверишь, но в самые трудные минуты я находила утешение в тебе. Мне казалось, ты единственный человек, который меня поймет, поддержит. И когда родился Муратик, у меня не было сомнений, как его назвать.

Клара сама удивилась легкости, с которой говорила о самом, казалось бы, запретном, о чем и думать было нелегко. Почему? Наверно, потому, что знала, он ни о чем не спросит, не станет допытываться, что и как. И... поймет.

— Мурат, прости, если я сказала что-то лишнее.

Облокотившись о парапет, Мурат смотрел на бешеное кувырканье волн и, казалось, даже не слушал Клару. Он медленно повернулся к ней и молча взял ее за плечи.

— Клара... И ты мне очень нравишься. Даже боюсь признаться себе.

Ей хотелось плакать от его спокойного, по-мужски сурового, все понимающего взгляда и мягкого прикосновения рук.

Никогда не думала она, что голос может так проникнуть в душу, согреть, заставить замереть от необъяснимого блаженства.

— Клара, мне так хорошо с тобой...

— Поздно уже,— торопливо сказала Клара и потянула Мурата к выходу.

«Чего она боится? Что ее терзает? — думал он.— Эта вечная настороженность в глазах... Бексолтан? Муратик... Его сын?»

— Мурат, скажи, только откровенно, за что ты недолюбливаешь Бексолтана? Из-за Мисурат?

Он пожал плечами:

— Кто знает... Но тут его вины нет. Девушка выбирает того, кто ей больше по душе. Ну, а любовь... Она, как известно, зла. Возможно, я и не прав, но мне кажется, Бексолтан непорядочный человек, двуличный, подленькая душа. Ради выгоды отречется и от родного отца. Клара, ты ведь это... и сама знаешь.

Клара невольно прислонилась к дереву. Да, конечно, он обо всем давно догадывается.

— Клара, я и жалею тебя и, кажется, люблю тебя. Тебе не в чем каяться, не надо изводить себя.

— Мурат, можно, я уйду одна? Пожалуйста, не обижайся. Бывает же, находит на человека что-то такое...

— Я не обижаюсь. Доброй ночи.

* * *

Весна в тот год выдалась с затяжными дождями. Нескончаемым караваном тянулись по небу черные тучи. Невысокий Сунженский хребет не мог преградить им дорогу в котловину Осетии. Казалось, тучам холодно, и они в поисках тепла жмутся к груди Главного Кавказского хребта. И отогревались. И плакали, плакали от счастья. А до того, что творили на земле потоки их слез, им дела не было... А когда наконец прояснилось, сорняк пошел в буйный рост, заглушая кукурузу, и никакими механизмами ничего нельзя было сделать.

Асланбег обходил свои поля, и сердце его обливалось кровью. Вот напасть так напасть! Особенно высоко вымахал бурьян у Двугорбого кургана. Кукурузы за ним и не видать.

Дойдя до надела звена Знаура, он глазам своим не поверил: ни одной травинки! Ровные ряды сочной, зеленой кукурузы мягко шелестели трепетными лентами листьев.

— Любуешься? — послышался голос звеновода.— Меньше спать надо, когда враг не дремлет. Сам же вывесил лозунг: «Сорняк — враг! Уничтожь его!»

Асланбег, пожав руку Знауру, снова, как завороженный, уставился на кукурузу.

— Смотри, разрешаю, скоро она меня самого обгонит в росте.

— А за это время у Двугорбого кургана вымахает такой бурьян, что всадника не будет видно...

— Думаешь, легко по-пластунки ползти по грязи и с корнем вырывать паразита этого? Надо бить тревогу, пока не поздно, всех поднимать.

— Да, Знаур, ты прав,— сказал Асланбег.

Через пять минут он, прихватив с собой и Володю, уже ехал в село.

Аузби вынес в сите отруби и высыпал в корыто. Подбежали овечки, уткнулись в корм, и черные их мордашки тут же стали белыми.

— Как же, давно не ели, обжоры,— ласково проворчал старик. Асланбег остановился возле него в позе гонца черной вести — руки повисли, голова скорбно опущена.

— А я уж решил, не умер ли кто...— сказал Аузби, выслушав Асланбега.— Сколько наберется в нашей бригаде трудоспособных людей? Я имею в виду и тех, кто не является колхозником...

— Девяносто пять человек,— ответил Асланбег.— Из них колхозников... Из них числятся в колхозе шестьдесят семь. А регулярно выходит на работу тридцать восемь колхозников...

— Так, так,— задумчиво проговорил Аузби.— Выход один: зиу, наш осетинский зиу — всем миром на помощь,— старик говорил так, словно давно обдумал и принял это решение.— Я тоже не такой уж развалюха. И старуха не отстанет от меня. И Татари... Ничего не случится, если он на день-другой оставит свою кузню. Раз старая гвардия двинется в бой с тяпками наперевес, то другим совесть не даст быть сторонними наблюдателями. Мы с Володей обойдем нашу улицу, а тебе два переулка и улица.

— Хорошо. Возьмите бидарку...

— Нет, Асланбег, лучше пешочком. Но где зиу, там и угощение. Вот одну из них и заберешь,— Аузби кивнул на овец.

— А нам председатель уже обещал барана,— не моргнув глазом, соврал Асланбег.

...Последние годы Аузби не то чтобы в поле, но за ворота, можно сказать, не ступал: горе и годы брали свое. Но сегодня — другое дело, сегодня он никак не мог остаться в селе. Силы его, конечно, не велики, но хоть пару травинок выдернет — и то польза.

Ему не стыдно оглянуться с высоты своих семидесяти семи лет — нет в его жизни ни одного дня, который бы вводил его в краску стыда, обрекал на раскаяние.

Не стыдно оглянуться, не стыдно, а больно... Там вечно молодыми остались его сыновья. Уж сколько лет прошло, а не утихает боль, не может сердце свыкнуться с мыслью, что их уже нет.

Сзади послышался веселый смех. Их нагоняла бричка, полная людей. Возчик осадил лошадей, люди потеснились, посадили Аузби и Госама.

Асланбег, расставив всех, вскочил в свою бидарку и погнал в село. Возвратившись, он оставил бидарку у полевого стана, а сам пошел за отцом. Отвел его в сторону, словно опасаясь, что их услышит кто-то посторонний, и сказал:

— Понимаешь, надо зарезать овечку.

— А что, кроме меня некому? Я сюда работать пришел! А почему у тебя такой смущенный вид? Украл, что ли?

— Ну, отец, скажешь тоже...

Татари бросил тяпку на землю, последовал за сыном и... и узнал — как не узнать? — самую откормленную из своих овец.

— Ну и сукин сын, ну и разоритель!

— Не сукин сын, а сын кузнеца Татари.

— А что, я их позвал? В моем доме всем миром что-то строят? Я же берег ее на свадьбу Мурата...

— Смешной ты, баппу! Пока Мурат женится, я целую отару разведу. Вот если бы для моей свадьбы — давно бы их косточки были обглоданы!

— Э, с тобой без толку говорить! Принеси воды, руки помою.

Через полчаса Асланбег предстал перед заведующим кладовой колхоза.

— Нам нужны тарелки, ложки и шестьдесят килограммов хлеба.

— Ты что, с неба свалился? Получи свои пять буханок, да побыстрей, а то мне некогда, на мельницу еду за мукой,— ответил заведующий.

— Зиу у нас, понимаешь? Зиу! Яблоку негде упасть, столько народу вышло.

— Сказки будешь сочинять своим детям, дай тебе бог семь сыновей и одну дочь.

— Ты не веришь мне?

— Какой зиу? Народу больше делать нечего... Принеси бумагу от председателя.

— Он в городе, и ты прекрасно это знаешь. А мне народ надо накормить.

— Какой народ?

— Народ, который вышел на зиу!

— Мне некогда. Я поехал!

— Езжай. Но вперед дай чашки, ложки, хлеба.

— Бери. Вот пять буханок.

— Я же сказал: мне шестьдесят килограммов. И все твои чашки и ложки.

— А я?

— Что ты?

— Я тебе не нужен?

— Были бы две руки — нужен был бы. Извини, не в укор тебе.

— И одной поем — дай бог!

— Аузби к тебе прислать, что ли?

— А где он?

— Он тоже там. И Госама. И Татари. И Фатимат. И все-все.

Однорукий заведующий подозрительно сощурился, но на всякий случай все же сказал:

— Грузи, черт с тобой!

Через неделю все поля бригады были такими же ухожен-

ными, как участок Знаура. У Асланбега стало радостно на душе.

9

Когда с жатвой колосовых было покончено, Бексолтан попросился в отпуск, решив отдохнуть в Крыму. До Минеральных Вод его провожали председатель районного общества потребкооперации, директор пищекомбината и председатель колхоза «Кавказ». В аэропорту, чтобы как-то убить оставшееся время, они зашли в ресторан. Потом, изрядно захмелев, стали прощаться.

— Бексолтан, вот несколько копеек тебе на дорогу,— обняв его, сказал председатель потребкооперации.— Знаем, неудобно тебе, но это не по службе, а по дружбе...

В салоне самолета ему не пришлось долго искать свое место: он сразу увидел молодую полногрудую женщину. Бексолтан важно прошел в ее сторону, незаметно оглядывая пассажиров. Опустившись рядом с женщиной, поднес ее руку к губам.

— Ну и липучки твои провожатые! Я так переволновалась, ведь ты мог опоздать.

— Меретхан! Это же мои друзья! Разве они могли отпустить меня, не пожелав мягкой посадки?.. Хорошо еще, что я не всем друзьям разрешил ехать в Минводы — не меньше сотни бы их было. Хи-хи-хи!..

Женщина, с которой он сел рядом, была Хатанагова Меретхан Митиловна, преподаватель техникума советской торговли, лет на десять-двенадцать моложе Бексолтана, мать двоих детей. Как и в прошлом году, она вновь оставила их на попечении мужа, завхоза большого винзавода. Он души не чаял в ней, в своей стройной молодой жене, шел навстречу всем ее желаниям и прихотям.

В прошлом году они с Бексолтаном в это же самое время вместе улетели в Крым, возвратились домой через Киев и Ленинград, договорившись повторить тот же маршрут...

* * *

Проводив мужа, Мисурат собралась к сестре в Москву.

Пугач загодя купил ей билет, привез ее на вокзал чуть ли не к самому отходу поезда, внес вещи в купе и тут же заторопился. Мисурат не стала его удерживать.

Вот и первая остановка — станция Беслан. Народ высыпал из вагонов. Кто побежал за газетами, кто к ларькам и буфету пополнить свои дорожные припасы. Мисурат вглядывалась в лица, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых. И, о боже, Мурат?! Провожает кого-то или сам едет в Москву?

Мурат стоял к ней боком, разговаривая с двумя незнако-

мыми ей мужчинами, и не мог ее видеть. Один из мужчин широким приглашающим жестом показал на двери ресторана, и все трое направились туда.

Вскоре Мурат вышел, держа в руках по бутылке минеральной воды. Поднял глаза и встретился взглядом с Мисурат. Удивленно вскинул брови, на минуту замешкался.

«Он видел, видел меня! Видел и удивился! Интересно, в каком вагоне он едет?» — лихорадочно думала Мисурат.

Поезд набирал скорость. За могучими серебристыми тополями скрылось краснокирпичное здание вокзала. Теперь Мисурат поглядывала на открытую дверь купе — почему-то верилось, что вот-вот войдет улыбающийся Мурат.

«Да, делать ему больше нечего, нужна я ему»,— от этой мысли ей стало нестерпимо больно, она встала, вышла в коридор и прислонилась плечом к окну. Двери вагона то и дело хлопали, люди ходили туда-сюда, а его все не было.

Мисурат вернулась к себе. Попутчики ее, супружеская пара, втихомолку обсуждали свои дела. Мисурат попробовала читать, но буквы бессмысленно плясали перед глазами и, захлопнув книгу, она снова вышла в коридор. За окном все быстрей проплывала земля, мелькали телеграфные столбы. «Буду считать столбы,— решила она,— сосчитаю до ста, и если к этому времени его не будет, значит, и ждать нечего: он меня не узнал...»

Один. Два. Три... Девять... Двадцать. Ах, до чего медленно ползет поезд. Сорок... Шестьдесят пять... Не поезд, а воловья арба! Может, самой пойти, поискать... Бестолковая! Он ждет-не дождется...

У Мисурат от усталости подкашивались ноги, однако она не уходила в купе, упорно стояла, вцепившись в поручень под окном, стояла, считала столбы до отупения и ждала.

— Добрый день и в добрый путь!

От неожиданности она всплеснула руками и словно онемела.

— И в какие края? — спросил Мурат.

— В твои же... То есть туда же, куда и ты.

Мурат невесело улыбнулся:

— Будем надеяться... Если на полдороге не пересядешь на другой поезд.

— Нет, на этот раз мы до конца попутчики.

— Слава аллаху,— Мурат мягко улыбнулся, и у Мисурат отлегло от души. Какое-то время оба молча смотрели в окно, думая каждый о своем. Первым нарушил молчание Мурат, сказав, что он едет на всесоюзное совещание журналистов. И добавил, что мечтает побродить по столице, если, конечно, выпадут свободные дни.

Мисурат казалось, что между ними ничего не произошло, что они как были друзьями, так и остались.

— Никак не соберешься с духом, чтобы обзавестись семьей?

— Собираюсь, но... Понимаешь, я однажды обжегся на бульоне, с тех пор и на воду дую...

— А я думала, что ты не таишь на меня зла.

— Эх, Мисурат, Мисурат! Ладно, не будем ворошить былое. А семьей обзаведусь, куда денусь...

Больше молчали, чем говорили. Мурат вновь увидел ту далекую Мисурат,— вот ее загорелые красивые руки, смуглые полные щеки, блестящие, по-детски восторженные глаза. Нет на свете никакого сына Дзарахмета. Их, Мурата с Мисурат, будущее, радужно-опьяняющее, не стало еще причиняющим горькую боль прошлым, они по-прежнему полны надежд, непоколебимы в своей преданности друг другу...

— Мисурат, я пойду. Сколько ни сокрушайся, а время вспять не идет. Вникнить нам некого...

— Спасибо тебе, Мурат. Я не надеялась, что ты придешь...

В Москве Мисурат встречала Замират. Мурат хотел попрощаться с ними и ехать в гостиницу, но Замират ему и заикнуться не дала об этом. Она знала, как горько раскаивается Мисурат, потому и настояла на своем:

— Вы нас абсолютно не стесните; у нас четырехкомнатная квартира. Тем более, что муж со студентами уехал на практику. Всем хватит места.

Через два дня Мурат пригласил Мисурат в ресторан.

— Я пью за твое здоровье, Мисурат,— тихо сказал Мурат.

— Спасибо, Мурат. А я за твое.

Раскрасневшись от волнения и непривычной обстановки, она словно помолодела. Ни забот, ни огорчений, ни косых взглядов свекрови, только близкий, желанный человек. И кто знает, будет ли все это еще в жизни...

К их возвращению Замират и двое ее детей уже спали. Мурат вернулся к разговору, начатому в ресторане.

— Мисурат, почему ты все-таки предпочла его, почему?

— Сам же говорил, что не надо бередить старые раны, ворошить прошлое,— она погладила его руку.— И тебе соль на раны, и мне. Нам же хорошо сейчас...

— Я так верил, так верил тебе!

— Не надо об этом, Мурат. Знал бы ты, какую жизнь я влачу... Не вольна была я тогда распоряжаться собой, не вольна!

— Я все понимаю, но мне от этого не легче. Вру себе, вру другим, что все забыто, что все в прошлом, а сам все никак не приду в себя, не могу смириться.

— Мурат, неужели это правда?

— К сожалению.

Мисурат улыбнулась, в глазах ее заплясали лукавые

огоньки. У Мурата заныло сердце — все было так знакомо...

Он положил руки на ее плечи и поцеловал в щеку, потом коснулся ее губ и стал неистово целовать. Она словно оцепенела. Что она позволяет себе, жена Бексолтана! Она оттолкнула его, но, увидев, как Мурат, будто устыдившись самого себя, резко отвернулся от нее, снова потянулась к нему. Плевать на всех, она любит его, все остальное не имеет значения! Она прижалась к Мурату так, словно его отнимали у нее, но он спокойно взял ее руки:

— Мисурат, уже поздно. Нам пора спать,— сказал он и вышел из комнаты.

10

— Товарищ Бердзенов, вас вызывает Амурхан Николаевич,— услышал Мурат голос помощника первого секретаря обкома партии. Опустив трубку, Мурат быстро прибрал на столе и через несколько минут уже был в приемной Амурхана.

— Подождите немного,— не отвечая на его приветствие, мягко велела секретарша, молодая миловидная девушка.— Он пока занят.

Мурат отошел к окну. И тут раздался такой пронзительный звонок, что он вздрогнул от неожиданности, а девушка стремительно вбежала в кабинет. Вернувшись вскоре, тихо сказала:

— Входите.

Он не без робости ступил через порог, хоть и не первый раз входил сюда. Но тогда здесь сидел другой человек...

Все в этом огромном кабинете было внушительным — высоченный потолок, громоздкий письменный стол, широченные высокие окна, забранные тяжелыми портьерами. Хозяин кабинета нарочито долго не поднимал головы на вошедшего, перебирая лежащие перед ним бумаги.

— Добрый день,— сказал Мурат, застыв у дверей.

Амурхан вскинул голову.

— А, здравствуй, Мурат! — и, встав, подался вперед, протягивая через стол руку.

Мурат поспешил навстречу этой протянутой руке.

— Как дела твои, со здоровьем как? — вкрадчивым, ласковым голосом спросил Амурхан, жестом предложив садиться.

— Спасибо, пока не жалуюсь,— все еще робея, отвечал Мурат.

Амурхан, пожевав губами, остановившимся взглядом уставился в угол кабинета, изобразив на лице глубокую задумчивость. Мурат решил, что секретарь обкома обдумывает какое-то важное дело, подбирает наиболее веские слова. Но он

ошибался. Амурхан ни о чем не думал — это пауза была психологическим приемом воздействия на посетителей. Пусть каждый до конца осознает и поймет, где находится и с кем имеет честь разговаривать! И воочию убедится, что первый секретарь обкома партии прежде, чем сказать слово, тщательно обдумывает и взвешивает его.

— Если откровенно, то мне импонирует твоя манера письма, острота твоих статей. С удовольствием читаю и твои фельетоны, чего не могу сказать о некоторых рассказах.

Лицо Мурата покрылось пятнами. Он никак не предполагал, что Первый читает его рассказы.

— Есть дело, которое я хочу поручить лично тебе — никому другому. Тебе знакомо такое имя — Нина Ацамазовна?

— Да. Директор техникума.

— Точно! И вот вокруг нее копошатся какие-то сутяги, катают и катают на нее жалобы, обком завалили. Ты тщательно разберись на месте. А там то ли фельетон писать, то ли статью на тему нравственности — сам решишь,— Амурхан взял со стола исписанный лист бумаги.— Вот последняя из жалоб. Возьми ее с собой.

Мурат поднялся, поняв, что разговор окончен.

— Действуй предельно осторожно, разузнавай все деликатно. И будет лучше, если никто не будет знать, что ты выполняешь мое поручение. Желаю удачи!

Мурат у себя в кабинете несколько раз перечитал письмо, выделил некоторые детали. Наметив план действия, на второй день он отправился в техникум.

Навстречу Мурату поднялась женщина лет сорока, но совершенно седая, что, впрочем, ей даже шло.

— Нина Ацамазовна, я понимаю, что вас утомила эта история с жалобами, но не вижу иного выхода, как снова собрать всех и еще раз выслушать,— извиняющимся тоном сказал Мурат.

— Так советовал и Амурхан Николаевич?

Мурату не понравился намек, и он довольно резко выразил недовольство:

— У него есть дела поважнее, чем давать советы журналистам.

— Извините... Мое присутствие обязательно?

— Даже нежелательно.

— Тем лучше. Я скажу секретарю парторганизации, он и организует все.

Открывая собрание, секретарь партийной организации, молодой представительный мужчина, заученно произнес речь:

— В нашем коллективе грубо попираются советские законы. И всем известно, кем они попираются. Директриса изолировала себя от коллектива, поставила себя выше коллектива. Обо всем этом мы неоднократно писали в своих коллек-

тивных жалобах. В конце концов они для принятия мер возвращались к ее друзьям в райком. Но наконец-то к нам из редакции республиканской газеты направлен товарищ Бердзенов Мурат Татариевич.

Мурату эта история была неприятна, им вроде даже овладел страх: а вдруг он не сможет вникнуть в суть конфликта, объективно разобраться во всем? Что тогда?

Он нехотя поднялся и сказал:

— Все свои претензии к директору вы довольно подробно излагаете в своей жалобе. Я внимательно ознакомился с ней. Но мне хотелось бы услышать ваши живые голоса. Одна просьба: говорить напрямик, без околичностей, но, главное, опираться на факты. Прошу.

Никто первым не решался выступить.

Тогда секретарь парторганизации сказал:

— Берегите и свое, и чужое время. Тут стесняться нечего и некого. Вас пришли выслушать — вот и говорите. У всех же накипело...

— Какие еще ему факты нужны? — послышался женский голос.— Мы не хотим с ней работать, это главный факт.

— А почему? Что конкретно вменяете ей в вину? У вас есть факты, свидетельствующие о том, что с ее стороны грубо попираются советские законы? Давайте вести предметный разговор, а эмоции...

Женщина привстала:

— Я вижу, вы тоже на ее стороне!

— Я ни на чьей стороне, я спрашиваю: ваш директор занимает свое место? Она умеет руководить коллективом?

— Она занимает свое место! — твердо сказала пожилая женщина, сидевшая в первом ряду.— Я бы сказала, отлично знает свое дело!

— Вот-вот, если б не эти подхалимы...

— Стыдно, наконец, стыдно! — с места шумно поднялся высокий смуглый парень.— Стыдно, Серафима Петровна, вести себя так. Вам уже товарищ журналист сделал замечание.

— Виктор Кириллович! — председательствующий тоже встал.— Ты сначала думай, а потом говори.

— Но об этом вы, Махамат Харитонович, должны были предупредить свою жену Серафиму Петровну. И прошу не затыкать мне рот. Товарищ Бердзенов, я вам скажу то, что лично я знаю. Наш директор соответствует занимаемой должности. Она талантливый организатор. Да, да, талантливый. Она строга, но справедлива . А вы, Серафима Петровна, этого не хотите признавать. Вы почти каждый день приходите на занятия с опозданием. А в прошлом году не без корысти завысили оценки нескольким абитуриентам. Вы тогда по заслугам схлопотали «строгача». И это, конечно, вам не по душе. Это

по вашей милости преподаватели техникума перегрызлись, как, извините, собаки из-за кости.

— Как ты смеешь со мной так разговаривать?!

— Махамат Харитонович, я же не называю вашу жену ведьмой, как вы директора?

Собрание затянулось до позднего вечера. На второй день Мурат решил поговорить с каждым в отдельности. И многие из тех, кто поставил свою подпись под жалобой, сказали, что их вынудили это сделать, и что теперь об этом жалеют и если кто и занимает не свое место, так это секретарь парторганизации, его жена Серафима Петровна и еще два-три верных им преподавателя, слабые специалисты.

Через неделю в газете появился фельетон «Дым без огня». Амурхан позвонил Мурату и поблагодарил его. Райкому партии было поручено разобраться с делами в техникуме и дать обстоятельный ответ редакции по принятым мерам.

Секретарь парторганизации был переизбран, Серафиму Петровну уволили. Коллектив преподавателей направил в адрес обкома партии благодарственное письмо.

Амурхан был доволен Муратом. Как раз в эти дни бюро обкома партии удовлетворило просьбу редактора газеты об его освобождении от занимаемой должности в связи с переходом на преподавательскую работу в институт, и на повестке дня теперь стоял вопрос о назначении нового редактора.

* * *

Через два месяца Мурата вызвали в обком партии. На этот раз Амурхан встретил его как старого доброго знакомого.

— Мне нравится твое отношение к делу, твоя хватка. Я пришел к выводу, что ты надежный человек. Поэтому мне думается, что ты достоин более ответственной работы. Я думаю, что ты заслуживаешь место редактора газеты.

Мурат, растерявшись, чуть ли не заикаясь, ответил:

— Я и не знаю, что сказать. Справлюсь ли?

Амурхан мягко улыбнулся:

— Твоя скромность еще одно доказательство, что мы не ошиблись в выборе. Справишься, я не сомневаюсь. Мы знаем, кто есть кто и чего каждый стоит!

Не окрыленным — озабоченным вышел Мурат из обкома. Предложение было столь неожиданным для него, что он не знал, радоваться ему или, пока не поздно, отказаться...

Когда у Мурата бывало неспокойно на душе, ноги сами приносили его на берег Терека. Как ни странно, буйная река успокаивала его.

Весна замутила обычно родниковой чистоты воды Тере-

ка. Неуемный во все времена года, весной он особенно расходится.

Мурат смотрит на мутные волны Терека и ему кажется, что он понимает, почему так спешит Терек. Каждой волне надо успеть расправить плечи, показать все, на что она способна. Вот они и подталкивают, торопят, друг друга.

«Вот так и люди. Как волна за волной, идем и мы, торопим друг друга, нередко, чего лукавить, спихивая друг друга...»

Что же так встревожило его? Чего он боится? Ответственности? Он, коммунист, страшится ответственности? Но... Не червь ли вот какого сомнения его грызет: а вдруг Амурхан думает, что он будет служить не делу, а ему, одному лицу?

11

— Землепашец и строитель. Вот наиглавнейшие в жизни профессии. Мы с отцом не зря их выбрали,— весело говорил Казбек, сын старого Дзаххота, Мурату. С тех пор, как Мурат выступил в защиту его старых родителей, брат Асланбега тоже стал его другом. Мурат познакомил Казбека с сотрудниками отдела промышленности и строительства редакции, и корреспонденты постоянно держали в поле зрения дела его бригады.

— Пойдем-ка, поужинаем вместе. Тебя ведь тоже никто не ждет с нетерпением,— предложил Мурат.

В ресторане посетителей было немного. Они заняли столик в глубине зала.

Официантка, молодая востроглазая женщина, мило улыбнувшись, положила перед Муратом меню. Казбек загляделся на нее чуть дольше положенного и, поняв это, поспешно отвернулся, да было уже поздно: Мурат заметил все и понимающе подмигнул ему.

— Сестра, будь любезна, нам шашлыки из баранины, кобинский сыр, свежий лук и бутылку «Киндзмараули».

Она с улыбкой выслушала его и, лавируя между столиками, скрылась за ширмой.

— Казбек, боюсь, что ты зачастишь теперь в ресторан,— заметил Мурат.

— Да нет, слишком она холеная, не для рабочего,— в тон Мурату ответил Казбек.

— Ну, хорошо. Раз ты отказываешься от нее, поговорим о другом. Как твое высокое начальство? Дзантемир, например?

Казбек удивленно вскинул брови, помедлил с ответом.

— Дзантемир?! Я не часто вижу его, но он производит странное впечатление. Как бы точнее сказать... Недоступный, что ли... А почему он заинтересовал тебя?

— Да так...

— Наш прораб однажды говорит мне, мол, раз газетчики твои друзья, пусть распишут нашу работу в лучшем виде. И, действительно, если смотреть со стороны, то дела наши не так уж плохи. Сдали три жилых дома по шестьдесят квартир.

— А если смотреть не со стороны?

— Тогда...

Официантка принесла бутылку вина и холодную закуску:

— Шашлыки придется подождать... Совсем немного, минуть десять.

— Подождем, подождем,— успокоил ее Мурат.

Он разлил вино, поднял свой бокал:

— Давай, друг, выпьем за хороших людей. И пусть бог бережет их.

Когда официантка принесла шашлыки, Мурат опять наполнил бокалы.

— Казбек, ты прервал свой рассказ на самом интересном месте. А я бы хотел послушать, пока не опьянел.

— И чего Дзантемир так заинтересовал тебя? Вот если бы дочерью его ты интересовался, это понять можно. Стройная, красивая.

— Ты ее знаешь? — оживился Мурат.

— Видел как-то. Смотрела на нас, как гусь на горох. Даже не поздоровалась...

— Девушка же... Засмущалась...

— Нет, это у нее от отца, заносчивость.

— А на какие такие его заслуги намекал твой прораб? Строите неплохо, говоришь?

— Да, мы лучшие, потому что остальные хуже. Можно было бы работать, но как получается? День сидишь, второй околачиваешься, на третий — аврал! То кирпича нет, то раствора. А ведь есть и то, и другое, но — лучшие кирпичи в сторону. Раствор тоже.

— Как это — в сторону?

— На левую сторону! Кому дачу надо строить, кому особняк. Вот туда и уходит все самое лучшее. Там же и вкалывают лучшие наши специалисты.

— Но это же твои люди, члены твоей бригады?

— Но если прораб говорит, что они отпросились у него на похороны?

— А Дзантемир, он что, не в курсе?

— Не слепой же он, даже если сам не поощряет это.

Мурат больше не стал допытывать Казбека.

Камболату было приятно, что родственники попросили его быть сватом. Кого ж еще они могли послать в дом Дзантемира?

Дзантемир налил араки Камболату и Татари и, слегка

откинувшись в кресле, приготовился к отражению очередной атаки. Камболат расправил плечи, приосанился.

— Да падут на дом твой все блага мира, да купаться вам в серебре и золсте, дорогой и уважаемый всеми Дзантемир. Твоему гостеприимству, слову твоему и умению жить можно только завидовать. Пусть не обойдут тебя своим покровительством все святые наших гор! Дзантемир, ты меня видишь первый раз, а я о тебе наслышан от двух моих сыновей, о твоем большом уме и великой скромности. Я не хвастаюсь, но в людях они у меня разбираются, да ты должен знать их: как-никак один — преподаватель института, а другой — заместитель министра. Земля слухом полнится, говорят, что министр в скором времени уходит на заслуженный отдых и на его место прочат Солтанбега, он сейчас в Москве, видимо, по этому вопросу его и вызвали. Дзантемир, с моими бы сыновьями ты, может быть, скорее нашел общий язык, но и мы с Татари не такие уж чурбаки, думаю, и мы достойны получить на свой вопрос вразумительный ответ. Вот он, Татари, отец Мурата, а я — старший брат Татари. Но у Мурата есть еще один отец, не менее родного любящий его — это наш уважаемый односельчанин Александр, который работает тут недалеко, секретарем обкома партии. Бог свидетель, Дзантемир, мы, Бердзеновы, пришли к вам с великой просьбой снизойти до нашей фамилии и разрешить породниться нам с вашей большой могущественной фамилией. Мы постараемся быть достойными родственниками, добрыми и уважительными. Знаю, и до сего дня вас беспокоили наши люди. Чего не бывает в жизни, быть может, они что не так сказали, и мы в чем грешны — вы уж нас поймите и простите, не держите камня за пазухой. Вот теперь, Дзантемир, да купаться тебе в серебре и золоте, я жду твоего ответа.

Не без удивления слушал Дзантемир многословную, витиеватую речь Камболата. И не мог отказать ему ни в уме, ни в умении вести себя, хотя и под видом наивного простачка, которого, однако, голыми руками не возьмешь. Тертый калач, это видно. Он знал и его сыновей. Да, точно, Солтанбег метит в министры, и, кажется, у него есть шансы добиться успеха. И именем Александра Камболат не спекулирует. Мурат стал редактором, значит, будет членом обкома. Похоже, что сегодня надо все решить, кто знает, другого раза может и не быть уже...

Но все же Дзантемир не отказал себе в удовольствии предпринять еще одну попытку увести разговор в сторону:

— Все, что говорил ты, Камболат, я выслушал с радостью. Всех благ твоей семье, твоим славным сыновьям и замечательному сыну Татари. Но для меня сейчас важнее всех вы, мои гости. И я хочу поднять тост за ваше доброе здоровье, пожелать вам...

Камболат протестующе вскинул руки:

— Нет, Дзантемир, позволь уж сказать тебе нет. Мы не есть-пить пришли, а за ответом. Получим достойный ответ — тогда только успевай наполнять бокалы. Мурат — моя родная кровь, я не отличаю его от своих сыновей. И ради его счастья я готов, Дзантемир, выпить соленое море, не то что твою добрую араку.

Дзантемир как-то нервно засмеялся:

— Как я погляжу, деваться мне некуда. Прижал ты меня, Камболат, загнал в угол... Ну что ж, пусть будет по-вашему, продолжайте дело — с нашей стороны помех не будет.

На лице Татари не дрогнул ни один мускул, он сохранял безучастный вид, а Камболат отреагировал должным образом: схватил свою рюмку, чокнулся с Дзантемиром, воскликнув:

— О великий бог! Благослови дело, которое мы, люди, вот сейчас скрепили своим словом. Пусть это будет началом большого счастья. Многие лета тебе в добром здравии, дорогой Дзантемир! Отныне и навеки ты для меня близкий и многочтимый родич. И настоящий брат! Ей-богу, брат, и не менее.

И Камболат залпом выпил свой бокал.

В Тагардон не на чем было уже ехать, и Татари остался ночевать у Камболата. Когда они остались вдвоем в просторной гостиной, Камболат с самодовольной улыбкой сказал:

— Вот таковы наши горестные дела, брат. Чудные времена настали, чудные, скажу я тебе: брат брата не признает, в гости друг к другу не ходят — все дела, дела,— выпитое сделало Камболата особенно словоохотливым.— А как бывало? Да чтобы я месяц смог прожить, не нагрянув к тебе в гости! А теперь крутись-вертись, под лежачий камень вода не течет, ей-богу, ни за что не потечет — с голоду околеешь. Слава творцу, сыновья удались, в люди вышли. Мурат тоже не из последних. Но, откровенно говоря, ему не хватает живости, практичности. Да не надо отчаиваться: жизнь научит из камня сок выжимать, когда припрет. Я вот старый развалюха, но обузой для сыновей долго еще не собираюсь быть. Работаю, а как же иначе? На ликеро-водочном заводе устроился диспетчером. Скромно звучит, да не в звучании дело — кое-что перепадает иногда на чай с маслом. Ты же знаешь, что мы, осетины, не очень умеем жить, всю жизнь строимся. Вот и мы задумали маленькую пристройку к хате — комнат на шесть, ванную там, кухню попросторнее. Министру нашему дают казенную фатеру — пусть живет вольготно, я не против, но младшего от себя — ни на шаг. Он хоть и ученый доцент, но квартиры им дают со скрипом. И не нужна она ему. Таково, Татари, вкратце наше незавидное житье-бытье...

Татари смотрел на Камболата, слушал его и думал: «Эх, Камболат, язык у тебя подвешен на семи ветрах — и туда виляет, и сюда. Не похож ты на горемычного. И работаешь, говоришь... Ты сотой доли того, что я делаю, не делаешь, вкуса соленого пота за всю жизнь не узнал, зато всегда имел и сахар, и масло. Но жадность нас никогда не обуяла и впредь бог избавит Мурата от твоей хватки. Добрая эта власть. добрая, зла не копит, а то ведь ты, брат, его заклятым врагом был, и в тюрьме не за краснобайство сиживал. Но нет у меня к твоей жизни зависти. Мое дело ковать железо, и кую, ну, а счастье и богатство очень дальние родственники...»

— Камболат, если я чему и завидую, так это твоему умению превратить камень в податливое тесто: ну и мял ты этого Дзантемира и так и сяк. Не будь тебя, снова бы сваты мои вернулись ни с чем.

— Ха-ха-ха! — от души смеялся Камболат. — Так его, так, знай наших. А то надулся индюк индюком. Но, если серьезно, каждому ведь хочется видеть в родичах полезных людей,— Камболат понизил голос.— Думаешь, гости моего дома для меня свет в окне? Слава аллаху, ни в чем нужды не испытываем, только ведь одним днем никак нельзя жить. Напои, накорми нужных людей, сумей приветить, и завтра они тебе государственную корову домой за рога приволокут: дои, сколько влезет! И министрам разным тоже жить надо, и у них семьи. Всем на горизонте черный день мерещится, трудом праведным не возведешь палат каменных, какая бы ни была зарплата большая. Чем выше сидит человек, тем дальше видит, значит, ему и больше надо. Потому и грех мне стыдить моих ребят, среди больших людей живут — должны не хуже жить. И умеют, умеют! Думаешь, откуда у меня такая пенсия? Они постарались, договорились, с кем надо. Вот и обернулся я на целый год строителем дорог. Но если ты там работаешь, то и я. Появлялся только показать себя, зачем лишний раз мозолить глаза хорошим людям? Зарплату получал. Не всю — половину одалживал хорошему челозеку. Да, Татари, нелегко жить в наше время, если не научен жить с людьми. Ты свой, от тебя у меня секретов нет. Но чтоб чужому — ни-ни! Тут мой язык на привязи веревкой из конского волоса. Ладно, заговорил я тебя,— Камболат разлил в рюмки водку.— Давай-ка, брат, пропустим по одной...

Камболат выпил, не произнося тоста.

— Я рад за Мурата, девушка из достойной семьи. Но она избалована медом, маслом и сметаной. И потому нашему Мурату следует позаботиться, чтобы и в его доме корм был в коня. А он... Татари, как брату говорю тебе: Мурат хороший парень, но слишком уж честный и бескорыстный. Сейчас времена не таких людей, которые и на пиру остаются голодны-

ми. Он у тебя какой-то неумеха, а занял ведь хорошую должность — есть власть в руках. Сотворили революцию, победили этого гада Гитлера, и что, теперь каждый работает на соседа? Только одна безмозглая курица гребет от себя. Государство не оскудеет, Мурат не пустит его по миру, если возьмет себе кусочек мясца и родителям преподнесет на рагу. Я не говорю, чтобы он стал хапугой, волком ненасытным. Нет. Везде надо действовать с умом, не терять головы. Ты хотя бы вскользь намекни ему. Лиха беда — начало, а там арба не будет скрипеть... Ладно, ты сам не вчерашний мальчик. Давай-ка, выпьем за счастье Мурата. Пусть выпадет мой правый глаз, если я не желаю ему добра,— Камболат снова выпил.

Татари молчал, гасил в себе злость. Совершенно отрезвев, думал с душевной болью: «Ну и гадина ты, брат. Я за эту власть кровь свою пролил, старший сын жизни своей не пощадил, а ты, как крот, забился в темный угол, переждал непогоду и снова на коне, да еще с жиру измываешься над живыми и над памятью павших. Не будь священных для осетина родственных уз, я бы с тобой не то что за один стол сел, а и в отхожее место не сходил! И твои сыновья в тебя удались, хоть и ученые, хоть и высоко взлетели...»

Он еле дождался утра, и даже не позавтракав, поспешно уехал.

12

Многие крупные объекты в городе Орджоникидзе воздвигались стихийно, там, где заблагорассудится заказчику, потому что все еще не было генерального плана строительства города. Не на шутку разгорелись страсти между различными ведомствами, отстаивающими каждое свои интересы. Обкому партии пришлось вплотную заняться вопросами градостроительства, и в первую очередь разрешить споры о месте возведения нового здания для осетинского драматического театра. В обком были приглашены все заинтересованные стороны.

— Строительную площадку надо развернуть на улице Кирова, на территории так называемого детского парка,— говорил главный режиссер, точно в вопросах строительства он был столь же сведущ, как и в сценическом искусстве.

— Там ведь вековые каштаны, отлично оборудованные игровые площадки,— возразил заместитель министра просвещения республики.

Главный инженер проектного института, подойдя к висевшему на переносной доске плану города, ткнул в него карандашом:

— Здесь, и только здесь ему место, в самом начале проспекта Сталина. Снести ветхий дом противопожарной охра-

ны, который торчит тут, как бельмо в глазу, и развернуть...

Но Амурхану это не понравилось:

— Еще чего не хватало: прямо у обкома партии театр! Может, еще цирк там построим?

Мадинат удивленно глянула на первого секретаря обкома партии. Неужели нельзя помягче, поделикатнее? Пусть не очень гармонично такое соседство — обком партии и здание театра, но в принципе что тут такого? Не питейное же заведение предлагают строить, а театр. И осаживать людей окриком...

Амурхан обратился к Дзантемиру, начальнику строительного треста:

— Эти все на бумаге мастера строить, а как думаешь ты?

Дзантемир встал, не торопясь, с достоинством, согласно кивнул Амурхану:

— Амурхан Николаевич, вы сами не хуже любого специалиста разбираетесь в строительном деле. Ваша правда: ну какому мудрецу пришло в голову строить театр у обкома партии? Что может быть общего в стиле этого развлекательного учреждения и такого серьезного объекта, как здание обкома... Дом пожароохраны нужно убрать, а для театра необходимо выбрать такое место, где бы вокруг здания можно было разбить цветники, посадить декоративные деревья и кустарники. Думается, что лучшего места, чем детский парк, не сыскать. И вековые каштаны кое-где можно сохранить...

В наступившей тишине послышалось недовольное шушуканье. Но Амурхан твердо сказал:

— Я думаю, что мы все согласимся с этим вариантом.

Снова воцарилась тишина. И тут раздался негромкий, но дерзкий голос:

— Я не согласна.

Многие испуганно обернулись в сторону Мадинат, некоторые обескураженно качали головами. Амурхан, безусловно, знал, кто она, но столь откровенный вызов его задел. Глядя куда-то в сторону, он холодно ответил Мадинат:

— А этого и не требуется, чтобы все без исключения разделяли нашу точку зрения.

— Ну, если мнение архитекторов не имеет значения, то я молчу. Извините, но я отнюдь не иронизирую...

Амурхан снисходительно улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Говорите, пожалуйста. Мы слушаем вас...

Мадинат встала, вышла вперед.

— Речь идет о монументальном здании, не о временном бараке для рабочих. Сегодня центр города еще здесь, в старой части. А завтра? В будущем главной улицей города скорее всего станет улица Ноя Буачидзе. Поэтому архитекторы

предлагают здание осетинского драматического театра возвести в большом сквере, что за памятником Коста.

— А здание кинотеатра? — подал голос Дзантемир.

— Кинотеатр следует возвести на площади Штыба, на месте так называемого дома Ивановых.

— Там пересекаются четыре улицы, очень интенсивное движение транспорта. Его надо сдвинуть ниже...

— Куда?

— На место пожарной охраны,— вырвалось у Дзантемира. Раздались смешки, но он и бровью не повел.

— Ничего смешного не вижу,— сказала Мадинат.— Я думаю, что зданию обкома партии такое соседство ничем не повредит, не умалит его серьезности... Это исторически сложившийся центр города, и здесь должно быть больше места для массового отдыха.

— Ну да, превратим город в балаган— язвительно бросил кто-то.

— Один мудрый человек сказал, что города будущего социалистического общества будут небольшими, уютными, где будет много зелени и много места для отдыха...

— Тот мудрец не очень-то разбирался в вопросах градостроительства, а о социализме имел смутное понятие...— парировал Амурхан.

— Да нет, Энгельс все-таки кое-что разумел в социализме,— опять отреагировала Мадинат.

— Марксизм не догма, а революционное учение. И в социалистическом городе всего должно быть в разумных пределах. Мы еще вернемся к этим вопросам и обсудим их. А на сегодня достаточно,— сердито закончил он.

Дома Мадинат поделилась своими впечатлениями с Александром:

— Хоть ты объясни мне, почему это Амурхан горой стоит за Дзантемира? Слово управляющего трестом для Амурхана закон, а мнение архитекторов начисто игнорируется им. Почему?

— Наверно, потому, что они знают друг друга с юности. Амурхан верит Дзантемиру, верит тому, что он во вред делу ничего не сделает.

— А мы, значит, вредители? — зло сказала Мадинат и тут же пожалела об этом. Последнее время у них и так отношения стали суше из-за всяких общественных дел. Она и не припомнит, когда еще говорили по душам, хотя особо словоохотливым он никогда и не был. Многое из того, чем приходилось заниматься мужу, для Мадинат оставалось тайной.

— Вы тоже не вредители. Но о чем опять речь?

— Все о том же театре и кинотеатре. Почему Дзантемир сначала восстал против строительства театра у обкома партии, а потом рекомендовал построить там кинотеатр? И с ним

Первый соглашается. А тебя все это никак не задевает?

— Мадинат, не морочь голову ни мне, ни себе. Понятно, что Амурхан не даст старого друга в обиду. Но чтобы неразумное решение принимал в угоду дружбе — сомневаюсь. А ты, признайся, была не очень-то деликатна...

— Знаешь, кому я от души сочувствую? — неожиданно повернула разговор Мадинат.— Мурату.

— А он при чем? — Александр был удивлен.

— Он женится на дочери Дзантемира.

— Ну и что?

— Жена и дочь Дзантемира штурмом берут все базы и склады, столько разговоров об этом...

— Мурат-то при чем, говорю?

— Туго ему придется с этой Залихан...

— Вот что, Мадинат. Ты меньше слушай чью-то болтовню. Чужие рты сургучом не запечатаешь — на то и ветер, чтобы уносить сплетни. И у Мурата глаза не на затылке. Лучше позаботься о подарке...

* * *

К селу стремительно приближался свадебный кортеж. В черном «ЗИМ»-е Александра везли невесту. Потом следовали редакционная «Победа» и автобус. У самого въезда в село три машины стали оглушительно сигналить. Впереди дети, а за ними со двора дома Татари высыпали взрослые.

Не останавливаясь, «ЗИМ» въехал в распахнутые ворота.

Парни образовали полукруг и запели свадебную песню. Залихан прилежно исполняла все наставления, шла, опустив глаза. Со всех сторон слышались возгласы:

— Какая красивая!

— Не красавица, а чернушка!

— И нос большой.

— Будет вам наговаривать!

— Эта городская покажет Фатимат!

— Наши сельские тоже не тихони!

Залихан понимала, что это всего лишь традиция, что так всегда поддразнивают невесту, и потому не обращала внимания на колкости.

Невесту подвели к свекрови. Она подняла глаза и тут же опустила их. Сердце ее упало: свекровь с первого же взгляда не понравилась ей.

Старушки наперебой стали поздравлять Фатимат:

— Ангел, сущий ангел в облике девушки, а не сноха.

— Да будет счастливым день, когда она переступила порог дома Татари.

— Не ангел, а врач — все ваши недуги исчезнут.

И тут одна из женщин громко шепнула:

— Такая скорее прибавит хворей, глаза ее что там твоя крапива!

Фатимат вся светилась радостью, с нежной улыбкой смотрела на сноху. Кто-то подал Залихан коробку шоколадных конфет. Она достала несколько штук и протянула их Фатимат. Свекровь растерялась: по обычаю полагалось, чтобы невестке дали чашу с медом. Но ее замешательство длилось секунду. Она приняла конфеты и поблагодарила ее:

— Да будет жизнь твоя сладкой, как этот мед... конфеты эти...

Госама стояла рядом с Фатимат. «А когда в мой дом придет такое счастье?..»

Залихан остановилась перед ней, держа в вытянутой руке конфеты, а ее взгляд говорил: «Ну что ты ворон ловишь, бери быстрей!» Госама взяла свою долю и, почувствовав ее настроение, обратилась к девушкам:

— Возьмите у нее конфеты и раздайте всем.

Дом был полон гостей, для которых зарезали бычка-трехлетку. Мало кто из сельчан не явился в дом Татари с подношениями — непременные три пирога, курица, графин араки. Во дворе были расставлены столы в несколько рядов. За ними восседали старики и пожилые мужчины. По настоянию старших на почетном месте усадили Александра и Бексолтана.

Женщинам, как и полагается, накрыли стол отдельно под сараем. Молодежь пела и танцевала, образовав широкий круг посреди двора. Свадьба удалась на славу. Веселье не утихало и на второй день, с новой силой разгорелись под вечер танцы, когда прибыли гости из дома Дзантемира: полный автобус родственников, знакомых, однофамильцев невестки. А в грузовой машине — ее приданое. Стол и стулья, платяной шкаф и шкаф для посуды, диван и два больших ковра, стиральная машина, трельяж, швейная машина, матрац, теплое одеяло, две подушки, покрывала, в огромном чемодане отрезы на платья и рубашки — подарки родителям жениха, близкой его родне, в другом чемодане белье, духи, пудра, губные помады, разная мелочь — подарки женщинам, девушкам. В третьем, таком же объемистом, чемодане лежали личные вещи самой Залихан.

После свадьбы невестка закатала рукава. Первым делом выбросила в сарай все из своей комнаты, весь хлам, как она сказала Мурату, когда он напомнил ей:

— Нам же всего месяц здесь жить.

Комната молодых преобразилась, сияла чистотой. Фуза, и Рима стали горячими сторонницами всего того, что делала Залихан, они, новоиспеченные золовки, старались во всем угождать ей. Но недолгой была их радость. Не прошло и двух недель, как Залихан надумала съездить в город. Это

уже ни в какие рамки не входило. «Что люди скажут?» — размышлял Мурат.

Он не был ярым приверженцем обычаев, но ему было неприятно, что Залихан не принимает во внимание стариков. Запинаясь, сказал Фатимат о намерении жены.

— Поезжайте, что тут такого? Заодно она приберет и квартиру. Думаю, и старик не будет возражать. Но только к своим пусть не заходит. Нельзя, рано еще. Им самим это не понравится.

Через два дня Мурат и Залихан уехали в город. Увезли с собой самые необходимые на первых порах вещи. Когда Мурат открыл дверь, Залихан, пораженная, застыла на пороге:

— И это ты называешь квартирой?

— А что? Две комнаты, не течет, не дует. Кровать железная — клопов нет. Половицы не скрипят. Книги есть. Стол есть.

— Не паясничай. Мне не нужен рай в шалаше.

— Будет, все будет со временем. Другим еще хуже приходится.

— Мне до других дела нет — у каждого своя жизнь. Ты говорил, что тебе обещают...

— Обещают. Сами напомнят, когда появится что.

— Да, держи карман шире! Если сам не можешь приличную крышу найти, попросим папу, что еще остается?

— Нет, папу просить не будем. Ни о чем и никогда. У меня несколько многодетных сотрудников живут в тесноте, с какой совестью я должен раньше их...

— Ну, ладно. Если тебе не надо, то и мне тоже,— неожиданно миролюбиво сказала Залихан, вспомнив наставление матери: «Не ссорься, действуй хитростью и лаской, уступай в малом, чтобы взять верх в главном. Думаешь, с твоим отцом мы с первого дня живем душа в душу? Ошибаешься: я перекроила его по-своему...»

Залихан стала наводить порядок. Мурат смотрел, как сноровисто и умело действует она, и сердце его наполнилось радостью,— нет, все-таки ему очень повезло с женой, просто она современная девушка из интеллигентной семьи и не может быть по-рабски безропотной...

А Залихан на второй день выговаривала своей матери:

— Если папа не сделает нам квартиру, то я в этой берлоге не собираюсь жить, уйду.

13

Мадинат, мокрой тряпкой протирая подоконник, оглянулась на мужа:

— Может, заодно и стекла почистить?

— А почему бы и потолок не пробелить? — вполне серьезно ответил Александр, и оба засмеялись. Уже и широченный халат ей узок, стягивает живот и не дает дышать его... мальчику.

— Да, очень высокий потолок, разбиться можно, не дай бог.

— Интересно, архитектор, спроектировавший этот дом, живет в таком же? Впрочем, архитектор в нашем городе — это всего лишь курьер председателя горисполкома.

— Кто-то опять наступил тебе на любимую мозоль...

— Ты не прикрывайся шутками, товарищ секретарь. Уже десять лет, как я зодчий. И что я могу? Только языком трепать.

— А я лишен даже этой возможности,— усмехнулся Александр.— Что опять приключилось?

— Меня вызывает Амурхан. Театр я пробила, а кинотеатр застрял у всех в горле.

— Стройте там, где вам говорят, и дело с концом.

— Кто говорит, кто? Почему в вопросах градостроительства решающее слово принадлежит кому угодно, только не архитекторам? Посмотрим на эту квартиру. Разве здесь чувствуется рука архитектора? Тут бедный архитектор ни при чем: это амурханы заставили его спланировать эти безобразные пятиэтажные коробы с совмещенными санузлами. А они ведь будут стоять век как памятник бездарности архитекторов пятидесятых годов! Архитекторов, а не амурханов!

— Мадинат, тебе нельзя так волноваться.

— Ничего, пусть у тебя родится эмоциональный сын, а не такой железобетонный, как ты. И пусть он никогда не будет секретарем никаких комитетов, чтобы мог иметь свое мнение.

Александр улыбнулся:

— Повезешь его в Лондон. Там есть Гайд-парк, где можно говорить все, что взбредет в голову.

— Тебе все шутки, но пока я жива, по Амурхану в архитектуре не будет.

— Твоя категоричность меня удивляет, Мадинат. Ты же знаешь, мы не можем пустить все на самотек, нам до всего есть дело. Так что, хочешь ты этого или нет, тебе придется считаться с мнением обкома партии и в вопросах строительства.

...Александр не ошибся: Мадинат родила сына. На радостях счастливый отец примчался к Мурату, и они вместе поехали на рынок.

— Ясно, что нас к ней не пропустят,— размышлял Александр,— но передачу-то должны принять?

— Должны! И примут!

Их заметили, как только они подъехали: главврач узнала номера машины и сама поспешила им навстречу.

— Александр Даутович, ну и богатыря подарила тебе Мадинат! Красавчик! Но на тебя не похож, ну ни капельки!

— Сыновья обычно походят на матерей,— вздохнув, отшутился Александр.— Как она сама?

— Все хорошо, ты не волнуйся. Пропустить к ней не могу, а цветы и что там еще у вас, давайте.

Через пять дней Мадинат выписали. Александр бережно принял сына из рук медсестры и, неумело держа его на вытянутых руках, счастливо улыбался.

— А кинотеатр построят прямо перед окнами обкома! Вот! — сказала Мадинат.

— Ты неисправима...

* * *

Рождение сына Александр решил отметить в воскресенье. Во главе стола сидел Аузби, по правую его руку — Татари, по левую — дядя новорожденного Бимболат. Дальше места по старшинству занимали Бексолтан, главный архитектор города, соседи по квартире, родственники. Госама, Фатимат и другие женщины сидели в другой комнате, там же и находилась Мадинат с сыном.

Мурату досталась роль младшего, обслуживающего стол.

Когда Аузби встал, держа в руках большой турий рог с пивом, следом поднялись и остальные.

— Сегодня в доме моего друга Даута большая радость, счастливое событие: родился наследник, продолжатель рода. Пусть живет и здравствует, радуясь жизни! Пусть его отец и мать никогда не пожалеют, что он появился на свет, пусть будут обласканы его солнцем, его счастьем! Пусть он всегда помнит, чей он сын, чей он потомок. Человек рождается, обретает свое имя, и если он становится настоящим человеком — это радость не только для родителей, но и для всего народа. Пусть этот младенец станет гордостью нашего народа, слугой и защитником, скупым на слово, щедрым на доблестные дела! Доброго ему здоровья, долгой жизни!

Тост поддержали, развили, добавляя каждый свои пожелания. Говорили вдохновенно, красиво, стараясь не перещеголять Аузби, а опираясь на его слова. По жребию выбрали и имя новорожденному: Батрадз, это имя назвал Аузби. И случилось невероятное. Аузби сказал:

— Мы ходим у жизни в должниках? Нет. И сыновья мои отдали свой долг сполна. Среди нас один должник: Батрадз. Пусть он платит жизни ее долг своей, прекрасной жизнью, пусть никогда ему не придется взять в руки оружие! Я прошу и разрешаю песню! Песню новорожденного!

И Аузби запел. Аузби, долгие годы не сказавший веселого слова, не смеявшийся от души. Мужчины подхватили песню.

Бимболат смотрел на старика, дивясь его душевной силе, восхищаясь мужеством старого большевика. Потом встал, попросив у Аузби разрешения сказать тост:

— Я немало встречал мужественных людей, достойных преклонения и уважения. Но... Аузби, спасибо тебе за то, что ты, вот такой, есть на свете.

— Бимболат, не надо славословить! Знал бы, не дал бы тебе слова.

— За то, что ты через все испытания пронес в чистоте имя большевика, не уронил своего человеческого достоинства, я провозглашаю тост за твое здоровье, за здоровье дорогой Госама. Живите в здравии, живите так, как вам того желает любящее сердце вашего сына Володи, да и мое сердце.

Мурат был благодарен Бимболату. Слушая его, он думал, что и Бимболат, и Александр, и он сам — все они, в сущности, дети Аузби.

Бексолтану стоило немало труда не подать виду, что вся эта церемония ему смешна: неужели Бимболат не понимает, что времена таких наивных большевиков давно отошли, что Аузби стар, стар физически и морально. Вот тамада он достойный, ничего не скажешь. Бексолтана удивило отсутствие высоких гостей. Ни Амурхана, ни других секретарей, ни одного министра. Отсутствие Амурхана объяснил по-своему: значит, не считает нужным быть гостем Александра. А что за угощение? В рабочей столовой и то бы лучше накрыли. Вот если бы в доме Дзарахмета отмечали такое событие... От этой мысли он помрачнел: одних дочерей нарожала ему Мисурат, эта пигалица.

14

Дойдя до реки, Мурат немного успокоился. Культ... Культ... Культ личности. Странное, режущее слух нерусское слово вдруг выплыло из небытия и в один день стало зловеще популярным.

Мурат только что читал текст закрытого доклада Хрущева на XX съезде партии.

Слезы застилали глаза, строчки расплывались. Он испытывал боль горькой утраты.

Отец. Вождь. Учитель. Гениальный полководец. Культ личности...

У Терека играли дети. Визжали, бегали, кричали, смеялись.

«Скоро твой усатый гений будет болтаться на суку, комсомол,— слышит он голос Камболата.— А ты подрастешь и и облачишься в форму германского офицера». А что вышло?

Дом Камболата в Орджоникидзе. Просторная комната. На

стене портрет Сталина в форме генералиссимуса. «Такой железной воли человека история еще не знала. Мудрый, великий полководец»,— журчит голос Камболата.

«Нечего цацкаться! Георгий враг народа, индивидуальный контрреволюционер!» — Бексолтана голос... Не цацкались, сослали в Сибирь... А Василий, отец Георгия, разошелся:

— Сукин сын! Против Сталина выступил? Дурак! Я сам этой шашкой голову ему с плеч смахну!

Великий полководец? Говорят, кабинетный, руководил военными операциями, не отходя от глобуса...

...Поезд-товарняк. На вагоне, который повезет отца на фронт, во всю длину аршинными буквами выведено: «Сталин сказал: «Наше дело правое! Победа будет за нами!»

Жертвы... Жертвы культа личности... Рудзутак, Постышев, Тухачевский, Саханджери Мамсуров, Казбек Бутаев... Почему это могло произойти? А Георгий? Разве Сталин приказал во что бы то ни стало обвинить его, состряпать на него дело и сослать в Сибирь? Сдался ему Георгий! Но зато он нужен был Бексолтану, чтобы показать свою бдительность в борьбе с врагами... самого Бексолтана. Ползучих гадов хватало — и время благоволило к ним! А Георгий что-то знал о Бексолтане, знал и молчал...

А как красиво пел отец Клары Симон. Однажды в праздник святого Георгия он пел у них даже дома. Татари, Аузби и другие, сидевшие за праздничным столом, подпевали ему. А когда он запел «Без доли» Коста, Фатимат не выдержала, прослезилась и быстро вышла из комнаты, где сидели мужчины... Пел он и о Ленине, и о Сталине, с колхозным хором в клубе. И люди ему долго аплодировали. Кто-то и его сделал врагом народа. Нет, Бексолтан был не один. И до него были мерзавцы. Ежов, Берия... Приближенные, доверенные Сталина.

На Тринадцатом съезде партии, говорят, встал вопрос об освобождении Сталина с поста генсека — Ленин писал о его грубости, капризах. Но можно было это сделать тогда? Наверное, нет.

Кто бы возглавил партию? Троцкий? Зиновьев? Каменев? Но история знала немало фактов, когда по вине людей, оказавшихся у власти, менялись цели и задачи победившей революции... А Сталин? Неужели и он свернул с пути, указанного Лениным?

Мурат посмотрел на небо. Весело мерцают звезды, озорно подмигивают друг другу. Созвездие Семи Сестер с самого зенита задумчиво смотрит на многострадальную Землю. Тишину ночи оглашает лишь неумолчный говор Терека. И этот день канет в вечность. И об этом дне когда-нибудь скажет свое слово история. Но как же те, кто создал этот культ, кто поживился на нем, что будет с ними?

С Камболатом и Азанбегом более или менее ясно: Азанбег—

открытый враг, стал предателем. Камболат опять вовремя переметнулся к нам. И, кажется, не жалеет. А Бексолтан — кто он? Отъявленный карьерист? Но разве карьерист, попирающий правду, справедливость, губящий людей, не враг партии? Почему же ему покровительствовал Дзамболат? И Амурхан не прочь приголубить...

А сам Мурат проявлял принципиальность, элементарную порядочность, когда при нем оболгали друга? Трусость проявил. Личный покой, дрема души были дороже! Или это тоже вина Сталина? Впрочем, самобичеванием не трудно заниматься. Теперь можно метать гром и молнии, когда партия открыто заявила об ошибках и преступлениях прошлого. Во весь голос...

Во весь голос? А зачем? Во имя реабилитации доброго имени незинно пострадавших? А мировое общественное мнение? А враги наши за кордоном вой поднимут: вот они какие, большевики! Вот что они творили! Вот оно какое, государство народовластия! Кто еще хочет строить социализм?

Враги будут торжествовать, а друзья задумаются. Задумаются и отвернутся. А, может, скажут: свои ошибки признает лишь тот, кто силен, кто уверен в том, что больше не повторит их.

Но как жить дальше? Уверен в своей правоте — стой на том? Нет жизни без борьбы? Что ж, может быть, и так. И никому никакого спуска, если он покушается на правду. Бороться, сражаться за нее, не взирая на лица! Иначе ты не коммунист, а приспособленец. Пусть погиб нарт Батрадз, но зато бросил открытый вызов двуличным богам и на чистом поле сразился с ними!

* * *

Как и всюду в стране, на пленуме Тагардонского райкома партии говорилось об искоренении последствий культа личности.

— Культ личности Сталина принес нашему народу неисчислимые беды, тысячи людей, преданных делу партии, были репрессированы,— преисполненный боли и гнева голос Бексолтана звал к мщению.

Мурат не замечал на его лице ни тени смущения, одна благородная ярость.

«Ну, что, друг, встань и припомни ему хотя бы Георгия. Но нет, ты не посмеешь нарушить нормы этой, неизвестно кем и когда утвержденной партийной этики, не обрушишь на Бексолтана свой не менее благородный гнев»,— с каким-то злорадством думал Мурат.

После многих выступающих слово, наконец, дали Аузби. «Дорога длиною в жизнь — от места до трибуны»,— пришла вдруг странная мысль Мурату. Старик действительно шел дол-

го и устало, словно ему предстояло выносить суровый приговор себе и сидящим в зале.

— Мне трудно говорить, да я и не стал бы, но вот попросили выступить. Значит, и мое слово кому-то нужно. Благодарю. Не знаю, каких слов вы от меня ждете, но я... Я не в силах поднять ком грязи и кинуть в Сталина. Я только помню, когда он умер, смерть постучалась в каждый дом, горе поселилось в каждом сердце. И у всех находились слова, воздававшие должное памяти дорогого человека. Когда он умер в первый раз, я знал, что сказать. Сейчас он умер во второй раз... Я немало прожил, но никогда мне не пришлось хоронить одного и того же человека с разными почестями. Одно знаю: мало доблести в повержении мертвого. Я так не могу... Извините,— в глазах старика стояли слезы.— С именем Сталина на устах в боях за Родину сложили головы мои дети. Пусть им теперь на том свете не будет стыдно и больно...

В зале стояла гнетущая тишина. Бексолтан выжидающе смотрел на Александра: разве они собрались здесь слушать такие речи? Но Александр сидел, опустив голову. Бексолтан решительно встал:

— Извини, уважаемый Аузби, но мы сюда...

— Понимаю тебя, Дзарахметов-сын, понимаю... Жаль, не Дзарахмет стоит на моем месте: вот от него бы досталось Сталину за то, что он выиграл войну...

— Аузби!

Но старик уже сошел с трибуны, а на его место поднимался Александр.

— Сталин убрал с политической сцены, убрал из жизни многих замечательных сынов партии, нанес делу социализма ощутимый вред. Постановление о культе личности с партийной откровенностью и ясностью говорит о допущенных злоупотреблениях и ошибках Сталина. Однако не умаляются и заслуги Сталина как перед партией, так и перед народом. Сталин возглавил борьбу против врагов социализма внутри страны, под его руководством создана могучая индустрия, проведена коллективизация и, наконец, разгромлена фашистская Германия. А сейчас мы должны бороться за то, чтобы восторжествовали ленинские нормы партийной жизни.

Мурат верил Александру, верил в искренность его слов. У него сердце и совесть настоящего коммуниста, и он не будет думать, как ему указано. И Мурат в эту минуту был благодарен и признателен Александру только за то, что он просто есть на свете.

Но он знал и другое: долго еще будет ныть у него самого сердце, сжиматься от вдруг нахлынувшей боли. Разливается река, руша берега, вырывая деревья с корнем. Проходит время, спадает вода, входит в привычное русло вчерашнее бешеное течение, но много дней еще не оседает муть...

* * *

В выходной день Мурат и Александр собрались ехать в Тагардон. С утра зарядил дождь, но в Тагардоне вполне могло светить солнце, поэтому об отмене поездки даже не заикнулись. Мадинат и Бимболат тоже высказали желание проведать близких.

— А почему ты один? — уже в машине спросил Бимболат Мурата.

— С кем же мне быть?

— Так, так,— Мадинат повернула к мужчинам улыбающееся лицо.— Отрекаешься от жены, а, Мурат? Впрочем,— спохватившись, многозначительно добавила она,— ей нельзя. Скоро вам, дорогие мужчины, сидеть на пиру в честь рождения мальчика.

— Что ты говоришь! Это точно, Мурат? — Бимболат хлопнул Мурата по колену.— Молодец! Имя — за мной, сам буду крестным.

... Аузби был польщен их вниманием. Госама через минуту уже принялась за стряпню.

— Какие новости в селе, Аузби?

— Э, Александр, новости к нам приходят из города. А мы что тут знаем? Подзадержался, видно, я на этом свете, выжил из ума,— никак в толк не возьму дела нового поколения. Такое происходит, чего бы лучше не видеть совсем. Опоздал, опоздал умереть...

— Аузби, а мне, клянусь тебе, умирать пока совсем не хочется, но я тоже не менее тебя возмущен,— поддержал старика Бимболат.— Замутили мы воду, а врагам нашим только этого и надо...

Аузби вскинул голову:

— Не воду замутили, а выставили себя на всеобщее посмешище. Друзей своих отпугнем. Не с большого ума все это начато,— старик с вызовом посмотрел на Александра, словно во всем был виноват он. Александр укоризненно покачал головой, но промолчал. Зато Бимболата уже не удержать было:

— Враги наши, небось, потирают руки от удовольствия. Они из кожи лезли, как бы из нашего маленького промаха сделать слона с рогами, а тут...

Мурат тоже не вмешивался, невольно подражая Александру.

— Чтобы твои болезни стали моими, Бимболат. Те же самые мысли посещали мою старую голову, да только я не находил таких хороших слов...

Александр диву давался, глядя на Аузби. Обычно рассудительный, немногословный, тщательно взвешивающий каждое слово, он теперь горячился, как юноша. Неужели все настолько потрясло его?

Появился Татари. Он и сегодня, в воскресенье, был на работе, и, когда он вернулся из кузни домой, Фатимат сообщила ему о приезде гостей.

Госама накрыла стол. Пироги, редька со сметаной, рагу из курятины. Аузби провозгласил первый тост.

— Мы были и остались первопроходцами. Даже по первопутку пройти трудно. А каково приходится тем, кто прокладывает тропу новой жизни? Заблуждений не избежать. Но нас вела путеводная звезда — учение Ленина. А Сталин, говорят, скривил дорогу. Я хочу выпить за то, чтобы мы и впредь верили в идеи Ленина, не гнули их всяк по-своему.

Александр улыбался одними глазами. При появлении Татари Мурат встал из-за стола и теперь прислуживал старшим. Аузби обратился к Мурату:

— А ты почему молчишь? Или берешь пример с других, которые придерживаются мудрости, что молчащий никогда не ошибается?

Александр рассмеялся:

— Как говорят,— Габат, к тебе обращаюсь, а ты, Гамат будь начеку! Знаю, Аузби, в кого ты метишь, но я пока хочу выслушать остальных. Говори, Мурат, если есть, что сказать,—Татари, думаю, не осудит тебя, тем более, что сам Аузби интересуется твоим мнением.

— Аузби, историю мое поколение учило по учебникам, а ты один из ее творцов. Разве я могу не согласиться с тобой?

— Пусть твои напасти падут на мою голову, Мурат. Спасибо, что воздаешь мне хвалу. Я думаю, что все происходящее особенно плохо повлияет на твоих ровесников. Свернет их с правильного пути, головы забьет не тем...

— Мои ровесники кое-что испытали в жизни, а вот те, что моложе, действительно порят несусветную чушь. Без боли и гнева их нельзя слушать...

— Вот, вот. Потому я и сказал, что опоздал умереть: к чему моей седой голове было все это испытать? Александр, долго ты собираешься отмалчиваться?

— Слишком много развелось говорунов... По-человечески всех можно понять,— ответил Александр.— Однако не все осознали, какие беды нашему строю принес культ личности, сколько зла было совершено. Ты не одинок, Аузби, в своем мнении, многие так же думают, не надо бы бороться с мертвыми. Нет слов, Сталин по праву был избран Генеральным секретарем. Недавно я в Москве разговаривал с одним старым членом партии, в те времена занимавшим большой пост в ЦК. Он сказал, что Сталин умел слушать, как никто другой, запоминая все навсегда. Умел выделить главное и принять правильное решение. Он внимательно выслушивал всех членов Политбюро, потом подводил итог. И неправда это, будто бы Сталин совершен-

но не терпел возражений. Но члены Политбюро почти всегда соглашались с его выводами.

— Наверное, у него на плечах голова была, а не болванка, потому и соглашались,— заметил Татари.

— Но... Мы, осетины, это называем голосом крови. И не всегда этот голос подсказывал верное решение. Еще Ленин предупреждал о грубости и вспыльчивости Сталина. А со временем он стал еще и чрезмерно подозрительным. Перестал доверять даже самым близким друзьям. А в гневе не щадил ни правого, ни виноватого.

— Гнев ослепляет, он плохой советчик. Но еще предки наши говорили: и на бога бывает проруха. Не впадаем ли мы сейчас сами в этот гнев, который ослепляет, и бросаем со скалы такого человека?

— В твоих словах сама истина, Татари,— подтвердил Аузби.— Я хочу поведать вам одну историю из времен коллективизации. Пришли в Харисджине — это аул в длинном ущелье — к одному бедняку. У него в доме из четвероногих была одна-единственная безрогая коза, ни собаки, ни кошки. Сдай, говорят, козу в колхоз. Он отвечает: «Как я ее сдам, если у меня во дворе только она одна?» Сдать надо, говорят, скот обобществляется. Бедняк за свое: «Кто сказал, что мою козу тоже надо сдать?»

Ну и ответили ему: «Сталин сказал». «А он знает, что я хозяин единственной козы?» «Знает». «И что она комолая, и в общем стаде ее забодают, тоже учел?» «Конечно». «Ну, тогда он святой,— сказал бедняк.— А волю святого надо выполнять»...— Аузби улыбался в усы.

— Понимаю, Аузби, куда ты клонишь. Да, за его спиной творилось много зла. Но он обязан был знать это и пресекать.

— Хорошо, согласен с тобой. Однако, рассуждая здраво, никак нельзя примириться с тем, что мы вынесли сор из избы и развеяли по всему свету. Кому это выгодно? Чему и кому в угоду? Только заклятым врагам социалистического строя! Не секрет: в ряды партии пробрались и случайные люди, есть даже шпионы, ей-богу, есть, наверное. Но я не хочу, чтобы и на меня падала тень. Нет семьи, где бы не происходили ссоры. И что хорошего, если мы семейные междоусобицы и передрязги сделаем достоянием всех, придет ли желанный мир в такую семью? Что-то не верится. Кто теперь возьмет на себя смелость объяснить нам — мне, Татари, Бимболату, Мурату и всем-всем, почему такой грубый, капризный, вспыльчивый, болезненно подозрительный и жестокий даже к своим друзьям человек ни много ни мало, а все тридцать лет находился во главе великой державы, стоял у руля великой партии? Кто? Ты берешься ответить нам, а, Александр? Кому, скажи, остается верить, если наша вера в Сталина на поверку оказалась такой слепой и даже вредной?..

— Аузби, ты же сам ответил на свой вопрос,— Ленину! Делу его. В созданную им партию. Каждый свой шаг мы должны сверять с ним.

— Ну, что ж,— сказал Аузби.— Партия — это большая река. Она сама себя очищает. Я предлагаю тост: чтобы эта река всегда была многоводной, а ее струя родниково чистой!

15

Зазвонил телефон. Мурат снял трубку:

— Слушаю вас.

— Добрый день и бог в помощь! — звонивший говорил по-осетински, но с явным русским акцентом.— Уважаемый, с вами можно говорить или вы заняты? Извините, если помешал.

— Кто это? Георгий... Не может быть! Это ты? Это ты, Георгий?

— Конечно, я. Не век же мне куковать в Сибири! Хорошего понемногу...

— Георгий, откуда ты звонишь? Иди сюда.

— Туда — нет! Могут не так понять, если увидят нас вместе.

Мурат не мог понять, шутит его друг или говорит всерьез.

— Тогда я сам приду к тебе. Но куда?

— Ладно, иду, хоть и неприлично беспокоить начальство. Ты на втором этаже, говорят?

— Да, я встречу тебя у входа,— бросив трубку, Мурат выскочил из кабинета, сбежал по ступенькам вниз, дойдя до середины вестибюля, увидел, как в дверях показался высокий мужчина, бородатый, богатырского телосложения.

Мурат бросился к нему. Друзья заключили друг друга в объятия.

— Ну и вымахал ты: встретил бы на улице, ни за что бы не признал,— разглядывая Мурата, говорил Георгий.

— А сам? Бородатый великан,— и Мурат провел рукой по его бороде.

Георгий выглядел старше своих лет, на лбу легли глубокие морщины, седина на висках.

— Что ты меня своими большими глазами ощупываешь? Хочешь прочитать, к кому я теперь отношусь, к какому классу?

На лицо Мурата набежала тень. Георгий заметил перемену в настроении друга:

— Мурат, договоримся сразу: я никого ни в чем не обвиняю. Что было, то было, забудем все это. Знаешь, как мне там сказали? Извини, говорят, товарищ Шерпилов, ты стал жертвой оговора.

— Пойдем ко мне, там и поговорим...

Георгий не без любопытства изучал кабинет Мурата.

— Ишь ты! Берлога у тебя что надо.

Они сели рядом на диване.

— Это все хорошо. До меня дошли добрые вести, будто бы ты обзавелся семьей. Красивая?

— Это смотря чьими глазами...— пошутил Мурат.

— Слушай, Мурат, а ты не знаешь случаем, куда девалась голубоглазая моя блондинка, которую мы с тобой спасали?

— Как-то я заглянул к ним. Встретили не очень приветливо, сказали, вышла замуж и уехала с супругом за Полярный круг.

— Она туда, а я оттуда. Любит жизнь выкидывать шутки. Знал бы — не уехал. Эх! Вздохнешь, а не легче... Скажу тебе, друг, со всей откровенностью: на войне было во сто крат легче. Только в плену было бы горше — тут нету спору. На войне человек знал, за что его кровь прольется. Терпел все муки. А там за какие-такие грехи сидел в аду? Убей, и сейчас не знаю... Да, а как Мисурат?

— Мисурат? Почему ты о ней вспомнил?

— Почему ты не на ней женился?

— Об этом потом,— сказал Мурат, машинально прижав руку к сердцу.— Где ты остановился?

— Пока нигде. Сошел с поезда и прямиком к нашему институту. Обошел вокруг него, выразил ему соболезнование, что он до времени лишился одного из своих лучших студентов. Потом...

И хлынули слезы из глаз,
И радость в груди разлилась;
Увидел я снежные горы...

— А теперь — ко мне.

— Нет, неудобно. С пустыми руками...

— Ерунду порешь. Если уж такой стеснительный, возьмем по дороге пару конфет.

* * *

— Залихан! Встречай гостя! — еще с порога крикнул Мурат.

Георгий, смущенно улыбаясь, разглядывал вышедшую им навстречу молодую женщину. Но Залихан так мягко заговорила с ним, так ласково-приветливо улыбнулась ему, что у него стало тепло на душе. Он пожал ее белую холеную руку:

— Я рад познакомиться с вами. Будьте счастливы и так же красивы сто лет,— сказал Георгий и протянул Залихан бутылку вина и конфеты.

Пообедав, посидели еще немного и вышли на улицу.

— Смерть, как не люблю сидеть взаперти,— улыбнулся Георгий.— Мышка наелась — смотрит в свою норку. Поеду-ка я

в село. Матушка заждалась меня. И на могилу отца пойду. На коленях буду просить у него прощения...

— Я поеду с тобой, Георгий. Делам конца-края не видно, а ты, почитай, один у меня друг...

Мать Георгия Наталья Григорьевна осталась совершенно одна после смерти Василия. Соседи помогали ей, как могли, скрашивали ее одиночество, особенно семья Татари: то Асланбег дрова подвезет, то по воду сходят сестры, на мельницу отнесут зерно. Последнее время от Георгия не было никаких вестей, и Наталья Григорьевна измаялась, теряясь в догадках,— ведь говорят же, что теперь многих освободили...

Увидев сына, она всплеснула руками и заплакала. Георгий обнял ее.

— Мама, мама, я жив, здоров, молод и красив, а ты в слезы... Если ты не рада, я могу вот с Муратом и обратно уйти.

— Все такой же... Сынуля...— Наталья Григорьевна смотрела на сына глазами, полными слез. Она все еще не верила, что этот бородатый великан ее сыночек, Жорка. И снова навзрыд заплакала.

— Отпустил бороду... Не довелось отцу увидеть тебя... Не горюй, Жорка, Вася пожил, повидал всего на своем веку, да и мне грех жаловаться, тебе вот надо жить. Господи, счастье-то какое, живым-невредимым вернулся. Спасибо людям, подсобляли всем. Особливо вот муратовские, Татари, Асланбег... Сестры... А ты, сынок, здоров? Нет хвори какой?

— Нет, мамуля, нет, здоров, как черт! Тайга и хилого сделает крепким. Сосновый дух! Десять лет будешь шагать-махать, а до опушки не дойдешь.

— Жорка, ты все такой же шутник. Значит, здоров,— Наталья Григорьевна успокоилась, повеселела.

— Пусть простит меня отец... Все в воле божьей, мама. Теперь будем жить. Заживем не хуже людей, а лучше нам не надо. Крепись, мама.

— Теперь мне и сама смерть не в страх — мало заботы... Вася, Вася... Поторопился он... Хоть бы краешком глаза взглянул на тебя, на бородатого...

— Борода, мама, первое средство от комарья. Там их тучи, полчища.

— Мурат, ты уж не обессудь старую, совсем голову потеряла от радости. Спасибо твоим, ни на один день не забыли нас. Татари мне такой топорик сделал — сам колет. Золотые руки у человека. Благодаря им ты застал меня в живых, сынок. С осетинскими почестями хоронили и твоего отца. Всем селом, тысячи людей пришли. Татари как малый плакал... Поблагодари их, поблагодари, сынок. И к Аузби зайдите, часто справляется о тебе.

* * *

Фуза вернулась из школы, когда Мурат и Георгий уже встали из-за стола.

— Вот и наша учительница,— сказал Мурат.

Девушка смущенно подала руку Георгию.

— Это... Фуза? — растерянно спросил Георгий.

— Она самая. А ты думал, все такая же маленькая? Историк она у нас, не шути...

— Да, за это время она выросла, а я вот постарел. А ты меня, наверно, и не узнала?

— Узнала,— тихо и просто ответила она, и от нежного голоса девушки как-то взволнованно застучало сердце Георгия. Уж очень не вязался мягкий девичий взгляд с суровостью и жестокостью, с которыми ему пришлось столкнуться, и Георгий не знал, как ему себя вести. Не готов он был еще к мирной, нормальной жизни, отвык. Он больше ни о чем не стал расспрашивать, только вечером спросил мать:

— Мама, Фуза хорошая девушка?

— Фуза? Да не просто хорошая, а замечательная. А почему ты спрашиваешь?

— Так, к слову пришлось...

— Ах, сынок, только позавидовать можно тем, в чью семью войдет Фуза,— мечтательно произнесла Наталья Григорьевна.

* * *

Куда приткнуться? Чем заняться?..— все чаще задавал себе эти вопросы Георгий. Он хотел жить здесь, среди осетин, как и его отец. Но где работать? Уехать куда-нибудь? А мать? Снова оставить ее одну он не мог.

Когда наконец приехал Мурат, Георгий поделился с ним своими заботами:

— Я как тот витязь на перепутье... По дому вроде все сделал: крышу подремонтировал, ворота новые навесил, ограду подправил. Теперь ума не приложу, что дальше...

— Может, заглянем в райком партии?

— К Бексолтану?!

— И к нему тоже...

— Ты в своем уме? На поклон к своему благодетелю, упекшему меня в Сибирь? Я его видеть не могу.

— Георгий... Конечно, советы давать легче, но тебе следует кое-что забыть, и напрочь. Времена были крутые, пойми...

— Ясно. Все нужно списать на время. С него не спросишь. А люди, значит, флюгеры?

— Такая вот полоса прошла, что делать?

— Я к Бексолтану за помощью не обращусь! Я ничего не забыл, ничего.— Георгий показал Мурату руку.

— Гляди. Догадываешься, от чего пальцы сплющены? Дверьми прищемили. А Бексолтан сидел в соседней комнате и ждал, когда я расколюсь...

— Может, и он чужую волю исполнял.

Георгий не ожидал такого поворота. Побледнев, он почти прошептал:

— А знаешь ли ты, отец духовный, что он троих политзаключенных пристрелил?.. За попытку к бегству...

— Откуда это тебе известно?

— Известно. Мне еще на передовой парень из Эльхотово рассказал. Он еще говорил, что звал с собой Бексолтана на фронт, а тот ответил, что ему и там неплохо. Конечно, что ни неделя, то посылка из дому — топленое масло, сало, чеснок к нему, на десерт фрукты... Чем не курорт? И вот он мюрид Революции, а я контра. Мурат, я ведь все время подозревал, что меня извалял в дерьме кто-то из наших друзей. Так оно и вышло...

— Кто?! — Мурат невольно вздрогнул.

— Наш эрзац-профессор, вот кто! Он был в восторге от Бексолтана, завидовал, что тот так круто идет вверх, ну, а я, как обычно, поднял его на смех, да и Бексолтану досталось.

Мурат был потрясен всем услышанным, хоть относительно Бексолтана, да и Тузара никогда особенно не заблуждался. Ну, что ж. Пусть хотя бы частично искупит свою вину сын Дзарахмета.

После долгих колебаний они под вечер явились в райком, застав, как они и рассчитывали, Бексолтана одного. Не говоря никаких официальных слов, Бексолтан крепко пожал руку Георгия.

Никто бы и не подумал, что из этих двух мужчин один так крепко задолжал другому, настолько обыденно выглядела их встреча.

Бексолтан пригласил их присесть, сам тоже присел в свое мягкое, удобное кресло. Перед ним сидел изрядно постаревший, спокойный человек, но в его глазах Бексолтан видел злые искорки и, кажется, насмешку. Но он не придал всему этому значения, да собственно, что можно было ожидать от человека, который испытал каторгу за свою контрреволюционную работу? Ему стало даже жалко его, но вспомнил осетинскую поговорку: «Пусть тот, кто тебя выпустил, прислуживает на том свете тому, кто тебя посадил». Бексолтан, сохраняя доброжелательный вид, сказал:

— Чем бы хотел заняться? Я готов помочь тебе.

— Не знаю, что и сказать. Институт не закончил. Там я многому не научился, деревообработкой занимался. Не знаю, на что гожусь,— сказал Георгий, но в его иронично прищуренных глазах так ясно прочитывалось: «Поймал бы тебя подаль-

ше от людских глаз, показал бы тебе, умытый собачьей кровью, на что я способен».

— Хорошо. На деревообрабатывающем комбинате что-нибудь подходящее найдется. Я поговорю с директором, загляни на днях...

На этом распрощались.

— Пропадет в человеке талант артиста — такой дар перевоплощения. А ты говоришь, флюгера... Ну, ничего, от паршивой овцы — шерсти клок. Тебе надо зацепиться, а там выкарабкаешься, друг мой,— успокоил Георгия Мурат.

Через несколько дней Георгий приступил к своим обязанностям экспедитора: раскредитировать вагоны с лесом, доставить деловую древесину на склад. Работа увлекла Георгия, потихоньку он отходил душой, хоть в тридцать семь лет первый раз принес матери зарплату...

* * *

Вернулся из заключения и Азанбег. На его лице не было видно и тени смущения. Невинный агнец... Вернулся в слякотный осенний день. И возвращение его односельчанам было столь же приятно, сколь приятен был этот день. Но «здравствуй» ему сказали, народ отходчив: пусть живет, собака! Только пусть бережется, не вынудит кого-то припомнить ему холуйство, пресмыкание перед немцами.

Азанбегу бы призадуматься, быть, что называется, тише воды, ниже травы, но известно, сколько волка ни корми...

Как-то он остановился у ворот дома Дзарахмета. Конечно, Дзарахмет уже не тот Дзарахмет, каковым был при немцах. Ничего предосудительного в поведении отца нынешнего хозяина района нет, да только Азанбег кое-что знает... И помнит.

Уже в день прихода немцев Азанбег успел привезти в дом Дзарахмета мешки муки, сахара и что-то там еще: люди — на тревогу, а Дзарахмет — в кладовку. Разве он, завхоз пищекомбината, мог допустить, чтобы добро досталось врагу?..

На стук вышел сам Дзарахмет.

Узнав о возвращении Азанбега, он проклинал бога, допустившего это, но быстро успокоился: Азанбег скорее всего успел кое-о-чем забыть и вряд ли станет беспокоить его. Времена не те. Но Дзарахмет ошибался. Змея, говорят, мяты боялась, а она у норы выросла... И вот он, кот обгоревший, тут как тут.

— Кого я вижу! Заходи, заходи, дорогим гостем будешь.

«Ой ли? Привезли бы мой труп — тебе бы куда приятнее было, старый лис»,— ухмельнулся про себя Азанбег, ступая за главой дома.

— Дзарахмет, я рад, что ты все такой же бодрый, полный сил. Всяческих благ твоему дому. Ни под одним ветром он не

пошатнется: глубокие корни держат его на земле. Когда-то мы с Бексолтаном были друзьями, кусок хлеба делили, но теперь он большой человек. А я... Ты сам свидетель: я не убивал, не воровал, не измывался над людьми. Думал, прикинусь другом немцам, а там своим хоть какую добрую услугу окажу. Да не зря говорят, что дорога в ад смазана медом...

Старик холодно молчал. И тогда Азанбег с улыбкой напомнил:

— Ты когда-то поддержал меня, уступив свою хромую лошадь... Я добро не забываю.

— Я тоже, Азанбег, я тоже...

— Сам понимаешь, какими глазами на меня смотрят. Я и не ждал, что выйдут встречать за околицу, ковры будут стелить. Но жить-то надо. И вот, думаю, пойду-ка к Дзарахмету. У человека широкая душа, не паскуда, по старой доброй памяти не оставит меня в беде...

«Гнида. Тебе бы следовало дать от ворот поворот, да уж куда ни шло, неохота связываться. Кинь кость — собака заглохнет»,— с раздражением думал Дзарахмет. Вслух сказал дружелюбно:

— Понял тебя. Я уже не у дел, но сыну скажу. Он чем-нибудь поможет тебе. Советская власть добрая, зла не держит, всем дает возможность стать человеком... А сын поедом себя ест, заботясь о людях.

— Наслышан, наслышан... Мне тоже немного нужно. Кладовщиком бы на какой-нибудь склад. Здоровье у меня подорвано. А там бы выписывал квитанции, то да се. Хорошо бы на склад лесоматериалов. И вам бы не помешали кое-какие дощечки...

Недели через три Азанбег получил ключи от склада лесоматериалов. Когда его спрашивали о месте работы, он скромно отвечал:

— Ну какую работу могут доверить маленькому человеку? Вкалываю грузчиком, что делать.

С первых же дней Азанбег приказал себе: не пить! Выполнять безропотно все, что намеком ли, прямо ли скажет директор. И вскоре вошел к нему в полное доверие.

* * *

В воскресенье Мурат приехал в Тагардон к родителям, а после обеда, перед отъездом в город, проведал и Шерпиловых. Георгия дома не оказалось.

— Уехал в город Жорка. Ой, Мурат, ты молодец, семья у тебя, сын. А наш...— мать Георгия пригорюнилась.

— Женится, куда ему деваться?

— Ох, дождаться бы этого дня, когда я понянчу внука... Нет, не думает он искать мне помощницу, не думает — все

что-то рисует, читает до полуночи, а днем — говорить нечего, вечно спешит куда-то.

— А в город зачем поехал?

— В институт, говорит, еду. Упустишь день — не наверстаешь и за год.

Попрощавшись с Натальей Григорьевной, Мурат уехал в город.

А на второй день чуть свет Георгий побежал к Бердзеновым.

— Мурат все еще спит? — спросил он Фузу, подметавшую двор.

— Он уехал. Еще вчера...

Георгий опешил:

— Как? Он же обещал, что... А где другие ваши?

— Нана и баппу тоже уехали, в горы, на похороны. Асланбег и Рима на работе. И я вот одна хозяйничаю.

В ситцевом платьице, простоволосая, она показалась ему такой близкой, родной. Погладить бы ее нежно, подхватить на руки и принести к маме: «Вот, мама, какая она, моя ненаглядная...» Он сам смутился от этой шальной мысли. Девушка одна в доме, нельзя ему задерживаться... Но и уходить не хотелось. Так он и стоял, растерянный, посреди двора, пока Фуза не окликнула его:

— Эй, парень, ты что, как вкопанный, стоишь? Лишний столб нам не нужен,— и засмеялась. Веселый смех девушки воодушевил его, и он выпалил:

— А зять вам тоже не нужен?

— Это смотря какой...

— Вот такой, как я, старик.

— Ну, это мою мать надо спросить, хочет ли она второго мужа?

— Эх, не попадай вам, Бердзеновы, на язык.

— Сам в зятья напрашиваешься...

— Я кроме шуток, Фуза...— Георгий подобрался, выкатил грудь колесом, одернул полы гимнастерки и торжественно сказал:

— У вас — товар, у нас — купец. Наталья Григорьевна христом-богом просит выдать вашу славную дочь за ее непутевого сына. Он живота своего не пожалеет ради счастья ненаглядной...

— Ха-ха-ха! — закатывалась Фуза. И, утирая ладошкой выступившие слезы, сказала: — Заблудился ты, казак, заблудился, здесь осетины живут.

— Точно! Мне к ним и надо! Фуза, я наказан богом, потому что мне нет жизни без тебя.

Фуза посерьезнела, отвела глаза. Ей нравился этот богатырь, но... Согласится ли отец... Да и мать...

— Фуза... Скажи, можно прислать к вам...

— Не знаю. Спроси у наших.

— И спрошу! — сказал «старик» и, не попрощавшись, перемахнул, как мальчишка, через забор.

16

И такое случается в жизни: ты убежден, что на пушечный выстрел не подойдешь к человеку, но какая-то неведомая сила влечет к нему, так, что ты больше не в состоянии противиться. В таком положении оказался сейчас Бексолтан: Клара как магнитом тянула его к себе, он помимо воли искал с ней встречи.

Он знал, что после будет каяться, ненавидеть себя за минутную слабость, но желание видеть Клару и поговорить с ней с каждым днем все сильнее овладевало им.

Может быть, он бы так и не решился на такое безрассудство, не подлей Пугач масла в огонь. С кем, говорит, вы думали, гуляет наша красавица Клара по темным закоулкам? С Муратом! Тут-то и захлестнула Бексолтана дикая ревность, окончательно подвинувшая его к встрече с ней. Он не исключал вероятности встречи в прокуратуре с кем-нибудь из знакомых, возможно, с самим прокурором республики. Для этого случая нужен был какой-то повод. И он нашелся.

С видом крайне озабоченного человека Бексолтан торопливым шагом поднимался на четвертый этаж серого здания. Оглянулся на легкий цокот каблучков и замер: Клара. Его обдало жаром, из головы вылетели все мысли. Растерялась и Клара, почему-то сбавила шаг и, прежде чем она сообразила идти дальше, Бексолтан воскликнул:

— Клара! Сколько лет! Вот так встреча!

Словно никогда никаких недоразумений между ними не было, словно по чистой случайности в узком коридоре сошлись старые знакомые.

— Добрый день, Клара. Как живется? Выглядишь замечательно, Клара,— казалось, Бексолтану доставляет величайшее удовольствие произносить ее имя.

Клара остановилась и невидяще уставилась на Бексолтана. Потом тряхнула головой, точно убеждаясь, что это не дурной сон, молча смерила его взглядом и взбежала по ступенькам.

Клара знала, что встреча с Бексолтаном неизбежна, и мысленно готовилась к ней, перебирая в уме слова похлеще, которые она бросит ему в лицо. Выскажет все, что думает о нем, даст ему пощечину. Почему же теперь растерялась? Растерялась и растеряла все свое негодование, все слова? Что ее удерживало? Наверное, страх, только липкий страх позора.

Она забежала в кабинет, рухнула на стул. К горлу подступили горькие слезы. Но тут ей пришла спасительная мысль, что она давно уже не та Клара и что она, наконец, находится на своем рабочем месте.

Бексолтан поднялся на площадку четвертого этажа, при-

слонился к перилам — можно было подумать, что человек страдает одышкой. Неужели он так постарел с тех пор? Ночной сад... Пьянящий аромат спелых фруктов. О, какую он тогда испытал радость: не обманула, пришла! И вот она трепещет в его крепких объятиях...

Бексолтан решительно оттолкнулся от перил: нечего ворошить воспоминания, раз пришел быком, то не возвращаться же коровой, мужчине не подобает играть с самим собой в прятки. Подумаешь, новоиспеченный следователь прокуратуры! Если на то пошло, то он первый секретарь райкома партии и депутат Верховного Совета республики и волен появляться в любом кабинете.

— Дозволено будет войти?

Клара, не поворачивая головы, ответила:

— Пожалуйста...

Он широко шагнул к ней и игриво заметил:

— Вижу, здесь не в обычае привечать гостей.

— У нас, как и всюду, незваным гостям оказывают подобающие почести — хочешь обидеться, обижайся, а нет — так садись, раз изволил осчастливить своим посещением.

Сколько ненависти и презрения можно выразить одним взглядом! Он даже смешался. В самую пору было с достоинством повернуться и уйти — извините, бога ради, я не туда попал, мне к самому прокурору нужно. Но прошла секунда замешательства, и он внутренне подобрался: «Не робей, или ты не сын Дзарахмета? Она всего-навсего презренная женщина, над которой у тебя была неограниченная власть. Женщина и в кресле следователя прокуратуры с длинными волосами и коротким умом, думает ушами — долго ли умеючи сделать ее снова ручной... Смири гордыню, и ты будешь вознагражден».

Бексолтан, задумчиво потерев подбородок, грузно опустился на жесткий стул, вздохнул:

— Эх, Клара, Клара, я ведь настроен на мирный лад, а ты... А еще говорят, что у женщины отходчивое сердце. Не спеши заносить топор над моей головой,— он настороженно посмотрел на нее, словно боясь, что она и в самом деле может замахнуться на него.— Ты всегда была красивой, но сейчас...

Он прикусил язык, почувствовав неловкость своего положения.

Клара, склонив голову набок, пристально смотрела на сидящего напротив мужчину. Как он ни силится скрыть внутреннюю тревогу, это плохо ему удается — глаза затравлены.

А взгляд Бексолтана блуждал по ней. Горячим, задыхающимся шепотом он произнес:

— Поверь мне, поверь, Клара! Я ни на один день, ни на один миг не забывал тебя. Я...

— Змея сама по себе прямая, да петляют дорожки, по ко-

торым ей приходится ползти. Изворачиваешься? Но я же ни о чем не спрашиваю. Если у тебя какое дело...

В глазах Бексолтана мелькнули злые огоньки. Загнул про себя матерщину и гневно подумал: «Как же низко я пал, когда с дрожью в коленях шел сюда, к этой... к этой шлюхе!» Но тут же его перебил другой голос: «Разве ты к ней шел — у тебя дело к прокурору, а с ней неожиданно столкнулись на лестнице... И не делай ее ровней себе, она, хоть и умопомрачительно красива, но женщина».

— Клара, ты, пожалуйста, не руби сплеча. Знаю, виноват перед тобой, но ты же не знаешь, каково мне пришлось самому. Разругался с родителями... Но вопреки их воле... Да что толку теперь жалеть? Поделом мне мои муки. Можно сослаться и на мою молодость, но... Нет мне оправдания, нет! А на Мисурат меня женили силком. И живем мы как собака с палкой. Она люто ревнует меня к тебе, и по-своему права: в моем сердце место только для тебя... К горю моему. А ты — в упреки...

Клара сокрушенно покачала головой:

— А я еще тешилась надеждой, что в тебе хоть что-то осталось человеческое, мужское хотя бы. Какое же ты ничтожество!

— Клара, напрасно горячишься. Если тебе что надо — ты только скажи, испытай меня. Я в любом деле тебе помогу. В любом! Квартиру там... По работе что... Прокурор со мной в дружбе. И в обкоме...

— Надо будет, в свое время и в обкоме узнают...

Бексолтан насторожился.

— Клара! Плюнь в мою могилу, если я хоть на один день выкинул тебя из памяти, если я...

— Не теряй зря драгоценного времени.

— Есть хороший совет у предков: «В гневе левой рукой хватай правую». Пусть я уже никто для тебя, но для Муратика я — отец.

— Не смей произносить это имя! — побелев, крикнула Клара.

Он хмуро спросил:

— Ты что задумала, женщина?

— Это мое дело.

— А кто тебе что сделал? Обидели тебя? А где свидетели?

— Вылезают-таки твои ослиные уши из-под маски. Поджилки трясутся? Конечно, трудно приходится под личиной, можно посочувствовать, но помочь при всем желании не могу.

Бексолтан, с грохотом отставив стул, шагнул к Кларе и открыл было рот, но лишь криво усмехнулся и попятился к дверям.

— Смеешься? Я к тебе всей душой, а ты, значит, насме-

хаться? Но попомни: по-настоящему смеется лишь тот, кто смеется последним.

Уткнувшись в бумаги, Клара смертельно усталым голосом сказала:

— Дышать больше невмоготу одним воздухом. Уходи. Когда в том будет нужда, тебя не забудут, вызовут. А это, поверь, будет.

Крепко сжав ручку двери, Бексолтан прошипел:

— Я надеюсь, в тебе одержит верх благоразумие. Иначе ставка окажется не по тебе.

* * *

Против обыкновения Мисурат проснулась позже шести утра. Проспала-то всего ничего, но Бексолтан уже ушел. Первая мысль была взять и уснуть снова, осточертела ей вконец такая жизнь под контролем. Вещи мужа в беспорядке висели на спинках стульев. Каждый день — новые наряды. Последнее время он вообще какой-то издерганный, взвинченный. Что-то гложет его, лишает покоя. Но что? Безошибочным женским чутьем она чувствует, что разлад в его душе связан не с работой.

В ночной рубашке Мисурат подошла к трюмо. Мало радости доставило ей зеркало — на нее смотрела изможденная женщина. Можно понять Бексолтана, если он кого завел на стороне...

Мисурат оделась, вышла во двор. Солнце уже поднялось над горами, пронзило светом зеленые кроны растущих в тиши двора деревьев. Двор тщательно подметен свекровью — в немой ей укор... Вот и она сама. В вызывающе пестром платье. Ни словом не обмолвилась, только метнула на сноху укоризненный взгляд: что, проснулась, лежебока?.. Что она сама — хозяйственна, сноровиста, расторопна — этого у Фаризат не отнимешь. Недаром ею так доволен Дзарахмет. Фаризат понимает своего мужа с полуслова, с полувзгляда. Она угадывает его желания даже в его отсутствие. Потому-то и Бексолтан, и свекор в один голос твердят Мисурат, чтобы она во всем следовала советам Фаризат, училась ее умению вести хозяйство, без ее ведома и соломинку не сдвигала с места. Но добились обратного: Мисурат возненавидела свою примерную во всех отношениях свекровь.

... Как-то соседская старушка взмолилась: «Одолжи, Мисурхан, хоть пригоршню кукурузной муки, внуков нечем кормить».

Не дожидаясь Фаризат, которая куда-то отлучилась, она дала соседке чашку муки крупного помола на кашу. Когда свекровь вернулась, Мисурат рассказала ей все. Та в ответ промолчала. Мисурат это истолковала по-своему, мол, подумаешь, пустяки, не обеднеем. Да не тут-то было! Фаризат после этого

не разговаривала с ней неделю, все хмурилась, бросая на нее колючие взгляды.

Беда, как говорят, не приходит одна. Проспала утром, не проводила мужа на работу. И... Возвращаясь из школы домой, она приметила двух своих учеников, крутящихся у их забора. Воровато оглянувшись, один из них подобрал палку и запустил ею в абрикосовое дерево. Конечно, ничего не сбил: абрикосы только-только начали желтеть.

Когда мальчик снова приготовился запустить палку, он краем глаза увидел приближающуюся Мадинат, и оба бросились было наутек, но она громко окликнула их по именам. Они остановились, повинно уронив головы.

— Ну что, хороши абрикосы, говорите? Аж слюнки текут?

Мальчишки зашмыгали носами.

— Эх, вы, гроза садов,— она распахнула перед ними калитку в сад.— Идите и нарвите немножко, да поживее, не то застанет вас Фаризат и уши надерет...

В мгновение ока ребята оседлали дерево. Но только они из сада — навстречу им Фаризат.

— Это я им разрешила,— упавшим голосом сказала Мисурат.

Фаризат повернулась к ней:

— Сама голь перекатная, и к голытьбе тянешься! Пусть они подавятся! Щедрая... за чужой счет!

* * *

Вечером Бексолтан, как всегда, первым долгом заглянул к старикам.

— Не поссорился ли с кем, чего такой хмурый? Или нездоровится? — встревожилась мать.

— Да нет, просто устал.

Мисурат при появлении мужа тоже хотела поинтересоваться его состоянием, но когда встретилась с холодным взглядом его серых глаз, все слова застряли у нее в горле.

— Постели мне, что-то нездоровится...

Мисурат сложила покрывало, откинула одеяло, взбила подушку — все делала нарочито медленно, с явным вызовом. Но муж не обратил на это никакого внимания, молча разделся и лег. Она ждала, что он все-таки заговорит первым. Нет. Молчит. Мисурат уже не сомневалась, что Фаризат снова устроила сыну скандал за бестолковую и расточительную жену.

И тут ее прорвало:

— Если я вас не устраиваю, скажите прямо! Что ты так недобро смотришь на меня? Виновата в чем — скажи, упрекни, научи, наконец! Ведь ты же у нас воспитатель масс, вождь целого района!

Бексолтан, потянувшись, притворно зевнул.

— Что ты зеваешь, как бегемот? Твоя мать вечно всем не-

довольна, вечно колет мне глаза моим происхождением, попрекает куском хлеба. Разве твои родители не знали раньше, что я сирота, что я из бедной семьи? Почему у меня в этом доме нет никаких прав?

Ему не хотелось отвлекаться от своих мыслей, занятых Кларой. Он все еще находился под тягостным впечатлением от разговора с ней, неотвязно думая о том, какую пакость способна выкинуть эта скверная женщина. Надо что-то предпринять, заблаговременно оградить себя. А тут еще эта...

— Чего ты раскудахталась? Чем тебе не удружили мои родители? Только по делу и требует с тебя мать, а ты...

— Твоя мать, она... Она...

— Не тебе судить о ней, лучше посмотри на свою мать.

— Что? Твоей матери семь раз еще надо родиться, чтобы... Дунетхан на людей хоть волком не смотрит, а твоя...

Как ни странно, но брань жены успокоила Бексолтана. Теперь ему казалось, что начало всех его бед не Клара, а вот эта женщина, женившая его на себе. Он с ухмылкой бросил:

— Другая бы на твоем месте стелилась перед ними ковром, пятки бы им лизала...

— Ах, вот что вам нужно! Чтобы я вам пятки лизала, чтобы я на вас в день три раза молилась? Как же, ведь снизошли! Не побрезговали сиротой! Для своего выдающегося сына! Он не кто-нибудь, а голова района! Почему бы нищенке, оказавшейся в хоромах Дзарахмета, не лизать их благородные пятки из благодарности, и еще радоваться, что разрешают!

Бексолтан сейчас завидовал ее никчемному горю: ей бы на шею эти разоренные колхозы, разносы со всех сторон — вот бы тогда взвыла! У него и так голова кругом ходит, никак не удается сделать что-нибудь такое эпохальное, чтобы окончательно завоевать расположение Амурхана. А тут еще эта шлюха пощекотала ему нервы! Как бы он был счастлив, если бы не встретил ни эту жену-сороку, ни ту красавицу-стерву. Лучше бы он сегодня пошел к Меретхан. Только она одна понимает его, только с ней он отдыхает душой.

Отвернувшись к стене, Бексолтан заговорил так, словно продолжал рассуждать с самим собой:

— Хозяин района должен быть без сердца, он вполне может обходиться без душевного тепла, ибо он не живой человек из крови и плоти, а каменный идол.

— Ого-го! Бедняжка, как он измучен, как только он еще держится на ногах. Этот верный семьянин. Что вы, что вы! И думать не смейте, чтобы он изменил жене. Ни-ни! Ну разве что раз в неделю, или когда улетает в отпуск с какой-нибудь в Крым... Он же первый секретарь райкома партии! Он всего добился сам. Он бескорыстен. Он и женился на бедной девушке исключительно из-за своего благородства. Он и не знал, что свояк занимает такой высокий пост, что он друг Дзамболата!

— Нужен мне твой зять,— сказал Бексолтан, не меняя позы.

— И я говорю, что не нужен. К чему тебе человек, выведенный из игры? Ни к чему! Был на днях в Тагардоне некогда тобой горячо любимый Дзамболат. Прости уж, что не предупредила тебя, думала, зарежешь барана в честь названного старшего брата, а мне опять готовить, париться у плиты, помогать тебе запихивать в машину Дзамболата гостинцы...

— Заткнись, дура! Я в друзьях недостатка не испытываю. А Дзамболат твой еще легко отделался. И, вообще, все это не твоего ума дело. Потуши свет, я спать хочу.

17

Бексолтан положил перед Александром разграфленный лист плотной бумаги.

— Вот наши наметки. Обсудили на бюро и приняли единогласно.

— Остается только выполнить? — Александр невесело усмехнулся, пододвинув к себе лист, углубился в него.

В его бытность секретарем райкома партии с гектара брали от силы семнадцать-двадцать центнеров кукурузы в зерне. И лишь сорок седьмой год был особенно урожайный, рекордный: в среднем по району собрали по двадцать семь центнеров. Только до войны удавалось выращивать побольше, но тогда и рабочих рук было с избытком. Подумать только! В прошлом году Тагардонский район, оказывается, получил по двадцать семь центнеров? А сдали государству из расчета на гектар по девять центнеров? Куда же девалось остальное? А теперь обещают добиться урожайности в сорок пять центнеров! Надаивать с каждой фуражной коровы по три тысячи пятьсот килограммов — молочные реки потекут! Ишь, замахнулись... Александр отодвинул бумагу, оглядел членов бюро.

Бексолтан по-своему истолковал его жест: ничего интересного, приняты не ахти какие обязательства.

— Обком и Совет Министров прислали нам контрольные цифры. Мы взвесили свои возможности и приняли повышенные...

— Не повышенные, а завышенные. Одно в толк не возьму: как вы их выполнять-то думаете? Это все равно, что принять обязательство к концу пятилетки каждого колхозника научить поднимать одной рукой два арбуза.

— Наши обязательства реальные. Они согласованы с Амурханом. Он их одобрил.

— Это понятно. Но за счет чего вы думаете поднять урожайность до сорока пяти центнеров, надои — до трех тысяч пятьсот? Нужны трактора, культиваторы, другая техника.

Нужны районированные семена, минеральные удобрения, поливная вода, необходимый запас полноценных и разнообразных кормов. Где вы собираетесь все это взять?

— Будем закладывать на силос кукурузу молочной спелости. На горных лугах заготовим сено. Будем возить барду. Найдется и фуражное зерно...— Бексолтану вроде неудобно было говорить такие простые вещи. Он и сейчас не сомневался, что как хозяйственник стоит на голову выше Александра — пусть это видят и члены бюро и еще раз убедятся, что в свое время он по праву сменил его на этом посту.

Александр знал, что члены бюро будут молчать. Вон Майрам ведет себя так, словно он здесь гость, которому не следует вмешиваться в дела хозяев, в дела чужой семьи. Другие тоже прячут глаза. Понятно: он уедет а им работать с Бексолтаном. И как ему возразишь, если он, как щитом, прикрывается именем Амурхана...

— Планы куда как отличные. Только я все же сомневаюсь в их реальности. И мой совет вам: прикиньте еще раз свои возможности, вскройте резервы. Дать слово легко, сдержать трудно. Я не хочу, чтобы нам всем потом пришлось краснеть. Или — привыкли?

— Как будет угодно,— согласился Бексолтан, злорадно подумав: «Амурхан тебя не поблагодарит за обрезание наших крыльев. Он в гору нас тянет, а ты...»

— Не мне это угодно, Бексолтан, не мне. Посоветуйтесь еще раз и с Амурханом.

— Вы же знаете, что Амурхан не любит менять своих решений.

— Правильно, не любит. Но еще больше не любит, когда его вводят в заблуждение... Когда мы обманываем народ.

Бексолтан сдался:

— Ладно, мы еще раз обмозгуем,— улыбнулся он.— Но только не сегодня...

— Никто вас и не торопит,— Александр встал, собираясь уходить.

Остальные продолжали сидеть, словно чего-то еще ожидая. Бексолтан, радушно улыбаясь, сказал:

— Делам не видно конца, пора бы и перекусить... Александр, мои старики выгонят меня из дому, когда узнают, что ты был здесь и я не пригласил тебя. И чего я мнусь! Приглашаю всех ко мне домой!

— Меня ждут... Я остановился у Аузби...

— Аузби не обидится, а вот мои могут, скажут, что ты зазнался и обходишь их стороной.

Александр замялся. В словах Бексолтана он уловил прозрачный намек, мол, раньше не отказывался от приглашения, а теперь, когда стал секретарем обкома партии...

* * *

Аузби заметно сдал. Лицо осунулось, поблекли глаза, борода и усы стали совершенно белыми. Но голос был по-прежнему тверд, а ум ясен.

— Район замахнулся на большие дела. Планы у Бексолтана грандиозные. Если выполнит — всех обставит.

— Сын Дзарахмета наобещает. Но, к сожалению, не только он страдает этой болезнью. Кругом слишком много слов—что там весеннее половодье Тагардона! Есть одна никудышняя порода кур. Снесет яйцо и кудахчет без умолку чуть ли не целую неделю. Я газеты уже не читаю, младших иногда прошу. Но радио... О аллах! Пустословие! Трескотня! Конечно, тебе признавать такое не полагается по чину.

Александр не прерывал старика, дал ему выговориться, потом повернул разговор:

— Говорят, что председатель колхоза Арсамаг серьезно приболел. Жалко его, толковый хозяин. В райкоме пожаловались мне, что никак не подберут человека на место Арсамага и просили прислать кого-нибудь...

— Давно хворает Арсамаг. Бывало, потеряв голову от разных указаний сверху, порол сгоряча чепуху, а так сам по себе добрый хозяин. Жалко его, рановато прощается с жизнью. Считай, и не пожил, не видел жизни,— старик подавленно помолчал.— Просят, говоришь, прислать ему замену? Не первый раз хотят прислать в наш колхоз человека со стороны. Присылали и до этого. Думали, что в иных краях толковее наших. Пусть присылают. Посмотрим. А я так думаю: есть у нас в селе толковые ребята, которые родились здесь, выросли на этой земле, пустили в ней корни. Если у райкома нет подходящей кандидатуры, то у меня есть: Асланбег, сын Татари.

— Не слишком молод?

— А ты не в двадцать шесть стал секретарем райкома партии? И уж совсем юнцом был директором школы.

— Председателем колхоза куда труднее,— Александр встал, прошелся по комнате.

— Вот поэтому и советую Асланбега. Он получил хорошую закалку. Был звеньевым, бригадиром. Ты бы только посмотрел, сколько в нем огня, энергии. Приди завтра к моей могиле, если я ошибаюсь в этом парне. Он ляжет костьми, но не подведет. И к чему вообще долгие речи? Ты не поленись, прямо с утра наведайся в его бригаду, поговори с людьми.

Александр так и сделал. До самого вечера пропадал на поле, говорил с односельчанами. Точно сговорившись, все в один голос хвалили, возносили Асланбега. Напоследок Александр завернул к Знауру.

Он уже издали заметил долговязую фигуру на краю кукурузного поля.

— Да тучнеть ниве твоей, Знаур.

— О! Александр! Вот так гость!

— Добрая кукуруза вымахала на твоем поле. Я прикинул про себя и думаю, что не менее сорока центнеров даст гектар.

— Гм, полюбуйтесь-ка на него! Корову нашу принимает за козу.— Знаур хитро прищурился.— Ты не жадничай, накинь еще с десяток, а то и больше.— Он стянул с головы черную войлочную шляпу, сложил ее и засунул за пояс.— В гектаре у нас минимум пятьдесят тысяч ростков. На каждом стебле по одному початку — это гарантия, но будет и по два, и по три. В початке сто двадцать граммов зерна. Вот теперь пощелкай на счетах. Но, слов нет, дорого нам достанутся эти граммы. Обрабатывающей техники, считай, нет, больше тяпками да руками работаем. Не подумай, что жалуюсь, нет. Но... Ты вот что мне скажи.— Знаур подбоченился.— Я от тебя ничего не прячу. И ты будь откровенен. За кого это нас там, наверху, принимают? Что ни день, новое указание, вроде того, в какой руке держать вилку, а в какой нож. На днях заявляется к нам сын Дзарахмета: «Ваши посевы загустели, надо прополоть!» А сам на эти самые густые всходы и не посмотрел. А я на брюхе полз и считал. Вслух поддакиваю ему, а про себя почему бы и не послать его куда подальше?.. Мы всю зиму возили навоз, удобряли. Зима тоже подкинула нам снега. А сыну Дзарахмета изреженных посевов захотелось.

— И часто получаете такие указания?

— Через день! На каждый росток хватит указаний.

Они медленно пошли к шалашу, сплетенному из хвороста орешника и накрытому соломой, где можно было спрятаться от дождя и отдохнуть от палящих лучей солнца.

— Хорошо здесь, тихо. Ты один бываешь здесь?

— Пусть враг твой будет один... В село поехали привести себя в порядок. Сегодня как никак день всевышнего.

— Да,— думая о чем-то своем, сказал Александр.— А как сыновья твои? Давно я их не видел.

— Не в обиде я на них, ничего плохого не могу сказать.

— Богатый ты, Знаур! Такие дети у тебя. И счастливый...

— Насчет богатства — да, пожалуй. А счастливый... Как тебе сказать?..

— Говори, как есть.

— И скажу. Татари дома всегда такой тост произносит: «Пусть в нашем селении беднее нас не будет». Что с того, Александр, если одна моя семья будет сыта, обута? Надо, чтобы все,— Знаур помолчал, потом сказал с каким-то глубоким недовольством: — Порядка нет, порядка. Нашу жизнь, Александр, я так понимаю: я должен думать о тебе, а ты обо мне. Особенно если ты находишься на верхнем этаже. А этого, по-моему, нет. Каждый думает о себе, вот отсюда и все беды.

— Может быть, ты и прав,— задумчиво сказал секретарь

обкома.— Ты мне вот что скажи, Знаур. Колхозы района уточняют свои планы на пятилетку. Говорят, ваш район начнет получать по сорок пять центнеров зерна с гектара.

— Где? Кто?

— Район в целом.

— Когда?

— Через два года.

— Эх, Александр, развелись у нас танцоры на канате. А я бы так сказал: слезай-ка, милый человек, на землю и вот тут и танцуй. В поле с трактором, с тяпкой... Ко мне тоже не так давно один из райкома пристал, ты бы не смог, говорит, вырастить по восемьдесят центнеров зерна на гектаре? Почему бы нет, отвечаю. Заставил же я жену подряд родить четырех сыновей! Смех смехом, но в наших условиях сорок пять по району невозможно. Даже по колхозу. Бригада какая или звено — может. Ты сам лучше меня знаешь, что для этого надо. Хорошие семена, орошение, удобрение, техника... И платить надо, платить. Вырастил по сорок — государству, а что сверх— мое. Тяжко целый день размахивать тяпкой. И считай, что с каждым днем этих махателей становится все меньше. Все в интеллигенты пошли. В галстуках ходят. На высоких каблучках. В белых перчатках.

— К сожалению, ты прав, Знаур. Еще один вопрос. Только, как говорится, пусть будет между нами. Ты не подумал о том, что у вас скоро не станет председателя?

— Я? А разве мне об этом думать? И кто меня спрашивать будет? Сын Дзарахмета, что ли?

Александр давно заметил: многие тагардонцы называют Бексолтана сыном Дзарахмета, как бы с намеком, мол, яблоко от яблони...

— А если бы тебя, Знаур, попросили назвать человека, достойного быть председателем?

— Я бы поинтересовался, какой человек нужен. Такой, который угоден сыну Дзарахмета и Майраму? Или даже тебе? Чтобы он и дело разумел, и столы вам за наш счет накрывал?..

— Нет, не такой, а угодный вам, колхозникам, угодный делу.

— Человек дела? Нет, такого не знаю, не припомню. С меня лично достаточно и нашего бригадира. Он нас понимает, мы его. Асланбег весь на виду, без двойного дна. Знает землю, любит ее, чувствует. Работает за семерых. Не все те, кто ходит в брюках и носит усы,— мужчины. Асланбег — да, он мужчина. Я еще добавлю... Асланбег такой мужчина, которого, будь на то моя воля, я назначил бы министром по земле.

— Спасибо, Знаур.

18

«Если задействуем все резервы,— думал Амурхан,— используем все возможности, не будем щадить себя, можно быть уверенным, что в ближайшие годы справимся с задачами, успешного решения которых требует партия».

И первый секретарь делал для достижения этой цели все, что мог. Он старался четко придерживаться всех многочисленных указаний и директив, которые поступали из Москвы. Своих решений и постановлений, принимавшихся во имя поставленной высокой цели, тоже было больше чем надо. Находились и исполнители в многочисленном аппарате обкома партии, Совета Министров и его подразделениях.

Вот и сегодня, с самого утра перед ним на огромном дубовом столе лежит пухлая красная коленкоровая папка со всевозможными и важными постановлениями ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Госплана СССР, письма из разных министерств и ведомств, постановления горкома и райкомов КПСС со всевозможными просьбами к обкому партии, письма с колхозов и совхозов...

Как правило, он просматривает часть почты, потому что львиная доля писем и документов, если они даже адресованы лично ему, поступают к другим секретарям, заведующим отделами, их заместителям... Этим важным вопросом—распределением писем — занимается целый отдел.

Амурхан просматривает, изучает документы и на специальных бланках, приклеенных к ним, пишет резолюцию. Он любит эту работу, выполняет ее с удовольствием, верит в силу документов, особенно когда поступают бумаги из центральных органов с грифами «Секретно» или «Строго секретно». «Подготовить вопрос на бюро», «Решить», «Принять меры», «Доложить о принятых мерах тогда-то и тогда-то»... После каждой подобной резолюции он считает дело почти решенным если не полностью, то хотя бы наполовину. А если к этому добавить то, что на многих документах, которые он просматривает, появятся потом еще резолюции и других секретарей, которые их тоже кому-то направят (не им же самим, в самом деле, решать и претворять все!), то у Первого создается иллюзия порядка и благополучия в делах.

Но это было только частью многогранной деятельности первого секретаря обкома, а также других руководящих органов республики.

Многочисленные заседания бюро обкома (три раза в месяц) пленумы раз в два-три месяца, сессии Верховного Совета и заседания его Президиума, заседания Совета Министров, многочисленные большие и малые совещания и собрания, заседания бюро горкома и райкомов партии, горисполко-

ма и райисполкомов, обкома, горкома и райкомов ВЛКСМ, заседания коллегий министерств и госкомитетов, партийные и профсоюзные собрания, отчеты и выборы в первичных и районных парторганизациях, и особенно областные партконференции, где Первый, как правило, выступает с двух-трехчасовым обстоятельным докладом. И это не что иное, как настойчивое движение к коммунизму. Во всяком случае, первый секретарь в этом не сомневался.

Эта убежденность в нем поддерживалась и утверждалась также устными указаниями, которые шли из центра, речами и докладами в высших инстанциях, участником которых он оказывался и сам.

Все изменения в структуре руководства народным хозяйством: создание совнархозов, районных колхозно-совхозных производственных управлений, еще раньше ликвидация МТС, обобществление последних коров у колхозников под тем предлогом, что колхозы и совхозы будут в состоянии обеспечивать дешевым молоком всех, денежная реформа, ликвидация в буквальном смысле личного рабочего скота (на плоскости у некоторых имелись ослы, а в горах — даже лошади. Ослов собирали, грузили в самосвалы, вывозили и сбрасывали с высоких обрывов, а лошадей гнали на мясокомбинат и превращали в колбасу) — все эти решения, исходившие из центра, преподносились народу, в том числе всякого рода руководителям как могучие рычаги для подъема экономики страны и решения продовольственной программы. Обо всем этом неустанно вещал самый большой в стране человек, и со всеми другими первый секретарь обкома каждый раз горячо аплодировал ему. Аплодировали и ему самому, он принимал это как знак всеобщего одобрения и как особое уважение к его личной персоне. Аплодисменты и одобрительные речи участников собраний и заседаний по заранее написанному тексту еще больше вселяли в него уверенность в успехе строительства социализма и коммунизма. Он, хотя и не слишком часто, посещал заводы, стройки, колхозы, совхозы, общался с передовыми работниками, даже обменивался с ними теплыми рукопожатиями, случалось, и шуткой. Ни разу не приходилось слышать неодобрительного слова в адрес руководства, а редкие сетования на отдельные неудобства и недостатки, вроде того, что в полевом стане или на ферме нет ни радио, ни телевизора, ни газет, не портили общего приподнятого настроения, и, как правило, эти упущения быстро устранялись.

Колхозники и рабочие совхозов аккуратно получали зарплату независимо от конечных результатов их труда. Такая система оплаты труда имела ту замечательную особенность, что превращала колхозника из поставщика на городской рынок продуктов сельского хозяйства в покупателя на том же рынке, и в государственных магазинах.

Первый секретарь, естественно, не мог подсчитать, кому за что платить. Важны были общие конечные итоги производства зерна, молока, мяса, яиц. И эти конечные итоги получались неплохими. Первый не мог уследить за всем, да и второй, третий и четвертый тоже, чтобы знать, кто на самом деле сколько центнеров получил кукурузы, кто сколько произвел мяса, молока, яиц. Средства массовой информации, тонкие и толстые журналы внушали всем, в том числе и руководителям, что продуктов и приличных промтоваров мало в магазинах потому, что намного выросла покупательская способность населения. Отсюда и большие очереди. Ни Первый, ни Второй, ни другие высокопоставленные, ни их домочадцы не бегали по базарам, по магазинам, не стояли в длинных очередях за килограммом мяса, не вставали в пять часов утра за литром молока, не покупали у спекулянтов втридорога приличные сапожки. Все это им привозили домой сердобольные товарищи из Минторга или Севоспотребсоюза, дабы не отвлекать их от дела строительства коммунизма.

Раздался характерный звонок междугородной. Прервались радужные мысли, но мажорное настроение Амурхана не успело исчезнуть совсем, тем более, что на другом конце провода послышался бодрый голос Бексолтана.

— Нижайший поклон вам, Амурхан Николаевич, от всего Тагардона.

— Привет тебе, дорогой, привет,— отвечал Первый.— Что хорошего?

— Все было бы не просто хорошо, но прекрасно, если бы иметь дело только с вами.

— Кто же тебе опять помешал?

— Ваш историк. Мы с вами шагаем в гору, а он нас тянет назад. В болото. Наши обязательства, одобренные вами, он высмеял, поиздевался над ними. Я ему говорю, что они согласованы с вами, а он свое: не годятся. Даже антигосударственными их назвал...

Да, Первый сам выбирал кадры, подвергал их строгому отбору с тем, чтобы потом работать спокойно, не боясь подвоха. И в огромном потоке обширнейшей информации он чувствовал себя, как форель в бурной горной речке. Но иногда случалось и вот такое. Сразу же после звонка из Тагардона он попросил Александра зайти.

— Ну, что у них нового? Какое впечатление от дел?

— Новостей особых нет. Кукуруза местами обещает приличные урожаи...

— Мне передали, что ты устроил тагардонцам форменный разнос по поводу принятия ими повышенных социалистических обязательств. Это верно?

— Не совсем так... Я действительно высказал сомнение... По-моему, они как следует не обдумали свои планы, приняли их скоропалительно. Под обязательствами нет реальной основы,— Александру показалось, что он говорит «в воздух», что Амурхан занят исключительно своими мыслями и не слушает его.

— Слушаю, слушаю,— Амурхан словно угадал его мысли.— Продолжай, пожалуйста...

— Я пришел к выводу, что у нас зарождается нездоровая тенденция,— при этих словах Александра Амурхан тяжело приподнял голову, прищурил глаза: ну-ка, ну-ка! Однако начальственный взгляд не смутил Александра.— Амурхан, если мы будем потакать тем, кто берет на себя заведомо дутые обязательства,— лишь бы кукарекнуть, а там и не рассветай,— то сами же приучим их замазывать нам очки.

Амурхан уже не отрывал своего тяжелого взгляда от Александра: ах, вот оно что, вот, оказывается, он каков — уму-разуму его учит... Возможно, в глубине души Амурхан сам сомневался в разумности принимаемых в районах обязательств, но его завораживала магия высоких цифр и ему не хотелось разуверяться в их реальности. Он был убежден, что робость делу помеха, что без определенного риска дело не двинешь, застрял — выбирайся рывком, одним могучим рывком! Арба увязла в непролазной трясине — что делает аробщик? Нещадно нахлестывает серую в яблочках, чтобы она, поднатужившись, вложила всю свою недюжинную силу в один отчаянный рывок. Александр же предлагает впрячь в арбу деда, бабку, внучку и мышку... Отвернувшись, Амурхан сухо сказал:

— Зря ты им связываешь крылья, лишаешь людей энтузиазма и инициативы... Ни Бексолтан, ни Майрам не производят впечатления легкомысленных людей. Думаю, что они отдают себе отчет в том, что их ожидает, если они... Позвони и скажи им, что одобряешь их инициативу.

«Его не переубедить, раз ему втемяшилось в голову — все слова на ветер»,— думал Александр. Он понимал и Амурхана, и Бексолтана, и им подобных «энтузиастов»: невтерпеж отличиться, сорвать лавры, имя, только ведь по мановению волшебной палочки хозяйственные дела не вершатся. Необходимо оценить свои силы и возможности, с карандашом в руках подсчитать резервы, посоветоваться с людьми, трезво взвесить все... Но тогда лавров не видать.

— Эти высокие цифры взяты с потолка, никакая это не инициатива, а чистой воды маниловщина,— Александр начал терять хладнокровие. — К чему им еще мое благословение, если они советовались с тобой и ты сам, как они мне заявили, полностью одобрил эти прожекты — по-другому я не могу их назвать. Только не подумай, что я страхуюсь на всякий непредвиденный случай, нет. Просто не приемлю пустозвонства людей,

которые важнейшие вопросы решают в кабинетах. Оно порочит дело партии...

Амурхан нервно стучал пальцами по столу. Школьный учитель, преподаватель истории, никак не отвыкнет от привычки поучать, наставлять. Там, где решительно следует перейти от слов к делу, пасует, уходит в тень. Послушать его, так получается, что кроме него никто не печется об авторитете партии, не оглядывается в делах своих на народ. Какое болезненное самомнение у человека! Ишь ты, не приемлет он пустозвонства, а мне оно в самый раз. Жаль, жаль — не сработаться нам, видать, вместе...

19

Бексолтан был в приподнятом настроении. Еще бы! Кукуруза в нескольких колхозах просто радовала глаз. Пугач знал, когда затевать душевные разговоры.

— Когда это везло бедняку! — ворчал он.— И раньше на бедняка камень вверх катился, и теперь. А сердце же у всех одно. И не скажешь...

— Разве на свете есть такое, что тебе было бы неудобно сказать? — Бексолтану доставляло удовольствие подтрунивать над своим шофером.

— Появилось и такое... Набраться наглости, и подойти к ней?

— Это к кому?

— Да к Кларе. Остается бухнуться ей прямо в ноги.

— Тогда пиши пропало. Женщины слюнтяев не любят.

— Будь моя воля, я бы запретил межнациональные браки. А то что получается — русский взял себе в жены одну из самых красивых девушек Осетии. И даже неизвестно, в каких морях он плавает. Чтоб он утонул...

— А я-то думал, Пугач, что ты давно вырос в мужчину, а ты, оказывается, еще мальчишка. Мне бы твои годы!

— А мне бы твою должность!

— Дурак ты, Харитон, дурак. Женщине нужен мужчина, а не его должность. А чем ты не завидный жених? Без пяти минут выпускник техникума совторговли.

— Благодаря тебе...

— Никто тебя не спрашивает, какому богу ты молишься и до кого доходят твои молитвы. Я хочу в самом скором времени перевести тебя в райпотребсоюз, хоть мне и будет жаль с тобой расстаться. Что ни говори, а толковый ты малый...

— Да я... Я тебя и в раю не забуду. Скольким тебе обязан!

— Нечего дожидаться даже диплома, так скорее пройдешь нужную практику.

Пугач получил аттестат зрелости из рук Тузара, директора Тагардонской средней школы,— естественно, по Бексолтана

звонку. Потом Пугач стал студентом-заочником техникума советской торговли. Бексолтан за это признательно чмокнул в щеку Меретхан.

— Все это мелочи жизни, Пугач. Есть дела поважнее...— он резко переменил тему разговора.— Хорошая стоит погода. Продержалась бы до конца уборки.

Но Пугач определенно был настроен лирически.

— Мне мечтать о Кларе, все равно что шумовкой воду набирать. Она для какого-нибудь большого начальника... Вот если бы ты подмигнул ей — на край света бы за тобой босиком по колючкам побежала.

— Пугач, тебе не кажется, что ты делишь тушу неубитого тура? Мне такие бездушные куклы не нравятся.

Пугач слишком хорошо знал своего шефа, чтобы поверить ему. Не один раз ждал его в укромном месте, пока он занимался своими сердечными делами с Меретхан. Бывало, и до утра приходилось. И такой блудливый кот... Может, он ждет, когда он, Пугач, создаст ему условия?

На следующий день Пугач, доставив Бексолтана в обком партии, сразу же развернулся и подъехал к парикмахерской. Побрился, надушился и направился прямиком в прокуратуру.

— Ас-салам-малейкум, товарищ прокурор!

— Здравствуй, Пугач. Ты напугал меня,— Клара рассмеялась.— Ну, рассказывай, какие новости в родных краях?

— Больших новостей нет, но есть приятные. Например, скоро ты сможешь поздравить меня с окончанием техникума.

— Ну, это совсем хорошо. Непременно поздравлю. Но я чувствую, ты по делу пришел...

— Да, ты угадала. Дело вот какое. Отец оставил мне дом. Я пустил на квартиру каких-то дурных людей. Комнату им сдал, а теперь не выкурить. Пока, говорят, не получим квартиру, шагу отсюда не ступим. Обращался и в милицию. Сказали, что ничем помочь не могут. Как же так? Дом мой, а они не уходят. Я хочу продать его и переселиться в город. После техникума думаю поступить в институт — не буду же бегать на уроки из села!

— А у них, наверное, дети есть?

— Есть. Откуда узнала?

— Да чувствую. Но я дам тебе совет...

— Какой?

— Ты попроси, чтобы твой шеф помог той семье с квартирой.

— Не-ет, ничего не получится. Вот если бы ты его попросила...

Клара насторожилась.

— Почему я?

— Никто не устоит перед красотой, и он тоже.

— Секретарь райкома партии что-то делает из-за красивых глаз? Не смеши меня, Пугач.

— Он же мужчина! И ты ему...

— Хватит об этом, Пугач.

— Клара, я принимаю твой совет. Но и ты прислушайся к моему совету.

Клара с улыбкой ждала.

— Было бы неплохо, если бы ты пообедала со мной.

— Я пока не могу, у меня еще срочные дела.

— Тогда и я буду голодать.

— А ты настырный.

— Да, такой. Жаль, должности нет, а то бы...— Пугач не договорил, увидев, что Клара задвинула ящики стола.

После ресторана, проводив Клару на работу, Пугач поехал за Бексолтаном. У него прямо язык чесался скорее рассказать ему все. Конечно, не все, но кое-что.

— Пока ты сидел в обкоме, смотался в хозмаг — Дзарахмет просил привезти краску для ворот. Выхожу оттуда и прямо нос к носу столкнулся с Кларой! Куда ты, да как ты, туда-сюда, дошли до прокуратуры. И знаешь, что я узнал? Я пришел к выводу, что она... неравнодушна к тебе...

Бексолтан навострил уши, скосил глаза на Пугача...

— И как же ты пришел к такому... выводу?

— Я говорю, посоветуй, как мне выселить моих квартирантов. Правда, хитро придумал? И, знаешь, что она мне сказала? — Пугач торжествующе смотрел на Бексолтана.— Твой шеф, говорит, так всесилен, что по одному его звонку могут передвинуть гору Казбек на другое место. Пусть, говорит, он звякнет кому надо о предоставлении квартиры твоим жильцам, и весь разговор!

— Ну и болван ты, Пугач. Разве со следователем прокуратуры говорят о таких вещах?

— Да нет, не такой уж я и олух. Я, говорю, ноль без палочки для моего шефа, а вот если бы ты попросила о таком одолжении! Он из-за тебя, говорю, не то что Казбек перебросит в другое место, а Терек заставит обратно в горы течь. Знаешь, как ей было приятно? Вся расцвела.

— Ты неисправим при жизни. Одна надежда на могилу.

— А мне очень некогда туда. Ха-ха-ха!

«Надо во что бы то ни стало повысить его шансы, завтра же отправлю в райпотребсоюз,— обдумывал свое решение Бексолтан.— Любой ценой надо их соединить! Это будет ей кляпом в рот. А то грозить мне вздумала!» И в то же время Бексолтан понимал, что он не сможет забыть ее, может, еще изойдется ревностью. Проклятая...

Словно свинцовая туча нашла на Бексолтана. До самого дома он больше не проронил ни слова.

* * *

— Ты бы хоть раз и мне выделил путевку вместе с Амурханом. За месяц бы я набрался ума-разума,— как бы между прочим намекнул Бексолтан заведующему финансовым отделом обкома партии, когда тот приехал с проверкой в район.

Завотделом, конечно, не забыл о просьбе гостеприимного секретаря райкома, и вскоре Амурхан и Бексолтан отдыхали в Кисловодске. Бексолтана радовало и другое... Амурхан и в санатории не отстранится от дел, их будут навещать. Приедут раз — и рядом с Амурханом Бексолтан, приедут второй — и Бексолтан рядом с Амурханом.

Первым, и в этом не было никакой неожиданности, Бексолтана проведал верный Пугач.

— Дзарахмет и Фаризат тоже собрались ехать со мной — не столько, говорят, перед сыном неудобно, сколько перед вами, Амурхан Николаевич. Я их отговорил, но от гостинцев не смог отказаться. Наверняка вы соскучились по осетинской кухне.

— Живой ты парень, молодец,— похвалил его Амурхан.

— Амурхан Николаевич,— осмелел Пугач,— я-то вольный человек, а вы вот, небось, скучаете. Извините, если что не так, только я хочу пригласить вас в ресторан. Не откажите, пожалуйста. Я ваш гость, а желание гостя священно...

— Да, ты прав, скучновато здесь. Развеяться, конечно, не мешает.

— Так я жду вас на улице...

Вечером, когда возвращались из ресторана, Бексолтан с несвойственной для него робостью говорил Амурхану:

— Работы у меня всегда по горло, но давно вынашиваю одну идею...

— Какую?

— Амурхан Николаевич, я никому еще не говорил... Пока, думал, не получу твоего благословения...

— Ну, что там у тебя такого секретного?

— Сам не знаю, что на меня нашло... Смущаюсь, словно школьник. Одним словом, хочу написать диссертацию.

— Диссертацию? Отлично! И чего ты мялся? Звучит-то как: секретарь райкома партии — кандидат наук! И почему, собственно, секретарь райкома? Не вечно же тебе в секретарях райкома ходить! — Амурхан так возмутился, будто это зависело от какого-то мелкого чинуши, а не от него самого. У Бексолтана прямо дыхание перехватило. «Не вечно же тебе в секретарях райкома ходить...»

— Спасибо, Амурхан Николаевич. Моральная поддержка — это так важно...

* * *

Был конец октября. Мелко сеял бесконечный нудный дождь. Уборка кукурузы затянулась. Надо было ускорить темпы, но встала и другая помеха: кукуруза еще не везде поспела. Колхозы получили рекомендацию из обкома партии, чтобы на токах настлали плетни и ссыпали сырую кукурузу на них — так она, мол, быстрее высохнет.

Бексолтан усовершенствовал способ сушки, приказав настилать плетни на разложенные под ними бревна — увеличивалась вентиляция. Теперь он втайне надеялся преподнести Амурхану сюрприз.

И такой случай предоставился. Как-то Амурхан, не предупредив, сам явился в Тагардон, и вместе с Бексолтаном они отправились в поле.

Сначала они заехали на ток колхоза, где председателем был Тасо. Амурхан вышел из машины и с минуту смотрел на горы кукурузы, наваленные на плетни. Присев на корточки, заглянул под них и удивленно вскинул брови:

— Кто это придумал?

— Вы.

— Я имею в виду бревна. Кто догадался подкладывать их под плетни?

— Я...

— Молодец. Но почему ты не сообщил о своей идее? Мы бы рекомендовали и другим районам.

— Это же так просто, думал, сами догадаются...

— Все гениальное просто. Нет, ты просто молодчина. Только не возгордись! — Амурхан погрозил ему пальцем, и эта угроза Бексолтану была дороже любых хвалебных слов.

Но где было взять столько плетней, да и времени, чтобы кукуруза успевала высохнуть до требуемых кондиций — и через день-два ее, сырую, отправляли на заготпункт. Но это уже Бексолтан рекламировать не стал, и Амурхан остался при своем мнении: «Таким и должен быть настоящий партийный работник. Думающим! Поручи любое дело — расшибется в лепешку, но выполнит! С ним и работать приятно и отдыхать... Почему бы не назначить его заведующим отделом. Скоро освободится место...»

20

Дела Пугача круто шли в гору. Он стал заместителем председателя райпотребсоюза и одновременно студентом-заочником кооперативного института.

И на новом месте Пугач чувствовал себя в родной стихии. Многие из старых друзей и знакомых отошли на задний план, уступив место людям более высоких служебных рангов, тем, от

кого зависело распределение дефицитных товаров. Такого добра Пугач привозил на базу райпотребсоюза машинами. Ходовой товар получали два-три доверенных магазина, остальным взамен давал лишь деньги за фактуру. Ты мне — то, я тебе — это, ты — с наценкой, я — с комиссионным сбором за доставку на дом, а вот о таких мелочах и говорить не стоит, сегодня я вам, завтра вы мне: живем-то один раз... Так Пугач расширял круг знакомств с нужными людьми. Нужными и ему, и Бексолтану.

Одно не давало покоя Пугачу: Клара по-прежнему оставалась для него недосягаемой. Как-то в порыве откровенности признался Бексолтану:

— Не знал, что такое ревность, и вдруг она мне каленым железом обожгла сердце! Что-то часто попадаются мне на глаза Клара и Мурат. И что она в нем нашла? Не пойму я этих женщин, режь, не пойму...

— Прокуроры болтуны, а журналисты вдвойне, вот и чешут языки,— сказал Бексолтан, чувствуя, как то же самое железо коснулось и его сердца. Нет, определенно Клара стала поперек его пути. Если она откроет Мурату свои сердечные тайны...

Он Александру, Александр Амурхану и... Надо во что бы то ни стало еще раз встретиться с ней.

— Пугач, откровенно говоря, ты мне своим нытьем надоел. Все облизываешься на эту Клару, как кот на подвешенный к потолку курдюк. Учу тебя, учу, а ты... Пригласи в горы, на природу. Узнай день рождения, преподнеси подарок... А в горы для начала возьмете и меня. Авось да пригожусь...

Пугач вытаращил на шефа восхищенные глаза, хлопнул себя по лбу.

* * *

Весна была в самом разгаре. Поля и горы покрылись буйной зеленью. Встретить бы сейчас Клару и — на лоно природы. Как нельзя кстати и «Волга», которую он обычно одалживает у нового шефа.

— А что? Рвану-ка прямо к ней! Сегодня суббота, приглашу на завтра,— вслух проговорил он и надавил на акселератор. Выехал на главную улицу районного центра и чуть руль не выпустил из рук: навстречу шла Клара! Он резко затормозил, высунулся в окошко:

— Клара! Ты здесь?!

— А, Харитон! Здравствуй. Я все еще здесь, к сожалению, хотя должна быть уже в городе, сейчас вернется из школы Муратик.

Пугач распахнул дверцу.

— А нам по пути?

— Эх, Клара, мне-то всегда с тобой по пути

— Харитон...

— Да зови ты меня просто Пугачом! Когда вспоминают мое парадное имя, я начинаю оглядываться,— кого это кличут? До своего имени, видать, тоже надо дорасти. А что я? Работяга. Девушки даже внимания не обращают.

— Тебе ли жаловаться? Очень даже видный парень...

— Какая весна! Рай! Махнуть бы сейчас в горы с симпатичной девушкой, говорить бы ей умные слова, замутить ей голову и... жениться! — мечтательно произнес Пугач и игривый взгляд его скользнул по Кларе.

— Я, Пугач, утомленная, забитая женщина. Да и положение, понимаешь, не позволяет развлекаться.

— А в воскресенье все без положения!

— Но ты же не приглашаешь меня.

— Как это не приглашаю, когда есть бог, и он видел, что я только за тем и ехал в город, а он взял да и послал тебя мне навстречу! — Пугач свернул на обочину и остановил машину.

— Хочешь, выйду и, стоя на коленях, скажу: Клара, душа моя, можно пригласить тебя завтра в горы, под самый небосвод?

— Из машины выходить не надо. Дела ждут.

— И я жду... ответа.

— Уж сколько лет я не выбиралась в горы... Если завтра буду свободна, то... А, может, тебе лучше все-таки найти ту, которой ты замутишь мозги? И — женишься? А то из-за меня останешься убежденным холостяком.

— Из-за тебя я и остаюсь убежденным женихом,— Пугач включил зажигание.— Но кот наш тоже облизывался на подвешенный курдюк...

— Не надо, а то раздумаю...

— Тогда — молчок!

— А как твой новый шеф?

— А у меня шеф старый: Бексолтан. Скажу тебе без вихляний, что второго такого мужика в Осетии не найти.

— А найдешь — окажется Харитоном? — пошутила Клара.

— Я говорю то, что думаю о нем.

— А квартиру твоим жильцам он помог найти?

— Сами с усами оказались. Слава богу, избавился. А в город переезжать пока раздумал, скажут, летун, на одном месте не сидит...

К ухаживаниям Пугача Клара относилась безразлично, даже с отвращением. Позволяла ему некоторые вольности потому, что он был ее односельчанином, на ее взгляд, легкомысленным, и ни один серьезный человек не мог подумать ничего дурного о их взаимоотношениях.

Все ее интересы были связаны с сыном, почти вся ее жизнь была заключена в нем, можно сказать, она жила на этом не-

устойчивом белом свете ради него, она была ему не только матерью, но заменяла и отца.

Мурат рос вдумчивым и аккуратным. Очевидно, сказывался трудолюбивый и честный характер матери. Он гордился, что у него такая молодая, красивая и заботливая мать. О том, что у него нет отца, он старался не думать.

Утром Клара, разбудив сына, сообщила ему, что они поедут в горы. Спросонья Мурат не сразу понял, о чем речь, и отвернувшись к стенке, хотел задремать, и тут до него дошел смысл сказанного.

— Ма! В горы? Ура! — и с этим криком он вскочил и босиком побежал в ванную.

Бексолтан ждал их у аула Балта. Одетый, как на торжественный прием, он стоял у откоса и задумчиво глядел на широкую пойму Терека. Могуч и неукротим был в весеннем разливе Терек. Глядя на бушующую реку, Бексолтан и в себе ощущал буйную силу, легкость. Сейчас они приедут. Они — Клара, чужая ему женщина, и... его сын. Вырос, наверное... Похож ли он на него? Есть ли у него в крови хоть что-то от отца? Бексолтан провел рукой по лицу и почувствовал, что пальцы у него дрожат.

Увидев у дороги Бексолтана, Клара, резко повернувшись к Пугачу, спросила:

— Что это все значит?

Пугач простодушно улыбнулся ей и открыл дверцу.

— Приехал? И даже не один? — Бексолтан шагнул к машине, и, пригнувшись, заглянул в нее.— Ого! Гости, которых я мечтал увидеть хотя бы издали... Здравствуйте!

— Здравствуйте,—растерянно ответил Мурат, видя, что мать почему-то недовольна. Лицо Клары горело, глаза стали злыми, колюче сощурились. Бексолтан сел впереди. В машине воцарилось неловкое молчание. Даже Пугач проглотил язык, но через минуту нашелся:

— Не отвлекать меня разговорами! Тут нужен глаз да глаз. Любуйтесь горами, ахайте и охайте, только втихомолку.

Не прошло и часа, как они были уже за Казбеги. Пугач свернул в боковое ущелье и остановился у лесочка, где журчал небольшой ручей, и начал доставать из багажника припасы. Казалось, Пугачу до красот гор нет никакого дела, он привык к ним, как привыкают к своей квартире. Через минуту уже полыхал костер. Бексолтан уселся на берегу ручья, недалеко от костра, прямо на траву. Украдкой поглядывал на мать и сына. Удивительно, сын его, а мать... Кто она ему? Враг? Но и не друг. А сын просто красавец. Его сын. Он жив, а сын — сирота... Да... дочери выскочат замуж. А с кем они с Мисурат останутся под старость? Мурат вырастет, станет большим человеком. А ему никто не скажет: «Молодец, Бексолтан, вон у тебя какой сын!»

Мурат, смеясь, погнался за пестрой бабочкой, но она перелетела на другой берег ручья. Нерешительно переминаясь с ноги на ногу, он покосился на Бексолтана.

— Мурат, тебе нравится здесь? — спросил Бексолтан.

— Да. А вас как зовут? — Мурат спросил его по-русски. В городе все его сверстники-осетины говорили по-русски.

— Я Бексолтан...— И, подумав, добавил: — Дзарахметович.

— Бексолтан Дзарахметович...

— Ты можешь называть меня просто Бексолтан.

— Дядя Бексолтан... Скажите, а царица Тамара в самом деле могла жить в той башне? Помните, у Лермонтова?

— В жизни много легенд... Ты уже заканчиваешь школу?

— Да...

— И куда направление держишь?

— Думаю в военно-морское. А пока пойду служить во флот. Отец у меня тоже был военным моряком...

— Мурат, хочешь, я тебе еще одну легенду расскажу? — сказал Бексолтан и сам испугался своего вопроса с намеком.— А ты знаешь, как называется ущелье, по которому мы ехали?

— Знаю, мне мама давно рассказывала. Дарьяльское ущелье,— Мурат проявлял все больший интерес к разговору.

— А еще его называют ущелье аланов...

Бексолтан знал множество легенд. Он слышал их в детстве от деда, и теперь нашел благодарного слушателя. К тому времени, когда их позвал Пугач, они уже были закадычными друзьями...

Клара ревниво наблюдала за ними и ругала себя: «Развесила уши на болтовню Пугача. Шут несчастный. Но за всем этим стоит Бексолтан. Ишь, заигрывает с Муратом. Что ему надо от меня?»

— Харитон, в тебе, кажется, пропадает шеф-повар ресторана. Один запах твоих шашлыков заглушил все ароматы весны.

— Погоди хвалить, вот поешь и не то еще запоешь,— говорил польщенный Пугач, подавая Кларе шипящий кусок легкого.

Глядя на Клару, беззаботно беседовавшую с Пугачом, Бексолтан думал: «На кого я ее променял? Чего я боялся? Смеется, шутит с Пугачом. Чувствует свою силу, независимость. Кто ее опора? Мурат? Александр? Возможно, они уже всё знают и готовят мне какую-нибудь пакость. Но мы еще посмотрим, кто кого...»

21

Бексолтан недолюбливал сыновей Татари, и потому ему было неприятно, когда по настоянию Александра Асланбега избрали председателем колхоза. Секретарь райкома и председа-

тель колхоза впряжены в одну телегу и должны понимать друг друга с полуслова. Но Асланбег своенравный, упрямый. Однако Бексолтан умел действовать и пряником, если не выходило кнутом, и в очередной приезд дружелюбно спросил:

— Как идут дела, брат одного из лучших моих друзей?

— Спасибо, вроде ничего,— сдержанно поблагодарил его Асланбег.

— Я рад за тебя. Надеюсь, ты будешь таким же принципиальным и честным, как Александр и Мурат. Теперь это... Покажи мне ваши обязательства. Тогда я с Амурханом только мельком взглянул на них...

Асланбег вытащил из-под стекла разграфленный лист бумаги и подал Бексолтану, приготовившись к крупному разговору.

Бексолтан не смог сдержать раздражения:

— Я же обязательства просил, а это что?

— Они и есть.

— А где те, которые утверждал райком?

— Правление колхоза и партбюро обсудили их и пришли к выводу, что они нереальны. К чему обманывать и себя, и других? А эти выполнимы: кукурузы получим по тридцать центнеров, пшеницы — двадцать три, картофеля — сто сорок, овощей — сто двадцать. С каждой фуражной коровы — две с половиной тысячи литров молока.

— Это же курам на смех! Смотри сюда,— Бексолтан вынул ручку с золотым пером и начал писать.— Вот гектар. Вот тебе количество всходов. Вот вес зерен на каждом початке. Умножим их — арифметику знаешь? Пятьдесят — шестьдесят центнеров!

— Можно и семьдесят.

— Как?

— На бумаге.

— Асланбег, ты забываешься...

— Ничуть. Я не хочу заниматься очковтирательством.

— Не якай. Тебе с карандашом в руках доказывают.

— Меня убеждают доказательства с тяпкой в руках и урожаем в амбарах.

— Не заговаривай мне зубы. Звено Знаура выращивает пятьдесят центнеров! И даже больше.

— Да. Но это звено Знаура, звено, у которого всего двадцать гектаров, которому в первую очередь и техника, и удобрения...

— Почему? А другим?

— А другим? Не хватает.

— Слушай, председатель, делай то, что советует тебе райком партии...

— Я не умею работать под диктовку.

Бексолтан еле владел собой, но нельзя было давать волю

гневу: за спиной этого молокососа стояли Александр, Мурат, Аузби, тот же Знаур и черт его знает, кто еще.

— Тебе не диктуют, а указывают. Наш долг помогать тебе советом как молодому руководителю... Я тоже знаю ваши возможности. Надо только проявить инициативу, расторопней надо быть. Две с половиной тысячи литров! Стыдно. Три пятьсот и только! Яиц — с каждой несушки сто восемьдесят.

— Где таких несушек взять?

— Ты же хозяин. Купи у населения излишки яиц, молока... Таким простым вещам приходится тебя учить. Ты опять скажешь, что не хватает денег. Плати натурой, ну, хотя бы стеблями кукурузы! Я мечтаю сделать из тебя председателя всем председателям, чтобы слава о тебе прогремела по всей стране. Вот тебе даром такой еще совет. У тебя на полях бросовая ложбина. Запруди ее, пусти воду из Тагардона и разведи уток. Миллион уток! Не миллион — хоть пятьсот тысяч и каждый год сдавай сто тысяч уток. Каждая хоть килограмм будет весить? Это уже сто тонн мяса, птичьего мяса!

Асланбег не верил своим ушам: неужели это он серьезно?

Бексолтан встал, протянул ему на прощанье руку:

— Не своевольничай, в райкоме тоже не утописты сидят. Еще Владимир Ильич говорил, что даже в математике нельзя без фантазии. Будешь спорить?

— Не буду,— сказал Асланбег, имея в виду — с Лениным, Бексолтан же понял это по-своему.

— Вот и прекрасно,— он с чувством тряхнул руку Асланбега.— Действуй, если не хочешь крупного скандала.

Асланбег долго глядел вслед машине, на которой уезжал Бексолтан. «Грубиян, говорят, и наглец. Не совсем, видимо, так. Напорист — это да. Впрочем, может, в чем-то он и прав, может, даже уток стоит развести, мы ведь полшага в сторону боимся сделать. Но где взять деньги, в долгах по уши. Нужны корма, а где взять»?

* * *

Отчитываясь на очередном совещании в обкоме партии о ходе выполнения пятилетнего плана, Бексолтан говорил:

— Пятилетку мы выполним по всем показателям. Особенно успешно мы наращиваем производство мяса. С этой целью в колхозах уже создаются фермы водоплавающих птиц. В скором времени один только тагардонский колхоз «Иристон» будет давать государству в год до ста тонн утиного мяса. А там, где раздолье уткам, думается, не хуже будет чувствовать себя и рыба.

Первый секретарь обкома громко сказал:

— Вот вам пример того, как надо работать! Газетам следует осветить положительный опыт Тагардонского района.

Бексолтан верил в свои фантасмагорические планы, но был

готов и к неудачам: всегда можно сослаться на капризы природы, на нерадивость других, мало ли на что. А пока надо воодушевлять народ, находить застрельщиков разных начинаний, создать видимость кипучей деятельности. И потому Бексолтан, как впавший в экстаз шаман, неистово молотил в свой бубен. Благо, это нравилось..

После совещания Мурат подождал Асланбега. Сумрачное лицо младшего брата почему-то развеселило его:

— Сам первый секретарь тебя похвалил, а ты нос опустил. Что тебе не понравилось?

— Ты куда? — вместо ответа спросил Асланбег.

— Домой. Тебя ждал.

— Тогда идем. Там и поговорим.

...Мурат разлил вино, молча чокнулись и выпили.

— Интересный ты человек. Будто ругали тебя, а не хвалили.

— А ты доволен тем, что меня похвалили?

— Не брат я тебе, что ли? — отшутился Мурат.

— Не знаю, как ты, а у меня перед глазами стояли отец, Аузби, Знаур. Это, говорят, наш колхоз вырастил, надоил столько? Тьфу, председатель, в твои бесстыжие глаза! Ты не сын кузнеца Татари, а сын Дзарахмета! Вот так.

— Бедный Дзарахмет, он такого оскорбления не вынесет.

— Мурат, ты тоже член обкома. Я, может, чего недопонимаю... Все, что Амурхан говорил с высокой трибуны,— это, в общем, пустословие. Но только виноват я. И Бексолтан. Ведь председатели наши под его дудку пляшут. Такой уж у нас государственный ансамбль свистопляски. Думаешь, приходится ломать голову над тем, как бы хитрее обмануть государство? Да все очень просто! Указываем в отчетах, что у нас сто га кукурузы под зерно, остальное под силос, на самом деле почти все под зерно. В отчетах сто фуражных коров, а у нас сто с хвостиком. Или такие фокусы: берем в магазине масло на деньги, одолженные у того же государства, и сдаем масло в район, оттуда присылают его обратно в магазин. А чаще всего мы даже и не забираем его из магазина... Важно, чтобы на бумаге все было в ажуре. Я много раз спорил, доказывал, но Бексолтан мне такое устраивал, что впору было в абреки бежать...— Асланбег в нарушение всех обычаев сам налил себе вино и выпил, как воду.

— Эх, Асланбег! Никогда бы не подумал, что из моего брата получится такой танцор... Стыд и срам!

— Мне уйти?

— Сиди. Будем думать вместе...

... В субботу вечером Мурат приехал в Тагардон с одним из сотрудников газеты. Говорят, гость — божий гость. В семье Татари всегда помнили об этом, и были очень рады, что Мурат приехал с другом.

— А это Борис,— еще с порога весело представил его Мурат.

В воскресенье Мурат, Борис и Асланбег изучали планы, итоги, отчеты в правлении колхоза, объехали поля, фермы, беседовали с доярками.

— По скольку литров надаиваете в месяц в среднем от коровы? — обратился Мурат к одной из доярок.

— Двести — двести двадцать, — ответила она.

— А в год тогда сколько выходит?

— Две триста — две четыреста.

— Так мало?

— Заметь, Мурат, Дзиратхан, можно сказать, наша лучшая доярка,— вмешался Асланбег.— Кормить нечем коров. От мутной водички, называемой бардой, молока не бывает.

Осмотрели и «утиное царство». В ложбине, далеко от села, накопилось воды столько, что напоминало скорее большую лужу после обильных дождей. В ней плавало несколько сот уток. Рядом стоял шалаш из плетеного хвороста, сверху крытый соломой. В шалаше никого не оказалось.

— Это наше море. И наши утки.

— Кур бы сюда, чтобы посмеялись над твоими утками.

— Конечно, резон в таком хозяйстве есть. Но делать это надо по-серьезному,— заговорил Асланбег.— С расчетами, планово. И хотя бы двести тысяч рублей нужно иметь. Нужны дамбы с северной стороны и с боков, нужен небольшой жилой домик, складское помещение. А главное — корма. Мы ведь почти все зерно сдаем государству.

... Через несколько дней Мурат и Борис представили на обсуждение членов редакционной коллегии газеты статью.

— Ну как, товарищи? Ознакомились с материалом? — спрашивал на заседании редколегии Мурат.— Надо, чтобы все высказали свое мнение.

— Я лично одобряю статью,— с места поднялся завотделом пропаганды.— Статья острая, умная.

— Я того же мнения,— поддержала его молодая женщина, литсотрудник отдела писем.— Своевременная статья. Можно поздравить авторов.

Еще несколько человек отозвались положительно. Сафарби, завотделом партийной жизни, сидел насупившись, но высказываться не торопился. Прежняя работа, в органах, сделала его осмотрительным, да и с людьми он предпочитал общаться и вне работы. Приятно после трудового дня оказаться в центре компании за столом где-нибудь в ресторане или у кого-нибудь дома. Он, можно сказать, был мастером осетинского застолья, многочисленных тостов, прибауток, анекдотов. А конфликты на работе портят отношения, Сафарби это было не по душе, но еще больше он не любил конфликтовать с начальством. Бывший чекист, проштрафившийся на прежней работе, он, как и всякий

неудачник, в душе ненавидел вышестоящих руководителей, но открыто никогда не проявлял своих чувств. Более того, он всячески подчеркивал свое лояльное к ним отношение. Поэтому, зная наперед, какой резонанс получит там, наверху, эта статья, Сафарби заговорил ровным голосом:

— А я — против. Тут мало того, что досталось первому секретарю райкома, делаются серьезные выпады и в адрес некоторых республиканских организаций. Есть намеки даже на отделы обкома партии. Это уже, знаете ли, слишком.

Складывалась довольно типичная ситуация, к которой давно привыкли, и с Сафарби особенно спорить никто не стал. Только Мурат бросил короткую фразу:

— Я и своего брата, кажется, не обошел.

— А я остаюсь при своем мнении,— сказал Сафарби с еле заметной ухмылкой, которая как бы говорила: посмотрим, что вы выиграете.

— Как бы чего не вышло,— ответил ему Мурат.— Кто за то, чтобы печатать статью?

Кроме Сафарби все проголосовали за то, чтобы статью напечатали, и о порочной практике производства и заготовки сельскохозяйственных продуктов в Тагардонском районе, о многочисленных фактах прямого обмана государства, очковтирательства, знала вся республика.

Но ожидаемого шума не последовало. Мурат удивлялся, что его никто не беспокоит. Или все настолько возмущены, что потеряли дар речи? Никаких признаков негодования со стороны и обкома партии не было.

Дней через пять, однако, Бексолтан появился в обкоме у первого секретаря. Как бы между прочим напомнил о статье.

— Читали? Зарвался товарищ. Впрочем, я знаю, почему он всадил в нас когти. История давняя... Его отец Татари и Дзарахмет испокон веку не ладят, как два медведя в одной берлоге. Да и сам Мурат не забыл, что я ему спуску не давал, когда работали в районке.

Но трюк, кажется, не удался. Взгляд Амурхана ничего хорошего не предвещал Бексолтану. Побарабанив пальцами по столешнице, Амурхан насмешливо сказал:

— Насколько мне известно, председатель колхоза «Иристон», о котором много сказано в статье, и редактор республиканской газеты родные братья, сыновья одного и того же отца. При чем тут Дзарахмет, скажи на милость? Не думаю, что Мурат такой склочник.

— Да он отца родного не пожалеет! Вот Александр ему как отец родной, но и по его адресу он прошелся. Его пасквиль тогда в обкоме обсуждали, чуть из партии не выставили. И брат того же поля ягодка, на все согласен, лишь бы мне насолить.

— А на себя никак не хочешь посмотреть. Нет, ты проштрафился, друг,— самое время переводить тебя в обком партии, поучиться кое-чему,— в уголках губ Амурхана блуждала улыбка.

Бексолтан почувствовал, что гроза, которой он так страшился, прошла стороной, лишь обдав его своим ледяным дыханием. Но... перевести в обком, не ослышался ли он?

— Я говорю о мстительности Мурата не в оправдание. Тут еще личное, я не хотел говорить... Дело в том, что моя супруга и Мурат в юности любили друг друга. Я не знал об их отношениях...

Амурхан, помолчав, сказал задумчиво:

— Жизнь — сложная штука. Всякое в ней случается. А Мурат силен как журналист. И как к коммунисту у меня нет никаких претензий. Только вот какое-то донкихотство в нем есть. Но это пройдет. Жизнь отшлифует его.

Бексолтан благоразумно молчал. Амурхан знает, что говорить и что делать, ему виднее.

— Обсудите статью на бюро райкома. Хорошенько прошерсти начальника сельхозуправления, приструни председателей и других. Признаете упущения райкома — недостаточный контроль и так далее — и дайте ответ редакции.

После совещания Мурат задержался, и когда все вышли, он подошел к Амурхану.

— Надо было бы обсудить статью о Тагардоне. Факты слишком тяжелые. И касаются прежде всего первого секретаря райкома партии.

Амурхан усталым голосом пригласил Мурата сесть за приставной стол.

— Ты, конечно, прав. Безобразие, позорят и себя, и республику. Критику надо поддержать.— Первый помолчал, глядя в упор на своего собеседника спокойными глазами.— Но и Бексолтана Дзарахметовича... Когда человек спотыкается, что же, добивать его?

Мурат с недоумением посмотрел на Первого.

— Что-то часто он спотыкается.

— И потом,— пропустив мимо ушей слова Мурата, продолжил Первый,— там речь идет и о вашем брате. Мы это тоже должны учитывать. Надо было хорошенько подумать, прежде чем статью давать. Я же говорил на совещании об изучении и распространении опыта. Брат ваш может отделаться выговором. Подскажем. А Бексолтану Дзарахметовичу придется переменить обстановку.— Первый замолчал с таким видом, словно только теперь пришла ему в голову такая мысль. Затем уже безразличным тоном произнес: — Не знаю, как и быть. Вносят предложение назначить его каким-нибудь завотделом обкома. А как тебе кажется?

Мурат опустил глаза. Он понял, что никакого обсуждения не будет и никаких серьезных выводов из напечатанного никто не собирается делать. А вот посоветоваться с ним, похоже, здесь не прочь. Оригинально, ничего не скажешь. Будем значит, простофилями, если этого так хотят.

— Ну, в самом деле, если человек споткнулся, надо же ему помочь.

Первый смотрел на Мурата так, словно от него зависела судьба Бексолтана, но ответ Мурата явно шокировал его, и он нахмурился.

— Ну вот и договорились. Желаю успеха,— Первый дал понять, что разговор окончен.

На обсуждение бюро вынесли два вопроса: о назначении Бексолтана заведующим отделом обкома партии и о рекомендации на пост первого секретаря Тагардонского райкома партии нынешнего второго секретаря Тузара. Несмотря на возражения Александра, обе кандидатуры были утверждены.

22

Свою трехкомнатную квартиру Бексолтан считал временным пристанищем. Живя теперь отдельной семьей, он трогательно скучал по отцу и матери, и поэтому часто наведывался в село, чуть ли не каждое воскресенье.

Оголившись до пояса, в одном трико Бексолтан вышел в сад.

Пышная зелень ухоженных деревьев, тишина навеяли на него покой, и он прилег под яблоней на прохладную травку.

Нет, как ни престижна новая работа, она не удовлетворяет его. В непосредственном подчинении у Александра. То ли дело, когда сам себе хозяин! Все с трепетом ждут твоих указаний, советов. А тут? Всего двадцать человек под его началом. И ни один из них по своей инициативе не придет хоть о чем-то посоветоваться, поинтересоваться хотя бы его самочувствием.

Как-то Амурхан, словно чувствуя его глухое недовольство, намекнул ему: «Поварись пока в нашем котле, создай о себе соответствующее мнение,— не забывай, что я поручился за тебя перед бюро. А там что-нибудь нарисуется на горизонте». И он, скучая по живому делу, проявлял рвение, из-за каждой мелочи придирался к сотрудникам, заканчивая разносы более чем веским аргументом: «Это вам не шарашкина контора, а обком партии!»

Ходили слухи, что Амурхан и предсовмина на ножах. А раз это так... Но обычно на такие посты выдвигают секретарей обкома. Александра? Только не это. Амурхан, видимо, жалеет о том, что в свое время поддержал его. Остается терпеливо

ждать, пока действительно что-то подходящее не нарисуется на горизонте...

Проехавшая по улице машина остановилась у ворот, и Бексолтан быстро поднялся.

В калитке показался сияющий Пугач.

— А я думал, от чего это солнце сегодня ярче светит... Так и знал, что ты здесь.

— Ну и здравствуй. Как ты тут, без меня?

— Не только я, весь район осиротел.

— Но тебя-то, подлеца, допустим, я как-нибудь перетяну в город, а как с районом быть? — С приходом Пугача Бексолтан развеселился.

Он опять растянулся на траве, Пугач присел рядом.

— Бексолтан, я родился крестьянином, и останусь им навсегда. И потому первый мой вопрос о ценах на овес... Да, а сколько же тебе платят в верхах?

— Чуть больше, чем в низах платили.

— Это по ведомости чуть больше, а по доходам, думаю, чуть меньше.

— Пугач, ты ушей этого дерева не боишься?

— Вот этого грецкого ореха? Нет, конечно. Это же дерево Дзарахмета!

— Простофиля ты и дурак к тому же. Будешь слишком распускать язык — шею сломаешь. Ты запомни, нет у человека врагов, кроме его поганого языка. Первейший и опаснейший враг! — и, понизив голос до вкрадчивого шепота, добавил: — Но ты прав, негодяй!

Оба расхохотались.

— Пугач, в город ты не хочешь, а Клара ведь там... А?

— И то правда! Неужели я так и умру облизывающимся котом? Но город не село. Там нужна прорва денег: то гости пришли, то самого пригласили, третье-десятое, и все бегай на рынок...

— Железная логика! Я тоже кое-что обдумал. Недолго тебе осталось ждать, потерпи малость.

— Всегда у тебя, Бексолтан, из-за меня столько хлопот! Другому бы давно осточертело возиться со мной...— Пугач, словно что-то вдруг вспомнив, спросил: — Да, ты обмывал свое назначение? Без меня?

— Нет. В нашу квартиру самому неудобно заходить, не то что гостей звать...

— Обойдутся и рестораном,— Пугач ловким движением выхватил из нагрудного кармана пиджака кожаное портмоне и небрежно бросил на траву несколько новеньких сотенных бумажек.— Вот, хватит на сто грамм... Я пойду.

— Пугач, ты когда-нибудь видел, чтобы в доме Дзарахмета не приветили гостя? Не видел, знаю.

Плотно пообедали, в меру выпили, и Бексолтан надумал

ехать в город. Проведет у Меретхан ночь, а утром жене скажет, что только-только из Тагардона. К Меретхан у него и дело есть: в его отделе появилась вакансия.

* * *

Пугач, теперь уже для новых сослуживцев Харитон Степанович, занял должность директора базы промышленных товаров потребсоюза. На первых порах он только приглядывался, очень вежливо убрал двух заведующих складами и взял на их место своих людей. Придерживаясь строгого правила никому не верить, не верил, но и особо никого не боялся за могучей спиной Бексолтана.

Каждую субботу, как по расписанию, он переступал порог квартиры заведующего отделом обкома, держа в руках объемистый черный портфель, содержимое которого поддерживало творческие силы Бексолтана: черная икра, круги копченой колбасы, пачки масла «Крестьянского», говяжье филе. И оперативно сообщал о новых поступлениях остродефицитных промтоваров. Бексолтан в свою очередь снабжал этой информацией достойных всяческого уважения людей.

Непосредственное начальство тоже не могло нарадоваться на оборотистого завбазой: ходовые товары поступали регулярно, перевыполнялись планы товарооборота, резко снизился поток жалоб на нехватку полотенец и электрических утюгов, хрусталя и ковровых изделий, безразмерных носков и другой чепухи, снижающих из-за своего отсутствия на прилавках производительность труда на фабриках и заводах, на полях и фермах — до чего только не додумаются эти газетчики... Народ уже не с песней веселой хочет шагать по жизни, а в развевающихся на ветру плащах на рыбьем меху! Или в овечьих дубленках — в одежде пастухов и ночных сторожей, будочников. Мода!

Сегодня хорошее поступление: женские югославские сапожки и канадские дубленки, последний крик моды — пальто с норковыми воротниками, норковые, пыжиковые, бобровые, нутриевые, ондатровые мужские шапки, женские и мужские туфли и босоножки. Глаза разбегаются!

Началась святая святых — распределение товара. Треть предназначена для магазинов сельпо и горпо. Вторую треть поделят между автолавками. Ну, а последнюю долю... Пугач сам знает, кому — исключительно по особым спискам!

На базе просто обожали вторую треть. Продал шофер автолавки товар на базарах Беслана и Назрани или сбыл с рук — клади на стол полную стоимость товара плюс треть стоимости сверху. Не положил — в следующий раз повезешь кирзовые сапоги, грелки и обувь орджоникидзевской фабрики. Продашь — получишь орден!

Пугач из шоферов предпочитал иметь дело только с Дзабо, пожилым мужчиной, вечно хмурым и молчаливым, поручая ему собирать дань с остальных. Правда, был у него среди этой братии еще один, на которого возлагались обязанности инспектора — тот контролировал честность Дзабо, никогда, впрочем, не подмочившего своей репутации.

...Пугач, оставшись с Дзабо наедине, как бы между прочим бросил:

— Ставки отныне повышаются, ибо с каждым днем дорожает сама наша действительность. Итак, сапоги теперь сверху не треть, а половина. Вся импортная обувь!

Дзабо согласно кивнул.

— Дубленки то же самое.

Дзабо опустил голову.

— Шапки не составляют исключения. Дошло, надеюсь?

— Харитон,— заговорил шофер,— это же грабеж средь бела дня!

— Если тебе удобнее, грабь ночами! А не устраивает тебя — иди грузить кирзу. Продашь — нам выручка, тебе орден! Тебя ли учить, знаешь же, что не в свой карман набиваю. И за мной и надо мной стоят в очереди семеро с ложкой, а, может, с половником.

Молчун, поковырявшись в носу, согласился. Дружески спросил:

— Как с домом? Идет стройка? Не нужно чего?

— Идет. Спасибо. Ты и так хорошо помог...

«С твоей работой в секции нельзя жить — каждый твой шаг на виду. Подумай о собственном доме,— учил его Бексолтан.— Но не замахнись на купеческий особняк. А каким имуществом нашпигуешь, это твое дело, но особо тоже не тащи, ты не народный артист какой, чтобы жить на широкую ногу. Осторожного и бог бережет...» Другой мудрый совет ему дал Дзарахмет. «То, что есть тайна вклада, ты этому не верь. Завелись деньжата — приобрети маленькую ценную вещь. Лучше всего золотую. Надежнее ничего нет: со временем не дешевеет, а дорожает».

Пугач был послушным учеником. И дом построил скромный — всего четыре комнаты, кухня, ванная, подвал, гараж с сараем. И денег не держал на сберкнижках — покупал золото и запихивал в тайнички. И благославлял день, когда судьба свела его с Бексолтаном. Проклинал он лишь тот час, когда взял в свою «Победу» Клару с маленьким сыном. Проклинать-то проклинал, но и с надеждой не расставался: женщина же, женщина! Хоть и прокурор. Не «хоть», а тем более! Тем более она ему нужна, необходима! И, стань она хозяйкой в его доме, он завяжет — хватит запасов на их век, еще и детям останется.

Он не мог сказать, что любил ее — он жаждал ее, чтобы по-

чувствовать себя по-настоящему сильным и всемогущим, хотел иметь ее на зависть всем.

Только на днях был у нее снова. Хотел выпить для храбрости, но перебрал, и она его выставила. Конечно, не выставила, но так получается. Он успел сунуть под скатерть три тысячи рублей. Интересно, нашла она их? А если нашла и молчит, то... То — путь открыт, шлагбаум поднят? Неужели его ждет сегодня долгожданный успех? О, не сойти бы с ума от радости!

Пугач еле дождался вечера. А дождавшись, не стал спешить. Медленно, старательно сложил в портфель спортивный костюм для Муратика, югославские туфельки на шпильках для его ненаглядной мамы, шоколадные плитки, армянского коньяка бутылку, два круга копченой колбасы, банку черной икры. Потом обошел все склады, проверил замки, проверил охрану и не спеша вырулил со двора базы. Оставил машину на стоянке у здания прокуратуры, сам поехал на трамвае — растягивал удовольствие. Ему казалось, что весь город знает о его предстоящей победе над самой красивой женщиной.

Клара действительно обрадовалась ему.

— **Иди, иди, олень, под топор...**

— Я — олень? И я — под топор? С удовольствием! А кто палач?

— Я,— Клара тихо рассмеялась, и у Пугача сладостно заныло сердце. Клара была в тонком белом свитере и в черной широкой юбке, вся какая-то праздничная, сияющая. Пугач истолковал ее радость по-своему: «Деньги, деньги, это их всесилие...»

Он скинул пальто и уверенно прошел в комнату.

— Клара, ты не спеши меня казнить, дай сначала высказать все, что накопилось на душе.

— Слушать тебя? Да ты же без умолку сутками можешь говорить! А накопил ты немало...— Слово «накопил» она выговорила с нажимом, но у Пугача сейчас слух был настроен не на ту волну.

— Тогда я в двух словах...— Он щелкнул замком портфеля и достал изящные туфельки.— Это первое слово. Тридцать седьмые — твоя нога.— Положив туфли на стол, вытащил спортивный костюм.— Это второе слово. Теперь три точки: колбаса, икра, печень трески. И восклицательный знак.— Пугач со стуком водрузил на стол бутылку коньяка.— Ха-ха--ха!

— И это все, что ты накопил... в душе?

— Нет, есть еще кое-что, Клара, я тебя... я без тебя жить не могу! Я шел к тебе и дрожал со страху, что ты меня и за порог не пустишь...

— Это откуда же в тебе такой страх? В чем ты провинился передо мной? Наоборот...

— Ах, это так, мелочи на пудру... Хотя тебе пудра ни к

чему. Он потянулся и взял ее за руку.— Посиди немножко рядом, а то, чувствую, ты тянешься на кухню...

— Ну как же, как же — такой гость: все сам принес, да еще царские подарки, а я буду кормить его разговорами? — В ее глазах вспыхивали злые огоньки, но Пугач не замечал их, находясь во власти ее обворожительной улыбки.

— Клара, я не богат, мне нечем кичиться, но если ты...— Он встал, положил руки на плечи Клары. Она не отстранилась.— Но если ты снизойдешь до меня и согласишься стать моей... Я... Клара, ни у одной женщины Осетии на праздник не будет того, что будешь иметь ты в будний день. И ни один мужчина не будет гордиться своей женой так, как я тобой. Поверь мне...

Клара мягко убрала его руки.

— Ой, Харитон, куда ты так спешишь? Разве так сватают? Да и сам еще... Как бы точнее, без обиды, сказать? Ты еще не самостоятельный, все у тебя есть, но благодаря кому-то...

— Это благодаря кому же?

— Мне больно было такое слышать...

— Клара, я — чтобы зависел от кого-то?

— Бексолтан, говорят...

— Бексолтан?! Я ему чем-то обязан? Да он же передо мной в долгах как в шелках. Я ему... Если бы не я, он бы с голоду пух, он бы в халупе казенной жил, а так... Рассмешила ты меня, ой, рассмешила!

— Я и сама так думала, но чего только злые языки не наплетут.

— Клара, я жду ответа...

— Завоевываешь подношениями? Деньги оставил... Потом ведь упрекать будешь, что ты меня купил...

— Никогда, никогда! Ни одним словом!

— Забери свои подарки, Харитон,— сказала Клара и стала запихивать все в портфель.— Вот так. А теперь уходи. Деньги твои не пропали, я сдала их в сберкассу, на твое же имя. Что тебе еще сказать? Передай своему благодетелю, что не все продается в этом мире. И больше не приходи, забудь мой адрес.

— Клара...

— Я все сказала.

Пугач уходил, еле волоча ноги.

* * *

В один из осенних солнечных дней в новом доме Харитона Степановича справляли новоселье. Среди почетных гостей были Бексолтан, министр торговли, председатель потребсоюза республики, друзья, близкие люди. Все уважили скромного заведующего базой, кроме Мурата и Клары.

Готовил повар из ресторана «Интурист», столы сервировали официантки оттуда же. Был среди гостей и сам директор ресторана, красивый мужчина, пожаловавший на собственной серебристой «Волге». На гармошке играла известная гармонистка, она же аккомпанировала не менее известному певцу...

Гости хвалили дом. Да и как было не хвалить? Кирпич из Моздока, крыша крыта оцинкованной жестью, полы из дубового паркета. Дорогая импортная мебель, хрустальная посуда.

— Молодец, Харитон Степанович. Сразу видно, хозяин! — Похвалил его министр торговли, человек широкой души, любящий людей с хваткой, с размахом.

— Мы не из тех, кто жует сопли,— грубо пошутил председатель потребсоюза, краснолицый здоровяк.

Бексолтан важно сохранял молчание, безучастно слушая остальных. Сам бы не прочь жить в таком скромном доме.

Тосты так или иначе вились вокруг имен Бексолтана, министра и председателя потребсоюза. Но вот слово попросил сам хозяин:

— Я благодарен всем за то, что посчитали нужным переступить порог моего неказистого очага. Ваш приход для меня — незаслуженная честь. Я мало чего достиг в жизни. Даже этот дом построен на средства, доставшиеся мне в наследство от отца, и на те копейки, что копил все эти годы. Помогли и друзья. Человек без друзей беспомощен. Я прошу у всех прощения, но мою особую признательность в первую очередь хочу выразить Бексолтану. Благодаря его воистину отеческой заботе я встал на ноги, познакомился с такими хорошими людьми, как вы. Поэтому прошу разрешить преподнести ему мой почетный бокал.

Бексолтан принял из рук Пугача рог. Стол ждал его ответных слов.

— Наш уважаемый хозяин преувеличил мою роль в своей жизни. Но спасибо на добром слове. Каждый из нас стремится к тому, чтобы быть полезным людям. Что я и делал по доброте своей, не рассчитывая на благодарность. В этом доме не хватает только доброй хозяйки. Пожелаем же Харитону скорейшего ее обретения!

— Оммен! — хором воскликнули все.

— И чтобы он не забыл нас позвать и на свадьбу, и на пир в честь рождения сына!

Гости расходились уже под утро.

23

Пугач... Его бывший шоферишка. Сам же вывел в люди, а теперь завидует ему. Пугач, несчастный Пугач живет в тереме высоком да просторном, а он, сын хваткого Дзарахмета, заве-

дующий отделом областного комитета партии, ютится в какой-то каморке. Ему и думать заказано о таком особняке, но хоть квартиру сменить надо.

Как-то Бексолтан между прочим пожаловался Пугачу на свои жилищные условия. Через неделю Пугач, шнырявший все это время в жэках, управлениях домами и забегавший в обменное бюро, раздобыл адрес четырехкомнатной квартиры в доме старого фонда.

Занимали ее два старика — муж и жена. Двое их сыновей не вернулись с войны, а третий, врач-травматолог, с женой попал в автомобильную катастрофу. Старики остались с внуком. Они души в нем не чаяли, избаловали, и в довершение ко всему внук оказался за решеткой.

Пугач без труда узнал, что он принял на себя чужую вину. Пугач понял, что старики у него в руках,— окоченевшая ворона сама за пазуху лезет... Он отправился по указанному адресу.

— Добрый день и пусть отныне ваш порог минуют беды да печали,— пожелал Пугач, когда на его звонок открыл дверь старик.— Можно к вам?

Старик отступил:

— Пожалуйста...

— Ни своего имени, ни тем более фамилии я вам не скажу. Скажу только одно: я тот, кто может помочь вам.

В прихожую вышла маленькая сухонькая старушка.

— Кто это?

— Вот, какой-то благодетель.

— Точно. В самую цель! Вашему внуку грозит самое мало червонец, то есть десять лет. А я знаю свидетеля, который подтвердит, что ваш внук не только никого не ударил ножом, но что его вообще там не было.

Старики переглянулись.

— Проходи, пожалуйста...— сказала старушка.

— Гостем быть не могу,— дела!

— А что же от нас требуется? — спросил старик.

— Баш на баш: вы согласитесь на обмен вашей квартиры на другую, несколько меньшую площадь. В новом доме на двухкомнатную секцию...

Старики опять переглянулись.

— А при чем тут...

— Только вы переселитесь в другую хату и даже не успеете распаковать вещи, как ваш внук нажмет звонок, а дальше ваше дело, смеяться вам от радости или плакать...

— И все так и будет?

— Даю железную гарантию. Вы осетины, я осетин. Но это, ясно, к делу не пришьешь. Так. Мы даем вам расписку, что должны вам десять тысяч целковых. Подведем — вы подаете на нас в суд. Не обманем — вы тут же возвращаете расписку.

Пугач шагнул к дверям.

— Я думаю, что вашему внуку в тюрьме предоставили апартаменты не с видом на горы. Всего вам ароматного!

— Подожди, дорогой...— Старик протянул к нему руку, словно собираясь схватить, не дать уйти.— Мы это... Мы подумаем.

— Это — пожалуйста. Срок — два дня. Но упаси вас бог от консультаций на стороне — непоправимо усугубите и без того безотрадное положение внука. Через два дня к вам придет другой. Малец какой-нибудь. Ответите ему однозначно: да или нет...

Пугач посчитал дело решенным и поспешил обрадовать Бексолтана.

— Считай, ключи от четырехкомнатной квартиры у тебя в кармане. Ты только звякни кому надо о том, что парень оговорил себя и...

— Пугач, ты меня в авантюры не втягивай. Если на мою репутацию сядет хоть одно пятнышко, то и тебя никакие громоотводы не спасут. С этими стариками нельзя варить кашу,— получится такая похлебка!..

— А ты при чем? Разве ты с ними меняешься? Это Гамбол, мой зам. Точнее, его племянник, сын сестры. А через некоторое время, когда они почувствуют, что им не по карману содержать четырехкомнатную, они обмениваются с тобой. Шито-крыто и дождь не мочит.

— Аферист ты, Пугач,— удовлетворенно рассмеялся Бексолтан.— Плачут по тебе кандалы, плачут!

— Пусть плачут до тех пор, пока на огурцах не начнут расти арбузы. Ты не медли со звонком. Так, мол, и так...

— Поучишь кого-нибудь другого...

Парня освободили, истинного преступника не миновала кара, тройной обмен состоялся. Семья Бексолтана через полгода вселилась в новую квартиру. О ремонте Бексолтану тоже не пришлось беспокоиться — Пугач достал все до последнего гвоздика, не забыв всучить благодетелю своему несколько квитанций об оплате материалов и работ. Потом за три рейса грузовая машина привезла мебель.

— Мы живем, как это ни странно, один раз, всего лишь один раз — как тут не пожить по-человечески! — философствовал Пугач.

— Благодаря помощи моего старого отца,— закатывал глаза Бексолтан, когда гости высказывали свое восхищение роскошным убранством его столь удачно обмененной квартиры.

* * *

Как и договорились, Александр сам пришел к Мурату в редакцию.

— Расплодились, как кролики в Австралии, мошенники и

расхитители, жулье разное,— горячился Мурат.— Не будем говорить о материальных убытках, они не сравнимы с моральным уроном. Разлагают людей, делают смешными в их глазах все наши призывы, позорят весь строй...

— Ну! Ты снова перегибаешь.

— Ничуть.

— Перебарщиваешь, согласись.

— Александр, меня удивляет твое хладнокровие. Иногда думаю, не равнодушие ли это... Ты уж извини за некоторую резкость. Тут, может быть, есть и доля зависти твоему самообладанию, потому как у меня самого его очень мало.

— Не понимаю тебя,— усмехнулся Александр.

— Нет, ты вот что мне растолкуй. Односельчанин наш, Пугач этот... Хотя теперь его величают по имени-отчеству. Какими путями он получил высшее образование, стал б-о-о-льшим начальником, заправилой? На какие шиши он отгрохал такой домище? Насколько мне известно, в наследство от отца ему досталась дощатая развалюха — не дороже дойной козы... Вряд ли он накопил столько, возя Бексолтана. Или твой шофер тоже столь стремительно разбогател?

— Не разбогател, но вполне мог прирабатывать. Копейки, конечно.

Мурат с любопытством поглядел на Александра.

— И ты?

— Не мешал. Главное, он меня никогда не заставил ждать. Но я не утверждаю, что именно таким образом и набил мошну Харитон Степанович. Отнюдь...

— Александр, я чувствую, ты опять уходишь от прямого ответа. Почему ты каждое свое слово взвешиваешь на аптекарских весах? Ты словно прячешься от действительности в герметично захлопнутом футляре... Жизнь барабанит в твои двери, а ты только осторожно выглядываешь из-за занавески...

— Ну, расписал... Так, Мурат. Горечью отдает твой хинин, но — проглотил. Тебе не кажется, что ты неправ, распекая меня за чужие грехи? Выкладывай, что еще у тебя там горит.

— Хорошо. Оставим Пугача до другого судного дня. Буду говорить без конкретных имен и адресов. Скажем, такая мысль бродит у меня в голове... Народ с каждым годом все образованнее, все больше приобщается к культуре, но... Тебе самому не раз, наверное, довелось видеть: везет грузовик полный кузов янтарной пшеницы, а сквозь щели бежит янтарная же струя полновесных зерен. Не выплескиваем ли и мы что-то дорогое, невосполнимое, на ухабистых дорогах к будущему? Молодежь теряет почтительность к старшим, становятся более шаткими семейные устои, несравнимо меньше трудолюбия и, наоборот, непомерно развилось чувство потребительства. И еще. Мы сами портим, как мы говорим, народ.

— Кто же это — мы?

— Руководители...

— Значит, это я их порчу. И того же Пугача... И как же это мне, руководителю, удается?

— А так. Не боремся с недостатками по-настоящему, отделываемся полумерами, нянчимся, называя это воспитанием. Как-то Знаур пристал: объясни, говорит, ученый человек и член партии, как это так получается, что наша страна покупает пшеницу у Америки и Канады, мясо у Бразилии, масло и куры у Франции, овощи у Болгарии. Почему? Земли у нас мало? Техники? И что, говорит, там, за границами должны думать о великом государстве, которое само не в состоянии прокормить своих рабочих и колхозников, свой народ? Что я ему мог ответить? Сказал, что виноват и я, и Асланбег, и Бексолтан, и Александр. Потому что мы не умеем хозяйствовать, да еще лезем со своими ценными предложениями к тем, умению которых позавидовал бы любой американский фермер. Народ — хозяин земли, а мы не позволяем ему хозяйствовать на основе многовекового опыта, своим вмешательством суем палки в колеса. А там, где надо власть употребить, избираем тактику сторонних наблюдателей... За какие такие заслуги Тузар стал первым секретарем райкома партии? Это ведь он, по наущению Бексолтана, написал донос на Георгия. И по рекомендации сына Дзарахмета морально нечистоплотный директор школы выдвинулся в руководители района, и теперь дает ценные указания... А Бексолтан... Бог с ними! Самое главное, Александр, во мне тоже сидит кто-то, празднующий труса. Я ненавижу себя за это. Я вижу недостатки, знаю конкретных виновников,— а молчу, не выношу на суд общественности. Почему? Потому что оглядываюсь на вас — на тебя, на Амурхана, на Бексолтана, на Тузара, даже на Пугача, на тестя моего Дзантемира — кто такие рядом с ними Знаур, отец мой Татари, сосед мой Аузби?

— Ты не молчишь. Пишешь...

— Это всего лишь предупредительный огонь.

— Ты, чувствую, на что-то хочешь получить добро?

— Почему ты так решил? — удивился Мурат.

— Не в роли же слушателя ты хотел меня видеть.

— Да нет, просто мы решили завести в газете сатирический уголок, придумать героя, который бы критиковал, не взирая на лица.

— Ага... Он будет палить из пушки и по воробьям, и по орлам, а кто будет наводчиком? Ты?

— И обком, то есть, ты...

— Нет уж, Мурат. Не тешь себя иллюзорными надеждами. Ты возглавляешь редакцию газеты, вот и руководи. И замечай тех, кто подносит спичку...

— Будем думать, что я получил добро. И на том спасибо.

— Рано благодаришь.

Мурат посмотрел на Александра и решительно махнул рукой — где наше не пропадало...

* * *

Начальника треста в бригаде Казбека никто не ждал, и все были удивлены, когда он подкатил на «Волге». В этот день бригада была полностью обеспечена фронтом работ, и Дзантемир придирчиво осматривал кладку, обошел строительную площадку. Отозвав в сторону бригадира, устроил ему разнос:

— Ряды кладки идут вкривь и вкось, расшивка никудышняя. Вы жилой дом строите, а не свиноферму! Сам черт ногу сломит, площадка захламлена, что только тут не валяется, и арматура, и доски, и битый кирпич!

Казбек ошалело смотрел на разгневанного начальника: белены объелся, что ли? Ряды — стрункой, какая расшивка? Дом-то штукатурить будут. И на стройплощадке относительный порядок — не к сдаче же дом готовят...

— Тебе не каменщиком, а газетчиком надо было стать. И сейчас не поздно...

Только теперь Казбек понял, откуда ветер дует, и взорвался.

— Я забыл спросить тебя, кем мне надо было стать. Но я не раскаиваюсь. Статья не понравилась. Ты бы с этого и начал, а не придирался попусту. И не кричи, пожалуйста. Ты меня не нанимал в работники — нечего и...

Дзантемир оторопел: никогда не думал, что этот скромный деревенский парень даст ему такой отпор, посмеет таким тоном разговаривать с ним. Да, не следовало так грубо отчитывать лучшего бригадира треста.

Парню тоже стало не по себе. «Как-никак, начальник треста, намного старше, да еще тесть Мурата. Распустил язык. Конечно, он тоже хорош, но нельзя отвечать на ругань старшого руганью, отец бы мне уши надрал...»

Дзантемир уловил на лице парня тень смущения и примирительно сказал:

— Прощаю тебе по молодости лет...— И, смерив взглядом его ладную крепкую фигуру, добавил: — Завтра в пять часов вечера будь в большом зале Дома Советов.— Голос Дзантемира столь разительно переменился, что Казбек пришел в совершенное смятение: тот ли человек стоит перед ним, который только что поносил его почем зря? Кажется, вот-вот расплывется в улыбке...— И оденешься поприличнее... У тебя есть выходной костюм?

— Есть... Так себе.

— Изношенный?

— Да нет, но... — Казбек еще не понял причины столь крутого поворота разговора. — А зачем...

— Придешь — узнаешь все,— загадочно сказал Дзантемир и уехал.

На этом чудеса, конечно, не закончились.

Казбека выбрали в президиум, и он сел рядом с Дзантемиром.

— Хороший костюм, а ты говорил... И галстук под цвет,— похвалил начальник треста.

— А у меня других нет, сами сошлись, специально не подбирал...

— А ты злопамятный...

— Клянусь, нет...

Тут Казбек услышал свою фамилию. «Много замечательных коллективов трудится на стройках нашего города. И лучшей среди лучших по праву считается бригада каменщиков, возглавляемая коммунистом Казбеком Царгасовым...» — говорил Амурхан.

Дзантемир толкнул его локтем в бок. Казбек смущенно улыбнулся. Не очень обрадовала его похвала, да здесь не место вносить уточнения.

Под конец передовым рабочим и бригадирам Амурхан вручил именные подарки. Казбека наградили золотыми наручными часами. Выходя из здания, он услышал знакомый голос:

— Ясно: золото кому хочешь вскружит голову!

Оглянувшись, он увидел улыбающегося Мурата.

— Здравствуй, Мурат.

— Беру свои слова обратно: ты еще узнаешь своих,— Мурат пожал ему руку.

— Это все стараниями твоего тестя.

— Моего тестя? Не иначе, как готовит тебя на свое место.

— Ну, замахнулся!

— Попомни мое слово...— Мурат состроил скорбную мину.— Эх, потеряла газета своего боевого рабочего корреспондента...

— Ты меня имеешь в виду?

— Именно тебя. Кому златом и серебром не затыкали рта...

— Ошибаешься, Мурат.

— Ну молодец, если так,— Мурат весело хлопнул Казбека по плечу.— А жених ты — загляденье. Если есть кто на примете — только укажи. А?

Казбек замялся. «Сказать?» Не решился...

— Пожалуй, подожду, пока не займу место Дзантемира.

— К тому времени, дорогой, твоя суженая станет древней старухой.

— Мурат, а ведь...

— Чего мнешься?
— Ладно, отложим...

* * *

Рима училась на заочном отделении экономического факультета сельскохозяйственного института. Сегодня у нее был экзамен, и Казбек, зная это, пришел поболеть за нее. Он волновался, словно ему самому предстояло взять билет и стоять у доски.

И когда Рима вышла из аудитории сияющая, Казбек подскочил к ней.

— Ну, как?
— Так...
— Ответила?
— Ответила. На четверку...
— Не так уж и плохо для ленивой студентки, так и быть, сведу по такому случаю в ресторан.
— Ой, Мурат идет!
— Пусть идет. Чего ты испугалась?
— А что я ему скажу, почему ты здесь?
— А ничего. Он смышленый малый, все поймет без слов.

Подойдя к ним, Мурат сокрушенно покачал головой:

— Опоздал. Сдала уже?

Рима утвердительно кивнула, потупила глаза.

— Мурат, ты ее сейчас будешь бить или потом? — спросил Казбек.
— Испугались? То-то! Казбек, что она получила? Пятерку?
— Бери ниже.
— Четверку? Сойдет. Так. А куда мы пойдем?
— Я предлагаю ресторан...

24

Кларе наконец-то выделили квартиру из двух маленьких комнат. Она купила кровати, диван, шифоньер и шкаф для посуды.

Клара была счастлива: теперь и у них есть своя крыша над головой, не будут больше по чужим углам маяться... Ей не терпелось поделиться с кем-нибудь радостью, и она пригласила Мурата и Залихан.

К приходу гостей приготовила вареники с клубникой, грибы со сметаной.

— И мертвого поднимут твои грибы, честное слово! — нахваливал ее Мурат, с наслаждением уплетая их и подкладывая в тарелку смущавшемуся Муратику.

— По рецептам ростовских знакомых приготовила,— ска-

зала Клара и тут же пожалела об этом. И как часто бывает, от растерянности еще и добавила: — Муж научил.

— Клара, мне неудобно спрашивать, но раз ты сама...

— Зали, разве я тебе не говорил, что он погиб?..

Залихан подняла на мужа удивленные глаза и закивала:

— Да, да... Совсем забыла. Пенсию... ой, пособие на Муратика..

— Нам немного надо...— сказала Клара. У нее окончательно испортилось настроение. Сама виновата, нечего было этой змее тему подбрасывать. Строит из себя аристократку, не ест, а пробует через силу. Залихан тоже злилась, только не на себя, а на Мурата. Заступился, видите ли, джентльмен. Мурату передалось настроение Клары. Он в свою очередь во всем винил жену.

Поговорили еще о том, о сем, и Мурат встал.

— Спасибо тебе, Клара, за чудесный ужин. Но пора и честь знать...

Поднялись и женщины.

— Всяческих благ тебе, Клара. Очень приятно было познакомиться. У меня такое чувство, что я в твоем лице приобрела сестру,— без тени смущения сказала Залихан.

Клара тоже не отстала:

— И я очень рада, Залихан. Я давно просила Мурата познакомить нас. Всегда буду рада видеть тебя.

— Теперь ты к нам приходи.

— С удовольствием...

* * *

— Добрый вечер, Мисурат,— Клара улыбалась, видя, как та силится вспомнить ее.

— Добрый вечер,— растерянно ответила Мисурат, продолжая изучать Клару. Нет, никогда она прежде не встречала эту красивую женщину,— разве такую можно забыть... Они стояли у входа в универмаг, как старые знакомые.

Клара забеспокоилась: а вдруг обозналась?

— Ты Мисурат?

— Да, Мисурат, а вот тебя...— она скорее угадала, чем узнала Клару.— Подожди, подожди... Ты не Клара?

— Вот и снова познакомились через сто лет,— Клара грустно улыбнулась. Перед ней стояла высокая стройная женщина с заметной сединой. Не скажешь, что ей сладко живется: лицо усталое, глаза поблекли...

— Я рада, Клара. Хорошо, что ты меня узнала... захотела узнать,— добавила Мисурат, и у Клары екнуло сердце.

— Мисурат, если ты не против, пойдем ко мне...

— Удобно ли? Прямо с улицы...— Мисурат беспомощно смотрела на Клару, чувствуя себя в чем-то виноватой перед ней.

— Удобно, Мисурат, удобно. Что тут предосудительного?

— И впрямь, чего я ломаюсь? Пошли!

В ответ на ее решительный тон Клара рассмеялась, и Мисурат по-хорошему позавидовала ее беспечности.

Два часа пролетели, как одна минута. Вспомнили годы своей сиротской юности, общих знакомых. И, наверное, как все женщины, в разговоре незаметно перешли к личной жизни.

— А как твоя семейная жизнь? Ладите с мужем?

У Мисурат вырвался непроизвольный вздох.

— Ладим... Хватает всего понемногу. Квартира не ахти какая, пока все вещи разбросаны по углам, как у переселенцев. Скоро наведу порядок и тогда милости прошу,— Мисурат встала.— Я пойду, Клара, а то свекровь допрос учинит.

— Заходи, Мисурат, не стесняйся. Мне тоже одной не очень весело, хоть развеюсь иногда.

Только через месяц Мисурат удалось заскочить к Кларе. Только-только успела она присесть, как кто-то постучался и в дверях показалась взлохмаченная голова Пугача. Мисурат стало неуютно под его удивленным взглядом, но, быстро овладев собой, она радостно приветствовала его. Но еще больше, чем Мисурат, огорчился Пугач, когда Клара пошла открывать новому гостю — Мурату.

— Ого! Цвет Тагардона в полном сборе! — весело воскликнул Мурат.— Здравствуй, Мисурат! Какими судьбами ты оказалась в этой гостеприимной сакле? Привет, Харитон Степановсын. Наслышан, наслышан о твоих успехах на новом поприще. Или меня неправильно информировали? Жалуешься на что? — Мурат, не дожидаясь ответа Пугача, повернулся к Кларе.— Хозяйка милая, не дай мне умереть с голоду, а то Тагардон не досчитается одного из своих худосочных сыновей,— конечно, не велика потеря, однако...

Пугач вежливо улыбался, но про себя проклинал того, кто в этом мире распоряжается симпатиями и антипатиями людей: ну что, что, скажите на милость, нашли Залихан, Клара, Мисурат в этом огородном чучеле, в мужчине, который зимой снега не в состоянии добыть! О, тайна женских сердец... Но Пугач терпелив, он свое не упустит — придет вожделенный час, придет. А будет медлить — ускорим приход...

Мисурат тоже не без любопытства присматривалась к Мурату, стараясь уловить, что скрывается за его домашней непринужденностью — дружеское отношение или что другое... Как бы там ни было, она завидовала Кларе: она свободна, ни перед кем не обязана отчитываться о своих привязанностях, поступках.

Через несколько дней Мурата вызвал Александр. И между прочим поинтересовался:

— Мурат, это между нами... Скажи, ты можешь поручиться, что хорошо знаешь Клару?

Мурат насторожился, недоуменно вскинул брови.

— Ты спрашиваешь так, словно я рекомендовал ее на дипломатическую работу...

— Дипломатическую не дипломатическую, но есть кое-какие соображения.

— Александр, не играй, пожалуйста, со мной в прятки.

Александр потер бровь тыльной стороной ладони, плутовато заморгал глазами — да, врать он не умел...

— Хорошо. До нас доходят порочащие ее слухи... Ее и тебя,— он выдвинул ящик стола и протянул Мурату исписанный нарочито корявым почерком листок из ученической тетради.— Можешь гордиться: за твоей персоной установлено негласное наблюдение, без следа не исчезнешь...

Письмо писалось от имени соседей Клары. Доброжелатель сообщал, что редактор республиканской газеты, пользуясь тем, что его жена с сыном отдыхает на берегу Черного моря, устраивает оргии с сожительницей, следователем прокуратуры. Эта распутная женщина к тому же предоставила ему свою квартиру для свиданий с женой уважаемого всеми человека. Вместе с Мисурат он ездил в Москву, жил с ней на квартире ее сестры. Вот таким, заключал доброжелатель, с позволения сказать, коммунистам, вы доверяете писать о других фельетоны, сажать других в тюрьмы... Мурат бросил бумагу на стол.

— Мурат, мне-то ты можешь признаться. Не как секретарю обкома партии, а...

— Александр, тебе приятно меня оскорблять?

— Я оскорбляю тебя своим недоверием?

— Это не так уж сложно понять. Да, я бываю у Клары. Да, я встретил у нее Мисурат. Но что ее туда привело — пусть сама объяснит. Да, я ездил в Москву по делам и встретил в поезде Мисурат, жил у ее сестры... Но мне жена сына Дзарахмета не нужна в любовницы. И вообще я не любитель жизни с двойным дном. А автор этого пасквиля, ручаюсь головой, небезызвестный тебе Харитон Степанов-сын, Пугач, то бишь.

— Зачем ему это нужно?

— Ему, может, и нет, он послушное орудие в чужих руках. Думаю, сам знаешь, в чьих.

— Прости, Мурат.

— Александр, удивительно, все мы о себе мним, и люди о нас думают, что мы — люди высокопоставленные, не от мира сего, стоим у руля, решаем архиважные проблемы, в то время, как... Оказывается, мы тоже не прочь разгрести мусор, покопаться в грязных простынях. И кто бы этим занимался с государственной, с державной важностью на челе, как не сын Дзарахмета...

* * *

— Я уже высказывалась по поводу проекта, который мы сегодня обсуждаем, но меня недопоняли или не захотели понять, поэтому я повторюсь. Через пятьдесят-шестьдесят лет население Осетии возрастет до миллиона жителей. И около половины его будет жить в столице республики. Дополнительно понадобится построить — я имею в виду дополнительно к настоящему живому фонду — что-то порядка, скажем, одной тысячи многоэтажных зданий. Вопрос в том, где строить. Мы отвечаем: в черте города! На месте бесчисленного множества одноэтажных невзрачных домиков, многие из которых сложены из булыжника,— Мадинат на схеме города обвела указкой районы Молоканки, Осетинской слободки, Шалдона, за Тереком.— Да, конечно, семьям, живущим в этих домах, подлежащих сносу, нужно предоставлять квартиры в первую очередь, да еще по выбору. Но если мы пойдем по другому, облегченному пути, то наш город из компактного превратится в разбросанный и растянутый донельзя населенный пункт. Чем это чревато? Вместо предполагаемой экономии средств все обернется двойным перерасходом в точном соответствии с поговоркой, что скупой платит дважды: это и инженерные коммуникации, и дороги, и транспорт, и неудобства, связанные с местом работы для тысяч людей. И, главное, непомерно разросшийся вширь город займет пахотные земли, уничтожит так любовно ухоженные сады-огороды и общественные сады...

Мурат с интересом слушал Мадинат. Она говорила так уверенно и убежденно, как это дано только человеку, знающему толк в деле.

— Мы должны построить город не сегодняшнего дня, город не крупноблочных и кирпичных пятиэтажных бараков, с архитектурной точки зрения абсолютно несостоятельных, не выдерживающих никакой критики и потому со временем обреченных на слом. Мы должны построить такой город, которому есть место в будущем, жить в котором и приятно, и удобно не одному-двум поколениям, а десяткам поколений. И здания, воздвигаемые на наших глазах, не должны в будущем компрометировать нас как людей, не обладающих ни знаниями, ни вкусом, не умеющих ни считать, ни экономить в границах разумного. Товарищи! От имени архитекторов я призываю вас: не принимайте предлагаемый проект генерального плана города. У строителей, ратующих за данный проект, свои чисто ведомственные, узкие интересы. Им на голом месте легче строить, вот и все. От позиции, которую вы изберете, зависит исход борьбы красоты с уродством, ответственности с халтурой. Наконец, от этого зависит судьба миллионов народных рублей. У меня все...— Мадинат спускалась с трибуны, глядя под ноги. Она прекрасно понимала, что ее выступление вызовет отнюдь не рукоплескания, что ее слова идут вразрез с мнением

Первого и других людей, обладающих немалой властью, но она все-таки решилась на этот отчаянный шаг.

Робкие хлопки Мурата, рассчитанные на то, что его поддержат другие, в вязкой тишине прозвучали крайне неуместно.

Первый, горестно покачав головой, тяжело поднялся, и, не подходя к трибуне, подвел итог:

— За исключением двух товарищей, все выступающие высказались за принятие данного проекта. Я думаю, что разговоров достаточно...

Мурат недовольно задвигался, вытянул шею, высматривая Мадинат. Он не ошибся: Мадинат не стерпела:

— Тут нельзя решать простым большинством голосов. Мнения специалистов сходятся на одном: проект негоден. Надо прежде всего думать об интересах народа, который нам не простит верхоглядства!

По залу прокатился возмущенный гул.

Амурхан мягко, по-отечески снисходительно улыбнулся — ну что прикажете взять с нее, сущее ведь дитя...

— Ишь ты! Они — о народе пекутся, а мы с вами, большинство, какая-то безликая масса, против народа точим штыки.— И, хлопнув ладонью по столу, отчеканил.— Каждому необходимо отдавать отчет в том, что он говорит и где он говорит. Мы и так сыты демагогией!

У Бексолтана не было никакого определенного мнения по обсуждаемому вопросу, и он сидел с отрешенным видом. Но когда Амурхан, еле сдерживаясь, упрекнул Мадинат в демагогии, тут Бексолтан уже не мог усидеть: запахло политикой, где Бексолтан ни перед кем не спасует. Его не смутило и то, что после Амурхана по регламенту никому не следовало брать слово.

— Вообще-то после...— Амурхан посмотрел в зал, добродушно улыбнулся.— Откажи — архитекторы назовут меня узурпатором. Говори, Бексолтан Дзарахметович.

Бексолтан оправил на себе пиджак, вперил в зал немигающий взгляд.

— Честно признаться, я и мысли не держал выступить, но здесь говорят такое, что ни в какие ворота не лезет... Нет вопросов и дел вне политики! У меня не хватает слов выразить недоумение по поводу позиции некоторой части нашей творческой интеллигенции. Послушаешь их, так выходит, что областной комитет партии не болеет за народные интересы. Это же абсурд! Политическая глухота и слепота! Посулами прекрасного будущего сыт не будешь, дома не построишь. А люди хотят сегодня, уже сегодня иметь над головой прочную крышу, иметь кров. А что предлагают наши уважаемые архитекторы? Лишить своего угла и тех, кто его имеет. Это как раз и есть антинародная...

— Вот где демагогия! — Реплика Мадинат была достаточно громкой.

Бексолтан запнулся на полуслове, растерянно оглянулся на Амурхана. Тот отыскал глазами Мадинат и буркнул:

— Мне уже самому неудобно делать тебе замечания. Продолжай, Бексолтан Дзарахметович...

— Это чистой воды дема...— Он поперхнулся, и в зале прокатился смешок. Но Бексолтан быстро овладел собой.—Это как раз и есть антинародная платформа. И очень жаль, что республиканская газета, не посоветовавшись с обкомом партии, щедро предоставила свои страницы для...

— О чем ты говоришь, Бексолтан Дзарахметович? Что ты нашел крамольного в статье Мадинат? Она обоснованно отстаивает свою точку зрения, которую я, кстати, полностью разделяю...— прервал его Мурат.

— Вот-вот: ты разделяешь, а мы... а обком — нет.

— И — напрасно.

Амурхан предупреждающе поднял руку:

— Здесь не место для перебранок. Ответ наш однозначен; возражения уже не принимаются. На рассмотрение бюро обкома партии выносится проект, предложенный...

* * *

Мадинат, казалось, всю злость решила сорвать на Александре.

— Твой шеф строит из себя ученого-энциклопедиста. С таким апломбом говорит о деле, где он абсолютный профан! Да и сын Дзарахмета тоже. Дзантемир незаслуженно пожинает лавры победителя. Ничего не понимаю, Александр...

— Тебе и не надо понимать, ты женщина.

— Отшучиваешься? Вот так всегда...

— Ну, что я тебе могу сказать? Что у Амурхана должность такая? Бексолтана никто не лишал права голоса по всем обсуждаемым в обкоме вопросам. Что у Дзантемира не лавровый венок, а терновый — ответственность вон какая.

— Тебе, случаем, никак не доводится Амурхан Николаевич? Может, предки у вас из одного ущелья, как с Бексолтаном, или ты его односельчанин и друг юности, как Дзантемир?

— Мадинат, моей подписи там не будет, вот это я тебе обещаю.

— Это ничего не изменит.

— Возможно... Но и я себе не изменю,— Александр подошел к жене, нежно погладил ее по голове.— Эх, Мадинат, Мадинат, умная у тебя головушка, да бурливая. Не имею я права даже тебе говорить о том, что происходит там у нас, не имею. Не думай, что наши решения бывают приняты без сучка и задоринки.

— Ты не выносишь сора из той избы, но другие не столь щепетильны: народ все знает.

— А народ и должен все знать... что достойно его внимания.

— Ладно. Ужинать будем?

— Вот это уже голос любящей жены! Да... А Батуня? Я схожу за ним в ясли...

— Вспомнил... Он давно уже дома.— Мадинат направилась было на кухню, но, остановившись на полдороге, обернулась.— Хочешь, я тебе сама отвечу на собственные вопросы?

— Ага, хочу...

— В народе ходят слухи, что Амурхан недоволен тобой, вот потому он все мои предложения встречает в штыки. Пошатнулась почва и под твоим протеже — Муратом. Или я ошибаюсь?

25

8 ноября на центральной площади села открывался памятник — обелиск погибшим воинам, пятисот пятнадцати молодым тагардонцам.

Аузби был в черной черкеске, в черном сатиновом бешмете. На серебряном ремешке черный кинжал. Даже газыри черные. Когда предоставили слово ему, он выступил вперед и глуховатым голосом сказал:

— Что мне сказать вам, дорогие односельчане? В день тяжких испытаний наша молодежь не опозорила отцов, не щадя жизни сражалась за свободу и независимость своей Родины. Ценой жизни отстояла нас... Пусть их имена никогда не изгладятся в памяти людей. Пусть мы с вами окажемся достойны их подвигов. Сегодняшней молодежи мы желаем не изведать того, что выпало на долю тех, чью память мы сегодня увековечиваем... Проводите свои дни в счастии, добре и здравии, мои дорогие односельчане.

Аузби медленно вытащил кинжал из ножен и разрезал ленту. Покрывало волнами скатилось, спало, и открылся девятиметровый черномраморный пилон. На нем золотыми буквами с обеих сторон были высечены имена всех погибших односельчан.

Глухим шелестом дождя звучал плач женщин.

Мурат, обнажив голову, подошел к памятнику. Он читал фамилии ребят и перед глазами вставали их лица. Но вот он увидел имя старшего брата Тотырбега, а под ним... Мурат начал читать шепотом: Булатаев Сосланбег Аузбиевич, Булатаем Махамат...

Ноющая боль сдавила сердце, и Мурат поежился, как от холода.

Люди подходили к памятнику, что-то шептали, коснувшись

рукой холодного камня, и уходили со скорбно опущенными головами. У каждого было свое горе, и у всех было одно горе... Видя, что старик совсем обессилел, Мурат отвез его домой. Аузби устало опустился на длинную скамейку у забора, тихо произнес:

— Посиди, дорогой. Если время позволяет.

Мурат присел рядом, хотя не думал задерживаться.

— Ты не забыл, мое солнышко, времена, когда на нашей улице кроме тебя и меня мужчин уже не было?

— Как можно,— тихо ответил Мурат.

Старик не расслышал слов своего младшего друга. Он был еще во власти тяжких воспоминаний, раздумий о своей нелегкой, можно сказать, трагической жизни, которые нахлынули на него, когда он стоял у обелиска. И сейчас он, хотя и обратился с вопросом к Мурату, разговаривал и рассуждал сам с собой...

Без жертв на войне не бывает. Это он понимал и знал, сам был участником двух войн. Но как же случилось, что из пяти сыновей ни один не выжил? Ну, были бы в одной роте, в одном полку, тогда бы можно было что-то понять. Но в разных частях, даже на разных фронтах. Почему его дом оказался таким проклятым? Всю жизнь старался жить ради людей, себя не жалел. Сколько лет продолжались его мучения! В семнадцатом году как связал себя с революцией, так до сих пор живет только ее делами.

Аузби вспомнил далекие годы, когда он защищал молодую революцию от таких же кровожадных недругов, какими были фашисты, жуткое побоище в Черном ущелье. И хотя это были враги, которые жаждали уничтожить его самого, он и потом, спустя десятилетия, не мог спокойно думать о том, как камни лавиной летели вниз и давили в узком темном ущелье таких же молодых, как он сам, или даже моложе, которые еще и жить-то не жили, но которых собственники земель, фабрик, заводов, обладатели высоких званий и чинов втянули в братоубийственную войну... Аузби мечтал о такой жизни, где бы один другому не мешал под этим теплым, ласковым солнцем заниматься земными делами: пахать землю, жать пшеницу, косить сено, пасти скот, растить детей. Мог ли он тогда представить, что вместо пятерых мужчин в доме останется пять пустых могил на старом кладбище за селом?

Сколько смертей видел Аузби за свою долгую жизнь!

...В теплый майский день прощался со своим ближайшим другом Даутом, отцом Александра, председателем недавно созданного в Тагардоне колхоза «Иристон».

«Аби,— так Даут ласково звал Аузби,— сегодня понедельник. В пятницу буду здесь»,— обнял друга своими крепкими руками и закружил его.

«Аби, что тебе привезти?»

«Себя... Себя привези».

Почему отпустил его одного? Почему не поехал с ним?

Сколько раз с тех пор упрекал себя Аузби, потому что на второй день Даута привезли на бричке. Враги расправились еще с одним организатором новой жизни. И сегодня там, где дорога проходит мимо густого леса, стоит высокий камень. Его привезли из Черного ущелья и установили на месте гибели первого председателя колхоза «Иристон».

«Настоящий мужчина был, не то что я»,— подумал Аузби. И вдруг уши его уловили мелодию песни. Явственно звучал голос Симона Озоева. Он сложил песню о Дауте, где были слова:

У Черного леса в предсмертных муках Даут думает,
Даут думает,
Кто сообщит о моей смерти верному другу,
Аузби моему, Аузби моему?

Ах. какой сильный, красивый голос был у Симона! Но почему оборвалась его песня? Чья черная рука задушила этот прекрасный молодой голос в тридцать седьмом? А дочь Симона, как две капли воды, похожа на своего отца. Почему он не знал ее до сих пор? Почему не бывал в доме Симона? Потому, что долго верил... Кому?! Ежову, Берия... Будь они прокляты. А главное, Сталину. Ох-ох-ох!

— Ты не знаешь, почему все так получилось? — сказал Аузби вслух. Но его никто не слышал, потому что Мурат, чувствуя состояние старика, тихо встал и ушел. Пусть побудет один, пока он отдаст кое-какие распоряжения шоферу. А мысли старика переключились на дела сегодняшние. Как-то Аузби обошел сооружаемые из дорогого обожженного кирпича длинные помещения.

— Это же при Бексолтане еще начали строить, по его настоянию,— пояснил ему Асланбег, который и привез его сюда.— И даже сам первый секретарь обкома лично занимался этим строительством. Говорят, будет образцово-показательная ферма.

«Сколько все эти сооружения стоят?» — спросил Аузби.

«Всего два миллиона. Не колхозных, государственных».

«Ох-ох-ох! А коров сколько думаете содержать?»

«Тысячу двести. И молодняка столько же. Так нам говорят».

«А коровы есть?»

«Надо покупать».

«Опять за счет государства?»

«Другого выхода нет».

«А почему у большой дороги? Самое неудобное место».

«Зато на всеобщее обозрение».

«А чем кормить будете скот? Вы же существующую ферму не можете обеспечить кормами».

Председатель колхоза пожал плечами.

И опять мысли унесли старика в прошлое.

...Слабо мерцает лампа-керосинка в широком поле. И вслед за этим мерцающим огоньком двигается слепой трактор. «Баппу! Ради бога, подожди немного. Не мучай себя. Мы все сделаем» — Аузби уставился в темную даль, откуда раздавался голос его старшего сына и где за ним бежали младшие братья. Но как ни старались они, так и не приблизились к своему отцу. Тогда Аузби сам двинулся им навстречу...

Задрожав, как в лихорадке, Аузби вскочил и упал прямо в руки подоспевшего Мурата...

* * *

В Орджоникидзе Мурат приехал поздно ночью. А утром позвонил Бексолтану.

— Доброе утро. Ты слышал?

— Доброе утро, Мурат. Что ты имеешь в виду?

— Аузби скончался...

— Что ты говоришь! Светлой памяти. Больно слышать... И когда?

— Вчера. Я должен ехать...

— А это... семинар редакторов районных газет? Тебе бы сегодня следовало там выступить.

— Я не в состоянии. Поручу заму.

— Смотри... Я бы тоже поехал, но столько накопилось дел, не терпящих отлагательства...

... Кладбище. Тысячная толпа. Сюда пришли родственники, односельчане, жители окрестных и дальних сел.

На траурном митинге выступил второй секретарь райкома партии, от имени жителей села слово прощания произнес Татари, от имени фамилии Булатаевых народ поблагодарил седобородый старик, последним от имени горожан выступил Бимболат:

— Прощай, отец... Пусть земля тебе будет пухом... Аузби учил нас быть настоящими людьми, быть достойными высокого звания коммуниста. Я это говорю от имени Александра, от имени Мурата, от имени Асланбега, от своего имени и от имени многих и многих. Аузби, ты посмотри, сколько народу отдает тебе последний долг, посмотри на своего сына Володю, офицера Советской Армии. Мы преклоняемся перед твоей героической жизнью. Прощай, наш ласковый и суровый отец, наш мудрый наставник, наш уважаемый старший. Пусть наши горючие слезы сделают безгрешной твой бесконечный путь в том мире, куда уходишь ты, навсегда покидая нас.

Мурат стоял у края могилы и думал о том, что со смертью Аузби в его жизни пролегла граница: начинается еще одна жизнь, где память всегда будет возвращать его к дорогому человеку, коммунисту, с которым будет сверять все свои дела,

поступки, мысли. И еще думал о том, что поколение Аузби, творцов и защитников завоеваний Октября, жило по другим меркам, в другом временном измерении, жило другими темпами, другим дыханием, горячо и на износ, а его, Мурата, поколение, живет с оглядкой, с прохладцей, вполсилы, как бы стыдясь горения и отдавая предпочтение размеренному току жизни, уповая на то, что все само собой образумится, что время рассудит всех...

26

У Казбека иссякло всякое терпение. Сколько, наконец, можно? Фронт работ есть — работать нечем. То перебои с кирпичом, то раствор — один песок, то перекрытий нет, то арматуры. Надоели и ухищрения прораба. Закрывает фиктивные наряды, то выдумывает уборку строительного мусора, то перемещение грунта на далекое расстояние, то какие-то мифические оползни...

Казбек набрал номер редактора газеты.

— Мурат? Салам.

— Привет, Казбек.

— Мурат, даю сигнал бедствия!

— Не огорчайся, если сели на мель,— значит, не утонете...

— Как раз тонем! В разных оползнях. Короче, пришли перо. Толковое. Увидит на месте. Поможем увидеть!

Корреспондент вернулся в редакцию в крайне возбужденном состоянии:

— Там такое творится, такое!

— Словом не сказать, пером не описать?

— Пером можно описать...

— В трест ходил? — спросил Мурат.

— Да. Все правильно. Рабочие говорят правду.

— А на кирпичном заводе, у других поставщиков побывал?

— Нет, не успел.

— Обойди всех по кругу.

— Фельетон: «Порочный круг в квадрате»?

— Материал сам подскажет жанр...

В субботнем номере газеты появился фельетон «Оползни... в гору».

Вечером Залихан набросилась на Мурата:

— Ты когда-нибудь оставишь в покое отца? Что он тебе худого сделал, что?

— А я что ему делаю? В фельетоне его имя даже не упоминается.

— Ни я, ни отец тебе не нужны!

Мурат опешил. В нем закипало бешенство — который раз она устраивает ему такие сцены: об этом не пиши, того не касайся. Один друг семьи отца, другой друг нашего друга, третий с нами каждый раз при встрече здоровается.

— Мы разве кого-нибудь оговорили?

— Одно я знаю: папа очень недоволен.

— Еще бы! Но он мог не доводить дело до фельетона. Мы переадресовали ему несколько жалоб, а он даже не удосужился ответить редакции.

— Я устала, понимаешь, устала оправдывать твои глупости!

— Оправдывать мои глупости? — Мурат был изумлен. — А мне надоело огораживать твоего бестолкового отца. Я бы с превеликим удовольствием хвалил его, если бы он заслужил.

— Он отдал тебе самое дорогое, что у него было — свою единственную дочь! — взвилась она.

— Лучше бы воздержался...

— Ты прав, лучше бы он этого не делал. Посмотри на меня. Кто еще, кроме меня, ходит в таком допотопном пальто? А платья? И таких туфель тоже уже никто не носит, разве что старушки... Конечно, тебе ли со своих высот спускаться до таких мелочей...

— Будет и на нашей улице праздник. А сейчас, может, накормишь меня?

— Подожди уж до праздника. У меня тоже не доходят руки до таких мелочей, как еда — можно обойтись...

Мурат застыл посреди прихожей. Потом круто развернулся и хлопнул дверьми так, что задрожали оконные стекла. Вернулся только поздно ночью. Она встретила его миролюбиво, да и супружеское ложе примирило их. Утром они были веселы, позавтракали вместе и вместе вышли из дому.

Вечером застал у себя тещу. Мурат обрадовался ей, однако с первых же ее слов понял, что радость его была преждевременной.

— Что шифоньер, что буфет, что кровати — лицо горит от стыда. У людей импортная мебель, а у вас — железяки да дровяшки. А ковры? Половики старые. Хорошо еще, что Залихан кое-что взяла с собой, а то со стыда можно было сгореть.

Залихан подлила масла в огонь.

— Мама, о чем ты говоришь? Кто какое воспитание получил...

— Я на свою жизнь не жалуюсь,— еле сдерживаясь, сказал Мурат.

— Слышишь? Иди, поговори с таким! Только и слышишь от него: работа, работа, работа! Провалиться бы этой работе! Вместе с...— Голос ее сорвался, и она, рыдая, бросилась на диван.

— Все работают, но работают для того, чтобы жить по-человечески, по-людски! Уважающий себя человек в этой квартире даже одну ночь не переночует!

Мурат понял, что разговором о мебели он обязан теще. Повернувшись к ней, с плохо скрываемой иронией сказал:

— Премного благодарен за приданое дочери, спасибо, что не колете глаза моей бедностью. Я собираюсь написать роман-хронику о жизни одной благополучной семьи, издам ее, получу гонорар, может быть, даже Нобелевскую премию. Вот тогда мы развернемся, обставим новую пятикомнатную квартиру — ого-го!

— Паяц несчастный! Дурак, набитый соломой! Ты напиши роман о жизни семьи колхозного кузнеца, восславь Советскую власть, которая всех нищих...

— Замолчи! Твоему отцу-начальнику до моего отца-кузнеца еще шагать и шагать! — Мурат задыхался от гнева.— Это вы, вы нищие! Побирушки! Да, я дурак, и тут не поспоришь, иначе почему мы с тобой под одной крышей? — Круто повернувшись, Мурат ушел.

В эту ночь он не вернулся домой.

* * *

Мурат и Георгий сидели в кабинете редактора.

— Когда-то я считал профессию учителя счастьем для себя,— говорил Георгий.— Но жизнь похлеще внесла свои коррективы... Думаешь, я избавился от косых взглядов! О, нет. Никому не докажешь, что ты был безвинной жертвой... Как тут еще помышлять об учительстве...

— Ты полностью реабилитирован. И можешь завершить свое образование. Из-за одного года...

— И завершу, Мурат, завершу! Но учителем... У меня своя задумка: иду в строители, организовываю строительную артель в родном с колыбели колхозе.

— А я, грешным делом, уже решил, что хочешь пристроиться к длинной очереди мигрирующих в город. Так скоро в селе одни собаки останутся.

— Тех беженцев, Мурат, тоже понять можно. Чем, скажи, удержать молодежь в селе? Какой перспективой роста? Какими культурными благами? Развалюхой-клубом? Или крытыми соломой полевыми станами? Ну, чем прельстишь?

— Ты прав. Надо строить... Но, думается, ты не прожектер...

— Угадал, Мурат. И, знаешь, кто мой научный руководитель? Мадинат! Я целый год отдал математике, в голове не мозги, а справочник по формулам — иду на штурм строительного факультета. Заочно! И сегодня к Мадинат приехал.

— К Мадинат?

— Да. Она помогает с проектами.

— У тебя уже и проекты есть?

— А то нет? Мы уже с Асланбегом все обмозговали. Но ты ничего пока в блокнот не записывай. Это моя радость, и ею пока не делюсь с миром. А вот болью и тревогой...— Георгий тяжелым кулаком постучал по груди.— Эх, сколько еще сво-

лочи марает землю! Ты когда-нибудь видел хоромы, которые отгрохал Азанбег?

— Нет...

— Закачаешься! Вот тебе и холуй фашистский. А Пугач этот... Тузар наш... Бексолтан преподобный... Засели они у меня в печенках, кровь портят. Не ушел бы со склада — не выдержал бы, с кулаками бы набросился на Азанбега, хотя кулаками здесь не поможешь.

— А пером? — грустно улыбнулся Мурат.

— Пером — вернее. А еще лучше судом. У них земля должна гореть под ногами, а они блаженствуют, да еще посмеиваются над такими глупцами, как ты да я.

— Тут, Георгий, наскоками ничего не добьешься. А я знаю, что этот подотряд хищников обречен, нет у него будущего.

— А пока пусть жиреет?

Мурат вздохнул, развел руками.

— Не будем завидовать их жизни — они спят на иголках...

— Сомневаюсь...

* * *

Татари был немало удивлен, увидев во дворе кузни Знаура. Что в такую рань его могло привести? Недобро кольнуло сердце.

Поздоровались. Обменялись несколькими обычными фразами, и Знаур бросил пробный камень:

— Я тебе так скажу... Нет ничего хуже, чем лезть в чужой огород с советами. Сам не умеешь яйца варить, а другого учишь пироги печь.

— Так... Не томи душу, говори, какие пироги с утра принес.

— Не решаюсь обжечь тебя моими пирогами, но, уж так и быть. Был, значит, я недавно в городе. И занесла меня нелегкая к сестре. Татари, ты знаешь мое отношение к твоему дому. Мурат вырос на моих глазах... И вот... Было очень больно слушать такое о Мурате... Да еще просили поговорить с тобой.

— Знаур, ты можешь, наконец, сказать, что случилось?

— Татари, беда твоего дома — несчастье моего порога. Не первый год мы знаем друг друга, поэтому и сую свой нос в чашу твоего дома. Не ладят моя племянница и твой сын, не по одной борозде идут. Но дело не только в них. Тут, понимаешь, еще какие-то женщины... Дочь Дунетхан, Дзарахмета сноха... И прокурор.

— Прокурор?!

— Да. Тоже женщина. Красивая. Анисы дочь. Да, да, та самая. Ты прости, что заставил тебя волноваться. Держал бы в себе — был бы врагом тебе...

Татари невидяще смотрел куда-то мимо долговязой фигу-

ры Знаура. Разве все это говорилось о его сыне? Что он, с ума сошел, совесть потерял? Или это... сплетни?

— Знаур, так это тебе говорила мать нашей снохи?

— Слово в слово, Татари. Если приврал — не сойти мне с этого места. А правда это или сорока на хвосте принесла — одному высокосидящему видно.

У Татари все валилось из рук. Но работал, как всегда, до самого вечера, даже на обед не ушел. А придя домой, все пересказал Фатимат. Та, в отличие от Татари, ко всему отнеслась спокойно, пылинке не дала сесть на Мурата.

— Не верю! Ни одному слову не верю. Мурат? Да чтобы Мурат под такой позор голову подставил? Нет, не поверю никогда... И Мисурат не такая...

— Вертихвосткой была и осталась ею, стрекоза...

— Не была! Не той породы она. И Анисы дочь... Она же сама прокурор! Ни на этом, ни на том свете не поверю ни одному слову. Это все россказни! Знаур тоже хорош...

— А он-то при чем?

— Нечего было волочь из города в село бабские сплетни...

— Без него бы приволокли. Съешь черемшу — не скроешь...

— Язык без костей, особенно у женщин.

— Есть и мужчины, которые...

— Вот-вот... Кому-то нужен этот дым, чтобы закоптить доброе имя Мурата, не иначе.

Фатимат, хоть и отстаивала так горячо честь сына, сама призадумалась. А вдруг... Не ладят — это да. Может, потянуло сына от неприветного очага туда, где ему тепло и хорошо?

— Так... Скажу одно: если в словах Знаура есть хоть малая толика правды — пусть Мурат обходит мой дом за три улицы. Умру, и тогда чтобы его ноги здесь не было! Ты передашь ему мои слова. Поняла?

— Но...

— Поняла?

— Поняла, поняла...

В первый же приезд Мурата она поведала ему обо всем. Выслушав мать, Мурат горестно сказал:

— И сюда докатилась грязная волна... Позавидуешь энергии этих людей. Крепко же я им досаждаю! Нана, меньше слушайте сплетни. Если я что надумаю ломать в своей жизни, вы узнаете это от меня. Пусть баппу не мучается: я его сын... насколько это мне удается.

27

Яркие плакаты и лозунги призывали к претворению в жизнь взятых районом повышенных социалистических обязательств. Огромный щит высился и у въезда в Тагардон. К приезду высоких гостей все было готово.

С первым секретарем обкома был представитель из Москвы. Они объехали колхозы, почитали красочно оформленные обязательства, и у них создалось впечатление, что все уже достигнуто, получены рекордные урожаи и надои. Все это было сделано в основном еще при Бексолтане, а Тузар, новый первый секретарь райкома партии, оказался достойным и послушным его преемником. Сегодня они вместе сопровождали высоких гостей.

А в это же самое время Пугач и Майрам из продукции полей и ферм вдали от любопытных глаз, в лесочке, на берегу горной реки Тагардон, готовили хлеб-соль для почетных гостей. К двух часам пополудни, когда прибудут гости, стол должен быть накрыт.

Отварное мясо, овощи, напитки, вплоть до араки двойной перегонки и осетинского черного пива — все было готово. С минуты на минуту ждали появления Дзарахмета с горячими уалибахами и фидчинами. Наконец, в райисполкомовской «Волге» появился Дзарахмет, а вслед за ним засверкала черным лаком солидная «ЗИС-110».

Первый секретарь обкома поздоровался со всеми за руку. Его примеру последовал и столичный гость. Когда огляделись вокруг, полюбовались природой, Бексолтан пригласил гостей к столу. Первый, указывая на Дзарахмета, сказал союзному министру:

— Вот бы кого следовало избрать тамадой! Но тогда нам придется лишиться компании Бексолтана.

— Это почему же? — удивился московский гость.

— По нашим обычаям нельзя, чтобы при посторонних сын сидел за одним столом с отцом.

— Нет, нет. Меня увольте. Я по-русски и тосты-то не умею говорить как следует,— запротестовал Дзарахмет.— Вы лучше моего знаете наши обычаи. Ведь и твои и мои предки выходцы из одного ущелья,— не преминул напомнить он.

За тамаду сел Первый. Высоко подняв бокал, он провозгласил:

— За здоровье нашего дорогого гостя, большого друга Осетии! Живи долго, без печали, на радость всем нам! — Первый медленно выпил.— Ну и напиток! Что там твой армянский коньяк!

Все с воодушевлением поддержали тост.

— Уф-уф-уф! Уалибах так и тает во рту! — Секретарь обкома выжидательно смотрел на гостя.

Второй тост произнес Бексолтан «за самого любимого и мудрейшего из всех осетин, за здоровье и новые выдающиеся успехи первого секретаря обкома».

Мясной дух приятно ударил в нос.

— О! Такие фидчины уже и сравнивать не с чем! Кто готовил? — спросил Первый.

— Мать,— скромно ответил Бексолтан.— Я передам ей твои слова. Вот обрадуется.

А Пугач удостоился даже рукопожатия первого человека республики за отменные шашлыки.

Когда выпили за здоровье Бексолтана, Первый преподнес бокал Дзарахмету:

— Твой сын настоящий мужчина. Все в нем от истинного горца, то есть от тебя.

— Нет, нет. Это благодаря тебе. Он дышит твоим именем, восхищается твоим умом, твоим умением руководить. Рядом с тобой и я, родной отец, ухожу в тень.

Тем временем Тузар встал с места, достал из объемистого чемодана, лежавшего на земле, шесть золотых коньячных рюмочек и небольшой круглый поднос из золоченого серебра, разрисованным осетинским орнаментом. Пугач разлил в рюмочки армянский коньяк, и Тузар преподнес по бокалу высокому гостю и секретарю обкома.

— Говорят, если коньяк пить такими вот наперстками, то и вкус другой. Попробуйте, пожалуйста, дорогие гости. Персональные бокалы вам от нас и от нашего района.

Высокий московский гость сердечно поблагодарил районное руководство, не забыл упомянуть и рядовых тружеников, «чьими мозолистыми руками создаются все земные блага», глотнул коньяка и произнес:

— Действительно, совершенно другой вкус. Народ мудрый: все знает.

Выпил и секретарь обкома. А Тузар положил поднос на стол недалеко от высокого гостя. Теперь Бексолтан вынул из чемодана турий рог такой величины, какой мог видеть редкий охотник в горах Кавказа. Блестящая полированная поверхность рога была отделана позолоченным серебром, на горло насажено кольцо шириной десять-двенадцать сантиметров, конец также был одет в позолоченное серебро.

Как рассказывал Бексолтану Тузар, на все эти подарки потребовалось два килограмма серебра и пятьсот граммов золота. Особенно много желтого металла ушло, как говорил секретарь райкома, на рюмки и поднос. Что касается самого рога, то председатель райисполкома ездил за ним в отдаленный горный аул. А отделкой занимались золотых дел мастера в Дагестане. На счете, который передали Бексолтану, и о котором тот рассказал первому секретарю обкома, значилось тридцать девять тысяч рублей.

— Этот человек вхож к самому Генеральному. От него многое зависит,— говорил Первый.— И материальное обеспечение, и всевозможные премии и даже награды. Считайте, что на груди у тебя и у Тузара появится еще по ордену,— первый секретарь провел рукой по лацкану пиджака Бексолтана.

Теперь наполнили рог пенистым черным осетинским пивом. И Бексолтан заговорил вкрадчивым голосом:

— Дорогой и уважаемый наш высокий гость! Мы даже придумать не сможем столько хороших, красивых слов, чтобы они выражали наши искренние чувства и были бы достойны вас. Но поверьте нам: все, что мы делаем, делаем от всей души, от чистого сердца. Мне известно, что вы завтра покидаете наш маленький горный край. Плавного взлета вам, чистого неба и мягкой посадки на чудесной московской земле. Так примите этот бокал, который мне поручил преподнести вам наш уважаемый первый секретарь областного комитета партии в честь вашего отъезда. Мы были бы безмерно счастливы, если бы нам пришлось еще и еще раз видеть вас на осетинской земле.

Первый встал с места. Его примеру последовал высокий гость. Он принял из протянутых к нему рук Бексолтана огромный рог. На какой-то миг завороженно уставился на это творение природы и рук человеческих.

— Это же чудо! Такого огромного рога я даже в музеях мира не видел.— Высокий московский гость благодарно посмотрел на хозяев и опять заговорил: — Большое вам сердечное спасибо. Пока буду жив, не забуду вашу доброту и благосклонность. Я очень доволен делами в вашей республике.— И он поднес бокал к губам. Выпил немножко пива, похвалил:

— Чудесный напиток! Такого тоже нигде в мире не пробовал,— он еще отпил из рога и протянул его обратно к Бексолтану.

— Что вы, что вы! Так нельзя! Лучше дайте его мне,— сказал первый секретарь обкома и взял рог.— Полный рог обратно не возвращается. Только предупреждаю: если мы вдвоем выпьем этот бокал, то отныне будем названными братьями.

— Для себя это я буду считать величайшей честью! — Полное, гладко выбритое лицо московского гостя сияло.

Первый поднес рог к губам. И через некоторое время он взял двухлитровый рог за конец и показал сидящим вокруг, а прежде всего московскому гостю, что в роге не осталось ни капли. Потом секретарь обкома обратился к союзному министру:

— Мне показалось, что рог вам понравился. А у нас обычай есть такой: если гостю что-то понравится, то ему обязательно дарят это. Примите, пожалуйста, наш маленький подарок.

Гость опять засиял. При этом теперь особенно блестели его охмелевшие глаза. А Бексолтан взял со стола серебряный поднос с золотыми рюмками:

— Насколько я понимаю, в московских условиях рогом

пользоваться редко придется. Поэтому разрешите вам преподнести этот небольшой набор, который больше соответствует обычаям и традициям европейской, истинно русской культуры.

Высокий московский гость улыбался.

Клара вошла в приемную, поздоровалась с секретарем и кивком головы указала в сторону кабинета редактора. Ей ответили:

— Пожалуйста. Он один.

Она медленно открыла дверь. Не первый раз входила Клара через эти двери, и всегда ее охватывало волнение.

— Можно к вам?

— Безусловно,— ответил редактор.

Она опустилась в кресло у редакторского стола, напротив сел и Мурат. Он смотрел на нее так, словно впервые видел эту красивую, с умным взглядом женщину. Заметив, что от смущения она отвернулась, Мурат быстро заговорил:

— Где ты пропадала? Я уже хотел розыск объявить.

— Похищение мне не угрожает.

— Не скажи. В списках красавиц ты на самом верху.

— Все зависит от того, кто составляет списки,— Клара задумалась. На миг в упор посмотрела на Мурата и продолжала деловым тоном:

— Хочу рассказать тебе вот о чем. Я проверяла письма, которые вы направили к нам. Впрочем, об этом я тебе уже говорила. Действительно, в прокуратуре Тагардонского и Предгорного районов дела на явных преступников лежат подальше в железных сейфах.

— Верю. Да еще думаю, что такое положение, очевидно, не только в этих районах. В Тагардоне и в Предгорном для подобных дел, ты, конечно, открыла зеленый семафор.

— Не думаю. Но в письмах все верно. Обманывают. Занимаются очковтирательством. Чтобы урожайность с гектара на бумаге получилась выше, кукурузы засевают больше, чем бывает предусмотрено планом. Это, говорят, за счет посевов на силос. А масло, которое поступает в магазины, приобретают колхозы и оформляют через молзавод, будто молоко произвели сами. Молзавод на это тоже идет охотно, потому что с помощью «бумажного молока» выполняет и перевыполняет план. То же самое с мясом. Заготовители райпотребсоюза за бесценок скупают в колхозах фрукты, акты же составляются так, будто их приобретают у частников. Разумеется, заметная часть денег, которые присваивают заготовители, поступают в карманы их руководителей. От них перепадает и руководителям более высокого ранга, районного и республи-

канского масштаба. Впрочем, эти преступные действия до конца должны расследовать органы ОБХСС, может быть, даже и с нашими работниками.

— В общем, сплошной обман. А как было с сестрой Бексолтана?

...Асиат, сестра Бексолтана, окончив курсы торговых работников, начала работать в магазине соседнего с Тагардоном села. И замуж она вышла туда же. Ей широко открылись двери к дефицитным товарам, которые она сбывала на стороне с двойной-тройной выгодой. Но ей этого, видимо, было мало, и когда однажды в магазине появился ревизор из города, желчный пожилой человек, то через неделю объявил Асиат, что ее недостача составляет пятнадцать тысяч рублей. Асиат помчалась к брату. Бексолтан позвонил кому надо. В результате заведующая магазином оказалась чистенькой, как свежевымытое стекло.

А люди всегда все знают и все примечают. И кто-то написал в республиканскую газету. Мурат долго размышлял над тем, как быть с письмом. В конце концов он решил направить его прокурору республики.

— Ревизор в свое время пошел на нечестный поступок.— Клара посмотрела на Мурата так, будто она была виновата в махинациях. Тот, подперев руками голову, уставился на блестящую поверхность стола.

Злость жгла сердце. Он даже не надеялся, что эта злость когда-нибудь вообще пройдет. Потому что с источниками этой злости, с ее причинами, с тем, кто все это продолжал, Мурат не мог вступить в бескомпромисную открытую схватку, Мурат — редактор республиканской газеты, органа областного комитета партии. И не потому, что был несмелым, нет. Он понимал: стоит только заговорить во весь голос, и он будет подвергнут жесточайшим преследованиям. Больше того, он знал, что безобразий, подобных тем, которые творятся в Северной Осетии, немало и в других республиках, областях, краях. Может быть, даже больше. Мурату не раз приходилось беседовать со своими коллегами на совещаниях, семинарах, которые изредка проводились в Москве.

Клара вынула из сумки сложенный вчетверо лист бумаги, исписанный с обеих сторон.

— Здесь все, что не вызывает сомнения. И то, что не нуждается в дополнительной проверке. В основном это по колхозу «Красный Кавказ». Надо сделать так, чтобы об этом стало известно народу, а то ходатаи не дадут нам покоя.

Мурат взял бумагу и стал читать.

— О-го! А ты, оказывается, бойко пишешь. И колючим языком.

— Хотелось бы, но где уж мне.

Мурат дочитал до конца материал и почувствовал какое-то

облегчение. Еще раз пробежал глазами аккуратно исписанные странички и сказал:

— Слушай, девушка, это же готовая статья. Даже фельетон.

— Не смеши меня.

— Может, тебе Борис еще поможет? И, поверь мне, получится превосходный фельетон.

— Вот пусть Борис и подписывает.

— Против очковтирательства борешься, прокурор, под фельетоном должна быть твоя подпись. Расследовала ты. Написала ты. Ну, а мы чуть-чуть тебе поможем.

— Мурат, может, вдвоем с ним подпишем?

— Можно, если одна не смеешь.

* * *

— Мурат Татариевич, вас вызывает Бексолтан Дзарахметович. Просил прибыть срочно.

— Что за пожар?

— Я не в курсе,— ответил женский голос.

В кабинете Бексолтана он застал двух знакомых научных работников и женщину, которую он видел впервые. Она внимательно, даже чересчур внимательно, оглядела его с ног до головы, и видимо, осталась им недовольна. Мурат поздоровался и сел на свободный стул. Снова почувствовав на себе изучающий взгляд незнакомки, поднял на нее глаза — та поспешно отвернулась.

— Мурат, познакомься, это наша новая сотрудница Меретхан Митиловна,— сказал Бексолтан.

— Вот эти материалы я собрал из центральных газет за одну только неделю,— Бексолтан потряс в руке газетные вырезки, испещренные разноцветными карандашными пометками.— Тут много говорится о борьбе с пережитками прошлого... У нас в Осетии их тоже много. Свадьбы, поминки... Да еще с каким размахом! Мы слабо, очень слабо боремся с отжившими обычаями. Я дал указания райкомам партии, они развернут агитационно-массовую работу, проведут сходы жителей сел. Мурат, сам понимаешь, что газета никак не может остаться в стороне от этой важной политической кампании. Кстати, здесь историки. Наука. Хорошо бы и им поручить осветить вопрос,— не было у осетин в прошлом на свадьбах и поминках таких застолий. Сейчас это становится главным тормозом нашего развития...

— Я пошлю специальных корреспондентов, поручу подготовить материалы.

— Было бы отлично, если бы и сам пустил в ход свое острое перо фельетониста,— от Бексолтана не укрылось, как недовольно передернул плечами Мурат.— Словом, сам ре-

шишь, что и как...— Бексолтан развязал тесемки папки, лежащей перед ним. Фыркнул.— Гм, проспект... Проспект! Выдумают же... Не хватало назвать переулком или тупиком. Вот, полюбуйся, Мурат: «Проспект истории областной партийной организации».

— Это работа Бимболата? — спросил Мурат.

— Да. Нашего ученого-односельчанина. Дальше проспекта не ступают ногой и — пожалуйста: научная работа. К чему им бывать на местах, когда и в кабинете можно состряпать разные истории... Я ознакомился с этим, так называемым, научным проспектом и пришел к выводу, что автор ни бельмеса не смыслит в партийной работе, его оценки и суждения поверхностны, многие факты взяты с потолка. Вы,— Бексолтан протянул папку научным работникам,— изучите вопрос и дайте свои письменные отзывы о трудах моего уважаемого земляка. Это не мое поручение, а Амурхана Николаевича... Срок — десять дней...

— Но...

— Никаких «но»: десяти дней вполне достаточно, чтобы отличить белое от черного...

— Или сделать белое черным,— усмехнулся Мурат.

— Что?

— Ничего... Я свободен?

— Да. Все свободны.

Не проходило недели, чтобы Бексолтан не напомнил о своем существовании, Мурат уже безошибочно узнавал голос его секретарши.

— Что там опять?

— Вызывают к себе.

— У меня совещание.

— Сказали, срочно...

— Ладно, я позвоню ему,— устало согласился Мурат.

Он поднял трубку другого телефонного аппарата.

— Бексолтан Дзарахметович, здравствуйте! У меня планерка.

— А у меня к вам важное дело,— отвечал завотделом обкома. — Пожалуйста, зайдите с вашим фельетоном, который идет в номер.

— А зачем он вам? — спросил Мурат.

— Люблю читать фельетоны.

— Потерпите до завтра, почитаете в газете.

— В общем, я вас жду! И немедленно. Дело связано с другими людьми. Они нас ждут.

При появлении Мурата лицо Бексолтана приняло спокойный, даже приветливое выражение. Он встал и за руку поздоровался с ним.

— Салам, салам! Как живешь-поживаешь? — У Бексолтана был подозрительно елейный голос. Мурат насторожился.

— Вот так, Мурат. Чует мое сердце, что кому-то опять достанется от твоего разящего пера. А в общем надо, конечно, надо.

— На что вы намекаете, Бексолтан Дзарахметович?

— Говорят, разгромный фельетон подготовили. Уже успели побывать с жалобой. Замечаешь, как все оперативно действуют?

Мурат положил перед Бексолтаном газетную полосу. Бегло просмотрев фельетон, Бексолтан произнес:

— Гм... Озоева Клара тоже фельетонист? Борис — понятно, а она при чем?

— Писала она. А Борис кое-что подправил.

— Так, так. Искусственно занимали посевные площади, заготавливали молоко, яйца, мясо... В колхозах скупали яблоки и груши, а оформляли... Вот мошенники!

— Именно!

— Намеки на настоящее и прежнее руководство района. Не пресекли. Председатель колхоза Тасо отличается чисто горским хлебосольством, щедростью... За счет колхоза кому теленка, кому — барашка, кому — парного мяса. И все это выясняла Озоева?

— Да. Она там занималась еще другими делами.

— Все это хорошо. Но ты знаешь, дорогой мой, у меня к тебе просьба. Хороший мужик он, этот председатель. Впрочем, ты его сам не хуже меня знаешь. Превосходный человек, энергичный, расторопный хозяин. А ты ему подкладываешь такую мину, костей не соберут потом. Одно название чего стоит — «Одному — башлык, другому — шашлык». Милейший ты мой человек! Мир не без завистников. А так... Он и дохлой мыши не возьмет домой. Знаешь же наши обычаи: у кого поминки, у кого свадьба, как откажешь?

— Насколько мне помнится, ты меня нацеливал на борьбу с отжившими обычаями. И райкомам давали соответствующие указания.

— Язва ты, Мурат. Я тебя по-человечески прошу. Обычай обычаю рознь. Мы Тасо накажем в рабочем порядке. Я лично сам за этим прослежу.

— После фельетона вам будет легче разговаривать с ним.

— Мурат, я же прошу тебя.

— Будет, как сказал.

— Пожалеешь. И прокурора своего подведешь...

— Я не боюсь. А прокурор сам за себя ответит.

— Ты где находишься?!

— В обкоме партии.

— Вот именно! И я приказываю.

— Ты привык приказывать в колхозах, сельсоветах... Ну, а для меня твои приказы... ноль без палочки.

— Ты, ты...— Было слышно, как шумно задышал Бексол-

тан. Но через минуту переменил тактику. Он обещал Тасо и Тузару, что в два счета уладит все... Да и отец выговорит ему за то, что дал друга семьи в обиду: столько добра — в буквальном смысле — пришло в их дом из рук Тасо...

— Мурат, как ни гни, куда ни крути, но мы осетины. Не так-то легко в одночасье заглушить в себе голос крови...

— Бексолтан Дзарахметович, разреши напомнить тебе, что мы прежде всего коммунисты. И напрасно ты стараешься заглушить во мне совесть и долг партийца. Кому это обременительно — пусть тот и ищет оправданий в ссылках на пресловутый голос крови. Извини за высокие слова, тебе привычней ими размахивать, но сейчас я ничего другого не могу тебе сказать.

— Мурат, сын кузнеца Татари, ты еще попомнишь меня, сына Дзарахмета... Я немедленно иду к Первому.

— Мне все равно.

— Запомни эти свои слова...

— Искажай, выворачивай наизнанку так, как умеешь. Мне одного жаль, что о тебе самом не могу написать фельетона. А этот прочитаешь завтра.

28

Мурат проснулся среди ночи. Сердце ныло, оно и разбудило его, не давало уснуть вновь. Лежа с открытыми глазами, он незаметно стал спорить с воображаемыми Бексолтаном и Амурханом.

— Неужели вы сами не видите, сами не понимаете, что вы творите? Вы же своим поведением, всей своей деятельностью компрометируете в глазах народа партию и Советскую власть! Ком-про-ме-ти-ру-ете! Своей де-ятель-ностью! Это вы учите колхозников надувательству, очковтирательству, вы! Урожаи, надои, привесы — все липовое! Все! Бексолтан — барабанщик. А ты, Амурхан, кто?..

Мурат встал и, стараясь не поднимать шума, чтобы не разбудить жену и сына, оделся и вышел. Моросил холодный осенний дождь. Подняв воротник плаща, он решительно зашагал в сторону редакции. Пока добирался туда, основательно промок. Снял отяжелевший плащ и повесил его на спинку стула.

Сел за письменный стол и взял рукопись рассказа, над которым он работал уже месяца два. За час с небольшим смог сочинить всего несколько строк и снова отложил — настроение было не то...

Он встал и подошел к окну. Уже рассвело, на улице стали появляться первые прохожие, дождь тоже перестал, но по стеклам еще скользили капли воды. Он вернулся к столу и взялся за чтение материалов номера. Отставил в сторону одну

проблемную статью и небольшую заметку — обе были подготовлены Сафарби, заведующим отделом. Мурат взглянул на часы — сотрудники должны быть уже на местах. Он позвонил Сафарби и вызвал его к себе.

— Я так и не понял о чем здесь идет речь. А ты? — он подвинул материалы к Сафарби.

— Об этом надо спросить их авторов...

— И кто это должен сделать?

— Не знаю. Я сделал все, что мог.

— Сафарби, это у нас не первый подобный разговор. С авторами работает не редактор газеты, а корреспонденты и заведующие отделами. Пора бы понять это. Возьми эти материалы, вызови их авторов и помоги им. Сделайте так, чтобы ясно было, о чем идет речь и за что ратуете.

— Я не собираюсь писать за других. Не могут — пусть не пишут!

— Тогда зачем вы подписали эту беззубую, никому не нужную статью? Я не могу так работать! Поймите, не могу! Или все, или ничего.

— Так не бывает,— невозмутимым тоном отвечал Сафарби.

— Нет, бывает! Или все, или ничего,— Мурат резко повернулся в сторону завотделом.— Думать надо не о том, чтобы нам с тобой было поудобнее. Поспокойнее. Думать надо о том, что происходит в республике. В стране. Тебе приходится бывать в магазинах, на рынке? Вот по ним и надо судить о многих наших делах.

Сафарби опять ответил невозмутимым тоном:

— Я делаю все, что могу. Материалов моего отдела на страницах газеты достаточно.

— Лучше бы их не было. Потому что мы с тобой чаще всего бываем холодными собирателями фактов. Спроси у людей, они тебе скажут, как мы мало и отвратительно строим жилье, детские дошкольные учреждения, какую мы выпускаем продукцию на фабриках и заводах, сколько молока надаиваем на фермах. Стыд и позор!

— Не мы же должны доить коров.

— Вот-вот! Это твоя позиция. Стороннего наблюдателя. А еще секретарь партбюро. А я считаю, что мы не должны давать покоя людям, руководителям, большим и малым, для которых нужды трудящихся и государства стоят где-то далеко на задворках. А у тебя, дорогой мой, с ними политика мирного сосуществования. Прошлый раз за время моего отпуска ты задержал пять серьезных критических материалов. Почему?! На каком основании? Ты все время руководствуешься правилом: как бы чего не вышло. Так мы не сможем работать.

Красное от природы лицо Сафарби стало совершенно пунцовым.

— Я еще раз повторяю, что за других писать не собираюсь. Если материалы не годятся, выбрось их в корзину. Я, как умел, так и подготовил их...

— Я тоже еще раз говорю тебе, что авторские материалы подготовить к печати должен ты,— Мурат сдерживался из последних сил.— А если ты не в состоянии делать этого, то поищи себе другую работу.

— Вот с этого бы и начинал! Я давно знаю, что ты хочешь выжить меня из редакции. Ты мстишь мне, мстишь!— Сафарби выскочил вон.

Мурат нервно пошарил в ящике стола, достал таблетку валидола, положил под язык. Посидел неподвижно, ожидая, когда отпустит сердце. Почувствовав, что он отчаянно голоден, натянул на себя плащ, взял в руку шляпу и только потянулся к ручке двери, как она сама отворилась, и на пороге выросла Меретхан, а за ней — фигура Бексолтана.

— Можно к тебе? Добрый день,— уже войдя, поздоровалась Меретхан. Она смотрела не на Мурата, а обшаривала глазами углы его кабинета.

— Гости в дом, а хозяин из дому? — с улыбкой спросил Бексолтан.

— С пяти утра я уже здесь. Хотел пойти перекусить...

— Мы ненадолго,— Бексолтан прошел к столу Мурата и занял его кресло, достал из кармана пухлый блокнотик и положил перед собой.— Послезавтра у вас отчетно-выборное партийное собрание. Надо предварительно обсудить кадидатов в члены бюро. Первый ты сам. А секретарем...

— Может, зама вместо меня?

— А на место редактора не рекомендуешь его случайно?

— Я серьезно.

— Я тоже не шучу.

— Тогда это не твоего ума дело, кого на мое место назначать! — вспылил Мурат.

— Ладно, я глухой, не слышал, каким тоном ты позволяешь себе разговаривать... Так. Вторая кандидатура... Точнее, секретарем вновь надо избрать Сафарби.

— Чем это он так проявил себя, что его надо избирать на второй срок?

— Тем, что ничем... не проявил.

— Он собирается подать заявление на увольнение.

— Как так?! Я же все обговорил в райкоме.

— Сначала бы не мешало поговорить с нами. И в первый раз его никто не выбирал, он стал секретарем вместо переведенного в горком сотрудника — автоматически...

— А почему он хочет подать заявление?

— Потому что не может работать. Не дано ему...

— Сафарби останется и в редакции, и на занимаемой должности секретаря партбюро. Он испытанный, опытный кадр. Такими людьми никто не позволит тебе разбрасываться.

— Его, наверное, вынуждают уйти,— с ухмылкой сказала Меретхан.

— Я это понял, конечно. Если бы Сафарби сам хотел...

— У нас сегодня партбюро, там и поговорим о наших кандидатах,— отрезал Мурат.

Меретхан удивленно покачала головой:

— Мурат, тебе же Бексолтан объяснил все. Почему ты строишь из себя такого непонятливого упрямца? Это же мнение обкома партии!

Мурат иронически усмехнулся:

— Это не обкома мнение, а ваше с Бексолтаном.

— Мурат, не лезь на рожон. Я тебе по старой дружбе советую. И сегодня на вашем бюро, и на собрании ты сам предложишь кандидатуру Сафарби.

— Ни за что!

— Ты как был ершистым мальчишкой, так им и остался. Ты абсолютно лишен политического нюха.

— Сами нюхайте этого человека. Не состоявшегося чекиста,— Мурат шагнул к своему столу и нажал кнопку электрического звонка.

В кабинет заглянула секретарь, худенькая невзрачная девчушка.

— Позови Сафарби.

Тот появился незамедлительно.

— Сафарби, сейчас мы говорили о том, кому быть секретарем партийной организации редакции. Бексолтан рекомендует избрать тебя. Ты случайно не заявляешь самоотвода?

— Начальство сверху, оттуда виднее.

— Как сказать... А я вот тебя вижу и говорю им, что ты не заслуживаешь такого доверия.

— Из чего ты исходил?

— Ты и в редакции случайный человек.

— Я отказываюсь тебя понимать.

— То-то и оно, что ты ничего не хочешь и не можешь понять. Сколько раз я возвращал материалы, подготовленные тобой?

— Бексолтан Дзарахметович, я отказываюсь понимать этого человека!

— Я категорически буду против твоей кандидатуры! Пожалуйста, можешь идти! — отрезал Мурат.

Сафарби, задыхаясь от возмущения, выскочил.

— И это называется работа с кадрами? — Бексолтан взял свой блокнотик и похлопал им по щеке.— Вот откуда жалобы на твою грубость...

— Я не могу двурушничать. И потом это не мой кадр, а скорее твой.

— На что ты намекаешь?

— Я больше ни о чем не хочу говорить.

— Бексолтан, с ним бесполезно спорить. Мнение обкома ему известно, пусть теперь сам решает, как быть.

— Ты права, Меретхан Митиловна. Пошли...

Бексолтан, распахнув дверь, галантно пропустил вперед женщину.

* * *

Этот удар он решил подготовить основательно. «Не на такого напал Мурат. Надо выстроить обвинения в стройную систему.

Клара. Распутная женщина. Получив квартиру, устроила в ней притон. И самый частый гость там — Мурат. Связь у них давняя. Еще с той поры, когда они работали в районке. Прижила от него сына. До того бессовестная, что даже не постеснялась назвать сына именем отца.

И если б только одна Клара. Уговорил Мисурат поехать с ним в Москву. Жили у ее сестры. В одной комнате... Рушит мою семью.

Тиран. Изводит жену. Она дочь вашего друга Дзантемира, Амурхан. Такая благопристойная семья. А зять позорит их. Позорит имя коммуниста, ведя развратный образ жизни. Бьет жену, калечит жизнь сына.

Критикан. О чем говорят все критические статьи, фельетоны, реплики, материалы сатирического уголка редактируемой им газеты? О том, что обком партии не способен подбирать кадры, выдвигая на руководящие посты расхитителей и разгильдяев, ретроградов.

Грубиян. На работе все ходят на цыпочках. Одергивает по малейшему поводу, хамит, преследует за критику в свой адрес, унижает и оскорбляет. При нас обругал Сафарби, секретаря парторганизации.

Зарвался. Слова ему не скажи, совета ему не дай, кандидатуры не рекомендуй — все встречает в штыки. Ниспровергатель какой нашелся! Авторитет обкома партии для него пустой звук. Обнаглел вконец. Конечно, такая рука поддерживает его...»

Сначала Бексолтан говорил путано, потом успокоился, и начал излагать все по пунктам. Амурхан ни разу не прервал его, хотя слушал со скучающим видом. Так же небрежно обещал разобраться. И опять решил поручить Александру: «Кашу заваривают его сотрудники — ему и расхлебывать! Не

расхлебает — пусть пеняет на себя: мне надоела эта мышиная возня!»

— Я не верю обвинениям Бексолтана,— сказал Александр.— Несерьезно все это! Да и не к лицу завотделом заниматься склоками. Мурат резок, горяч — не отрицаю. Но он требует дела от тех, кто на него жалуется — их не так уж и много: двое — трое... Что же касается его, якобы, амурных похождений, то это чушь.

— Может быть, остальные боятся выступить против него, зная, кто за ним стоит?

Александр резко возразил:

— Амурхан Николаевич, точно так же я могу объяснить неугомонность Бексолтана.

— Разберись, наконец, с ними! А свои колкости побереги для другого случая.

* * *

Бексолтан надеялся на больший эффект. А узнав, что Амурхан снова все перепоручил Александру, вообще расстроился.

Мурат уже сидел у Александра.

— Тебя получаемые шишки учат чему-нибудь? Видимо, нет, а то бы не плодил одну глупость за другой.

Мурат пожал плечами.

— Такие уж у меня плодовитые авторы!

— Опять между вами черная кошка пробежала? И даже не одна...

— Александр, если люди в один голос говорят, что ты кривой, то ничего не остается, как закрыть один глаз. Я и сын Дзарах...

— Можно войти? — Бексолтан просунул голову в дверь.

— Можно. Проходи и садись,— Александр подождал, пока Бексолтан опустится в кресло у маленького приставного столика.— Мурат Татариевич, мне поручено разобраться— не первый раз! — с жалобой на тебя. Редактору газеты, члену обкома партии нельзя терять контроль над собой...— Александр говорил официальным тоном, и это слегка покоробило Мурата, но, подумав, решил, что на месте Александра так и нужно вести себя.

— Бексолтан Дзарахметович специализируется на передергивании фактов и, как всегда, сгустил краски. Там была и Меретхан Митиловна, она подтвердит, что я никого не выставлял из кабинета.

— Как раз она утверждает обратное...

— Тогда я закрываю один глаз.

— Мурат Татариевич, я не понимаю,— миролюбивым го-

лосом начал Бексолтан,— почему ты позволяешь себе такие выходки. Если ты не считаешься со мной как с ответственным работником обкома партии, то хотя бы из почтения к моему возрасту должен вести себя подобающим образом... Обзываешь... Припомни тебе завтра эти слова, вряд ли ты сознаешься, что говорил их.

— Бексолтан Дзарахметович, я ни перед кем не буду ходить на четвереньках, уж какой есть. С Меретхан Митиловны спрос небольшой, но почему ты утверждаешь, что я выставил вас из кабинета, наговорил грубостей? В ответ на ваш приказ об избрании Сафарби секретарем я сказал, что этому не бывать...

— Это не мой приказ, а мнение обкома.

— Ты еще не весь обком партии.

— Слышишь, Александр Даутович? Чтобы ознакомить Мурата Татариевича с мнением обкома партии, надо к нему на прием являться всему бюро во главе с Амурханом Николаевичем, тогда он, быть может, посчитает нужным прислушаться!

— И даже от имени обкома партии нельзя приказывать коммунистам, кого им следует избрать своим секретарем. Нельзя!

— Слышишь, Александр Даутович? Даже у тебя в кабинете он не может себя вести. Это же политическая слепота. Я больше не намерен выслушивать этого безответственного болтуна,— Бексолтан шумно встал, одернул пиджак.

— Садитесь, Бексолтан Дзарахметович,— сказал Александр.— У меня тоже есть не менее важные дела, чем разбор ваших жалоб. Что у вас еще, Мурат Татариевич?

— Мой бывший пионервожатый любит раскладывать свои обвинения по пунктам. И я последую его примеру... Он пишет в жалобе, что я аморальный тип, что я поволок его жену в Москву. Настоящий мужчина, даже если б так, не стал бы рекламировать это, как ты. Но для справедливости можете вызвать саму Мисурат и спросить ее. Если обкому доставляет удовольствие копаться в белье Клары, пусть вызовут и ее. Только не забудьте спросить, почему ее сын похож на...

— На тебя! И зовут Муратом! — быстро вставил Бексолтан.

— ...поразительно похож на сына Дзарахмета. Если кому здесь охота ворошить прошлое Меретхан, пусть вызовут и поинтересуются у нее, каким это образом ей удалось через Крым попасть в обком партии?

— Заткнись, дурак! — Бексолтан уже не владел собой.

— Вот теперь, пожалуй, я тебя уважаю. Маску, по крайней мере, снял. А себя — ненавижу. Гадок сам себе.

— У тебя все? — Бексолтан ощерился в ухмылке.

— Остальное сам доскажешь.

— Где?

— На бюро. Александр Даутович, как всегда, настроен не поднимать шума, но я-то тебе спокойно спать уже не дам, постараюсь по старой дружбе. Мне это все осточертело!

— А тебе не подсказывает сердце, сын кузнеца Татари, что ты трясешь грушу с медведем? Подумай, кто ты и кто я.

Александр хлопнул ладонью по столу:

— Хватит! Ваша перебранка заходит слишком далеко. Бексолтан Дзарахметович, я вынужден буду поставить Амурхана Николаевича в известность.

— И я тоже.

— Это ваше право. Оба свободны...

Бексолтан уходил с гордо вскинутой головой. Оглянулся лишь в дверях, точно хотел запомнить в лицо своих врагов.

29

Фатимат давно жаловалась на боль в ушах, и Мурат привез ее в город показать врачам. Оставив мать дома, заторопился в редакцию. Фатимат и больная не могла сидеть без дела, но не знала, чем себя занять. Вот тебе и хваленое городское житье — сиди в четырех стенах, как мышь в норке.

Она пришла в уныние от квартиры сына: две смежные комнатушки, ни двери между ними, ни штор — один зияющий проем. А кухня-то какая маленькая, еле столик умещается.

Да, а где же ей спать? Широкая кровать — для Мурата и снохи, диван в другой комнате — для внука Алана. Захочет ли он спать с бабушкой? Ох, и зачем только она дала себя уговорить!

Еле дождалась вечера, чутко прислушиваясь к шагам в коридоре: вот-вот должны вернуться невестка и внук. Обычно, как говорил Мурат, Алана из детского садика забирает мать.

Наконец кто-то завозился у дверей. Фатимат вышла в прихожую. Первым показался Алан. Увидев Фатимат, радостно завопил:

— Мама, мама! Старая бабуля к нам приехала! Нана! — и кинулся к ней.

Фатимат, присев на табурет, стала его раздевать, ласково спросила:

— А тебе не хочется к дедушке в село?

— Баппу ждет меня?

— Именно так, моя радость, ждет не дождется!

— И теленок меня ждет?

— Конечно, все ждут твоего приезда.

— Даже цыплята?

— А как же!

— Тогда я поеду. Ты скажи баппу, что и я, и мама, и

папа скоро приедем,— Алан оглянулся на свою мать, как бы приглашая подтвердить его слова.

Но для Залихан было мало радости в приезде свекрови. Она недовольно поморщилась: таскайся теперь с ней по врачам... Да еще как глянула на ее деревенские обновы, так совсем сердце оборвалось. Морщинистые, натруженные руки Фатимат показались ей до бесстыдства безобразными. «Если кто из знакомых увидит меня с этой захудалой деревенщиной, что подумает обо мне? Могут ведь принять и за мою мать, стыда не оберешься. Пусть сын и водит ее по врачам, а я шагу не сделаю».

Но вслух сказала:

— И хорошо, что приехала. Нельзя запускать болезнь. Разве с этим шутят? Теперь, может быть, и не обойтись без операции...

— Горе мне, какая такая еще операция? Раз промешкала, то пусть уж лучше оглохну: меньше слышишь — себе спокойнее. Не хотела я никаких ученых врачей, но Мурат настоял...

Вечером на кухне между Муратом и Залихан произошел такой разговор:

— Ладно, привез и привез. А если это надолго? Где же мы спать-то будем?

— Как это где? В твоей комнате.

— Все вчетвером?

— Поспишь пару дней рядом со старушкой. Надеюсь, ничего с тобой не случится.

— Конечно, тебе не привыкать к тесноте...

— В тесноте, да не в обиде,— улыбнулся Мурат, предприняв попытку предотвратить назревающий скандал.

— Мне не до шуток,— отрезала Залихан.

— Я перекочую к Алану на диван, а ты с мамой на кровати.

— Между прочим, у меня тоже есть мама. И не какая-нибудь завалящая... Я прекрасно могу уйти к ней.

— Завалящих мам не бывает в природе, но твой вариант отпадает. Лучше так: я и ты на кровати, а бабушка и внук на диване,— без тени улыбки сказал Мурат.

— Прилично ли? — Залихан не поняла скрытой усмешки Мурата.

— Чего ты не захочешь, все уложится в рамки приличия.

— Я одну ночь и на стуле скоротаю, только чтобы завтра же ты отвел ее в больницу.

— Сначала покажи ее врачу-специалисту, а там видно будет... О больнице она и слушать не хочет.

— Я тоже могу отвести ее к врачу, но с тобой ей будет спокойнее.— Залихан еле сдерживалась, чтобы не разразиться

яростной бранью.— Словом, как хотите, так и вертитесь. Она твоя мать, вот и проявляй чуткую сыновнюю заботу. Я пойду к маме.

— Что?! Ни шагу ты не сделаешь из дому! Ляжешь с Фатимат на кровати.

— Ты шутишь, надеюсь?

— И не думаю!

— Тогда сам ложись с ней! — Лицо Залихан пошло пятнами, побагровело.

Мурат подскочил, как ужаленный, схватил жену за плечи, оттолкнул ее и вышел из кухни.

Залихан истошно завопила:

— За что ты бьешь меня, изверг!

На ее крик Мурат заскочил обратно на кухню, хотел как следует обругать ее, но тут он увидел испуганное лицо матери и осекся.

* * *

Залихан вздрогнула, когда рядом неожиданно просигналила автомашина. Она испуганно оглянулась: из черной «Волги» ей улыбался Пугач.

— Извини, Залихан, чуть не напугал тебя...

— Да у меня душа в пятки ушла!

— Садись, подвезу,— Пугач распахнул дверцу. Залихан нырнула в машину, захлопнула дверь.

— Она не закрылась,— сказал Пугач и, облокотившись о колени Залихан, потянулся к двери, открыл и коротко захлопнул.— Вот теперь не выпадешь.

— Не велика потеря,— засмеялась Залихан.

— Это надо спросить моего друга Мурата!

— Он поставил бы тебе магарыч.

— Неужели? Ха-ха-ха!

Залихан внимательно рассматривала Пугача. Круглое, довольно симпатичное лицо, курчавые волосы, нагловатые глаза. Пышущий здоровьем молодой мужчина. А как одет! Во все импортное!

— Мурат утонул в своих бумагах, он и не заметит, что меня уже нет.

— Наговариваешь на моего друга, наговариваешь. Ясно, дел у него по горло. Но сама-то где пропала? С прошлого года, как приходила на базу со своей матерью, я тебя не видел. Или Мурат достает своей жене все самое-самое?

— Достает! Бумажки на рецепты.

— Да, этого добра у него хватает... Ты не стесняйся, Залихан, если что надо...

— А есть у вас что-нибудь стоящее?

— У нас всегда найдется все, что пожелает красивая женщина, хоть нелегко ей угодить.

— Нашел красивую...

— Недавно поступили пальто с норкой, норковые шапки, сапожки французские. Я на всякий случай отложил несколько пар. У тебя тридцать седьмая нога,— глянув на ее ноги, безошибочно определил Пугач.

— Да.

— Не глаз, а алмаз! Приезжайте с Муратом. Или...— Пугача осенила мысль, неожиданная даже для него самого.— Или ко мне домой. И лишнее внимание ни к чему привлекать.. — Пугач не столько смотрел на дорогу, сколько на нее. Видел, что она за шутливым тоном скрывает глухое недовольство мужем. Потому он и решился на этот отчаянный шаг: а вдруг...

— Так, я жду вас завтра вечером. Адрес мой не забыла? Я как-то показывал тебе мой дом...

— Не забыла. Ой, чуть не проехали...

— У меня совсем выскочило из головы, что везу тебя домой.

— Пригласила бы в гости, Харитон, но...— Залихан замялась.

— Как-нибудь в следующий раз. Сейчас я даже на минутку не могу заглянуть, запарка полная! Этому угоди, того не обидь, все хотят одеваться не так, как все...

Залихан вышла из машины и кокетливо помахала Пугачу рукой. Вечером рассказала о его предложении Мурату, но не уточнила, что Пугач приглашает их домой.

— Нечего нам делать на какой-то базе у какого-то Пугача! Меня все время мучает одна мысль, мучает и удивляет: неужели ты за столько лет не поняла, что я за человек, чем живу, чем дышу?

— Поняла! Ты точешь жить святым духом! Ты чистоплюй! Ты.... Я и без тебя найду туда дорогу!

— И это называется семья?.. Ты бы сначала хоть накормила меня...

— Я тоже работаю! Не кухарка тебе!

Мурат лег голодным. На второй день Залихан, предупредив Мурата по телефону, что задержится после работы, поймала такси и назвала адрес.

На ее звонок Пугач выглянул на улицу и, убедившись, что она пришла одна, обрадованно схватил ее руку обеими руками, поднес к губам.

— Фея летела, летела и опустилась в мой двор! Спасибо, небо, за эту радость!

Взял Залихан под руку и повел в дом. Она не скрывала своего восхищения. Широкий, светлый коридор-веранда. Пол покрыт польским линолеумом, а в комнатах дубовый паркет. На стенах дорогие ковры, ореховая мебель. Собственная квартира сейчас казалась ей еще более убогой. Она сгора-

ла от жгучей зависти, даже в отцовском доме не было такой шикарной обстановки.

— Садись, Залихан,— Пугач усадил ее на мягкую софу и, сев рядом, вздохнул.— Пещеру кое-как оборудовал, не хуже людей, но вот ни одна не позарится на вакантное место хозяйки. Да и в самом деле, кто я? Всего-навсего заведующий несчастной базой. А нашим девушкам подавай больших начальников.

Залихан, улыбаясь, слушала Пугача. Нет, она бы и сама никогда за такого не пошла, но дом...

Пугач прошел в другую комнату, вынес немецкое пальто с серым воротником из норки, такого же цвета норковую шапку и французские сапожки.

— Давай-ка примерим это барахло,— Пугач помог Залихан надеть пальто и, отступив на два шага, придирчиво оглядел ее.

— Я прошу извинения за одно упущение, надо же было сперва сапожки надеть,— он присел у ног Залихан.

— Нет, нет, я сама,— Залихан скинула туфли и с некоторым усилием натянула сапожки. Прошлась по комнате.

— Для одного мужчины ты слишком щедрый дар от бога. Век бы глядел не нагляделся! Посмотри-ка на себя в зеркало: царица! — Пугач обнял Залихан за талию и подвел к трюмо. Она глянула на себя, повернулась налево, направо, изогнулась и посмотрела со спины.

— Я, как нарцисс, влюблюсь в себя...

— Какой Нарцисс? Армян какой-то?

— Какой армян? Это цветок...

— Ты и есть цветок! Бутон розы! Ты и без одежды... то есть, в рванье, будешь красива, но женщину все-таки одежда очень преображает. Увидел бы Мурат, снова бы влюбился,— Пугач погладил ее по спине так, словно проводил рукой по крупу лошади.

Залихан еще раз глянула на себя в зеркало и упавшим голосом сказала:

— Да, умеют делать, но... Это все стоит бешеных денег...

— Ничего они не стоят.

— Да уж!

— Считай их моим подарком жене друга... земляка...

Брови Залихан испуганно взлетели.

— Так нельзя. Ты назови цену. Заранее знаю, что я столько денег не прихватила с собой, но...

— Мурат узнает, что я такой мелочный — здороваться перестанет. Подумаешь, тысяча какая-то... Отдашь, когда разбогатеешь...

— Тысяча! Мурат меня из дому выгонит!

— Выгонит — приходи, всегда буду рад предоставить угол. Но что стоит женщине обвести мужа вокруг пальца:

скажешь, что заняла у матери, или отец подкинул своей единственной дочурке... Идем-ка, обмоем твои обновы. Только уж извини, тебе самой придется быть хозяйкой.

Было бы у Залихан на руках столько денег, отдала бы и тут же ушла. Но... И с вещами не хотелось распрощаться, и денег не было. Сказать родителям? С какой совестью? Столько раз уже «одалживала». Что же делать? Придется посидеть в обществе Пугача.

— С Муратом я вижусь довольно часто. Встретил его несколько раз и у красавицы Клары. Они в родстве каком-то? Правильно: родные должны держаться друг друга...

Залихан внимательно посмотрела на Пугача, но у него было совершенно невинное выражение лица. Она ничего не сказала. Открыла холодильник и глазам своим не поверила — чего только там не было! Колбаса разных сортов, икра, масло, сыр, свежие помидоры и огурцы. Не холодильник, а склад дефицитных продуктов.

Пугач вошел в свою привычную роль. Тосты, один красноречивее и замысловатее другого, следовали друг за другом. Пили армянский коньяк. После третьей рюмки Залихан развеселилась. Ну, в самом деле, что для такого человека, как Пугач, тысяча рублей, действительно, пустяк...

Когда она глухой ночью выскользнула из объятий Пугача и оделась, ее кольнули угрызения совести. Она подумала, что ни за что не посмеет показаться на глаза Мурату. Да и как ей в такое время, в таком состоянии идти домой?

Пугач обнял ее.

— Если тебе еще что нужно будет — приходи, не стесняйся...

— Хорошо. Спасибо.

Он отвез ее на своей «Волге». Залихан от матери позвонила Мурату:

— Мы с мамой были у Пугача. Она купила мне пальто, шапку и сапожки. Увидишь — обомлеешь...

Ничего не сказав, Мурат положил трубку.

А утром, когда она пришла домой, спросил:

— В каком магазине ты их купила?

— С ума сошел? При чем тут магазин? Когда это в магазинах такое видел?

— Извини меня, но то, что ты делаешь, по крайней мере, стыдно.

— Что стыдно?

— Бегать по базам.

— А другие не бегают?

— Бегают. Такие же, которые потеряли стыд. Чем вы лучше других врачей, учителей, инженеров? Чем? Умнее ты, красиве, талантливее?

— Тем уж я лучше, что я жена редактора областной газе-

ты! Ты взял меня измором! Ни мама, ни папа не хотели меня выдавать за тебя! Из-за тебя я несчастнейшая из женщин! Чего мне ада еще бояться, когда живу в нем!

— Если ты думаешь, что я с тобой живу в раю, глубоко ошибаешься.

— Ну и проваливай к своей родственнице Кларе! Но и она через неделю тебя выгонит! Тоже мне мужчина, ни там, ни здесь, ни в лесу, ни в постели...

— Что?! — Мурат прижал руки к груди, ему казалось, что сердце сдавили раскаленными клещами. В изнеможении опустился на диван. Залихан уничтожающе глянула на него, фыркнула и пошла будить сына.

По редакции пополз слух:

— Редактору выделили новую квартиру...

— Давно пора...

— Что пора — выгнать?

— Семья всего-навсего из трех человек, по комнате на душу? Вот и ищи справедливость...

— Надо иметь такого тестя,— подытожил Сафарби,— сам бы он и курятника не получил. Тоже мне, мужчина...

— Если бы не Мурат, нашу газету бы вообще перестали читать. Ты забыл, Сафарби, что тираж при нем чуть ли не утроился...— говорил седой, как лунь, худощавый мужчина.— Мурат всего себя отдает работе. И ему, как творческому работнику, полагается отдельная комната.

— Подумаешь, гений какой отыскался! Речь не об этом. Вон Касболат с пятью детьми живет в однокомнатной секции. А ему — отдельную комнату. Кабинет есть, пусть там и творит, сколько влезет.

— Касболат работает без году неделя...

— Ты тоже поднаторел в подхалимаже.

— А ты в злоязычии...

В это самое время Мурат разговаривал по телефону с председателем горисполкома:

— Переделайте, пожалуйста, мой ордер на нашего сотрудника. Я вам как-то говорил о нем. Да, да, Касболат, заведующий отделом. Мало работает? Не беда. Зато детей много. Не можете? Можете, все можете. Амурхан вам велел именно для меня выделить квартиру? Спасибо ему, но я... Бумаги? А-а-а, принесет. Спасибо вам: я же сказал, что вы можете, стоит только очень захотеть. Что? На мою квартиру, в двухкомнатную? Ладно, и так пойдет. Только я пошлю председателя месткома, сам Касболат приболел.

Когда председатель месткома принес два ордера и протянул ему один из них, Мурат сказал:

— Отдашь Касболату.

— Это ваш ордер...

— Это ордер Касболата. И разговор окончен. Скажешь, пусть быстрее выздоравливает, с него причитается хороший баран на новоселье.

— Если он узнает, что вы уступили ему свой, то не возьмет...

— Он не должен узнать. Хотя бы до переселения. Скажешь, я даю ему неделю на кочевье. Все понял?

— Понял,— сказал председатель месткома и почему-то покачал головой.

— Где наша квартира? — Залихан подбоченилась.

— Квартира? Вот. Мы в ней живем!

— Ты мне эти шутки брось. Где та квартира, которую нам выделил горисполком?

— Зали, давай присядем, послушаем друг друга...

— Мне твои высокопарные речи не нужны, я тебя прямо спрашиваю: где наша новая трехкомнатная квартира, которую нам выделил горисполком?

— Ты почему орешь на меня?

— А кто ты такой?

— Я муж твой. Я мужчина. Человек, наконец!

— Ты? Мужчина? Тьфу на тебя,— Залихан плюнула на Мурата.— Дрянь! Тряпка!

30

Залихан все больше кляла свою судьбу. Она даже решила поехать в Москву и поступить в аспирантуру при институте, в котором работал ее бывший сокурсник Хазби. Но мать отрезвила ее:

— Я не верю, что такой парень до сих пор ходит в холостяках. Тебя может постигнуть участь погнавшегося за двумя зайцами. Сиди уж...

Но Залихан не теряла надежды. Она раздобыла адрес Хазби и стала посылать ему душещипательные письма, хотя ни на одно из них не получила ответа. Ее послания обнаружила жена Хазби и, вложив их в объемистый конверт, переслала по адресу редактора республиканской газеты. Мурат недоуменно покрутил в руках пухлый пакет и вскрыл его.

Дочитав все до конца, он как-то успокоился. Его поразила мысль: неужели эти горячие признания писала его жена? Он столько лет с ней живет и ни разу не услышал от нее ни единого ласкового слова, а она, оказывается, вон какая... Когда любят, и слова находятся...

Постучавшись, в кабинет вошла Клара. Она удивилась:

— Ты что, решил писать мемуары? Перебираешь старые письма?

— Да. Так и назову: «Мемуары обманутого мужа». Почитай, если хочешь поучиться нежному слогу.

— Читать чужие письма? Нет уж...

— Читай, читай, я разрешаю. Даже прошу.

Клара вытянула из вороха одно письмо, пробежала глазами:

«...Я обессилела вконец, Хазби, нет уж моих сил и дальше терпеть все, изнывать в тоске по тому, которого я так любила... Я ни на день не забывала тебя, а после той ночи я совершенно потеряла покой.

...Проходит время, а чувство мое к тебе все сильнее, все острее боль. Когда-то мне казалось, что проживу и без тебя, без твоей любви. А сейчас... Я была бы рада подметать те улицы, по которым ты ходишь. И не надо мне другой платы, кроме той, что я буду видеть тебя...

Ты скажешь, у меня есть муж. Есть. Юридически я, действительно, замужем. Бедные женщины, у которых такие мужья. Я не смогла полюбить ни его самого, ни его семью. Он с утра до ночи сидит в своей редакции, разоблачает каких-то очковтирателей, строчит фельетоны. Ни видеть, ни слышать его я уже не могу! Только ради сына и терплю все эти муки. Сама во всем виновата. Вот теперь и казнюсь...»

Клара подняла голову.

— Откуда они у тебя? Как они к тебе попали?

— Наверное, жена того самого Хазби переслала, на конверте женский почерк...

— Ты графолог,— невелесо пошутила Клара.

— Гадко на душе, гадко...

* * *

Уже неделя, как Алан пошел во второй класс. Придя домой на перерыв, Мурат застал сына дома, и они пообедали вместе.

— Папа, а завтра к нана и баппу поедем? Мы уже сколько много времени не ездили к ним.

Алана привлекали не только, как он говорил, старая бабуля и дедуля, но и возможность покататься на машине. А побывать у дедушки на кузне для него было истинным удовольствием. Как и его отец в молодости, он любил наблюдать за работой дедушки.

— Алан, завтра день рождения твоей городской бабушки. Мы все пойдем к ней. А в следующее воскресенье обязательно поедем в село,— Мурат ночью должен был дежурить, поэтому он мог теперь часа два уделить сыну.— А сейчас, если хочешь, пойдем в кинотеатр «Комсомолец» смотреть мультики.

— Хочу, хочу! — мальчик от радости стал подпрыгивать.

Только собрались они уходить, как неожиданно появилась Залихан.

— Это куда вы?

— Смотреть мультики! — радостным голосом ответил мальчик.

— Никаких мультиков! Мы сейчас отправимся к маме. Я даже с работы ушла.

— У бабули завтра день рождения. Завтра и пойдем,— по-взрослому рассудил мальчик.

— Это кто тебе сказал? Сегодня мы должны быть там.

Мальчик с огорченным видом посмотрел на отца.

— А, может, мы сходим в кино, потом он приедет с шофером?

Залихан жестким взглядом уставилась на мужа.

— А сам?

— Я сегодня не могу. Дежурю.

— А вообще что ты можешь? И где твой подарок?

Мурат боялся этого вопроса.

— Ничего еще не нашел.

Залихан уже давно купила своей матери импортный дорогой костюм, но хотела еще и персонального подарка от Мурата, чтобы похвастаться перед людьми. Поэтому еще месяц назад прожужжала ему уши по поводу подарка ко дню рождения своей матери. Причем стоимостью не меньше пятисот рублей.

— Что значит еще? Может быть, собираешься завтра в Беслан на базар съездить? — еле сдерживая себя, спросила Залихан.

— На базар я не поеду, но...

— Не могу, не хочу! А что ты можешь вообще? Марать бумаги? Фельетончики строчить? Бумажная ты душа!

Алан молча слушал отца и мать. Он уже привык к таким разговорам и перестал на них реагировать.

— Раззява ты! Ни на что не способен!

— Ну да, ну да... Поэтому и вспомнила ты свою старую любовь...

— Что? — Залихан вздрогнула. — Ты за мной шпионишь, да? Ты приказал почтовым работникам изымать мою корреспонденцию? Вот почему я не получала... Наглец! Все! Конец моему долготерпению! Я ухожу! Ухожу! — Залихан схватила сына за руку и хлопнула дверью.

На Мурата навалилась вся усталость, скопившаяся за годы их совместной жизни. «Вот она, счастливая семейная жизнь. Моя жизнь... Кому она нужна, кому она в радость? На работе — одни неприятности. Дома — и того хлеще. И дело ведь не в этом подарке. Почему она так возненавидела меня? Просто не любит, не любит и никогда не любила, вот и все...»

* * *

Нелюбимый не ест, а чавкает, не ходит, а топает, говорят в народе. Даже голос Мурата раздражал Залихан, его нежность приводила ее в бешенство. Залихан считала себя лишенной всего того, чем одаривает женщину счастливое замужество. Судьба обошлась с ней жестоко, сведя с этим каменным лбом, бесчувственным мужчиной. Не угадала в Хазби свое счастье, проморгала...

Они учились на одном курсе. Как-то, отмечая свой день рождения, она пригласила своих однокашников домой. Когда гости разошлись, мать присела рядом с дочерью и сказала: «Хазби производит хорошее впечатление. Красивый и умный парень, прилично воспитан. Наверное, сын хороших родителей...»

«Колхозников...» — поправила Залихан с таким видом, будто сообщала о трагедии в семье Хазби.

«Жаль! Он так мне понравился... Куда он едет по распределению?»

«На Север. Говорит, там простор. Свежий воздух...»

«Романтик... Глуп еще по молодости. Скажи ему, если он хочет, пусть поступает в аспирантуру — отец поможет...»

Залихан поговорила с Хазби. Тот наотрез отказался. Зато долго уговаривал ее поехать вместе с ним:

— Здесь и так на каждом шагу врачи, а там нас ждет настоящее дело. И такую свадьбу сыграем!

— Ты глупышка-романтик.. Скатертью дорожка,— сказала Залихан.

Хазби пробыл на Севере несколько лет. Потом поступил в аспирантуру Первого Московского медицинского института. Сразу после защиты приехал в Осетию. Пришел к Залихан на работу.

— Залихан Дзантемировна, там вас спрашивает один молодой интересный,— сказала ей пожилая сестра.

Перед Залихан стоял стройный мужчина с едва тронутыми сединой висками, скромно, но со вкусом одетый.

— Хазби!

— Хазби теперь кандидат медицинских наук. Защитился по перспективной теме. Оставлен сотрудником при институте. Получил квартиру. Москвич...— говорила она вечером матери на кухне. А Хазби сидел в зале, смотрел телевизор.

Мать обозвала дочь дурой, говорила же ей, чтобы не упускала этого парня. Не захотела выйти за сына простых колхозников, предпочла сына академика-кузнеца! Но ничего не сказала Хазби, поздравила его с успехами и накрыла богатый стол.

Дзантемир находился в очередной командировке. Мать и

дочь уговорили Хазби остаться ночевать. Залихан позвонила Мурату и сказала, что она останется у матери.

— Как я завидую тебе, Хазби... Ты добился всего, чего хотел...

— Да, почти... Кроме самого важного...

— Чего?

— Я лишился тебя...

— А я тебя.

— И ты об этом жалеешь?

— Ты еще спрашиваешь?

Он некоторое время посидел в задумчивости, потом спросил:

— Говорят, что Мурат талантливый журналист. И — смелый... Ты не любишь его?

— Видел когда-нибудь, чтобы от любви причитали? Когда ты бросил меня, куда мне было деваться... Они целый год обивали наш порог, кого только не присылали! Я все ждала от тебя вестей, но ты увлекся белыми медведями...

— Залихан, я один во всем виноват, один... Но что теперь...

* * *

Мурат не часто бывал в доме своего тестя. Сегодня он пришел туда по приглашению Дзантемира. Зять и тесть, сидя за большим круглым столом в просторной, богато обставленной гостиной, минут пять говорили о всякой всячине. Потом, как показалось Мурату, Дзантемиру говорить больше было не о чем, и он уставился в развернутую на столе газету, которую читал, очевидно, до его прихода.

В дверь позвонили. Хозяин дома, как юноша, быстро вскочил с места. Слух Мурата уловил голос Солтанбега, старшего сына Камболата, одного из министров республики.

— Посторонним входить можно?

— С каких это пор ты стал в этом доме посторонним? — самым радушным голосом отвечал Дзантемир.

— Как вы тут без меня поживаете?

Чувствовалось, что в доме Дзантемира Солтанбег вовсе не посторонний человек.

— Какое «поживаете»? Ползаем по земле, как дождевые черви,— отвечал Дзантемир, а потом крикнул в сторону кухни:

— Хозяйка! Где ты? Посмотри, кого нам бог послал!

Хозяйка дома быстро вышла навстречу гостю:

— Очаг мой! И правда что посланник бога! — воскликнула она.

Солтанбег передал хозяйке дома небольшую коробку, за-

вернутую в бумагу и вошел впереди Дзантемира в гостиную. С Муратом обрадовались друг другу, как братья, обнялись. С тех пор, как Солтанбег стал министром, он раздался вширь, и движения его стали более спокойными, солидными.

И Мурат, и Солтанбег пришли по просьбе Дзантемира. Но ни тот, ни другой еще не знали истинной причины столь любезного приглашения. Обычно малоразговорчивый хозяин дома не стал даже ждать, когда накроют на стол.

— Прошу прощения, уважаемые Бердзеновы. Говорю с неохотой. Собственно, вы знаете, что я не любитель заниматься разговорами, но человек иногда вынужден бывает выплеснуть накопившееся. — Дзантемир помолчал, потер ладонью широкий лоб. — Солтанбег, я к тебе обращаюсь, как к умному и достойному представителю рода Бердзеновых. Я не пойму, чего хочет и чего добивается твой младший. Мурат, извини за откровенность, но мне кажется, что ты не всегда обдумываешь как следует свои поступки, дела свои. Разговоры твои часто бывают неуместными. Сам ты, видимо, не так считаешь, но...

«Видать, его основательно натравили на меня Залихан и моя блистательная теща»,— подумал Мурат.

— Не пойму, о чем вы.

— Меня нетрудно понять. Человек должен уметь вести себя, считаться с людьми, не делать им неприятностей. Я так думаю.

С некоторых пор управляющий строительным трестом был весьма недоволен своим зятем. И не только потому, что газета, которую он редактировал, ничего похвального не находила в работе треста. За долгие годы руководящей работы Дзантемир усвоил один беспроигрышный метод оценки людей: отношение к ним вышестоящих — членов бюро обкома, заведующих отделами. И те сетования и отрывочные суждения, которые он слышал о Мурате от Бексолтана и даже от Первого, привели его к печальным выводам. Он, естественно, не оставался глухим и к жалобам, которыми его обильно снабжали дочь и жена.

— Ты много чего не понимаешь. Я внимательно слежу за твоими делами, за твоим поведением, в том числе на всякого рода совещаниях и часто прихожу в уныние. Скажи, пожалуйста, чего ради ты все время споришь с Бексолтаном? Как ты смеешь возражать первому секретарю обкома партии? Оба жаловались мне, называют тебя упрямым. Тебе что, больше всех надо? Одного критикуешь, другого поносишь. Руководители колхозов для тебя воры, начальники строительных организаций — обманщики, министр торговли и председатель потребкооперации — жулики. Создается впечатление, что кроме тебя в Осетии порядочного человека нет. Разве это красиво? У тебя же разумные родители. Я нередко вспоминаю, как

отец Солтанбега, Камболат, и твой отец, Татари, эти два скромнейших человека, пришли вот сюда. И когда Камболат мне рассказал о себе и своих сыновьях, я уже, как говорится, пикнуть не посмел. Дал им свое согласие. А теперь ты с дочерью моей каждый день скандалишь. Ты забываешь, что женщина в чужой дом приходит не мучиться, а жить. Ты понимаешь, жить. Тот, кто этого не понимает, того я не могу назвать мужчиной. Как ты поступил с этой квартирой? Первый секретарь обкома собственной рукой выделил вам трехкомнатную, а ты плюнул ему в лицо. Обманул председателя горисполкома и кому-то подарил квартиру. Это что за наглые действия? — разволновавшийся Дзантемир считал, что сказанного вполне достаточно, чтобы поставить на место непутевого зятя.

Мурат подождал, полагая, что тесть еще что-то скажет. Но когда понял, что тот не намерен больше говорить, спросил:

— Мне можно?

— Пожалуйста.

— Вы говорите, что я не умею жить с людьми. Так вот... Жить с людьми я понимаю так: никому не делай зла, там где ты трудишься, отдавай все свои силы общему делу, не обманывай, не воруй, не подхалимничай ни вышестоящим, ни подчиненным. А так... Чтобы свои обязанности выполнять кое-как, создавать видимость деятельного человека, чтобы одной рукой из государственной казны набивать свои карманы, а другой — карманы своих друзей... Раздавать взятки, думать прежде о своем благополучии... Я не из тех, кто людей делит на выгодных и невыгодных...

Солтанбегу показалось, что младший Бердзенов намекает и на него. Поэтому перебил его вопросом:

— И кто, по-твоему, так делает?

— Многие...—Мурат запнулся.—Коверкают людские души.

— Все это неопределенные разговоры, братец мой, несостоятельные. И в политическом плане вредные,— заключил Солтанбег по-министерски.

— Неопределенные, говорите? Придется высказаться более определенно. Заранее прошу прощения. Вы старшие, но вынуждаете меня. Я вовсе не считаю, что все руководители колхозов воры, что все начальники строительных организаций обманщики. А что касается семейных скандалов... Да, уважаемый Дзантемир, ваша дочь каждый день с третьих петухов до позднего вечера только и делает, что скандалит. Требует, чтобы я ездил по базам. То купи ей немецкое пальто, то французские сапожки, то бельгийский ковер, то еще какое-нибудь импортное барахло. Наши ссоры в основном из-за этого. И мать настраивает ее на такой лад.

Солтанбег перебил Мурата:

— Говорить о таких мелочах стыдно. Ты же редактор

республиканской газеты! Член обкома. Сказал бы мне. Привезли бы домой все, что надо.

— Вот не знал, что ты снабжением занимаешься. А я вот таскаться по базам и складам считаю позорным.

Солтанбег почувствовал себя так, будто получил публичную пощечину.

— А ты, оказывается, необузданный. И до предела.

Дзантемир молчал и думал. Да, зятек действительно грубиян. Разве так можно разговаривать со своим старшим? Пусть даже не брат, но он же министр!

У Дзантемира и Солтанбега был такой вид, будто они слушали хулиганскую болтовню разгулявшегося пьянчуги. Мурат даже пожалел их. Но сейчас он был подобен камню, скатившемуся с вершины высокой горы, который остановиться может только там, на дне ущелья.

— Дзантемир, трест, который вы возглавляете, из года в год срывает планы строительства жилья, школ, детских садов. Я уже не говорю о качестве строительных работ — хуже не бывает. А вы все равно считаетесь незаменимым руководителем. Депутат Верховного Совета республики. И все это потому, что вы один из ближайших друзей первого секретаря обкома партии. Вы упомянули Бексолтана. Его я считаю бессовестным, наглым, двуличным. Просто негодяем. Между тем он тоже депутат Верховного Совета. И орденов у него тоже целый хурджин. Я не говорю о делах министерства, который возглавляет мой брат. Доброго мало что можно сказать. Воздерживаюсь говорить и по поводу вашего друга — первого секретаря.— Мурат замолчал.

— Я не думал, что ты такой неумный,— тесть вскочил с места и стал нервно ходить по комнате.— И правильно сделают, если тебя выгонят с работы.

Солтанбег сидел с видом глубоко оскорбленного человека. «Совсем дурак. И как он попал на такую работу. Бедный и душой, и телом».

— Говорите, меня выгонят с работы? Вот этого-то я и не боюсь. В отличие от многих. Отец мой всю жизнь работал кузнецом. И дай бог мне частичку того уважения, которым он пользуется среди людей, да и вам тоже. Говорите, неумный я? Может быть, это и так. Я не спорю. Но я не хочу быть таким умным, как вы. Не хочу.

Солтанбег от злости даже побледнел.

— Ничтожество! А я-то тебя еще человеком считал. Братом даже.

— Действительно, ничтожество. И не думаю, чтобы из тебя получился человек. Хватит и моей дочери мучиться с тобой. Все. Конец...

— Как всегда, вы правы. Я — да... ничтожество... У меня, действительно, ничего нет общего с вами. С вашей дочерью

тоже. Мой брат, и ты того же поля ягодка. Может быть, даже еще хуже, еще опаснее. Прощайте.— Мурат встал и ушел, чтобы больше никогда сюда не приходить.

31

После работы Клара зашла к Мурату.

— А знаешь, у меня радость! Я вчера получила партбилет!

— Поздравляю от души! — Мурат через силу улыбнулся.— И ты хочешь сказать, что приглашаешь меня в гости?

— Угадал! И тебя, и Залихан. Давай, сходим за ней...

— Она у своей матери.

— Тогда...

— Тогда идем к тебе.

Дома Клара показала ему свой партийный билет, словно он мог не поверить ей. Мурат держал в руке ярко-красную книжку. Точно такие же билеты были у Аузби и отца Александра Даута, он есть у его отца Татари, брата Асланбега, у Александра и Мадинат, у него самого... И точно такие же носят у сердца Бексолтан и Пугач, Дзантемир, Солтанбег, Тугар, Меретхан. Под одним и тем же знаменем такие разные люди...

— Я желаю тебе, что ты никогда не запятнала ее.

— Спасибо, Мурат. Не следует давать никаких клятвенных заверений, правильно?

— Правильно, не следует.

Она взяла билет и спрятала в ящик стола. И вдруг невпопад сказала:

— Знаешь, я сегодня столько книг накупила! О художниках, музыкантах, о театре... Словом, по искусству.

— Решила поменять профессию?

— О, нет. Просто стыдно многого не знать. Займусь самообразованием. На старости лет.

— Давай, давай, расширяй кругозор, это никогда не поздно, милая старуха. А я бы хотел научиться понимать серьезную музыку, но...—он вздохнул.—Когда на душе скребут кошки, до музыки ли...

— Как раз музыка и лечит душу.

— Я знаю лучшее средство, более верное...

— Скажи, если не секрет.

— Когда человек кому-то дорог, когда его любят...

— Женщины?

— И женщина тоже. Или, пожалуй, даже в первую очередь,— сказал он и сам смутился от своей чрезмерной откровенности. Ведь она хорошо понимает, кого он сейчас имеет в виду. Пусть понимает. Он и не собирается больше скрывать, что ни с кем, ни с одной женщиной ему не было так спокой-

но, хорошо. И вообще неизвестно, что бы он в отчаянии после всего случившегося предпринял, если б не она. Дойдя до какого-то предела, когда дальше уже невыносимо, он хотел только одного: увидеть ее, как можно скорее. Она не удивилась, ни о чем не стала спрашивать, когда он позвонил.

— Клара, ты не рассердишься, если я задам тебе не совсем скромный вопрос?

— Задавай. Я давно уже привыкла к нескромным вопросам.

— Извини, не буду, если так...

— Раз начал, говори.

— Клара, этот... этот моряк... он когда-нибудь существовал в жизни? — заметив, как она побледнела, он поспешно добавил: — Прости, если я причинил тебе боль. Бестактность моя мужичья,— он дотронулся до ее руки, нерешительно погладил.

— Я отвечу Мурат, отвечу...— Она судорожно вздохнула, как будто ей предстояло падать в пропасть.— Ты прав, не было никакого моряка. И вообще никого не было, кроме тебя,— она испуганно взглянула на него, будто в ожидании приговора.

Мурат подошел к ней, осторожно привлек ее к себе. Она прильнула к нему.

— Спасибо тебе... Клара, моя Клара... Я сейчас счастлив. И молю бога, чтобы это никогда не кончилось.

Она повернула его лицо к себе и несмело поцеловала. Она впервые целовала мужчину. И впервые ее целовал любимый... Почти в сорок... В эту минуту она верила, что никакого Бексолтана не было, был просто долгий дурной сон.

Вопрос, над которым работал Бимболат, был не из легких, и потому ему пришлось глотать архивную пыль не только в Осетии, но и в Москве, Ростове, Тбилиси, в партийных и государственных архивах соседних автономных республик. Не один месяц он просиживал с утра до поздней ночи, вороша тысячи документов. И чем дальше он углублялся в изучение материалов, тем явственней вставала перед ним история партийной организации. Он и не думал, что она так богата событиями, изобилует столькими драмами.

Что-то похожее на угрызения совести испытывал в те минуты Бимболат. Он, историк, не должен быть подвержен эмоциям, его слово — это голос фактов. Не препарированных, а истолкованных с точки зрения творческого учения марксизма-ленинизма. Почему же до сих пор все это пылится в хранилищах, когда им место в живой истории?

По некоторым вопросам Бимболату необходимо было проконсультироваться в обкоме партии. Он просто не имел права

самостоятельно решить вопрос: какую оценку теперь следует давать, например, деятельности Дзамболата в период войны? В годы войны Дзамболата и других его товарищей превозносили до небес, воздавали почести и после: на фоне космического культа каждому очень хотелось иметь хотя бы свой маленький культ. Как же теперь быть? Что делать историку? А как быть с другими первыми секретарями?

Бимболат поделился своими сомнениями с Александром. Тот посоветовал ему обратиться непосредственно к Первому.

Когда в кабинете Первого он застал Бексолтана, ему почему-то подумалось, что Первый призвал его для обеспечения тыла. Первый секретарь вышел из-за стола и, крепко пожав руку Бимболата, пригласил сесть поближе.

— Как вам известно,— начал Бимболат,— мы работаем над историей областной партийной организации. Лично я над своим разделом бьюсь несколько лет. У меня возникли кое-какие вопросы, и я решил проконсультироваться с вами. Пришел, как говорится, за помощью...

— Всегда рады оказать ее,— подвинувшись ближе к столу, сказал Первый тоном человека, готового дать исчерпывающий ответ на любой вопрос, а про себя подумал: «Неужели Александр, его зять, не в состоянии был оказать ему эту самую помощь? Тоже историк. Или нарочно подослал его ко мне?»

— По многочисленным документам, с которыми пришлось мне познакомиться, установил, что со дня организации Северо-Осетинского обкома партии в нем сменилось семнадцать первых секретарей. И ни один из них не ушел по своей воле, по собственному желанию. Все были сняты, а некоторые даже репрессированы. Насколько мне известно, они теперь реабилитированы.

Своим вопросом Бимболат озадачил и Первого, и заведующего отделом. Более того, он их просто смутил. Ни Первый, ни тем более Бексолтан не хотели бы затрагивать этот, как они считали, щекотливый вопрос. «Да и зачем? — думал Бексолтан.— Любой из названных товарищей в освещении историков может оказаться на голову выше нынешнего секретаря, и на их фоне он будет выглядеть бледноватым. А это ему ни к чему. И вообще, чего носиться с репрессированными и реабилитированными?» Но ни тот, ни другой, разумеется, не могли открыто высказать свое мнение.

— Люди, о которых вы говорите, на самом деле безвинно пострадали. Мы их всех восстановили в рядах партии.— Первый о чем-то подумал и добавил: — С прежним стажем.— Он произнес эти слова таким тоном, словно их облагодетельствовали, да еще по его инициативе.

Бимболат никак не отреагировал на слова Первого, и на

некоторое время наступила тягостное молчание. И тогда на помощь Первому пришел заведующий отделом:

— Вы сами должны хорошо понимать, что реабилитированных на щит поднимать тоже не очень удобно. Еще вчера мы их считали врагами народа, а сегодня... Да и, насколько я знаю, нигде этого не делают. Даже в Москве.

— Не понимаю. Разве они не полностью реабилитированы? Почему о них нельзя говорить в полный голос?

— Говорить-то можно, но какая в этом необходимость? Что это дает для истории? — Бексолтан удивлялся, какой непонятливый ученый от истории сидел перед ним. Неужели по тону Первого не понял, что тому не хочется, чтобы бывших поднимали на пьедестал почета? Неужели он страдает недомыслием? Или хитрит? Становятся же учеными знаменитостями тупицы, которые не могут заглянуть в душу своего собеседника, тем более, если этот собеседник первый человек в республике. А он тоже хорош, Первый. Не может сказать более определенно, даже категорично этому ученому, как следует писать.

— А необходимость такая, что надо, наконец, сказать правду о людях, которые так много сделали и были так жестоко наказаны...

«Вот и высказался... Так много сделали...», — подумал Бексолтан.

— В этом еще надо разобраться, кто больше сделал, кто меньше...

— И это можно сделать, Бексолтан Дзарахметович, опираясь на документы, факты. Ну, а что делать с теми, кто в годы войны и после выполнял ответственную работу? Можно, конечно, опустить, так сказать, их имена. Но это значит поступиться исторической правдой. Я имею в виду, например, Дзамболата. Кстати, вот вам список товарищей, о которых идет речь,— Бимболат положил перед секретарем обкома листок бумаги.

Первый пробежал глазами фамилии, задумался, наконец сказал:

— Историю творят массы. И если не указывать отдельных людей, история не пострадает. Не обязательно упоминать Дзамболата, да и остальных тоже. Но я ни в коем случае не навязываю вам своего мнения...

— Вы абсолютно правы в том, что творец истории — это народ, однако никто пока не отменил роли личности в истории, а отменит — сам попадет... в историю. Извините за каламбур. Вы не станете, думаю, это отрицать.

— Стану. Предводителем народа была и есть Коммунистическая партия. А в нашем случае — областная партийная организация, райкомы, первичные группы.

— Согласен. Но партия — не безликая масса. И област-

ную, и районные, и первичные организации кто-нибудь да возглавляет. И порой очень многое зависит от них. Не буду ломиться в открытые двери, но у любой группы людей, называемой коллективом, бывает вожак, командир...

— Вожак и командир не одно и то же,— подал голос Бексолтан.

Последние слова заведующего отделом вконец вывели из себя Бимболата.

— Бексолтан Дзарахметович, у меня нет ни охоты, ни сил спорить с учеными, которые путают историю народа с досужими разговорами кумушек у колодца. — Бимболат бросил на него злой взгляд.— И мои слова — не аксиома, согласен. Только не всех положишь под сукно,— Бимболат кивнул на свой список.

— Тебе первый секретарь дело толкует, а ты все свое гнешь. К чему вспоминать этих списанных в архив лиц? — словно не поняв более чем позрачных намеков Бимболата, сказал Бексолтан.— Разве ты не знаешь, какими работничками слыли Дзамболат и его компания?

— Да, я в курсе дела. Своими ушами не раз слышал ваши панегирики в его адрес. Правда, тогда он сидел еще вот в этом кабинете... Но суть дела не лично в бывших секретарях обкома партии. Историки делают выводы исключительно из объективных фактов, но отнюдь не из мнений отдельных людей.

— Что такое история и с чем ее едят, знают и школьники,— заливаясь от злости краской, проговорил Бексолтан.

Первый нарочно не осаживал Бексолтана — пусть как следует позлит возомнившего о себе труженика науки. И в то же время он не мог допустить, чтобы у Бимболата осталось чувство неудовлетворенности от беседы с ним, поэтому он смягчил тональность разговора:

— Мы вам, дорогой Бимболат, не указываем, а скорее подсказываем, откровенно делимся с вами своим мнением. Сами же сказали, что вы историк, работник науки, вот и выслушайте нас, а там судите, есть ли какое рациональное зерно в наших советах.

— Ясно... Ну, а как быть с личными заслугами тех, которые возглавили областную партийную организацию после Дзамболата?

— Но это же совсем другое дело! — опять не удержался Бексолтан.— Нельзя же в самом деле мешать одно с другим.

Но Первый понял подоплеку вопроса и веско сказал:

— История — это еще и суд. А судьи руководствуются не только буквой и духом... исторической науки, но и собственной совестью. Если кто-то заслуживает доброго слова, то как

ему в этом откажешь? Только не надо всем сестрам по серьгам... Словом, не нам вас учить писать.

Бимболат вышел из обкома со смятенной душой.

32

Ничто не предвещало ссоры с прокурором. Во всяком случае, Клара не думала и не помышляла об этом. Она вообще не была сторонником резких, напряженных разговоров на работе, не любила конфликтные ситуации — все должно делаться спокойно на основе строгого соблюдения законов. Но...

Председатель колхоза «Терек» Степного района был человеком коммуникабельным, мягким в обхождении с людьми, как с подчиненными, так и с вышестоящими. С последними он был даже слишком обходительным. И когда по итогам еще одной «успешно завершенной» пятилетки в республике стали прикидывать, кому на сей раз должны достаться высшие правительственные награды «за выдающиеся достижения в развитии сельскохозяйственного производства», то в числе первых назвали его. В районном комитете партии, где первоначально в узком кругу решался щепетильный вопрос кандидата на золотую Звезду, все показатели для представления к такой награде были, что называется, в ажуре. Не хватало каких-нибудь нескольких сот тонн кукурузы, да еще три или четыре десятка тонн молока, но и этот вопрос легко утрясли. Просто предложили приплюсовать непроизведенные тонны к приходным документам колхозной кладовой и бухгалтерии, а затем кукурузу частями списали на колхозных буренок, благо, они не умеют ни читать, ни жаловаться, а молоко — на маленьких телят и на маленьких ребят из колхозного детсада. Но в народе не зря говорят: «Что знают двое — будут знать все».

Жалоба поступила в прокуратуру. И закружилась, завертелась проверка с помощью ОБХСС, ревизоров и некоторых специалистов сельского хозяйства. Клара занималась этим довольно запутанным делом почти три месяца. Но в конце концов клубочек был размотан, явные приписки с зерном и с надоями выявлены. Прокурор республики был доволен работой Клары и даже похвалил ее, что делал весьма редко.

В принципе прокурор республики, главный блюститель и толкователь законов и всевозможных статей кодексов, был человеком честным, во всяком случае, хотел им быть. Он часто говорил: «Прокурор подчиняется только закону. И только закону». Это звучало весомо и даже торжественно. Но когда надо было действовать от имени Закона, то с прокурором и с иными его подчиненными происходили такие метаморфозы, что Клара начинала сомневаться, в прокуратуре ли она работает или в какой-то артели по собиранию всевозможных

жалоб. А все дело было в том, что в сером здании, что на площади Свободы, сидели более сильные толкователи законов. И часто, даже очень часто, прокурора вызывали в областной комитет партии за тем, чтобы растолковать ему смысл и значение той или иной статьи Уголовного Кодекса. И он бывал вынужден соглашаться с их толкованием, «забыв» при этом все, чему учили его когда-то в специальном учебном заведении профессора, доценты и просто преподаватели без званий и степеней.

По делу председателя колхоза «Терек» прокурор подписал соответствующие документы, и дело должно было пойти в судебные органы. Но первый секретарь Степного райкома партии по тревоге приехал к Первому, и все опять закрутилось-завертелось, теперь уже в обратном направлении.

Пошел прокурор в обком, как говорят у осетин, быком, а вернулся коровой. Случилось это только вчера вечером, и было очевидно, что дело, над которым бились месяцы, станет одним из многих дел, оказавшихся в архиве прокуратуры, где, как говорили очевидцы, завелись не только быстроногие мыши, но и длинноногие крысы.

Прокурор пригласил Клару и попросил очень вежливым тоном внести некоторые коррективы в подготовленные ею документы, смысл которых сводился бы к тому, что не удалось выявить каких-либо приписок и что в действиях председателя колхоза «Терек» не обнаружено состава преступления.

— Я не буду делать этого,—категорически заявила Клара.

— Надо, надо. В интересах дела,— спокойно, но твердо сказал прокурор.

— В интересах какого дела? От этого что, в магазинах будет больше молока, масла или мяса?

— Дело не в этом. Нас просят.

— Во-первых, видимо, не просят, а требуют, во-вторых, если будете меня вынуждать, я напишу в Москву.

Прокурор оказался в более затруднительном положении, чем он предполагал. Его обязали, и он дал слово, что все сделает так, как надо. Но Клара отрезала ему путь к отступлению. Впрочем, последние ее слова у прокурора вызвали скептическую улыбку.

— Напишешь... Ну и что? Пришлют обратно сюда же. В лучшем случае — в обком. А это еще хуже. Для тебя, конечно. Так что не упрямься. Возьми дело и перепиши.

— Свою совесть я переписывать не собираюсь.

— Пожалеешь,— прокурор начал злиться.

— Хуже того, что я испытала, не будет. Двадцать лет ходила с клеймом «дочь врага народа».

— Я вам говорю...

— А я вам говорю, — Клара перебила прокурора. —

И всем очковтирателям, аферистам и их покровителям тоже...

— Вы поосторожнее с... — прокурор прервал себя на полуслове. Он не хотел больше разговаривать с этой своенравной женщиной, которая, по слухам, дошедшим до него, не только является единомышленником строптивого редактора, но и сожительствует с ним.

Поняв настроение прокурора, Клара встала и вышла.

Вечером, прогуливаясь с Муратом на берегу Терека, Клара рассказывала:

— Странные вещи происходят у нас в стране. Положение нашей семьи тебе известно. Мы все выучились, ты это знаешь. И это, конечно, благодаря Советской власти. Власти, которая так жестоко расправилась с нашим отцом. И даже благодаря Сталину, который посадил на голову партии и Советской власти органы государственной безопасности. Когда в 1957 году по моему заявлению рассмотрели дело моего отца и оправдали его, поверишь, у меня и тогда еще оставались сомнения. Я не могла понять, как это из совершенно невиновного человека можно сделать государственного преступника. Только когда мне показали шпаргалки, написанные чьими-то грязными руками, я поняла всю неприглядность, всю мерзость, весь ужас подобных явлений. Я не выдержала, расплакалась. По долгу службы я, казалось бы, должна понимать, как и почему все это делалось. А я ничего не могу понять не только в том, что происходило тогда, но даже в том, что творится сегодня.— И Клара передала ему разговор с прокурором.

— Пренебрежительное, преступное отношение к закону,— вот, на мой взгляд, главный недуг нашего общества. И в прошлом, и в настоящем.— Клара замолчала. Некоторое время шла с опущенной головой, потом вопросительно посмотрела на Мурата. Но он весь ушел в свои мысли. Не один день и не один год он думает обо всем этом, думает, анализирует. Сталин был деспотичным, отступником от ленинских предначертаний. Но Мурат хорошо помнил, какие почести воздавались тому же Сталину всеми, в том числе Хрущевым, на многих съездах партии, особенно на XIX, и когда отмечалось его семидесятилетие. А потом — закрытый доклад Хрущева на XX съезде...

Но всякого рода публикации, высказывания видных государственных деятелей привели Мурата к мысли, что Хрущев сам был участником репрессий, причем не рядовым, и что его отзывы о руководящей деятельности Сталина, особенно на посту Верховного Главнокомандующего, во многих случаях по меньшей мере недобросовестны. Мурат не считал Хрущева мудрым человеком, хотя бы из-за его многочисленных, необдуманных и неудачных экспериментов в вопросах руководст-

ва экономикой страны, культуры, в вопросах международной политики. Мурат считал явной глупостью преждевременную ликвидацию МТС, освоение целинных земель, которое потребовало колоссальных затрат без должной отдачи. Ведь дело не в недостатке пахотных земель, а в низкой культуре земледелия. А денежная реформа? Но с другой стороны, когда при Мурате начинали говорить о необходимости реабилитации Сталина, он каждый раз решительно возражал. Он считал, что о Сталине надо говорить правду: не умалять его действительные заслуги и ни в коем случае не пытаться скрывать его недостатки, преступления, допущенные по его вине и под его руководством.

Проходили годы, сменялись руководящие деятели в республике и в Москве, а уныние и душевная боль Мурата не только не проходили, но даже усиливались. И оснований для этого было больше, чем достаточно. Он внимательно следил за тем, что говорили высокие руководители, о чем докладывали на партийных съездах, на конференциях, на пленумах, на сессиях Верховных органов власти. Все услышанное, все прочитанное он сопоставлял с тем, что было в реальности, и его все больше охватывала неуемная тоска. Очень часто он чувствовал себя одиноким, хотя безмерно ценил понимание и поддержку Александра, Асланбега, Георгия. Но этого было мало. Единственное живое существо, перед которым он мог теперь полностью раскрыть свою душу, которое могло согреть его человеческим теплом, была Клара. Может быть, они так хорошо понимали друг друга потому, что обоим жизнь портила одна и та же сила?

— Понимаешь, Клара, что касается тридцать седьмого года, то, по-моему, все гораздо сложное, чем думают некоторые. Полагаю, что без хорошо скоординированной, управляемой извне, да и изнутри тоже, вражеской работы здесь не обошлось. Рассуждая так, я отнюдь не намерен принижать вину тех, кто стоял во главе партии и государства, в первую очередь Сталина. В то же время я утверждаю, что наша революция всегда имела и до сих пор имеет непримиримых врагов. Всеми доступными средствами они старались и стараются скомпрометировать, ослабить, уничтожить нашу революцию. И раньше, и теперь тоже. Но это, так сказать, сознательные, классовые враги. Но есть еще враги другой категории, другого ранга, что ли. Это те, что творят беззакония сегодня, вроде того председателя колхоза, чьим делом ты занималась. В эту категорию врагов или вредителей я зачисляю всяких Бексолтанов, Пугачей, Тузаров, Тасо и их покровителей. Это не менее опасные враги нашего социалистического строя — Мурат замолчал и посмотрел на Клару, словно хотел сказать: «Ну вот. Это мои выводы, мои суждения. А теперь слушаю тебя».

Клару как юриста больше волновала правовая сторона всего совершившегося и совершающегося. Революция, социализм предполагают законность, революционную законность. Суровую, но справедливую. И тут она находила много уязвимых мест в деятельности Сталина.

Она понимала, что не случись с отцом такое, никогда бы не оставила свою учебу в школе, не пошла бы убирать районную типографию, и не случилось бы с ней той личной трагедии, которая исковеркала ее жизнь.

— Я не утверждаю, что врагов у нас не было и нет. Но если исходить из коренных положений нашей революции, то государство наше должно было быть самым гуманным, самым справедливым. И вот тут-то и Ахиллесова пята Сталина и его окружения. Вот тут-то, на мой взгляд, и зарыта собака. За что пострадал мой отец? Да ни за что. Кто расследовал его «преступление»? Никто. Какой судья, какие присяжные, как они назывались в старину, внимательно выслушали все доводы и совещались по его делу? Какой адвокат защищал его перед судом? Дело Георгия тебе известно. Кто расследовал его «индивидуальную контрреволюционность?»

— И следователем, и прокурором, и адвокатом был по существу один и тот же человек — Бексолтан. И самое смешное, парадоксальное в том, что Бексолтан и ему подобные убеждены в том, что они делали благое дело...

— Неужели ты напуган всевозможными преследованиями, сплетнями и разговорами?

— На этом свете я никого не боюсь. Разве дело во мне? Основы этой жизни закладывали и утверждали люди с чистой душой и с чистой совестью. Сама наша жизнь выросла из почвы, орошенной их кровью. Поэтому я считаю своим долгом защищать людей честных, справедливых.

— Бексолтан, Пугач... Тридцать седьмой год тоже во многом дело рук таких людей. Они подобны айсбергу. Наверху — чуть-чуть, а все остальное — под водой. Ты убежден, что все знаешь о Бексолтане? О Пугаче? Или возьмем того же председателя колхоза «Терек». Кто их всех опекает? И почему? Ради спортивного интереса? Сомневаюсь.

— Какие могут быть сомнения? Бексолтаны, Пугачи, эти председатели и им подобные нужны людям более высокого ранга для достижения своих амбициозных целей. Ты правильно поступила, что не согласилась со своим прокурором. А вообще-то я возьму и распишу этого председателя-жулика. Воевать так воевать!

— Господи,— воскликнула Клара,— неужели так будет всегда? Мне иногда и жить не хочется.

— Иногда... А мне всегда. И вчера и сегодня тоже. Устал я от фальши, обмана, лицемерия. Устал... От круговой поруки больших и малых негодяев...— Мурат почувствовал, что ему

трудно дышать, и убавил шаг, потом остановился. Проклятое сердце. Достал из кармана таблетку. Клара тревожно смотрела в его грустные глаза.

— Сердце? Очень? Где бы тебе присесть?

— Не тревожься. Мой друг нитроглицерин меня опять спас.— Он улыбнулся так, будто просил прощения у Клары за свою слабость.

33

Лето было в разгаре. Уборку пшеницы заканчивали, но с сенокосом дела не клеились. В горах, на склонах холмов косить приходилось вручную, а людей не хватало. Тогда правление колхоза, по предложению Асланбега, решило, что третью часть скошенной травы будут отдавать косарям. Это пришлось по душе многим. Собрались на сенокос даже старики, давно уже не выходившие на работу, и молодые ребята, никогда еще не державшие косу в руках. На помощь пришли рабочие и служащие. Набралось около ста косарей. Определили участки, и засвистели косы. Для бригады косарей колхоз выделил полтонны мяса, тонны две картофеля и столько же хлеба. Реакция первого секретаря райкома партии Тузара была однозначной:

— У вас купеческие замашки. Направо и налево транжирите общественное добро. Сено, мясо, хлеб...

— Во-первых, мы обеспечиваем себя сеном полностью.— отвечал Асланбег.— Во-вторых, сено, полученное косарями, пойдет на корм скоту, который тоже дает молоко и мясо. Не беда, что это не считается колхозным. Зато принадлежит нашим людям. Советским людям.

— Ты мне лекции не читай. Я сам тебе прочитаю любую лекцию. Ты действуешь во вред колхозу и государственным интересам.— Как и Бексолтан, Тузар относился с недоверием к Асланбегу. Ему казалось, что председатель колхоза не уважает и не ценит его. Подозревал Асланбега в разных кознях против себя. Он не хотел ему прощать упрямство и нежелание точно выполнять его указания. Тузар этого вообще никому не позволял. Первый есть первый, и его слово в районе должно быть обязательным для всех. На этом держится порядок в партии и в государстве.

— Вообще делайте так, как вам сказано.— Тузар, правда, никогда не повышал голоса при разговоре.— Надо считаться с мнением райкома партии. Или ты против такой постановки вопроса? — сказав последние слова, он сощурил и без того маленькие глаза и уставился на председателя колхоза.

Тузар не раз решал убрать Асланбега с поста председателя, однако никогда открыто не посмел высказать это. Он ви-

дел, что Асланбег пользуется уважением колхозников. Да и сам Асланбег старался не делать ничего такого, что бы явно противоречило установленным жестким порядкам, хотя это и давалось ему нелегко. На последние слова Тузара предколхоза ответил:

— Я, как говорится, за линию партии. Но и за интересы людей. Наших людей.

— А кто против?

— Думаю, что никто. Что плохого в том, чтобы накосить сена побольше — для колхоза и колхозников.

— Надеюсь, ты понял меня. Теперь главное, почему я тебя пригласил. Я знаю, ты любишь свой район, тебе дорога его честь. Так я понимаю?

— Правильно понимаете,— настороженно ответил Асланбег. Он, собственно, уже догадался, о чем пойдет дальше речь, но сделал вид, что ничего пока не понимает.

— Если это так, то выручай район.

— А что случилось?

Секретарь райкома понимающе ухмыльнулся.

— Вот за это я тебя и уважаю. Ты умеешь отлично притворяться. Это немалое достоинство. Но в разговоре со мной этого никогда не делай. Я же все-таки педагог, а, стало быть, и психолог. А пока гони десять тысяч пудов пшеницы.

— Мы же отчитались перед государством. Об этом я объявил и колхозникам. Пообещал им раздать кое-что.

— Ты всегда торопишься,— поморщился Тузар. Его кругловатое лицо приняло скорбный вид.

Молчал и Асланбег. Подобный разговор с ним в этом кабинете происходит не первый раз. В прошлые годы тоже бывало такое, и это порядком осточертело ему. А главное, неудобно от колхозников. Им тоже нужна пшеница, чтобы у себя дома, как это было испокон века, выпекать хлеб и уалибахи, которых нигде в мире, кроме Осетии, не делают. И кукуруза опять же нужна, чтобы испечь такие чуреки, каких кроме Осетии нигде не встретишь. Да еще сварить осетинское пиво, квас. Зерно нужно и скоту на корм. Одними кукурузными стеблями у коровы молока даже с помощью аллаха не выпросишь. В осетинском доме без молока, без свежего сыра для уалибахов и жизнь не жизнь. Жить в деревне по-городскому пока не получается. И не скоро получится. Но этого не хотят понять люди, облеченные властью.

— Не очень справедливо каждый раз у колхоза забирать последнее зерно потому только, что где-то кто-то не вырастил его в нужном количестве. Одни прохлаждаются, другие за них отдуваются.

Все это Тузар понимал, но ему надо было отчитаться за район, да еще продать сверх плана хотя бы несколько тысяч пудов, как он говорил первому секретарю обкома партии, в

его личный фонд, чтобы тот тоже отчитался перед Москвой.

— Верно ты говоришь. Так и быть, вместо десяти тысяч сдай пять, и мы с тобой в расчете. Будь здоров! — и Тузар протянул Асланбегу руку. Председатель просто вынужден был подать ему руку,— не висеть же, в самом деле, руке первого человека района в воздухе! Но на прощанье все же сказал:

— Пять тысяч не получится. Бог с вами, так и быть, тысячу пудов продадим еще. И то надо посоветоваться с колхозниками.

Тузар опешил: одну тысячу!

— Тогда на бюро райкома...

— Это ваше право. Но мы тоже не совсем бесправные. Не рабы же мы в конце концов,— сказав эти слова, Асланбег вышел из кабинета первого секретаря.

А через три дня на бюро райкома партии Асланбегу объявили выговор за игнорирование указаний райкома. А то, что колхоз полностью выполнил свой план, да еще продал сверх того тысячу пудов, большого значения не имело.

* * *

Еще не доезжая до Тагардона, можно было заметить контуры высоких белокаменных силосных башен вновь выстроенного животноводческого комплекса. И чем ближе, тем внушительнее он выглядел. Огромные помещения для дойного стада, крытые загоны для телят и нетелей, кормоцех, жилое помещение для работников фермы. Но вблизи это все производило впечатление необитаемого дома.

В трех-четырех километрах от этих новостроек, среди полей и сенокосных угодий, на берегу небольшой речушки, находилась старая молочная ферма колхоза «Иристон», где содержалось восемьсот дойных коров и столько же молодняка. Помещения были выстроены давно из самана на каменном фундаменте и накрыты шифером. Но, по представлениям Бексолтана, они уже не отвечали требованиям времени, а главное, ему хотелось именно на видном месте, у трассы, создать не просто ферму, а образцово-показательную ферму на удивление всем проезжающим и особенно для взора высокого руководства. Выбор его пал на колхоз «Иристон» не потому, что он испытывал особые симпатии к этому хозяйству и его председателю Асланбегу Бердзенову, а потому, что более подходящего места для всеобщего обозрения в районе не было.

Когда Бексолтан первый раз заговорил о строительстве нового комплекса, Асланбег, который уже достаточно разбирался, на чем растут мясо и молоко, с предельной ясностью сказал:

— Это дорогостоящее дело не скоро себя оправдает. Нам бы пока навести порядок на существующей ферме. Хозяйство в основном надо развивать не вширь, а вглубь. Надо улучшать породность скота. Уход. Кормление. Тогда и молоко будет, и мясо тоже.

Бексолтан слушал «сопляка», который учил его уму-разуму, учил хозяйствовать, и злился. Он бы с удовольствием гаркнул на него, но ему нужно было решать вопрос, а без председателя, без его поддержки он, естественно, ничего не мог предпринять. Потому он сдержал свой гнев.

— Надо смотреть в будущее. Учитывать перспективу. Создать крепкую материальную основу для развития хозяйства. Сегодня пока государство щедро отпускает средства и так же щедро списывает долги наши. В общем, живем вольготно. А ты знаешь, что будет завтра? Ты знаешь, какой будет в Москве Генсек? Я не знаю. А что, если новый Генеральный начнет считать расход и приход? Фондоотдачу? Перестанет отпускать грехи наши? Тогда как?

Асланбег удивлялся циничной откровенности секретаря райкома партии. Как можно любой ценой стараться обмануть государство? Урвать у него побольше средств, не думая ни о том, чтобы их вернуть, ни о том, чтобы использовать наиболее рационально.

— Я считаю, что пока рановато затевать такое строительство. Накладно будет и для государства, и для колхоза. Невыгодно просто.

— Куцо мыслишь. Завтра будете вспоминать меня добрым словом. Я тут вечно не собираюсь сидеть, а пока могу проталкивать кое-какие дела, надо меня использовать. Другой секретарь может оказаться не столь щедрым. Ты должен понимать и то, что в данном случае я стараюсь не просто для района, а для своего родного колхоза. Ведь что говорят там, в Москве? Года через три-четыре в частных дворах, у колхозников тоже своего скота не останется. Отпадет необходимость, для этого создаются не просто примитивные фермы, а молочные фабрики, способные в избытке обеспечивать все и всех. И еще одно немаловажное соображение. Идею этого комплекса подсказал сам первый секретарь обкома партии. Это говорит о чем-нибудь?

Вопрос о строительстве комплекса обсуждался и на бюро райкома. Члены бюро единодушно поддержали первого секретаря. Однако строили вялыми темпами и много лет. Но так как строило одно из управлений треста, которым руководил Дзантемир, то на него особо не жаловались. Наконец, строительство завершилось, и осталось решить вопрос, ради которого оно было затеяно: поместить скот в эти «хоромы», как их называл Асланбег. Но скота не было, и никто не знал, где его брать. Приобретать тысячу двести коров высокодойной по-

роды было несбыточной мечтой. Долго размышляя над тем, что делать, председатель нашел единственный выход: разместить в новых помещениях скот старой фермы. Но когда на очередной встрече с Тузаром он сказал ему об этом, тот категорически возразил:

— Это похоже на то, как если бы столетнюю старуху облачили в наряд двадцатилетней невесты. Не пойдет. Надо еще посображать и тебе, и мне.

Тем временем выполнение плана по продаже молока и мяса за квартал оказалось на грани срыва. Немного не дотянул до плана и колхоз «Иристон». И председателя опять пригласили на бюро райкома.

Тузар поставил вопрос ребром.

— Почему не выполнили план по мясу?

— Не хватило скота.

— Что, все сдали?

— Нет, не все.

— Тогда в чем дело?

— А дело в том, что оставшийся скот не годится пока для сдачи. Веса еще не набрал.

— И когда наберет? Когда соизволите считаться с интересами государства? Для частников-косарей вы быстро находите мясо.

— Нецелесообразно сдавать рогатый скот весом в двести килограммов. Надо, чтобы вес был хотя бы триста-триста пятьдесят килограммов.

— У осетин в таких случаях говорят: ишак, не подыхай, скоро трава будет.

— Думаю, что государство не заинтересовано пускать под нож некондиционный скот и разорять колхозы.

— Государство заинтересовано накормить народ мясом. А ты думаешь о том, что выгодно колхозу.

— Ни один мало-мальски разумный крестьянин никогда не поставит под нож тощего теленка. Даже тощую курицу. У нас на откорме полсотни бычков, и еще месяца три нужно, чтобы их откормить и сдать полноценными. Об общегодовом плане ведь тоже надо думать. Тузар обратил свой взор на членов бюро:

— Как быть с ним?

— А что с ним делать? Вот подумает, поразмыслит и сделает то, что мы скажем,— отеческим тоном произнес «вечный» председатель райисполкома Майрам.

— Я тоже так думаю. Он же понимает, что к чему. Думаю, сдаст скот,— сказал прокурор района.

Второй секретарь райкома и начальник районного отделения КГБ молчали. Первый потому, что усматривал резон и словах председателя, но не хотел высказывать свое мнение, а

второй потому, что его не особенно грели мясо-молочные разговоры. Они ему надоели.

— Товарищ Бердзенов, члены бюро надеются на тебя. Не подведи. Кстати, я тебе хочу напомнить о комплексе. Ты упорно не хочешь приобретать скот и организовывать новую ферму. Ты хотел бы выполнять планы малым количеством скота. Имей в виду, эта ферма на твоей совести. Мы должны принять к тебе меры и по этому поводу. Вопрос о состоянии животноводства скоро будет обсуждаться на бюро и на пленуме обкома партии.

Все ждали ответа Асланбега.

— Что касается мяса, то оставшуюся задолженность мы покроем через три месяца,— сказал он.— Даже перевыполним план. Если говорить о комплексе, то он на совести тех, кто его планировал, кто его заставил строить. Я его не планировал, я его не хотел строить. Колхоз тоже.

Тузар повернулся к Майраму:

— Слушай, случайно не ты был заказчиком этого комплекса?

— И музыку заказывал и платил все тот же колхоз «Иристон» и его председатель товарищ Бердзенов.

— Я еще раз заявляю: оставшиеся за колхозом три тонны мяса мы сдадим через три месяца. А на новую ферму надо перевести скот со старой, хотя место расположения новой не самое лучшее. Готов довести и количество коров до тысячи двухсот в течение ближайших двух-трех лет, постепенно улучшая породность скота и решая вопрос с кормами. Зачем колхозу две тысячи коров, которые будут давать молока по полторы-две тысячи килограммов? Не лучше ли иметь тысячу, пусть тысячу двести голов, которые бы давали по четыре тысячи килограммов? Экономически это выгоднее и государству, и колхозу.

Понимал ли Тузар, да и другие члены бюро, справедливость слов председателя колхоза? Безусловно, да. Но райком связал себе руки обещанием перед обкомом. А Асланбег об этом не думал. Он не привык к пустословию. Единство слова и дела сидели в нем крепко.

— Это все, что вы можете сказать? — уставился на него Тузар, — А что скажете, если мы вас с работы снимем?

Асланбег без долгих размышлений ответил:

— Председатели избираются и освобождаются на общем собрании колхозников. Впрочем, как вам угодно. Меня это не пугает. Всегда найду, чем заняться. Не бездельник, слава богу.

Тузар хорошо понимал, что колхозники их не поддержат. А потом Мурат, Александр... В подобных случаях Тузар всегда придерживался разумного правила: выходить с почетом из тупика, в который сам же себя загонял. Найти козла отпуще-

ния и отыграться на нем, объявить кому-то выговор и считать, что дело сделано, меры приняты. Зло пресечено, и совесть очищена.

— Есть предложение объявить строгий выговор товарищу Бердзенову за отказ выполнить план продажи мяса государству. Прошу голосовать,— Тузар посмотрел на членов бюро. Они, как один, дружно подняли руки.

— Ладно. Пока вот так. А там еще раз хорошенько подумаем и решим, как быть с ним дальше.

Но те, кто знал Тузара, а присутствующие все его знали, поняли, что означают эти слова.

* * *

Татари вернулся с работы раньше обычного. Что ни говори, а в семьдесят два года нелегко ковать железо. И если бы дело было только в этом... Он с трудом справился с работой, сваривая обыкновенный колесный сбруч. А может быть, это сигнал к тому, что пришла пора прощаться с кузницей? Впрочем, ему об этом давно уже говорят и дети, и Фатимат. Но он никогда не соглашался с ними. «Если я оставлю работу, считайте, что меня уже нет».

Он вышел за ворота и присел на скамейку. На улице никого не было. Люди, видимо, были заняты вечерними делами. В доме напротив старухи не видно. Госама все реже и реже появляется на улице. Живет одна. Володя служит в танковых частях на Украине, частенько приезжает к ней, каждый раз слезно умоляет ее уехать с ним, но она ни в какую. И осталась Госама, можно сказать, на попечении семьи Татари. Каждый день навещают ее Фатимат, и сноха, жена Асланбега. Не нахвалится ею старая Госама...

Да, из сверстников Татари на их улице уже никого не осталось, ушли на вечный покой. Уходит из жизни его поколение, уходит. Разрушается и камень, тем более человек. Но Татари не пугает ни старость, ни смерть. Неизбежное должно случиться рано или поздно. Единственное, о чем он молит бога, это чтобы Фатимат не ушла раньше него и чтобы он не дожил до таких дней, когда сам за собой ухаживать не сможет. Избавь, всевышний, от бездеятельной, беспомощной старости. А так... Все, что положено человеку, он, кажется, делал. Помогал людям своим нехитрым ремеслом кузнеца. Никому не делал зла. И младшие его считаются с людьми. И сами вышли в люди. Не чванливые, не высокомерные. Умеют уважать человека. А это главное в жизни. Только вот у старшего что-то не складывается жизнь... С самого начала чувствовал он недоброе. Кровь, кровь... Какой сам Дзантемир и его хозяйка, такая и дочь. Точное повторение. В дочери Симона его дети души не чают. Только и говорят о ее достоинствах. Красивая.

Татари видел ее на открытии обелиска, а потом на похоронах Аузби. Но кто знает, что лучше, что как обернется? Пусть бог рассудит, как лучше. Асланбег жалуется на свою председательскую судьбу. Лучше, говорит, пастухом пойти, по крайней мере, вечером буду приходить домой вовремя и ночью спать спокойно, и власть Тузара не будет на меня распространяться. И на что все это похоже? Никак не могут наладить свои взаимоотношения. Один обязательно должен ездить на другом. Но, господи, даже лошадь, запряженная в арбу и пущенная из одного села в другое, находит дорогу без понукания. Неужели нельзя без того, чтобы каждую минуту не натягивать вожжи. Так делает только плохой ездовой.

Уже подкрались сумерки, а Татари все еще сидел на лавочке, пока жена Асланбега не позвала его.

— Баппу, нана приглашает на ужин.

— Э-э, кушать вам надо... А мне, старому... Хватит уже.

— Нет, баппу, не хватит. Еще долго придется есть.

— Ну, раз ты приказываешь, то что делать? — старику приятно перебросится даже несколькими словами с любимой снохой. Она заменила старикам двух дочерей, да еще старшую сноху, от которой они ни разу так и не слышали задушевного слова.

Татари встал и направился в дом.

Утром, когда в доме появилась Фуза со своим мужем, Георгием, Татари за завтраком сказал:

— Пока вы меня щедро потчуете, но что будет дальше, даже кабардинский мулла не предскажет.

— А что должно случиться, баппу?

— Надумал записаться в иждивенцы...

— Давно пора,— сказала Фуза.

— Сам отдохнешь, и нам спокойней будет,— поддержал сестру Асланбег.

— Председатель, а председатель,— обратился Татари к сыну,— ты меня в бригаду косарей не возьмешь? Одну-две копны сена не мешало бы заиметь на зиму. Вы бы мне тоже помогли.

— В выходные дни — с удовольствием,— отозвался Георгий.

Асланбег ничего не ответил. Сейчас он думал о старшем брате. Не ладит с обкомом, особенно с Бексолтаном. Зализан, говорят, замуж выходит.

— Отец, надо о Мурате подумать. Сколько будет один жить? Он стесняется говорить с тобой. Ты же однажды пригрозил ему...

Старик вздохнул:

— Грози не грози, чурек сломался. Делайте, как хотите. Если речь идет о дочери Симона... Я не против. Вот так и передай своему старшему.

34

На бюро обкома партии обсуждался вопрос о состоянии развития животноводства в республике. Докладывал министр сельского хозяйства. Докладывал нерадостные итоги, а потому вид у него был не очень бодрый.

— По сравнению с прошлым годом,— говорил он,— поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на три процента. Количество овец и коз сократилось на девять процентов, свиней — выросло на один процент. Надои от каждой коровы составили две тысячи сто килограммов. Таким образом, ни по одному из показателей республика не выполнила свои планы.

Лицом к залу, за длинным столом сидели члены бюро. Первый секретарь обкома обратился к докладчику:

— Товарищ министр, вы нам причины объясните, а цифры мы могли и в статуправлении получить.

Министр знал, что причины отставания сельского хозяйства, и в частности животноводства, известны первому секретарю и всем другим членам бюро. О них не раз говорили. Но он вынужден был еще раз повторить их.

— Причины... Недостаток полноценных кормов, плохой уход, нехватка людей, помещений и многое другое.

— Помещений опять не хватает? — спросил Первый.

— Кое-где,— отвечал министр.— В Степном районе, например, на три тысячи голов крупного рогатого скота.

— А в Тагардонском? — раздался голос Мурата.

— В Тагардонском два вновь выстроенных помещения, одно на восемьсот, а другое на тысячу двести голов стоимостью около четырех миллионов рублей, пока пустуют.

— Как это пустуют?— удивился опять первый секретарь обкома.

— Помещения выстроили, а скота нет.

— А зачем тогда строили?

— Было решение бюро обкома,— отвечал министр.

— Да, но кто-то же готовил проект решения,— не унимался Первый.

— Готовили мы с отделом обкома.

— Вот и отвечайте, почему строили?

— Строили потому, что Бексолтан Дзарахметович, будучи еще первым секретарем райкома партии, обратился лично к вам, и вы дали согласие.

Наступила напряженная пауза.

Первый сощурил глаза, и министр проглотил слова, которые он еще хотел сказать в свое оправдание. Первый молчал. В зале ждали: кто же окажется козлом отпущения? Наконец, повернувшись ко второму секретарю, курировавшему сельское хозяйство, Первый недовольно пробурчал:

— А вы-то куда смотрели, Семен Васильевич?

— Туда же, куда все остальные.

Снова наступила пауза. И в этой тишине ясно прозвучало:

— Безобразие!

Мурат, собственно, и не думал так громко произносить слова осуждения. Как-то помимо воли вырвалось.

И все, как будто позабыв о том, о чем говорили только что, обратили свой взор в его сторону.

— Так в чем, товарищ Бердзенов, вы видете безобразие? В чьих действиях? — спросил первый секретарь.

Мурат встал.

— Газета наша писала об этих фактах. И не раз. Но никто не обратил на это внимания. Из года в год расходуются колоссальные народные средства на строительство дорогостоящих животноводческих помещений, на покупку скота. Колхозы и совхозы республики, все шестьдесят хозяйств, как вам известно, задолжали государству более ста двадцати миллионов рублей. А между тем из-за головотяпства определенных товарищей, ответственных за развитие животноводства, ни поголовье скота не растет, ни продуктивность. Но кто-то же должен наконец за это ответить? Колхозы Тагардонского района задолжали государству более восемнадцати миллионов рублей. А секретаря райкома выдвинули на должность заведующего отделом обкома. У Крылова, помните, щуку судили?.. Все, о чем здесь говорили, это уголовно наказуемое дело. А отвечать, оказывается, некому. Вот это я называю безобразием и, если хотите, преступлением. Вредительством.

— Надо думать над тем, что говоришь,— Первый усмехнулся.— С кем поведешься, от того и наберешься. К чему этот прокурорский язык?

Члены бюро оживились: все почувствовали, что огонь переносится на этого простофилю.

И тут слово попросил Александр.

— У нас укоренилась глубоко порочная практика. Все мы давно знаем об этом и все равно не искореняем ее. Я имею в виду всяческое увиливание от персональной ответственности. Тот, кто конкретно виноват, вместо того, чтобы признать свою вину, начинает искать себе оправдание. Когда мы обсуждали проект строительства животноводческих комплексов, в частности в Тагардонском районе, я возразил. И все вы чуть не набросились на меня, заявив, что секретарю райкома и председателю райисполкома виднее...

— С нас достаточно, что ты такой смелый и признаешь свою вину,— вставил Первый.

— Нет, недостаточно! Не только редактору нужно думать над своими словами, но и первому секретарю обкома партии не мешало бы.

Первый сидел нахмурившись. Он чувствовал, что все смот-

рят на него и ждут. Но он не хотел обострять отношения со своими ближайшими товарищами. От их симпатий и антипатий во многом зависит его судьба.

— За каждое дело у нас кто-нибудь да несет персональную ответственность,— наконец заговорил он.— И они должны отвечать и ответят за свои промахи. Но говорить на бюро языком судебных органов... Некоторые горазды учить уму-разуму других, а дело делать — не языком трепать. Одного теленка труднее добыть, чем писать фельетоны и читать лекции. Министерство сельского хозяйства обязано в кратчайшие сроки исправить положение. Надо снять со всех вновь начатых строек людей и завершить строительство старых объектов. Что касается финансирования, то...— Первый секратарь знал, что у колхозов своих средств нет, тем не менее он жестким тоном заявил: — Обходитесь своими внутренними ресурсами.

* * *

Бексолтан вызвал к себе Сафарби.

— Как идут дела, мой старый друг?

С Сафарби они давно знали друг друга. Одно время вместе трудились на ниве государственной безопасности Северной Осетии. Но высокомерный и самодовольный Сафарби однажды учинил пьяный скандал в ресторане «Интурист» со стрельбой из личного оружия. Дело обошлось без жертв, но ему пришлось расстаться с органами. Друзья помогли устроиться в редакцию газеты.

— Копошимся,— ответил Сафарби.

— В вашей газете, по-моему, букв меньше, чем недостатков,— сказал Бексолтан, и сам же засмеялся своим словам.

— Какой поп, такой приход.

— Если бы не я, то Первый бы давно прогнал его.

— Пора, пора. Он всем надоел.

— Ты помнишь, как он себя нечестно повел, когда зашла речь о секретаре партбюро? Да, тяжело быть у такого в подчинении. А знаешь что? Изложи-ка на бумаге свои мысли о делах редакции. Кто лучше тебя все это знает? Большую услугу бы оказал обкому партии. А если бы к бумаге руку приложили еще двое-трое, тогда... Что и говорить, было бы дело,— Бексолтан выдержал небольшую паузу и, осторожно дотронувшись до руки Сафарби, добавил:

— Считай, что это прямое задание Первого. Только о нашем разговоре — даже самому себе...

— Дело ясное.

Сафарби был воодушевлен. Теперь он покажет этому выскочке. «Вцепился в меня. Не дает развернуться, а то бы в свои пятьдесят пять в заведующих не ходил. Секретарства в партбюро тоже из-за него лишился. Знал, что я ему не дам

своевольничать. Без конца пристает: почему без диплома, почему книг не читаю. А что, говорит, написали Гоголь и Щедрин? Какой, говорит, по-твоему, человек Иудушка? А другой раз спрашивает: кто написал «Смерть царя Иоана Федоровича»? Я, говорю, царей мы давно уничтожили, и они мне не нужны ни живыми, ни мертвыми. Брось, говорит, пить араку и меньше сиди за шахматами. Ну, не дурак? Языком, говорит, плохо владеешь. Пусть бы посостязался в красноречии со мной за столом! Работай, говорит, с авторами. А что я им, нянька, что ли? У нас и до него был редактор. Все, бывало, сделает как надо, и делу конец. А этот... Книжки читай, газеты, журналы... Ходи в кино, в театр. А жить когда? Эх, сидел бы я еще в органах. Но и теперь я еще способен кое на что...»

Через неделю Сафарби принес в обком жалобу на четырнадцати страницах с двумя подписями. Вопрос о работе редакции был внесен в план работы бюро.

Мурат не догадывался о замыслах Бексолтана, взял отпуск и уехал в горы. А Бексолтан создал комиссию во главе с Меретхан, теперь уже заведующей сектором печати обкома, и началась проверка.

Из отпуска Мурат вернулся за неделю раньше срока. Встретив Сафарби в коридоре редакции, вежливо поздоровался:

— Добрый день, Сафарби!

— Здоров! — мимоходом бросил тот.

Недоброе предчувствие кольнуло сердце Мурата. Он прошел к себе в кабинет, вызвал заместителей и ответственного секретаря, расспросил их о людях, о делах в редакции, попросил подготовить необходимые материалы к очередной планерке. Когда все вышли, первый заместитель закрыл дверь на замок и вернулся к столу. Мурат с улыбкой смотрел на него.

— Ты похож на заговорщика.

Тот согласно кивнул головой и, собравшись духом, сказал:

— Машинистка под большим секретом рассказала мне, что Сафарби накатал на тебя жалобу в четырнадцать страниц. Приходила Меретхан и предупредила всех, чтобы тебя не беспокоили, пусть, мол, отдыхает себе. Одним словом, вопрос о работе редакции готовится на бюро обкома партии...

— Почему же ты нарушаешь наказ заботливой Меретхан?

— Видел гадюк, но такой... Ну что это, что? Времена Берии вернулись? Опять охота на ведьм?

— Нам нечего бояться. И терять, собственно, нечего.

Заместитель недоверчиво покосился на Мурата: что это,— выдержка или ему на самом деле все равно?

Оставшись один, Мурат задумался о своих взаимоотношениях с Бексолтаном и вообще с обкомом. Он знал: в

своей неприязни к нему, к редактору, Бексолтан был не одинок. Он был убежден: заведующий отделом обкома действует с благословления Первого. Он мешает им, слишком неудобный, упрямый... И... прямой. Им нужен более покладистый, более послушный редактор, который бы без конца расписывал мнимые достижения республики... Надо бросить все к чертям собачьим и уехать в Тагардон! Пойдет хоть воспитателем в детский сад! В селе Георгий, Асланбег, родители, сестры... Дорогие его сердцу люди. А Клара? Если он ей нужен, она поедет за ним. Сию же минуту надо писать заявление. Сколько можно терпеть эти интриги!

Мурат придвинул к себе чистый лист и размашисто, продавливая бумагу, вывел: «Первому секретарю Северо-Осетинского обкома партии...

В связи с плохим состоянием здоровья прошу освободить меня от занимаемой должности.

М. Бердзенов».

Написав это, Мурат опять ушел в свои мысли. Вспомнил погибшего старшего брата, сыновей Аузби, арест Георгия, многое другое... Ему стало до слез обидно. За что все эти муки, за что?

— Нет, это трусость! — будто обращаясь к кому-то, произнес громко, взял свое заявление и изорвал на мелкие кусочки.— Не дам я возможности порадоваться Бексолтану и еще кое-кому...

* * *

Они сидели друг против друга. Один — первый человек в республике, к тому же такой, который высоко ценил себя, верил в силу своего ума и на которого молились, как на бога. Другой — с уставшим видом, словно он был в великом долгу перед тем, другим, не мог расплатиться с ним и пришел объяснить свое тяжкое положение.

Долго размышлял Мурат над этим своим шагом. «Идти-не идти, говорить-не говорить? Чувствую, в результате разговора будут опять одни неприятности...» И тем не менее он не мог не говорить.

Первый секретарь не торопился начинать разговор, с сосредоточенным видом просматривал какие-то бумаги. Мурат вспомнил свой разговор с работником тагардонской районной газеты. Он, оказывается, написал в ЦК КПСС о фактах обмана и очковтирательства, совершаемых в районе с благословения первого секретаря райкома партии Тузара. Жалобу из Москвы прислали в обком партии, а оттуда — в Тагардон и теперь работнику газеты в районе жить не дают.

Наконец, первый секретарь отодвинул бумаги, лежавшие

перед ним, и, посмотрев на Мурата взглядом, в котором отчетливо читалось: «Какая холера тебя принесла?», сказал:

— Слушаю тебя.

— Можно говорить откровенно?

— Пожалуйста, если есть что-то важное и новое.

— Не знаю, новые или старые мои мысли, но я их выскажу. На собраниях, на совещаниях мы часто говорили правильные вещи, а делаем вот так,— Мурат руками сделал движение, какое обычно делает рыба, ускользающая из рук рыболова.— Как только кто-нибудь заикнется, упрекнет нас в чем, так мы тут же на него набрасываем намордник. И споры мои с Бексолтаном, с Меретхан и им подобными тоже по этому поводу.

— Это неопределенный разговор...

— Определеннее все должны бы знать в обкоме партии...

— Я не понимаю вас. Что вам нужно? — глаза Первого зло сверкнули, а густые брови сошлись на переносице.

— Ну, хорошо...— и Мурат подробно передал весь разговор, который произошел у него с работником районной газеты, поведал и о проделках председателя колхоза «Терек». Привел еще много других неблаговидных фактов из жизни предприятий, колхозов и совхозов.

— Скажите, пожалуйста, как этот бездельник, аферист, разоритель колхоза стал Героем, да еще недавно избран депутатом Верховного Совета? Почему подрываете авторитет партии и Советской власти? Или почему жалобу на Тузара направили ему же самому? Это как называется?

Насупив брови, Первый пробурчал:

— Мы тоже кое-что соображаем. Не камешки собираем.— Секретарь не мог даже подумать, чтобы в руководимом им обкоме допускали какие-то серьезные ошибки.

— Я не знаю, что вы тут собираете... Я говорю о том, что к безобразиям, к обману, ко лжи в республике относятся терпимо. Больше того, вы сами сознательно или несознательно способствуете процветанию всеобщей лжи,— энергично заговорил Мурат.— Ни один очковтиратель, ни один жулик еще не получал по заслугам. Я знаю, Тузар первым в районе стал с помощью Бексолтана. Думаю, что и у этого жуликоватого председателя колхоза «Терек» тоже есть свои покровители. Полагаю, что не бескорыстные. Если бы подобных фактов было один-два, то бог с ними! Можно было бы о них не говорить. Но их много. Очень много. Я уже говорил вам. Что вы уцепились за Бексолтана? Разве только из-за того, что он вам угодничает? Разве вы не знаете о его мерзких делах в органах НКГБ? Мне известен только один факт. Отважного солдата Отечественной войны, студента пединститута Георгия Шерпилова ни за что сослал в Сибирь. За одно это он заслуживает изгнания из рядов партии и тюремного заключения. А вам

известно, какой он участник Отечественной войны? Да никакой. Во время войны он пребывал на севере Урала, издевался над политзаключенными. А он у вас тоже депутат Верховного органа власти.

Первый секретарь сидел с пасмурным лицом. «Ошибся я, ошибся в выборе редактора. Давно его надо было убрать».

— По-моему, вы необъективны. Бексолтан энергичный работник. И о вас он никогда ничего дурного не говорил.— Амурхан помолчал, потом вдруг каким-то другим, непривычно усталым голосом произнес: — Расплодились жалобщики, писаки. Голова от них ходит кругом.

— А толку от этих жалоб... Вы их и не читаете. Для этого есть Бексолтан и ему подобные. А они знают, что с ними делать... Это говорит о том, что руководитель исчерпал свой лимит...

— Ну и ну! — Воскликнул Первый.— Несчастный вы человек.

— Это я знаю. Откровенные люди чаще всего бывают несчастными. Скажите, чем объяснить, что по сплетням вашего шашлычника Пугача, его покровителя Бексолтана и не состоявшегося чекиста Сафарби меня без конца третируют? А теперь готовят вопрос на бюро. Почему вы никогда не подняли свой голос в мою защиту? В защиту газеты? Ведь вы не можете не знать, что я честен и перед партией, и перед обкомом, и перед вами тоже. Да, да. Перед вами. Почему вы не поддерживаете критические выступления газеты?

— То, что вопрос о работе редакции готовят на бюро, это в порядке вещей. Мы многих заслушиваем. Так что из этого факта вы делаете неправильные выводы.

— Выводы-то я делаю правильные. Я понимаю и то, что надо лучше работать. И не только нам, но и промышленным предприятиям, строительным организациям, колхозам... Ведь положение там такое, что хуже трудно представить. Но нас ориентируют на то, чтобы газета все это изображала розовыми красками. Расхваливала бы вас всех за героический труд, за счастливую жизнь людей. В общем, чтобы на страницах газеты были одни аплодисменты. Нет! Этого я не делал никогда. Впрочем, извиняюсь, кое-когда делал по недоразумению и под нажимом. Но отныне я больше не собираюсь делать этого. И вы поймите меня: я пришел сюда не для того, чтобы попросить вас снять мой вопрос с повестки дня. Я пришел, чтобы один на один сказать вам то, что не совсем удобно говорить при всем народе. Может быть, я опять ошибаюсь. Но пока вы во главе областной партийной организации, мы обязаны думать и о вашем авторитете. Ибо это авторитет и всей партийной организации. Когда вас избирали, вы говорили хорошие слова. Обещали быть вместе с народом и с партийной организацией. Но вы не сдержали свое слово.

Лицо Первого стало пунцовым. Он бесцельно переставлял с места на место бумаги, которые лежали перед ним. И только через некоторое время произнес с трудом:

— Что еще скажете? Мне некогда. У меня дела.

— Скажу. Я думаю, что было бы очень хорошо, если бы первый человек меньше заботился, меньше пекся о своем сегодняшнем и завтрашнем дне. И не только он, но и другие ответственные работники тоже. Хорошо стремиться вперед и выше. Но только **не для того, чтобы любой ценой** на всю жизнь закрепиться на посту, который вам доверили. Не надо бояться покинуть высокое кресло. Ведь известно, что многие на путь обмана, даже преступлений становятся лишь для того, чтобы удержаться. Некоторые ради этого занимаются лизоблюдством, втирают очки и вам, и другим,— Мурату стало казаться, что вот-вот оборвется его дыхание. Ему было трудно говорить. Да он уже и не хотел продолжать разговор. По реакции человека, к совести которого он взывал, понял, что ровным счетом ничего не добьется.

35

Уже который раз женский голос просил позвать Мисурат. Ей отвечали, что она на уроке. Но женщина никак не могла угомониться, говорила, что Мисурат нужна по очень срочному и важному делу. Пришлось вызывать ее с урока...

— Я слушаю...

— Это Мисурат?

— Да.

— Жена Бексолтана Дзарахметовича?

— Да, да, это я...

— А Клара кем ему приходится тогда?

— Какая Клара?

— От которой у него сын.

Смертельная бледность покрыла лицо Мисурат.

— Что, умер кто? — подскочили к ней.

— Нет, нет...

— Алло! Ты слушай, слушай, не затыкай уши, хватит того, что у тебя глаза закрыты.

Мисурат обреченно сказала:

— Да, да, слушаю...

— Ты и Меретхан не знаешь? С которой он по крымам да по сочам разъезжает...

— Сама-то ты кто такая? И чем он тебя обидел?

— Ничем. Просто детей ваших, да и тебя жалко. Но теперь знай, с кем живешь, и не гляди свысока.

Мисурат растерянно посмотрела на коллег, горестно улыбнулась и, с трудом поднявшись, молча вышла из учительской.

Кое-как довела уроки, и ноги сами понесли ее в прокуратуру. Ей показали кабинет Клары. Та удивилась, увидев ее.

— Мисурат? Ты? Проходи, проходи! Что с тобой, на тебе лица нет...

Мисурат упала в кресло, вздохнула.

— Ох... И плакать нет сил...

— Что с тобой, наконец?

— Клара, закрой двери. Разговор у нас долгий и...

Женщины проговорили, забыв обо всем на свете, часа три. Клара исповедалась перед Мисурат, ничего не утаила.

Мисурат вернулась домой намного позже обычного. Бексолтан, против ожидания, обошелся с ней мягко, шутливо бросил:

— Где ты до сих пор задержалась? Я звонил в школу, и мне сказали, что...

— Туда звонили и до тебя. И просветили меня насчет мужа.

Бексолтан вскинул голову:

— Что?!

— То самое... Неотразимый, сказали, он у тебя, несколько жен имеет. Да еще каких! Неописуемой красоты Клара, неописуемой бессовестности Меретхан!

— Ты, ты, с кем снюхалась?

Мисурат озверела. Кошкой бросилась на мужа и вцепилась ногтями в его лицо, потом стала хлестать обеими руками.

— Кобель! Кобель Дзарахмета!

* * *

...Мисурат лежала с закрытыми глазами.

— Почему не спишь?..— ласково спросил Бексолтан.

— Не сплю... А тебе что?

— Я понимаю, тебе нехорошо.

— Хоть со скалы бросайся...

— Мисурат! Мы же семья, а в семье без недоразумений не бывает. Какая-то сволочь наклепала на меня, а ты поверила побасенкам...

— Хороши побасенки, от которых на свет появляются сыновья,— она открыла глаза и с ненавистью посмотрела на него.— Ты изломал судьбу и Кларе.

— Клара! Клара! Проклятая бабенка! Мужчине не подобает делиться такими историями, но если на то пошло, то слушай... Я был молод, молод, понимаешь? Кровь дурная играла...

— Она у тебя и сейчас, кажется, не вошла в берега старости.

— Да слушай, не перебивай... Если хочешь знать, она сама на меня вешалась. И тогда была не по годам зрелой, с

глазами потаскухи. Придет, бывало, в кабинет и, как бы ненароком то бедром меня заденет, то прудью коснется, а глаза бесовские, улыбаются, так и зовут. Но я бы, может, и не позволил себе связываться с уборщицей вшивой, но Мурат... Да, да, твой Мурат, прикидывающийся святошей! Он предложил пари, мол, давай, поспорим, кто из нас двоих вскружит ей голову. А когда увидел, что он остается с носом, полез с кулаками — я и слегка саданул его в челюсть. Вот с тех пор и держит на меня камень за пазухой. Потом ты... Клара! Клара! О, она еще та... Я предлагал ей пойти к врачу, но она ни в какую: женись и все! И, может, женился бы, но отец и мать...

Мисурат слушала горячую речь мужа, и ее стал точить червь сомнения. А вдруг он прав? С кем не бывает? Клара и сейчас не очень-то заботится о своей чести, сколько раз она заставала у нее то Пугача, то Мурата... И в юности была ягодкой, просящейся в рот. Не дряхлым же стариком, в самом деле, был Бек, чтобы... Но пари? Чтобы Мурат заключил такое пари? Что-то не верится...

— Ты клевещешь... на Мурата.

— Кто клевещет? И кто на кого?

— Ты! На Мурата! А, может, и на Клару.

— Не веришь? Ты не веришь мне, своему мужу, отцу своих детей?

— Какой из тебя отец? — усмехнулась она.— Оставь, прошу тебя, нас. Уходи к своей пышнотелой Меретхан, к твари этой.

Бексолтан опустился на коврик, уткнулся головой в грудь Мисурат и зашептал с притворными слезами в голосе:

— Нет, ты, ты! Только ты есть у меня! Одна! Единственная. И никого мне не надо больше. Я чистосердечно признаюсь, да, я улетал с Меретхан, с этой подстилкой! В Крым. Но я всего лишь летел с ней вместе. А там, знаешь, кто ее ждал? Ни за что не угадаешь. Наш Первый, вот кто. Ты даже поверить не можешь, потому что ты чиста и думаешь, что все такие же ангелочки.

Мисурат застонала, слабо оттолкнула его:

— Душно... придавил совсем. Дай мне воды.

Бексолтан вскочил.

Утром он не уходил на работу до тех пор, пока Мисурат не заверила его, что она никого не будет слушать, что она верит только ему, ему одному.

Придя на работу, Бексолтан вызвал к себе Меретхан и на всякий случай предупредил ее, чтобы она тонко, как это умеют делать такие умницы, как она, подтвердила его росскази, если вдруг Мисурат взбредет в голову проверить его версию. Меретхан так и покатилась со смеху.

* * *

Под вечер у них появился Пугач.

— Великодушно прости меня, Мисурат. Столько дел, столько колес, в которых надо крутиться, как белке проклятой, умереть захочешь, времени не найдешь.

— Не умирай, Харитон, не то и мы помрем с голоду!

— Хорошо сказано. Но тебя я даже из когтей холеры вырву. Да и Бексолтан так изменился, никогда бы не подумал, что он настолько заботливый и внимательный. Ты извини, я съестного ничего не прихватил, но зато... Мисурат, закрой глаза,— Пугач щелкнул замком портфеля.

Рассмеявшись, Мисурат ладошкой прикрыла глаза.

— Теперь можешь смотреть.

Мисурат открыла глаза, и лицо ее просияло: красивые австрийские туфли на высоком каблуке, несколько комбинашек, платье...

— Все импортное, без обмана,— сказал Пугач.— Бексолтан так ухаживает за тобой, словно снова хочется жениться на тебе...

— Не знаю, как и благодарить тебя, Харитон.

— Тебе нравится — вот твоя лучшая благодарность. Харитон добро не забывает...

...По Военно-Грузинской дороге к городу на полной скорости приближался автобус «ПАЗ». За рулем сидел Дзабо, шофер Пугача. У Первого Реданта автобус остановили два сотрудника госавтоинспекции.

— Счастливой дороги! — козырнув, сказал один из них.— Но надо убавить скорость, чтобы она была счастливой, а вы летите, как на пожар.

— Шестьдесят давал, не больше...

— Все девяносто. Ладно. Что везете?

— Товар...

— Что за товар?

Дзабо протянул инспектору счет-фактуру.

— Пойдемте, покажите,— предложил другой. Вернувшись через несколько минут, доложил первому:

— Кажется, ничего лишнего.

Тот вернул бумагу.

— Езжайте...

Прибыли на базу, Дзабо поспешил к Пугачу и рассказал о подозрительной возне инспекторов ГАИ.

— Ага... Пока один осматривал салон, другой скопировал фактуру. Быстрее к Цараю, директору магазина.

Через два дня в кабинет Пугача вошли двое в гражданском. Предъявив удостоверения, спросили:

— Два дня назад на базу из Еревана был доставлен товар?

— Это не вопрос. Два дня назад из Еревана пришло три машины. Какой вас товар интересует?

— Обувь. Женские сапожки.

— Так бы и сказали. Что вас интересует?

— В какие магазины был направлен товар?

— Айн момент,— Пугач нажал на кнопку.

В кабинет заглянула смазливая секретарша с озорными глазами.

— Быстро фактуру и накладные на импортную обувь, которую мы привезли позавчера из Еревана.

Прошло две недели, когда Пугач в большой тревоге появился на квартире Бексолтана. Они прошли в маленькую комнату.

— На твоем лбу написана тревога. Что случилось, Пугач?

— Чует мое сердце недоброе. Керосина запах слышу. Подкапываются под Царая. Клара вонзила в него свои красивые ногти. И у меня побывали из ОБХСС. Но документация у меня — комар носа не подточит.

— А тебя вызывала Клара?

— Сам к ней пришел. Встретила, словно мужа, с которым давно порвала...

— Не смог ты ее ублажить. Учил, учил тебя...

— Да все делал, но она ни в какую! Даже три куска с половиной дал.

— И она взяла? — встрепенулся Бексолтан.

— Взяла и сдала в сберкассу на мое имя. Мне бы вообще не мешало сменить место пребывания. Хорошо бы замом председателя потребсоюза. Говорят, его провожают на пенсию.

— Тут, Пугач, ты вполне можешь рассчитывать на меня. Мало ты добра сделал этому председателю? Я завтра же потолкую с ним.— Впрочем, это была показная бравада. Бексолтан сейчас не хотел бы ходатайствовать за Пугача. Опять эта Клара. А где Клара, там и Мурат, Александр.

— Да, но...

— Насчет козней прокурорши тоже смелее. Как-нибудь дай понять тому же председателю, что в случае чего нить потянется и к нему. Я тоже предприму все возможное. Надо будет, попрошу и самого Первого. А если что... Пожертвуем Цараем. Документы у тебя в порядке. А за свои промашки пусть он сам расхлебывается.

Пугач приободрился. Он верил в Бексолтана, верил, что тот никогда не оставит его одного. Достав из кармана объемистую пачку денег, положил на стол:

— Бексолтан, здесь несколько копеек. Могут понадобиться в интересах дела...

— Ты о чем, Пугач? Ради тебя я и отцовский дом спущу с молотка,— сказав это, поспешно выдвинул ящик стола и столкнул в него пачку.

— Пусть будут у тебя, так сохраннее. И еще...— Пугач хотел сказать, что он уже убрал подальше пятьдесят тысяч, золота приблизительно на такую же сумму, что оформил свою «Волгу» на дядю со стороны матери... Но вовремя удержался. Зато ошарашил своего покровителя неожиданным вопросом.

— Скажи, пожалуйста, как ты относишься к дочери Дзантемира?

Бексолтан моментально понял, о чем речь, но все же ответил неопределенно:

— Как человека... Немножко знаю. Как женщину — увы!

— В последнем сам разобрался. На уровне мировых стандартов.

— Ай да молодец! Умная ты башка! Стало быть, дочь Дзантемира наша. Считай, что ты одним выстрелом уложил десяток зайцев.— Бексолтан посерьезнел.— Только воздержись пока обнародовать. Хотя бы месяц. Не более.

* * *

Когда Клара, открыв дверь, увидела на пороге двух незнакомых женщин, она смешалась. Старшая из них, лет пятидесяти пяти, приветливо улыбнулась и, широко раскинув руки, обняла Клару.

— Вижу, не помнишь.. До войны чуть ли не каждый день бывала у вас. Мы с твоим отцом соплеменники. Я Федора, вспомни...

Как ни напрягала Клара память, увы...

— Маленькая была... Входите, пожалуйста.

Впереди прошла Федора, за ней другая, полная молодая женщина лет двадцати восьми. Она держала в одной руке узелок с пирогами, в другой хозяйственную сумку. И тут Федора увидела Мурата.

— О, у тебя гость!—она внимательно вгляделась в него.— Если мне не изменяет память, это Мурат, старший сын Татари. Самый-то старший, царство ему небесное, не вернулся с фронта...

— Да, это я, здравствуйте...

— Какими судьбами ты здесь? — удивилась Федора, но, поняв нетактичность своего вопроса, извиняюще улыбнулась.— Хотя... Земляки же! Надо, надо навещать друг друга, поддерживать. Мы вот близкие родственники с Кларой... А это моя дочь Зина, живет здесь, в городе. Давно мне следовало навестить Клару,— сиротами, бедные, выросли дети у Анисы. Сильная она, как мужчина все выдюжила... — Федора развязала узелок.—Вот три пирога, курица... Зина, давай свои бутылки.— Дочь достала из сумки бутылку коньяка и шампанское, какой-то сверток. Федора развернула его.— А это тебе, Клара, на платье.

— Спасибо вам. Зачем все это...

— Теперь мы узнали дорогу, будем навещать чаще. Ты тоже приходи в гости. Мурат, и тебе не грех заглянуть в дом моей дочери...

Федоре было неприятно, что она встретила в доме Клары чужого, и за многословьем скрывала свое недовольство. Как же теперь поговорить наедине? Надо хоть на кухне уединиться.

— Зина, радость моя, ты что молчишь? Пригласи в гости и Клару, и Мурата. Поговори с Муратом, а мы с Кларой подогреем пироги — пусть Мурат тоже попробует наш хлеб...

— Вы садитесь, Федора, я сама управлюсь.

— Нет, нет, уж помогу.

Клара каким-то чутьем поняла, что этих женщин к ней привело отнюдь не родственное чувство: ишь, как умело она уводит ее для разговора. Клара посмотрела на Мурата. Тот улыбнулся, тоже все понял.

— Федора, я понимаю, что у вас ко мне дело. Не стесняйтесь Мурата, он свой человек...

— Дело-то не очень большое... Главное, мы хотели тебя навестить, пожелать всех благ на новом месте,— Федора сняла платок. — Клара, свет моих глаз... Мурат тоже свой, правильно ты сказала. Вот Зина, моя дочурка, выскочила замуж за торгового работника. Я говорила ей, что торговля — работа нервная. Нет, не послушалась меня... Муж ее директор магазина. Цараем звать. Додолаев. Я сегодня пришла к ним и говорю дочери, пойдем, говорю, со мной, навестим Клару. На днях встретила Анису, и она дала мне твой адрес. Дочь так обрадовалась, что ты наша родственница. На Царая написали какую-то жалобу, и Зина сказала, что делом занимаешься ты... Пусть она сама расскажет, я могу напутать...

Зина задвигалась на стуле.

— Кругом одни злопыхатели, завистники. Вот и настрочили. Привезли в магазин триста пар сапожек. В тот же день разошлись. Чеки есть. Естественно, не всем покупателям досталось... И написали, что через магазин продали всего тридцать пар. Остальные будто бы получили спекулянты. Это такая клевета, такая. Чеки же есть, чеки...

Клара спокойно смотрела в глаза молодой женщине, но ту, казалось, ничем нельзя было смутить. Жестикулировала так, словно демонстрировала золотые с бриллиантами кольца чуть ли не на всех пальцах. «Хоть сняла б их, когда шла ко мне. Зажралась, потеряла всякий стыд...»

— Есть документы, что все сапожки получены магазином. И проданы магазином. Чеки имеются. В чем же виноват Царай? — Зина всхлипнула.

— Вот видишь, Клара? Всю ночь так проплакала,— Федора забыла, что приехала из села только сегодня.— Все в

твоих руках, Клара. Ты помоги восстановить справедливость. Я была и у Бексолтана, его мать Фаризат моя родная тетя. Он сказал, что ты, Клара, все можешь сделать сама, а, если, говорит, она не поможет, то он скажет самому первому секретарю обкома. Жена его приходится племянницей моему мужу. Я и сама могу пойти к нему, но неудобно беспокоить такого большого человека из-за мелочи...

— Я при всем желании ничем не могу вам помочь. Дело находится у прокурора республики.

— Это ты подготовила документы на него? — взвилась Зина.

— Я написала только то, что было.

— Я не понимаю тебя, Клара,— Федора тоже поднялась.

— Ой, мама, не видишь, что она просто издевается над нами, эта гулящая прокурорша!

— А ну прикуси язык! — прикрикнул на нее Мурат.

— А ты кто такой? Что ты здесь делаешь?

Клара сохраняла полное спокойствие.

— Подожди, Мурат. Это же мои родственники, я обязана дать им хоть какой-то совет... Пугач оформил свою машину на дядю... Не последовать ли вам его примеру, а, Зина? Ты на всякий случай сними свои бриллианты. А подношения свои заберите. Какие могут быть взятки между родственниками?.. Так недолго и самих привлечь!

— Тьфу, бессовестная! Тьфу, бесстыжая!—Федора и дочь, подхватив свои гостинцы, чуть ли не бегом выбежали из комнаты. Мурат и Клара переглянулись.

— Извини, что не дала тебе попробовать горячего пирога...

— Я прощаю тебя. Но отныне ты сама мне будешь печь. Хорошо?

Она молча кивнула.

36

Отчет Мурата о работе редакции длился минут пятнадцать. Под конец сказал:

— Газета могла бы быть более боевой, лучше, если бы, во-первых, я и мои заместители уделяли больше внимание работе с авторами, контролировали ход выполнения наших планов. Во-вторых, если бы по нашим острым критическим материалам принимались меры областным комитетом партии, горкомом, райкомами, советскими органами.

— Вы хотите, чтобы за вас работали другие? — бросил реплику Первый.

— Нет. Мы хотим, чтобы каждый работал за себя, и чтобы на наши выступления реагировали.— Ответив Первому, Мурат продолжил: — Коллектив редакции работоспособный. У нас много талантливых людей. Конечно, есть и откровенно

слабые журналисты, но в общем-то мое мнение такое, что плохих коллективов не бывает. Бывает неумелое руководство, непринципиальное. Мы приложим все силы...

Первый, слушая Мурата, вспоминал беседу с ним. Назвать бы его дураком, но на такого не похож. Самокритичен, однако... Каким местом он думал, когда в течение полутора часов морочил мне голову? Нет, наверное, не все у него дома... Наивен, в то же время не без претензий. Остается только одно: снять с работы.

Затем выступила Меретхан. Недостатки, о которых она собиралась говорить, в основном уже отметил Мурат, тем самым выбив у нее из рук оружие. Даже Первый вынужден был прервать ее:

— Докладчик говорил об этом. Если у вас есть что-то новое...

Новое было только то, что скорее походило на сплетню — взаимоотношения Мурата с женой и с Кларой. После некоторого замешательства Меретхан продолжила:

— Микроклимат в редакции не благоприятствует успешной творческой работе. В обком партии поступила коллективная жалоба от сотрудников редакции о неправильных методах руководства. Мурат Татариевич проявляет грубость. Не вникает в материалы перед отправкой в типографию, иначе чем объяснить, что газета выходит с явными политическими ошибками. Например, месяц назад в одной статье было напечатано: «Обком Северо-Осетинской партии». Правда, тогда он был в отпуске, но...— Меретхан высоко подняла голову, оглядела всех, словно убеждаясь, готовы ли члены бюро вынести то, что сейчас обрушится на их головы.— Мурат компрометирует и себя, и звание коммуниста, и обком партии, связавшись с некоей Озоевой, следователем прокуратуры республики. Свою жену и сына выгнал из дому...

— Позор! — раздался чей-то возмущенный голос.

— ...и сейчас они живут у ее родителей, — продолжала Меретхан. — Тут вина и Бексолтана Дзарахметовича, потому что он не уделяет достаточного внимания работе редакции и смотрит сквозь пальцы на аморальное поведение редактора. Газета только чернит дела в республике, дискредитирует министров, секретарей райкомов партии...

— Почему мы до сих пор на бюро не обсудили вопрос о работе редакции? — спросил один из членов бюро.

— Больше того,— продолжала содокладчица,— на квартире следователя Озоевой часто собираются аполитичные люди и ведут антисоветские разговоры. На одном таком сборище плохо отзывались о колхозном строе, призывали вернуть землю кулакам, иначе, якобы, Советская власть никогда не сможет накормить народ. На этом сборище присутствовал и Мурат Татариевич...

Мурат сидел спокойно, слушал и, как ни странно, ничему не удивлялся. Он и не ожидал от помощницы Бексолтана услышать что-то толковое. Ничего нового. Обман, ложь, дезинформация — к этому уже привыкли. Фанфары, лакировка. В экономике, культуре, идеологии. Стоит ли удивляться интригам, которые развели вокруг его персоны?

Меретхан некоторое время подождала еще, не зададут ли ей вопросы, а затем заняла свое место. Бексолтан вскинул руку. Амурхан кивком головы дал ему разрешение.

— Газета, по образному выражению Ленина, коллективный агитатор, пропагандист и организатор масс. Можем ли мы считать таковой газету, которую возглавляет товарищ Бердзенов? Не можем! Газете не хватает эмоциональной силы,— Бексолтану недавно в какой-то газете попалось на глаза это выражение и он с удовольствием повторил его.— Именно эмоциональной силы! Газета не замечает выдающиеся успехи республики. Все это говорит о политической незрелости редактора. Содокладчица правильно указала, что и на мне лежит вина. Да. Хотя лично я не раз указывал редактору на грубейшие ошибки. Если у человека в семье разлад, то... Жена его — дочь всеми уважаемых родителей. Она, говорят, была недовольна из-за тесной квартиры. Понять ее можно. Первый секретарь обкома вошел в их положение и сам выделил редактору трехкомнатную квартиру. И что же вы думаете? Редактор в нарушение всех законов, обманув горисполком и лично первого секретаря обкома, уступил ее другому. Видите ли, такой широкий жест за счет государства...

Первый саркастически усмехнулся. О том, что Мурат ни у кого не просил квартиры, он не вспомнил.

— Вам не кажется странным выражение на страницах газеты: «Члены правительства республики?» — говорил Бексолтан.— Не хватало еще написать «правители»...

— А что, у нас нет правительства? — не удержался Мурат.

— Нет. У нас руководство! Не в этом дело, а в том, что в редакции нет здоровой творческой атмосферы. Редактор часто дает то свой фельетон, то рассказ. А теперь, говорят, он пьесу какую-то сочиняет. Но это же безобразие! Мы бы тоже писали, но у нас нет времени. Конечно, не мое дело копаться в чужих карманах, но злоупотреблять служебным положением и загребать гонорары... Да, Мурат Татариевич, я знаю, что ты хочешь везде успеть. Но я беспокоюсь и за твое здоровье...

— Сомневаюсь, чтобы после твоего выступления у Бердзенова прибавилось здоровья,— насмешливо воскликнул Александр.

Многие из присутствующих засмеялись, но, увидев, как

недовольно поморщился Первый, поспешно напустили на себя серьезность.

Теперь встал Александр.

— Мне думается, что газета оперативно освещает ход социалистического соревнования, выступает с материалами о передовом опыте, дает очерки — портреты новаторов, передовиков производства. Не обходит молчанием недостатки, которых хватает в наших колхозах, на строительстве, в промышленности. Призывает к борьбе с бесхозяйственностью, обманом, очковтирательством. И никому, тем более журналисту, не возбраняется в год писать пару фельетонов и рассказов и получать за них гонорар. А правительство, Бексолтан Дзарахметович, у нас все-таки есть. И Конституция тоже. Меня удивляет информация о каких-то сборищах на квартире Озоевой. Мурат Татариевич рассказывал мне, что какой-то заезжий литератор пришел к Озоевой с ее близким родственником, художником, и болтал всякую чепуху в современном духе, и Мурат просто посмеялся над ним. А приводить за это литератора в милицию или привлекать к ответственности, думаю, несерьезно. Я также отметаю искаженные факты, можно сказать, сплетни, о семейной жизни Бердзенова. Вопрос гораздо сложнее и принципиальнее и лучше его не касаться...

Бексолтан, как затравленный зверь, озирался на Первого. Тот сидел с опущенной головой. Александр опять перепутал ему карты. Выступление в защиту Мурата Первый рассматривал и как выпад против себя,—у них не иначе, как сговор. Наконец Первый раздраженно произнес:

— Лучшего адвоката трудно сыскать.

— Еще раз утверждаю: отношение к редактору и к газете, к той большой работе, которую она ведет, это — принципиальный вопрос. А мы хотим свести его к частностям. К сплетням.

Первый был в затруднительном положении. В проекте постановления планировалось освобождение Бердзенова от занимаемой должности. И хотя Александр написал на проекте «не согласен», Первый рассчитывал на факты, которыми снабдили его самого и которых было предостаточно и в проекте постановления, и в справке, подготовленной Меретхан. Но теперь Первый заколебался. Во-первых, слишком яростно защищал редактора Александр, во-вторых, он не был убежден, что Бердзенов с его, как он считал, скверным характером не попросит еще раз слова и не расскажет о том, о чем рассказывал ему с глазу на глаз. А это все было бы не в пользу Первого. А если дать слово еще и членам бюро, то некоторые обязательно переусердствуют, и это тоже спровоцирует нежелательные разговоры. Для его освобождения еще подвернется подходящий момент. Поэтому Первый счел разумным не давать больше никому слова, а высказаться са-

мому и внести нежелательную, но в сложившейся ситуации необходимую поправку в проект постановления. Этим он продемонстрирует и гуманизм, терпеливое, мудрое отношение к кадрам, к людям вообще...

— Тут правильно говорили. Трудно сказать, чего больше бывает в газете: букв или недостатков.— Эти последние слова он позаимствовал из справки Меретхан.— Газета и ее редактор действительно не хотят замечать героического труда рабочих, колхозников, коммунистов. Это говорит о политической близорукости редактора... В проекте постановления указаны пути улучшения работы редакции газеты. Я уже не хочу говорить об этом. В проекте также рекомендовано освободить товарища Бердзенова от занимаемой должности. Но мое мнение такое: не будем принимать крайние меры, можно пока объявить ему выговор за...

Мурат следил за ходом мысли Амурхана и понимал намерения Бексолтана, да и самого Первого. Но когда Первый стал перечислять его провинности, в Мурате опять закипела злость. Он хотел сказать, что не надо делать ему одолжений и что он никогда не поступится своими убеждениями, взглядами, но Александр, понимая состояние Мурата, предупреждающим жестом остановил его...

* * *

Утверждают, что человек — единственное разумное существо не только на нашей планете, но, возможно, и во всей вселенной. А раз так, то все совершаемое им большей частью объявляется разумным, необходимым. Особенно если человек наделен властью. Как правило, облеченные властью всегда клянутся служить верой и правдой тем, кто наделил их полномочиями, и начинают действовать усердно, сообразно обстоятельствам и потребностям общества. Но на каком-то этапе они как бы раздваиваются: служа обществу, они забывают людей, в результате чего в конечном счете приходят в противоречие с этим самым обществом. Обманывая всех и оказавшись в тупике, избранник народа поневоле начинает играть роль того вора из произведения Коста Хетагурова, который воровал у самого себя.

Для того, чтобы объявить, что все обещанное выполнено, что сделан еще один могучий рывок к благоденствию народа, руководители республики приводили для доказательства придуманые цифры. И если эти цифры у кого-то вызывали сомнения, то на многочисленных собраниях, совещаниях, заседаниях его начинали убеждать, что раз партия сказала, то так оно и есть. Под словом партия подразумевался аппарат райкома, обкома и Центрального Комитета.

И слуги народа периодически устраивали что-то вроде фей-

ерверка в честь новых выдающихся успехов, чтобы в глазах народа поднять еще на одну ступеньку свой авторитет и доказать ему, что им управляют самым превосходным образом. Эти принципы и правила настолько укрепились, что люди привыкли к ним, как к чему-то такому, без чего немыслима жизнь вообще.

...Зрительный зал драматического театра был украшен в торжественном стиле, и люди, собравшиеся здесь, тоже имели торжественный вид. На груди у многих поблескивали ордена и медали.

Зал уже был полон, и все стали поглядывать на часы, с нетерпением ожидая, когда из-за кулис появятся те, которым положено появиться. Наконец в глубине сцены зашевелилась тяжелая портьера, и показались первый секретарь обкома и высокий гость из Москвы, тот самый дорогой и многоуважаемый министр, который был так неподдельно счастлив на берегу речушки Тагардон в компании первого секретаря. Бексолтана, Тузара, Майрама, Пугача и даже Дзарахмета. Но, как говорят у осетин, рука, умеющая отдавать, получает обратно больше.

На первых рядах громко зааплодировали, как если бы на сцену вышли два выдающихся артиста, и примеру этому последовали все другие присутствовавшие в зале. Первый человек в республике и высокий гость из Москвы поднятием рук, как это делают мастера сценического искусства, приветствовали в свою очередь сидевших в зале. То же самое, но более скромно и сдержанно, сделали некоторые из тех, кто появился потом. Когда никем не избранные, но оказавшиеся на сцене люди заняли свои места в президиуме, первый секретарь поднялся и объявил, что в республику прибыл большой друг Осетии, член правительства Союза ССР и сам же первый зааплодировал своему сообщению.

Когда утихли аплодисменты, слово было предоставлено министру, и опять раздались дружные аплодисменты, и высокий гость вышел к трибуне и, оглядев всех собравшихся, произнес солидно и торжественно:

— Дорогие и многоуважаемые товарищи и друзья! Я с великой радостью выполняю свою высокую миссию передать вам, присутствующим здесь, в этом зале, и в вашем лице всем трудящимся вашей прекрасной и цветущей республики сердечные приветствия и пожелания новых успехов, доброго здоровья и личного счастья от Генерального секретаря ЦК нашей партии, дорогого и любимого всеми нами...

Последние слова потонули в долго не смолкавших аплодисментах. Все встали, и здесь тоже, как и подобает, пример подал первый человек в республике...

Следующие слова высокого гостя были о том, что ему доставляет огромную радость вручить республике за большие ус-

пехи в развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры Знамя Центрального Комитета партии, Совета Министров СССР...

Затем высокий гость вручил знамя в руки Первому и опять говорил о чудесах трудового героизма, проявляемого рабочими и колхозниками у заводских станков, на полях и животноводческих фермах...— И все это совершается,— говорил он, — под умным руководством областной партийной организации и его первого секретаря...

И в зале **опять вспыхнули горячие** аплодисменты...

С высокой трибуны было объявлено, что уважаемый член Правительства Союза ССР самолично вручит часть высоких правительственных наград, то есть, ордена Ленина и Трудового Красного Знамени и что остальные награды будут вручены потом. Среди тех, кому союзный министр под аплодисменты пожал руку, были первый секретарь обкома, некоторые министры и секретари райкомов партии, в их числе Тузар и Бексолтан...

Ответную речь держал сам Первый, который не пожалел самых высоких и красивых слов, заранее изложенных на бумаге, чтобы выразить искренние чувства великой радости и признательности осетинского народа, всех трудящихся республики Генеральному секретарю Центрального Комитета нашей партии, выдающемуся продолжателю дела Ленина...

Первый секретарь чувствовал себя как полководец, только что завершивший разгром врага и теперь обращавшийся со словами благодарности к солдатам и офицерам возглавляемой им армии. Он был бесконечно счастлив, что сам Генеральный передал чувства искреннего уважения и удовлетворения огромными успехами республики... Это помимо всего прочего означало, что повышается его авторитет в глазах всех присутствующих в зале, в глазах всех, кто за происходящим наблюдает по телевизору, слушает по радио, кто обо всем этом будет читать в газетах. Он был убежден, что все жители республики испытывают такие же чувства, и что если кто-то в чем-то и нуждается, кому-то чего-то недостает, то это временные недостатки и неудобства, и любой человек в Осетии легко преодолеет их во имя светлого будущего, во имя торжества высоких идеалов коммунизма на нашей прекрасной земле.

Слова благодарности родной партии, Советскому правительству, лично дорогому Генеральному секретарю, произнесли еще многие и почти все просили союзного министра передать Центральному Комитету, что трудящиеся Осетии будут так же самоотверженно трудиться во имя еще более светлого будущего... И все выступающие в этот момент действительно были полны желания отдать все свои силы претворению в жизнь великих предначертаний Коммунистической партии. И мало у кого могли возникнуть сомнения

в искренности всего того, что говорилось в этот торжественный момент в этом прекрасном зале.

* * *

Прошло уже два месяца, как Мурат попал в больницу с инфарктом миокарда. Состояние его постепенно улучшалось, но ходил он еще осторожно, как старик.

Мурат вышел прогуляться по больничному двору, захватив с собой свежие газеты. По аллеям расхаживали больные в грязно-серой больничной одежде.

Он прошел в глубь двора, к зеленоватой выцветшей скамейке. Ему нравился этот тихий, заброшенный уголок. Мурат сидел и наблюдал за неторопливыми шмелями, круживишими вокруг него, как будто им доставляло удовольствие общество Мурата.

Он нехотя развернул газету, снова окунаясь в то тревожно-гнетущее состояние, которое не покидало его последние месяцы. «Что там нового, в жизни?» — усмехнулся он. Первая полоса республиканской газеты пестрела огромными, торжественно выстроившимися буквами: «Вручение высокой награды...»

Терпеливо дочитав описание церемонии награждения республики, Мурат спокойно перевернул страницу и привычно пошарил глазами по другой. Обычная фальшиво-приподнятая тональность рапортов о трудовых достижениях и обязательный придаток к ним — цифры, цифры... Где-то в уголочке мелькнуло знакомое имя, и Мурат вчитался внимательней: «...Заместителем председателя правления Севоспотребсоюза избран Харитон Степанович Габазов...»

Мурат покачал головой и отложил газету. Откинувшись на спинку скамейки, он посмотрел на островок лютиков в окружении цветущих кустов полыни. Лютики ярко желтели, словно там была рассыпана горсть золотых пуговиц, так что глаза сами поворачивались к ним.

Сорвавшись с веточки полыни, бархатным комочком в лакированный ковшик лютика свалился шмель. Мурату стало по-детски любопытно, что же с ним случилось. Перевернувшись, шмель пополз с лепестка на лепесток. Было что-то бессмысленное в этом безостановочном движении по кругу. Неужели, подумал Мурат, он отравился ядовитым духом полыни? Раздался легкий сухой треск, и Мурат поискал взглядом кузнечиков. Где-то в траве миниатюрные кузнецы упорно ковали свою несложную мелодию. И их не смущало ни то, что уже от земли поднимается свежий сухой холод, ни то, что у них нет слушателей, что, может быть, вообще никому, кроме них самих, не нужны эти серые однообразные нотки.

Хотя почему не нужны? Ведь зеленая трава не должна быть безмолвной. Ей положено иметь этих крохотных музыкантов. Вопреки тому, что ее топчут, скашивают, забрасывают мусором, поселившийся в ней незаметный народец кузнецов дает знать, что жива зелень, и жива эта мелодическая правда крохотных мастеровых, без которых и трава, и даже солнце были бы мертвы. Но что же — Мурат вспомнил о шмеле и повернул взгляд к нему — что же случилось с ним? Шмель все так же барахтался в золоте лепестков. Точно,— отравился. Попробовал ядовитого нектара, или надышался опасными испарениями. Но не это имело значения. Куда важнее была совершенная им ошибка. То ли инстинкт подвел, то ли другая беда приключилась... Ножки шмеля уже только скользили по лепестку, а его прозрачные крылья, предназначенные для полета, были мертвенно неподвижны.

Мурат смотрел на шмеля и — не сочувствовал, только раздражался. И от этого в груди просыпалась позабытая в последнее время боль. Она все уверенней терзала мышцы сердца, и даже все тело, будто сердце гнало по жилам вместе с кровью мелкие осколки стекла...

АХСАРБЕК ТАТАРКАНОВИЧ АГУЗАРОВ

СЫН КУЗНЕЦА

Роман в двух книгах

Редактор *Д. Т. Калоева*
Художник *Т. Г. Тхапсаева*
Художественный редактор *В. А. Биджелов*
Технический редактор *А. В. Ядыкина*
Корректор *Б. А. Толпарова*

ИБ № 1711

Сдано в набор 17.07.89. Подписано к печати 11.12.89. ЕИ 00336. Формат бумаги 60x90$^1/_{16}$. Бум. тип. № 2. Гарн. шрифта школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 28. Усл. кр.-отт. 28,25. Учетно-изд. листов 30,94. Тираж 20 000 экз. Заказ № 323. Цена 2 руб. 10 коп.

Издательство «Ир» Государственного комитета Северо-Осетинской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 362040, г. Орджоникидзе, проспект Мира, 25.

Книжная типография Государственного комитета Северо-Осетинской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 362011, г. Орджоникидзе, ул. Тельмана, 16.

2 р. 10 к.

ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1989